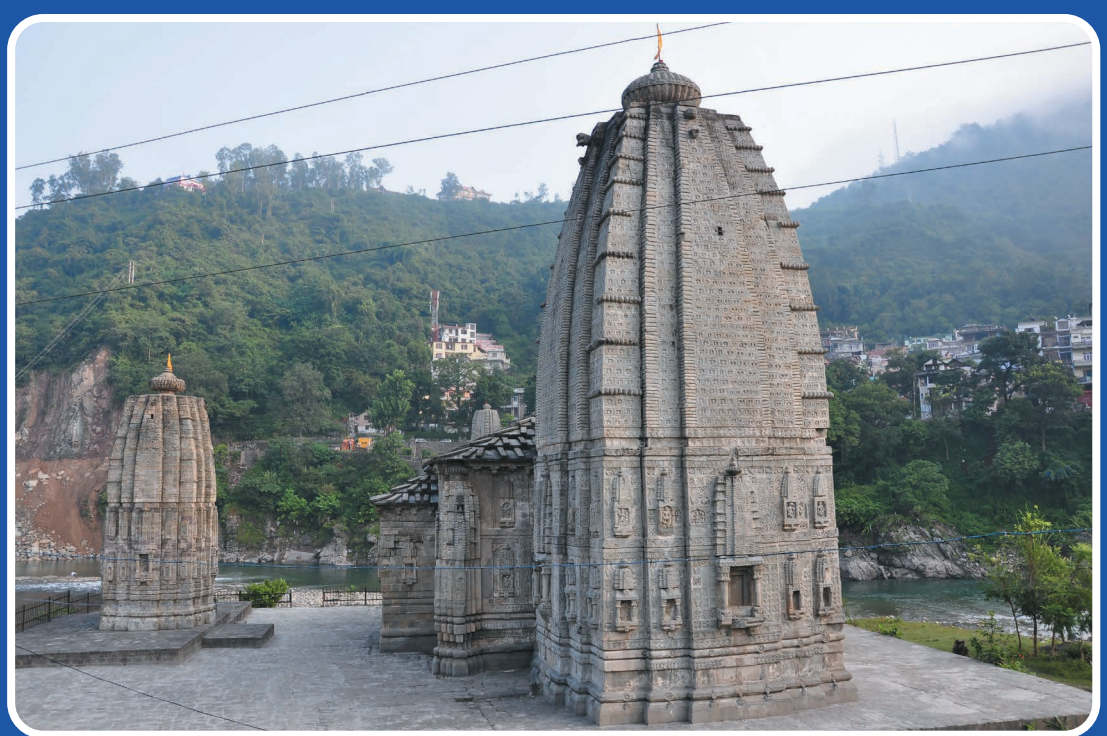
2026 № 4

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН



4(38)
2026

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2026

4 (38)

Журнал выходит четыре раза в год
Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302 *Периодическое издание*

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4

Рецензируемый научный академический журнал

Учреждён Учёным советом Института востоковедения Российской академии наук
Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. Ю. Другов
Д. В. Дубровская
А. О. Захаров
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
С. Е. Малых
Д. В. Микульский
Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
В. В. Наумкин
К. В. Орлова
Н. Г. Романова
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Т. Л. Шаумян

На обложке: Храм пятиликого Шивы Панчвактра, ок. VII в., Манди, Гималаи, Индия. Фото И. П. Челышевой

© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несёт ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL

of the

Institute of Oriental Studies RAS

2026

4 (38)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302 *Peer-reviewed academic journal*

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov
A. K. Alikberov
V. M. Alpatov
S. E. Babkin
A. G. Belova
V. Y. Belokrenitsky
S. A. Burlak
A. V. Vorontsov
A. V. Demchenko
A. Y. Drugov
D. V. Dubrovskaya
A. O. Zakharov
T. A. Karasova
E. L. Katasonova
A. I. Kobzev
V.A. Kuznetsov
Y. V. Lyubimov
N. M. Mamedova
S. E. Malykh
D. V. Mikulskiy
D. V. Mosyakov
V. N. Nastich
V. V. Naumkin
K. V. Orlova
N. G. Romanova
A. V. Sarabyev
V. N. Sautov
T. L. Shaumian

On the cover: Panchvaktra, the Temple of Shiva`s Five Avatars, around VIIth century, Himalayas, India. Photo by Irina Chelysheva

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2026

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Abhijeet Singh. The Genesis of State in India: Political Understanding and Evolution. Part I 10

М. М. Игнатова. К вопросу о происхождении этнонима «сарыг-уйгуры» 22

Л. И. Цвижба. Турецкий фактор в российско-абхазских отношениях XIX в. 33

И. П. Челышева. Симла: индийская «маленькая Англия» и британская политика в северо-западных гималайских регионах (XIX – начало XX в.). Часть I 43

И. П. Лебедева. История японских париев буракумин 61

Д. Д. Романчев. Первые шаги правительства Мэйдзи по упрочению своей власти в начальный период гражданской войны Босин (1868–1869) в Японии 78

И. Ю. Авдаков. Значение японских железнодорожных компаний для развития внутреннего туризма 95

И. Е. Федорова. Начальный этап американо-иранских отношений 100

Р. Ш. Харунов, М. М.-Б. Харунова. Соблюдение конспирации при обучении иностранных граждан в коммунистических университетах Советской России (1920–1930 гг.) 107

Н. И. Матвеева. Репатриация японских военнопленных и гражданских лиц с территории Северной Кореи (1946–1948) 119

ДИСКУССИЯ

В. В. Макаренко. Субстанциальный дуализм Востока и Запада: фундаментальные причины их противоположности 131

СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

В. Я. Белокреницкий. Циклы и ритмы политико-экономической эволюции Пакистана 151

М. С. Каменева. Иранское культурное наследие и его роль в политическом дискурсе страны 163

М. Ю. Ульянова. Роль Демократической лиги Китая в системе многопартийного сотрудничества и государственного управления КНР в современный период 171

С. Л. Рабей. Атомное законодательство Индии: эволюция и революция 188

М. А. Федотов. Демографические аспекты реформы высшего образования и науки в Республике Армения 197

В. Ю. Андрюхин, Ф. И. Аржаев. Молодежный бугор в Республике Таджикистан: оценка по данным переписей 2010 и 2020 годов в разрезе городского и сельского населения 208

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

С. Е. Малых. Древнеегипетские «ритуальные шахты» и проблема их идентификации в Восточной Гизе 231

С.-Х. Д. Сыртыпова, У. П. Бичелдей. Буддийский грот на горе Суме-Бели в Туве. Часть I 247

А. М. Дзахкиева. Мечети в структуре башенных комплексов горной Ингушетии (XVIII–XIX вв.): архитектурные особенности 261

Л. Р. Зарипова. Язык как маркер этнической идентичности и консолидации племени корку (Центральная Индия) 266

А. Г. Белова. Функциональная стратификация фонетического состава арабского языка и вопрос о структуре консонантного корня 278

Чжан Тинтин, Д. Г. Зубко. К вопросу о культурной интерпретации при переводе танской поэзии на русский язык: три перевода стихотворения Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» 287

Л. А. Васильева. Южноазиатские писатели-эмигранты в России 304

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О. Е. Евсеенко. Водный фактор в Центральной Азии и Афганистане: вызовы региональной безопасности 317

Н. Н. Миклухо-Маклай мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа–Новой Гвинеей. Часть III 324

Е. С. Мелкумян. Арабские государства Залива в условиях войны США и Израиля против Ирана 339

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. Орлова, Н. Г. Романова. Галина Ивановна Слесарчук — монголовед, историк, архивист 346

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. А. Королева, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин. Обзор международной научной конференции «Бартольдовские чтения — 2026» 354

А. И. Коган. Востоковедные чтения — 2026. Устное и письменное в языках Азии и Африки 362

CONTENTS

HISTORY

Abhijeet Singh. The Genesis of State in India: Political Understanding and Evolution. Part I 10

M. M. Ignatova. On the Origin of the ethnonym 'Saryg-Uyghurs' 22

L. I. Tsvizhba. The Turkish Factor in the Nineteenth Century Russian-Abkhazian Relations 33

I. P. Chelysheva. Simla: An Indian 'Little England' and Its Role in British Colonial Policy in the North-Western Himalayan Region (Nineteenth — Early Twentieth Century). Part I 43

I. P. Lebedeva. A History of the Japanese Pariahs, the Burakumin 61

D. D. Romanchev. First Steps of the New Meiji Government to Consolidate Its Power During the Initial Period of the Boshin Civil War (1868–1869) in Japan 78

I. Yu. Avdakov. Significance of the Japanese Railway Companies for the Development of Domestic Tourism 95

I. E. Fedorova. The Initial Stage of US-Iran Relations 100

R. Sh. Kharunov, M. M-B. Kharunova. Observance of Secrecy During the Training of Foreign Nationals at Communist Universities in Soviet Russia (1920s–1930s) 107

N. I. Matveeva. Repatriation of the Japanese Prisoners of War and Civilians from Northern Korea (1946–1948) 119

DISCUSSION

V. V. Makarenko. The Substantial Dualism of East and West: Fundamental Reasons for Their Opposition 131

SOCIUM AND POLITICS

V. Ya. Belokrenitsky. Cycles and Rhythms of Pakistan' s Political and Economic Evolution 151

M. S. Kameneva. Iranian Cultural Heritage and Its Role in the Country' s Political Discourse 163

M. Yu. Ulyanova. The Role of the Democratic League of China in the System of Multiparty Cooperation and Public Administration of the PRC in the Modern Period 171

S. L. Rabey. Indias Nuclear Legislation: Evolution and Revolution 188

M. A. Fedotov. Demographic Aspects of the Higher Education and Science Reform in the Republic of Armenia 197

V. Yu. Andriukhin, F. I. Arzhaev. The Youth Bulge in the Republic of Tajikistan: Evidence from the 2010 and 2020 Censuses for Urban and Rural Population 208

LANGUAGES AND CULTURES

S. E. Malykh. Ancient Egyptian 'Ritual Shafts' and the Problem of Their Identification in Eastern Giza 231

S.-Kh. D. Syrtypova, U. P. Bicheldei. Buddhist Grotto on Mount Sume-Beli in Tuva. Part I. Current Condition and History of the Cult Site`s Restoration 247

A. M. Dzahkieva. Mosques in the Structure of Tower Complexes in the Mountains of Ingushetia (Eighteenth — Nineteenth Century): Architectural Specifics 261

L. R. Zaripova. Language as a Marker of Ethnic Identity and Consolidation of the Korku Tribe (Central India) 266

A. G. Belova. Functional Stratification of the Phonetic Composition of the Arabic Language and the Question of the Structure of the Consonant Root 278

Zhang Tingting, D. G. Zubko. Towards a Cultural Interpretation of the Tang Poetry Into Russian: Three Translations of the Du Fu's Poem 'Coming Across Li Guinian in Jiangnan' 287

L. A. Vasilyeva. South Asian Emigrant Writers in Russia 304

INTERNATIONAL RELATIONS

O. E. Evseenko. Water Factor in Central Asia and Afghanistan: Challenges to Regional Security 317

N. N. Miklouho-Maclay jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part III 324

E. S. Melkumyan. Arab Gulf States in the Conditions of USA and Israel War Against Iran 339

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

K. V. Orlova, N. G. Romanova. Galina Ivanovna Slesarchuk — Mongolian scholar, historian, archivist 346

ACADEMIC LIFE

O. A. Koroleva, O. M. Kurnikova, D. M. Timokhin. International Conference 'Barthold Readings — 2026'. An Overview 354

A. I. Kogan. Oriental Readings 2026. The Oral and the Written in Asian and African Languages 362

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-010-021

THE GENESIS OF STATE IN INDIA: POLITICAL UNDERSTANDING AND EVOLUTION. PART I

Abhijeet Singh[1]

© 2026

उत्तरं यत्समुद्रस्य हिमाद्रेश्चैव दक्षिणम् ।
वर्षं तद्भारतं नाम भारती यत्र सन्ततिः ॥ १ ॥
जम्बूद्वीपः समस्तस्य द्वीपचक्रस्य मध्यगः ।
तत्रापि भारतं वर्षं कर्मभूमिरुदाहृता ॥ २ ॥

The country (varṣam) that lies north of the ocean
and south of the snowy mountains (Himalayas) is called Bhārata
and there dwell the descendants of Bharata.
Jambudvipa lies at the very center of all the concentric island-continents;
and even within it, Bhārata-varṣa is uniquely celebrated
as the land of action (Karmabhumi)[2]

The culmination of state in the Ganga-Yamuna Doab was an ecologically determined, technologically accelerated pristine process where urbanization and state structures co-evolved through peer polity interaction and interstate imitation of the institutions with overt deviations in form but nevertheless functioning in the same domain. This paper utilizes a multidisciplinary methodology combining the historical - philological stratification of early legal texts from varying backgrounds of analysis (*Arthashastra*), morality and righteousness (*Shanti Parva* of *Mahabharata*). It also utilizes the meteorological and spatial evidences found in the second urbanization of the Indian subcontinent in the Ganga-Yamuna Doab. It utilizes a historical-comparative framework detailing the legal structures, political structures and the different philosophical understandings feeding the development of these systems in the different *mahajanapadas*. It charts the institutional, development of the *janas* to *janapadas* and *mahajanapadas* mapping the territorialization of clans coming together to form either republics or monarchies. It analyses the co-evolution of surplus management, fiscal tools, standardization of metrological devices and urban space to understand the early state sovereignty and the emergence of state in India.

Keywords: *mahajanapadas*, metrology, peer polity, sovereignty, state, *danda*, bureaucracy

For citation: Abhijeet Singh. The Genesis of State in India: Political Understanding and Evolution. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-010-021

[1] Abhijeet Singh, PhD (Political Science), Associate Professor, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, Institute of Law, RUDN University; abhijeete0963@gmail.com

Абхиджит Сингх, кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН); abhijeete0963@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3203-7962

[2] Tr. by H. H. Wilson [Wilson, 1840, III, verse1-2].

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА В ИНДИИ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ. ЧАСТЬ I

Абхиджит Сингх

उत्तरं यत्समुद्रस्य हिमाद्रेश्चैव दक्षिणम् ।
वर्षं तद्भारतं नाम भारती यत्र सन्ततिः ॥ १ ॥
जम्बूद्वीपः समस्तस्य द्वीपचक्रस्य मध्यगः ।
तत्रापि भारतं वर्षं कर्मभूमिरुदाहृता ॥ २ ॥

Страна (varṣam), лежащая к северу от океана
И к югу от снежных гор (Гималаев) зовется Бхаратой.
Здесь обитают потомки Бхараты.
Джамбуддвипа лежит в самом центре
всех концентрических островов-континентов
И даже внутри, страна Бхарата прославляется
как земля (праведных) деяний

Кульминация государствообразования в двуречье Ганги и Ямуны (Джамны) была экологически предопределенным и технологически ускоренным изначальным процессом, где урбанизация и государственные структуры развивались путем взаимодействия равных политий и межгосударственной имитации институтов, внешне различных, но функционировавших в одной области. Статья использует мультидисциплинарную методологию, соединяющую историко-филологическую стратификацию ранних законоведческих текстов разного происхождения («Артхашастра») и трактатов по морали и праведному поведению («Шанти-парва» из «Махабхараты») с метеорологическими и археологическими данными по второй урбанизации Двуречья. Она также применяет историко-сравнительный метод для анализа законодательных и политических структур и различные философские подходы к развитию этих систем в различных *махаджанападах* (ранних государствах). Это позволяет проследить институциональное развитие от союзов племен (*джана*) к *джанападам* (прото-государствам) и *махаджанападам*, исследовать территориализацию кланов, объединявшихся в республики или монархии, проанализировать совместную эволюцию методов управления прибавочным продуктом, налоговых инструментов, стандартизации метрологических устройств и городского пространства для понимания ранних форм государственности в Индии.

Ключевые слова: махаджанапады, метрология, взаимодействие равных политий, суверенитет, государство, *данда*, бюрократия

Для цитирования: Abhijeet Singh. The Genesis of State in India: Political Understanding and Evolution. Part I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-010-021

Introduction

The concept of state and the understanding of ecology as a giver of life and resources have been traditionally understood since times immemorial in the Indian subcontinent. The concept of nature as mother and ecology as the sustainer of life in ingrained in the imagination of people and cultural traditions of the population. Since the Indus Valley civilization ((IVC),

the understanding of the community as a collective system was nuanced and complex. The finding of stamped[3] and holed clay tablets from Mesopotamia points to the fact of an understanding among the people of IVC about state and borders and a sense of belongingness to their own state or whatever they referred to their collective community existence. The seals were not just a mark of a border but a broader understanding of trade networks and interstate economic handling of raw materials and finished products. The tokens were round with an impression of a unicorn and perfect round and plain back side which showcased that this was a pass representing the seal owner and not associated with goods [Kenoyer, 1998, pp. 88,190].

The Indian city states are not a derivative or an exposition of an outside model on the Indian subcontinent. They rose from within the geography, had their own models of *gana-sanghas* (republics) or the city states (*mahajanapadas*[4]). To club them with the western models of city state development in Greece or Italy would not be a correct mapping of history. The basis of development of the state was provided by ecology (the river systems), technological breakthrough (the iron ore deposits in the geography of the Chota Nagpur plateau) and the concept of surplus production which made it possible to trade, have a budget for a standing army, led to the redevelopment of currency, the ancient *kahapana* [Gupta, Hardaker, 1985, pp. 25–30], there is an understanding that these coins were issued by the bankers but to understand the financial system it is highly imperative to note that these systems even if used by the merchants were rapidly absorbed by the states and even finds mention the works of Chanakya [Kangle, 1965, pp. 106–108] and Panini[5] [Agarwala, 1953, pp. 266–269], who talk about the detailed uses and also the techniques used to punch mark these coins.

The state system in the Ganga- Yamuna doab was an evolution which was original in nature defined and shaped by the factors of environment, geography, trade and fiscal behaviour and technological advancements. The transition from the Vedic *jana* (tribal units) to the *janapada* (territorial state) and eventually the *mahajanapada* (the great territorial state), the name *mahajanapada* is used not in the manner of literal English translation which is great but as an expression of the greatness of development on an institutional, social, political and economic level. The consolidation of rule was made in a manner which shifted away from clan-based politics to the politics of a centralized state where the discussions among the people were kept intact but the rule formations and execution was centralized to make the entire state machinery robust and suited to the vast economy and the territorial extent of the new reality of the *janapada*.

The territorialization of power was a watershed event in the history of India, an event shaped entirely within the boundaries of Indian subcontinent). The power was transitioned from clan to geography and identities were formed on the basis of belonging to a geographical domain. This shift was both ceremonial and procedural with each aspect working to consolidate the goals of the legitimacy of the state. Ceremonies made people aware that some grand and divine event is taking place marking

[3] For Reference, https://www.harappa.com/blog/ancient-indus-passports#:~: text=Each has a hole in into each of them. [дата обращения: 25.05. 2026].

[4] *Mahajanapada* refers to the sixteen major kingdoms or republics that existed in ancient India during the 6th-4th centuries BCE. These were large territorial states, each governed by a king or a republican assembly, and are considered the political and economic centers of early historic India. Reference: https://buddhist-spirituality.org/wp-content/uploads/2014/10/DighaNikaya.pdf?utm_source=openai. [дата обращения: 26.05. 2026].

[5] *Śreṇī* (guild): In Sūtra 2.1.59 (*Śreṇyādayaḥ kṛtādibhiḥ*), Pāṇini notes the grammatical compounding of the word *śreṇī*. In the economic context of the *mahajanapadas*, a śreṇi defined an assembly of artisans or traders belonging to different castes but following a common profession, operating under a unified set of bylaws and working with joint corporate capital.*Pūga* (corporate craft groups): In Sūtra 5.2.52 and Sūtra 5.3.112, Pāṇini discusses the corporate entity known as *pūga*. Unlike the *śreṇī*, which was highly economic and professional, a *pūga* was a localized corporate group comprised of various castes and crafts, often functioning as neighborhood economic collectives or municipal associations that could pool funds.

the ascension of the ruler to the highest position in their community imagination and understanding. The state sponsored mechanism which led to this ceremony being understood from the focal point of state and associated rituals of the ruling class of the territory made sure that people gave highest regards and inherent acceptance to the state itself. The procedural aspect of the ceremonies made sure that the population understood the ceremony as a political event and imbibed it within their social understanding and life. The possibility of internal dissent to the rule was taken away by appropriating the legitimacy of the state not from the top but from the bottom, that is, the people themselves giving their allegiance to the geographical domain being governed by the apparatus of the state rule. As the tribes settled, these processes were not compartmentalized as mere social or political events but as a combined complex culmination into the *mahajanapada*s having an economy based upon these processes and together forming a state structure filled with four major components: geography, population, economy and political understanding and allegiance.

Theoretical Conceptualization of the formation of city-states in India

1) Evolution and foundation of city-states

-A-

To simply say that the system of the city states just evolved from point zero is a misconstruction of facts. The city state formation was not a random and sudden formation but gradual and deeply churned local phenomenon which had no ideological or foundational model from outside the subcontinent. The quest that the Greek city-states [Murray, 1996, p. 1205][6] was the basis of the city states in India is a misleading argument. There was no pre-existing blueprint model for the city states of India. The Achaemenid empire [Kurt, 2007, pp. 1–2][7] of Persia was not even remotely connected to the geographical location of the city states of India, it was on the fringes of the Indus River, the city states were already formed and consolidating into further structures of political and social uniqueness. The gradual rise of these city states was driven by several factors like advances in irrigation and its techniques, the use of wet rice cultivation to produce a massive amount of food for the population which made nomadic life unsustainable and unnecessary burden.

The concept of voluntary clan gifts like *bali*[8] was institutionalized as a necessary contribution mandated by the state laws, this tradition marked the biggest turning point in the history of the state formation in India. As the Vedic tribes transitioned from a semi-nomadic pastoral economy to settled agriculture in the Later Vedic Period, 1000–600 BC, the nature of *bali* shifted radically. What began as a voluntary, irregular clan gift evolved into a compulsory, regulated tribute collected by specialized royal

[6] The ancient Greek city-state, fundamentally known as the polis (plural: poleis), is defined in classical scholarship not merely as a geographic locality, but as a distinct political, social, and sovereign community. Reference: https://www.raco.cat/index.php/Pyrenae/article/download/317515/407605/ [дата обращения: 26.05. 2026]. In classical antiquity, a useful and widely accepted baseline definition is provided by Oswyn Murray in the Oxford Classical Dictionary, which describes the polis as: 'an urban community or state, disposing of its own geographically delimited territory, and characterized by small size, political autonomy, social homogeneity, sense of community, citizenship and respect for civic law'. https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198606413.001.0001/acref-9780198606413-e-5162?rskey=iJMVuD&result=1 [дата обращения: 26.05. 2026].

[7] The Achaemenid Empire (circa 550–330 BCE), often referred to as the First Persian Empire, was an ancient Iranian empire founded by Cyrus the Great. At its peak under Darius I and Xerxes I, it spanned from the Balkans and Egypt in the west to the Indus Valley in the east, making it the largest empire the ancient world had yet seen.

[8] In the context of early South Asian history — specifically during the Early Vedic Period (circa 1500–1000 BCE)—*bali* refers to a voluntary offering, gift, or tribute presented by members of a clan (vis) to their tribal chief or king (*rajan*).

officers (*bhagadughas*), forming the earliest historical foundation for formal taxation in ancient India [Thapar, 1983, pp. 68–71, 81–84].

The culmination of the city states in in the Ganga-Yamuna Doab was a result of rigorous processes that gradually changed the way of life of the people. The availability of surplus food and the tradition from *bali* to *bhaga* led to the formation of a state institution where the state could utilize the surplus resources to mobilize the aims of consolidating the geography and the move towards a holistic and more nuanced development to secondary state institutions. Thirdly, the availability of surplus was dependent upon the technology of processing the Iron and the availability of high-quality iron ore which led to development of the agricultural lands which reduced a large extent the semi nomadic lifestyle and permanent settlements came into existence. This resulted in a statehood in the region which was original and pristine [Service, 1975, pp. 1–14].

-B-

Though the development of state in the Ganga-Yamuna Doab was an original institutional, socio-political and Economic development but it is with a very important caveat, the political structures rose independently but they did not come to life out of the blue. The material and the technological conditions which favoured their development were accelerated by the secondary historical processes. It was an endogenous pristine development dependent upon the technological continuity that was inherited from the Indus Valley civilization almost more than a millennia ago. The availability of the knowledge of copper metallurgy along with the knowledge of long-distance trade routes and the advanced concepts of weights and measures which were developed in the Indus Valley must have influenced and given a further push to the *mahajanapad*a understating of economy and trade.

From this standpoint let's dive into the second important theoretical framework critical to understand the continuous development of the state and its upgradation in the Ganga-Yamuna Doab. The ecology and technology provided the push for development, the development of trade and permanent settlement gave life to an understanding of the state as an entity having population, institutions and a king and the surplus production gave wings to the trade and inter-city and intra-city movement of goods, thanks to the major river systems which acted as the arteries of trade and further developed the state system in the region. But what about the cross cultural and institutional effects, saying that the states developed and stayed in vacuum and developed in a closed loop as something impossible?

Usually, it is understood that when such a rise of systems take place, there is one system which becomes primary and holds monopoly over the entire matrix of resources and power and such a development is caused by mono-causal, all-encompassing factor. In the case of the development of Indian city-states, there was no primary of secondary factor; there was a multitude of factors and in the beginning of this reality there was no monopoly of resources of trade or in typical sense of the state having the most powerful military. The sixteen *mahajanapada*s of India developed simultaneously and together with each state having a specialization of one sort or the other and they acted as supplementary textbook style high intensity driven network of institutional and material exchange.

The constant geopolitical friction within the *mahajanapada*s led to the formation of a political understanding that each state must strive militarily to remain competitive and survive. The constant push and pull in technological advantages among the monarchies of Kosala [Raychaudhuri, 1923, pp. 45–54][9], Vatsa and Magadha among others led to evolutionary changes with the passage of time. The

[9] Kosala's military advancements allowed it to expand rapidly out of its core territory in the fertile plains of modern Awadh (Uttar Pradesh), eventually annexing the wealthy kingdom of Kashi and waging a protracted, decades-long war against Magadha. Its military apparatus, heavily detailed in early Buddhist, Jain, and Brahmanical texts, was built on structural, infrastructural, and strategic innovations. A major military advancement was the fortification of its capitals to survive prolonged sieges. Kosala

clash of republican Vajji [Law, 1922, pp. 45–56][10] with monarchial Magadha points to this evolutionary mindset and staying relevant in the political- economic set- up of those times.

Despite being in the atmosphere of intense push and pull and military confrontation, the *mahajanapada*s had an excellent flow of ideologies and trade. The elements of luxury in one part were immediately emulated and a new version was created in other parts as well. The phenomenon of keeping up was not just limited to military discipline and design but also extended to things of value and daily life. The concept of Northern Black Polished Ware[11] ceramics was a uniform phenomenon across the board. It was not just commodities but the medium of exchange itself was understood by all the *mahajanapada*s and a dedicated rule was followed for the concept of money which was favoured among all the sixteen states. The coins were punch marked for identification and the weight of all the coins was based upon the weight of *ratti* seeds[12] which was a practice of standardization across the geographical extent [Shamasastry, 1915, p. 103; Agarwal, 1953, pp. 258–264; Bühler, 1886, pp. 276–278].

The understating that all sixteen *mahajanapada*s had friction between them owing to several factors does not diminish the fact they were equally collaborating with each other and indulged in trade and shared ideological and material development. This explains the peer-polity [Renfrew, Cherry, 1986, pp. 1–18] interaction was going on in full swing which explains the highly sophisticated self-regulating interstate system. The urbanism and statehood were going in a horizontal matrix in the same time period where the instinct to remain relevant militarily on one hand and the survival of the state, on the other, pushed multidirectional development in all the domains of life and led to 'fusion styled going up spiral' in the length and breadth of ancient Indian geography.

-C-

The city states not only were geographically adjacent but administratively competent units existing alongside each other in different formats — the Sangha (confederation version) like the Vajjis and the monarchies (kingship version) like Magadha. The power structure was playing out simultaneously — the demarcation of geographical borders between the *mahajanapada*s and the quantification of power via fiscal means, and standardization of measures and weights for administrative efficiency within the states and trade among the states. The city states utilized a central control model — that is a geographical area acting as an epicenter of trade, all incoming and outgoing traffic of people and goods was centered in this specific region so it also serves as the capital of the monarchy or the confederacy.

The states transformed the wilderness and the forests from unmapped zones to zones directly under the state control for the purpose of mining, resource extraction and timber. This way the state mapped its authority over the vast lands and thus fulfilling an important aspect of state building process. This resource area was not left alone but connected to the other part of the state by road arteries crisscrossing through the length and breadth of the city-state. One such example is the formation of the Uttarapatha [Chandra, 1977,

systematically shifted and fortified its centers of power based on strategic requirements: Ayodhya and Saketa: Maintained as critical fortified positions along key riverine trade routes. Serving as the capital during Kosala's historical peak, archaeological excavations show that Shravasti was protected by a massive, semicircular earthen rampart topped with brick fortifications and flanked by deep moats.

[10] The Vrijji (Vajji) Confederacy — dominated by its primary constituent clan, the Lichchhavis of Vaishali — stood as the preeminent republican power (Gana-Sangha) in ancient India during the 6th and 5th centuries BCE. Unlike the monolithic hereditary monarchies of the Gangetic plain, the political and military system of the Vajji republic was built on decentralized corporate governance and collective elite mobilization.

[11] Northern Black Polished Ware (NBPW) is one of the most technologically advanced and prestigious pottery types of ancient India, acting as a crucial archaeological marker for the Second Urbanization of the Indian subcontinent.

[12] Before the introduction of standardized metal weights, ancient Indian merchants and state authorities utilized the seeds of the Abrus precatorius plant (variously spelled *ratti*, *ratty*, or *gunga*).

pp. 3–8][13]. The sovereign aspect of the city states was not left undefined but given a concrete meaning and quantified in a manner which still is used for defining the sovereignty of the modern state. The metrology was the ultimate administrative technology of the early state system. The punch marked coins based upon a universal value and agreed upon by all the city states represents a legal rational economic authority.

Going by these arguments it is safe to conclude that the city states represented the textbook example of spatial-metrological model and it demonstrates the culmination of statehood in the Ganga-Yamuna Doab was fundamentally an administrative leap. The Indian city-state model did not claim just territory but systematically defined power in terms of geography and administrative output. It also resulted in a highly specialized and comparative forms of state arrangements, one in the form of republics and other in the form of monarchy. To put a comparative perspective of the different models of city state systems Max Weber's ideal type [Weber, 1949, pp. 49–112][14] provides a brilliant analytical tool to map the differences and understand how from *mahajanapada*s the pan Indian empire (Mauryan Empire) was formed.

Table 1. Drawing a comparison between the monarchy and sangha system in the mahajanapadas

	Ideal type 1 – The Gana Sangha (Oligarchic Republic)	**Ideal Type 2- Monarchy**
Authority and Legitimacy	Power is vested in the Sangha visa consensus and voting, no single rule. The affairs of power are handled by kinships based on clans.	Power is vested in one centre that is the King. Legitimacy is individual, sacred and hereditary.
Administrative Staff	Non - Bureaucratic and Egalitarian. The office of the king and ministers are election based and rotational in nature.	A specialized separate administrative machinery. The entire system is divided into responsible ministries all overseen and supervised by the king, king being the end reporting node for all departments.
Military Structure	Military is based upon clan resources, the clan are the base for sending warriors and the clan men are warriors.	A standing army is maintained which is trained and receives a salary. Compartmentalization of state power with a monopoly on force independent of clan alliances
Economic base	Collective property or property based upon the estates owned by an assembly of a group of clans. Loose affiliation to the land.	Centralized revenue collection based upon the rules et by the state. The entire economy is segmented into trade taxes, production tax, harvest tax and state managed resources like iron ore, timber and water (at a later stage in the Mauryan times).

From the classification mentioned in the table we can clearly see the distinction between the *mahajanapada*s and their power and administrative structure. This difference was the important turning point in establishing the central state in the Indian subcontinent which is also called the first pan Indian empire — The Mauryan Empire. Analytically, all the conditions that are mentioned were slowly moving

[13] The highway functioned as a sweeping continental arc across the Indo-Gangetic plains, stretching from the northwestern frontier of the subcontinent down to the eastern sea side. It originated in the Gandhara mahajanapada at Takshila, a premier center of learning, commerce, and international exchange — connecting further west to Central Asia and the Achaemenid Empire via the Hindu Kush passes. Moving southeast, the route crossed the Punjab rivers and passed through major political nodes including Mathura (Surasena *mahajanapada*), Kanyakubja (Panchala), Ayodhya and Shravasti (Kosala), and Varanasi (Kashi). The Eastern Section- It continued eastward to the rising imperial capital of Pataliputra and Rajagriha (Magadha *mahajanapada*) before terminating at the riverine-maritime port of Tamralipti (in modern West Bengal) on the Bay of Bengal.

[14] An ideal type is not a moral 'ideal' or an average of reality; rather, it is an analytically constructed model, which is used as a tool, emphasizing specific, logically consistent features of a phenomenon to serve as a comparative baseline.

towards making the monarchies more stable over a period of time as compared to the republics. The monarchial administrative set up was rigorous and able to separate the human factor of emotional denial or discontent from the state apparatus. The republics were highly equal but susceptible to the outside influence as the clans were independent and acted as an individual within themselves. It was possible to alter the individual's feelings and sow the seeds of doubt and dissension while the monarchy represented a system operating at various levels and even if one level was not functioning or going against the state's wish it was easy to identify and neutralize which led to a successful implementation of state policy, while in the republics it depended upon how the calls perceived it and how their decision making is influenced in real time by the external or internal factors. As seen from the historical reference of Ajatshatru's plan to send his minister Vassakara to the Vajji republic for three years and the ground work that he did to break the understanding and unity of different clans of republic led, ultimately, to the ruin of Vajji and the rise of Magadha [Mahāparinibbāna Sutta DN 16.1.1–5; Walshe, 1995, pp. 231–277].

The Legal Underpinnings of the State in Mahajanapadas and Beyond

The transition of *jana* to *janapada* and *mahajanapada* was complete in the sense of state formation with every major parameter of institutional state power being fulfilled. The ancient Indian texts discuss with great vigour and details, the situation of law and jurisprudence and how the *mahajanapada* and the empires after them dealt with the subject of legality. The era of city states marks the formation of law and its grammar, the jurisprudence, in the Indian subcontinent. During this period, as we saw in the ideal type comparison between the state systems of *gana sangha* (republics) and monarchies, the monarchy system characterized by a centralized administration led to more stable and long lasting political and economic systems.

The law as an instrument was not understood as an abstract creation based upon procedures but it was defined by moral and righteous duties of the king and the population alike, such a conception was based upon the maintenance of cosmic, moral and social order in all aspects of social and political life. The king was not a sovereign lawmaker but supreme guardian of *dharma* (righteousness)[15] [Gautama Dharmasutra, 1999, 8.1–11.1].

There is also another important detail about the laws in the *mahajanapada* period that the king was free to establish rock edicts (*rajasasana*) but the application and validity of these decrees was dependent upon their alignment with the sacred traditions [Gautama Dharmasutra, 1999, 8.1–11.1][16] and local customary laws (*acara*) [Gautama Dharmasutra, 1999, 8.1–11.1][17]. The single most effective and legitimate form of state power which was wielded by both the monarchy and the republic forms of government in the *mahajanapada* period was the use of force and an effective monopoly over it. The concept of *dandaniti*[18] was enshrined in the state's understanding of its functions and duties. It was, by default, understood as the prerogative of the king to ascertain justice to prevent chaos and anarchy.

[15] The concept of the king as the guardian of supreme *dharma* — frequently translated in Sanskrit as *dharmasya gopta* — finds its first prominent and definitive articulation in the Dharmasutras, specifically within the Gautama Dharmasutra, which is widely recognized as the oldest surviving legal treatise of this era, established that the king was not the creator of the law, but rather its sacred executor. The text defines the king's ultimate responsibility as maintaining social order (varna) and moral righteousness (dharma). Under this framework, the king is bound by the supreme law of dharma and acts strictly as its guardian, utilizing state enforcement or punishment (danda) to protect his subjects and ensure that every individual fulfills their duties.

[16] Gautama 11.19 explicitly dictates that the king's administration of justice must be guided by the Veda, the dharmashastras (tradition/Smriti), the angas (auxiliary sciences), and the purānas.

[17] Gautama 11.20 expands this authority by giving legal validity to regional, caste, and occupational group customs: The laws of countries, Varnas, and families, which are not opposed to the (sacred) records, have also authority.

[18] For the king's duties, training, and the constitutional role of sovereign enforcement, [Gautama Dharmasutra, 1999, 11.1–11.32]. For the concrete application of judicial punishment (*danḍa*) under the legal system. [Gautama Dharmasutra, 1999, 12.1–12.47]

The legal reach of the state was not limited to the social and political life but extensively covered the fiscal resources and the means of production that is agriculture. The revenue laws were codified because the surplus was one of the founding factors in the processes of state formation and consolidation and hence, the legal relation witnessed a shift between the sovereign and the subjects, the concept of *bali*[19] was transformed to the concept of *bhaga* [Gautama Dharmasutra, 1999, 10.24–10.27][20]. The king was also made the legal owner of the entire land within the state by specific laws coded for the purpose Pranashta[21][Gautama Dharmasutra, 1999, 10.36–10.38].

Table 2. Depicting the two trajectories of legal systems in the mahajanapadas

LEGAL SYSTEMS	MONARCHY	GANA SANGHA (REPUBLIC)
Judicial Administration	Judicial power was concentrated with king as the highest court of appeal.	Judicial power was based in assembly and was highly clan based.
Differentiated structures for law Adjudication with central oversight	Different branches had different laws, guilds could make laws or village councils the royal courts backed them with state coercive power.	Multi-tiered judicial hierarchy, extremely favourable to a just outcome, no branch of the society had overwhelming judicial powers.
Penal Provisions	Penal system varied depending upon who committed what offence.	For punishment the guilty must be declared such by all the levels of judicial hierarchy. Punishment was based upon the clan specific rulebook – *pavenibusthaka*

The Organic view of the State: Structural Functional Foundations

The central pillar of the state power was an all present and functional core, rooted in the philosophy of state. The state was not imagined to be a simple mechanistic model which is composed of parts which are collateral and can be replaced. The state was, as opposed to a non-living entity model, understood as a living entity which was understood to be composed of parts acting and existing in complementary roles to and with each other. The structure of the state was defined by the Saptanga theory[22] which treated state as an organic entity. The foundation of the state by imagining it to be living entity goes back to the philosophical routes of the ancient Indian thought which viewed people as an intrinsic part of the system rather than constituent units, separate from the state.

In his seminal and authoritative work, 'Arthashastra', Kautilya describes the seven parts of the state, namely: *Swami* (ruler/ the head) *Amatya* (minister/ eyes), *Janapada* (territory/ thighs), *Durg* (the fortified capital/ arms), *Kosha* (treasury/ mouth), *Danda/Bala* (the force, army/ mind), *Mitra* (allies/

[19] The history of *bali* is a story of evolution. In the earlier Vedic period, *bali* was a voluntary, customary offering or religious tribute brought by clansmen to their tribal chief (*rajan*). However, by the *mahajanapada* period, *bali* became a mandatory tax. While *bhāga* was a precise, predictable share of the harvest, *bali* functioned more like an additional cess, levy, or tribute. It was often collected as a lump-sum payment from an entire village rather than an assessment of individual plots.

[20] *Bhāga* literally translates as 'share' or 'portion.' During the *mahajanapada* era, it represented the regular, compulsory land revenue or agricultural tax paid by the cultivator to the king. The tax was assessed as a fixed proportion of the actual agricultural produce harvested from the land. In the dharmasutras, the standard rate is explicitly stated as 1/6th of the crop yield. Depending on the quality of the soil and water access, this could occasionally fluctuate to 1/8th or 1/10th.

[21] Under Gautama's law, when a piece of property or an area of land became praṇaṣṭa (lost or abandoned by its owner), the king was legally obligated to take custody of it and advertise it publicly. The king held it in trust for a specific statutory period — traditionally one year. (Gautama Dharmasutra, 1999, 10.36–10.38)

[22] The *Saptāṅga* theory (the doctrine of the seven limbs of the state) is the cornerstone of ancient Indian organic polity. It conceptualizes the state not as a mere mechanical contract or an arbitrary imposition of force, but as a living, integrated organism. Just as the human body requires all its vital organs to function harmoniously, the state requires seven interconnected elements to maintain political sovereignty, security, and righteousness (dharma). For Reference: https://www.finsindia.org/good-governance-in-indian-statecraft-diplomacy-and-polity-through-prism-of-ancient-indian-literature.html. [дата обращения: 29. 05. 2026].

ear)[23][Kautilya, 1972, p. 367]. This illustration of the parts of state and comparison to the parts of the body made it possible to understand how importance was given to each part of the state depending upon its usage and role in the daily administration, defence and upkeep of the state.

The brilliance of Kautilya was that he just did not explain the concept of the state as an organic entity but also associated it with the geopolitical realities via his Mandala theory[24] [Kautilya, 1972, pp. 368–369] and assimilated it in such a manner that it finds relevance even to this day. It was a pure theory based upon the internal structure and functions of the state and how these functions calibrated themselves when dealing with the outside world. In Kautilya's imagination the sovereign and his functions were of paramount importance because if the sovereign is of sound mind and capable he can cure the ailing parts of the state and if need be, can overhaul them for efficiency but a corrupt and inefficient sovereign will lead to the demise of even the best functioning state.

Though Kautilya was the heavy lifter of the *mandala* theory and establisher of the first realistic understanding of the then global geopolitics and explaining the anarchic nature of the system in which the states dealt with each other, he was the not the only one. Prominent mentions of the theory of *mandala* and interstate relations have been found in the 'Shanti Parva' of the 'Mahabharata'[25]. While Kautilya focuses on pragmatic functionality, the 'Shanti Parva' emphasizes absolute interdependence. *Bhishma* remarks that no single element can be judged as inherently superior to another in isolation. At any given moment, the limb that is critical to executing the immediate requirement of the state is the supreme limb [Mahabharata, 2000, pp. 57–69]. Several Indian scriptures gave treatises on the organic view of the state and its constituents and how the state plays out in the relay of interstate interactions and how it ought to. While Kautilya provides highly analytical metrics to attain excellence for each part of the state and establishes and operational hierarchy, the 'Shanti Parva' of 'Mahabharata' stresses on absolute moral interdependence. It gives a moral understanding of the state by envisioning it as an organic entity and functioning within the domains of the *rajadharma* (righteous rule) and its preservation.

Conclusion

The evolution of pristine state systems within the Ganga-Yamuna Doab and its expanding peripheries represents a watershed event in early Indian history. Far from being a sudden imposition of imperial autocracy from the top, the gradual transition from the pastoral, lineage-based societies of the Vedic *jana* to the territorially defined institutional frameworks of the *janapada*s and *mahajanapada*s was an organic, highly diffused and uneven process. It was a transformation rooted deeply in ecological advantages, agrarian surpluses, and the sophisticated dynamics of peer polity interaction. By exploring the spatial realities of the Doab alongside the rich availability of ancient philosophical, moral and analytical texts, this article has sought to reframe the ancient Indian city-state not as an isolated municipal anomaly,

[23] '*svāmya-mātya-janapada-durga-kośa-daṇḍa-mitrāṇi prakṛtayaḥ*'
The king, the minister, the country, the fortified city, the treasury, the army, and the ally are the constituents of the state. [Kautilya, 1972, 6.1.1]

[24] The Mandala theory (Rājamaṇḍala) formulated by Kautilya in the 'Arthashastra' is one of the most sophisticated frameworks of classical geopolitics. The word 'mandala' literally means circle, and in this context, it represents a dynamic circle of states or geopolitical zones surrounding a central kingdom. At its core, the theory is a highly realistic, rational analysis of interstate diplomacy and foreign policy. It is built on a fundamental structural premise: your neighbor is your natural enemy, and your neighbor's neighbor is your natural friend [Kautilya 6.2.1–40, 7.1.1–19].

[25] ' *ātmā mātyāśca kośaśca daṇḍo mitrāṇi caiva hi,*
rāṣṭraṁ durgaṁ ca pañcaiva saptakaṁ rājyamucyate.'
The self/king, the ministers, the treasury, the army, the allies, the territory, and the fort; these seven together are declared to constitute the kingdom. [Mahabhārata, 2000, 12.69.64].

but as the primary point of a complex, bifurcated political evolution that yielded both resilient *gaṇa-saṅghas* (republics) and highly centralized *rājyas* (monarchies).

Geographically, the Ganga-Yamuna Doab served as the indispensable ecological engine for this secondary urbanization and subsequent pristine state formation. The dense alluvial networks of the major river valleys provided the material baseline — manifested in steady agricultural surpluses and the mastery of iron technology — that allowed localized kin-groups to transform into permanent territorial polities. However, as this study has demonstrated through the lens of peer polity interaction, these city-states did not develop in structural vacuums. Instead, the intense horizontal competition, institutional emulation, symbolic warfare, and commercial exchange between neighboring *janapada*s accelerated the pace of political specialization. The constant friction and fluid diplomatic alignments within the Doab created a geopolitical pressure cooker, forcing early states to codify their administrative structures, formalize their fiscal apparatuses, and establish permanent standing militaries to survive. This structural clarity is most vividly preserved in the legal and philosophical underpinnings found across early Indian texts.

The normative and pragmatic dimensions of ancient Indian statecraft — articulated through the Dharmasutras, 'Arthashastra', 'Manusmriti', and the 'Shanti Parva' of the 'Mahabharata'—reveal a highly sophisticated conceptualization of political sovereignty. Central to this jurisprudential framework was the doctrine of the *Saptanga*, which conceptualized the state as a living, organic entity composed of seven interdependent limbs (*praktiti*s). By defining the state through this holistic model, ancient theorists recognized that political survival depended on the structural harmony between the sovereign, the administrative apparatus, the geo-economic resource base, defensive infrastructure), the fiscal treasury, coercive military power, and external diplomatic networks. Crucially, this textual tradition underscores that early Indian kingship was explicitly constitutional rather than arbitrarily despotic.

As established from the earliest Dharmasūtras through to the 'Manusmṛti', the king was never envisioned as the creator of law, but strictly as the *dharmasya gopta* — the sacred guardian of supreme dharma. His legitimate right to rule, execute punitive justice, and collect structural revenues like *bhaga* (the agricultural sixth share) and *bali* was contractually bound to his capacity to provide protection (*rakṣaṇa*) and maintain social equilibrium. When Kautilya's 'Arthashastra' later put forward these principles with a rigorous realistic application, or when Bhishma in the 'Shanti Parva' emphasized the situational, absolute interdependence of the state's limbs, they were articulating a mature philosophy of governance where political authority was permanently anchored in structural -functionality, moral righteousness, and the mitigation of socio-political anarchy (*matsyanyāya*).

Concurrently, the political landscape of the *mahajanapada* period offers a brilliant study in institutional divergence, characterized by the co-existence and fierce rivalry between monarchies and republics. The *gana-sanghas* represented an alternative, highly sophisticated trajectory of state formation. By relying on assembly-based, deliberative decision-making bodies and corporate aristocratic leadership, these republics challenged the singular centrality of the *svami*, demonstrating that complex, urbanized city-states could thrive through collective sovereignty. While the structurally centralized, fiscally aggressive monarchies of the southern Doab — such as Magadha and Kosala — ultimately used their geo-strategic positions and Kautilyan realism to absorb these oligarchic polities into larger imperial formations, the legacy of the republics remains a powerful testament to the institutional plurality of early Indian political thought.

Ultimately, the Indian city-states of the Ganga-Yamuna Doab and beyond were not transient, accidental experiments in urban concentration. They were the crucible in which the fundamental concepts of Indian statehood, law, territorial sovereignty, and fiscal administration were forged. By looking at this period through both the material realities of spatial geography and the conceptual frameworks of early legal treatises, we move past outmoded Eurocentric binaries regarding oriental governance. Instead, we uncover

a dynamic historical landscape where pristine state evolution was driven by a sophisticated reasoning between environmental opportunity, competitive peer polity networks, and an enduring intellectual commitment to balancing political survival with supreme moral order.

Литература / References

Agrawala V. S. *India as Known to Pāṇini: A Study of the Cultural Material in the Aṣṭādhyāyī*. Lucknow: University of Lucknow, 1953.

Chandra M. *Trade and Trade Routes in Ancient India*. Delhi: Abhinav Publications, 1977.

Gautama Dharmasutra. *Dharmasūtras: The Law Codes of Āpastamba, Gautama, Baudhāyana, and Vasiṣṭha*. Ed. and tr. by P. Olivelle. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Gupta P. L., Hardaker T. R. *Indian Silver Punch-Marked Coins: Magadha-Maurya Series*. Nasik: Indian Institute of Research in Numismatic Studies, 1985.

Kangle R. P. The Kauṭilīya Arthaśāstra: Part II: An English Translation with Critical and Explanatory Notes. Bombay: University of Bombay, 1965.

Kautilya. *Kautilya's Arthashastra*. Tr. by R. Shamasastry. Bangalore: Government Press, 1915.

Kautilya. *The Arthaśāstra*. Ed. and tr. by R. P. Kangle, Pt. 2. Delhi: Motilal Banarsidass, 1972.

Kenoyer J. M. *Ancient Cities of Indus Civilisation,* Karachi: Oxford University Press, American Institute of Pakistan Studies, 1998.

Kuhrt Amélie. The Persian Empire: A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Routledge, 2007.

Law B. C. *Kshatriya Clans in Buddhist India*. Calcutta: Thacker, Spink & Co., 1922.

Raychaudhuri H. *Political History of Ancient India: From the Accession of Parikshit to the Extinction of the Gupta Dynasty*. Calcutta: University of Calcutta, 1923.

Renfrew C. Introduction: Peer Polity Interaction and Socio-Political Change. *Peer Polity Interaction and Socio-political Change.* Ed. by C. Renfrew, J. F Cherry. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Service E. R. *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. New York: W. W. Norton & Company, 1975.

Thapar R. *From Lineage to State: Social Formations in the Mid-First Millennium B. C. in the Ganges Valley*. Oxford: Oxford University Press, 1984.

The Mahābhārata. Tr. by K. M. Ganguli, vol. 9: Shanti Parva. Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 2000.

Walshe M. *Mahāparinibbāna Sutta: The Great Passing. The Long Discourses of the Buddha: A Translation of the Dīgha Nikāya by Maurice Walshe*. Somerwille: Wisdom Publications, 1995.

Weber M. *Methodology of the Social Sciences*. Tr. and ed. by Edward A. Shils and Henry A. Finch. Glencoe: Free Press, 1949.

Wilson H. H. tr. *The Viṣṇu Purāṇa: A System of Hindu Mythology and Tradition*. London: John Murray, 1840.

Online Resources

https://www.harappa.com/blog/ancient-indus-passports#:~: text= [дата обращения: 25.05. 2026].

https://buddhist-spirituality.org/wp-content/uploads/2014/10/DighaNikaya.pdf?utm_source=openai. [дата обращения: 26.05. 2026].

https://www.raco.cat/index.php/Pyrenae/article/download/317515/407605/ [дата обращения: 26.05. 2026].

https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198606413.001.0001/acref-9780198606413-e-5162?rskey=iJMVuD&result=1 [дата обращения: 26.05. 2026].

https://www.finsindia.org/good-governance-in-indian-statecraft-diplomacy-and-polity-through-prism-of-ancient-indian-literature.html. [дата обращения: 29. 05. 2026].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-022-032

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «САРЫГ-УЙГУРЫ»

© 2026

М. М. Игнатова[1]

Статья посвящена исследованию происхождения и этимологии сарыг-уйгуров на основе китайских исторических источников эпох Тан, Сун, Юань, Мин и Цин, а также современных китайских исследований. Рассматриваются основные этапы этногенеза сарыг-уйгуров после распада Уйгурского каганата, роль ганьчжоуских и шачжоуских уйгуров в формировании народа и влияние монгольского компонента, усилившегося в период Монгольской империи Юань.

Особое внимание уделяется дискуссии о хронологических рамках формирования сарыг-уйгуров и значению их переселения в XVI в. к востоку от *Цзяюйгуаня,* западного форпоста Великой Китайской стены в коридоре Хэси, как завершающего этапа этнической консолидации. Исследуются языковые последствия этногенеза, проявившиеся в существовании западноюгурского тюркского и восточноюгурского монгольского языков.

В статье рассматриваются основные гипотезы происхождения компонента *«сарыг»* в этнониме сарыг-уйгуров: его интерпретация как обозначения желтого цвета, как производного от топонима Шулэ, как обозначение сухого русла или территории желтых песков, как производного от гидронима Селенга и как туркменского этнонима «салыр». На основе сравнительного анализа китайских хроник, топонимических данных и исторической фонетики делается вывод о наибольшей обоснованности топонимической версии, связывающей термин *«сарыг»* с историко-географическим регионом Шулэ и последующей трансформацией этого названия в китайской традиции.

Ключевые слова: сарыг-уйгуры, юйгу, желтоголовые уйгуры, этимология, тюркские народы, монгольские народы, китайские источники, топонимика

Для цитирования: Игнатова М. М. К вопросу о происхождении этнонима «сарыг-уйгуры». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 22–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-022-032

ON THE ORIGIN OF THE ETHNONYM ‘SARYG-UYGHURS’

Maria M. Ignatova

The article examines the origin and etymology of the Saryg Uyghurs (Yugurs) based on Chinese historical sources from the Tang, Song, Yuan, Ming, and Qing periods, as well as modern Chinese scholarship. It analyzes the principal stages of Yugur ethnogenesis following the collapse of the Uyghur Khaganate, the role of the Ganzhou and Shazhou Uyghurs in the formation of the ethnic group, and the influence of the Mongolian component, which became more prominent during the Yuan dynasty.

Particular attention is paid to the debate concerning the chronological framework of Saryg Uyghur

[1] Игнатова Мария Михайловна, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; m.ignatova@ivran.ru
Maria M. Ignatova, Research Assistant, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; m.ignatova@ivran.ru
ORCID: 0009-0007-5535-1982

ethnogenesis and the significance of their migration east of Jiayuguan in the sixteenth century as the final stage of ethnic consolidation. The linguistic consequences of this process are also examined, notably the emergence of Western Yugur, a Turkic language, and Eastern Yugur, a Mongolic language.

The article reviews the principal hypotheses regarding the origin of the element *saryg* in the ethnonym *Saryg Uyghur*: its interpretation as a designation of the color yellow, its derivation from the toponym Shule, its association with a dry riverbed or a region of yellow sands, its connection with the hydronym Selenga, and its derivation from the Turkmen ethnonym *Salyr*. Based on a comparative analysis of Chinese chronicles, toponymic evidence, and historical phonetics, the study concludes that the toponymic hypothesis is the most convincing, linking the term *saryg* to the historical-geographical region of Shule and to the subsequent transformation of this name within the Chinese historical tradition.

Keywords: Saryg-Uyghurs, Uyghur, Yellow-headed Uyghurs, etymology, turkic peoples, mongolic peoples, chinese sources, toponymy

For citation: Ignatova M. M. On the Origin of the Ethnonym ‘Saryg-Yughurs’. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 22–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-022-032

Введение

Исследование происхождения сарыг-уйгуров, фигурирующих в современной историографии как *юйгу* (裕固), предполагает комплексное изучение истории формирования данной общности в широком историко-культурном контексте. Китайские письменные источники фиксируют народность *юйгу* под разными названиями: *«хуантоу хуэй»* (黄头回, желтоголовые уйгуры), *«сали вэй'у эр»* (撒里畏兀儿), *«сали вэй'у»* (撒里畏吾), *«хуан фань»* (黄番, желтые фань), *«хэйхуан фань»* (黑黄番, черные и желтые фань) и другими, что указывает на сложную систему китайской передачи тюркских и монгольских названий, связанных с топонимикой и миграциями населения на северо-западе Китая.

Расхождение уйгурских ветвей в XIII–XIV вв. и формирование предков сарыг-уйгуров

Формирование этнической общности сарыг-уйгуров, предков современной народности *юйгу* (裕固), неразрывно связано с миграциями уйгурских групп в начале 840-х годов, когда после распада Уйгурского каганата часть уйгуров откочевала на юг, в провинцию Ганьсу. С раннего периода династии Тан (618–907) часть уйгуров постепенно переселилась в Хэсийский коридор. К концу эпохи Тан и в период Пяти династий (907–960) здесь сформировались особая общность хэсийских уйгуров во главе с ганьчжоускими уйгурами, которые создали Ганьчжоуское уйгурское *идикутство*, существовавшее с 870 по 1035 г. Параллельно с этим к северу и югу от Тянь-Шаня существовали другие уйгурские группы, которые после падения Уйгурского каганата в 840 году основали государство Кочо. Все вместе они открыли этап раздробленности и сепаратизма в истории уйгуров, что стало важной предпосылкой последующего этногенеза исследуемых сарыг-уйгуров.

Начиная с эпох Тан и Сун, часть уйгуров, оказавшаяся в Хэсийском коридоре, в силу географической удаленности, а также политического дробления после падения Уйгурского каганата в 840 г., развивалась в изоляции от уйгуров Средней Азии, которые оставались на своей исторической родине в Восточном Туркестане. В результате такой изоляции хэсийские уйгуры постепенно перешли к кочевому скотоводству с элементами оазисного земледелия (в отличие от оседло-земледельческого уклада тянь-шаньских уйгуров), сохранили буддизм (в то время как уйгуры

Средней Азии уже начали принимать ислам), а также развили собственные диалектные особенности уйгурского языка. Такой процесс постепенного обособления создавал предпосылки для формирования народа *юйгу* [Гао Цзыхоу, 1995, с. 102]**.** Следует подчеркнуть, что до монгольских завоеваний и подчинения территории сарыг-уйгуров Чингис-ханом в 1226 г. хэсийские уйгурские группы еще не представляли собой самостоятельного этноса. В этот период они существовали как разрозненные локальные общности, которые, хотя и отличались от среднеазиатских уйгуров, не были объединены единой этнической идентичностью. Таким образом, именно включение региона в имперскую административную систему и установление монгольского управления выступили катализатором консолидации этих групп в единую этническую общность сарыг-уйгуров.

Особенно существенно, что к моменту монгольских завоеваний в первой половине XIII в. ганьчжоуские уйгуры, а также уйгуры Тянь-Шаня уже находились в неодинаковых социально-экономических и культурных условиях, что и предопределило их дальнейшее расхождение. Ганьчжоуские и шачжоуские уйгуры (предки *юйгу*) сохраняли кочевое скотоводство, исповедовали буддизм, пользовались древнеуйгурской письменностью, хотя ее традиция постепенно затухала, и после захвата их земель тангутским государством Западная Ся (1028–1036) утратили собственную государственность, оказавшись в положении разрозненных племен [Ту Цзи, 1962].

Напротив, те уйгурские группы, которые обитали к северу и югу от Тянь-Шаня, а также в долине реки Чу, с эпохи Юань перешли к земледелию и городской культуре, в значительной степени приняли ислам, начали переход на арабографичное письмо и сохраняли собственную государственность (например, государство Кочо). В китайских источниках их часто называли *«вэй'у»* (畏吾) или *«вэйу'эр»* (畏兀儿). Именно временной период от западных походов монголов (1220–1226) и до переселения сарыг-уйгуров к востоку от *Цзяюйгуаня* в середине династии Мин (1450–1500) стал решающим для постепенного обособления ганьчжоуских уйгуров от остальных уйгурских групп и впоследствии становления их сарыг-уйгурами [Гао Цзыхоу, 1995, с. 105].

Таким образом, из двух основных ветвей древних уйгуров — тянь-шаньских уйгуров и потомков ганьчжоуских и шачжоуских уйгуров, кочевавших на западе Ганьсу и северо-западе Цинхая — в конечном счете сформировались две различные этнические общности сарыг-уйгуров — монголоизированные сарыг-уйгуры и тюркоизированные уйгу.

Тюркская и монгольская компонента этногенеза сарыг-уйгуров

Чтобы понять этногенез сарыг-уйгуров, необходимо обратиться к двум ключевым этнокультурным компонентам сарыг-уйгуров — тюркскому и монгольскому. Начнем с рассмотрения тюркской составляющей.

Ключевой фигурой в этой компоненте сарыг-уйгуров является правящий тюркский род Уйгурского каганата Йаглакар (药罗葛). [Чжао Сяосин, 2024, с. 110]. После разгрома Уйгурского каганата кыргызами часть рода Йаглакар откочевала в Хэсийский коридор и в конце IX века основала Ганьчжоуское уйгурское *идикутство*, которое было прямым продолжением тюркской государственности на новой территории. Правители этого каганата по-прежнему принадлежали к роду Йаглакар и сохраняли тюркский язык и культуру [Зуев, 2002, с. 104]. После падения Ганьчжоуского идикутства под ударами тангутов в 1036 г. часть уйгурской знати и рядовых кочевников отступила в район Шачжоу и Гуачжоу. Здесь они сохранили свою тюркскую идентичность, язык и кочевой уклад, хотя и попали в политическую зависимость от тангутского государства Западная Ся. В эпохи Сун-Юань прямые потомки шачжоуских и ганчжоуских уйгуров, сохранивших тюркский язык, буддизм и кочевое скотоводство, назывались *«хуантоу хуэй»* (黄头回, желтоголовые уйгуры),

то есть сарыг-уйгуры. Именно от них происходят западные тюркоязычные *юйгу* (裕固) — прямые потомки сарыг-уйгуров, проживающие в провинции Ганьсу и говорящие на языке, близком древнеуйгурскому.

Однако тюркоязычные уйгуры не были единственными предками сарыг-уйгуров. В работе Ганьсуского комитета по делам национальностей подчеркивается: «Происхождение народа *юйгу* можно проследить до древних уйгуров, однако древние уйгуры не являются единственными предками *юйгу*; древние монголы также являются предками *юйгу*» [Комитет по делам национальностей провинции Ганьсу, 1989, с. 192]. Иными словами, тюркский пласт составляет лишь одну из частей этногенеза сарыг-уйгуров, другую часть составляет монгольский пласт, что будет подробно рассмотрено далее в статье.

Китайские источники зафиксировали множество вариантов именования сарыг-уйгуров, которые демонстрируют как фонетическую адаптацию тюркских слов, так и смысловую адаптацию этнонимов на китайский язык. Все варианты можно разделить на две группы:

Фонетические транскрипции, передающие тюркские заимствования: в период Монгольской империи Юань и китайской династии Мин встречаются такие варианты этнонима «сарыг-уйгур», как *«сали вэй'у»* (撒里畏兀), *«сали хуэйхэ'эр»* (萨里辉和尔), *«сали вэй'у'эр»* (撒里畏兀尔); в цинский период встречаются варианты *«силатэцзи'эр»* (锡喇特吉儿), *«силагу'эр»* (西喇古尔).

Смысловые адаптации, основанные на китайском переводе тюркских цветовых обозначений: «желтоголовые уйгуры» (黄头回鹘) в период Сун; в период Цин — *«желтые фань»* (黄番), *«желтые фань силагу'эр»* (西喇古尔黄番), *«черные фань силагу'эр»* (西喇古尔黑番), а также *«черно-желтые фань»* (黑黄番).

Наконец, важной составляющей тюркской компоненты сарыг-уйгуров служит сохранившаяся в западно-югурском языке специфическая гармония гласных, имеющая сходство с туркменским языком, что позволяет предположить существование тесных исторических контактов между предками тюркоязычных сарыг-уйгуров с туркменами [Чжун Цзиньвэнь, 1992, с. 24].

Таким образом, тюркская составляющая в этногенезе сарыг-уйгуров имеет двойную природу: с одной стороны, она восходит к средневековым уйгурам, прежде всего к ганьчжоуской и шачжоуской ветвям; с другой стороны, лингвистические данные указывают на параллели с туркменским языком, которые требуют дальнейшего изучения и, возможно, пересмотра устоявшихся представлений о родственных связях западных сарыг-уйгуров.

Однако наряду с тюркской линией не менее значимой (а в период Юань и Мин даже политически доминирующей) оказалась монгольская компонента, к рассмотрению которой мы перейдем далее.

Монгольская компонента

Согласно исследованиям Гао Цзыхоу, монгольская составляющая в происхождении сарыг-уйгуров в основном происходит от потомков Чубея (出伯) и его войск [Гао Цзыхоу, 1990, с. 34]. Чубей был сыном Алгуй-хана, пятого хана Чагатайского улуса, правнука Чингис-хана [Бартольд, 1963, с. 72]. В конце XIII в. после поражения Чагатая в междоусобной борьбе Чубо перешел на сторону Хубилая, основателя Монгольской империи Юань. За свою лояльность он был направлен в стратегический регион Ганьчжоу (современный Чжанъе), где ему было поручено охранять области Гуачжоу (современный Аньси) и Шачжоу (современный Дуньхуан) — западные границы империи. Именно здесь, на территории расселения местных уйгурских групп, Чубей и его монгольская армия стали новой военно-политической элитой. Потомки Чубея, ваны Аньдинского гарнизона, правили этим регионом на протяжении всей эпохи Юань и в начале Мин, постепенно смешиваясь с местным тюркоязычным населением.

Таким образом, именно через Чубея и его подчиненных монгольская компонента вошла в этногенез сарыг-уйгуров, что впоследствии проявилось в появлении родового имени Аньчжан (от титула «Аньдин») и современной фамилии Ань (安) у народа *юйгу* [Гао Цзыхоу, 1990, с. 35].

Во время империи Юань ситуация кардинально изменилась. В правящих слоях сарыг-уйгуров монгольское влияние проявлялось особенно отчетливо, поскольку на протяжении всей эпохи Юань их правителями неизменно были монголы. Например, Буян-Тэмур (卜烟帖木儿), получивший от династии Мин титул первого князя Аньдина (安定王), был и сарыг-уйгуром, и прямым потомком Монгольской империи. Согласно «Мин ши», он являлся «потомком [династии] Юань», то есть монголом по происхождению [Чжан Тинюй, 1974]. В «Мин шилу» указание на этническое происхождение сарыг-уйгуров еще более определенное: «Сары-уйгуры — это отдельное племя *дада* (鞋靼别部)» [Гу Хуан, 1990]. Как прямо указывается в «Мин ши», дада — это потомки бывшей империи Юань, представляли собой группировки, разгромленные минской армией, вынужденные покинуть Пекин и отступить в пески Гоби [Чжан Тинюй, 1974]. Таким образом, сарыг-уйгуры — это потомки юаньских монголов, смешавшиеся с местными уйгурами, что подтверждается историческими записями: помимо Буян-Тэмура, среди князей Аньдинского гарнизона сарыг-уйгурами были также Ипаньдань (亦攀丹), Линчжань Ганьсеэр (领占干些儿) и Цяньбэнь (千奔). Все они являлись прямыми потомками Буян-Тэмура, а, следовательно, также принадлежали к «отдельному племени *дада*» [Гао Цзыхоу, 1995, с. 107].

В дальнейшем название гарнизона «Аньдин» (安定) стало восприниматься как почетное обозначение правящей прослойки гарнизона [Янь Цунцзянь, 1993]. Позже «Аньдин» эволюционировал в широко известное название влиятельного родового клана «Аньчжан» (安帐), а затем в современную односложную фамилию «Ань» (安) [Гао Цзыхоу, 1990].

Таким образом, языковое разделение сарыг-уйгуров напрямую отражает два основных источника их этногенеза. Тюркская линия, восходящая к ганьчжоуским и шачжоуским уйгурам, стала основой западных тюркоязычных сарыг-уйгуров, а монгольская ветвь, связанная с потомками Чубо и региональными чиновниками эпохи Юань, легла в основу восточных монголоязычных сарыг-уйгуров. При этом монгольский компонент не только вошел в правящую элиту сарыг-уйгуров, но и существенно повлиял на их общественное устройство и систему родовых имен. Этот исторический след сохранился в фамильных традициях, которые прослеживаются вплоть до наших дней.

Хронологические рамки формирования сарыг-уйгуров

Существуют две точки зрения по времени консолидации уйгурских групп Хэсийского коридора в народ сарыг-уйгуров.

Согласно первой периодизации, предложенной Чжан Янъу, формирование народа сарыг-уйгуров проходило с середины XI по XVI в. [Чжан Яну, 1992]. Нижняя граница отсчитывается от падения Ганьчжоуского идикутства под ударами тангутов в 1028–1036 гг. и последующего переселения части уйгуров на западную окраину Цайдамской котловины. Затем процесс консолидации охватывает эпоху Сун, существование шачжоуских уйгуров и завершается переселением сарыг-уйгуров (撒里畏兀儿) к востоку от *Цзяюйгуаня* в 1528 г.

Вторая, более узкая периодизация предложена Ма Цичэном (马启成) и Фань Юймэйем (范玉梅) в книге «Народ *юйгу*». Авторы утверждают: «С 60–70-х гг. XIII в. до начала XVI в. является важнейшим временем формирования народа *юйгу*» [Гао Цзыхоу, 1995, с. 105]. Нижняя граница совпадает со временем западных походов монголов и поселением части монгольских войск

на территории сарыг-уйгуров. Верхняя граница та же, что и у первой периодизации — переселение сарыг-уйгуров к востоку от *Цзяюйгуаня* в середине эпохи Мин.

Особо следует подчеркнуть, что в обеих гипотезах именно переселение сарыг-уйгуров на восток *Цзяюйгуаня* считается маркером формирования народа. Как отмечает китайский историк Гао Цзыхоу, «эта миграция окончательно отделила предков современных *юйгу* от других уйгурских групп и закрепила их обособленность как самостоятельной этнической общности» [Гао Цзыхоу, 1986, с. 119]. Таким образом, несмотря на различия в определении начального этапа этногенеза сарыг-уйгуров (XI или XIII в.), его верхняя хронологическая граница остается общепринятой: процесс этнического оформления завершился в середине XVI в., после миграции сарыг-уйгуров на восток от *Цзяюйгуаня*.

Гипотезы этимологии «сарыг»

Наряду с вопросом о времени формирования *юйгу* не менее дискуссионной в науке остается этимология слова *«сарыг»* (撒里), которое фигурирует в этнониме сарыг-уйгуров. Слово *«сарыг»* может соответствовать ряду слов из тюркских, монгольских и тибетских языков: тюркским *«sar»* (город), *«sal»* (спускать, класть), *«salig»* (уйгурское имя собственное), *«saili»* (речная отмель, сухое русло), *«sariγ»* (желтый); монгольскому «shari» (желтый) [Чжун Цзиньвэнь, 1992, с. 26]. На основе этих возможных соответствий историками и лингвистами был выдвинут ряд гипотез. Рассмотрим наиболее влиятельные из них.

I. «Сары» как фонетическая передача топонима «Шулэ» （疏勒）

Наиболее убедительно выглядит гипотеза, связывающая компонент *«сарыг»* с топонимом «Янгишар» (疏勒, «Шулэ») — историческим названием Кашгара. Иными словами, сарыг-уйгуры (撒里畏兀) должны пониматься как «уйгуры из Шулэ» (疏勒畏兀) [Дэн Жуйлин, 1936, с. 58].

В китайской историографии эпохи Сун было принято прилагать к названию уйгурской группы географическое обозначение района ее кочевий [Чжун Цзиньвэнь, 1992, с. 25]. Например, в китайских источниках наряду с «сычуаньскими уйгурами» (西川回鹘) и «кучанскими уйгурами» (龟兹回鹘) фиксируются «желтоголовые уйгуры» (黄头回鹘). При анализе данной конструкции необходимо учитывать синтаксическую норму китайского и тюркских языков, согласно которой определяющее слово обычно предшествует определяемому. В названиях таких групп, как ганьчжоуские (甘州回鹘), шачжоуские (沙州回鹘), лянчжоуские (凉州回鹘) и хэланьшаньские (贺兰山回鹘) уйгуры, первая часть, несомненно, является топонимом. Следовательно, по структурной аналогии можно заключить, что и компонент *«хуантоу»* (黄头) в данном случае может отражать не цветовой признак, а географическое обозначение территории, связанной с расселением уйгуров. В этом смысле гипотеза Цэнь Чжунмяня о том, что *«сарыг»* представляет собой топоним, вполне обоснованна.

Согласно этой версии, *«сарыг»* можно интерпретировать как обозначение реки Шулэхэ (疏勒河), залива Сулевань (苏勒河湾), расположенного на границе Суннань-Юйгурского автономного уезда с провинцией Цинхай [Дэн Жуйлин, 1936, с. 2] или местности Сулечуань (苏勒川), которую также называют «Сила» (西喇) [Тао Баолянь, 2002, с. 1].

Созвучные *«сарыг»* топонимы встречаются и в других исторических источниках. В цзюанях 507, 511 и 513 сунского трактата «Сюй цзычжи тунцзянь чанбянь» (续资治通鉴长编) неоднократно упоминается город Силегаэр (锡勒噶尔城), расположенный на западе Цинхая. В цинском географическом трактате «Си юй шуй дао цзи» (西域水道记) река Данхэ (党河) передается как Сиэрхацзиньхэ (锡尔哈晋河) или Силэхацзиньхэ (西勒哈金河), а в «Мэн гу ю му цзи»

(蒙古游牧记) — как Сиэрхалацзиньхэ (西尔噶拉金河). На современных картах верховья Данхэ обозначаются как Салахэ (萨拉河). Все эти формы указывают на устойчивую традицию фонетических вариантов одного и того же географического названия. Следовательно, *«сарыг»* в этнониме с высокой вероятностью связано именно с этим топонимическим рядом [Ли Тао, 2016, т. 507, 511, 513].

В цинских исторических трудах, таких как «Хуан чао фань бу яо люэ» [Ци Юньши, 1965] и «Гань чжоу фу чжи» (甘州府志) [Чжун Гэнци, 2007], сарыг-уйгуров называют «монголами реки Сила» (西喇郭勒蒙古), «монголами Силагар» (锡拉古尔蒙古), «желтыми фань Силагар» (西喇古尔黄番).

В «Чун сю Су чжоу чжи» (重修肃州志) прямо сказано, что земли кочевий сарыг-уйгуров «изначально назывались государством Шила» (本名师喇国) [Хуан Вэньвэй, 2008]. «Шила» (师喇) может быть еще одним вариантом передачи топонима «Шулэ».

Возникает вопрос: почему в китайской традиции закрепился ошибочный перевод «желтоголовые»? Как отмечается в статье «Новое истолкование названия сарыг-уйгуров» [Гао Цзыхоу, 1986, с. 15], в ответах сунскому императору Шэнь-цзуну они использовали тюркскую форму *«Sariγ Uyyar»*, где *«Sariγ»* фонетически передавало топоним «Шулэ». Однако переводчики сунского двора, не знакомые с этим редким географическим названием, восприняли *«Sariγ»* как тюркское слово *«сарыг»* (желтый). В результате топоним перевели по смыслу как «желтоголовые» (黄头), а этноним передали фонетически как «уйгуры» (回鹘). Так в китайских источниках закрепилось составное название уйгуров, сочетающее смысловой и фонетический элементы перевода этнонима.

Историографы эпохи Юань, напротив, в значительной степени избежали этой ошибки и прямо передали исходное звучание сарыг-уйгуров как *«сали вэй'у эр»* (撒里畏兀儿). Именно эта форма впоследствии закрепилась как официальное обозначение сарыг-уйгуров.

Таким образом, топонимическая версия, связывающая *«сарыг»* с регионом Шулэ, получает наибольшее подтверждение как в лингвистическом, так и в историко-географическом отношении. Кроме того, именно она наиболее последовательно объясняет появление параллельного китайского названия «желтоголовые».

Наряду с топонимической версией «Шулэ», которая представляется наиболее аргументированной, в научной литературе присутствует и ряд других гипотез, заслуживающих внимания.

II. «Сарыг» как «сухое русло» и «край желтых песков»

Согласно этой версии, *«сарыг»* следует рассматривать как фонетическую транскрипцию тюркского слова *«salihaq»* или *«saliq»*, означающего «речная отмель», «большая речная отмель» или «сухое речное русло». Такое толкование соответствует географическим условиям расселения сарыг-уйгуров и может охватывать обширную территорию на западе озера Лобнор (盐泽) до реки Шулэхэ (疏勒河) [Чжун Цзиньвэнь, 1992, с. 25].

Важно отметить, что в конце эпохи Тан сарыг-уйгуры проживали на территориях, где во времена Южных и Северных династий находилось сяньбийское государство Тогон (吐谷渾), окруженное «желтыми песками». Поэтому эта область называется Шачжоу (沙州, песчаная область) [Чжун Цзиньвэнь, 1992, с. 25]. Исходя из этого, «желтоголовые уйгуры» могло быть смысловым обозначением, основанным на представлении о землях сарыг-уйгуров как о территории, расположенной на «краю желтых песков».

III. «Сарыг» как река Селенга

На стеле периода Юань «Гао чан ван ши лин бэй» (高昌王世陵碑) о происхождении уйгуров говорится, что они вышли из междуречья рек Тухула (禿忽剌) и Чжанлинге (障灵哥). Река

Тухула — это современная река Тола в Монголии, а река Чжанлинге — река Селенга, притоком которой является река Орхон. Так как междуречье рек Тола и Орхон по некоторым версиям считается Отюкеном, прародиной тюрко-монгольских народов [Игнатова, Китинов, 2025, с. 553], сарыг-уйгуры могли себя назвать «уйгуры с берегов реки Чжанлинге», таким образом, «Чжанлинге» может быть одним из фонетических вариантов транскрипции *«сарыг»* [Хэ Цзиньлань, 2012, с. 32].

IV. Гипотеза о связи с туркменским племенем салыр

Еще одна гипотеза происхождения этнонима *«сарыг»* отсылает нас к туркменскому племени *«салыр»* (salyr), что в переводе с туркменского означает «вооруженный саблей». Согласно «Родословной туркмен» Хивинского хана и историка Абу-ль-Гази, салыры входили в группу 24-х самых ранних туркменских (огузских) племен, ведущих свое происхождение от внука Огуз-хана Салыра [Кононов, 1958].

В 1370 г. часть туркмен-салыров переселилась из Самарканда в Кашгарию (совр. Сюньхуа-Саларский автономный уезд провинции Цинхай), где они стали известны как салары [Резван, 2012, с. 244]. На современной карте КНР видно, что Сюньхуа-Саларский автономный уезд, где проживают салары, и Сунань-Югурский автономный уезд, где проживают сарыг-уйгуры, располагаются в географической близости друг от друга (рис. 1), что также может говорить об исторических связях саларов-потомков туркмен и сарыг-уйгуров. Таким образом, *«сарыг»* также может быть фонетическим вариантом туркменского слова *«салар»* или *«салыр»*.

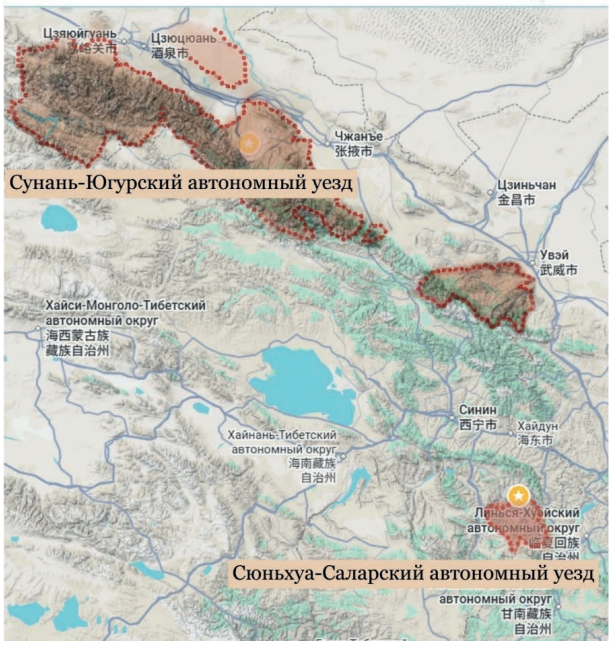


Рис. 1. Географическое расположение Суннань-Югурского автономного уезда (провинция Ганьсу) и Сюньхуа-Саларского автономного уезда (провинция Цинхай), КНР
Источник: составлено автором на основе картографических данных Google Earth

Заключение

Проведенный анализ этимологии сарыг-уйгуров показывает, что исследуемая общность формировались как сложная этнокультурная группа, возникшая в результате длительного взаимодействия уйгурских и монгольских общностей в Хэсийском коридоре и на северо-востоке Тибетского

нагорья. В результате распада Уйгурского каганата в 840 г. тянь-шаньские уйгуры переняли оседлый образ жизни и исламизировались, а ганьчжоуские и шачжоуские уйгуры придерживались кочевого уклада и буддийской традиции. Катализатором консолидации этнических групп стала интеграция региона в имперскую систему Юань в XIII в. Появление монгольской военно-политической элиты во главе с потомками Чубея обеспечило внедрение монгольского компонента в этногенез уйгуров. Окончательное формирование сарыг-уйгуров произошло в середине XVI в. в результате их масштабной миграции на восток от *Цзяюйгуаня*.

Понимание исторического пути сарыг-уйгуров позволяет по-новому взглянуть на дискуссию вокруг этимологии этнонима *«сарыг»*. Анализ китайских хроник, тюркской топонимики и исторической фонетики позволяет рассмотреть несколько гипотез происхождения этнонима. Наиболее обоснованным представляется топонимическое прочтение термина, связывающего *«сарыг»* с историко-географическим регионом Шулэ и такими гидронимами, как Шулэхэ, Сила и Салехэ. Альтернативные гипотезы, определяющие *«сарыг»* как сухое русло, область желтых песков», как реку Селенга или туркменское племя салыр, хотя и отражают многовекторность культурных контактов предков сарыг-уйгуров, но уступают топонимической версии в источниковой убедительности.

Литература / Reference

Бартольд В. В. *Очерк истории Семиречья*. Фрунзе: Издательство Академии наук Киргизской ССР, 1963 [Bartol'd V. V. *Outline of the History of Semirechye*. Frunze: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1963 (in Russian)].

Зуев Ю. А. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*. Алматы: Дайк-Пресс, 2002 [Zuev Yu. A. *Early Turks: Essays on History and Ideology*]. Almaty: Daik-Press, 2002 (in Russian)].

Игнатова М. М., Китинов Б. У. Буддийские памятники Орхоно-Туульского региона. *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2025. № 4. С. 551–565 [Ignatova M. M., Kitinov B. U. Buddhist Monuments of the Orkhon–Tuul Region. *RUDN Journal of World History*. 2025. No. 4. Pp. 551–565 (in Russian)].

Кононов А. Н. *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского.* Отв. ред. С. Е. Малов. М: Издательство Академии наук СССР, 1958 [Kononov A. N. *Genealogy of the Turkmens. The Work of Abu al-Ghazi, Khan of Khiva.* Ed. S. E. Malov. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958 (in Russian)].

Резван М. Е. Паломничество как функция транспортного коридора (по материалам экспедиций МАЭ РАН 2008–2011 гг.). *Центральная Азия: традиция в условиях перемен*. Вып. 3. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. С. 244–269 [Rezvan M. E. Pilgrimage as a Function of a Transport Corridor (Based on the Materials of the MAE RAS Expeditions of 2008–2011). *Central Asia: Tradition in the Face of Change*. Iss. 3. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, 2012. Pp. 244–269 (in Russian)].

高自厚. 论裕固族源流的两大支系. 西北民族研究. 兰州: 哲学社会科学版. 1995. 第1期. 第102–111页. Гао Цзыхоу. О двух основных ветвях происхождения югуров. *Сибэй миньцзу яньцзю*. Ланчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1995. № 1. С. 102–111 [Gao Zihou. On the Two Main Branches of the Origin of the Yugur Ethnic Group. *Xibei minzu yanjiu*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1995. No. 1. Pp. 102–111 (in Chinese)].

高自厚. 撒里畏吾与蒙古宗王出伯 — 裕固族源流中蒙古支系的由来、演变及其重大影响. 西北民族学院学报. 兰州: 哲学社会科学版. 1990. 第4期. 第34–39页. Гао Цзыхоу. Сарыг-уйгуры и монгольский правитель Чубей — происхождение, эволюция и значительное влияние монгольской ветви в происхождении югуров. *Сибэй миньцзу сюэюань сюэбао*. Ланчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1990. № 4. С. 34–39 [Gao Zihou. Salig Uyghurs and the Mongolian Prince Chubai: The Origin, Evolution and Significant Influence of the Mongolian Branch in the Origin of the Yugur Ethnic Group. *Xibei minzu xueyuan xuebao*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1990. No. 4. Pp. 34–39 (in Chinese)].

高自厚. 撒里畏兀儿东迁和裕固族的形成. 西北民族研究. 兰州: 哲学社会科学版. 1986. 第1期. 第106–120页. Гао Цзыхоу. Восточное переселение сарыг-уйгуров и формирование югуров. *Сибэй миньцзу яньцзю*. Ланчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1986. № 1. С. 106–120 [Gao Zihou. The Eastward Migration of the Sali Uyghurs and the Formation of the Yugur Ethnic Group. *Xibei minzu yanjiu*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1986. No. 1. Pp. 106–120 (in Chinese)].

高自厚. 撒里维吾尔新释. 西北民族大学学报. 兰州: 哲学社会科学版. 1986. 第2期. 第10–15页. Гао Цзыхоу. Новое истолкование «сарыг-уйгур». *Сибэй миньцзу дасюэ сюэбао*. Ланьчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1986. № 2. С. 10–15 [Gao Zihou. A New Interpretation of Sali Uyghur. *Xibei minzu daxue xuebao*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1986. No. 2. Pp. 10–15 (in Chinese)].

高自厚. 简述裕固族族称和突厥语地名的关系. 语言与翻译. 兰州: 哲学社会科学版. 1992. 第1期. 第24–26页. Гао Цзыхоу. Кратко о связи этнонима югуров и тюркских топонимов. *Юйянь юй фаньи*. Ланьчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1992. № 1. С. 24–26 [Gao Zihou. A Brief Discussion on the Relationship between the Ethnonym of the Yugur and Turkic Toponyms. *Yuyan yu fanyi*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1992. No. 1. Pp. 24–26 (in Chinese)].

高自厚. 裕固族“安”姓来源考. 西北民族学院学报. 兰州: 哲学社会科学版. 1990. 第4期. 第102–110页. Гао Цзыхоу. Исследование происхождения фамилии «Ань» у югуров. *Сибэй миньцзу сюэюань сюэбао*. Ланьчоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1990. № 4. С. 102–110 [Gao Zihou. Yuguzu “An” xing laiyuan kao (A Study on the Origin of the “An” Surname among the Yugur). *Xibei minzu xueyuan xuebao.* Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1990. No. 4. Pp. 102–110 (in Chinese)].

邓瑞龄. 明初曲先阿端安定军东四卫考. 辅仁学志. 北京: 中国藏学出版社出版. 1936. 第6卷. 第2期. 第58–65页. Дэн Жуйлин. Исследование четырёх восточных гарнизонов Цюйсянь, Адуань, Аньдин и Цзюнь в начале Мин. *Фужэнь сюэчжи*. Пекин: Чжунго цзансюэ чубаньшэбань. 1936. Т. 6. № 2. С. 58–65 [Deng Ruiling. A Study of the Four Wei of Quxian, Aduan, Anding and Jun in the Early Ming. *Furen xuezhi*. Beijing: Zhongguo zangxue chubansheban. 1936. Vol. 6. No. 2. Pp. 58–65 (in Chinese)].

甘肃省民族事务委员会, 甘肃省民族研究所. 兰州: 甘肃少数民族. 1989. 第190–192页. Комитет по делам национальностей провинции Ганьсу. *Ганьсу шэн миньцзу яньцзюсо*. Ланьчжоу: Ганьсу шаошуминьцзу. 1989. С. 190–192 [Gansu Provincial Ethnic Affairs Commission. *Gansu Provincial Institute of Ethnic Studies*. Lanzhou: Gansu shaoshu minzu. 1989. Pp. 190–192 (in Chinese)].

李焘. 续资治通鉴长编. 北京: 中华书局. 2016. 第511册. Ли Тао. *Продолжение пространного зерцала для управления государством*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016. Т. 511 [Li Tao. *Continuation of the Comprehensive Mirror for Aid in Government*. Beijing: Zhonghua Shuju, 2016. Vol. 511 (in Chinese)].

李焘. 续资治通鉴长编. 北京: 中华书局. 2016. 第507册. Ли Тао. *Продолжение пространного зерцала для управления государством*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016. Т. 507 [Li Tao. *Continuation of the Comprehensive Mirror for Aid in Government*. Beijing: Zhonghua Shuju, 2016. Vol. 507 (in Chinese)].

李焘. 续资治通鉴长编. 北京: 中华书局. 2016. 第513册. Ли Тао. *Продолжение пространного зерцала для управления государством*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2016. Т. 513 [Li Tao. *Continuation of the Comprehensive Mirror for Aid in Government*. Beijing: Zhonghua Shuju, 2016. Vol. 513 (in Chinese)].

陶保廉. 辛卯侍行记. 兰州: 甘肃人民出版社. 2002. 436页. Тао Баолянь. *Путевые заметки года Синь-мао*. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2002 [Tao Baolian. *Travel Notes of the Xinmao Year*. Lanzhou: Gansu renmin chubanshe, 2002 (in Chinese)].

屠寄. 蒙兀儿史记. 台北: 世界书局, 1962. 第10册. Ту Цзи. *Исторические записи о монголах*. Тайбэй: Шицзе шуцзю, 1962. Т. 10 [Tu Ji. *Historical Records of the Mongols*. Taipei: Shijie shuju, 1962. Vol. 10 (in Chinese)].

胡广. 太祖洪武实录. 卷90. 洪武七年六月条 (1374年7月). 沈阳: 广陵书社. 1990. 13 页 Ху Гуан. *Подлинные записи [правления] Тай-цзу (эпоха Хунъу). Запись за шестой месяц седьмого года Хунъу (июль 1374 г.)*. Шэньян: Гуанлин шушэ, 1990. Т. 90. 13 с. [Hu Guang. *Veritable Records of Taizu of Ming. Entry for the Sixth Month of the Seventh Year of Hongwu (July 1374)*. Shenyang: Guangling shushe. 1990. Vol. 90. 13 p. (in Chinese)].

黄文炜. 重修肃州新志. 南京: 中华书局出版. 2008. 第3卷. Хуан Вэньвэй. *Вновь пересмотренная хроника Сучжоу*. Нанкин: Чжунхуа шуцзюй чубань, 2008. Т. 3 [Huang Wenwei. *Newly Revised Gazetteer of Suzhou*. Nanjing: Zhonghua Shuju Chuban, 2008. Vol. 3. (in Chinese)].

贺金兰. 元"亦都护高昌王世勋碑"所谈. 张掖: 河西学院学报. 2012. 第28卷. 第1期. 8–23页. Хэ Цзиньлань. О стеле «Заслуг предков Идуху Гаочан-вана» эпохи Юань. Хэси сюэюань сюэбао. Чжанъе: *Хэси сюэюань сюэбао чубаньшэ*. 2012. Т. 28. № 1. С. 8–23 [He Jinlan. A Brief Discussion on the Yuan Dynasty "Stele of Yiduhu Gaochangwang Shixun". Hexi xueyuan xuebao. Zhangye: *Hexi xueyuan xuebao chubanshe*. 2012. Vol. 28. No. 1. Pp. 8–23 (in Chinese)].

祁韵士. 皇朝藩部要略. 山西: 浙江书局. 1965. Ци Юньши. *Краткое изложение о вассальных племенах императорской династии*. Шаньси: Чжэцзян Шуцзюй, 1965 [Qi Yunshi. *A Brief Outline of the Imperial Dynasty's Vassal Tribes*. Shanxi: Zhejiang Shuju, 1965 (in Chinese)].

张廷玉. 明史.西域. 北京: 中华书局, 1974. 卷227. Чжан Тинъюй. *История Мин. Западный край*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. Т. 227 [Zhang Tingyu. *History of Ming. Western Regions*. Beijing: Zhonghua Shuju, 1974. Vol. 227 (in Chinese)].

张廷玉. 明史. 西域. 列传*218*. 北京: 中华书局, 1974. 卷327. Чжан Тинъюй. *История Мин. Западный край Жизнеописания 218*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. Т. 327 [Zhang Tingyu. *History of Ming. Western Regions. Liezhuan 218*. Beijing: Zhonghua Shuju, 1974. Vol. 327 (in Chinese)].

张廷玉. 明史. 列传218. 西域. 北京: 中华书局. 1974. 卷330. Чжан Тинъюй. *История Мин. Западный край Жизнеописания 218*. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. Т. 330 [Zhang Tingyu. *History of Ming. Western Regions. Liezhuan 218*. Beijing: Zhonghua Shuju, 1974. Vol. 330 (in Chinese)].

张养吾. 民族问题五种丛书. 北京: 中央民族学院出版社. 1992. Чжан Янъу. *Пять серий книг по национальным вопросам*. Пекин: Чжунъян Миньцзу Сюэюань Чубаньшэ, 1992 [Zhang Yangwu. Five Series of Books on Nationalities Issues. Beijing: Zhongyang Minzu Xueyuan Chubanshe, 1992 (in Chinese)].

赵晓星. 北宋至西夏时期敦煌石窟的回鹘艺术体系. 敦煌研究. 武汉: 湖北美术学院学报出版社. 2024. 第1期. 第107–125页. Чжао Сяосин. Художественная система уйгуров в дуньхуанских пещерах от Северной Сун до Западного Ся. Дуньхуан яньцзю. Ухань: *Хубэй мэйшу сюэюань сюэбао чубаньшэ*. 2024. № 1. С. 107–125 [Zhao Xiaoxing. The Uyghur Artistic System in Dunhuang Caves from the Northern Song to the Western Xia Period. Dunhuang yanjiu. Wuhan: *Hubei meishu xueyuan xuebao chubanshe*. 2024. No. 1. Pp. 107–125 (in Chinese)].

钟赓起. 甘州府志. 乾隆四十四年 (1779). 兰州: 甘肃文化出版社. 2007. 11卷. Чжун Гэнци. *Хроника Ганьчжоу. 44-й год Цяньлун (1779)*. Ланьчжоу: Ганьсу Вэньхуа Чубаньшэ. 2007. Т. 11 [Zhong Gengqi. *Gazetteer of Ganzhou Prefecture. Qianlong 44th year (1779)*. Lanzhou: Gansu wenhua chubanshe, 2007. Vol. 11 (in Chinese)].

钟进文. 简述裕固族族称和突厥语地名的关系. 语言与翻译. 兰州: 哲学社会科学版. 1992. 第1期. 24–26页. Чжун Цзиньвэнь. Кратко о связи этнонима югуров и тюркских топонимов. *Юйянь юй фаньи*. Ланьчжоу: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1992. № 1. С. 24–26 [Zhong Jinwen. A Brief Discussion on the Relationship between the Ethnonym of the Yugur and Turkic Toponyms. *Yuyan yu fanyi*. Lanzhou: Zhexue shehui kexue ban. 1992. No. 1. Pp. 24–26 (in Chinese)].

严从简. 殊域周咨录. 卷15. 北京: 中华书局. 1993. Янь Цунцзянь. *Записи о вопросах и советах по окраинным землям*. Т. 15. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1993 [Yan Congjian. A Record of Inquiries about the Border Regions. Vol. 15. Beijing: Zhonghua Shuju, 1993 (in Chinese)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-033-042

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-АБХАЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XIX в.

© 2026

Л. И. Цвижба[1]

Публикация посвящена турецкой контрабандной торговле на Черноморской береговой линии и мерам, принимавшимся Россией для пресечения контактов с Турцией. С занятием побережья Абхазии российскими гарнизонами и учреждением таможенных застав в 30-е годы XIX в. привоз товаров из Турции в Абхазию почти прекратился. Турецкие товары появлялись контрабандой, что затрудняло жителям приобретение необходимых им изделий и реализацию собственных. Турецкие контрабандные суда, попадая в поле зрения береговой линии, большей частью «благополучно миновали российские крейсеры». Построенные укрепления вдоль береговой линии от Анапы до Сухума должны были отрезать Северо-Западный Кавказ от турок и контрабандных товаров из Турции, Англии и прекращения работорговли, в том числе вывоза невольниц из Абхазии. Наместник кавказский М.С. Воронцов считал, что лучшим и самым надежным средством к пресечению таковых сношений является немедленная высылка в Турцию всех турок, живущих в Абхазии без письменных видов и не имеющих там оседлости, а тех, кто имеет оседлость, – выслать с побережья вовнутрь Абхазии. В решении этого сложного вопроса были задействованы главнокомандующий Отдельного Кавказского корпуса, управляющий Сухум-кальским карантинно-таможенным округом, начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии и владетель Абхазии М. Г. Шервашидзе. Эту контрабандную практику пытаются прекратить военные чиновники и призывают к тому владетеля Абхазии М. Шервашидзе.

Ключевые слова: Турция, Абхазия, Россия, контрабанда, работорговля, М.С. Воронцов, М. Шервашидзе

Для цитирования: Цвижба Л. И. Турецкий фактор в российско-абхазских отношениях XIX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 33–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-033-042

THE TURKISH FACTOR IN NINETEENTH CENTURY RUSSIAN-ABKHAZIAN RELATIONS

Larisa I. Tsvizhba

The publication is devoted to Turkish smuggling trade on the Black Sea coastline and measures taken by Russia to suppress contacts with Turkey. With the occupation of the coast of Abkhazia by Russian garrisons and the establishment of customs outposts in the 30s of the XIX century, the import of goods from Turkey to Abkhazia almost stopped. Turkish goods appeared by smuggling, which made it difficult for residents to purchase the products they needed and sell their own. Turkish smuggling vessels, coming into view of the coastline, for the most part 'safely passed Russian cruisers'. The fortifications built along the coastline from Anapa to Sukhum were

[1] Цвижба Лариса Исиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru

Larisa I. Tsvizhba, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru

supposed to cut off the Northwest Caucasus from the Turks and smuggled goods from Turkey, England and the end of the slave trade, including the export of slaves from Abkhazia. Caucasian Viceroy M.S. Vorontsov believes that the best and most reliable means of crossing such relations is the immediate expulsion to Turkey of all Turks living in Abkhazia without written species and without settlement there, and those who have settled are sent from the coast to the interior of Abkhazia. The commander-in-chief of the Separate Caucasian Corps, the Manager of the Sukhum-Kalsky Quarantine and Customs District, the head of the 3rd branch of the Black Sea coastline and the ruler of Abkhazia M. G. Shervashidze were involved in solving this difficult issue. Military officials are trying to stop this smuggling practice and call for the ruler of Abkhazia M. Shervashidze.

Keywords: Türkiye, Abkhazia, Russia, smuggling, slave trade, M.S. Vorontsov, M. Shervashidze

For citation: Tsvizhba L. I. The Turkish Factor in the Nineteenth Century Russian-Abkhazian Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 33–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-033-042

В начале XIX в. в Абхазии меновый торг был распространенным видом торговли. Товары, «необходимые для нужд абхазов и жен их, бумажные и шелковые ткани, медная посуда и другие изделия, соль, крайне необходимая в хозяйстве, доставлялись турками в обмен на товары, доставляемые местными жителями», — так писал в 1835 г. Ф. Ф. Торнау во «Взгляде на настоящее положение Абхазии и русских войск ее занимающих» (РГВИА 1: 5). Так было до занятия побережья Абхазии российскими гарнизонами и утверждения таможенных застав в 30-е годы XIX в. Привоз товаров в Абхазию почти прекратился, но они появлялись контрабандой, что «затрудняло приобретение предметов, сделавшихся абхазам первой необходимостью», и побуждало жителей к «недоброжелательности к русским и приверженности к туркам». Абхазские товары преимущественно реализовывались на ярмарках и базарах, которые чаще всего проходили в селениях [Цвижба, 2000, с. 33–34].

5 июля 1834 г. командир Отдельного Кавказского корпуса пишет военному министру генерал-адъютанту А. И. Чернышеву о соединении сухопутной Военно-Имеретинской дороги с крепостью Сухум и о необходимости создания «для совершенного же прекращения торговли с турками» по всему восточному берегу Черного моря менового торга по примеру турецких промышленников [РГВИА 2: 13–24].

В 1836 г. наместник кавказский генерал-адъютант М. С. Воронцов произвел осмотр Черноморской береговой линии для последующего «учреждения торговли с черкесами и абазинцами и усиления мирных дружеских сношений с горцами». 26 августа 1836 г. по результату осмотра направлено всеподданнейшее донесение, из которого следовало, что горцы активно общаются с турецкими торговцами. Эту информацию подтверждали следующие факты: «за прошедшие годы» 60 судов «благополучно миновали российские крейсеры, из них были задержаны только 8, столько же в текущем 1836 году» [РГВИА 3: 1–38 об.; Цвижба, 2023, с. 18–24].

Черноморская береговая линия — это цепь укреплений вдоль побережья Черного моря от Анапы до Сухума, построенных в 1837–1839 гг. с целью отрезать Северо-Западный Кавказ от турок и контрабандных поставок, в том числе оружия, соли из Турции, Англии и прекращения работорговли. Российская администрация на Кавказе пытается прекратить общение горцев с турецкими торговцами и вывоз невольниц в Турцию, который происходил в том числе и из Абхазии.

Ниже представлены источники по рассматриваемой теме — переписка между наместником кавказским, главнокомандующим Отдельного Кавказского корпуса, Управляющим Сухум-кальским карантинно-таможенным округом, начальником 3-го отделения Черноморской береговой линии и владетелем Абхазии М. Г. Шервашидзе. Они хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде 788 — Гражданская канцелярия командующего

войсками правого крыла и наказного атамана Черноморского казачьего войска**.** Материалов о торговле и контрабанде на Черноморской береговой линии в архивах предостаточно, но здесь представлено 8 документов — как пример, отражающий события, имевшие место на береговой линии, в частности в Абхазии. Они показывают также борьбу двух держав за политическое и экономическое господство в Кавказском регионе.

Документы, приводимые ниже, публикуются впервые и расположены в хронологическом порядке, снабжены заголовками и легендами. В легендах указаны поисковые данные и степень подлинности источника. Тексты публикуются в современной орфографии.

№ 1

10 мая 1852 г. — Отзыв наместника кавказского и главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта М. С. Воронцова начальнику Черноморской береговой линии с предложением о высылке из Абхазии турок

Господину начальнику Черноморской береговой линии!

Признавая, что непозволительные сношения турецких судов с Абхазским берегом не могли бы иметь места без содействия турок, поселившихся на этом берегу, я считаю, что лучшим и самым надежным средством к пересечению таковых сношений было бы: выслать немедленно в Турцию всех турок, живущих в Абхазии без письменных видов и не имеющих там никакой оседлости. Тех же из них, которые имеют оседлость по письменным видам, выселить из прибрежных мест вовнутрь Абхазии с тем, чтобы впредь до времени не позволять вообще туркам селиться на берегу Абхазии без разрешения Вашего превосходительства. Но так как для приведения этой меры в исполнение необходимо деятельное содействие владетеля этой страны, то я отнесся к генерал-адъютанту князю Шервашидзе и просил его уведомить меня: находит ли он возможным ввести эту меру в Абхазию, хотя бы с местными обстоятельствами. А Ваше превосходительство прошу я с вашей стороны стараться склонить его к тому и объяснить его [ему], сколь полезно это будет не только для пресечения контрабандной торговли, но и для удержания порядка и спокойствия в самой Абхазии и от скольких неприятных случаев избавит это самого владетеля.

О следующих распоряжениях ваших по означенным предметам предлагаю мне донести.

Главнокомандующий генерал-адъютант М. Воронцов (подпись)

Исправляющий должность начальник Главного штаба Свиты

его величества генерал-майор Вольф (подпись)

10 мая 1852 г. Тифлис

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–1 об. Подлинник.

№ 2

5 июня 1852 г. — Письмо управляющего Сухум-кальским карантинно-таможенным округом Л. М. Серебрякова владетелю Абхазии М. Шервашидзе с просьбой о недопущении вывоза из Абхазии невольниц турецкими торговцами

Его светлости князю М. Г. Шервашидзе.

Милостивый государь князь Михаил Георгиевич!

Принятие начальством меры крейсерства со стороны плавающих у восточных берегов Черноморского моря судов особой эскадры и Азовских ладей способствовали прекращению тайных сношений с горцами турецких контрабандистов и вместе с тем преградили путь к вывозу за границу

для продажи невольниц, приобретаемых ими от горцев. Между тем горцы пользовались у нас снисхождением относительно получения заграничных паспортов, по которым они могли отправляться за границу с семействами и слугами. Снисхождение это успели употребить в свою пользу и турки, торгующие невольницами. Горцы, по соглашению с ними, начали показывать в числе своих семейств и прислуги невольниц, закупленных турками в горах, и вывозить таким образом за границу.

Но в начале текущего года высшее начальство предписало самые строгие правила и ограничения относительно выдачи горцам заграничных паспортов. Правила эти устремлены, между прочим, и противу вывоза за границу горцами под видом своих семейств невольниц, принадлежащих турецким торговцам. Таким образом, лишенные возможности к вывозу невольниц в Турцию на контрабандных кочермах, за бдительностью наших крейсеров, и не находя у горцев того посредства, каким прежде можно было у них пользоваться, турецкие торговцы бросились к новому способу: закупая в горах невольниц, они целыми партиями начали пробираться сухопутно в Абхазию: Очамчиры, Келасуры и другие места, откуда находили возможность отправить невольниц за границу**.** Несколько удачных попыток, о которых я получил достоверные сведения, заставили меня обратить на это обстоятельство особенное внимание местных начальств, и недавно около укреплений Гагр и Пицунда задержаны целые партии невольниц с сопровождавшими их горцами и турками. Последние положительно объяснили, что путь их направлен был в Очамчиры, дабы из этого порта пробраться за границу, в показаниях своих они подробно изложили порядок вывоза пленных в Турцию через Абхазию, в чем будто бы содействуют им некоторые местные лица за определенную плату, сообразно с числом проводимых невольниц. Так как торговля в горах невольницами и вывоз их в Турцию для продажи должны быть у нас преследуемы по распоряжению высшего начальства, основанного на высочайшей воле, то я имею честь сообщить вашей светлости о вышеизложенном на тот конец, не благоугодно ли будет вам принять строгие меры к недопущению вывоза из Абхазии морем невольниц и учредить строгий сухопутный надзор.

Турки могут пытаться провозить невольниц через Самурзакань, Мингрелию и Гурию. Не благоугодно ли будет вам принять строгие меры к недопущению вывоза из Абхазии морем невольниц и учредить строгий сухопутный надзор для предупреждения прохода турецких торговцев с невольницами в Самурзакань и Мингрелию с тем, чтобы турки и горцы, захваченные с невольницами, передаваемы были вместе с ними в распоряжение исправляющего должность начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии. О последующем почтить меня уведомлением.

Примите уверение в истинном почтении и совершенной преданности, с коими честь имею пребыть Вашей светлости.

Подписал Л. М. Серебряков

Верно: столоначальник

№ 1158

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 111. Л. 3–4 об. Копия.

- Аналогичное письмо направлено 5 июня 1852 г. владетелю Мингрелии Давиду Левановичу Дадиани (РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 111. Л. 5–6).

№ 3

7 июня 1852 г. — Письмо управляющего Сухум-кальским карантинно-таможенным округом Л. М. Серебрякова владетелю Абхазии М. Шервашидзе о целесообразности высылки турок из Абхазии

Его светлость Наместник кавказский, вследствие неоднократных донесений о задержании у абхазского берега турецких мелких судов с контрабандными товарами и признавая, что непозволительные сношения турецких судов с абхазским берегом не могли бы иметь места без содействия

турок, поселившихся на этом берегу, изволит находить, что лучшим и самым надежным средством к пересечению таковых сношений было бы выслать немедленно в Турцию всех турок, живущих в Абхазии без письменных видов и не имеющих там никакой оседлости. Тех же из них, которые имеют оседлость по письменным видам, выселить из прибрежных мест вовнутрь Абхазии с тем, чтобы впредь до времени не позволять вообще туркам селиться на берегу Абхазии без разрешения начальника Черноморской береговой линии. Уведомляя меня об этом повелением от 10 прошлого мая за № 658, князь Михаил Семенович присовокупляет, что он отнесся по этому предмету к вашей светлости и об исполнении предложения своего предлагает мне также войти с вами в сношения.

Изложенное выше указание г[осподина] наместника кавказского действительно есть единственная мера, которая с успехом может противодействовать усилившимся сношениям турецких контрабандистов с абхазским берегом; без содействия живущих на этом берегу турок контрабандисты не решились бы на водворение контрабандных товаров с нарушением не только таможенных, но и карантинных постановлений наших, ввиду всех принятых нами мер для наблюдения за берегом; одна только уверенность в личной безопасности поощряет контрабандистов к риску, при котором в случаи неудачи они теряют только товары свои или баркас, а сами всегда надеются иметь возможность скрыться у абхазских турок.

Из всех известных случаев нарушения контрабандистами карантинных и таможенных правил на абхазском берегу не было ни одного, в котором бы принимали участие турки, живущие в Абхазии. Все розыски контрабандистов, уходивших от крейсеров на абхазский берег, оставались безуспешными.

Ваша светлость, без всякого сомнения, в подобных розысках принимали самое живое участие по сношению с вами начальства береговой линии. Посему участие это до сих пор ни один раз не имело желаемых последствий, то в этом виноваты турки, у которых контрабандисты постоянно находят приют и средства пробраться или в горы к непокорным племенам, или обратно в Турцию, избегая, таким образом, заслуженного ими наказания. Единственный случай задержания контрабандистов местными абхазскими властями представляет поимка в недавнее время князем Дмитрием Шервашидзе турков, провозивших порох и бежавших от крейсеров на абхазский берег близ Келасур. Прекращение сношений турецких контрабандистов с абхазским берегом, кроме значения в смысле карантинном и таможенном, имеет также большую важность в смысле политическом: не раз было обнаружено, что турецкие торговцы, имея тайные сношения с абхазским берегом, свозили и передавали живущим там туркам не одни товары, но и каких-то людей, прибывших из Турции, а кто эти люди, неизвестно, целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа, а между тем между ними могут быть злоумышленники, пробирающиеся из заграницы к непокорным горским племенам с видами, для нас вредными. <...>

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 2–3 об. Копия.

№ 4

18 июля 1852 г. — Сообщение наместника кавказского М. С. Воронцова управляющему Сухум-кальским карантинно-таможенным округом Л. М. Серебрякову о разговоре с М. Шервашидзе о переселении турок, живущих на береговой линии

Милостивый государь Лазарь Маркович!

При свидании моем здесь с владетелем Абхазии я переговорил с Его светлостью о многих делах, до владения касающихся, и нашел в нем полную готовность помогать нам деятельно и во всем,

что от него зависит по всем делам, в которых действия наши должны идти совокупно с мерами местного начальства как для сохранения порядка, для защиты края от неприятельских покушений, так и для истребления на берегу контрабанды, столь для нас вредной и в торговом, и в политическом отношении. Князь Шервашидзе мне объявил, что он непременно переселит всех турок, живущих теперь в разных местах и хуторами близ берега или в Сухум-кале, или в Очамчирах, где они могут заниматься правильною торговлею и будут находиться под необходимым для них покровительством как самого владетеля, так и русского военного начальства**.** Таким образом, можно надеяться, что преступные действия по контрабанде и слухи, иногда увеличенные об оной и, особливо, о гнусной торговле мальчиков и девиц черкесского племени, столь неприятной для самого государя императора, прекратятся.

Вместе с тем, насчет меры недавно нами взятой о преследовании нашими военными баркасами по берегу Абхазии турецких контрабандных судов не только до берега, но и внутри края, владетель изъявил свое опасение, что применение в мирный и покорный правительству край тех же мер, которые берутся на протяжении обитаемом немирными и совершенно неприятельскими черкесами, не может не возбудить неудовольствие и даже страх между его подвластными. Я ему на это отвечал, что пример, недавно случившийся близ Келасур, доказывает необходимость, чтобы наши крейсеры и в особенности азовские баркасы, преследующие турецкие кочермы, явно идущие контрабандою и именно с порохом и сопротивляющиеся военною рукою при высадке их на берег, имели право и сами выйти на оный и преследовать по возможности и ловить людей, которые по ним стреляли. Но дабы в этом не было недоразумения и чтобы жители не могли понять, что мы этою мерою сравниваем подвластных владетелю и покорных нашему правительству жителей Абхазии с племенами немирными и дикими, я буду просить Ваше превосходительство объявить торжественно через начальника 3-го Отделения, что мера, вновь предписанная, не имеет сношения с положением края и жителями оного, но что она предписана единственно по необходимости для преследования турецких судов, которые не только возят контрабанду в край, где контрабанда терпима быть не должна, но сопротивляются военною рукою и стреляют по нашим экипажам во время исправления оными прямого и непременного их долга. Но вместе с тем будет непременно предписано командирам наших баркасов выходить на берег единственно только тогда, когда они гонятся за контрабандными судами, и действовать военною рукою только против тех, которые сопротивляются во время высадки контрабанды и только в таком случае стрелять по ним и стараться их ловить. Со стороны же владетеля будет объявлено и предписано подвластным ему жителям, чтобы они в подобных случаях не давали пристанища и ни в чем не помогали контрабандистам. В заключение представляю при сем на вашу усмотрение просьбу владетеля о выдаче жителям Абхазии заграничных паспортов и не ограничении жителям Абхазии отпуска соли. По внимательному рассмотрению причин, выставленных князем Шервашидзе, мне кажется, что можно согласиться на эти две просьбы его, я их условно представляю на рассмотрение ваше в надежде, что вы найдете это дело возможным.

Примите уверение в совершенном моем к вам почтении и преданности

М. Воронцов (подпись)

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 4–8 об. Подлинник.

№ 5

29 июля 1852 г. — Отношение управляющего Сухум-кальским карантинно-таможенным округом Л. Серебрякова начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии Николаю Петровичу Колюбакину

№ 1774

В последствие предложения ко мне князя наместника кавказского от 18 сего июля за № 115, я покорно прошу ваше высокоблагородие опубликовать в пределах Абхазии во всеобщее сведение прилагаемое при сем объявление мое за № 1775, относительно распоряжений, сделанных мною к ограждении от всяких насилий и притеснений жителей Абхазии со стороны крейсеров при преследовании ими контрабанды на абхазском берегу.

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 12. Отпуск.

№ 6

ОБЪЯВЛЕНИЕ от 29 июля 1852 г.

№ 1775

В последнее время сношения турецких контрабандистов с берегами Абхазии, Самурзакании и Мингрелии значительно усилились**.** Дерзость этих контрабандистов простирается уже до того, что они оказывают вооруженное сопротивление нашим крейсерам, причем недавно еще с нашей стороны был ранен один офицер. Из донесений крейсеров видно, что прибрежные жители нередко помогают контрабандистам и вообще оказывают покровительство сим последним и дают им средства скрываться от преследования крейсеров и местного начальства. Поэтому его светлость наместник кавказский изволил приказать разрешить крейсерам преследовать контрабандистов вооруженною рукою на Абхазском, Самурзаканском и Мингрельском берегах, о чем уже и сделано распоряжение. Вместе с тем его светлость наместник кавказский г[осподин] генерал-адъютант князь Воронцов изволил приказать мне объявить всеобщее сведение, что изложенное предположение предписано по необходимости единственно для преследования турецких судов, которые не только возят контрабанду в край, где контрабанда терпима не должна быть, но сопротивляющиеся военною рукою и стреляют по нашим крейсерам во время исправления оными прямого и непременного их долга, на что командирам Азовских баркасов и крейсирующих судов строго предписано, чтобы они стреляли и вообще действовали военною рукою только против турецких контрабандистов, которые сами окажут сопротивление крейсерам при исполнении сими последними своих обязанностей, что местные жители могут подвергнуться в подобных случаях одной участи с контрабандистами тогда только, когда кто-нибудь при них соединиться с турками и будет им помогать в свозе на берег контрабанды и в сопротивлении крейсерам, иначе всякий немиролюбивый поступок против жителей, не соединившихся с контрабандистами, будет сочтен преступлением со стороны крейсеров, обязанных делать в пределах абхазского берега только то, что они должны делать и в Мингрелии и Самурзакании, и где бы то ни было в настоящем русском владении.

Подписал: вице-адмирал Серебряков

Верно: столоначальник Никитин

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 13–13 об. Отпуск.

№ 7

31 октября 1852 г. — Письмо владетеля Абхазии М. Г. Шервашидзе управляющему Сухум-кальским карантинно-таможенным округом вице-адмиралу Л. М. Серебрякову о невозможности переселить турок с побережья Абхазии

Милостивый государь Лазарь Маркович!

На отзыв Вашего превосходительства от 7-го июня № 1281 уведомить честь имею, что турки, населяющие берег Абхазии и занимающиеся торговлею с давних времен, принадлежат к нашему владетельскому дому. Деды и отцы их родились в Абхазии. И если они еще носят название турок, то это только потому, что они происходят от этого племени, но они прежде и теперь всегда считались нашими подвластными. Как все прочие жители они имеют свои оседлости, заключающиеся в их собственных домах и земли им принадлежащие. Выселить их вглубь края не только неудобно, но даже вредно для края. Не говоря уже о том, что встретилось бы много препятствий в отводе им вновь земли. По этим переселениям они подвинутся к горам, где очень нетрудно им будет войти в торговые сношения с непризнанными нами горцами. Лишенные средств торговли береговой, они будут ее искать в горах, совершенно бесполезной для края и вредной для нас вообще. И переселяя вовнутрь истых магометан, не будет ли это иметь вредное влияние на народ в религиозном отношении, который, можно сказать, только с учреждением епархии в Абхазии получил первое понятие о вере христианской, а это так еще недавно. Но чтобы стеснить их торговый круг действий полицейским надзором, я представлял его светлости князю наместнику на благоусмотрение меру, с которою князь Михаил Семенович вполне согласен. Она заключается в закрытии торговли в тех портах Абхазии, где нет таможенных застав и карантинных учреждений. Надеюсь, что эта мера вполне будет удовлетворительна, она послужит к совершенному искоренению контрабандистов и осуществит те благие намерения, к которым ваше превосходительство с такою заботливостью стремитесь.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть.

Вашего превосходительства покорнейший слуга к[нязь] Михаил Шервашидзе.

Его превосходительству Л. М. Серебрякову
№ 108. 31 октября 1852 года
М. Очамчиры.

РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 99. Л. 18–19. Подлинник.

№ 8

9 января 1853 г. — Отзыв управляющего Сухум-кальским карантинно-таможенным округом Л. Серебрякова владетелю Абхазии М. Шервашидзе о фактах вывоза невольниц через Абхазию в Турцию

Его светлости князю М. Г. Шервашидзе
Милостивый государь князь Михаил Георгиевич!

В отзыве моем от 5 июня прошлого года за № 1156 я имел честь сообщить вашей светлости, что торгующие в горах турки лишились возможности вывозить горских невольниц из мест северной части береговой линии, начали направлять их целыми партиями сухопутно в пределы Абхазии для отвоза оттуда в Турцию. Поэтому я покорнейше просил вашу светлость принять меры к недопущению вывоза морем из Абхазии невольниц и учредить строгий сухопутный надзор для предупреждения прохода чрез Абхазию сухим путем турецких торговцев с невольницами. В ответ на это

я получил 3 минувшего декабря отзыв вашей светлости от 31 октября за № 107, в котором Вы изволите уведомить меня, что сведения, собранные мною о вывозе невольниц через Абхазию, не совсем справедливы и что учреждение сухопутного надзора за проходом партий невольниц вы изволите находить совершенно бесполезным при теперешнем устройстве кордонной линии.

Имею честь уведомить вашу светлость, что я никогда не решился бы беспокоить вас сообщением вам таких сведений, в справедливости которых не имел бы полного убеждения. Для удостоверения вас в этом я нужным считаю изложить здесь содержание следующих донесений Сухум-кальского карантинно-таможенного правления:

1. От 3 прошлого декабря за № 3135 правление доносит, что 26 ноября прибыл из-за границы к Очамчирскому порту турецкий баркас шкипера Ахмета Азиза с гвардионом Сухум-кальского карантина Григорием Труфановым. По съезде на берег вместе со шкипером гвардион Григорий Труфанов объявил Очамчирской заставе, что шкипер развез по укреплениям береговой линии нагруженный им при Сухум-кальском порте товар, а на обратном пути, отойдя из укр. Бомбор, пристал ночью к берегу, принял на кочерму свою 10 горских душ мужского и 26 женского пола и отправились прямо за границу. Высадив пассажиров близ Батума, шкипер, полагаясь на обещание гвардиона, что он о поступке его никому не объявит, возвращался в Редут-кале, но по непогоде принужден был пристать в Очамчиры, где гвардион Труфанов и сделал показание о поступке шкипера Ахмета Азизы.

2. В донесении от 5 минувшего декабря Сухум-кальское карантинно-таможенное правление излагает, что шкипер турецкого баркаса турецкоподданный Али Ибрагим, отправясь от Сухум-кальского порта в Редут-кале под надзором гвардиона Ивана Хоруна, вместо следования по назначению самовольно пристал ночью к берегу, не доходя до Брандского мыса возле речки Маджарки, несмотря на сопротивление и убеждение гвардиона, принял на свою кочерму от ожидавших на берегу турков и абхазцев 20 душ горских пассажиров, наполовину мужчин, и вместе с ними отправились за границу. После двух дней и трех ночей плавания шкипер Али Ибрагим вновь пристал к берегу где-то далее Батума, выгрузил пассажиров, набранных при речке Маджарке, и, оставив гвардиона с судовым паспортом и инструкциею на берегу моря вблизи м. Архати, сам куда-то удалился. Здесь гвардион, оставаясь на берегу семь дней, а на восьмой день по указанию турков нашел его и привез в Сухум-кальский карантин, возвращавшийся из Трапезонта на другом турецком баркасе шкипера турецкоподданного Кямиля Чимем-оглы, торгующий в Сухуме турецкоподданный Апостолии Георги.

Из приведенных двух случаев ваша светлость изволите убедиться, что сведения, сообщенные мною вам от 5 июня за № 1156, положительно справедливы и что учреждение надзора, чтобы партии горских невольниц не проходили сухопутно чрез Абхазию, не только не было бы бесполезно, но совершенно необходимо, потому что вывоз невольниц в Турцию действительно направлен теперь преимущественно через Абхазию, ибо кроме двух приведенных примеров, которые официально дошли до моего сведения, мне положительно известно, что партии горцев обоего пола увезены в Турцию из Абхазии и на других кочермах, не имевших гвардионов и избежавших встречи с нашими крейсерами. Мне остается только повторить, о чем я уже и прежде писал вашей светлости, что кордонная карантинно-таможенная линия мала, крейсерство судов и лодок вдоль восточного берега Черного моря и все другие меры, принимаемые нами для предупреждения злоупотреблений и беспорядков, производимых в крае турецкими контрабандистами, не приведут к достижению желаемой цели без полного содействия нам в этом важном деле со стороны местных владельцев.

С истинным почтением <...>

Подписал: Л. Серебряков.

Верно: столоначальник Никитин.

РГВИА. Ф. 7 88. Оп. 1. Д. 99. Л. 20–21 об. Отпуск.

* * *

Турецкий вопрос будет актуален еще долго, так как Россия препятствовала появлению турок на Кавказе и завозу контрабандных товаров. В то же время русские промышленники не смогли организовать производства для удовлетворения нужд населения региона и конкурировать с турецкими производителями. Россия стремилась максимально предотвратить контакты горцев с турецкоподданными, прекратить вывоз невольниц через абхазские порты в Турцию и вела сложный процесс интегрирования народов Кавказа в империю.

Литература / References

Цвижба Л. И. *Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке*. Сухум: Алашара, 2000 [Tsvizhba L. I. Ethno-demographicis processus in Abkhazia in 19th century. Sukhum: Alashara, 2000 (in Russian)].

Цвижба Л. И. Торговля на Черноморской береговой линии в XIX веке (краткий обзор документов). *Восточный архив. Институт востоковедения РАН.* 2023. № 2 (48). С. 18–24 [Tsvizhba L. I. Trade on the Black Sea Coast in the 19th Century (A Brief Overview of Documents). *Eastern Archive. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. № 2 (48). Pp. 18–24 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military Historical Archive]. Фонд 788. Опись 1. Дело 99; Дело 111.

РГВИА 1: Фонд 482. Опись 1. Дело 57.

РГВИА 2: Фонд 846. Опись 16. Дело 6312.

РГВИА 3: Фонд 846. Опись 16. Дело 6322. Часть 1.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-043-060

СИМЛА: ИНДИЙСКАЯ «МАЛЕНЬКАЯ АНГЛИЯ» И БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГИМАЛАЙСКИХ РЕГИОНАХ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Часть I

© 2026

И. П. Челышева[1]

В статье дается краткое описание особенностей уникального, исторически сложившегося географического пространства северо-западных Гималаев, которое начало активно осваиваться британской колониальной администрацией в начале XIX столетия, прослеживается история возникновения в его границах летней столицы империи Симлы, этапы ее становления как центра проведения политики английских властей в этом регионе. Описываются в основных чертах религиозные поверья, традиции, обычаи и особенности быта уникальной этнической общности *пахари*, населяющей этот регион. Приводится краткий обзор характера взаимодействия центральных властей с окружающими ее княжествами в контексте их экономического развития и политической лояльности. Анализируются инициированные англичанами процессы развития рыночной экономики в этом регионе, существенно изменившие традиционный жизненный уклад пахари и способствующие преодолению его изоляции и последующей интеграции в пан-индийское социокультурное и экономическое пространство, роль в этом ключевых реформ в области лесного законодательства и землепользования.

Ключевые слова: Гималаи, Симла, *пахари*, *бегари*, Ост-Индская компания, сууд, землепользование, лесное хозяйство, Махашу, полиандрия

Для цитирования: Челышева И. П. Симла: индийская «маленькая Англия» и британская политика в северо-западных гималайских регионах (XIX — начало XX в.). Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 43–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-043-060

SIMLA: AN INDIAN ‘LITTLE ENGLAND’ AND ITS ROLE IN BRITISH COLONIAL POLICY IN THE NORTH-WESTERN HIMALAYAN REGION (NINETEENTH – EARLY TWENTIETH CENTURY)

Part I

Irina P. Chelysheva

Article provides brief description of the unique, historically formed sacred space in the North-Western Himalaya region, which British colonial administration started to explore in the beginning of XIX century, traces the establishment of Simla township within its boundaries as the summer capital of the British Empire in India

[1] Челышева Ирина Павловна, кандидат философских наук, независимый исследователь; de_chelyshev@list.ru
Irina P. Chelysheva, Independent researcher; de_chelyshev@list.ru

and the phases of its subsequent development into the focal point of British administration's policy in the whole region. The author gives sketch summery of religious beliefs, traditions, customs and manners of *paharis,* indigenous ethnic group, inhabiting this Himalayan region and analyses shortly the main features of British government's interaction with several Himalayan kingdoms in the context of their economic stature and political loyalty. The article also dwells upon the process of market developments, as well as reforms in the forest and land management, initiated by the colonial administration in this region, which substantially transformed *paharis'* traditional way of life, contributing to the cessation of its isolation and integration into the common pan-Indian socio-economic and political fabric.

Keywords: Himalayas, Simla, *pahari*, *begar*, Ost-Indian Company, suud, land settlement, forest reforms, Mahashu, polyandry

For citation: Chelysheva I. P. Simla: An Indian 'Little England' and Its Role in British Colonial Policy in the North-Western Himalayan Region (Nineteenth – Early Twentieth Century). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 43–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-043-060

Регион западных предгорий Гималаев, который англичане выбрали для того, чтобы обустроить там свою летнюю столицу, был безукоризненно комфортен с точки зрения необычного для Индии мягкого климата и редких по красоте изумрудно-зеленых природных ландшафтов, живописно оттеняемых на горизонте белоснежной грядой гималайских хребтов. Если к этому присовокупить выгодное стратегическое расположение и торгово-экономические интересы, обусловленные близостью к северо-западным границам, то этот выбор можно было считать оптимальным. Впрочем, окружающие будущую столицу территории отличались от остальной Индии не только этими выигрышными достоинствами. Это была особая, своего рода уникальная территория, во многом не похожая на все то, что можно было встретить на просторах остальной страны с точки зрения исторического прошлого, особой культуры, традиций и обычаев, населяющих ее различных этносов и народностей, их специфических религиозных поверий.

Обширные гористые области, простирающиеся вдоль северо-западных границ Индии, Тибета и Китая, были, если полагаться на многочисленные исследования индийских и зарубежных ученых, настолько необычными, не похожими на то, как складывалась жизнь всего остального громадного полуострова Индостан, что описывать их и изучать в общем контексте исследования индийских реалий, начиная с глубокой древности и до прихода туда англичан, было бы непростительной ошибкой. «Этот регион, — отмечает индийский ученый, — следовал в своем развитии по особому пути, значительно отличавшемуся от индо-гангских культур, хотя и впитал в себя некоторые характерные для них овеществленные и теологические особенности, позаимствовав, вместе с тем, многое у Тибета» [Alam, 2008, p. 299].

С этими выводами относительно уникальности индийских предгималайских областей, их особой идентичности, во многом несхожей со всем тем, что можно встретить на обширных просторах равнинной Индии, заочно соглашается в своем фундаментальном труде другой индийский ученый — профессор Д. Д. Шарма, известный исследователь в области санскрита, истории и лингвистики, обладатель многих почетных титулов и престижных дипломов. Опираясь на обширнейший массив сакральных текстов индуизма, начиная с древнейшего из известных памятников индийской письменности Ригведы[2], охватывающего необъятный океан мифологических

[2] «Ригведа» («веда гимнов») — собрание религиозных гимнов, первый известный памятник индийской литературы и один из древнейших религиозных текстов в мире на санскрите. Входит в число четырех сакральных вед — то есть откровений, которые считаются изначально никем не созданными, а постигнутыми древними мудрецами в процессе духовного озарения и лишь позднее записанными. Период сложения гимнов «Ригведы» ориентировочно датируется с 1700 по 1100 г. до н. э.

и религиозно-поэтических сказаний, более поздних по времени возникновения вед, *упанишад*, *пуран, шастр*, *сутр*, а также грандиозную эпическую поэму «Махабхарата» — этот признанный научный авторитет считает, что обширные территории предгорий индийских Гималаев, входящие ныне в состав штатов Химачал-Прадеш и Уттаракханд, представляли собой начиная с незапамятных ведийских времен некое особое, во многом отличающееся от остальной Индии сакральное пространство. Автор даже берется обозначить его условные географические границы: они, как полагает он, простирались от священного Кайлаша в Тибете на севере до Ахичхатры на юге — древней столицы одного из княжеств северной Индии, о которой повествуется в грандиозной эпической поэме «Махабхарата» (ныне территория штата Уттар-Прадеш), и от бассейна реки Махакали (на границе Индии с Тибетом) на востоке и до реки Сатледж (на границе Индии с нынешним Пакистаном) на западе [Sharma, 2009, p. 47].

Еще в доведийские времена, которые можно ориентировочно определить 3000–2500 г. до н. э., эти территории населяли коренные этнические группы *кхашей* и *киратов.* Пути их миграции в эти привлекательные с точки зрения климата и условий для земледельческого освоения земли теряются во тьме веков, и ученые строят на этот счет различные предположения и догадки. Они являлись адептами автохтонных верований, которые, помимо многочисленных анимистических культов, включали в себя широко распространенную в этих местах офиолатрию, или традицию *нагов.* В процессе их взаимодействия с арийскими народами, не всегда протекающем мирно, — в Ригведе, в частности, описывается война между *киратами* и вторгшимися на эти земли арийскими племенами, длившаяся почти сорок лет, — возник специфический жизненный уклад, в котором исконные верования и ведизм, основная вера арийских племен, тесно переплелись с древней тибетской традицией бон и буддизма тантрийской ветви ваджраяны, который несли с собой переселенцы из трансгималайских областей Тибета[3].

Этот удивительный и неповторимый симбиоз, сложившийся на протяжении тысячелетий в предгималайских областях, определяющий жизнь проживающих здесь нардов, собирательно именуемых *пахари* (что проистекает от коренного слова на хинди *пахад,* или горы, т. е., иначе говоря, «горные люди») устоял даже под многовековым мусульманским господством в Индии. Эпоха Делийского султаната (1206–1526) практически не затронула жизненный уклад этого региона, оставив в исторической памяти лишь эпизодические грабительские набеги воинственных исламских завоевателей, начавшиеся с печально известного опустошительного рейда в Кангру афганского принца Махмуда Газневи в 1001 г.[4]

Священные гималайские вершины выступали естественной преградой на пути полчищ завоевателей, не позволяя им полностью овладеть этими территориями и бесконтрольно распространить на них свои порядки и правила. Собственно говоря, они и не ставили перед собой такой задачи, поскольку из-за внутренних распрей и «подковерной» борьбы сил едва хватало, чтобы сохранить контроль над уже завоеванными территориями центральной Индии.

Иное дело империя Великих Моголов, утвердившаяся на значительных территориях северной и центральной Индии с 1526 г. и просуществовавшая вплоть до начала своего распада во второй половине XVIII в. Она, конечно, стремилась прибрать к рукам гималайские княжества, используя различные стратегии — от сотрудничества до принуждения, но в этом все равно полностью не преуспела.

[3] Подробнее об этом см. [Челышев, Челышева, 2025, с. 91–103].

[4] Махмуд Газневи (971–1030) — эмир и падишах государства Газневидов с 998 г. При нем государство достигло наибольшего могущества. В его державу входили земли Афганистана, части Ирана, Индии и Средней Азии. В период между 1001 и 1026 годами совершил 17 походов в Северную Индию. Первое вторжение предпринял в 1001 году, когда против него выступил лахорский раджа Джайпал. В битве под Пешаваром 28 ноября 1001 года индийское войско было разгромлено, а сам Джайпал покончил жизнь самоубийством.

Некоторые из них оказывали ожесточенное сопротивление магометанским завоевателям и стремились отстоять военным путем свою независимость, как это было, например, в случае с династией Каточ, бессменно на протяжении столетий правившей в Кангре, и монархическим государством Гарвал на территории современного штата Уттаракханд. Но в любом случае в одиночку противостоять более сильному противнику местные правители были не в состоянии и оказывались побежденными. Однако зависимое положение от иноземных завоевателей, в которое они попадали, не означало тотального переформатирования жизненного уклада народов, проживающих на этих землях, что особенно важно подчеркнуть в контексте нашего повествования. Контроль был лишь формальным и носил сугубо финансовый и отчасти административный характер — нужно было платить установленную подать в казну завоевателей, выполнять указания оставленных на завоеванных территориях наместников, а раджам время от времени являться на поклон ко двору великих Моголов в Дели.

Раджи некоторых княжеств, таких как Манди, Куллу и Биласпур, предпочитали не враждовать, а договариваться с более сильным соперником ради защиты от нападения постоянно угрожающих им соседних княжеств и стратегической выгоды. Но все равно, как и в первом случае, в обмен на сохранение относительной автономии и обеспечение безопасности они были вынуждены платить дань в могольскую казну. Что же касается всего остального, то в жизни многочисленных этнических групп и народностей, проживавших на этих территориях, ничего особо не менялось — сохранялись древние традиции и обычаи, в неприкосновенности оставалась вера предков в автохтонных богов и свобода следовать анимистическим культам. Более того, распространена версия, что именно сюда, на эти предгималайские земли, в период правления наиболее нетерпимого ко всякому инакомыслию мусульманского правителя Аурангзеба (1658–1707) из подконтрольных моголам областей центральной Индии, спасаясь от религиозных преследований и запретов, мигрировали значительные массы людей, образовавшие впоследствии одну из значительных скотоводческих общин *гадди,* а территории, где они расселились, получили название Гаддерана. Трудно найти более убедительное доказательство того, что влияние столь ненавистной им чужой веры, от которой они спасались бегством, на эти территории не распространялось.

Пролетали столетия, сменяли друг друга правящие раджи, возвышались и разрушались целые династии, которые воевали друг с другом и на какое-то время захватывали соседние территории, порой подобно огненному смерчу по этим землям проносился сокрушающий все на своем пути вал магометанских полчищ. Но, как и ветер оставляет на поверхности океана лишь легкую зыбь, не беспокоя его спокойные и тихие глубины, так и все эти удары судьбы и жизненные невзгоды практически никак не затронули системообразующие основы жизни народа *пахари,* населяющего эти земли. Их жизненный уклад оставался почти таким же неизменным, каким он был много столетий и даже тысячелетий тому назад. Кочевые пастушеские племена *гадди* продолжали пасти свои отары овец и стада коз на тучных пастбищах предгорий Гималаев; жители горных равнин возделывали поля и молились своим автохтонным богам, организовывали традиционные фестивали и *ятры* в их честь, чему никто особо не препятствовал. Как и во времена походов Александра Македонского, особо почетное место в пантеоне верующих продолжали занимать *наги* — змееподобные божественные сущности, сохранялись веками устоявшиеся традиции и обряды, в том числе весьма распространенные в здешних местах колдовство и черная магия, совершались паломничества к святым горным вершинам, именуемым *кайлашами*, коих на данной сакральной территории насчитывается четыре, не считая основного в Тибете. Одним словом — жизнь текла своим чередом, следуя одному и тому же руслу, пролегающему хоть и близко к остальным территориям Индостана, но все же лишь отчасти смешиваясь с общим потоком.

И лишь одно, казалось бы, совершенно незначительное событие, ничего не имеющее общего с историческим прошлым этих краев и произошедшее от них на огромном расстоянии,

кардинальным образом, как показало время, изменило местную жизнь, перекроило ее и интегрировало эти особые территории в общее индийское социально-экономическое и культурно-религиозное пространство. Указом английской королевы Елизаветы Первой 31 декабря 1600 г. было основано акционерное общество — Ост-Индская компания, получившая обширные привилегии для торговых операций в Индии. Ее непосредственная деятельность здесь началась в 1612 г., когда могольский падишах Джахангир разрешил основать факторию в Сурате (территория нынешнего штата Гуджарат). С этого первого скромного шага началась долгая история британской колонизации Индии.

Северо-западный регион предгорий индийских Гималаев сравнительно долго находился на периферии британской колониальной политики. Его активное освоение началось после того, как англичанам в ходе военной кампании 1814–1815 гг. удалось вытеснить отсюда воинственных непальских *гуркхов.* Прогнав с приграничных территорий захватчиков, которые не только узурпировали в конце XVIII в. власть местных раджей, но и препятствовали торговле самих англичан с Тибетом, Ост-Индская компания, осуществлявшая в те годы колониальный контроль над Индией от имени британской короны, взяла на себя роль своего рода гаранта безопасности этих территорий. Местным раджам номинально были возвращены их привилегии в расчете на будущую лояльность, а прежние феодальные земельные угодья были преобразованы в 20 горных княжеств Симлы [Kanwar, 1990, p. 14].

Границы северо-западных княжеств были критически важны для англичан с геостратегической точки зрения, поскольку позволяли осуществлять контроль над дорогами, ведущими в Тибет, Среднюю Азию и Афганистан — государства, которые рассматривались ими как буферные зоны, призванные предохранять их владения в Индии, в том числе от по большей части надуманной угрозы со стороны России. С точки зрения военной стратегии именно это направление могло считаться наиболее уязвимым для военной экспансии, ибо тянущиеся далее на восток гималайские хребты выступали в качестве естественного непреодолимого оборонительного рубежа. Неслучайно здесь в последующие годы стало возникать множество военных укрепрайонов, для отвода глаз именуемых «горными станциями» (hill stations).

Кроме того, на заре XIX в., когда первую скрипку в процессе колонизации Индии играла Ост-Индская компания, интересы бизнеса и коммерции нередко исполняли приоритетную роль. Поэтому контроль над торговыми путями, ведущими в Тибет, был особо важен с точки зрения монополизации торговли чрезвычайно высоко ценимой в Европе шерстью овец особой породы — так называемой *пашминой*. Торговые караваны в эти районы шли обычно в те годы через территории Панджаба, где безраздельно правил воинственный сикхский махараджа Ранджит Сингх, враждебно настроенный по отношению к англичанам, и, следовательно, им эти территории были недоступны. Нужно было искать иной маршрут, который мог бы обеспечить беспрепятственную торговлю. Таковым со временем стала дорога, пролегающая через земли гималайских княжеств из Рампура (княжество Бушахр) в Ладакх и Яркенд в Тибете, которую можно было использовать шесть месяцев в году [Kanwar, 1990, p. 13].

Все это в целом во многом объясняет, почему с начала XIX столетия сюда стали отправляться британские первопроходцы-картографы с целью изучения местности. Планомерные экспедиции начались с 1807 г. По горным районам Кумаона и Гарвала путешествовали и скрупулезно изучали их лейтенант Уильям Вэб и капитан Хайдер Янг Иерси, которым активно помогал королевский геодезист Бенгалии Роберт Коулбрук. Хотя это выходило за рамки его полномочий и служебных обязанностей, он даже сам участвовал в их экспедициях [Allen, 1982, pp. 60–61]. Западно-Гималайский регион современного штата Химачал-Прадеш был исследован капитаном Александром Джерардом (Alexander Gerard) и другими [Edited by George Lloyd, 1993, pp. 195–198].

К числу пионеров-исследователей Гималаев принадлежат британский ветеринар и неутомимый путешественник Уильям Муркрофт, досконально изучивший верховья Ганга и долину Дхаулиганг в 1812 г., два брата, британские военнослужащие Генри и Ричард Стрейчи, совершившие экспедицию в Гархвал, а также к озеру Маносарвар у подножья священной горы Кайлаш в Тибете в 1846–1848 гг., и многие другие английские военные, подлинные профессионалы своего дела и большие энтузиасты. Всех трудно перечислить. Могут, конечно, возразить, что они попросту выполняли служебный долг и ничего более. Однако достаточно перечитать их дневники и воспоминания, чтобы убедиться, что это были не просто солдафоны, выполнявшие приказ, а профессионалы высочайшего класса, люди, фанатично увлеченные предметом своих исследований, умеющие ценить красоты увиденных ими мест и очень живо, а порой даже поэтично их описать.

Исконные обитатели этих земель — «люди гор», или *пахари*

За годы присутствия в гималайском регионе английские историки и этнографы, вне всякого сомнения, собрали богатейший, не имеющий аналогов материал о практически всех сторонах жизни этого региона и опубликовали его в виде реферативных сборников — газетиров, которые и по сей день служат основой для изучения этого региона.

И все же в процессе освоения этих краев многое для них оставалось непонятным. Чиновники британской администрации встретились с особым, трудно объяснимым миром полиэтнической и поликонфессиональной группы народностей *пахари,* которая разительно отличалась от всего того, с чем им приходилось иметь дело ранее на равнинных территориях Индостана. Не говоря уже об обычаях и традициях, другими казались сами люди, населявшие эти земли. Первоначально они представлялись им простыми, наивными и честными, хотя и недалекими, очень миролюбивыми и не склонными к насилию. С этой прекраснодушной иллюзией им через некоторое время пришлось расстаться, когда по горным княжествам в конце XIX и начале XX вв. прокатилась волна жестких протестных движений против колониального вмешательства в традиционные основы жизни местного населения.

Изучающие этот регион английские специалисты с удивлением обнаружили, что живущие здесь люди за многие тысячелетия так и не влились полностью в лоно всепоглощающего индуизма с характерной для него кастовой системой, и их жизнь, несмотря на многовековое тесное взаимодействие с тибето-язычными монголоидными племенами, исповедующими буддизм, отличается от традиционного уклада их транс-граничных соседей, а также по многим параметрам не совпадает с традициями, обычаями и религиозными представлениями, характерными для основной массы индусского населения северной Индии.

Генотип обитателей этих регионов сформировался под влиянием громадного числа миграционных, политических, социально-экономических, религиозных и культурно-исторических процессов, многие из которых начались еще в доисторические времена. В итоге многоликая и пестрая по своему составу общность людей *пахари* оказалась состоящей из двух основных групп: потомков древней народности *кхашей*, мигрировавших в этот регион предположительно с территории современного Ирана еще до основной волны миграции *ариев* и до их появления здесь тесно ассимилировавшуюся с местным населением, и представителей автохтонных дравидийских племен, состоящих из низших каст, собирательно именуемых *дом* (или, как еще можно встретить, *дум*) [Handa, 2025, p. 24].

Со временем *кхаши* поднялись в кастовой иерархии до ступени *кшатриев,* и под их началом в период между 7 и 5 вв. до н. э. в долинах рек Рави, Сатледж и Беас стали формироваться

уникальные теократические республики — Тригарта, Кулута и Кунинда [Челышев, Челышева, 2025, с. 10]. Тем не менее, несмотря на высокий статус в социальной иерархии, им не было свойственно жесткое кастовое деление, практиковались браки между представителями разных каст, не в ходу были многие строгие регламентации, свойственные высшим кастам индуизма, в частности такие, как обязательное следование вегетарианству, запрет на повторный брак вдов. Сохранялся также институт полиандрии.

Мигрировавшие позднее в эти регионы представители высших каст индуизма с долин Индостана, чье появление ознаменовало широкое распространение земледельческого уклада и элементов феодальных отношений, в целом приняли существующую теократическую систему, хотя и привнесли в нее значимые изменения. Появились новые правители из центральной Индии — *тхакуры* и *рана*, из высоких каст брахманов и кшатриев, которые провозгласили себя регентами правящих божеств, но не местных, автохтонных, а санскритических[5], в основном вишнуитских. Начался, таким образом, процесс постепенной брахманизации местного населения, или его приобщения к так называемой «большой традиции»[6] индуизма. С их появлением *кхаши* отчасти утратили свой привилегированный статус и вместе с другими местными племенами — *киратами* и *коли* были вытеснены на второй план в кастовой иерархии. Перестал считаться брахманом даже тот, кто рождался от брака «дважды рожденного» с женщиной *кхаша*.

Изоляция горных районов, столетиями формировавшаяся пантеистическая идеология пахари не изменились по своим сущностным характеристикам, и санскритизация не поглотила полностью патриархальный жизненный уклад. Обитатели горных областей сохраняли веру в многочисленных автохтонных богов, обряды поклонения которым несли отпечаток шаманизма, нередко сопровождаясь жертвоприношениями. Была широко распространена уже упоминавшаяся ранее офиолатрия, унаследованная от древних племен, некогда населявших эти земли. В их сознании они олицетворяли не просто змей, которых следует опасаться, а всемогущих духов, повелевающих облаками, стерегущих богатства земли, оберегающих водные пространства, от которых зависят судьбы людей. Эти поверья оказались настолько жизнестойкими, что с течением столетий они просочились в религиозное сознание пришедших на эти земли арийских *кхашей* и прочно в нем укоренились, хотя изначально они были им не свойственны: их пастушеские племена обожествляли стихии, которыми была наполнена их жизнь — рискованные повороты горных троп, крутые и опасные скалы, пугающие пещеры. Все эти природные объекты, как они верили, воплощали дух могущественного Рудры[7], место обитания которого отмечалось, как правило, сложенной пирамидкой из камней, иногда с воткнутыми в нее железными прутьями наподобие трезубца. Считалось, что дух божества, которому они поклоняются, пребывает не в храме, а в дикой местности, далеко от поселений:

[5] Термин «санскритизация» был впервые введен в научный оборот индийским социологом М. Н. Шринивасом (1916–1999) в 1952 г. в контексте исследования изменений в социальном статусе сельских жителей после их обращения к почитанию божеств классического или «санскритского индуизма» и принятия характерных для него традиций и обычаев.

[6] Термины «Большая» и «Малая» традиции в индуизме (Great and Little traditions) были впервые введены в научный оборот американским ученым — социологом и религиоведом Мильтоном Сингером (Milton Singer, 1912–1994) в 1955 г. Согласно предложенному им определению, носителями «большой» традиции в Индии традиционно выступали интеллектуальная элита и представители высших каст индуизма. Она предполагала безусловное принятие авторитета вед и других священных текстов индуизма, признание так называемой «сакральной географии», или священных мест паломничества, неукоснительное соблюдение ритуальной практики и обрядов классического индуизма, а также регламентацию личной жизни и проведение религиозных фестивалей в соответствии с «сакральным календарем». Адептами «малой» традиции выступала основная масса сельского населения Индии, верующая в автохтонные божества, придерживающаяся ритуальной и обрядовой практики, основанной на устных традициях и фольклоре.

[7] Рудра — одно из высоко почитаемых верховных божеств ведийского пантеона, которому посвящены многие гимны «Ригведы». Этимология его имени трактуется по-разному — оно может означать «повелитель ветров, стихий и дикой природы», «грозно ревущий» или «самый могущественный из могучих», «устрашающий». Его имя нередко ассоциируется с Шивой, а в северо-западных гималайских регионах его именуют Рудрой.

в лесу, в пещерах, на горных перевалах. Это место — *дехра*, или *дев-гхар*, — дом божества отмечалось символически, хотя его воплощенный образ в виде маски — *мохры* находился в деревенском храме.

Восприятие автохтонных божеств коренным образом отличалось от раболепного почитания сонма индусских небожителей. Последним, разумеется, свято поклонялись как сущностям высшего порядка. Однако ощущаемая дистанция между своими исконными божествами и человеком была значительно короче — они воспринимались скорее как старшие братья, члены одной семьи, которые живут бок о бок с простыми смертными, могут так же, как и они, выяснять отношения, ссориться и мириться, веселиться и танцевать, ходить друг к другу в гости. Богатая канва преданий и сказаний о них передавалась из поколения в поколение. Эти верования заложили основу правил общинной жизни, основанной на теократической, олигархической системе, в которой клановое божество выступало как могущественный покровитель. Исторически сложившаяся структура такого управления непременно включала оракула, как правило, из низшей касты — *грокхча* или *чела,* который вещал от имени божества во время проведения ритуалов, имеющих, как правило, шаманистскую направленность. За ним в церемониальной иерархии следовал *пуджари*, храмовый жрец. Его обязанности исполнял по заведенной традиции брахман из общины *кхашей*. Затем шел *кардар,* выносящий решение божества, то есть практически выступающий как судья в решении любых вопросов. В этой структуре был и бухгалтер — *гантхиадар*, собирающий и хранящий подношения. Функция управления собственностью божества, к которой относились запасы зерна, храмовые музыкальные инструменты и иная утварь, принадлежала *бхандари*. Был служитель, который готовил пищу для божества, и, наконец, самую низшую ступень в этой длинной лестнице занимали музыканты, выходцы из низших каст.

Сложился, таким образом, специфический жизненный уклад, в котором различные божества — у раджей, *ранов* и *тхакуров* свои, из сонма классического индуизма, в основном многочисленные ипостаси Вишну или Шакти, а у членов деревенской общины исконно местные — стали играть роль своего рода арбитров в повседневных бытовых и хозяйственных отношениях. Обычно спорные вопросы возникали из-за распределения излишков урожая, правил землепользования и распоряжения дарами лесов. Когда деревенские жители отправлялись со своими требованиями к правителю, они подкрепляли их авторитетом автохтонного божества, которое, как считалось, выражает чаянья крестьянства, а правитель, в свою очередь, апеллировал к своему, из пантеона «большой» традиции индуизма. Но споры спорами, а процесс адаптации местных божеств к традициям долинного индуизма между тем медленно и неуклонно все же шел: Рудра со временем стал отождествляться с Шивой, а высоко чтимые местным населением *наги* — обретать высокочтимый статус древних мудрецов *риши.* Правящая власть не возбраняла появление легенд и всевозможных народных сказаний, повествующих о том, как между богами «большой традиции» индуизма и божествами местного пантеона выстраивались родственные связи. Между двумя разительно отличавшимися друг от друга религиозными традициями веками не существовало непреодолимого водораздела, и поэтому зачастую многие спорные вопросы завершались принесением «нерушимой» клятвы перед местным божеством.

С приходом на эти земли англичан такой жизненный распорядок был по большому счету отправлен на свалку истории. По установленным новым правилам правители княжеств были обязаны отныне исполнять не волю божества, а законы английской администрации, ставшей главным арбитром в решении конфликтных вопросов. «Горные княжества стали теперь существовать не благодаря мандату божества, правящей семьи или клана, а зависеть от удовлетворения интересов британской короны. Это произошло не одномоментно, постепенно, что в корне изменило структуру политический власти» [Alan, 2008, p. 126].

Однако клановые автохтонные божества не утратили своих позиций — они, напротив, превратились в своего рода символ общинной идентичности. В сознании жителей многочисленных деревень за ними сохранилась привилегия «решать» все насущные жизненные проблемы. И хотя вопросы, относящиеся к политической сфере, уже более не входили в их «компетенцию», они все равно сохранили свой авторитет в урегулировании бытовых и хозяйственных конфликтов между раджей и крестьянством, а также умозрительный «контроль» над местными ресурсами даже во времена британского правления.

На роль наиболее популярного и влиятельного среди местного населения постепенно выдвинулся Махашу — автохтонное божество из семейства *нагов*. Он вытеснил на второй план в сознании местных жителей многих исконных клановых и деревенских божеств, в том числе божество пастухов — Шалу. Любопытно, что это «замещение» практически совпало по времени с началом английских реформ в сфере землеустройства и, как следствие, повышением интереса к производству и сбыту сельхозпродукции.

Считается, что его культ зародился на территории северо-западного гималайского сакрального пространства в области Джансар-Бавар, где сегодня находится современный штат Уттаракханд [Handa, 2025, p. 214]. Появлению именно здесь этого божества, как полагает исследователь, способствовало широкое распространение в этих областях оккультных практик, черной магии и колдовства, с которыми неразрывно связана обрядовая сторона его почитания. Со временем его авторитет широко распространился практически по всем северо-западным гималайским княжествам, ныне входящим в состав штата Химачал-Прадеш.

Пахари свято верили и продолжают верить, что это божество не только вершит судьбы всех смертных, но и имеет особую власть над другими местными божествами. До сих пор считается, что он выступает верховным арбитром в разрешении многих бытовых конфликтов. Так, например, выясняющим отношения сторонам предлагается испить глоток воды, освященной Махашу, и если кто-либо из них лжет, его земельные наделы в будущем неминуемо постигнет кара в виде разрушительной засухи [Handa, 2025, p. 217]. Когда какая-либо местность или район подвергались бедствиям: падежу скота, эпидемиям, неурожаю, засухе или наводнениям, жители верили, что это гневается на них Махашу, поэтому, дабы умилостивить грозное божество, в его честь строили храм и приносили кровавую жертву — как правило, мелкий рогатый скот.

Существует несколько рассказов о его появлении. Так, например, одна из легенд гласит, что Махашу и трое его братьев (для их обозначения как единой сакральной сущности нередко используется один собирательный термин) зародились в одном из озер Кашмира. По другой — они были чудесным образом обнаружены в западной части Гималаев во время пахоты вблизи деревни Ханол. Это случилось как нельзя более кстати, поскольку именно тогда, как гласит предание, на эти земли вторглись вредоносные демоны, и совладать с ними могли только Махашу и его братья. В этой своей части легенда типична и для других змееподобных божеств, которых обнаруживают крестьяне в процессе обработки земли в виде металлической маски — *мохры*. Однако в данном случае поражают масштабы случившегося чуда: рассказывают, что вместе с братьями из земли появились его визири, мать и шестнадцать богинь, обычно сопровождающих во время религиозных фестивалей его специальный паланкин — *palki,* а кроме того, целое войско. Впрочем, помимо традиционных существуют и иные версии появления этого божества. В некоторых из них в завуалированной форме прослеживается попытка увязать его «родословную» с санскритической традицией, а иные индийские ученые вообще напрямую отождествляют его с Шивой в его ипостаси Махадевы [Sharma, 2007, p. 19]. Звучит, конечно, очень похоже, однако в реальности это божества из совершенно разных религиозных систем, в чем сходятся многие авторитетные исследователи.

Махашу в представлении верующих обладает всеми характерными качествами *нагов* — считается, что он непредсказуем, бывает одержим порывами гнева и безжалостен к своим соперникам. Последнее качество из перечисленных, как считается, объясняет «триумфальное шествие» этого божества по предгималайскими просторам, в ходе которого он вытесняет своих конкурентов и завоевывает новые территории [Handa, 2025, p. 219]. Так оно в действительности и происходит, только, разумеется, не в реальности, а в сознании верующих: его культ очень популярен и имеет тенденцию к расширению географических границ.

Культ Махашу испытал на себе самые разнообразные влияния, в том числе эзотерического шиваизма и ваджраяны буддизма. Показателен в этом отношении состав служителей в Ханоле, а также других храмах Махашу. *Пуджари*, как правило, принадлежат к *кхаша*-брахманам, которые, впрочем, как уже говорилось, не считаются полноценными представителями этой высшей касты. Характерным для автохтонного божества является неизменная принадлежность его оракула к низшей касте. Показательны также кровавые жертвоприношения, даже если служители утверждают, что его требует не само божество, а его приближенные.

Авторитет Махашу безусловно признавался *пахари* и главами княжеств. Колониальные же власти поначалу отнеслись к нему настороженно, посчитав все это предрассудками. Поэтому некий британский майор Янг в 1827 г. рассудил, что традиционная, проводимая раз в 12 лет *ятра*, или религиозное шествие, Махашу со своими приближенными по округу Джансар-Бавар, сопровождающееся ритуальными службами с жертвоприношениями, а также данью со стороны *пахари*, служит помехой для проведения реформ землепользования, и распорядился все эти ретроградные, как ему казалось, церемонии отменить [Handa, 2025, p. 218]. Местное население отреагировало на это резко отрицательно, поскольку к местному божеству в подавляющем большинстве люди относились с гораздо большим пиететом, чем к английским властям. Очень вскоре поэтому спорный вердикт пришлось отменить. Любопытно, что тот же самый майор Янг в 1836 г., уже будучи в чине подполковника и занимая к тому времени пост администратора округа Джансар-Бавар, оказался фактически вынужденным признать правовой авторитет местного божества в запутанном земельном споре между раджей и одним из местных правителей по поводу храмовой собственности. Однако проявленная им гибкость пошла на пользу британским властям: без особых проблем они смогли установить контроль над значительными территориями, а авторитет Махашу в глазах местных жителей еще более возрос [Handa, 2025, p. 218].

«Маленькая Англия»

Места, выбранные для обустройства «горных станций», были действительно очень живописны и климатически комфортны для проживания европейцев. География их была обширна. Наиболее известным на востоке был Дарджилинг, неподалеку от первой имперской столицы — Калькутты. Горы Саядри Западной Индии открыли для европейцев красоты таких мест, как Махабалешвар, Панчгани, Матхеран, находящихся в ста и менее км от Бомбея. Но более всего таких «курортов» пришлось на предгорья Гималаев, особенно западных — Найнитал, Далхаузи, Майссури. Эти и другие освоенные англичанами горные места открывали возможность, не тратя время и немалые средства для переезда в Англию, несколько месяцев в году отдохнуть от изнуряющей жары и хотя бы отчасти поправить здоровье на чистом горном воздухе. Большие расстояния, которые приходилось преодолевать для этого, и сопряженные с такими путешествиями в те годы трудности и неизбежные бытовые издержки мало кого останавливали. Желание хоть на время отключиться от докучливого

и чрезвычайно скученного «туземного» населения крупных городов с их казавшимися странными обычаями и шумными праздниками пересиливало и являлось определяющим.

И вот как-то раз случилось так, что, охотясь приблизительно в 50–60 км от военного гарнизона, расположенного в местечке Сабату у подножья холмов, которые предваряют гималайские горные хребты на северо-западе, британские офицеры родом из Шотландии — Патрик и Александр Джерард оказались около небольшой индийской деревушки, входившей в горное княжество Кеонтал. С вершины холма, на которой она была расположена, открывался великолепный вид на простирающиеся от горизонта до горизонта белоснежные гималайские пики, а вся окружающая местность утопала в густой хвойной растительности — кедровые леса наполняли воздух волшебным и целительным ароматом. Так в дневнике этих офицеров в 1817 г. появилось первое упоминание об этих местах, которые они окрестили как «Семела» [Edited by George Lloyd, 1993, pp. 197–198]. Но помимо естественной природной красоты британские военные со свойственной им практичностью подметили еще несколько важных моментов. Вершина этого хребта выглядела идеальной для последующего освоения со всех точек зрения: отсюда открывался прекрасный обзор всех окружающих областей, вплоть до границы с Тибетом, что было особенно важно с точки зрения ее контроля.

Изыскания британских офицеров не были «положены под сукно» — уже очень скоро после их доклада в военном гарнизоне, расквартированном в местечке Сабату, была учреждена штаб-квартира британского надзора над горными штатами. Ее возглавил политический советник и командующий гарнизоном (Political Agent and Commanding Officer), который был призван осуществлять контроль над всеми вновь образованными административными единицами и следить, чтобы их главы — местные раджи неукоснительно соблюдали условия подписанного с Ост-Индской компанией договора [Kanwar, 1990, p. 15]. Начиная с 1821 г. этот пост занимал Чарльз Пратт Кеннеди. Годом позже он построил на территории, которой суждено было превратиться в летнюю столицу империи, первый каменный дом, сохранившийся и поныне и известный как «Дом Кеннеди» (Kennedy House).

«Горные станции», которые англичане стали обустраивать в начале XIX столетия, помимо военно-стратегической роли были призваны выполнять иную, весьма важную функцию — служить местом реабилитации покалеченных в ходе частых военных кампаний военнослужащих, отправка которых на родину влекла за собой значительные финансовые издержки. Хорошо известен извечный, по сути дела аморальный, но неизбежный нарратив — благополучному и живущему без хлопот обществу было неприятно смотреть на убогих и изувеченных калек, а поэтому их нужно было без лишних хлопот сбагрить куда-нибудь с глаз долой. Симла в данном случае подвернулась как нельзя более кстати — генерал-губернатор Индии Уильям Амхерст, занимавший этот пост с 1823 по 1828 г., волею судеб провел в 1827 г. в Доме Кеннеди два месяца в сопровождении 1700 кули и обслуживавшего персонала и посчитал, что это место как нельзя лучше подходит для отправки сюда инвалидов [Kanwar, 1990, p. 16].

С этого момента сюда стали стекаться покалеченные в ходе военных походов военнослужащие, им выделялись земли за счет отобранных наделов у местных раджей, и они стали обустраиваться на новом месте. В итоге уже к 1830 г. на горном хребте, где расположена Симла, было возведено около тридцати домовладений, в которых намеревались коротать остаток дней ветераны имперских войн.

Быть может, так бы оно все и продолжалось, если бы не визит, который нанес сюда в 1831 г. первый генерал-губернатор лорд Уильям Бентник, занимавший этот пост с 1828 по 1835 г. Военные его недолюбливали, поскольку он существенно урезал их суточные на командировки, а его жена, что уже совсем выходило за все привычные представления, приказала закрыть в Симле популярный

биллиардный клуб и на его месте оборудовать церковь. Как бы там ни было, но именно со времени его визита Симла обрела статус «горной станции» и летней столицы британской колониальной администрации [Kanwar, 1990, p. 23].

Развиваясь в этом направлении уже начиная примерно с конца 40-х — начала 50-х годов XIX в., Симла стала выглядеть как типичный курорт, который, как того очень хотелось англичанам, искавшим здесь спасение от убийственного летнего зноя, должен был по возможности как можно больше походить на «маленькую Англию». Чтобы это обеспечить, нужно было, естественно, ни в чем себе не отказывать. Все, что только они почитали необходимым для комфортного проживания — мебель, предметы изысканного интерьера, европейскую одежду, кружева и ткани для бальных платьев, духи и парфюмерию, разнообразные напитки и продукты — с превеликим трудом тащили на плечах и везли на повозках по оставлявшим желать много лучшего в те времена горным дорогам индийские носильщики-кули из долин Индостана. Особенно в светских капризах отличались английские дамы: возможность пользоваться всеми благами европейской цивилизации в таком отдаленном и диком, по их мнению, месте они почитали за особый шик. Их письма на родину изобиловали скрупулезными подробностями праздного времяпрепровождения — прогулок, балов и посещения клубов. Наш соотечественник, князь Салтыков, дважды путешествовавший по Индии и побывавший в Симле, в одном из своих писем брату в 1842 г. образно описал быт этого городка, заметив при этом, что он очень скучал в этом «гималайском Карлсбаде» [Салтыков, 1985, с. 118]. Русский аристократ часто бывал в Европе, и ее светская жизнь была ему до боли знакома, поскольку, как известно, он ее терпеть не мог и всячески сторонился. В данном же случае едва ли можно найти более убедительное подтверждение, что англичанам действительно удалось превратить это место в подобие европейского курорта.

Высший состав колониальной администрации из Калькутты также стал все чаще проводить время в благотворно влиявшем на здоровье климате Симлы. Прихватывая с собой в качестве сопровождения множество чиновников разного уровня и делопроизводителей, не говоря уже о многочисленных слугах, они обосновывались в «летней столице» в наиболее жаркие месяцы, как правило, с апреля по ноябрь. Три летних сезона в период с 1849 по 1851 г., когда англичане прибирали к рукам Панджаб, здесь провел генерал-губернатор Индии лорд Далхаузи, занимавший этот пост с 1848 по 1856 г.

Готовясь к кропотливой ответственной работе по интеграции Панджаба в состав британской колониальной Индии, а также в целях обеспечения безопасности новой летней резиденции англичане планомерно окружали Симлу кольцом военных гарнизонов: в своего рода перевалочный военный пункт в 1842 г. была превращена Калка, небольшой городок у подножья горной дороги, ведущей в Симлу, годом позже британские пехотные части были размещены в Джутогхе, поселении, расположенном чуть ниже столицы на склонах холмов, еще один гарнизон был обустроен в Дагшаи, в 16 км к югу от Симлы, потом возникли военные гарнизоны в местечке Касаули по пути от подножья гор и основная военная база в Солане, по той же самой дороге, но уже выше в горах, где-то в 50 км от Симлы [Kanwar, 1990, p. 26].

Обустройство по сути дела второй столицы, откуда на протяжении более чем полугода колониальная администрация могла следить за военно-политической ситуацией на приграничных территориях, а также в долгосрочной перспективе контролировать соседние регионы и страны — Тибет, верхние долины Гималаев, дороги и перевалы, ведущие в Среднюю Азию и Афганистан, подспудно всегда имея в виду гипотетический отпор России, было делом далеко не простым. Предстояло создать необходимую транспортную инфраструктуру, что в условиях гористой местности требовало немалых усилий и затрат. И все же это было сделано: из Симлы было проложено более 60

дорог по труднодоступному горному рельефу, которые позволили установить надежный контакт с самыми отдаленными территориями. Чего стоила только одна главная транспортная артерия — знаменитая Хиндустано-тибетская дорога, строительство которой началось в 1850 г. Если верить историческим хроникам, в ее основании — а некоторые из ее участков сохранились и по сей день — лежат кости тысяч и тысяч умерших от непосильного труда рабочих, согнанных сюда из всех близлежащих деревень. К тому же просто построить жилье для все возрастающего населения было явно недостаточно — его требовалось обеспечить бесперебойным водоснабжением и подачей электроэнергии. Необходимо было также оборудовать важный населенный пункт средствами связи в виде телеграфа, наладить работу отделений банка и организовать работу правоохранительных органов.

Тем не менее объективные трудности удалось преодолеть. Какой ценой — это уже другой вопрос. В итоге к 1880 г. Симла обрела полноценный статус «северной столицы». Цивилизация быстро вовлекала Симлу в свою орбиту: там, где в 30-е годы было всего лишь тридцать скромных домов переселенцев-инвалидов военных баталий, к 1881 г. возникло более тысячи построек самого различного назначения. Был, например, возведен гордость и символ всякого европейского города — Таун Холл. Его торжественно открыли в 1880 г. В него по английской традиции были включены помещения для собраний, выставок, балов, а также проведения *дарбаров*. Такой традиционный сценарий приема и общения чиновников колониальной администрации с правителями горных княжеств был задействован из арсенала церемониала могольской Индии. В зависимости от лояльности к английской власти того или иного лица, прибывающего для аудиенции, его приветствовали ружейным салютом. Высшему по статусу салютовали 13 раз, а прибывшему английскому суперинтенданту полагалась особая почесть — в честь него палили 15 выстрелами.

Привлекательность летней резиденции росла в глазах британской элиты в Индии как «на дрожжах», и в итоге резко поднялись цены на недвижимость. Но это не могло сдержать наплыв желающих переселиться сюда либо на лето, либо на постоянной основе. В итоге уже к 1871 г. колониальные власти стали жаловаться на проблему перенаселения города. Совершенствовалась и городская инфраструктура: в 1874 г. появилось первое отделение банка, а в 1887 г. был торжественно открыт и поныне существующий, выстроенный в безупречном готическом стиле Gaiety Theatre. Железнодорожная узкоколейка, введенная в эксплуатацию в 1903 г., значительно сократила путь по сравнению с автомобильной дорогой, который на заре развития города занимал до 20 часов изнурительного подъема.

В городе стала складываться своя «кастовая» система. В первую статусную группу входили представители правящих кругов колониальной администрации, затем шли военные, потом бедные англичане, не заработавшие себе капитал, еще ниже располагались потомки от смешанных браков — англо-индийцы и, наконец, туземное население. Последние делились на грамотных клерков из Бенгалии, Мадраса, Панджаба и выходцев из прилегающих горных княжеств.

Формирование товарного рынка в Симле как первый этап интеграции гималайского региона в общеиндийское пространство

Наряду с эксклюзивно британскими магазинами на Молле — прогулочной дороге, пролегающей по вершине горного хребта, в городе со временем стали появляться индийские лавки. По статусу они, по всей вероятности, не могли соседствовать с торговыми заведениями «хозяев», а посему вся «туземная» торговля сосредоточилась на так называемом Нижнем базаре (Lower Bazar), узенькой улочке, вьющейся вдоль холма на пару десятков метров ниже престижного Молла. Здесь продавались овощи и фрукты, выращиваемые крестьянами из окрестных деревень, а также

изделия местных ткачей и ремесленников. В этом районе проживало четыре пятых всех индийцев в Симле, которые в начале XIX в. составляли лишь одну седьмую от общей численности населения этого города [Alam, 2008, p. 112]. Вместе с тем возрастающий по мере развития города спрос требовал удовлетворения. Помимо сезонных фруктов — абрикосов, винограда, груш, яблок и клубники, большим авторитетом стал пользоваться картофель. Этот «экзотический» и доселе не известный в местных краях овощ быстро завоевал популярность благодаря Уильяму Фрейзеру, политическому советнику Ост-Индской компании, который много путешествовал по региону западных Гималаев в 1815. Поскольку картофель пользовался большим спросом у англичан в Симле, его стали активно выращивать в окружающих этот город деревнях, а также в поселениях, расположенных вдоль Хиндустано-тибетской дороги. Комиссионеры, иначе говоря, посредники между крестьянами и продавцами, которые по мере развития торговых отношений стали быстро подниматься и формироваться как особое сословие в новой столице, предоставляли крестьянам кредиты на его выращивание, а те, в свою очередь, покупали на них семена, чтобы потом расплатиться с кредиторами после продажи урожая [Kanwar, 1990, p. 149].

Таким образом, благодаря британской экспансии в жизнь коренных обитателей западногималайских долин стали проникать деньги, ранее практически не востребованные большинством сельского населения: испокон веков в здешних местах торговый обмен осуществлялся на бартерной основе. Денежные потоки в основном циркулировали вдоль основных торговых артерий, таких, например, как идущая вдоль реки Сатледж, и имели хождение как платежный инструмент в расположенных на ее берегах торговых городах, где на ярмарках продавались товары, привезенные из долин Индостана [Alam, 2008, p. 133], а также вдоль популярных паломнических маршрутов, где возникало некое подобие туристической отрасли, призванной удовлетворять нужды верующих.

Однако возникновение крупных британских «горных станций», в одну из которых стала превращаться Симла, радикально изменило традиционный экономический уклад, когда денежные потоки в основном текли по этим двум направлениям, фактически не затрагивая хозяйственную жизнь всего остального пространства предгорий западных Гималаев [Alam, 2008, p. 133]. Когда же англичане стали развивать дорожную инфраструктуру, патриархальный жизненный уклад горных деревень, основанный на натуральном обмене, и их традиционная изоляция и самодостаточность стали постепенно замещаться новыми рыночными отношениями [Kanwar, 1990, p. 226].

Нововведения, судя по всему, приживались с трудом. Об этом красноречиво свидетельствуют британские хроники, на которые ссылается Алам. В них, в частности, зафиксировано, что даже спустя много десятилетий после того, как англичане обосновались на этих землях, некоторые крестьяне из горных деревень все равно отказывались продавать торговым агентам выращенную продукцию за деньги, и нередко урожай приходилось отбирать силой [Alam, 2008, p. 134].

И все-таки становление Симлы в качестве летней столицы англичан запустило процесс радикальной трансформации всего жизненного уклада многочисленных народов и этносов, населявших горные области западных Гималаев на границе Индии с Тибетом. Формирование в этом городе рынка и развитие товарно-денежных отношений положило начало процессам его постепенной интеграции в жизнь окружающих его княжеств, а затем и всей доселе изолированной северо-западной гималайской территории в паниндийское пространство. Некоторые исследователи вместе с тем указывают, что этот процесс, характерный для алгоритма колонизации всех северных территорий Индии в целом, здесь обрел принципиально иной характер в силу специфических особенностей этого региона. Хотя изменения в жизни сельского населения носили коренной и системный характер, — отмечает в своем исследовании Аникет Алам, — «...они не переворачивали жизнь гималайских крестьян с ног на голову. Важно иметь в виду, — продолжает он, — что многие перемены

не напоминали некий катаклизм. Не было массового искоренения существующих политических структур и нарушения их функционирования. Не предпринимались попытки радикальным образом изменить сложившуюся систему производства и последующего распределения продуктов труда, работающее население не переселялось насильственным образом с одного на другое место. Никому не навязывались чуждые общественные порядки и культурные ценности» [Alam, 2008, p. 306]. Собственно говоря, резюмирует автор, это было бы попросту невозможно сделать, поскольку редкие в те годы британские поселения возникали, как правило, на значительном удалении от основных мест проживания местных жителей, а стало быть, физический контакт между ними сводился к минимуму.

Роль общины *сууд* в становлении Симлы в качестве летней столицы Британской империи

К 40-м годам XIX в. Симла стала превращаться в узловой центр экономической активности северо-западных провинций британской империи, основной рынок сбыта выращиваемых местными крестьянами овощей и фруктов и привлекательную локацию для трудоустройства и заработка [Alam, 2008, p. 109]. Сюда поэтому стали стекаться торговцы и мелкие предприниматели из разных окрестных областей, представители различных конфессий, общин и каст. Среди них были джайны, хотя в те времена их было сравнительно немного. Парсийская община в Симле также была немногочисленна. Гораздо больше было сикхов, которые преимущественно подряжались на строительство жилья и открывали магазины на так называемом Лакат-базаре, в которых продавали всяческую деревянную мебель и другие поделки. Особую торговую нишу занимали мусульмане, большинство которых было из Кашмира. Они торговали шалями, ювелирными изделиями с полудрагоценными и драгоценными камнями, а также сухофруктами, что приносило неплохой доход.

При всем многообразии трудовых мигрантов определяющую роль в торговле и хозяйственной деятельности города все же играли не они, а весьма многочисленная община, собирательно именуемая *сууд*.

История ее возникновения, члены которой считают себя потомками *содха раджпутов* (хотя это не всегда признавалось и признается представителями высших каст индуизма, и особенно брахманами), как считают ее историографы, принадлежащие к этой общине, теряется во тьме веков. Они настаивают на санскритском происхождении самого термина *сууд,* который (в противовес, как они считают, уничижительному и неверному переводу с персидского как «процентщик») надлежит переводить как «благородный, тот, кто всегда достигает успеха и процветания, победитель врагов». Один из современных представителей этой древней общины, д-р Яман Сууд, в своем историческом экскурсе, обильно цитируя ведийские тексты, утверждает, что это сообщество, зародившись в северо-западных областях Индии еще задолго до нашей эры, берет свое начало с основателя легендарной династии Пармара[8] [Sood, n. d., p. 43], якобы выступавшего одним из поборников восстановления позиций брахманизма в борьбе с распространившимся при императоре Ашоке (268–232 гг. до н. э.) буддизмом. Одного из его сыновей звали Сууд, откуда, собственно говоря, и пошел этот род. Более того, приводятся данные о том, что один из раджей этой династии по имени Раи Шах Сууд в 331 г. до н. э. остановил со своим войском полчища Александра Македонского

[8] Sood Y. Origin And History of Soods (A community in India). URL: https://www.academia.edu/30603238/) (дата обращения: 15.09.2026).

в сражении на реке Беас[9], о чем будто бы имеются соответствующие записи в дневниках европейского завоевателя.

Прослеживая гипотетическую судьбу сообщества, далее повествуют о том, что император Акбар (1542–1605) на первых порах своего правления благоволил к раджам династии Сууд, однако затем, после предательства одного из них, Девана Хари Сингха Сууда, они впали в немилость, были разгромлены и изгнаны за пределы занимаемых земель. Спасаясь от гонений и преследования, они расселились по многим областям Синдха (одна из четырех провинций современного Пакистана), Марвара (раджпутское княжество на юго-западе индийского штата Раджастхан, где находится пустыня Тар) и другим соседним территориям. Многие перебрались на территорию Панджаба и там обратились в сикхизм, хотя продолжили следовать своим раджпутским традициям. Некоторые стали перекочевывать в северо-западные горные районы, на территорию нынешнего штата Химачал-Прадеш. Большинство сохранило индусскую веру, раздробившись со временем на 52 подкасты, каждая из которых стала заниматься своим ремеслом, в основном торговлей и ростовщичеством. [https://www.soodmatrimony.com/soodhistory].

Существует, впрочем, иная точка зрения относительно социального статуса этой общины и ее происхождения, которую представители этого сообщества яростно оспаривают. Так, в британской интерпретации иерархии каст, которая была дана в известном глоссарии племен и народностей, составленном Дензилом Иббетсоном[10], их место определяется ближе к статусу *бания* или *кхатри*. В нем не отрицалось, что эта община имеет очень древние корни, но вместе с тем содержалось немало ремарок, принижающих ее статус. Особенно оскорбительно выглядело замечание относительно того, что, в отличие от других торговых сообществ, *сууды* не столь скрупулезны в соблюдении религиозных предписаний [Kanwar, 1990, p. 156]. Этот весьма основательный и подробный труд быстро стал достоянием гласности, и в итоге были зафиксированы случаи, когда в некоторых деревнях в Кангре, где проживали *сууды*, члены высших каст — раджпуты и брахманы — стали запрещать им брать воду из местных колодцев. Через некоторое время, правда, этот запрет был отменен, и они получили равные права со всеми остальными кастами [Kanwar, 1990, p. 156].

Какая из этих версий в большей степени соответствует действительности, сказать трудно. Ясно лишь одно: мигрировавшие в Симлу представители этой общины действительно отличались прагматичностью и редкостной деловой хваткой. Часть из них переместилась в этот город с территории Панджаба, из районов Амритсара и Лудхианы. Другие — а именно они составляли большинство — *пахари сууды* переехали сюда на постоянное место жительства из долины Кангра, в основном из деревень Гарли и Прагпур. Хотя они не были столь состоятельны, как выходцы из долин, с течением времени все равно именно они заняли лидирующие позиции в бизнесе и коммерции. Со временем это очевидно проявилось в росте благосостоянии их родных деревень. Так, например, Прагпур, которому на сегодняшний день присвоен статус объекта культурного наследия, если сравнить его с убогими лачугами окрестных деревень, просто поражает основательными и на вид зажиточными каменными домами, построенными еще в конце XIX — начале XX столетия.

Добраться до заветной цели путешествия было нелегко. Более или менее проторенные дороги появились много позже, поэтому поначалу предприимчивые *сууды* преодолевали тяжелые горные тракты пешком, сопровождая своих волов, а иногда редких в этих краях верблюдов,

[9] URL: https://www.soodmatrimony.com/soodhistory (дата обращения: 15.09.2026).

[10] «Глоссарий племён и каст Панджаба и Северо-Западной пограничной провинции» («A glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West Frontier Province» — классический трехтомный труд британского этнографа Дензила Иббетсона (1847–1908), опубликованный посмертно в 1911 году. Над книгой работали также соавторы — Х. А. Роуз и Эдвард Дуглас Маклаген. Основу работы составляют материалы переписи населения Панджаба 1883 года. В глоссарии собраны сведения о племенах, кастах, их социальной организации, обычаях, языках и религиях региона.

груженых мешками с зерном и рулонами тканей [Kanwar, 1990, p. 147]. Их караваны стекались в летнюю столицу через горные княжества Кангры, Сукета, Биласпура и Багхала. В итоге к концу XIX столетия большинство собственности на так называемом «нижнем базаре» в Симле перешло во владение членов этой общины. Помимо этого, они осуществляли оптовую торговлю, были ростовщиками, посредниками при продажах масла, зерна, бобовых. Под их контролем оказалась вся сельхозпродукция, которую местные крестьяне привозили на рынок в Симлу: сезонные овощи, кукуруза, имбирь, картофель. Часто случалось, как свидетельствуют хроники, что крестьян безжалостно обманывали: торговый агент из общины *сууд* подпирал ногой весы для взвешивания, и они показывали желаемый результат. Все это, разумеется, видели, но жаловаться было некому, и ничего другого не оставалось, как продавать себе в убыток.

Со временем представители этой общины сумели выдвинуться на ключевые позиции в принципиально важной для британской администрации отрасли — заготовке и торговле древесиной. В изобилии произраставшие на гималайских склонах кедры использовались для строительства домов и изготовления шпал для расширяющейся сети железных дорог, а менее ценные породы — в качестве топлива для домашних очагов и каминов. Коммерсанты из общины *сууд* пользовались у англичан особым доверием, что позволило им, наряду с присущей деловой хваткой, во второй половине XIX и начале XX столетий практически полностью монополизировать этот прибыльный бизнес [Kanwar, 1990, p. 153]. Некоторые вообще сделали на этом головокружительную карьеру. Так, например, известный в местных краях Раи Бахадур Мохан Лал, родом из местечка Гарли, начав с юридической практики в Симле, затем стал одним из компаньонов Делийской компании лесозаготовок и основным поставщиком древесины для Департамента северо-западных железных дорог (North-West Railways) [Kanwar, 1990, p. 154].

Деловая и коммерческая активность общины *сууд* распространялась также и на соседние с Симлой княжества: именно они были основными поставщиками товаров *раджам* и *ранам*. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что, пожалуй, не было сферы жизнедеятельности, в которую так или иначе не внедрились бы члены этой вездесущей общины. Они были в числе первых, кто обустраивал торговые лавки вдоль прокладываемых дорог в расположенные неподалеку от города новые поселения в Куфри, Тхеоге, Матиане и др., они выдавали *пахари* ссуды для выращивания новых, популярных среди англичан сортов овощей, особенно картофеля, им принадлежала значительная доля в торговле мясными продуктами, опять-таки они выступали в качестве подрядчиков при строительстве домов. Исследовательница истории Симлы Памела Канвар приводит в своем обстоятельном труде на этот счет любопытную поговорку: «Если завидишь *сууда* на другом берегу реки, когда будешь переправляться, лучше не бери свои пожитки» [Kanwar, 1990, p. 146].

Торговля и коммерция были далеко не единственными сферами, в которых члены этой общины весьма преуспели и выдвинулись на заметные позиции. Многие из них смогли получить хорошее образование и стали *вакилами*, или поверенными в делах важных особ колониальной администрации, адвокатами и врачами [Kanwar, 1990, p. 152]. Например, Раи Бахадур Джаи Лал родом из местечка Прагпур, окончив юридический колледж в Лахоре, стал президентом адвокатуры в Симле и занимал этот пост с 1909 по 1921 г. Этот список видных представителей общины можно было бы продолжать очень долго.

Немалая роль принадлежит членам этой общины в деятельности учрежденного в Симле в 1882 г. в районе Нижнего базара отделения индусского реформаторского общества Арья Самадж[11]

[11] Арья Самадж — букв. «общество ариев (благородных)», но по сути — «общество просвещенных» — индусское реформаторское движение, основанное в 1875 году Даянандой Сарасвати, индийским ученым-теологом, реформатором индуизма. Основная цель состояла в возвращении к «истинному ведийскому индуизму», очищение индуизма от всех влияний, проникших в него из других религий за более поздние времена.

[Kanwar, 1990, pp. 156–157]. Его президентом стал д-р Тхакур Дас, врач, имеющий собственную клинику на Молле, а секретарем — Лала Монахар Лал, владеющий сетью магазинов на Нижнем базаре. Оба они были выходцами из общины *сууд*.

Так называемый Нижний базар, к слову сказать, доставлял англичанам немало хлопот, и они всячески старались, но по большей части безуспешно, установить над ним контроль. Беспокоились они, судя по всему, не напрасно, ибо именно в этом городском районе на рубеже XIX в. помимо общества Арья Самадж возникло и стало функционировать множество индийских общественных организаций и ассоциаций, в которых далеко не последнюю роль играли члены общины *сууд*.

Литература / References

Челышев Д. Е., Челышева И. П. Уникальный мир индийских Гималаев. М., 2025 [D. E. Chelyshev, I. P. Chelysheva. Unique World of Western Himalayas. Kangra and Chamba Valleys. Moscow, 2025 (in Russian)].

Челышев Д. Е. Экосистема индийских Гималаев: вызовы техногенной цивилизации и уроки рукотворных катастроф. Часть I. *Восточный курьер*. 2024. Вып. 1. С. 214–225 [D. E. Chelyshev. Indian Himalayas Ecosystem: Technological Civilization's Challenges and Lessons of Man-made Catastrophes. *Oriental Courier*. 2024. Iss. 1. Pp. 214–225 (in Russian)].

Салтыков А. Д. Письма об Индии. М.: Наука, 1985. 176 с. [A. D. Saltykov. Letters about India. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Alam Aniket. Becoming India. Western Himalayas Under British Rule. New Delhi: Cambridge University Press, 2008.

Sharma D. D., Cultural History of Uttarakhand. New Delhi: Indira Gandhi National Centre for the Arts, 2009.

Kanwar Pamela. Imperial Simla. The Political Culture of the Raj. Delhi: Oxford University Press, 1990.

Allen Charles. A Mountain in Tibet. Search for Mount Kailash and the Sources of Great Rivers of India. London: Futura Publication, 1982.

Account of Koonawur in the Himalaya by the late Capt. Alexander Gerard. Ed. by George Lloyd. New Delhi: Indus Publishing House, 1993.

Handa O. C. Serpent Lore of the Western Himalayan Region. New Delhi: Pentagon Press, 2025.

Sharma B. R. Gods of Himachal Pradesh. Shimla: Indus Publishing Company, 2007.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Sood Yaman. Origin And History of Soods (A community in India). URL: https://www.academia.edu/30603238/) (дата обращения: 15.09.2026).

https://www.soodmatrimony.com/soodhistory (дата обращения: 15.09.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-061-077

ИСТОРИЯ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ БУРАКУМИН

© 2026

И. П. Лебедева[1]

В Японии, являющейся одной из самых благополучных стран мира, до сих пор существует группа людей, чьи предки на протяжении многих веков подвергались унижениям и притеснениям и которые продолжают испытывать на себе последствия этой дискриминации. Речь идет о буракуминах. В статье рассматривается история возникновения касты отверженных в Японии, основные вехи их борьбы против дискриминации, а также изменения в их положении, происходившие на протяжении веков. Приводятся также данные, характеризующие современную ситуацию. Делается вывод о том, что несмотря на то, что социально-экономические и юридические предпосылки дискриминации буракуминов полностью исчезли, ее отголоски дают о себе знать и сейчас. Это проявляется и в отношении японцев к ним, и в ощущениях самих буракуминов. С одной стороны, оказались весьма живучи предрассудки, существовавшие в японском обществе на протяжении многих веков. С другой стороны, независимо от того, какой путь социализации выбирают буракумины, они не могут стереть память о том, через какие унижения и страдания прошли их предки. Разумеется, с течением времени эта проблема исчезнет. Этому должны способствовать как смена поколений, так и образование и просвещение населения.

Ключевые слова: дискриминация, бураку, буракумины, движение протеста, политика государства, меньшинства

Для цитирования: Лебедева И. П. История японских париев буракумин. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 61–77. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-061-077

A HISTORY OF THE JAPANESE PARIAHS, THE BURAKUMIN

Irina P. Lebedeva

In Japan, one of the most prosperous countries in the world, there still exists a group of people whose ancestors suffered humiliation and oppression for centuries and who continue to experience the consequences of this discrimination. These people are the burakumin. This article examines the history of the emergence of this caste of outcasts in Japan, the main stages of their struggle against discrimination, and the changes in their state over the centuries. Data characterizing the current situation is also presented. It is concluded that, although the socioeconomic and legal preconditions for discrimination against Burakumin have completely disappeared, its echoes continue to be felt today. This is evident both in the Japanese attitude toward them and in the feelings of the Burakumin themselves. On the one hand, the prejudices that have existed in Japanese society for centuries have proven to

[1] Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; iplebedeva2019@mail.ru

Irina P. Lebedeva, DSc (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow; iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

be quite tenacious. On the other hand, no matter what path of socialization the Burakumin choose, they cannot erase the memory of the humiliation and suffering their ancestors endured. Of course, this problem will disappear over time. This should be facilitated by both generations change and public education.

Keywords: discrimination, buraku, burakumin, protest movement, government policy, minorities

For citation: Lebedeva I. P. A History of the Japanese Pariahs, the Burakumin. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 61–77. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-061-077

Япония относится к числу немногих высокоразвитых государств со стабильной социально-политической обстановкой. Уже многие десятилетия в стране не наблюдается сколько-нибудь значимых социальных протестов. Свои политические предпочтения японцы свободно выражают через систему демократических выборов разных уровней, фальсификация результатов которых практически исключена в условиях жесткой конкуренции нескольких политических партий. Кроме того, Японию отличает довольно ровный социально-экономический ландшафт: порядка 90% граждан по уровню благосостояния относят себя к среднему классу, да и социальные контрасты здесь выражены весьма умеренно, так как японская культура не поощряет кичливости богатством. Конечно, сказанное выше не означает, что в Японии не существует болезненных социальных явлений (таких как бедность, преступность, бездомные и т. д.). Более того, здесь до сих пор есть группа людей, чьи предки на протяжении столетий находились в униженном, притесненном положении и которые продолжают испытывать на себе последствия этой дискриминации. Речь идет о буракуминах.

В российском японоведении глубокий, всесторонний анализ причин возникновения дискриминации буракуминов и особенностей их жизни и борьбы на протяжении огромного исторического периода — с раннего средневековья и до начала Второй мировой войны — содержится в трех монографиях З. Я. Ханина, вышедших в издательстве «Наука» в 1973, 1980 и 1989 гг. Опираясь на эти работы, а также на опубликованные в более поздние годы исследования японских и западных авторов, обратимся вначале к предыстории проблемы буракуминов.

Краткая предыстория проблемы

Термин буракумин (букв. — человек из деревни) вошел в обиход в конце XIX века, в эпоху Мэйдзи, и заменил собой прежние названия, применявшиеся для обозначения групп людей, отделенных от остального общества и поставленных в унизительное, бесправное положение. Положение этих людей в социальной иерархии под названием *эта* (букв. — много грязи) и *хинин* (букв. — нечеловек) законодательно было закреплено в период Токугава (1603–1868), однако история японских париев уходит в глубину веков.

В основе возникновения их дискриминации лежало разделение занятий на «чистые» и «грязные». Еще задолго до прихода в Японию буддизма, в раннее средневековье, в соответствии с местными верованиями существовали представления о физической «нечистоте». Ее связывали с контактами с мертвым телом человека или падшего животного, с погребением, с некоторыми физиологическими состояниями (выкидышем, менструацией, кровотечением, беременностью, болезнью), а также с поеданием мяса и пожаром. Так, тело умершего человека выносили из дома, поскольку считалось, что смерть загрязняет. С этим, в частности, была связана смена места пребывания двора, происходившая после смерти очередного императора. Место проживания меняла и знать, и даже некоторые горожане, если смерть происходила в доме. При этом следовало обязательно провести церемонию *о-харай* (очищения) [Nagahara, 1979, pp. 387–388].

Приход буддизма не только способствовал укоренению подобных представлений, но и привел к их формализации. Так, в одном из указов, изданных в период Хэйан (794–1185), были определены следующие сроки «нечистоты». Человек считался «загрязненным» в течение 30 дней после смерти кого-либо из родственников, 7 дней — после рождения ребенка, 5 дней — после смерти одного из пяти животных (коровы, лошади, овцы, собаки, свиньи) и курицы. В случае рождения кого-либо из этих животных, а также при поедании мяса период «нечистоты» составлял 3 дня. Во всех этих случаях контактов с такими людьми следовало избегать [Teraki, 2019, pp. 18–19].

Однако подобные регламентации были введены далеко не везде. Особенно ревностно их соблюдали в Киото и Нара, местах пребывания двора и знати, в то время как в других частях Японии, прежде всего на Хоккайдо и островах Рюкю, их долгое время не существовало.

Что касается тех, кто занимался «грязными» работами, то хотя представления о «нечистоте» и порождали предубеждения против них, в раннее средневековье эти люди еще не подвергались дискриминации и за ними еще не был закреплен статус отверженных. Последнее обстоятельство связано с тем, что в тот период из-за внутренних войн статусная структура не была жесткой и существовали различия в социальной иерархии между разными частями страны. Тем не менее под влиянием буддизма уже в период Нара (710–794) забойщиков скота, мясников, дубильщиков, кожевенников стали считать «злыми людьми» и вынуждали селиться в отдельных местах, чтобы не допустить их смешения с обществом. Такая практика опять же была характерна прежде всего для районов Киото и Нара, в другие части страны она пришла позже. Например, на северо-востоке страны, в регионе Тохоку, где основой хозяйства были подсечно-огневое земледелие и охота, кожевенники не подвергались дискриминации даже в позднее средневековье [Teraki, 2019, p. 43].

Поскольку разделыванием туш животных удобнее было заниматься поблизости от воды, в XI в. тех, кто был связан с этой «грязной» работой, стали называть *каварамоно* (люди, живущие у реки).

С середины XI в. начали возникать поместья — земли, до этого бывшие собственностью императора, постепенно переходили к знати и храмам и становились их частными владениями. На принадлежавших феодалу землях с его позволения стал селиться разный люд — разорившиеся крестьяне, ремесленники, бродяги. Им отводились заброшенные, непригодные для земледелия участки, получившие название *сандзё* и просуществовавшие под таким названием до конца XVI в.

Наряду с поселениями *каварамоно* они стали предшественниками бураку. Селившиеся в *сандзё* люди занимались захоронением трупов людей и животных, уборкой нечистот, производством изделий из кожи. Если отведенные им участки располагались вблизи от речных и сухопутных путей, они также выполняли работу грузчиков, извозчиков, паромщиков и т. д.

В отличие от крестьян эти люди не платили налогов (их заменяли повинности) и поэтому изначально заняли в социальной иерархии самую низшую ступень. При этом их низкое социальное положение постепенно дополнялось дискриминацией по профессиональному признаку. За этими людьми закрепилось прозвище *эта*. Как поясняет З. Я. Ханин, первоначально этих людей называли *этори* (поставщик корма), но в XII в. в обиход вошло слово *эта* (мешок грязи). Позднее, в XIV в., его иероглифическое написание, несколько изменившись, стало обозначать «много грязи», и в таком виде оно просуществовало многие столетия [Ханин, 1973, с. 89–93].

Со временем дискриминация распространилась на всех людей, проживавших в *сандзё*, независимо от рода занятий. Помимо тех, кто выполнял «грязную» работу, к *эта* стали относить ремесленников, производивших изделия из бамбука, соломы, металла, строителей, садовников, охотников и т. д. Например, садовники-*эта* считались «нечистыми», поскольку ухаживали за садами и занимались пересадкой деревьев в те месяцы, когда религия запрещала это делать [Teraki, 2019, p. 42].

Иными словами, прозвище *эта* стало подразумевать уже не только физическое, но и нравственное осквернение носивших его людей. При этом в каждом феодальном владении существовали свои правила и требования, регламентировавшие жизнь *эта*.

Однако в период Камакура (1185–1333) и позже, в *сэнгоку дзидай* (эпоху воюющих провинций, вторая половина XV — начало XVII вв.), *даймё* были заняты войной и убийствами и их не слишком заботила «загрязненность» смертью. И хотя забойщики скота, мясники, дубильщики и кожевенники должны были жить отдельно от других граждан, *даймё* не брезговали обращаться к ним, поскольку нуждались в различных изделиях из кожи для военных нужд. При этом к *кавата* (так стали называть кожевенников) отношение было более нейтральным, чем к забойщикам скота и мясникам. Их рассматривали как специалистов в своей области и воспринимали практически так же, как, например, плотников или кузнецов [Nagahara, 1979, p. 390].

В X–XI вв. появилась еще одна группа *сэммин (*подлых людей)[2] — *хинин*, что означает «нелЮди». Сначала так называли уголовников, но постепенно это прозвище стало применяться ко всем обездоленным — больным, сиротам, нищим и т. д. *Хинин* селились у храмов, жили за счет милостыни и выполнения «грязных» работ, например, погребения усопших. Некоторые группы *хинин* селились у кладбищ, и «загрязненность» близостью к могилам также становилась поводом для их дискриминации. Некоторые поселения *хинин* располагались у дорог, и они оказывали разные услуги путешественникам, другие находились поодаль от храмов и дворцов, где они занимались уборкой. В местах их проживания селились и все те, «кто не имел корней» — впавшие в нищету и покинувшие свои дома крестьяне, бродячие артисты, фокусники, гадалки и т. д. Несмотря на низкое социальное положение *хинин, даймё* даже привлекали их к участию в междоусобных войнах [Nagahara, 1979, pp. 390–397).

Кроме того, *эта* и *хинин* поручались такие «грязные» работы, как исполнение жестоких наказаний, проведение казней, конвоирование преступников, охрана тюрем и т. д. Они также ухаживали за прокаженными, женщины были повивальными бабками. Иными словами, *эта* и *хинин* были важной частью хозяйственной и социальной системы средневековой Японии, но дискриминация в отношении них усиливалась. При этом, как справедливо отмечает З. Я. Ханин, постепенно лежавшие в основе этой дискриминации предрассудки «начали играть преобладающую роль и приобрели видимость самостоятельно действующей общественной силы» [Ханин, 1973, с. 85].

В разных частях страны отверженных называли по-разному, они состояли из разных групп людей, но в XV–XVI вв. разделились на две четко обозначенные категории — *эта* и *хинин*. *Хинин* были выше по положению, им разрешалось селиться в городах. Они даже имели право, пройдя очищение, перейти в состав *хэймин* (простого народа). *Эта* селились за пределами городов, у рек или в *сандзё*, они не могли изменить свой статус, а принадлежность к *эта* стала наследственной [Ханин, 1973, с. 177].

Юридически статусы *эта* и *хинин* были оформлены в период Токугава (1603–1868). Объединение страны и централизация власти требовали унификации статусной структуры общества. Население было поделено на самураев, крестьян, ремесленников и торговцев. На самую низшую ступень были поставлены *эта* и *хинин*. Их регистрировали отдельно, в храмовых записях, где указывались места их проживания, которые они не могли покидать свободно.

В целом в период Токугава *эта* продолжали заниматься той же работой, что и прежде. Независимо от того, на чьих землях располагались их поселения — императора, *даймё* или храмов,

[2] Этим термином в VIII–X вв. обозначали группу людей, состоявшую из охранников могил императоров, слуг, рабов государства и частных лиц. В 907 г. статус раба был отменен. В X–XI вв. термин *сэммин* закрепился за низами общества — *эта* и *хинин* [Teraki, 2019, pp. 6–10].

они занимались разделкой туш животных, выделкой кожи, производством различных изделий из кожи, в том числе принадлежностей для религиозных церемоний. Кроме этого, они мастерили разные изделия из бамбука и соломы, практиковали в качестве лекарей, изготавливали лекарства. Поскольку разделка туш животных и выделка шкур были довольно сложным процессом и требовали специальных знаний и умений, эти виды работ стали своего рода монополией *эта,* передававшейся из поколения в поколение. Им также дано было право на продажу мяса, шкур и костей животных (последние крестьяне использовали для производства удобрений). Монополией *эта* стало также изготовление *сэтта* (особого вида повседневной обуви с элементами из кожи) *и цунанукикуцу* (обуви, которую надевали в снег и дождь и для работы на рисовых полях), а также барабанов. В ряде мест на отведенных им скудных участках земли *эта* даже пытались заниматься сельским хозяйством [Teraki, 2019, pp. 72–77]. Некоторые виды работ они выполняли в качестве уплаты налогов (например, поставку определенного количества кожаных изделий или обновление барабанов), другие приносили им определенный доход, и материальное положение некоторых *эта* было даже лучше, чем крестьян, страдавших от частых неурожаев.

Продолжали *эта* исполнять и возложенные на них прежде социальные функции (заменявшие уплату налогов). Им поручали работу, «загрязненную» близостью к смерти и крови (уборщиков и охранников тюрем, исполнителей телесных наказаний и казней). Они работали также ночными сторожами, ловили уголовников, занимались погребением умерших людей и захоронением павших животных.

В отличие от *эта хинин* не занимались ни производством, ни торговлей, а выполняли в основном те или иные социальные функции. Отчасти их обязанности пересекались с теми, которые возлагались и на *эта.* В Эдо, например, им поручалось устраивать облавы на нищих, прибывавших в столицу, они также работали в приютах для больных уголовников, клеймили преступников. Как и прежде, они жили за счет милостыни, попрошайничая у храмов, переходя от дома к дому (в пределах установленной территории). Отдельную группу *хинин* составляли прокаженные и страдающие другими кожными заболеваниями [Teraki, 2019, pp. 81–86].

В период Токугава дискриминация в отношении париев существенно усилилась. На государственном уровне был принят ряд указов, регламентировавших различные стороны их жизни. Так, например, по указу 1778 г. было предписано задерживать *эта* и *хинин* по всей стране, если обнаруживалось, что они нелегально занимаются земледелием или торговлей, а также в случае, если они выдавали себя за крестьян или городских жителей. Одновременно запрещались браки между *эта* и крестьянами (под угрозой смерти для обеих сторон), ношение «неподобающей» статусу одежды, занятие медицинской практикой. По указу 1802 г. париям запрещалось покидать свои поселения без получения разрешения (которого можно было ждать бесконечно). При этом каждый *даймё* в пределах своих владений мог использовать свои инструменты дискриминации. Так, в одном из княжеств был издан декрет, требовавший, чтобы *эта* прикрепляли к одежде спереди кусок кожи и вывешивали шкуры над входом в дом. В другом им предписывалось идти только позади самурая, крестьянина или горожанина, падать ниц, приветствуя обычных японцев, передвигаться только по обочинам дорог. Во многих местах им было запрещено посещать столовые, общественные бани, при совершении покупок они не имели права заходить в лавку или магазин. Им приказывали обнести свои селенья частоколом из бамбука. Даже во время службы в храме они должны были находиться снаружи, так как местные жители «боялись заразиться и не хотели дышать одним с ними воздухом» [Teraki, 2019, pp. 90–92, 103–104].

Как отмечает З. Я. Ханин, к концу периода Токугава изменилось само понятие осквернения. В это время в Эдо и других крупных городах свободно продавали мясо (медвежатину, оленину),

знать употребляла мясо убитых на охоте животных. И если раньше парии считались «осквернёнными», поскольку занимались «грязной» работой, то в XIX в. они стали считаться таковыми, поскольку уже родились с этим «грязным» статусом. К идее об их «загрязненности» добавились представления о том, что они могут навлечь беду, что вспыльчивость, агрессивность, бесхозяйственность, лень, порочность, склонность к воровству и обману, хитрость, коварство и т. д. являются их врожденными качествами [Ханин, 1980, с. 114–116].

Недоверие и предубеждение простого народа в отношении *эта* и *хинин* усиливало и то обстоятельство, что во время крестьянских восстаний им поручались функции полицейских, усмирявших восставших, хотя часто они и сами принимали в них участие. Нередко они выступали и как самостоятельная сила, протестуя главным образом против различных внешних атрибутов дискриминации.

Следует отметить, что основную часть париев составляли именно *эта.* В период Токугава население Японии то возрастало, то сокращалось, но численность *эта* непрерывно увеличивалась (в частности потому, что, питаясь мясом, они меньше страдали от голода во время неурожаев). Что касается *хинин,* то их численность, напротив, сокращалась, так как, во-первых, в отличие от *эта* они могли, пройдя обряд очищения, войти в состав *хэймин*, а во-вторых, их профессии (артисты, фокусники и т. д.) со временем становились более престижными, что также позволяло им стать *хэймин*.

По данным, которые приводит З. Я. Ханин, в 1871 г. в Японии насчитывалось порядка 400 тыс. париев, в том числе 280 тыс. *эта*, 25,5 тыс. *хинин* и около 80 тыс. прочих лиц низкого социального статуса. Это составляло 1–1,5% от общей численности населения. Но распределены по территории страны парии были крайне неравномерно. Их практически не было на севере и северо-востоке, но в более развитых центральных и юго-западных областях их численность достигала 5–10% от общего числа граждан [Ханин, 1984, с. 109–110]. Иными словами, их существование было весьма заметным социальным явлением.

От Декрета об освобождении до конца Второй мировой войны

Падение сёгуната Токугава в результате реставрации Мэйдзи в 1868 г. привело к важным изменениям в положении японских париев. Интересно отметить, что участие в борьбе против сёгуната принимал и отряд париев — «смелых мясников» из княжества Тёсю [Teraki, 2019, p. 112].

Декрет об освобождении, изданный императором Мэйдзи в августе 1871 г., отменил статусы *эта* и *хинин* и приравнял их к обычным гражданам. Известие об этом вызвало невероятный эмоциональный подъем в их поселках. Вскоре после декрета повсеместно парии стали отказываться от разных внешних атрибутов дискриминации, которых требовал их прежний статус (низких поклонов, падения ниц, ношения кожаных бирок на одежде и т. д.). Они даже стали появляться в барах и общественных банях, хотя владельцы этих заведений обычно выгоняли их, чтобы не потерять клиентов. Парии устраивали акции протеста, апеллируя к местным властям, но те, опасаясь беспорядков со стороны обычных граждан, призывали их к сдержанности в стремлении «быть как все» [Bayliss, 2013, pp. 80–81].

В то время как бывшие парии ликовали, простые граждане восприняли Декрет об освобождении неодобрительно. Сразу после его опубликования было совершено множество нападений на самих париев и их поселения, некоторые из которых вылились в кровавые погромы. В них участвовали тысячи японцев, прежде всего крестьян, которые считали, что, приравняв париев к ним, их самих опустили до уровня *эта*. Такие инциденты происходили на протяжении нескольких лет [Ханин, 1980, с. 188].

Поскольку бывшие *эта* могли теперь свободно покидать свои поселения, некоторые из них устраивались на работу в городах, на фабрики и заводы. И хотя им поручали самую трудную, грязную и низкооплачиваемую работу и они не имели права пользоваться общими столовыми, туалетами и раздевалками, само их присутствие вызывало протесты со стороны других рабочих и становилось причиной забастовок.

Вместе с отменой статуса *эта* произошла и отмена их монополии на занятия такими «грязными» работами, как убой скота, разделка туш, производство и торговля мясом, кожевенное дело, и этими видами деятельности стали заниматься и обычные японцы. С одной стороны, это усиливало конкуренцию и лишало бывших *эта* части доходов, но с другой — после Декрета об освобождении жители многих поселков, стремясь влиться в общество, сами подавали петиции, в которых заявляли об отказе от своих прежних «грязных» занятий. И действительно, многие из них переключились на разные виды ремесел: плетение корзин, производство вееров, искусственных цветов, венчиков для чая и т. д. Они также занимались заготовкой удобрений, фуража, транспортировкой овощей и мяса, торговлей вразнос фруктами, рисом, обувью. Часть из них по-прежнему была занята захоронением умерших людей и падших животных, уходом за больными, пошивом обуви. Более крепкие мужчины работали на севере Кюсю на шахтах и рудниках, нанимались на тяжелые дорожные, земляные и транспортные работы [Ханин, 1980, с. 195–196].

Однако пропасть, разделявшая бывших отверженных и основное общество, нисколько не уменьшилась. Ведь если прежде они мало соприкасались с внешнем миром, будучи заключены в границы своих поселений, то теперь, получив свободу передвижения, они в полной мере ощутили, насколько он враждебен и агрессивен. Более того, принятый в 1881 г. Закон о семейных записях (*Косэкихо:*) по сути закрепил особое положение вчерашних париев в обществе. Он ввел регистрацию граждан по месту проживания с обязательным указанием полного состава семьи (включая женщин, вошедших в нее в результате замужества), дат рождения и смертей ее членов, а также первоначального места их проживания. Тем самым власти получали полную информацию о происхождении семьи, но право на доступ к ней имел и любой желающий (например, при заключении брака, совершении какой-либо сделки и т. д.) [Bayliss, 2013, pp. 35–38]. И теперь не статус *эта* или *хинин* (последний практически исчез из употребления после Декрета об освобождении), а именно границы их поселений, установленные еще в период феодализма, стали маркером их «особости», переходившим и на следующие поколения.

В 1888 г. по указу правительства началось объединение деревень и городов с целью укрупнения административных единиц. Теперь они должны были насчитывать не менее трехсот домохозяйств, но исключения допускались в случае, когда невозможно было объединить деревни бывших *эта* с обычными деревнями или городами из-за протеста местных жителей [Teraki, 2019, p. 137]. Это не только способствовало закреплению границ и статуса этих поселений как «особых», но часто приводило к их исключению из зон, где имелись начальные школы, что лишало детей бывших *эта* доступа к элементарному образованию. Поскольку подавляющая часть поселений отверженных располагалась в сельских районах, их стали называть бураку (деревня, деревушка) — термином, который никогда не применялся в отношении обычных японских деревень, а их жители стали именоваться буракумины, т. е. люди из бураку. Использовался также более нейтральный, хотя и отгораживающий их от остального общества термин — *синхэймин* или новые граждане.

Еще в период феодализма среди *эта* начался процесс социального расслоения. Основная их масса прозябала в нищете, но наиболее удачливые и предприимчивые смогли заработать неплохие деньги (в первую очередь на производстве и продаже мяса и кожаных изделий, в том числе обуви западного образца) и по меркам того времени стать довольно богатыми людьми. В период Мэйдзи

с появлением новых возможностей социальное расслоение в бураку усилилось еще больше. Свои предприятия предприимчивые буракумины располагали в самих поселениях, используя дешевый труд своих соплеменников. Но ощущение принадлежности к одной и той же особой социальной группе придавало отношениям между хозяевами и работниками этих предприятий заметную специфичность, а именно ярко выраженный патерналистский характер. Хотя работники получали за свой труд гроши, они знали, что в случае возникновения каких-либо сложных проблем (ремонт дома, лечение, похороны и т. д.) они могут рассчитывать на помощь и поддержку хозяина. Более того, богатые буракумины, вступая в деловые контакты с японцами, принадлежавшими к одному с ними социальному классу, испытывали не меньшую дискриминацию, чем их менее удачливые соплеменники, и все это усиливало сплоченность жителей бураку [Aspects, 1979, p. 382].

Солидарность буракуминов укрепляли и браки внутри их касты, и чувство безопасности, которое давали им границы бураку, и посещение одних и тех же буддийских храмов (большинство из них относились к секте *синсю:* и верили, что с помощью Будды смогут получить полноправный социальный статус если не при жизни, то в следующей инкарнации [Aspects, 1979, p. 385].

Модернизация Японии в эпоху Мэйдзи сопровождалась быстрым нарастанием ее экономической мощи, бурным развитием промышленности, транспорта и связи, внедрением в повседневную жизнь людей разного рода западных новинок. Однако происходившие изменения практически не затронули жизнь в бураку. К концу XIX в., т. е. по прошествии почти 30 лет со времени публикации Декрета об освобождении, по своему виду они напоминали гетто и производили гнетущее впечатление. Они состояли почти сплошь из покосившихся домов с земляным полом, здесь отсутствовала канализация, поблизости от домов располагались места, где складировался мусор и производилось захоронение павшего скота и кремация трупов, стоял удушающий запах. В бураку был самый высокий уровень неграмотности, правонарушений и заболеваемости туберкулезом и трахомой. Детская смертность достигала 40% (в среднем по Японии того времени — 26%) [Ханин, 1980, с. 197–198].

Что касается экономической деятельности жителей бураку, то к концу XIX в. структура их занятости выглядела следующим образом. Почти половина из них (49%) были связаны в той или иной форме с земледелием (большинство были арендаторами или батраками, незначительная часть владела мизерными участками). В промышленности работали 8% занятых, 12% занимались мелкой торговлей, 15% относились к разнорабочим, 2% занимались рыболовством, а остальные — разного рода ремеслами [Ханин, 1980, с. 197].

Нельзя сказать, что буракумины не боролись против дискриминации, за изменение отношения к ним общества. Но в первые десятилетия Мэйдзи эта борьба происходила главным образом в форме петиционного движения отдельных бураку с требованиями соблюдать императорский Декрет об освобождении. Но поскольку формальные ограничения на передвижение буракуминов по стране были сняты, постепенно сформировались объективные условия для организации общенационального движения протеста.

В 1903 г. было создано *Дай Ниппон до: хо: ю: вакай* — Общество примирения братьев Великой Японии. Появление этой организации стало возможно благодаря усилиям наиболее образованных буракуминов, чьи семьи относились к высшему слою и могли дать детям хорошее образование вплоть до университетского. При этом главным средством борьбы против дискриминации Общество примирения считало «улучшение» самих буракуминов — отказ от вредных привычек и обычаев, повышение уровня образования детей, соблюдение гигиены, развитие производства и т. д. [Bayliss, 2013, p. 94].

Во многих бураку эти идеи восприняли с энтузиазмом. Их жители собирали деньги на строительство школ, открывались общественные бани, богатые буракумины жертвовали деньги на поддержку бедствующих семей, на лечение больных и т. д.

Хотя в первые десятилетия Мэйдзи под влиянием западных теорий в обществе превалировали идеи «цивилизации и просвещения», среди японских интеллектуалов, не говоря уже о журналистах, было немало тех, кто полагал, что буракумины — это некое «отклонение от нормы». Ужасающие условия жизни в бураку считались не причиной, а следствием их врожденных качеств. Для того чтобы не бросать тень на «чистоту» японской нации, им приписывали не японское, а корейское происхождение или относили к аборигенам Тайваня или выходцам с южно-тихоокеанских островов. И даже тогда, когда было доказано, что они такие же японцы, как и все остальные граждане, их рассматривали как отдельный (дегенеративный) вид, как представителей древней расы, отставшей от времени [Teraki, 2019, p. 150; Bayliss, 2013, pp. 43–45].

Для обычных японцев было неважно, в чем причина «особости» буракуминов — в их расе, культуре или обычаях, они по-прежнему старались избегать контактов с ними. Бураку продолжали восприниматься как места, населенные людьми со странными обычаями, как инкубатор наследуемых болезней (включая туберкулез и проказу), средоточие антисанитарии.

Существование бураку, скрытая и открытая дискриминация их жителей были для властей, стремившихся создать у западных держав представление о Японии как о просвещенной, цивилизованной стране, определенным вызовом. Еще в 1890-е годы по их просьбе были проведены обследования положения дел в бураку, выявившие ужасающую картину. Бураку (которые стали называть *токусю бураку,* т. е. особые поселения) были выделены незначительные субсидии, но они не привели к каким-либо результатам.

После победы в русско-японской войне 1904–1905 гг. на первый план вышла задача объединения нации, ее сплочения вокруг императора с тем, чтобы мобилизовать все силы для противостояния другим империалистическим державам. В 1907 г. была принята Программа улучшения условий жизни в бураку. В соответствии с ней местные власти обязаны были организовать в каждом поселке «группы морального исправления», которые под их контролем должны были решать следующие задачи: повысить уровень санитарии и гигиены; донести до жителей необходимость сберегать деньги и платить налоги; искоренить плохое поведение путем повышения посещаемости школ и организации программ профессионального обучения и морального воспитания. В некоторые бураку были направлены «правила поведения», содержащие порядка 50 пунктов [Bayliss, 2013, p. 62]. В целом программа провалилась.

Конечно, нельзя отрицать, что продолжавшиеся веками унижения, бесправие и бедность привели к тому, что образ жизни жителей бураку, их манеры и поведение действительно стали отличаться от того, что считалось нормой в японском обществе. Специалисты в области социальной психологии объясняют это тем, что дискриминируемое меньшинство, чтобы вернуть себе чувство собственного достоинства, намеренно использует разные средства, делающие его поведение отклонением от принятых норм. Это может быть непосещение школы, игнорирование общепринятой формы брака, особый разговорный стиль, неконтролируемая агрессивность, сексуальная распущенность и т. д. [De Vos, 1975, pp. 369–370].

Все это было характерно и для японских буракуминов. Здесь пили много дешевой низкосортной рисовой водки, на почве чего часто возникали драки и конфликты. Обычным делом были нерегистрируемые браки и внебрачные связи, при этом дети гораздо раньше, чем их сверстники, оказывались осведомлены об интимной стороне отношений между полами. Побои мужьями жен, грубое обращение отцов с детьми, драки между детьми, ссоры и драки между женщинами — все это также было частью жизни в бураку. Язык их жителей отличала менее чистая речь, особое произношение, своя лексика. Но, отмечая все это, следует еще раз подчеркнуть, что подобные отклонения

от нормы являлись следствием ужасающих социально-экономических условий, в которые были поставлены жители бураку, а не проявлением их якобы врожденных порочных качеств.

Доказательством того, что буракумины, получившие хорошее образование, оказываются не менее талантливы, чем их сограждане, является появление в их среде еще в период Мэйдзи и Тайсё (1912–1925) талантливых писателей, художников, интеллектуалов, занимавшихся историей японских париев и стремившихся донести до общества объективную информацию об их происхождении. Так, в 1912 г. было организовано *Ямато до: сикай* (Общество друзей Ямато[3]), которое стало издавать журнал «*Мэйдзи-но хикари*» («Свет Мэйдзи»), где и публиковались статьи по проблеме бураку. Как и его предшественник — Общество примирения братьев Великой Японии — оно считало главным усилия самих буракуминов по улучшению условий жизни, повышению уровня образования, искоренению дурных привычек и плохих манер. Его лидеры внушали буракуминам, что они должны быть благодарны императору за избавление от статуса отверженных, а обычных японцев упрекали в неповиновении указу императора, повелевшего относиться к буракуминам как к равным [Bayliss, 2013, pp. 95–99].

Власти поддержали это движение, видя в нем инструмент воспитания патернализма. В 1912 г. при Министерстве внутренних дел был создан Координационный совет по улучшению жизни в бураку. В эти годы в официальных документах *токусю бураку* стали именовать *саймин бураку* или поселки бедняков. Интересно отметить, что в качестве одного из способов решения проблемы бураку рассматривалась миграция их жителей на Хоккайдо, но она не вызвала среди них энтузиазма.

Время шло, Япония быстро модернизировалась и превращалась в империю, но жизнь большинства жителей бураку почти не изменилась. Некоторый прогресс был достигнут в сфере образования, хотя в разных бураку ситуация складывалась по-разному. Где-то школу не посещали до 1/3 детей, а где-то уровень посещаемости достигал 80–90% [Bayliss, 2013, p. 122]. Поскольку школы имелись не во всех бураку, часть детей обучалась в обычных начальных школах. Их сажали отдельно от других детей, и нередко они становились объектом издевательств со стороны не только учеников, но и учителей. Так, дети обзывали их *ёцу* (четвероногие), намекая на то, что они недалеко ушли от животных.

В 1918 г. всю Японию охватили рисовые бунты. Участие в них приняли и буракумины, которым спекулянты отказывались продавать рис даже по завышенным ценам. Чтобы усмирить их, в 1920 г. правительство впервые выделило субсидии на поддержку их семей, а также перешло от прежнего курса на «самоулучшение бураку» к политике *ю: ва* — достижению согласия с ними. Этого требовала и идеология *кокутай,* т. е. объединения всего народа вокруг императора в единый организм.

Между тем протестные настроения в среде буракуминов нарастали, причем особенно активна была образованная молодежь. В 1920 г. молодые буракумины создали *Цубамэкай* (Ассоциацию ласточек), которая устраивала акции протеста по всей стране с требованиями равного доступа к школам, кладбищам, храмам. Ее деятельность всколыхнула протестное движение, и это привело к созданию в марте 1922 г. общенациональной организации буракуминов — *Суйхэйся* (Общество за равенство) [Teraki, 2019, p. 180].

Начало этой организации положил съезд почти 3 тыс. представителей буракуминов со всей страны, проходивший в одном из залов в Киото. Съезд обратился к буракуминам со страстным посланием, автором которого был поэт, драматург и художник Сайко Манкити. Оно начиналось словами: «Люди из *токусю бураку* — объединяйтесь! Долго страдавшие братья! ... Мы создаем новую

[3] Название древнего японского государства.

организацию, чтобы освободить себя собственными усилиями на основе самоуважения. Пришло время, когда угнетаемые должны сбросить ореол мучеников. ...Пришло время, когда мы можем гордиться тем, что мы *эта*». Примечательно, что хотя шел 11-й год Тайсё, манифест был датирован Суйхэй 1, что подчеркивало начало новой эпохи в борьбе буракуминов [McKnight, 2011, pp. 44–45].

Лидеры *Суйхэйся* были достаточно обеспеченными людьми и получили хорошее образование, но их активно поддержали и средние слои, и бедные буракумины, поскольку они выражали их общую боль и надежды. По всей стране стали открываться отделения Общества за равенство, число его членов быстро возрастало, а их протесты из стихийных превратились в хорошо организованные. В 1923 г. под его эгидой были созданы женское и молодежное отделения *Суйхэйся*.

В борьбе против дискриминации *Суйхэйся* взяла на вооружение следующую стратегию. С одной стороны, она призывала буракуминов тщательно отслеживать случаи дискриминации (словами, жестами, поведением) и требовать извинений за них, апеллируя к тому, что дискриминация противоречит воле императора. С другой стороны, они пытались наладить диалог с обществом, организуя лекции и публикуя статьи по проблеме буракуминов, призывая японцев «покаяться в грехах прошлого и посеять в своих сердцах справедливость, гуманизм и искренний патриотизм» [Bayliss, 2013, p. 152]. Акцент делался на том, что нищета и грязь в бураку — это следствие многовековой дискриминации, пороков общества, а не буракуминов. Требования извинений нередко заканчивались стычками с вмешательством полиции. В 1924 г. было зафиксировано 1046 случаев «осуждений и извинений», в 1925 г. — 1025 [Ханин, 1989, с. 97].

Энтузиазм, охвативший жителей бураку в связи с созданием *Суйхэйся*, уже к середине 1920-х годов сменился определенным разочарованием. В жизни самих бураку практически ничего не менялось, а требования извинений, хотя и приносили некоторое моральное удовлетворение, одновременно усиливали восприятие буракуминов как мстительных и склонных к насилию. Особенно сильным было разочарование среди молодежи. Дело дошло до того, что в 1925 г. молодежная секция *Суйхэйся* была распущена и вошла в Лигу коммунистической молодежи при КПЯ [Bayliss, 2013, pp. 201–205].

Социалистическая идеология оказала сильное влияние на деятельность *Суйхэйся*. Некоторые ее лидеры были членами КПЯ и полагали, что организация должна выйти за свои узкие рамки и стать частью борьбы пролетариата против капиталистов и что дискриминация исчезнет тогда, когда в стране будет построено общество равенства, т. е. социализм. Они даже видели сходство между положением буракуминов в Японии и евреев в царской России, полагая, что именно дискриминация последних предопределила ту значительную роль, которую они сыграли в русской революции.

Во многих бураку идею о том, что их жители должны стать частью пролетариата и крестьянства, восприняли как шаг к освобождению. Но действительность демонстрировала другое: буракуминов подвергали дискриминации не только капиталисты, но и пролетариат, а крестьяне, чтобы не состоять с ними в одной организации, даже выходили из Союза японских фермеров [Teraki, 2019, p. 192].

Расхождение между призывами влиться в ряды пролетариата и крестьянства и реальностью привело к ослаблению влияния *Суйхэйся* на местах. Этому способствовал и идейный раскол в ее руководстве, приводивший к дезорганизации всего движения протеста. Наряду со сторонниками левых взглядов (среди которых появились и анархисты) в нем были представлены и их противники, которые сохраняли приверженность идее «сословной чистоты движения буракуминов». В этих условиях некоторые отделения *Суйхэйся* стали распускаться: их число сократилось с 398 в 1929 г. до 378 в 1932 г., а численность рядовых членов снизилась с 53,3 тыс. до 47,7 тыс. соответственно [Bayliss, 2013, p. 211].

Как отмечает З. Я. Ханин, в целом к началу 1930-х годов в движении буракуминов произошло усиление леворадикального уклона, что вело к отрицанию необходимости для париев вести самостоятельную борьбу вне борьбы пролетариата за свержение капитализма, а, следовательно, ставило под сомнение и существование самой *Суйхэйся*. Среди руководства появились сторонники ее роспуска. Однако КПЯ выступала за сохранение *Суйхэйся*, намереваясь возглавить борьбу париев и шире вовлекать их в революционную среду [Ханин, 1989, с. 140–141].

Репрессии против КПЯ, которые к 1936 г. практически парализовали ее деятельность и затронули в том числе и руководство *Суйхэйся*, положили конец леворадикальному уклону в движении париев, и оно стало все больше превращаться в лояльное трону и государству.

Начавшаяся в 1937 г. война Японии с Китаем изменила общую ситуацию в стране, что не могло не сказаться и на движении париев. В сентябре 1937 г. Пленум ЦК *Суйхэйся* призвал буракуминов «проявить полное понимание происходящего и содействовать особенно необходимому единству народа с монархом» [Ханин, 1989, с. 156–157].

Между тем экономическое положение в большинстве бураку оставалось крайне тяжелым. В начале 1930-х годов только 16% их жителей имели земельные участки, но они в среднем были в 8 раз меньше участков обычных крестьян. Средний доход домохозяйства буракуминов составлял лишь ¼ от дохода обычных японских семей. Экономическая нищета вела к исключению буракуминов из политической жизни. Среди них лишь 17% пользовались избирательным правом, которое предоставлялось тем, чей подоходный налог составлял не менее 3 иен (среди обычных японцев таких было более 55%) [Bayliss, 2013, pp. 221–224; Ханин, 1989, с. 147]. Как и прежде, во многих бураку не было водопровода, канализации, дома требовали ремонта, большинство их жителей батрачили, занимались традиционными ремеслами, а те, кто работал вне бураку, нанимались на самые тяжелые и низкооплачиваемые работы.

Идеология *кокутай*, т. е. объединения всего народа вокруг императора, вынудила власти предпринять конкретные шаги по улучшению жизни в бураку. В 1935 г. была принята 10-летняя программа, по которой ежегодно из бюджета выделялись 5 млн иен для повышения уровня жизни в бураку, поскольку стало очевидно, что без снятия социально-экономических причин дискриминации искоренить ее невозможно [Bayliss, 2013, p. 245]. Кроме того, буракуминов по-прежнему призывали переселяться на Хоккайдо, а после 1937 г. — в Манчжурию (позже — в новые колонии). В 1935 г. в стране насчитывалось 5316 бураку с 1 млн жителей [Teraki, 2019, p. 116].

После начала войны на Тихом океане, по мере все большей милитаризации экономики задача экономической помощи бураку отошла на второй план, а полное истощение ресурсов нации к концу войны привело к тому, что различия в уровне жизни между бураку и другими деревнями почти исчезли.

Что касается *Суйхэйся*, то во время войны она призывала буракуминов к лояльности, поддерживала их участие в военных действиях (несмотря на то, что в армии они часто подвергались дискриминации) и уповала на то, что большинство наконец поймет, что в условиях, когда Япония создает Великую сферу сопроцветания в Восточной Азии, в самой стране не должно быть никакой дискриминации. В январе 1942 г. *Суйхэйся* была распущена, так как все общественные организации, за исключением Ассоциации поддержки трона, были запрещены. Тема бураку сошла на нет.

Послевоенный период

В послевоенный период движение буракуминов возродилось одним из первых. Уже в январе 1946 г. была созвана конференция, на которой был создан Национальный комитет за освобождение бураку. В 1955 г. он был преобразован в Союз за освобождение бураку (*Бураку кайхо: до:мэй*), и с его деятельностью связана вся послевоенная история движения буракуминов.

В ходе аграрной реформы около 20% буракуминов получили земельные участки, размеры которых обеспечивали им более-менее сносное существование, но абсолютное большинство владели участками не более 3–5 *тан*[4] и вынуждены были искать работу на стороне, соглашаясь на самую тяжелую и грязную [Teraki, 2019, p. 226].

Первые послевоенные десятилетия в Японии были отмечены активизацией деятельности левых партий, КПЯ и СПЯ включили поддержку буракуминов в свои программы. В 1947 г. 9 буракуминов были избраны в парламент, в том числе 7 из них — от СПЯ [Japan's Minorities, 2009, p. 69].

Восстановление разрушенной войной экономики шло довольно быстро, но бураку оно почти не затронуло. Хотя в некоторых из них местные власти произвели какие-то улучшения, общей картины это не изменило. Во многих по-прежнему не было элементарных удобств, дома выглядели убого, немало детей не посещали школу, крайне низок был процент тех, кто смог устроиться в крупную компанию, значительная часть семей жила на пособия. При этом сформировался замкнутый круг — низкий уровень образования и культуры буракуминов, связанный с низким уровнем жизни, в условиях дискриминации при найме вел к высокому уровню безработицы среди них и отсекал их от хорошо оплачиваемых рабочих мест, что, в свою очередь, вело к сохранению низкого уровня жизни.

Конечно, буракумины протестовали, требуя прежде всего равных прав при найме на работу и создания в их поселках современной инфраструктуры, причем часто их выступления проходили у отделов полиции, где хранились ненавистные им *косэки.*

В 1957 г. СПЯ призвала правительство создать комиссию для разработки планов по переустройству жизни в бураку, и в 1960 г. находившаяся тогда у власти ЛДП сформировала специальный комитет для изучения этого вопроса, в который вошли и представители Союза за освобождение.

В 1965 г. этот комитет опубликовал обширный доклад, который состоял из двух частей. В первой части содержался исторический очерк, главными выводами из которого стали следующие. В расовом и этническом отношении буракумины ничем не отличаются от остальных японцев. Их дискриминация — это не просто пережиток феодализма, который исчезнет по мере развития капитализма, а реальная социальная проблема. Ее разрешение является прямым долгом государства и всего общества. Во второй части содержался детальный обзор социально-экономического положения бураку, который представил удручающую картину, и делался вывод о том, что ключ к решению проблемы — улучшение условий жизни их жителей [Japan's Minorities, 2009, pp. 70–71]. При этом сами бураку стали называть *до:ва тику* (районы ассимиляции), а меры государства — политикой ассимиляции. Всего было выделено 4600 *до:ва тику* с общим числом жителей около 900 тыс. человек. Примечательно, что около 1 тыс. бураку добровольно отказались от этого статуса, опасаясь, что он станет маркером, который может усилить дискриминацию.

На основании этого доклада в 1969 г. был принят Закон о чрезвычайных мерах в отношении *до:ва тику.* Он включал три направления: улучшение материальной инфраструктуры (строительство дорог, школ, больниц, общественных центров, многоэтажных жилых домов и т. д.); прямые выплаты дважды в год всем домохозяйствам, а также пособия на детей-школьников, при заключении брака, рождении ребенка и т. д.; целевые расходы на образование (на разработку программ обучения в школах, выплату стипендий для продолжения молодежью образования на более высоких ступенях) [Japan's Minorities, 2009, p. 73].

Иными словами, политика ассимиляции предполагала, что в результате радикального улучшения экономического положения в бураку, существенного повышения уровня образования и культуры их жителей последние уподобятся большинству, и основания для их дискриминации исчезнут.

[4] *Тан* соответствует 0,093 га.

В марте 1982 г. срок действия Закона о чрезвычайных мерах по отношению к *до:ва тику* истек, но под новым названием — Закон о специальных мерах по улучшению регионов — он был продлен на 5 лет, а в 1987 г. — еще на 5 лет. В 2002 г. осуществлявшиеся на основании этих законов программы были завершены. Всего за 1969–2002 гг. было затрачено 13 млрд 880 млн иен. Ответственными за выполнение программ были местные власти, а расходы распределялись следующим образом: 20% брало на себя центральное правительство, 10% — префектурные власти, 70% — муниципалитеты. В первые годы примерно 2/3 всех расходов шло на строительство и улучшение материальной инфраструктуры, но затем они стали распределяться почти поровну между материальными и нематериальными составляющими программ [Japan's Minorities, 2009, pp. 73–74].

К завершению программ, т е. к началу XXI в., внешний облик бураку настолько изменился, что визуальные различия между ними и обычными поселками практически стерлись. Кроме того, в ходе бурного экономического развития Японии произошла диверсификация профессий, повысился технический уровень всех видов производства и тем самым были ликвидированы основы для дискриминации по роду занятий. Да и сами жители бураку в большинстве своем утратили внешние признаки, отличавшие их от других японцев. Правда, в середине 1990-х годов, когда было проведено последнее официальное обследование бураку, по ряду показателей они все еще уступали основной части страны. Так, пособия на жизнь здесь получали 52% домохозяйств (в среднем по стране — 7,1%), а на крупных предприятиях (с числом занятых более 300 человек) работали лишь 10,6% (в среднем порядка ¼). Заметно выросла доля детей, продолжающих обучение в средней школе высшей ступени (до 91,8% при среднем показателе 96%), но при этом в университет намеревались поступить лишь 20% (40% в среднем по Японии) [Japan's Minorities, 2009, pp. 79–80]. Тем не менее прогресс в экономическом положении буракуминов был очевиден. Исчезли и барьеры, ограничивавшие их доступ к образованию, получению хорошо оплачиваемой работы, участию в политике.

Однако дискриминация не исчезла — она продолжала существовать, приняв менее очевидные формы и превратившись из социально-экономической в социально-психологическую, нравственную проблему. А основными маркерами по-прежнему оставались принадлежность к бураку как к месту проживания или рождения и/или наличие кровных связей с буракуминами.

Поскольку вся эта информация содержалась в пресловутых *косэки,* с конца 1960-х годов *Бураку кайхо: до:мэй* стал требовать от властей ограничить к ним доступ. Соответствующее решение было принято в 1976 г., доступ к *косэки* стал возможен только для узкого круга специалистов (юристов), но случаи их нелегального использования отмечались и позже. Так, в конце 1970-х годов появился составленный группой юристов Список 5300 бураку, который включал их названия, местоположение, число домов и перечень основных занятий жителей. Его приобретали за деньги компании по всей Японии, многие из которых по-прежнему при найме работника интересовались, не является ли он выходцем из бураку. Копии этого Списка использовались даже в середине 2000-х годов [Teraki, 2019, p. 245].

Интересно отметить, что даже среди молодых *нисэй*, потомков японцев, переселившихся в начале XX в. в США, существовало предубеждение против буракуминов. Если становилось известно, что предки партнера/партнерши — выходцы из бураку, свидания прекращались [Aspects, 1979, p. 388].

Однако с течением времени основания для дискриминации из-за принадлежности к бураку или по линии кровных связей стали все больше размываться. Во-первых, из-за расширения миграции из бураку и в них происходило сокращение доли буракуминов среди их жителей: с 71,9% в 1971 г. до 41,4% к 1993 г. (хотя в разных регионах ситуация складывалась по-разному: например, в районе Осака их доля составляла почти 90%, а в районе Фукуока — 37%) [Japan's Minorities, 2009, pp. 78–79].

Во-вторых, выросло число браков между буракуминами и небуракуминами. В конце 1990-х годов уже порядка 60–80% заключаемых буракуминами браков были смешанными (среди тех, кто родился в 1930-е — 1940-е годы, на них приходилось лишь 10%)[5].

Тем не менее, несмотря на то что буракумины расселились по всей стране и смешались с другими японцами, проблема их дискриминации не снята с повестки дня, во всяком случае — для них самих. Продолжает свою деятельность *Бураку кайхо: до:мэй* — наследник *Суйхэйся*, столетие создания которой было отмечено в 2022 г. Созданный в 1968 г. Buraku Liberation Research Institute (позже сменивший название на Buraku Liberation and Human Rights Research Institute) издает ежемесячный журнал, проводит семинары, публикует научные труды по проблеме бураку, учебники для детей. *Бураку кайхо: до:мэй* по-прежнему остается центром, где подвергшиеся дискриминации буракумины могут получить моральную и юридическую поддержку. В последние годы активисты движения стали отслеживать дискриминационные комментарии в интернете, анонимно размещаемые списки наиболее распространенных фамилий буракуминов и т. д.

Конечно, сейчас масштабы деятельности *Бураку кайхо: до:мэй* стали гораздо скромнее, чем прежде, но даже в последние годы случались эпизоды, которые привлекали внимание всей страны. Так, некто Т. Миябэ в течение нескольких лет в сотрудничестве с издательством Jigenshya размещал в интернете данные о местоположении бураку и персональную информацию о лидерах *Бураку кайхо: до:мэй* и других буракуминах, а в 2016 г. это издательство выпустило репринт официального обследования бураку, проведенного в 1936 г. *Бураку кайхо: до:мэй* обратилась с иском в суд, дело рассматривалось в судах разных инстанций, и спустя 7 лет, в июле 2023 г., Высший суд Токио вынес окончательное решение, запретив публикацию и размещение материалов в интернете и признав «право буракуминов не быть объектом дискриминации»[6].

Конечно, далеко не все буракумины испытывают дискриминацию. Часть из них по-прежнему остается в своих поселках и сохраняет свою идентичность, свою культуру. Что же касается тех, кто покидает бураку, то они оказываются перед непростым выбором — открыто заявлять о своих корнях или, напротив, скрывать их. Те, кто выбирает первый вариант, сохраняют связи с бураку, навещают своих родственников, поддерживают отношения с друзьями. Те же, кто выбирает второй вариант (прежде всего молодые люди, получившие хорошее образование), стараются избавиться от своей идентичности, растворившись в обществе. Основными средствами для достижения этой цели являются либо неоднократная смена места проживания (поскольку в *косэки* вписывается последний адрес, несколько таких итераций — с помощью семьи — позволяют избавиться от следов бураку), либо брак с небуракуминами. Но в последнем случае есть вероятность, что будущий супруг/супруга или их родители захотят узнать подробности о семье потенциального родственника, и их реакция может быть разной.

Интересные материалы, касающиеся этого вопроса и других сторон жизни современных буракуминов, содержатся в коллективной монографии «Buraku Mondai-no ima» (Проблема бураку сегодня»), изданной в 2017 г. упомянутым выше Институтом[7]. Основываясь на результатах собственных опросов и обследований, проводившихся в разные годы рядом японских префектур, ее авторы анализируют и реакцию общества на эту проблему, и ощущения самих буракуминов.

Что касается вопроса о том, кто такие буракумины и по каким критериям их можно определить, то в целом примерно 20–22% японцев не имеют об этом никакого представления. При этом

[5] Kyoto Ijin: Nadamoto Masahisa (Great man of Kyoto: Nadamoto Masahisa). Interview, 1998. URL: https://www.nancho.net/kyoto/nadamoto.html (дата обращения: 30.04.2026)].

[6] Taieb Caroline. What is burakumin today. Appartenances & Alterites. 2025. No. 7. URL: https://journals.openedition.org/alterites/2098 (дата обращения: 01.05.2026).

[7] Более поздние его публикации недоступны в нынешних условиях.

степень осведомленности падает с понижением возраста. Так, среди 20–29-летних японцев не слышали о ней 30%, а среди 50–60-летних — 17%. У тех же, кто знает, о ком идет речь, основным критерием является их проживание в *до:ва тику* — в настоящее время или в прошлом (на него ориентируются соответственно 41–55% и 30–35% респондентов). Кроме того, относят к буракуминам и тех, чьи родители, а также дедушки и бабушки по линии отца или матери живут в *до:ва тику,* прописаны или родились в них. Первый критерий учитывают 25–30% японцев, а второй и третий — по 20–22%. При этом доля тех, кто определяет буракуминов по роду занятий, составляет в среднем менее 10% [Uchida, Tsumaki, Saito, 2017, pp. 7, 11].

Для выявления степени дискриминации буракуминов обычно используются два индикатора: отношение японцев к проживанию по соседству с ними и их отношение к смешанным бракам. Так, опрос, проведенный в начале 2010-х годов, представил следующую картину. Респондентов спрашивали, откажутся ли они от покупки дома или аренды жилья, если узнают, что эти объекты располагаются в *до:ва тику*. 30,5% заявили, что безусловно откажутся, а еще 24,5% — что скорее всего откажутся, 11,6% ответили, что вероятно не откажутся, а еще 11,5% — что они вообще не приняли бы это во внимание. Ответы на вопрос о том, откажутся ли они от сделки, если узнают, что начальная школа их микрорайона будет относиться к той же зоне, что и *до:ва тику*, распределились следующим образом: безусловно откажутся — 19,0%, скорее всего откажутся — 23,9%, не придадут этому никакого значения — 17,7%, вероятно не откажутся — 17,6%.

Не менее показательны и ответы на вопрос о возможности брака с буракуминами в случае противодействия со стороны родственников. Среди опрошенных 26,1% заявили, что, несмотря на это, заключат брак по собственному желанию, 30,4% — что приложат все силы, чтобы переубедить родственников, и потом заключат брак, 10,9% ответили, что в таком случае они откажутся от брака, а 4,9% — что, безусловно, откажутся. Около 30% респондентов затруднились с ответом [Uchida, Tsumaki, Saito, 2017, p. 13].

А как же ведут себя сами буракумины при заключении брака с небуракуминами, сообщают ли им о своих корнях? Один из опросов, проведенных префектурой Осака, выявил следующую картину: немногим более половины (из 1200 человек) сообщили партнерам о своем происхождении, а немногим менее половины — скрыли это. Среди первых только 22% сообщили о своих корнях, поскольку «партнер/партнерша понимает эту проблему», а остальные сделали это, так как он/она «рано или поздно все равно об этом узнает» (33%), «чтобы не возникло проблем в будущем» (33%), «чтобы он/она были осведомлены обо всем, включая и этот аспект» (26%). Что же касается тех, кто скрыл свое происхождение, то большинство (60%) сделали это «из боязни разрушить отношения», около 30% — поскольку партнер/партнерша «осведомлены о проблеме *до:ва тику*», и только 8% посчитали, что это не та проблема, о которой необходимо сообщать [Uchida, Tsumaki., Saito., 2017, p. 19].

Иными словами, последствия многовековой дискриминации буракуминов все еще проявляются и в отношении к ним японцев, и в ощущениях их самих. Неудивительно поэтому, что *Бураку кайхо: до:мэй* до сих пор продолжает ежегодно издавать брошюру «Случаи дискриминации». Так, за период 2005–2015 гг. было выявлено 1346 таких случаев, в том числе 436 — в форме унизительных сообщений, 180 — в школе, 121 — в местном сообществе, 96 — вследствие незаконного доступа к *косэки* и т. д. [Uchida, Tsumaki., Saito, 2017, p. 23]. Понятно, что в действительности подобных случаев гораздо больше, но не все решаются предавать их огласке.

С 1980-х годов *Бураку кайхо: до:мэй* стал налаживать сотрудничество с другими дискриминируемыми группами. В 2006 г. в созданном ранее в Осака музее истории и культуры бураку была открыта экспозиция, рассказывающая о проблемах проживающих в Японии корейцев и айну, а также

секс-меньшинств, ВИЧ-инфицированных, жертв *Минамата*. И хотя проблема бураку не утратила своей специфичности, лидеры движения все больше рассматривают ее с позиций соблюдения прав человека в целом [Teraki, 2019, pp. 256–257].

* * *

Из изложенного выше можно сделать вывод, что, несмотря на огромные изменения, происшедшие в жизни японских буракуминов за полтора века с момента принятия Декрета об освобождении, отголоски их многовековой дискриминации дают о себе знать и сейчас. Рационального объяснения этому нет, поскольку социально-экономические и юридические предпосылки дискриминации полностью исчезли. С одной стороны, слишком живучи оказались предрассудки, которые, по выражению З. Я. Ханина, превратились в «самостоятельно действующую общественную силу». С другой — память о том, через какие унижения и страдания прошли их предки, влияет и на восприятие современными буракуминами своей идентичности, и на выбор пути социализации.

Разумеется, с течением времени эта проблема исчезнет. Когда-нибудь люди, узнавая о корнях буракумина от него самого или еще от кого-то, отнесутся к этой информации безразлично или с легким интересом либо просто захотят больше узнать об истории феодальной Японии. А сами выходцы из *до:ва тику* не будут скрывать свое происхождение, в том числе и от собственных детей. Главное средство приближения этого времени — образование и просвещение населения, начиная со школьной скамьи.

Литература / References

Ханин З. Я. *Социальные группы японских париев*. М.: Наука, 1973 [Hanin Z. Ya. *Social groups of Japanese Pariahs*. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].

Ханин З. Я. *Парии в японском обществе*. М.: Наука, 1980 [Hanin Z. Ya. *Pariahs in Japanese Society*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Ханин З. Я. *Буракумины — дискриминируемое меньшинство Японии*. М.: Наука, 1989 [*Burakumins — discriminated minority of Japan*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Aspects of Social Changes in Modern Japan. Ed. by R. Ph. Dore. Princeton: Princeton University Press, 1979.

Bayliss J. *P. On the Margins of Empire. Buraku and Korean Identity in Prewar and Wartime Japan*. Massachusetts, London: Harvard University Press, 2013.

De Vos G. A. etc. *Socialization for Achievement. Essays on the Cultural Psychology of the Japanese*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1975.

Japan's Minorities. The Illusion of Homogeneity. Ed. by M. Weiner. New York: Routledge, 2009.

McKnight A. *Nakagami, Japan. Buraku and the Writhing of Ethnicity*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2011.

Nagahara K. The Medieval Origins of Eta-Hinin. *Journal of Japanese Studies.* 1979. Vol. 5. No 2. Pp. 385–403.

Teraki N., Kurokawa M. *A history of discriminated buraku communities in Japan.* Folkestone, Kent: Renaissance Books, 2019.

Uchida R., Tsumaki Sh., Saito N. *Buraku mondai — no ima* [*Problem of Buraku today*. Osaka: BLHRRI, 2017 (in Japanese)].

Electronic resources

Kyoto Ijin: Nadamoto Masahisa (Great man of Kyoto: Nadamoto Masahisa). Interview, 1998. URL: https://www.nancho.net/kyoto/nadamoto.html (дата обращения: 30.04.2026)].

Taieb Caroline. What is burakumin today. Appartenances & Alterites. 2025. No. 7. URL: https://journals.openedition.org/alterites/2098 (дата обращения: 01.05.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-078-094

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА МЭЙДЗИ ПО УПРОЧЕНИЮ СВОЕЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ БОСИН (1868–1869) В ЯПОНИИ

© 2026

Д. Д. Романчев[1]

В 1853–1854 гг. Япония оказалась лицом к лицу с угрозой иностранного вторжения, когда американский коммодор Перри (1794–1858) прибыл во главе военной эскадры с требованиями отказаться от политики изоляции и «открыть» страну для внешних сношений. К тому моменту Япония оставалась феодальной страной, разделённой на княжества, и роль правительства исполнял сёгунат Токугава — институт власти военных гегемонов, которым формально делегировал свою политическую власть император Японии.

Тем не менее кризис, острый политический кризис, который возник в стране после насильственного «открытия» Японии в 1854 г., привёл к стремительному падению авторитета военного правительства сёгуната, и уже в 1867–68 гг. институт сёгунов как таковой оказался упразднен.

С 1863 г. в стране началась гражданская война, которая в разных формах шла до окончательной победы новых политических сил в 1869 г. Этими силами руководила контр-элита — часть правящего класса феодалов, лишённая в период Эдо (1603–1868) возможности непосредственно влиять на политику, при этом настроенная оппозиционно к сёгунату Токугава и выступавшая за централизацию страны под эгидой императора.

3 января 1868 г. в Киото происходит военный переворот, провозгласивший реставрацию императорской власти и создание Нового правительства. Однако успех «Реставрации» напрямую зависел от того, сможет ли провозглашённая в Киото новая власть одержать верх в «большой» войне с всё ещё имевшим огромную власть и влияние родом Токугава и его союзниками, а также прочими претендентами на власть.

В данной статье были рассмотрены основные политические, экономические, идеологические и прочие решения, которые были приняты Новым правительством в первые недели и месяцы войны Босин* 1868–1869 гг. — последнего этапа гражданской войны в Японии, вспыхнувшего 27 января 1868 г.

Ключевые слова: Япония, период Токугава, Реставрация Мэйдзи, императорский двор, гражданская война Босин

Для цитирования: Романчев Д. Д. Первые шаги правительства Мэйдзи по упрочению своей власти в начальный период гражданской войны Босин (1868–1869) в Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 78–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-078-094

[1] Романчев Данила Дмитриевич, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; d.romanchev@ivran.ru

Danila D. Romanchev, junior researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; d.romanchev@ivran.ru
ORCID: 0009-0007-2363-6051

* Заключительная фаза гражданской войны 1863–1869 гг. в Японии. На начальном этапе (февраль–апрель 1868 г.) сторонами выступали Новое правительство в Киото и войска рода Токугава с союзниками, и борьба велась за сохранение важного места Токугава в новой политической системе или полное устранение этого рода с политической арены. На втором этапе (май–декабрь 1868 г.) противниками новой власти выступили княжества северной Японии, которые выступили против узурпации власти Новым правительством. На третьем этапе (декабрь 1868 г. — июль 1869 г.) боевые действия переместились с главного японского о. Хонсю: на северный о. Хоккайдо: и велись между объединёнными войсками Нового правительства и остатками сил вассалов Токугава и прочих противников новой власти, которые пытались добиться права создать на Хоккайдо: новое княжество для себя и соратников.

FIRST STEPS OF THE NEW MEIJI GOVERNMENT TO CONSOLIDATE ITS POWER DURING THE INITIAL PERIOD OF THE BOSHIN CIVIL WAR (1868–1869) IN JAPAN

Danila D. Romanchev

In 1853–1854, Japan faced the threat of foreign invasion when American Commodore Perry (1794–1858) arrived at the head of a naval squadron, demanding an end to the policy of isolation and the "opening" of the country to foreign relations. By that time, Japan remained a feudal state, divided into domains, and the formal role of government was performed by the Tokugawa shogunate—an institution of military hegemony—the country's largest feudal lords, to whom the Emperor of Japan formally delegated his political power.

Nevertheless, the acute political crisis that arose in the country after the forced 'opening' of the country in 1854 led to a rapid decline in the authority of the shogunate's military government, and by 1867–68 institution of the shoguns as such was abolished.

As early as 1863, a civil war began in the country, which continued in various forms until the final victory of new political forces led by the counter-elite—opposition to the Tokugawa shogunate and supporters of centralization of power under the emperor—which occurred in 1869. On January 3, 1868, a military coup took place in Kyoto, proclaiming the restoration of imperial power and the creation of a New Government (*shinseifu*). In the narrow sense, the "Meiji Restoration" took place at that moment—the return of full political power to the emperor, who at that time was Mutsuhito (Meiji; 1852–1912). However, the success of the 'Restoration' directly depended on whether the New Government proclaimed in Kyoto could prevail in the 'big' war against the Tokugawa clan, which still wielded enormous power and influence, its allies, and other contenders for power.

This article examines the major political, economic, ideological, and other decisions made by the New Government in the first weeks and months of the Boshin War of 1868–1869, the final stage of the Japanese Civil War, which broke out on January 27, 1868.

Keywords: Japan, Tokugawa period, Meiji Restoration, imperial court, Boshin Civil War

For citation: Romanchev D. D. First Steps of the New Meiji Government to Consolidate Its Power During the Initial Period of the Boshin Civil War (1868–1869) in Japan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 78–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-078-094

Введение

27 января 1868 г. в районах Тоба и Фусими — южном предместье Киото — вспыхнули бои между войсками т. н. Нового правительства и союзными силами, верными роду Токугава, — бывшим сёгунам Японии. Так началась война Босин, которая продлилась до лета 1869 г. Она стала финальным этапом в затяжном политическом кризисе, который начал вызревать в 1854–1858 гг., а с 1863 г. приобрёл черты гражданской войны — в стране начались вооружённые выступления против сёгунов Токугава, до этого 260 лет являвшихся непререкаемыми авторитетами.

Причин конфликта было несколько, и помимо экономических проблем и несоответствия идеологических установок современным вызовам главной выступила неспособность сёгуната выработать адекватный ответ на угрозу извне. Эта неспособность объективно проистекала из феодальной природы японского общества того времени, которую отражал институт сёгуната как явление. Именно борьба за реализацию своего видения реформ политической системы, которую вели

между собой части элиты и контрэлиты, вылилась в гражданскую войну, вступившую в общенациональную фазу в 1868 г.

В 1867 г. последний сёгун Ёсинобу (1837–1913) добровольно вернул власть императору — решение, за которое выступали значительные части как элиты, так и контрэлиты. На фоне возросшей популярности идеологии *сонно:-дзё:и*[2] возвращение власти монарху и восстановление принципа «единства управления и ритуала»[3] виделось не только как необходимость с религиозно-моральной точки зрения, но и как выход из политического кризиса.

Однако в разгоревшихся спорах о том, как конкретно должна выглядеть новая система власти и какое место в ней должен занять род Токугава, обнажились неразрешимые дипломатическим путём противоречия между наиболее радикальными — и наиболее влиятельными — частями контрэлиты и родом бывших сёгунов с многочисленными вассалами. 3 января 1868 г. недовольные бесплодными дискуссиями сторонники полного устранения бывшего сёгуна с политической арены провели в Киото государственный переворот. В стенах дворца огласили «Указ о реставрации прямого императорского правления» — *о:сэй-фукко-но-дайго:-рэй* (王政復古の大号令) — предусматривавший ликвидацию сёгуната, учреждение Нового правительства с должностями *со:сай* (総裁) — «главы» (1 человек), *гидзё:* (議定) — «старших советников» (10 человек) и *саньё* (参与) — «младших советников» (20 человек). Помимо прочего упразднялся также институт регентства при императоре. На должность *гидзё:* назначались представители элиты — князья, принцы крови, киотские аристократы *кугэ*. Младшие советники *саньё* внутри себя также делились на высших и низших: первыми были выходцы из влиятельных родов *кугэ*, а вторыми — самураи различных земель. Однако именно собрание последних де-факто определяло политику новой власти. Произошла «Реставрация Мэйдзи».

Бывшего сёгуна Ёсинобу призвали вернуть все обширные земли Токугава — до ¼ всех земель. Последний пункт был абсолютно неприемлем как для самого Ёсинобу, так и для тысяч его вассалов, получавших с этих земель доходы.

Конфликт накалялся, и 27 января 1868 г. началась битва при Тоба-Фусими (близ Киото). Хотя её начало было случайным, сам факт столкновения сторон был, пожалуй, неизбежным. Не имея возможности вдаваться в подробности этого сражения, нужно упомянуть его итог — к 30 января силы Токугава потерпели поражение, повлёкшее официальное обвинение бывшего сёгуна и некоторых его союзников в выступлении против императора. Теперь войска Нового правительства намеревались пройти маршем к Эдо и захватить столицу бывшего сёгуната.

В рамках данной статьи мы бы хотели проанализировать тот широкий перечень мер, которые Новое правительство в Киото предприняло в период от 27 января до апреля 1868 г. для укрепления своей власти.

Приведение земель западной Японии под контроль новой власти

Когда 27 января близ Киото вспыхнули боевые действия, Новое правительство незамедлительно начало укреплять свои позиции. Если до этого влияние самопровозглашённого правительства

[2] «Почитание императора — изгнание варваров» — политический лозунг, активно использовавшийся в 1850–60-е гг. Возник на волне недовольства отказом от изоляции и провозглашал целью возвращение статуса-кво в отношениях с Западом, а также стремление к увеличению роли императора в политической жизни страны. Сторонники *сонно:-дзё:и* из среды радикального самурайства зачастую стремились к своим целям грубыми и недальновидными действиями, что ограничивало позитивное влияние доктрины.

[3] *Сайсэй-итти* (祭政一致). Концепция, характерная для древней китайской философии и распространенная также в Японии. Она подчеркивает важность объединения религиозной практики и государственной власти для поддержания общественного порядка и гармонии. Обосновывала необходимость передачи полноты государственной власти императору, который также являлся первосвященником синто.

ограничивалось столицей и несколькими княжествами, то теперь необходимо было утвердить его господство в рамках всей страны.

До 27 января многие князья с подозрением смотрели на новую власть. Например, князь Кага-хан[4] богатейшего княжества Японии — Маэда Ёсиясу (1830–1874) спешно вернулся домой, не поддержав Новое правительство. Хосокава Морихиса (1839–1893), наследник крупного княжества Кумамото, 25 января был на пути из О:сака в Киото и находился на подступах к столице, когда 27 числа начался конфликт. Хотя у него было разрешение пройти в Киото, его люди зарядили ружья и готовились ко всему. В Кумамото были сильны про-токугавские силы, и в решающий момент люди этого княжества могли атаковать в спину. Правитель княжества Тоса Ямаути Тоёсигэ (1827–1872) и его люди также не были полностью лояльны новой власти.

В этой связи Новое правительство предприняло ряд шагов. 28 января войска, верные новой власти, объявили *кангун* (官軍; армией правительства). Главнокомандующим был назначен принц императорской крови — Комацу-но-мия Акихито (1846–1903). Ему даровали титул *сэйто:-тайсё:гун* — «великий полководец карательного войска» (征討大将軍), который служил инструментом делегитимизации Токугава Ёсинобу. Официальный титул сёгунов *-–сэйи-тайсё:гун*, «великий полководец, покоритель варваров» (征夷大将軍) изначально даровался полководцам, на которых возлагались военные задачи — обычно по покорению северных соседей японцев *эбису*. По тому же принципу задача «покарать» Токугава была возложена на Акихито от имени императора. Принцу даровался церемониальный меч *сэтто:* (節刀) и парчовые знамёна императора — *нисики-но-михата* (錦の御旗). Таким образом, армия новой власти стала символизировать не только политическую оппозицию роду Токугава, но и настоящую императорскую армию со всей причитающейся символикой. Каждому солдату в *кангун* выдавались небольшие кусочки парчовой ткани *кингирэ* (錦切れ).

Новое правительство начало мобилизацию сил и выслало войска не только на сражение с Токугава близ Киото, но и на другие направления. В Оцу[5] отправили отряд в 700 человек из воинов княжеств Токусима, Хиконэ, Хирадо, О:муро, Садавара и т. д. Позже к ним прибавили 200 человек из Кумамото, а командовали группировкой штабные офицеры Кинаси Сэйитиро: (Тё:сю; 1845–1910) и Кайэда Нобуёси (Сацума; 1832–1906) [Хо:я, 2007, с. 104]. Это позволило прикрыть город с востока. Также силы были направлены в проход Тамба[6], который вёл на северо-запад.

Параллельно боям близ Киото, которые шли до 30 января, Новое правительство приступило к приведению под свой контроль земель западной Японии. 28 января в регионы Санъин[7], То:кай[8], То:сан[9], Хокурику[10], Тю:гоку[11], на о. Сикоку и Кю:сю: направили т. н. «генерал-губернаторов усмирения» (鎮撫総督; *тимбу-со:току*). Это была чрезвычайная военно-административная должность.

«Генерал-губернатором войска усмирения Санъин» (山陰道鎮撫総督; *санъин-до:тимбу со:току*) был назначен *санъё* Сайондзи Киммоти (*кугэ*; 1849–1940). 29 января он выдвигается

[4] Хан — «княжество». Например, Сацума-хан = княжество / удельный домен Сацума.
[5] Провинция к востоку от Киото. Ныне часть преф. Сига.
[6] Провинция к западу от Киото. Ныне части преф. Хё:го и Киото.
[7] Регион на юго-западе о. Хонсю:, совр. преф. Симанэ и Тоттори.
[8] Регион в центральной и восточной Японии, тихоокеанское побережье центрального Хонсю:. Земли совр. преф. Сидзуока, Айти, Гифу и Миэ.
[9] Горный регион центрального Хонсю:, преф. Яманаси, Нагано и Гифу.
[10] Регион на северо-западе о. Хонсю:. Совр. преф. Исикава, Фукуи, Ниигата и Тояма.
[11] Историческая область, включающая юго-западную часть о. Хонсю:. В данном контексте подразумевалась южная часть региона, земли совр. преф. Хиросима, Окаяма и Ямагути.

из Киото, пройдя через провинции Тамба (丹波), Танго (丹後) и Тадзима (但馬)[12], принимая капитуляции княжеств региона одного за другим. Сдались Тамба-Камэяма-хан (ветвь Мацудайра[13], *фудай*; 50 000 *коку*), Сонобэ-хан (26 000 *коку*), Сасаяма-хан (*фудай*; 60 000 *коку*), Кайбара-хан (15 000 *коку*), Фукутияма-хан (*фудай*, 32 000 *коку*), Танго-Танабэ-хан (*фудай*; 35 000 *коку*), Миядзу-хан (ветвь Мацудайра, *фудай*; 70 000 *коку*). Силы *кангун* заняли Управление Кумихама (久美浜代官所; *кумихама дайкандзё*) — крупный логистический центр бывшего сёгуната, где собирались налоги примерно в 70 000 *коку*, а также богатые рудники Икуно (生野銀山; *икуно гиндзан*). *Кангун* окончила свой поход в Санъин, приняв капитуляцию *симпан*[14] княжества Мацуэ (ветвь Мацудайра; 186 000 *коку*), в котором, как считалось, были сильны протокугавские настроения. К марту земли Санъин подчинились [Хо:я, 2007, с. 105].

Боёв на юго-западе о. Хонсю: практически не было. Исключением стала капитуляция Фукуяма-хан (*фудай*; 110 000 *коку*). Когда силы Тё:сю: в г. Ономити[15] узнали о сражении при Тоба-Фусими, они пришли в ярость и двинулись к замку Фукуяма, правителя которого считали врагом. В 1837–1857 гг. князем Фукуяма был Абэ Масахиро: (1819–1857), заключивший в 1854 г. Канагавский договор с США и «открывший» страну. Его фигура вызывала у Тё:сю: негативную реакцию.

Власти Фукуяма-хан пытались пойти на переговоры, но командир Тё:сю: Суги Магоситиро: (1835–1920) был против. Рано утром 2 февраля начался штурм. Замок бомбардировали, но руководство Фукуяма продолжило заявлять, что более не подчиняется Токугава. Войны Тё:сю: прорвались внутрь замка, но понесли потери. В гавань замка были готовы войти военные корабли Сацума, и войска Фукуяма сдались. Среди воинов Фукуяма потерь не было [Хо:я, 2007, с. 105–106].

3 февраля Новое правительство объявило список врагов трона. Все они были так или иначе связаны с битвой при Тоба-Фусими. Помимо бывшего сёгуна Ёсинобу заклеймили: 1) Мацудайра Катамори (Айдзу-хан); 2) Мацудайра Садааки (Кувана-хан); 3) Мацудайра Ёритоси[16] (1834–1903; Такамацу-хан); 4) Хисамацу Садааки[17] (1845–1872; правитель Иё-Мацуяма-хан, *ро:дзю:*); 5) Итакура Кацукиё (приближенный Ёсинобу, *ро:дзю:* и правитель Биттю:-Мацуяма-хан); 6) О:коти Масатада (О:таки-хан). Всех лишили придворных рангов, конфисковали их резиденции в Киото. Кроме того, наказали ещё 20 чиновников *бакуфу*, а правителям Обама, О:гаки, Тоба, Миядзу и Нобэока запретили въезд в Киото [Накамура, 2019, с. 31].

4 февраля начинается поход против княжеств регионов Тю:гоку и Сикоку. Целью были Биттю-Мацуяма-хан (*фудай*, 50 000 *коку*), Такамацу-хан (о. Сикоку, *симпан*, ветвь Мацудайра; 120 000 *коку*), Иё-Мацуяма-хан (о. Сикоку, *симпан*, ветвь Мацудайра; 150 000 *коку*). «Генерал-губернатором карательной армии преследования Тю:гоку и Сикоку» (中国四国追討総督; *тю:гоку-сикоку цуито:со: току*) был назначен Сидзё: Такаута (*кугэ*; 1828–1898), его заместителем стал О:яма Цунаёси (Сацума; 1825–1877).

Замок Биттю:-Мацуяма был занят силами Окаяма, сдача прошла бескровно. Всё оружие в замке конфисковали, как и рис. Далее 9 февраля силы Окаяма окружили замок Химэдзи-хан

[12] Тамба — см. выше, Танго — историческая провинция, ныне северная часть преф. Киото, Тадзима — историческая провинция, ныне северная часть преф. Хё:го.

[13] Мацудайра — родовая фамилия первого сёгуна Токугава Иэясу (1543–1616). В период Эдо даровалась младшим ветвям рода Токугава, а также близким и влиятельным вассалам как способ породниться.

[14] «Родственные *хан*» — разряд князей, которые являлись представителями ветвей рода Токугава.

[15] Совр. преф. Хиросима.

[16] Последний *даймё:* Такамацу-хан активно выступал на стороне Токугава в 1861–1868 гг. После капитуляции Ёсинобу решил подчиниться Новому правительству.

[17] Последний *даймё:* Мацуяма-хан. До 1868 г. известен как Мацудайра Садааки (полный тёзка князя Кувана). Дабы избежать путаницы, мы будем использовать его позднее имя.

(*фудай*; 150 000 *коку*) и начали формальный обстрел. Замок вскоре сдался [Накамура, 2019, с. 31]. Весь тракт Санъё: (山陽道)[18] оказался под властью Нового правительства.

На о. Сикоку Итагаки Тайсукэ (1837–1919), высокопоставленный офицер *кангун* из Тоса, собрал отряд и отправился в Такамацу. Правитель Такамацу и враг трона Мацудайра Ёритоси решил покориться, добровольно удалился в храм Дзё:ган-дзи (浄願寺) и приказал двум главным вассалам совершить самоубийство. Это были *каро:* Ого: Матауэмон-Хисасигэ (1826–1868) и военный командир, который вёл отряды Такамацу при Тоба-Фусими — О:бухё:го Масасидзу (1841–1868). Ёритоси выслал их головы в лагерь Нового правительства и открыл врата замка 13 февраля [Хо:я, 2007, с. 107].

На Иё-Мацуяма-хан двинулось войско Тоса из 900 воинов. По замку было сделано несколько холостых выстрелов, после чего *даймё*: Мацудайра Хисамацу уединился в храме[19]. 20 февраля замок сдали. В тот же день генерал-губернатор Сидзё: вернулся в О:сака с триумфом.

На о. Кю:сю: все домены быстро приняли власть Нового правительства, и для большинства проверкой лояльности стала лишь отправка войск в армию. Рисовый оброк с земель *бакуфу* собирался силами Окаяма-хан, и княжество передало 37 900 тюков риса в О:сака. Противоречия возникли лишь в г. Нагасаки, который находился под прямым контролем Токугава. С 1865 по 1869 г. в Нагасаки импортировали 168 514 единиц иностранного оружия, что сделало этот порт одним из важнейших.

6 февраля пришли вести о поражении Токугава близ Киото, и британский консул в Нагасаки Маркус Октавиус Флауэрс (?–?) встретился с администрацией города. Одновременно британцы высадили десант и пообещали обеспечить безопасность. Управляющий Нагасаки Кавадзу Сукэкуни (1821–1873) писал консулам всех стран, что «несколько подлых князей» напали на правительство сёгуната, и просил помощи в случае чрезвычайной ситуации. В ответ западные представители заявили, что будут защищать себя и свои интересы, но больше этого помогать не станут [Хо:я, 2007, с. 101]. Источники пишут: «Когда Кавадзу Сукэкуни, управляющий бывшего сёгуната в Нагасаки, услышал об инциденте в землях Дзё:коку[20], он испугался и разослал письма консулам разных стран с просьбой о помощи»[21].

Находясь на осадном положении, Кавадзу 8 февраля сел на борт иностранного корабля и убыл из города. Полномочия он передал Сага и Фукуока. Консул Флауэрс писал: «Ночью 14-го числа (по лунному календарю) офицер Сацума заявил, чтобы мы донесли до управляющего, что 80 *ронинов*[22] нападут на администрацию сёгуната в 2 часа ночи, и если чиновники не покинут здание — они не будут сдерживаться» [Хо:я, 2007, с. 102]. После побега Кавадзу прокиотские силы взяли управление торговлей на себя[23]. По большей части дела велись так же, как раньше. Рядовые чиновники продолжили работу.

В период Эдо личные земли Токугава располагались по всей стране, и ими управляли специальные Управления. Второе по размеру Управление с доходностью в 160 000 коку находилось на о.

---

[18] Тракт Санъё: проходил по юго-западу о. Хонсю:, территория совр. преф. Хё:го, Окаяма, Хиросима и Ямагути.

[19] В период войны Босин это был универсальный способ показать покорность и готовность принять наказание. Уединение в храме демонстрировало «монашескую покорность», отказ от мирских устремлений.

[20] Термин имеет несколько значений, но в данном случае обозначает районы, расположенные близко к Киото.

[21] Кайтэй Хиго-хан кокудзи сирё:, 7 кан [Сборник исторических материалов домена Хиго в новой редакции, т. 7]. Ко:сяку Хосокава-кэ хэнсандзё, 1932. С. 848. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/1146146/1/453 (дата обращения: 10.03.2026).

[22] Самурай, потерявший своего хозяина (князя) либо оставшийся без покровительства по другим причинам. В 1850–60-х гг. *ронинами* называли не только самураев без хозяина, но и тех, кто покинул родные земли в поисках другой участи или для участия в политической жизни.

[23] Дай нихон исин сирё:ко:ё:. Т. 8. С. 63. URL: https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/view/idata/M00/M/20/ME008/0290?m=all&s=0290 (дата обращения: 10.03.2026).

Кю:сю:, в Хита (日田). *Гундай*[24] этих земель Кубота Сигэкацу (1808–1878) бежал с Кю:сю: 10 февраля. Земли Токугава поделили между собой окружающие домены. После этого западная Япония была под контролем новой власти. Управлять в качестве «генерал-губернатора усмирения Кю:сю:» (九州鎮撫総督; *кю:сю: тимбу-со: току*) и «губернатора Нагасаки» (長崎府知事; *нагасаки-фу тидзи*) назначили Сава Нобуёси (*кугё:*[25]; 1836–1873) [Хо:я, 2007, с. 103].

7 февраля Новое правительство приказало Бидзэн, Тё:сю: и Хиросима начать в землях соседних к ним *фудай* княжествах и землях сёгуната обследование земель. Для успокоения простого люда был издан указ о сокращении *нэнгу* (годового оброка) на 50%. Говорилось о том, что «земли, называемые *тэнрё:* (земли сёгуната — прим. *Д.Р.*)», страдали от «сурового управления» [Хо:я, 2007, с. 108–110]. Поэтому оброк уменьшается вдвое, то же самое касалось долгов за прошедший год. Все злоупотребления властью обещали расследовать. В дальнейшем Новое правительство проигнорирует этот указ, т. к. регион быстро удалось привести к покорности.

Подготовка к походу на Эдо

Практика учреждения карательных армий под руководством генерал-губернаторов продолжилась. На трёх направлениях похода на Эдо руководили три «генерал-губернатора армий усмирения» (鎮撫総督; *тимбу-со:току*). Они двигались по трактам Хокурикудо:, То:сандо: и То:кайдо:[26].

Стоит отметить, что в рамках позиционирования Нового правительства и его армии как институции, возглавляемой императором, верховные посты получили аристократы *кугэ* и *кугё:*. Во многом это было символическое действие, и де-факто армией командовали офицеры штаба, в особенности младшие (下参謀; *симо-самбо:*).

«Генерал-губернатором усмирения Хокурику» (北陸道鎮撫総督; *хокурику-до:-тимбу-со:-току*) стал Такакура Нагасати (*кугё:*; 1839–1868). 13 февраля он вышел из Киото и 18 февраля прибыл в регион Обама-Вакаса[27]. Правитель Обама-хан Сакаи Тадаудзи (1835–1876) ранее был схвачен и сдался новой власти [Мидзутани, 2011, с. 255; Хо:я, 2007, с. 108]. Вместе с Хиросима и Сага войска Обама стали опорой новой власти в регионе Хокурику. Несколько медленно, но воинство *кангун* двигалось через земли Фукуи и 25 марта вошло в г. Канадзава.

Что касается южной группы, то одной из первых задач было усмирение Кувана-хан в провинции Исэ[28]. Ещё 2 февраля был дан приказ «генерал-губернатору усмирения То:кайдо:» (東海道鎮撫総督; *то:кай-до:-тимбу-со:току*) покарать Кувана. Армия усмирения состояла из порядка 2000 человек. 11-го войско выступило. Было логично ожидать сопротивления, но случилось неожиданное. *Даймё:* Кувана-хан Мацудайра Садааки находился в Эдо, и власти княжества самостоятельно направили к Новому правительству посланника с желанием сдаться. Они посадили 10-летнего брата Садааки Мацудайра Саданори (1857–1899) править и сдали замок. Главные вассалы изолировались в храме, выражая полную покорность.

[24] Губернаторы, которые управляли крупными землями сёгуната, раскинутыми по всей стране.

[25] Тогда как *кугэ* — это столичные придворные несамурайские аристократы, *кугё:* — их высшая прослойка, занимавшая важнейшие должности при дворе.

[26] Тракты, которые шли от Киото к Эдо через исторические области: Хокурику, То:сан и То:кай. В период Эдо исполняли важнейшие логистические функции.

[27] Совр. преф. Фукуи.

[28] Совр. преф. Миэ.

Следующим большим княжеством на пути *кангун* стал Овари-хан. Токугава Ёсикацу (1824–1883)[29], бывший правитель Овари и один из руководителей Нового правительства, занялся подчинением своих земель, притом жёстко. 8 февраля он получил указ императора «наказать предателей», 13 февраля вошёл в замок Нагоя с указом в руках [Фудзита, 2018, с. 128]. Т. к. Ёсикацу де-факто обладал в княжестве бóльшей властью, чем действующий князь Токугава Ёсинори (1858–1875), то он приступил к уничтожению протокугавской фракции. 13 февраля он приказал казнить *каро:* Ватанабэ Арицуна (1820–1868) и ещё двух вассалов. 14 февраля казнили ещё четыре человека, 16 февраля — ещё двох, а 18 февраля — ещё пятерых (всего 14). Помимо этого, 20 человек понесли всяческие наказания (аресты, упразднение дома, ссылка)[30]. После «чистки» Ёсикацу разослал соседям призывы к сдаче Новому правительству.

28 февраля вышеупомянутых трёх генерал-губернаторов перевели на должности «генерал-губернаторов авангарда по усмирению» (先鋒総督兼鎮撫使; *сэмпо:-со:току-кэн-тимбу-си*). Сделано это было с тем расчётом, что 2 марта прежняя должность *сэйто:-тайсё:гун* была упразднена и создавалась новая — «великий генерал-губернатор, усмиритель востока» (東征大総督; *то:сэй-дай-со:току*). Занял её *со:сай*[31] Нового правительства Арисугава-но-мия Тарухито (1835–1895)[32], и именно ему в подчинение попали три генерал-губернатора авангарда[33]. Руководящий центр похода стал именоваться «Штабом великого генерал-губернатора» (大総督府; *дай со:току-фу*). Его возглавили старшие офицеры *саньё* О:гимати Кинтада (*кугэ*, 1839–1879) и *саньё* Нисиёцуцудзи Киминари (*кугэ*, 1838–1899), а младшими офицерами стали Сайго: Такамори (Сацума; 1827/1828–1877) и Хаяси Митиаки (Увадзима; 1837–1896), которые де-факто и руководили войском [Хо:я, 2007, с. 115].

При каждой армии учреждался «Штаб генерал-губернатора авангарда» (先鋒総督府; *сэмпо:со: току-фу*). Вначале в походе участвовали войска 22 княжеств, 50 000 человек на трёх направлениях [Кимура, 2018, с. 54].

8 марта принц Тарухито получил из рук императора парчовое знамя и меч *сэтто*:[34], после чего выступил на восток. Его полномочия и полномочия генерал-губернаторов на враждебных землях были большими, а в отношении князей с востока действовал принцип презумпции виновности — лояльность им предстояло доказать.

Генерал-губернатором То:сандо: стал Ивакура Томосада (1852–1910) — сын одного из лидеров новой власти Ивакура Томоми (1825–1883). Заместителем был младший брат Ивакура Томоцунэ (1853–1890). Офицерами штаба стали Итагаки Тайсукэ (Тоса) и Идзити Масахару (Сацума;

[29] Представитель побочной ветви рода Токугава из Овари. В 1849–1858 гг. князь Овари-хан. В 1850–60-е гг. Ёсикацу выступал за реформы сёгуната и вовлечение в управление широкого круга князей, но в конце концов разочаровался в способности сёгуната стать основой для новой формы власти и стал одним из организаторов переворота 3 января 1868 г.

[30] Начиная с 1860-х гг. внутри домена Овари существовал конфликт двух фракций, объединённых вокруг двух правителей — Токугава Ёсикацу (прав. в 1849–1858 гг.) и Токугава Мотинага (прав. в 1858–1863 гг.), братьями. Мотинага ассоциировался с протокугавской фракцией, тогда как Ёсикацу — с оппозицией. После «Реставрации Мэйдзи» предводитель оппозиционной фракции Тамия Дзё:ун (1808–1871) перехватил власть, т. к. он и 5 членов его фракции стали санъё Нового правительства. Вполне возможно, что репрессии стали результатом работы Тамия, который расправился с давними политическими противниками. См. [Фудзита, 2016, с. 68, 87–88].

[31] «Глава», де-юре верховная должность в центральном правительстве Японии в январе — июне 1868 г.

[32] Он приходился сводным братом императору Ко:мэй, т. к. был приёмным сыном его отца императора Нинко:. Соответственно он приходился дядей взошедшему на престол в 1867 г. императору Муцухито (Мэйдзи; 1852–1912).

[33] Для простоты мы продолжим именовать руководителей трёх армий просто генерал-губернаторами, подчинёнными великому генерал-губернатору.

[34] Церемониальный меч, который по древнему обычаю император даровал полководцу, назначенному руководить военной экспедицией.

1828–1886). Генерал-губернатором То:кайдо: выступил Хасимото Санэяна (*кугё*:; 1834–1885), а его заместителем стал Янагивара Сакимицу (*кугэ*; 1850–1894[35]).

Военные приготовления велись основательно. 29 февраля Новое правительство учреждает Военное управление (軍務官; *гунмукан*). 13 марта его возглавил принц Комацу-но-мия Акихито, ранее командовавший при Тоба-Фусими. Его помощниками стали Набэсима Наомаса (1815–1871), правитель Сага-хан в 1830–1861 гг., а также Нагаока Мориёси (1842–1906), брат правителя Кумамото-хан — Хосокава Морихиса. Младшим помощником стал Карасу Марумицуэ (*кугэ*; 1832–1873). Действительное управление осуществляли т. н. «судьи» (判事), среди которых был, например, стратег из Тё:сю: О:мура Масудзиро: (1824–1869), в 1868–1869 гг. заложивший основу будущих вооружённых сил страны.

От всех участвующих в походе на восток княжеств Новое правительство требовало: 1) присылать только стрелковые и артиллерийские части; 2) не брать с собой лишний личный состав, кроме офицеров и тыловых служб; 3) не брать лишнюю одежду, предметы и снаряжение [Хо:я, 2007, с. 116]. Это был окончательный отказ от старой, феодальной военной системы, которая предполагала отправку в военные походы слуг, носильщиков, огромные грузы с разнообразными нарядами, утварью и т. д.

От каждого домена требовали прислать в канцелярию генерал-губернатора бумагу, составленную по шаблону, с указанием количества людей в стрелковых отрядах, должностных лиц, пушек, офицеров и артиллеристов, носильщиков, общего количества людей. Война Босин подвигла отказаться от устаревших воинских частей, таких как копейщики, лучники, всадники и т. д.

Были выработаны основные принципы *кангун*, из которых можно выделить несколько пунктов: 1–2 человека от каждого домена следует прислать к штабу генерал-губернатора; тем, кто подчинится, следует присоединиться к авангарду, и степень их раскаянья будет определена их деяниями; в армии люди всех рангов должны в равной степени получать пищу, сон и отдых; строго запрещены акты насилия, влекущие порчу имущества, кражи, поджоги частных домов, святынь и храмов; все должны действовать сообща, не вступать в драки и споры, не допускать разногласий; если кто-то будет замечен в нарушении порядка или проявит неповиновение, то будет арестован и сдан командованию армии. Безрассудная стрельба, рубка и убийства строго запрещены. Также воспрещалось вторгаться в жилища иностранцев [Хо:я, 2007, с. 117–118].

Ожидалось, что наступление на Эдо начнётся в конце марта, но срок сдвинули на 7 апреля. Армия усмирения То:кайдо: заняла провинцию Суруга, двинулась из Нумадзу на п-в Идзу и быстро заняла ключевой переход Хаконэ. Армия То:сандо: достигла Сува и Синсю: и разделилась на две части. Одна часть заняла равнину Ко:фу, другая двинулась в уезд Саку. Армия Хокурику создавала базы в Нумата и Кусацу (преф. Гумма).

Командование ожидало, что авангард *кангун* может быть отброшен. Поэтому в тылу выстраивалась цепочка логистической поддержки и копились резервы. Следили, чтобы не было перерасхода средств, не допускали перенасыщения армии лишними людьми. Это отражало новые реалии самурайской мобилизации. Даже службу носильщиков «национализировали», отобрав власть над ними у самураев. Теперь они служили напрямую правительству [Хо:я, 2007, с. 122–123]. Ключевым фактором логистики была служба *конида-гата* (小荷駄方), доставлявшая военные грузы на вьючных лошадях или быках.

[35] Дядя императора Тайсё: (1879–1926).

Как результат оптимизации, снизились затраты на мобилизацию. Например, при отправке на фронт 500 элитных стрелков с 4 французскими пушками и 400 снарядами Кумамото-хан потратил в 1868 г. 20 000 *рё:*[36], тогда как во время войны против *Тё:сю:*[37] в 1866 г. — 120 000 *рё*: [Хо:я, 2007, с. 125].

На каждом направлении назначили ответственных за доставку военных грузов[38], при этом каждое княжество несло ответственность за их безопасную транспортировку внутри своих владений. В присутствии должностного лица из штаба генерал-губернатора допускалась конфискация денег и продовольствия на землях Токугава. Продовольствие заготавливали наперёд на каждой почтовой станции. Каждому мобилизованному самураю гарантировали пособие: во время ночёвки — 4 *го:*[39] риса, 1 монета *сю*[40], во время короткого отдыха — 2 *го*: риса и 100 *мон*[41]. Норма риса могла быть увеличена до 6–8 *го:*. Все солдаты были поделены на группы, и ответственность за них брали должностные лица местных княжеств. Рис для пропитания брался с земель Токугава либо закупался у местных.

Новое правительство провело централизованную мобилизацию врачей и организовывало госпитали для своих раненых. Качество оказываемой помощи не выходило за рамки традиционной медицины, но это был шаг вперёд. Английский врач Уильям Уиллис (1837–1894) ещё в ходе битвы при Тоба-Фусими по просьбе Нового правительства оказывал помощь раненым *кангун* [Daniels, 1968, pp. 243–244]. Затем в ходе кампании на То:хоку он проехал по землям северной Японии и отметил два момента: слабые познания японских врачей в способах врачевания огнестрельных ранений, но также и их тягу к знаниям. Уиллис выражал мнение, что при должном обучении японские врачи быстро достигнут уровня европейских [Daniels, 1968, p. 253].

Экономические и финансовые меры по обеспечению похода на Эдо

Следует рассмотреть вопрос экономики войны. Для обеспечения своего войска Новому правительству нужно было собрать 3 000 000 *рё:*. Этот вопрос доверили *саньё* Юри Кимимаса (Фукуи; 1829–1909) и Хаяси Самон (Овари; 1825–1888). Средства получали через кредиты торговых домов Мицуи, Оно и Симада. 22 февраля был издан призыв к богатым торговцам Киото и О:сака, и есть даже свидетельства, что лично Ивакура Томоми посещал их, убеждая жертвовать в военный фонд [Хо:я, 2007, с. 136]. Тогда как в прошлом сёгунат неохотно сотрудничал с торговыми домами, пытаясь контролировать их влияние, и стыдливо брал у них деньги, Новое правительство провело демаргинализацию купеческого сословия, сделало его своим партнёром, поделилось властью.

Дому Мицуи и другим была доверена практическая часть сбора средств на войну через выдачу облигаций с повышением процентов в течение нескольких лет. Деньги получали в том числе от промышленных гильдий и богатых крестьян. Кроме того, конфисковывались деньги и рис с земель бывшего сёгуната. Тем не менее сбор средств шёл медленно.

---

[36] Основная единица системы денежного обращения в период Эдо. В 1840-е гг. монета в 1 *рё*: весила 11,2 гр. и содержала 55% золота и 45% серебра.

[37] Второй карательный поход против Тё:сю: 1866 г. — эпизод гражданской войны в Японии, в ходе которого коалиционная армия из войск Токугава и союзников пыталась вторгнуться в княжество Тё:сю:, дабы навязать ему свою волю и устранить в нём очаг оппозиции. Боевые действия шли неудачно для коалиции, и хотя решительного разгрома не произошло, кампания была свёрнута после неожиданной смерти сёгуна Иэмоти 29 августа 1866 г.

[38] Снабжение на То:сандо: доверили Такасу-хан (30 000 коку, ветвь Мацудайра), Нисё:дзи-хан (180 000 коку) и О:гаки-хан (100 000 коку). На То:кайдо: — Ёсида-хан (70 000 коку) и Исэ-Камэяма (60 000 коку).

[39] Мера ёмкости, 180 мл.

[40] 銖, денежная единица периода Эдо, 1/16 *рё*:.

[41] Старинная монета, 1 *рё*: — 4 *бу* — 16 *сю* — 4000 *мон*.

В поисках выхода из ситуации Новое правительство начало выпуск банкнот — т. н. «денег чрезвычайных обстоятельств» (англ. Scrip). Это была замена монет с драгоценными металлами. За первые два года существования новая власть выпустила банкнот Дадзё:кан-сацу[42] на 48 млн йен, а банкнот Минбусё:-сацу[43] — на 7,5 млн йен. Эти деньги шли на обеспечение военных фондов как эквивалент *рё:*. Например, в июне Новое правительство передало Кага-хан 100 000 *рё:* в бумажном эквиваленте и приказало взамен выдать аналогичную сумму в монетах. Кага-хан делал это неохотно, т. к. банкноты были ничем не обеспечены[44]. Полученные деньги шли в войска [Хо:я, 2007, с. 139].

Часть финансов добывали с занятых земель Токугава либо получали «в дар» от местных. Княжества, не посылавшие крупных сил в войска, предоставляли средства в казну в качестве доказательства покорности. Мацумото-хан выделил 6000 *рё:* и 500 *коку*, Иияма-хан — 2000 *рё:* и 250 *коку*, Уэда-хан — 1500 *рё:* и 3000 *коку* и т. д. [Хо:я, 2007, с. 170].

Прямо за войском шли рядовые представители торговых домов, такие как Хориэ Сэйраку (?-?) из Мицуи и Ямамото Ухэй (?-?) из Симада. Они принимали, считали и распределяли полученные с занятых земель средства. Сохранился текст одной из таких расписок[45]. Также штабы трёх генерал-губернаторов сопровождали представители торговых домов из высшей прослойки: Мицуи Сабуро:сукэ (1850–1912)[46],Оно Дзэнсукэ (1831–1887)[47] и Симада Хатиро:дзаэмон (?–1883)[48]. 20 января 1868 г. они были назначены на должности ответственных за приём и распределение денежных средств и зерна (金穀出納御用達; *кинкоку-суйто:-гоё:таси*) при финансовом управлении. Они занимались выплатой денег, обменом валюты на драгоценные монеты, проверяли счета. Более того, когда у армии *кангун* закончились деньги, дом Мицуи выделил из своего отделения в Эдо 25 000 *рё:* [Хо:я, 2007, с. 171].

Таким образом, крупный капитал поддерживал наступление *кангун*. С одной стороны, это происходило по официальному приказу правительства. С другой, таким образом купеческие дома получили официальные должности и признание. Однако купцы всё же заняли хоть и партнёрское, но подчинённое положение. Уже 11 октября в Эдо военная администрация, учреждённая Новым правительством, обложит дополнительным налогом в 860 000 *рё:* 16 богатых жителей города, включая 9-го главу семьи Мицуи — Мицуи Такааки (1838–1894)[49].

В ходе модернизации периода Мэйдзи центральное правительство будет активно пользоваться услугами т. н. «политических торговцев» (*сэйсё:*), т. е. таких торговцев, которые в своей деятельности активно пользовались связями с правительством и сотрудничали с ним. Многие из купеческих семей, заработавших капитал на взаимодействии с государством в промышленно-финансовой сфере, в будущем превратятся в *дзайбацу*: Мицуи, Мицубиси, Ясуда, О:кура, Фудзита. Хотя некоторые, такие как Сумитомо и Фурукава, заработали своё состояние иными средствами, не пользуясь большой государственной протекцией [Morikawa, 1992, pp. 3–4]. Сотрудничество крупных

[42] Выпускались органом *Дайдзё:кан* с 1868 по 1869 г. Имели номинал 10 *рё:*, 5 *рё:*, 1 *рё:*, 1 *бу*, 1 *сю*.

[43] Выпуском этих банкнот занималось Министерство гражданских дел. Имели номинал в 2 *бу*, 1 *бу*, 1 *сю*.

[44] В первый год существования банкноты шли в примерно 1/3 от стоимости эквивалентной монеты, и ситуация выровнялась лишь в 1869–70 гг.

[45] Дайдзё:руйтэн со:ко:, дай ити-хэн, Кэйо:саннэн — Мэйдзи ёнэн, дай сандзю:нана кан: Канки, сё:тэн онтэн, го [Черновики сборника Дайдзё:кан, часть 1: 1867–1871, том 37. Правительственные постановления, награды и милости, 5]. 1971. С. 214. URL: https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/listPhoto? LANG=default&BID=F000000000000331235&ID=&NO=24&TYPE=JPEG&DL_TYPE=pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[46] Унаследовал семейный бизнес Коисикава-Мицуи в 1887 г., занимался банковской и горнодобывающей отраслью.

[47] В 1873 г. среди прочих основал первый Национальный банк, потерпел неудачу и привёл семью к банкротству к 1874 г.

[48] Представитель богатого купеческого рода, торговавшего кимоно и занимавшегося обменом валюты. Обанкротился в 1874 г.

[49] Дай нихон исин сирё:ко:ё:. Т. 9. С. 373. URL: https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/view/idata/M00/M/20/ME100/0259?m=all&s=0259 (дата обращения: 11.03.2026).

торгово-промышленных семейств с правительственными структурами по-настоящему началось уже в первые месяцы существования Нового правительства, хотя необходимо отметить, что практика *сэйсё:* и выросшие из неё *дзайбацу* были прямым продолжением отношений между властью и капиталом, существовавших ещё с периода Эдо, но после 1868 г. постепенно освобождённых от феодальных ограничений.

Идеологическая политика Нового правительства в первые месяцы войны

На идеологическом фронте также было сделано немало. Во-первых, была проведена работа над построением положительного образа *кангун*. Армия шла под парчовыми знамёнами императора, опираясь на его авторитет.

По погибшим в битве при Тоба-Фусими была проведена поминальная служба, а 5 февраля наградили отличившихся в боях. Было основано специальное святилище для почитания воинов. Подобные святилища основывались по всей стране и получили название *Сё:кон*ся (招魂社)[50]. Одним из первых *Сё:кон*ся в Киото стало святилище, ныне называемое Рё:дзэн-гококу-дзиндзя (京都霊山護国神社), основанное в 1868 г.

*Сё:кон*ся, основанное в Токио, в 1879 г. будет переименовано в святилище Ясукуни (靖國神社), а региональные *Сё:кон*ся стали с 1939 г. именоваться *Гококу-дзиндзя* (護国神社). Все эти святилища были посвящены почитанию тех, кто отдал жизнь во благо Японии начиная с 1853 г. Ритуал поминовения основывался на традициях Нанко:-сай (楠公祭), праздника почитания Кусуноки Масасигэ (1294–1336), сторонника императора Го-Дайго (1288–1339)[51].

Для Нового правительства было необходимо разорвать родовые связи внутри династии Токугава, а также разрушить вассальные отношения бывшего сёгуна с князьями и *хатамото*[52] [Нагакура, Хо:я, Хакоси, 2018, т. 1, с. 85]. Война Босин переориентировала князей на связь феодал–император, основываясь на идее, что вся земля, люди и имущество принадлежат ему. Тем не менее *фудай-даймё:* не спешили подчиняться. 25 марта они подали «великому генерал-губернатору» коллективное прошение о снисхождении к Токугава.

19 апреля 1868 г. Новое правительство приказало *даймё:* с фамилией Мацудайра отказаться от этого родового имени и вернуть себе изначальное, в рамках отказа от наследия вассальных отношений с Токугава. В первую очередь это касалось тех семей, которым фамилия Мацудайра была дарована напрямую сёгунами. Её носили многие *фудай* и часть *тодзама-даймё:*: Мо:ри, Асано, Курода, Набэсима, Икэда, Датэ, Мацуда, Симадзу и т. д. Например, глава семьи Симадзу часто именовался Мацудайра Сацума-но-ками[53]. Помимо этого стоит указать, что большая часть побочных ветвей рода Токугава достаточно быстро встала на сторону Нового правительства, т. е. против сёгунского рода повернулась даже семья. В этом контексте вполне разумно выглядят оценки войны Босин как войны не против Токугава (на первом этапе), а против Ёсинобу и института *бакуфу*, де-юре упразднённого, но де-факто ещё существовавшего.

[50] См. Ивакура-ко:дзикки, гэка 1 [Подлинное жизнеописание князя Ивакура, том 2]. Токио, Ко:го: гу:-сёку, 1906. С. 468–469. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/781064/1/251 (дата обращения: 11.03.2026).

[51] Кусуноки сражался за Го-Дайго сначала против Камакурского сёгуната, затем против Асикага Такаудзи (1305–1358), основателя второго сёгуната Муромати. Погиб в бою против сил Такаудзи и в будущем стал одной из важнейших фигур в императорском культе как символ непоколебимой верности монарху.

[52] Прямые вассалы сёгунов Токугава, представители высшего слоя самурайского сословия в эпоху Эдо, выполнявшие важные административные и военные обязанности.

[53] Помимо фамилий многие князья отказывались от частей в своих именах, дарованных сёгунами. 9 февраля Симадзу Мотихиса сменил имя на Тадаёси. Часть «Моти» в «Мотихиса» была дарована от сёгуна Иэмоти. 22 марта Курода Нарихиро (1811–1887) сменил имя на Нагахиро, отказавшись от части «Нари», дарованной 11-м сёгуном Иэнари.

Меры, касавшиеся государственного строительства

Параллельно войне были начаты процессы государственного строительства. Новое правительство в первые несколько месяцев своего существования сделало очень много, чтобы формализовать позднефеодальный строй Японии. Именно после 1868 г. такие термины, как *хан*[54], *бакуфу* и т. д., начинают использоваться в официальных документах. До этого земли феодалов просто называли «владениями» (領; *рё:*), а их самих — «князьями» (候; *ко:*).

13 мая 1868 г. произошла реформа государственной службы, и в этой версии она существовала до лета 1869 г. Были проведены некоторые эксперименты с формулированиями сословий и страт[55]. Новая структура должна была быть понятна самурайству, получившему конфуцианское образование. Несмотря на формальный отказ от «китайщины», который провозглашали идеологи новой власти, многие термины заимствовали напрямую из китайской феодальной системы, используя отношения между вассалами и императорами периода Чжоу[56] как образец.

Помимо этого 1 марта все домены делились на три категории: 1) более 400 000 *коку*; 2) 100 000–390 000 *коку*; 3) 10 000–90 000 *коку* [Нагакура, Хо:я, Хакоси, 2018, т. 1, с. 92]. Исходя из этого, определялось, сколько воинов домен направит в Новое правительство для работы.

Новые власти приступили к унификации административной структуры внутри каждого княжества. 28 июня им приказали привести печати и документооборот к единому образцу. Одновременно княжества и их названия были официально закреплены в документах. Вся удельная система, доставшаяся от сёгуната, была формализирована. Административная система внутри каждого домена также унифицировалась. 11 декабря 1868 г. учреждались одинаковые для всех княжеств должности: советник (参政; *сансэй*), регент (執政; *сю:сэй*), общественный советник (公議; ко:ги), управляющий княжеством (家知事; *ка-тидзи*). Князь официально именовался *ханси* (藩主). Это был первый шаг к тому, чтобы трансформировать княжества в административные единицы. Следующим шагом станет замена в 1869 г. князей на губернаторов (藩知事; *хан-тидзи*) при сохранении поста за князем. Реальное управление осуществляли советники, являвшиеся государственными чиновниками.

29 апреля Новое правительство затребовало у княжеств подробную информацию об их землях, а 5 мая — о порядке наследования в семье, о присвоенных рангах и должностях, даты рождения членов семей и их светские имена, даты вступления в совершеннолетие, даты выхода в отставку и т. д. Отныне Новое правительство рассматривало и одобряло вопросы наследования в семьях феодалов, переняв эту роль у *бакуфу*.

Кроме того, уже с 1868 г. появляются «префектуры» — 府 (*фу*) и 県 (*кэн*). Эти административные единицы возникли на бывших землях *бакуфу*, обращённых в правительственные. *Фу* стали Киото, О:сака и Токио, а также 5 крупных портов, а *кэн* — все прочие земли. На таких землях правили государственные чиновники — губернаторы.

6 апреля произошло важное событие — император Муцухито (Мэйдзи; 1852–1912) в Киото совершил церемонию чествования богов, и одновременно была оглашена т. н. «Клятва пяти пунктов», отражавшая намерения новой власти. Огласил текст *гидзё:* Сандзё: Санэтоми, а до этого свою церемонию провели синтоистские священники. После этого знать и феодалы один за другим

[54] Ранее этот термин встречался в основном в сочинениях конфуцианских учёных.

[55] Были проведены эксперименты с формулированием сословий и страт. Основными сословиями были обозначены *о:* (王), куда вошли принцы крови и князья (親王 и 諸王); *кугё:* (公卿) — придворные сановники (высшие и низшие); *дайфу* (大府) — люди с придворным рангом выше 5-го (высокоранговые чиновники системы Рицурё); воины (士) — высшие, средние, низшие (все из военного сословия, кто ниже князей); простолюдины *сёнин* (庶人). См. [Нагакура, Хо:я, Хакоси, 2018, т. 1, с. 91].

[56] Исторический период в Китае, 1045 г. до н. э. — 221 г. н. э.

поклонились божественному трону и алтарю и подписали ответный документ, что символизировало их приверженность изложенным в документе положениям.

Мероприятие было чётко спланировано, чтобы добиться сразу нескольких целей: принять присягу от присутствующих феодалов и *кугэ* и сразу же легитимизировать её через молитву богам. В составлении самих пунктов «Клятвы» участвовало несколько человек, каждый из которых вносил правки. Юри Кимимаса (1829–1909), самурай княжества Фукуи, составил первый вариант, в котором обозначил пять пунктов. Фукуока Такатика (1835–1919) из Тоса внёс в текст положение о «созыве феодального собрания», а *санъё* Кидо Такаёси (1833–1877) осуществил несколько правок, заменив статьи 4 и 5, убрав акцент на феодальное собрание, а также добавив положение о том, что император «совершает клятву перед богами неба и земли». К тому же он изменил порядок статей. Сандзё: Санэтоми тоже внёс свой вклад, изменив название документа.

В финальном варианте Клятва звучала так:

> «Будут организовываться общественные собрания, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением;
>
> Правители и управляемые[57] одинаково должны посвящать себя служению народу;
>
> Военным и гражданским чинам, а также простому народу будет предоставлена возможность проявить личную предприимчивость и активность;[58]
>
> Будут устранены все дурные обычаи прошлого, и все действия будут проводиться на основе справедливых законов;[59]
>
> Полезные знания будут заимствоваться во всем мире, и таким путём будут укрепляться основы империи».
>
> В конце следовал дополнительный рескрипт: «Чтобы осуществить беспрецедентные перемены в нашей стране, я, прежде всех прочих, даю клятву перед богами неба и земли установить принципы этой государственной политики и проложить путь к сохранению нации. Все, основываясь на моих изречениях, должны работать сообща»[60].

Как отмечает А. Н. Мещеряков, «Документ получился коротким, риторические фигуры — абстрактными. Это было традицией — указы императора всегда старались сформулировать именно таким образом, чтобы оставить простор для исполнителей» [Мещеряков, 2023, с. 169]. Текст содержал очень размытые формулировки, и, например, положение об «общественном собрании» подпадало как под идею феодального собрания, существовавшую с 1860-х гг., так и идею представительства в виде парламента западного образца.

Это положение полностью отражало популярную тогда идею о *ко:ги-ёрон* (公議輿論), «управлении с учётом общественного мнения». Хочется отметить, что в момент составления текста «общественное обсуждение» вписали именно в форме феодального собрания, лишь в самом конце сгладив формулировки. Таким образом, едва ли можно говорить о планах Нового правительства ввести конституцию и организовать парламентскую систему на данном этапе.

---

[57] Другой вариант — «Люди высших и низших сословий».

[58] Другой вариант — «Для простых людей, не меньше чем для чиновников и военных чинов, должна быть дана возможность стремиться к своим желаниям таким образом, чтобы среди них не было недовольства».

[59] Другой вариант — «[...] Нация пойдёт по великому Пути Неба и Земли». См. [McLaren, 1979, p. 8].

[60] Оригинальный текст документа приводится в Такахито Синно:ко:дзицу [Деяния принца Такахито]. Такамацу-но-мия-ка, 1933. С. 184–185. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/1212495/1/159 (дата обращения: 11.03.2026).

После прочтения текста 832 человека расписались в верности её постулатам. Высшей инстанцией, засвидетельствовавшей этот акт, стали синтоистские боги [Мещеряков, 2023, с. 169].

12 апреля была проведена ещё одна церемония. Император провёл молитву богине Аматэрасу, а также трём богам войны: О:кунинуси, Такимикадзути и Фуцунуси. В ходе церемонии были произнесены слова: «Мы умиротворим тех, кто покорится, и покараем тех, кто восстанет» [Хо:я, 2007, с. 155–156].

Произошла институционализация визитов феодалов ко двору императора. 9 апреля были определены дни посещения, церемониальная одежда: всё в зависимости от ранга и статуса вассала. Здесь явно прослеживается влияние практики визитов в замок Эдо, также строго регламентированной.

Для упрощения управления страной Новое правительство избрало 24 княжества из всех провинций, чтобы те отвечали за исполнение и передачу указов от правительства местным властям и занимались общей координацией. В их число вошли Кага, Сацума, Сэндай, Овари, Кумамото, Фукуока, Хиросима, Сага и т. д. — крупнейшие княжества своего региона [Нагакура, Хо:я, Хакоси, 2018, т. 1, с. 98–101]. Добровольно принявшим власть Киото обещали сохранение территорий и рангов, однако в рамках новой системы удельные владения контролировались административными органами Нового правительства, и феодальная вольница на местах была ограничена. Можно было лишь собирать налоги, которые потом передавались правительству. Такая централизация требовалась для обеспечения снабжения *кангун*, охраны тылов и логистики.

Заключение

Период с января по апрель 1868 г. стал для Нового правительства временем укрепления своей власти, установления контроля над тыловыми областями, выстраивания логистики, снабжения, налогообложения. Лишь после этого можно было всерьёз подойти к силовому захвату земель Токугава в Канто:.

Если на момент начала битвы при Тоба-Фусими Новое правительство было правительством лишь на словах, а его армия состояла из войск лишь двух княжеств — Сацума и Тё:сю:, то после новая власть претендовала на господство в масштабах всей страны. Если раньше удельные князья приказам Нового правительства практически не следовали, предпочитая выжидать, то теперь *даймё:* повиновались императорской власти, посылали свои войска в общую армию, а также, хоть и неохотно, поддерживали Киото деньгами.

В кратчайшие сроки к покорности были приведены земли западной Японии и районы вокруг столицы, и в данном контексте новая власть удачно воспользовалась тем, что Токугава Ёсинобу был официально объявлен врагом трона самим императором. Мало кто решился выступить на стороне бывшего сёгуна, и лишь на востоке Японии *кангун* встретила серьёзное сопротивление. На усмирённых территориях быстро восстанавливался порядок, а в землях Токугава управлять ставились чиновники из Сацума и Тё:сю:.

Особое место среди мероприятий Нового правительства занимают меры по идеологической борьбе, направленные на делегитимизацию и стигматизацию рода бывших сёгунов. Для того чтобы князья отвернулись от Токугава, требовалось подорвать основы вассальных связей, которые выстраивались более 250 лет, и перенаправить нити вассальной верности с бывшего сёгуна на императора.

Несмотря на первые успехи в битве при Тоба-Фусими и при усмирении земель западной Японии, впереди была тяжёлая война, которая продлится до лета 1869 г. и закончится на северном

о. Хоккайдо:. Однако основы успехов *кангун* были заложены уже в первые месяцы войны, и т. к. эти успехи и обеспечили реализацию той программы государственной централизации, которую продвигало Новое правительство, а значит, обеспечили и последующую успешную модернизацию, изучение этих первых месяцев видится нам крайне важным.

Литература / References

Мещеряков А. Н. *Император Мэйдзи и его Япония*. М.: Лингвистика, 2023 [Meshcheryakov A. N. *Emperor Meiji and his Japan.* Moscow: Lingvistika, 2023 (in Russian)].

Кимура Сатихико. *Сэнкё:-дзукай: Босин Сэнсо:* (*Иллюстрированные боевые действия: война Босин*). Токио: Санъэй-сёбо:, 2018 [Kimura Sachihiko. *Warfare Illustrated: The Boshin War*. Tokyo: San-ei Shobō, 2018 (in Japanese)].

Мидзутани Кэндзи. *Босин сэнсо:то тё:тэки. Хан-хайся но Исин-си* (*Война Босин и «враги трона». История «Реставрации Мэйдзи» княжеств и проигравших*). Токио: Ягисётэн, 2011 [Mizutani Kenji. *The Boshin War and the "Enemies of the Throne": A History of the Meiji Restoration's from perspective of the feudal domains and the losing side*. Tokyo: Yagishoten, 2011 (in Japanese)].

Нагакура Тэцудзо:, Хо:я То:ру, Хакоси Масару. *Босин сэнсо:но син ситэн, дзё:. Сэкай, Сэйдзи* (*Новый взгляд на войну Босин, т. 1: мировой аспект, политика*). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2018 [Nagakura Tetsuzō, Hōya Tōru, Hakoshi Masaru. *A New Look at the Boshin War. Vol. 1: World Aspect, Politics*. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan, 2018 (in Japanese)].

Накамура Акихико. *Даппан даймё: — Хаяси Тадатака то босин сэнсо:. Токугава но тамэ ни кэкисита отоко* (*Сбежавший даймё: — Хаяси Тадатака и «Война Босин». Человек, воспрянувший на борьбу во славу Токугава*). Токио: Вакку, 2019 [Nakamura Akihiko. *The Runaway Daimyo: Hayashi Tadataka and the Boshin War: The Man Who Rised to Fight for the Glory of the Tokugawa*. Tokyo: Wakku, 2019 (in Japanese)].

Фудзита Хидэаки. Кэйо:саннэн ни окэру Овари-Токугава-кэ но сэйдзи до:ко: (Политические тенденции внутри семьи Овари-Токугава в 1867 г.), *Токугава Ринсэй-си кэнкю:дзё «Кэнкю:киё:»* (*Учёные записки Института исследования истории лесного хозяйства Токугава*). 2016. № 43. С. 67–92 [Fujita Hideaki. Political trends within the Owari-Tokugawa family in 1867, *Research Notes of the Tokugawa Institute for the History of Forestry*. 2016. No. 43. Pp. 67–92 (in Japanese)].

Фудзита Хидэаки. Кэйо:ёнэн дзэнго ни окэру Овари-Токугава-кэ но найдзё:то сэйдзи до:ко: (Внутренние дела и политические тенденции в семье Овари-Токугава около 1868 г.), *Токугава Ринсэй-си кэнкю:дзё «Кэнкю:киё:»* (*Учёные записки Института исследования истории лесного хозяйства Токугава*). 2018. № 52. С. 123–149 [Fujita Hideaki. Internal affairs and political trends in the Owari-Tokugawa family around 1868. *Research Notes of the Tokugawa Institute for the History of Forestry*. 2018. No. 52. Pp. 123–149 (in Japanese)].

Хо:я То:ру. *Босин сэнсо:* (*Война Босин*). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2007 [Hōya Tōru. *Boshin War*. Yoshikawa kōbunkan, 2007 (in Japanese)].

Daniels G. The British Role in the Meiji Restoration: A Re-Interpretive Note. *Modern Asian Studies*. 1968. Vol. 2. No. 4. Pp. 291–313.

McLaren W. W. *Japanese Government Documents*. Bethesda: University Publications of America, 1979.

Morikawa H. *Zaibatsu. The Rise and Fall of Family Enterprise Groups in Japan*. Tokyo: University of Tokyo Press, 1992.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Дай нихон исин сирё:ко:ё: [Краткое содержание сборника исторических материалов по истории «Реставрации Мэйдзи»] Т. 8. С. 63. Historiographical Institute the University of Tokyo. URL: https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/view/idata/M00/M/20/ME008/0290?m=all&s=0290 (дата обращения: 10.03.2026).

Дай нихон исин сирё:ко:ё: [Краткое содержание сборника исторических материалов по истории «Реставрации Мэйдзи»] Т. 9. С. 373. Historiographical Institute the University of Tokyo. URL: https://clioimg.hi.u-tokyo.ac.jp/viewer/view/idata/M00/M/20/ME100/0259?m=all&s=0259 (дата обращения: 11.03.2026).

Дайдзё:руйтэн со:ко:, дай ити-хэн, Кэйо:саннэн — Мэйдзи ёнэн, дай сандзю:нана кан: Канки, сё:тэн онтэн, го [Черновики сборника Дайдзё:кан, часть 1: 1867–1871, том 37. Правительственные постановления, награды и милости, 5], 1971. С. 214. National Archives of Japan Digital Archive. URL: https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F0000000000000331235&ID=&NO=24&TYPE=-JPEG&DL_TYPE=pdf (дата обращения: 11.03.2026).

Ивакура-ко:дзикки, гэка 1 [Подлинное жизнеописание князя Ивакура, том 2]. Токио, Ко:го:гу:-сёку, 1906. С. 468–469. The National Diet Library Digital Collection. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/781064/1/251 (дата обращения: 11.03.2026).

Кайтэй Хиго-хан кокудзи сирё:, 7 кан [Сборник исторических материалов домена Хиго в новой редакции, т. 7]. Ко:сяку Хосокава-кэ хэнсандзё, 1932. С. 848. The National Diet Library Digital Collection. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/1146146/1/453 (дата обращения: 10.03.2026).

Такахито Синно:ко:дзицу [Деяния принца Такахито], Такамацу-но-мия-ка, 1933. С. 184–185. The National Diet Library Digital Collection. URL: https://dl.ndl.go.jp/pid/1212495/1/159 (дата обращения: 11.03.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-095-099

ЗНАЧЕНИЕ ЯПОНСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОМПАНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

© 2026

И. Ю. Авдаков[1]

Железнодорожные компании Японии играли особо важную роль в развитии внутреннего туризма во второй половине XIX — первой половине XX века. Его зачатки можно обнаружить еще в период Эдо (1603–1867). Начало современному туризму было положено с появлением железных дорог в период Мэйдзи (1868–1912). Железнодорожные компании не только вели рекламные кампании группового туризма, обеспечивали перевозку туристов, но и некоторые из них арендовали земли под строительство туристической инфраструктуры. Значительное вторжение частных железнодорожных компаний в туристический бизнес началось после запрета в 1906 г. частным компаниям строить магистральные железные дороги и огосударствления этих магистралей. Чтобы не обанкротиться, они диверсифицировали свою экономическую деятельность, в том числе за счет развития туристической инфраструктуры. В 1960-х годах железнодорожный транспорт стал уступать в конкурентной борьбе автомобильному и авиационному в перевозках. В условиях острой конкуренции частные железнодорожные компании продолжили диверсификацию своей деятельности, создавая подразделения материнских компаний и филиалы, обеспечивающие автобусные перевозки и такси для туристов. В конце 1950-х — начале 1960-х годов произошел переход от группового к индивидуальному туризму. Быстрое экономическое развитие и рост благосостояния японцев стали триггером его распространения. Частные железнодорожные компании смогли устоять в конкуренции с автомобильными и авиационными компаниями, сохранив свою, пусть и уменьшившуюся, нишу в туристическом бизнесе.

Ключевые слова: период Мэйдзи, частные железнодорожные компании, групповой туризм, индивидуальный туризм, государственная корпорация «Кокутэцу», группа приватизированных компаний “JR”

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Значение японских железнодорожных компаний для развития внутреннего туризма. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 95–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-095-099

SIGNIFICANCE OF JAPANESE RAILWAY COMPANIES FOR THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM

Igor Yu. Avdakov

Japanese railway companies played a particularly important role in the development of domestic tourism in the second half of the nineteenth – first half of the twentieth century. Its beginnings can be found as early as the

[1] Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru

Igor Yu. Avdakov, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3403-3479

Edo period (1603–1867). The beginning of modern tourism was laid with the advent of railways during the Meiji period (1868–1912). Railway companies not only conducted advertising campaigns for group tourism, provided transportation for tourists, but also some of them leased land for the construction of tourist infrastructure. The significant intrusion of private railway companies into the tourism business began after the prohibition in 1906 of private companies to build mainline railways and the nationalization of these highways. In order not to go bankrupt, they diversified their economic activities, including through the development of tourism infrastructure. In the 1960s, rail transport began to be inferior in the competitive struggle to road and air transport in transportation. In the face of intense competition, private railway companies continued to diversify their activities, creating divisions of the parent company and branches providing bus transportation and taxis for tourists. In the late 1950s and early 1960s, there was a transition from group to individual tourism. The rapid economic development and the growing prosperity of the Japanese became the trigger for its spread. Private railway companies were able to withstand competition from automobile and aviation companies, while maintaining their niche in the tourism business, albeit reduced.

Keywords: Meiji period, private railway companies, group tourism, individual tourism, public corporation Kokutetsu, JR group of privatized companies

For citation: Avdakov I. Yu. Significance of the Japanese Railway Companies for the Development of Domestic Tourism. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 95–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-095-099

В первой половине XX в. железные дороги сыграли исключительно важную роль в становлении и развитии внутреннего группового и индивидуального туризма в Японии. До этого времени в период Эдо (1603–1867) Страна восходящего солнца была изолирована от остального мира, поэтому зарубежный туризм в ней отсутствовал. Вопрос о существовании внутреннего туризма в позднефеодальной Японии дискуссионен. Японский ученый Синити Като пишет: «Уже в период Эдо многие простые японцы путешествовали в группах для посещения синтоистских и буддистских храмов». И далее он добавляет: «Такие групповые туры были нечто большим, чем просто паломничество, и могут считаться одним из видов туризма [Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda, 2000, p. 92].

С этим мнением можно согласиться лишь частично. В позднефеодальный период истории Японии появлению и развитию внутреннего туризма препятствовал запрет властей на выход японцев за пределы района своего обитания, а почтовые станции осуществляли строгий контроль за проездом и проходом людей [Лещенко, 1999, с. 127]. По справедливому мнению японского профессора Хитоси Саймё, только паломничество в находящийся в 450 км от Токио храм Исэ[2], доступ к которому был открыт на протяжении всего пути следования от места проживания паломников, можно считать предтечей современного туризма [Hitoshi Saimya, 2010, p. 7].

Однако нельзя не отметить, что в период Эдо были созданы многие объекты религиозного, культурного и рекреационного назначения, которые стали местами массового посещения туристами впоследствии. Среди них следует особо выделить сады величественных частных резиденций, такие как Ниракуса и владение Кодзуи Отани настоятеля храма Хигаси Хондандзи с японскими садами, теплицами и прудами. В те далекие времена были созданы ботанические сады по типу пионового сада Тиба, появившиеся в период Кехо (1716–1736). Наследием более поздних времен явились зоопарки и передвижной показ животных и птиц, прежде всего оленей, павлинов, начатые в Осака и распространившиеся на многие другие места; выставочные шатры и смотровые башни для

[2] Храм Исэ — основанное в III веке синтоистское святилище в городе Исэ префектуры Миэ. Он посвящен легендарной прародительнице императорского рода богине Аматэрасу. Исэ-Дзингу является главной синтоистской святыней. От нее отходит древняя тропа паломничества Кумано-Кодо к синтоистским святилищам Кумано-Хонгу-Тайся и другие тропы. Район вокруг святилища представляет национальный парк Исэ-сима, в котором находятся исторические памятники. В парке еще со времен периода Эдо много сувенирных лавок и магазинов [Japan, 1993, p. 627].

осмотра посетителями рукотворных горок, прудов и ухоженной растительности; горячие источники и природные ванны. Созданные в незапамятные времена места отдыха и развлечений привлекают туристов сейчас [Isao Ogawa, 1998, p. 28].

Начало современному туризму было положено во второй половине XIX в. с появлением железных дорог в период Мэйдзи (1868–1912). Железнодорожные компании не только приступили к перевозкам туристов к местам массового отдыха и развлечений, но и зачастую арендовали земли, на которых делали временные и постоянные постройки для организации зрелищных и оздоровительных мероприятий. Повышенным спросом у населения пользовались горячие источники, минеральные ванны и купальни с подогретой морской водой. Первой диверсифицировала свою коммерческую деятельность железная дорога Иё на Сикоку, самый меньший и климатически теплый из четырех основных островов Японии. В 1901 г. она начала обустраивать курорты для купания. С 1890 г. эта компания стала делать значительные сезонные скидки на оплату билетов для туристов. В начале 1899 г. железнодорожная компания Иё стала учредителем туристической ассоциации Байсиндзи, а в июне этого года открыла новый курорт и железнодорожную станцию, которая работала только в летний сезон. Вскоре весь этот развлекательно-оздоровительный комплекс стал включать гостиницы, рестораны и магазины. Многие частные железнодорожные компании последовали примеру Иё [Isao Ogawa, 1998, p. 29].

Настоящий бум в развитии туристического бизнеса частными железнодорожными компаниями начался, как ни парадоксальным это покажется на первый взгляд, после законодательного запрета частным компаниям строить магистральные железные дороги и огосударствления ряда частных дорог. Однако при ближайшем рассмотрении ничего удивительного в этом нет. Оставшиеся частные железнодорожные компании сосредоточили свои финансовые и организационные усилия на строительстве пригородных и городских железных дорог. В условиях острой конкуренции со стороны занявших основные позиции в перевозках пассажиров и грузов государственных железных дорог частные компании были вынуждены диверсифицировать свою деятельность, инвестируя в строительство гостиниц, отелей, крупных универмагов, жилых кварталов и даже университетов у своих терминальных станций. Высокий профессионализм, опыт и энтузиазм таких предпринимателей в области железнодорожного транспорта района Кэйхансин, как Кобаяси Итидзё[3], позволил частным железнодорожным компаниям удачно провести диверсификацию, улучшить качество перевозок и привлечь финансы для строительства железных дорог. Только несколько позже опыт Кобаяси Итидзё был использован талантливым токийским предпринимателем Гото Кейта.

Но особое внимание железнодорожные компании уделили туризму, что объяснялось следующими событиями. Стремительный рост населения в городах в 1910–1930-х годах приводил к их перенаселенности, ухудшению экологии, росту заболеваемости среди горожан. Реакцией жителей на эти негативные явления стало небывалое ранее увлечение туризмом, включая семейный и групповой выезды на природу, походы школьников и экскурсии. Сохранялось паломничество к святым местам. Учитывая возрастающий спрос на перевозки людей, железнодорожные компании незамедлительно строили дороги к хорошо посещаемым храмам, памятникам старины и популярным

[3] Кобаяси Итидзё (1873–1957) основал в 1910 г. железнодорожную компанию, известную с 1949 г. под названием «Ханкю». Благодаря его организаторскому таланту и незаурядной трудоспособности эта железнодорожная компания смогла преуспеть и стать основным конкурентом ранее созданной компании «Хансин» в обеспечении перевозок на северо-западном направлении от Осаки. Ему принадлежит идея приобретения созданной им железнодорожной компанией земель, ведения торговли в фирменных железнодорожных универсамах, создания инфраструктуры туризма. Он создал устойчивую модель частной железнодорожной компании с диверсифицированной структурой, имеющей подразделения, занимающиеся побочным бизнесом. При этом размеры этого побочного предпринимательства по капиталовложениям, числу занятых, основному капиталу, другим важным экономическим показателям зачастую превышали непосредственно железнодорожную деятельность [Japan, 1999, p. 801].

курортам. Например, компания «Нарито Тэцудо» ввела в строй линию из Сакура через Токио в Нарита, принимая во внимание повышенный интерес к посещению буддийского храма Синсё в Нарита (префектура Тиба). Компания «Сануки Тэцудо» построила линию Котохира — Маругаме на севере о. Сикоку в целях доставки прежде всего паломников и любителей старины к синтоистскому храму Котохира.

Частные железнодорожные компании немедленно отреагировали и на появившийся спрос со стороны платежеспособных средних городских слоев на поездки за город для отдыха и занятий спортом на природе: купание на берегу моря, альпинизм и прогулки в горах, катание на лыжах и гуляние в парках, любование цветущей сакурой и луной. Они строили парки отдыха, благоустраивали пляжи, летние и зимние курорты. В районе Кансай частная компания «Кэйхан Дэнтэцу» превратила в курортные места прибрежные полосы и горы, обустроив пляжи и горнолыжные трассы территории у озера Бива. «Хансин Дэнтэцу» и «Хансин Кюко Дэнтэцу» строили в условиях острой конкурентной борьбы парки отдыха, площадки для гольфа, отели и спортивные сооружения на горном массиве Рокко, возвышающемся над Кобэ.

«Нанкай Дэнтэцу» создала в известном парке Хамадэра курортное место с пляжами и бассейнами. Здесь же был построен концертный зал «Хамадэра». В районе Канто «Тобу Тэцудо» построила оздоровительные курорты с лечебными водами в Кинугава, а «Одавара Дэнтэцу» — 15-километровую железную дорогу в горах Хаконе (84 км на юго-запад от Токио) для желающих полюбоваться пейзажами сверху. Всего с 1899 по 1924 г. 25 частными железнодорожными компаниями было создано 14 курортов, 13 ботанических садов, 13 зоопарков, 13 гостиниц и ресторанов, а также музеи, плавательные бассейны и другие спортивные сооружения [Isao Ogawa, 1998, p. 31].

Если до 1960-х годов главная роль железнодорожного транспорта в развитии туризма была несомненна, то с расцветом японского автомобилестроения все большее значение стал приобретать автотранспорт. Сперва личные автомашины заняли свою нишу в индивидуальном туризме, а затем автобусы стали замещать железные дороги в групповых перевозках туристов. При этом роль железнодорожных компаний в туристическом бизнесе не только не снизилась, но даже возросла. Они продолжили свою хозяйственную деятельность, открывая новый вид деятельности в структуре материнской компании и создавая под него филиалы: автобусные перевозки, особенно экскурсионные. Более того, некоторые из них, сохраняя за собой статус железнодорожной компании, по сути становились автобусными фирмами, специализирующимися на перевозках пассажиров и туристов. Так, железнодорожная компания «Ниситэцу» владела лишь небольшой железной дорогой длиной в 121 км, а в структуре ее доходов от разных видов деятельности свыше 75% приходится на автобусные перевозки [Domestic, 2001, p. 101].

С 1964 г. особое значение для туризма приобрели синкансэны, ставшие венцом творчества японских инженеров в прошлом столетии. Они принадлежали японской государственной корпорации «Кокутэцу», первой в мире пустившей в строй эти высокоскоростные железные дороги. Использование мультимодального транспорта, системы предварительного бронирования билетов и безбарьерного прохода способствовали расширению географии и удобства туристов.

В 1970-х годах государственная железнодорожная корпорация «Кокутэцу» стала переходить от организации группового туризма к индивидуальному. Такие изменения явились результатом не только роста предпочтений туристов в пользу индивидуального туризма, но и увеличения конкуренции со стороны автомобильного и авиатранспорта [Makoto Aoki, 2009, p. 133]. После Осака Экспо-70 «Кокутэцу» развернула целую серию рекламных кампаний, таких как «Открой Японию», в целях расширения индивидуального туризма. Появились женские журналы, рекламирующие так называемое «маленькое Киото» разных регионов. В программу поездок входило посещение

от небольших городов с интересными городскими пейзажами до сохраненных и частично реконструированных почтовых городов, таких как Цумагудзюку, по старой почтовой дороге Накасэндо. Эта рекламная кампания интересна тем, что знаменовала собой начало индивидуального туризма японских женщин [Hitoshi Saimyo, 2010, p. 8].

В заключение целесообразно отметить, что роль государственной железнодорожной корпорации «Кокутэцу» в развитии туризма сводилась к его рекламе, так как государство запрещало ей заниматься побочным бизнесом. Однако не следует упускать из виду, что эта гигантская корпорация, перевозившая большую часть пассажиров и грузов в годы «экономического чуда» и быстрых темпов экономического роста, в 1986 г. распалась на шесть приватизированных пассажирских и одну грузовую компанию. Все шесть пассажирских компаний "JR" сохранили свой статус крупнейших железнодорожных компаний-перевозчиков пассажиров и провели лишь незначительную диверсификацию своей деятельности. При этом только три из них: Токай Рёкаку, Тэцудо, Хигаси Нихон Рёкаку Тэцудо и Ниси Рёкаку Тэцудо вложили сколько-нибудь значительные средства в развитие турбизнеса. В последние годы еще одна приватизированная компания — Хоккайдо Рёкаку Тэцудо стала развивать туризм как результат повышенного интереса японцев к зимним видам спорта на Хоккайдо. Вместе с частными железнодорожными компаниями, издавна занимавшимися предпринимательством в области туризма, приватизированные компании имеют хорошие перспективы расширения своей деятельности в области туризма.

Литература / References

Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М.: Крафт+, 1999 [Leshenko N. F. *Japan in the Tokugawa era.* Moscow: Kraft +, 1999 (in Russian)].

Domestic Transportation Statistics Hanood. Tokyo, 2011.

Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. *A History of Japanese Railways 1872–1999.* Tokyo: East Japan Railway Culture Foundation, 2000.

Hitoshi Saimya. Relationships between Railways and Tourism. *Japan Railway and Transport Review.* 2010. No. 55. Pp. 6–15.

Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.

Isao Ogawa. History of Amusement Park Construction by Private Railway companies in Japan. *Japan Railway and Transport Review*. 1998. No. 15. Pp. 28–34.

Makoto Aoki, Yuichiro Kishi, Masafumi Miki, Shuichi Takashima, Kazushige Terada. *Railway Operators in Japan*. Tokyo: East Japan Railway Culture Foundation, 2020.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-100-106

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП АМЕРИКАНО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026

И. Е. Федорова[1]

Статья посвящена первому этапу американо-иранских отношений, который берет начало в середине XIX в. В этот период Иран не занимал значимого места во внешней политике США, сфокусированной на Западном полушарии. Первые американские граждане — пресвитерианские священники — прибывали в Иран по поручению «Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям» с целью обращения местного населения в христианское вероучение. Они совмещали свою деятельность с организацией школ и больниц, что стало одним из первых проявлений использования «мягкой силы» в американской политике в Иране. Со своей стороны, Тегеран видел в Соединенных Штатах молодую державу, победившую Великобританию и быстрыми темпами идущую по пути экономического развития. Для многих иранцев это был привлекательный образ нового государства, с которым они хотели выстраивать отношения в надежде опереться на «третью силу» в противовес своим старым патронам — Лондону и Санкт-Петербургу. Заинтересованность Тегерана в развитии отношений с Вашингтоном проявилась в заключенном по его инициативе «Договоре о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Персией» в 1856 г., который стал отправной точкой развития дипломатических отношений между Ираном и США.

Ключевые слова: Иран, США, пресвитерианские миссии, Договор о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Персией» 1856 г.

Для цитирования: Федорова И. Е. Начальный этап американо-иранских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 100–106. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-100-106

THE INITIAL STAGE OF US-IRAN RELATIONS

Irina Eu. Fedorova

The article discusses the first stage of US-Iranian relations, which dates back to the mid-nineteenth century. During this period, Iran did not occupy a significant place in U.S. foreign policy, focused, in accordance with the Monroe Doctrine, on the Western Hemisphere. The first American citizens, Presbyterian ministers, arrived in Iran on behalf of the American Board of Commissioners for Foreign Missions in order to convert the local population to the Christian faith. They combined their activities with the organization of schools and hospitals, which was one of the initial manifestations of the use of 'soft power' in American policy in Iran. For its part, Tehran saw the United States as a young nation that had defeated Great Britain and was rapidly moving along the path of economic development. For many Iranians, this was an attractive image of a new state they wanted to build relations with in the hope of relying on a 'third force' to counterbalance their old patrons: London and St. Petersburg.

[1] Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; f-irina51@mail.ru

Irina Eu. Fedorova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; f-irina51@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-7334-5398

Tehran's interest in developing relations with Washington was realized in the 'Treaty of Friendship and Commerce: The United States and Persia' concluded on its initiative in 1856. This treaty marked the starting point of the development of diplomatic relations between Iran and the United States.

Keywords: Iran, USA, Presbyterian missions, Treaty of Friendship and Commerce: the US and Persia 1956

For citation: Fedorova I. Eu. The Initial Stage of US-Iran Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 100–106. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-100-106

Первые американо-иранские контакты

Американо-иранские отношения в последние десятилетия находятся в центре внимания научного сообщества. Однако вопрос о том, когда начались первые контакты между подданными обеих стран, кто их осуществлял и какое влияние они оказали на дальнейшее развитие событий, остается за рамками внимания исследователей. Поэтому представляется интересным сосредоточиться именно на нем.

В XIX в. Иран, отсталая страна со слабой государственной властью, был предметом экономических и политических интересов крупнейших европейских держав, одной из арен «Большой игры» между Российской империей и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии. Оба государства стремились расширить свое влияние на его территории, и Тегеран сохранял свою независимость во многом благодаря умелому балансированию и лавированию между интересами европейских столиц.

В этот период внешнеполитические и внешнеэкономические интересы США лежали в Западном полушарии. Президент Джеймс Монро (1817–1825) в послании к Конгрессу 2 декабря 1823 г. заявил об исключительном праве США на взаимодействие с государствами Северной и Южной Америки. Он подчеркнул: «Мы (правительство в Вашингтоне — *И.Ф.*) будем рассматривать любую попытку с их (европейских держав — *И.Ф.)* стороны распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности» (цит. по [Болховитинов, 1959, с. 309–310]). Вашингтон стремился укрепить свое влияние в Северной и Южной Америке, присоединяя военной силой и покупая различные территории в соседних странах. При этом президент США Д. Монро подчеркивал: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела существующих колоний или зависимых территорий любого европейского государства» [Болховитинов, 1959, с. 309]. Таким образом, Ближний и Средний Восток находились на далекой периферии американских экономических и политических интересов.

Первыми американцами, приехавшими в Иран, стали не дипломаты и путешественники, а пресвитерианские миссионеры, направившиеся в эту страну для обращения новых адептов в свою веру[2]. Они отправлялись в путь по поручению Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям (American Board of Commissioners for Foreign Missions), созданного в 1810 г. в Бостоне (штат Массачусетс). Их задача была не только обратить мусульман в христианство, но и пропагандировать более «правильную форму» христианского вероучения среди армянского и ассирийского населения Ирана. По мнению С. Бенджамена, первого министра-резидента[3] США в Персии, обращение мусульман в христианство было практически невозможно. В книге «Персия и Персы» [Benjamen, 1887] он приводит интересный факт, произошедший в Исфагане во время его

[2] Пресвитериане – сторонники одного из основных направлений в кальвинизме. В XIX в. крупные общины пресвитериан возникли в английских колониях в Северной Америке. С XIX в. пресвитериане активно участвовали в протестантской миссионерской деятельности в Африке, Азии и Океании.

[3] Этот титул обычно присваивался главе дипломатической миссии в качестве дипломатического ранга сразу после посла, что обычно отражало относительно низкий статус государств, в которые были направлены послы.

пребывания в стране. Зилли ас-Султан[4], губернатор Исфагана, посетил службу в английской протестантской церкви. Через несколько дней два перса, воодушевленные его примером, пришли в эту же церковь на службу. Узнав об этом, Зилли ас-Султан приказал отрубить им головы. На вопрос священника, служившего в этой церкви, в чем причина такой расправы, губернатор Исфагана ответил: «Я могу идти куда хочу и когда хочу. Я хотел узнать, не ходят ли мои подданные в эту церковь. А если они хотели сменить свою религию, они должны быть наказаны по закону» [Benjamen, 1887, p. 359]. Поскольку сам принц считался свободомыслящим человеком и поддерживал европейские прогрессивные идеи, этот инцидент, по мнению С. Бенджамена, говорит о том, что прозелитизм[5] в мусульманских странах, где религия неразрывно переплетена с государством, являлся крайне трудным занятием. Он подчеркивал, что даже образованные люди рассматривали отказ от ислама как атаку на единственную скрепу, объединяющую все иранское общество [Benjamen, 1887, p. 359].

Среди первых миссионеров были Э. Смит и Х. Дуайт, направленные в Армению и Грузию и посетившие Иран в 1831 г. для изучения возможностей организации миссии в районе г. Урмия, где была значительная ассирийская община. Вслед за ними в 1833 г. в Урмию прибыл бывший преподаватель Амхерст колледжа (штат Массачусетс) Дж. Перкинс с молодой супругой для организации первой американской миссии. Они проработали в Иране восемь лет [Perkins, 1843]. За эти годы чета Перкинсов получила фирман[6] Мохаммад шаха на распространение своей веры среди несториан — прихожан Ассирийской церкви Востока — и постройку здания миссии. Они установили в нем печатный станок для распространения Священного писания среди населения провинции. На наш взгляд, иранские власти пошли на это, не опасаясь широкой популярности печатной версии Библии в стране с очень высоким уровнем неграмотности. Тем не менее, как отмечают некоторые исследователи, деятельность миссии нередко вызывала недовольство местного духовенства.

Работа миссионеров не ограничивалась пропагандой протестантского вероучения. Вместе с еще одной молодой парой американских миссионеров они открыли в 1836 г. первую начальную школу для мальчиков и позже школу для девочек. На момент открытия в первой было семь учеников, а во второй — 4 ученицы. Однако к середине 1850-х гг. в школе для девочек училось уже около 40 учениц, а школа для мальчиков стала колледжем, где они получали начальное образование по медицинским и религиозным дисциплинам. К 1895 г. 117 американских школ насчитывали около 2 400 учеников [Ghazvinian, 2021, p. 24]. В последней четверти 19 века были открыты пресвитерианские миссии в Тегеране, Тебризе и Хамадане и небольшие больницы в Урмие, Тебризе и Хамадане. Причем, как отмечается в архивных американских документах, прием в школы и больницы не зависел от вероисповедания желающих туда попасть.

Стоит напомнить, что дипломатических представителей США в Иране до 1883 г. не было, и миссионерам приходилось принимать решения на свой страх и риск, не надеясь на защиту американского государства и опираясь лишь на поддержку английских англиканских миссий.

Уже неоднократно цитировавшийся нами С. Бенджамен считал, что цель пресвитерианских миссий состояла не в пропаганде протестантизма, а в оказании «могущественного молчаливого влияния» на различные аспекты иранской социальной и политической жизни. Он подчеркивал, что миссионеры должны были работать в максимально широких кругах местного населения с целью смягчить «персов, которые смотрят на иностранные миссии в своей стране с подозрением и страхом» и испытывают мало любви к американским гражданам [Benjamen, 1887, p. 361].

[4] Зилли ас-Султан — старший сын Насер эд-Дин Шаха, губернатор Исфагана, Йезда, Буруджирда, Эрака, Хузистана и Луристана.

[5] Прозелитизм –деятельность, направленная на обращение иноверных в свою веру.

[6] Фирман — письменный приказ шаха Ирана, имевший силу закона.

Американский дипломат отмечал, что «самым важным фактором в миссионерской деятельности являлся «секуляр», т. е. деятельность, не связанная с религией. В первую очередь — это работа американских врачей. С. Бенджамен подчеркивал, что «люди редко испытывают необходимость духовного совершенствования, но рано или поздно обязательно обращаются к врачам» [Benjamen, 1887, p. 362]. Он делал акцент на том, что врач, обладающий умом и тактом, может гораздо больше сделать для создания положительного образа своей родной страны, чем священнослужитель, проповедующий с амвона. Переиначивая высказывание Э. Флетчера из Солтауна[7], С. Бенджамен писал: «Дайте мне врачей в стране, и они станут ее законодателями» [Benjamen, 1887, p. 364].

На еще один важный аспект деятельности американских миссионеров, зачастую весьма далекой от благотворительности и проповедей христианского вероучения, обращал внимание известный русский востоковед Н. А. Халфин, посвятивший значительную часть жизни изучению материалов, хранившихся в архивах среднеазиатских республик СССР. «Миссионеры, — писал он, — стремились установить связи с правящими кругами стран Азии и Африки и уделяли много внимания подготовке местной агентуры, совмещая свою деятельность с экономической, политической и военной разведкой» [Халфин, 1958, с. 93].

Оценивая в целом работу американских миссионеров в Иране, представляется возможным сказать, что привлечение новых адептов не имело сколько-нибудь значимых результатов. Как подчеркивают американские историки, к концу XIX в. членами пресвитерианских общин в Иране стали несколько сот ассирийских христиан. Причину этого сами миссионеры видели в том, что убедить мусульман отказаться от ислама как от веры, идеологии и образа жизни было непросто.

Однако организация школ и больниц способствовала созданию положительного образа американских граждан, и эту деятельность можно считать началом использования «мягкой силы» США в Иране. Работая с иранскими сотрудниками миссий и больниц, обучая иранских детей, первые миссионеры закладывали основание для дальнейшего продвижения американских интересов в Иране. Что, в частности, нашло отражение в установлении дипломатических отношений между Тегераном и Вашингтоном в 1857 году.

Начало дипломатических отношений между Ираном и США

Мы уже говорили о том, что в XIX в. американские политики обращали мало внимания на события в Иране. Тем более что Доктрина Монро определяла взаимное невмешательство государств Старого и Нового Света в дела друг друга. Однако в самом Иране внимательно следили за событиями, происходившими на американском континенте. Образ страны, незадолго до этого появившейся на картах мира и выигравшей войну с Великобританией — «фабрикой мира», к которой иранцы испытывали далеко не однозначные чувства, был привлекателен для Тегерана. Уже в середине XIX в. в Иране стали рассматривать США как государство, которое может создать контрбаланс влиянию великих европейских держав — Великобритании и Российской империи — и развитие отношений с которым способно принести пользу Ирану. В 1850 г. иранский поверенный в делах в Константинополе Давуд хан передал американскому министру-резиденту Дж. П. Маршу предложение заключить ирано-американский договор, который и был подписан в 1851 г. Он назывался «Договор о дружбе, торговле и навигации между Соединенными Штатами и Персией». Однако Сенат Соединенных Штатов отказался его ратифицировать, сославшись на то, что американские граждане на территории Ирана не получили таких прав, которыми пользовались подданные

[7] Эндрю Флетчер из Солтауна, шотландский писатель и политик 17 века, писал о том, что создатели баллад, переложенных на музыку, оказывают большее влияние на народ страны, чем законы, религиозные службы и политики.

великих европейских держав, и направил Насер эд-дин Шаху ряд поправок. Ответа американские сенаторы не получили. Можно предположить, что такая позиция шаха была обусловлена интригами Лондона или Санкт-Петербурга, а может быть, и обеих столиц вместе.

В последующие годы судьба этого договора напрямую была связана с отношениями Тегерана и Лондона. Они осложнились в связи с намерением Насер эд-дин Шаха установить контроль над Гератом, и иранский поверенный в делах в Константинополе в 1854 г. снова предложил американскому министру-резиденту в Османской империи К. Спенсу провести переговоры по договору о дружбе. Но Вашингтон не пошел навстречу Тегерану, с одной стороны, не желая быть втянутыми в англо-персидское противостояние, с другой — считая, что шах предоставляет слишком мало преференций американским гражданам.

Ситуация резко изменилась через два года после начала англо-персидской войны. В надежде получить помощь от американцев в борьбе с Лондоном шах уступил всем требованиям Вашингтона и предоставил американцам права и привилегии, которыми обладали подданные Великобритании, России и Франции. Вашингтон, державшийся в стороне от англо-персидского конфликта, не согласился с просьбами шаха о предоставлении защиты иранским торговым судам в Персидском заливе. Шах был вынужден пойти на уступки и в 1856 г. подписал «Договор о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Персией» сроком на десять лет с автоматическим продлением, если ни одна из сторон не уведомит другую о его расторжении. Этот договор трудно назвать равноправным. Согласно ему американские граждане и подданные шаха имели право свободного въезда, передвижения, ввоза товаров и беспошлинной торговли на территориях друг друга. Однако иранцы не обладали правом экстерриториальности в Америке, в то время как американские граждане были выведены из-под юрисдикции иранской судебной системы [Miller, 1942, pp. 429–446].

С момента ратификации этого договора обеими сторонами в 1857 г. отсчитывается история дипломатических отношений между США и Ираном.

Дальнейший процесс становления официальных отношений США и Ирана проходил достаточно сложно. Американские законодатели не обращали серьезного внимания на это направление внешней политики и отказались выделить деньги на обустройство американской дипломатической миссии в Тегеране. Чтобы смягчить свой отказ, Вашингтон дал приказ капитану фрегата «Миннесота», шедшего в Китай, зайти в Персидский залив и дать церемониальный залп из пушек в честь американо-персидской дружбы.

В последующие годы развитие официальных контактов между столицами проходило неравномерно и находилось в тесной зависимости от событий внутриполитической жизни как в Иране, так и в США. Гражданская война в Америке и концентрация государства на ликвидации ее последствий привели к тому, что решение об учреждении американской дипломатической миссии в Тегеране долгое время откладывалось и было принято Конгрессом лишь в августе 1882 г. Первый американский министр-резидент Сэмюэль Бенджамен, на книгу которого мы неоднократно ссылались и в которой содержатся весьма интересные наблюдения о политической, экономической и культурной жизни Ирана в годы его пребывания в стране, прибыл в Тегеран лишь в 1883 г.

Первый иранский чрезвычайный посланник и полномочный министр[8] Ирана в США Хосейн Кули хан Нури прибыл в Вашингтон в 1888 г. и проработал там менее года. После чего под влиянием обострившейся внутренней обстановки в Иране в начале 1890-х гг. и волнений после убийства Насер эд-дин Шаха деятельность миссии в Америке была прекращена до 1900 г.

[8] Чрезвычайный посланник и полномочный министр, обычно называемый министром, был главой дипломатической миссии, занимавшим должность ниже посла. До первых десятилетий XX в. большинство дипломатических миссий представляли собой представительства, возглавляемые дипломатами ранга посланника. Обмен послами происходил только между великими державами, близкими союзниками и родственными монархиями.

При этом иранские коммерческие круги, заинтересованные в развитии торговых отношений с Америкой, старались наладить торговые связи с США. Так, иранский армянин Топакиан, занимавшийся экспортом иранских товаров в Америку, взял на себя организацию участия Ирана во Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г.

Иранский павильон поразил американцев своим роскошным восточным колоритом. Он изобиловал редчайшими антикварными изделиями и уникальными персидскими коврами. На специально сооруженной сцене полуобнаженные танцовщицы исполняли танец живота. Это представление произвело настоящий фурор и привлекло многочисленных посетителей, не привыкших к подобным зрелищам. Однако в американских пуританских протестантских газетах разразился настоящий скандал, сопровождавшийся оскорблениями в адрес Ирана.

Только лишь в декабре 1900 г. новый иранский чрезвычайный посланник и полномочный министр генерал Исхак-хан Мофакхам од-доуле прибыл в Вашингтон. Его задача состояла в том, чтобы развивать торговые отношения между странами и получать в обмен на иранские товары доступ к американским научным и техническим достижениям. С этой целью ему было поручено организовать иранские консульства во всех городах, где проявляли интерес к торговле с Ираном. Сколько-нибудь заметной иранской диаспоры в США в это время не было, и подобрать персонал для консульской службы было непросто. В первую очередь консулами становились армянские беженцы из Османской империи. Торговец антиквариатом Декран Келекиан в 1902 г. стал консулом в Нью-Йорке, превратив свою художественную галерею в шахское консульство. Милтон Серапиан, торговец коврами, стал консулом в Сент-Луисе. Эти дипломаты, как правило, никогда не бывали в Иране и не владели персидским языком. Как отмечают американские исследователи, иранские консульства в тот период скорее напоминали составные части международной торговой сети торговцев коврами, заклинателей змей и танцоров огня [Ghazvinian, 2021, p. 40]. Тем не менее их коммерческие интересы диктовали необходимость налаживания ирано-американских торговых отношений, и они активно помогали Исхак-хану организовать участие Ирана во Всемирной выставке в Сент Луисе в 1904 г., где был представлен широкий спектр иранских товаров.

Несмотря на начальные трудности, американо-иранская торговля постепенно расширялась, в США открывались новые консульства, а дипломатический персонал становился более профессиональным, лучше понимавшим свои задачи.

Подвести итоги начальному этапу ирано-американских отношений можно следующим образом. Во второй половине XIX в. и на рубеже XIX и XX вв. Соединенные Штаты фокусировали внимание на распространении своего влияния в Западном полушарии. Иран и другие страны Ближнего и Среднего Востока не входили в зону их первоочередных интересов. При этом Белый дом стремился избежать лишних поводов для напряженности с Великобританией и Россией и избегал вмешательства в сферу их интересов в Иране. Тем не менее с помощью первых миссионеров готовились кадры и закладывалась база для более широкого присутствия Америки в этой стране. Со своей стороны, Тегеран видел в Соединенных Штатах молодую державу, победившую Великобританию и быстрыми темпами идущую по пути экономического развития. Для многих иранцев это был привлекательный образ нового свободного государства, с которым они хотели выстраивать отношения в надежде получить поддержку в противостоянии со своими старыми патронами — Лондоном и Санкт-Петербургом. Заинтересованность Тегерана в развитии отношений с Вашингтоном проявилась в заключенном по его инициативе «Договоре о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Персией» в 1856 г., который положил начало дипломатическим отношениям Ирана и США.

Литература / References

Болховитинов Н. Н. *Доктрина Монро (происхождение и характер)*. М.: Международные отношения, 1959 [Bolkhovitinov N. N. *Monroe Doctrine (Origin and Character)*. Moscow: International Relations Publ., 1959 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана*. М.: Издательство Восточной литературы, 1958 [Khalfin N. A. *The Beginning of American Expansion in the Countries of the Mediterranean and Indian Ocean*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958 (in Russian)].

Benjamen S. G.W. *Persia and the Persians*. London: J. Murray, 1887.

John Ghazvinian. *America and Iran. A History: 1720 to the Present*. N-Y.: Penguin Random House, 2021.

Miller Hunter ed. *Treaties and Other International Acts of the US of America*. Vol. 7. Washington: United States Government Printing Office,1942.

Электронные ресурсы / Online resources

Perkins Justin. Residence of Eight Years in Persia, among the Nestorian Christians: with Notices of the Muhammedans by Rev. Justin Perkins. N.-Y., 1843. URL: https://ia801404.us.archive.org/13/items/residenceofeight00perk.pdf. (дата обращения: 15.08.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-107-118

СОБЛЮДЕНИЕ КОНСПИРАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В КОММУНИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920–1930 гг.)

© 2026

Р. Ш. Харунов, М. М.-Б. Харунова[1]

В Советской России под эгидой Коминтерна была создана массовая система коммунистических университетов для обучения иностранных граждан. В период 1920–1930-х гг. тысячи зарубежных студентов, в том числе и будущие руководители государств и партий, получили политическое образование в СССР. Для распространения «мировой революции» требовалась длительная и кропотливая работа по воспитанию новой элиты, которая в нелегальных условиях должна была вести революционную и антиколониальную работу в своих странах.

Первоначальная структура и порядок деятельности этих учебных заведений складывались с революционным энтузиазмом, методом проб и ошибок, что приводило к серьезным проблемам при возвращении выпускников в свои страны. Иностранные спецслужбы зачастую через открытые источники отслеживали учащихся еще на территории СССР, и значительная часть из них подверглась аресту и заключению на длительные сроки за коммунистическую пропаганду.

На основе архивных материалов и научных трудов отечественных и зарубежных исследователей в статье прослеживается эволюция системы конспирации в учебных заведениях Коминтерна для иностранных граждан, охватившей все стороны деятельности: подбор кадров, ведение документации, поведение при обучении и в личной жизни студентов.

Ключевые слова: Коминтерн, Советская Россия, коммунистический университет, иностранные студенты, конспирация

Для цитирования: Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Соблюдение конспирации при обучении иностранных граждан в коммунистических университетах Советской России (1920–1930 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 107–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-107-118

[1] Харунова Марианна Монге-Байыровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ondar18@mail.ru

Marianna M.-B. Kharunova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ondar18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9011-2262

Харунов Рамиль Шатмуратович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва; ramar33@mail.ru

Ramil Sh. Kharunov, PhD (Hist.), Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva; ramar33@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7940-5972

OBSERVANCE OF SECRECY DURING THE TRAINING OF FOREIGN NATIONALS AT COMMUNIST UNIVERSITIES IN SOVIET RUSSIA (1920S-1930s)

Ramil Sh. Kharunov, Marianna M-B. Kharunova

In Soviet Russia, a massive system of communist universities was founded to train foreign nationals under the auspices of the Comintern. During the 1920s and 1930s, thousands of international students, including future state and party leaders, obtained a political education in the USSR. The spread of the 'world revolution' required long-term and painstaking work to cultivate a new elite, who, under clandestine conditions, were to carry out revolutionary and anti-colonialist work in their own countries.

The initial structure and operating procedures of these educational institutions were developed with revolutionary enthusiasm, through trial and error, which led to serious problems when graduates returned to their countries. Foreign intelligence agencies, often through open sources, monitored the students while they were still in the USSR, and a significant number of them were arrested and sentenced to long terms of imprisonment for communist propaganda.

We used archival materials and the works of Russian and foreign researchers to examine the development of the secrecy system at Comintern educational institutions for foreign nationals, encompassing all aspects of operations: recruitment, record keeping, and students' behavior during instruction and in their personal lives.

Keywords: Comintern, Soviet Russia, communist university, international students, secrecy

For citation: Kharunov R. Sh., Kharunova M. M-B. Observance of Secrecy During the Training of Foreign Nationals at Communist Universities in Soviet Russia (1920s–1930s). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 107–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-107-118

Введение. Система политического образования для иностранцев

После окончания Гражданской войны в Советской России была создана сеть партийных учебных заведений для иностранных граждан, вершиной которой были коммунистические университеты. Наиболее известные из них — Международная Ленинская школа (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

Это была система политического образования, действовавшая под эгидой Коминтерна — мощной международной организации, вершившей судьбы людей, направлявшей ход многих событий в первой половине XX в., деятельность которой оставалась скрытой от посторонних глаз не только в течение всего времени существования, но и десятилетия после самоликвидации.

Поскольку мировой революции не получилось, Коминтерн постепенно эволюционировал как организация во вспомогательный внешнеполитический инструмент Советского государства. Сутью его политики стало отстаивание интересов и пропаганда за рубежом достижений советского строя [Фирсов, 2019, с. 649]. К началу 1930-х гг. Коминтерн стал своеобразной лабораторией для подготовки военно-политических кадров иностранных партий, которые в процессе обучения и практической деятельности получали единое представление о технике, тактике и стратегии нелегальной работы [Линдер, Чуркин, 2005, с. 638].

Многие стороны из работы данных учебных заведений были строго законспирированы, мифологизированы и упрятаны под слоем псевдонимов и жестких инструкций. В целом структура

была стройная, логичная, идейная и, несомненно, эффективная, созданная с четкой целью распространения идей коммунизма в мировом масштабе.

Известный греческий писатель Никос Казандзакис, общаясь со студентами КУТВ в конце 1920-х гг., был впечатлен их рвением, но в его словах прозвучала и более мрачная нота: «Лица излучали сосредоточенность и фанатизм... У всей этой разноцветной молодежи есть только одна цель: вернуться на родину, пробудить свой народ и придать форму его надеждам и ненависти» [Ravandi-Fadai, 2015, p. 722].

Неудивительно, что иностранные разведки уделяли исключительное внимание вопросам подготовки в СССР кадров для подпольной работы в «восточных, колониальных и европейских странах», что приводило к неоднократным провалам бывших студентов при возвращении на родину. В связи с этим в административную, учебную и бытовую сторону жизни коммунистических университетов была введена строгая система конспирации, которая преследовала две цели: оградить студентов от вражеских «глаз и ушей» и развивать практические навыки конспиративного поведения для работы в нелегальных условиях[2].

Хотя это никогда не признавалось публично, программа обучения включала в себя подготовку по принципам и методам подпольной политической работы. В «военном деле» и «ленинизме» официальной учебной программы скрывались занятия по разведке, стрелковому оружию, партизанской войне, правилам поведения при слежке, арестах и допросах и т. д. [Woodford, 1993, p. 376].

Коммунистические университеты работали в особом режиме закрытых учебных заведений. Соблюдению правил конспирации были подчинены подбор кадров, система пропусков, смена фамилий, изоляция секретного делопроизводства, поведение студентов, переписка, фотографирование, хранение личных вещей и документов и пр.

В историографии темы необходимо отметить ряд монографий, посвященных общим вопросам развития Коминтерна: этапам построения интернационала; разработке стратегии и тактики захвата мирового господства и трансформации общества в соответствии с идеологией; взаимоотношениям Коминтерна с различными странами [Линдер, Чуркин, 2005; Фирсов, 2019; Штудер, Унфрид, 2011; Юэ, 2009; Тертицкий, Белогурова, 2005].

В ряде научных статей рассмотрено соприкосновение с советской реальностью иностранных студентов из различных стран Европы и Азии, в том числе и то, как они входили в систему конспирации при обучении в коммунистических университетах [Campbell, 2004; Filatova, 1999; McLoughlin, 1997; Ravandi-Fadai, 2015; Woodford, 1993].

Основные документы по теме были рассмотрены в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 495 (Международная Ленинская школа), 529 (Коммунистический университет национальных меньшинств Запада); 532 (Коммунистический университет трудящихся Востока) и др.

Административно-хозяйственные меры обеспечения конспирации

Отличительной особенностью всей деятельности в школах и университетах Коминтерна было стремление администрации к секретности, правила которой студенты и сотрудники должны были строжайше соблюдать.

Впервые вопрос о конспирации был поставлен в КУТВ и КУТК в 1929 г. Идеализм и энтузиазм первых лет работы привел к тому, что секретные сведения о коммунистических вузах попадали в заграничные газеты, иностранные спецслужбы собирали информацию о студентах еще

[2] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 52. л. 36.

на территории СССР. Такой провал в обеспечении скрытности привел к тому, что 75 процентов выпускников КУТВ подвергались аресту сразу по возвращении на родину[3].

В феврале-марте 1929 г. комиссия по проработке вопросов о мерах по введению в КУТВ и КУТК начал конспирации приняла первые рекомендации по её обеспечению при обучении иностранных студентов.

Во-первых, было решено обеспечить университеты проверенным квалифицированным персоналом с соответствующими политическими и личными качествами, в связи с чем комиссия обратилась к Президиуму ЦИК СССР с просьбой об освобождении университетов от обязательного найма рабочей силы (рабочих и служащих) через биржу труда и замене этой меры обязательным согласованием и утверждением найма с соответствующими организациями, устраняя возможности протекционизма, семейственности и пр.

Во-вторых, все дома КУТК и КУТВ было решено освободить от частных жильцов и ходатайствовать о предоставлении минимального количества изолированных зданий.

В-третьих, ввести в учебную программу «Курс подпольной работы»[4].

В-четвертых, отчетность перед коллективом студентов и сотрудников должна была касаться проблем, не выходящих за пределы гласности. Секретные вопросы (сметы, финансы, организационные и пр. вопросы) решено не затрагивать и тем более не разглашать в отчетных выступлениях.

В-пятых, обязательно ввести во всех зданиях университетов системы пропусков: постоянным сотрудникам — удостоверения-пропуска с фотографиями, для студентов — студенческие билеты без фотографий.

В 1930 г. на основе рекомендаций были разработаны «Основные правила конспирации для интернациональных Комвузов» (МЛШ, КУНМЗ, КУТВ)» [Woodford, 1993, p. 376].

Архивы КУТВ не оставляют сомнений в том, что весь преподавательский и административный состав коммунистических университетов проверялся и подвергался постоянным проверкам со стороны Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), советской службы безопасности того времени. Правила конспирации регламентировали вход в университетские здания, общежития и т. д., а также оформление всей университетской документации [Filatova, 1999 p. 49].

С каждым годом принятые меры становились все строже, конспиративная работа совершенствовалась, и полное представление об этом нам дает секретная инструкция Международной Ленинской школы 1935 года.

Пристальное внимание уделялось личному составу — преподавателям и сотрудникам. Прием на работу в МЛШ сопровождался проверкой и представлением рекомендаций не менее 3-х членов партии, письменным обязательством о неразглашении, прохождением испытательного стажа, во время которого запрашивались характеристики с прежних мест службы.

На каждого сотрудника заводилось личное дело, которое хранилось в секретном делопроизводстве. К пропуску сотрудника прилагалась его фотография, второй экземпляр которой хранился в личном деле. При увольнении с работы бралось письменное обязательство о неразглашении о работе в МЛШ с оставлением адреса новой службы[5].

Воспрещалась дача справок по телефону сотрудникам по вопросам, касающимся работы в МЛШ.

В случае отъезда сотрудников-преподавателей за границу ставились в известность соответствующие политические органы.

[3] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 74, л. 2.
[4] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 74, л. 1–29.
[5] РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1040, л. 13.

Даже лица, допускаемые в здание для торговли газетами, книгами, а также по обслуживанию буфета, подлежали аналогичной проверке, как и вновь принимаемые штатные сотрудники.

Категорически воспрещалось во всех общежитиях и учебном корпусе проживание кому бы то ни было, за исключением студентов и ограниченного круга лиц обслуживающего персонала[6].

В сфере делопроизводства и хранения документов было установлено общее правило, что все документы, относящиеся как к административно-хозяйственным вопросам, так и к учебным, являются не подлежащими оглашению. Вынос каких-либо документов за пределы школы, имеющих штамп школы или по содержанию своему указывающих на принадлежность этого документа к школе, как правило, воспрещался[7].

По окончании занятий или в случае временного отсутствия сотрудника в процессе рабочего дня все документы подлежали уборке со столов и хранению в столе или шкафу под ключ.

Каждый сотрудник при открытых устных беседах в служебной обстановке должен был избегать наименования таких органов, как Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ), Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) и т. д.

Вершиной этой «административно-конспиративной» системы являлся секретариат, а впоследствии — отдел кадров. Как отметили в своей монографии Штудер Бригитта, Унфрид Бертольд: «Соблюдение правил конспирации причислялось к основополагающим элементам образа жизни большевистских кадров. Это подтверждается главной ролью, которую данный вопрос играл в работе отдела кадров. Уже по случаю его основания в МЛШ в 1933 г. правильная организация воспитательной работы по соблюдению конспирации наряду с отбором студентов, профессоров, преподавателей, переводчиков и сотрудников и установлением их политических взглядов считалась одной из важнейших ее задач» [Штудер, Унфрид, 2011, с. 167].

По воспоминаниям Юэ Шэн, выпускника КУТК им. Сунь Ятсена, у секретариата была еще одна функция, проистекавшая из особого статуса этого учебного заведения. Поскольку оно не было «открытым учреждением», секретариат очень много занимался вопросами безопасности: отвечал за доставку студентов из-за границы и за их отправку по секретным каналам за рубеж, к месту назначения. В этом предприятии он тесно сотрудничал с соответствующими властями в Коминтерне и ОГПУ [Юэ, 2009, с. 62–63].

Порядок прибытия студентов в СССР

Советский Союз в 1920–1930-е гг. был привлекателен для миграции иностранных граждан: политические беженцы, члены различных партий и движений, наемные специалисты и просто идеалисты выезжали в страну победившего социализма. Различными путями они пересекали границу, легально с паспортами и билетами на транспорте, нелегальными тропами под чужими именами и псевдонимами. Немалую часть этого потока составляла образовательная миграция — посланники коммунистических партий и левых движений, отдельные энтузиасты вливались в число учащихся коммунистических университетов.

Данные процессы не остались без внимания соответствующих государств, опасающихся экспорта революции в Европу и усиления антиколониальной борьбы в Азии и Африке. Поэтому были как неоднократные попытки внедрения агентов в число направляемых на учебу, так и усилия по вербовке среди студентов[8]. В документах нередко отмечалось обнаружение провокаторских

[6] Там же, л. 14.
[7] Там же, л. 15.
[8] РГАСПИ, ф. 529, оп. 1, д. 114, л. 18.

и шпионских сетей, и это имело реальные основания, свидетельством чему являлись многочисленные аресты выпускников по возвращении в свои страны[9].

У себя на родине кандидаты на обучение никому не могли сообщать ни места назначения, ни цели своей поездки, об их отправке знали лишь уполномоченные люди [Штудер, Унфрид, 2011, с. 163].

Юэ Шэн в своих воспоминаниях указывает, что в Северном Китае в то время еще господствовали милитаристы, и многие студенты из Пекина и Тяньцзиня уезжали из дома тайно. Сам автор, чтобы избежать слежки, изменил внешность, и данный маскарад оказался удачным: он сумел отбыть в Шанхай и далее в Россию без приключений [Юэ, 2009, с. 34].

Порядок прибытия студентов в Москву и отправка их на родину были настолько скрытыми процессами, что даже не подлежали включению в общую инструкцию по конспирации МЛШ и считались на положении строго секретного приложения.

До момента окончательного приема в состав слушателей вновь прибывшие находились в изолированном (от общежитий и учебного корпуса) помещении.

Заседания приемной комиссии проходили по месту нахождения абитуриентов. Туда же выезжал врач (обязательно коммунист) для их медобслуживания и освидетельствования. Не принятые комиссией оставались по-прежнему в этом изолированном помещении, без изменения условий их содержания до обратной отправки из Москвы.

Прошедшие приемную комиссию переодевались в одежду советского производства и переезжали в общежития, предварительно знакомясь с условиями соблюдения конспирации как в учебной, так и в бытовой жизни студентов. Зачисление проводилось через секретные приказы.

Все имеющиеся на руках документы, фотографии, письма и пр. у вновь принятых подлежали обязательной сдаче через управляющего делами секретному делопроизводству (где они хранились до выбытия студента из Школы) с заменой соответствующими документами в соответствии с присвоенной условной фамилией (псевдонимом). Воспрещалось хранение у себя прежних документов с настоящей фамилией[10].

Соблюдение конспирации в быту и учебе

Вновь принятые учащиеся должны были составить себе «легальную биографию» и согласовать ее с зав. сектором и зав. отделом кадров. Запрещено было пользоваться своей настоящей фамилией, и можно было называться только в соответствии с выданными новыми документами. Свою фамилию студент не должен был говорить даже друзьям по университету.

Приведем несколько примеров псевдонимов: в 1929–1932 гг. в КУТВ учились тайваньские комсомольцы Чжао Циньюнь (Володарский) и Чжао Цунси (Майский) [Тертицкий, Белогурова, 2005, с. 229.].

В списке курсантов китайского отделения Ленинградской школы связи (1929 г.) значились Тзин-Янь-Ю (Менделеев), Лю-Шин-У (Смидович), Сун-Лин (Сергеич), Ту-Цоу-Чао (Володарский)[11].

Псевдонимы часто совпадали с именами реальных людей, например, одного студента Международной Ленинской школы из Великобритании звали «Джеймс Макстон» в честь левого парламентария [McLoughlin, 1997, p. 66].

[9] РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 983, л. 2.
[10] РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1040, л. 18.
[11] РГАСПИ, ф. 530, оп. 4, д. 50, л. 34.

В своих воспоминаниях выпускник МЛШ Гарри Викс привел анекдотический случай, когда в телефонном разговоре он представился своим псевдонимом: «Говорит Джек Таннер». А на другом конце оказался обескураженный настоящий Джек Таннер (активист профсоюза инженеров). К тому времени Гарри Викс уже два года учился как «Джек Таннер» и даже начал воспринимать себя как «Джек Таннер» [Campbell, 2004, p. 66].

Студенты должны были сдать на хранение одежду заграничного образца и одеться в советский ширпотреб, чтобы не выделяться среди населения. Они ни в коем случае не должны были давать себя фотографировать.

Особое внимание в инструкциях уделялось максимальной осторожности в знакомствах с посторонними людьми, особенно с женщинами. Так как иностранные спецслужбы рассчитывают на то, «что женщина, с которой ты вступаешь в интимные отношения, тебя лучше всего опутает и побудит тебя откровенно с нею говорить обо всем, чего ты говорить не должен»[12].

Рекомендовалось избегать встреч с иностранцами и посещать эмигрантские собрания, среди которых можно было натолкнуться на агентов, разведчиков и шпионов. Студентам прямо запрещалось ходить в кафе и рестораны, которые особо посещались иностранцами («Гранд-Отель», «Московская гостиница», «Националь», «Метрополь», «Савой», «Европейская гостиница», «Прага», «Восточная кухня», кафе Торгсина (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами)).

В своем общении студент должен был: а) никогда не начинать говорить о себе, о цели своего приезда в СССР и при возникновения подобных разговоров принять меры к их пресечению; б) на вопросы о целях пребывания в СССР выставлять себя в качестве политэмигранта; в) не называть настоящей фамилии; г) не говорить о характере своей партийной работы как в прошлом, так и в настоящем; д) не касаться своей автобиографии; е) не говорить о том, как и откуда приехал в СССР; ж) не говорить вообще ничего о жизни школы, имеющей секретный характер; з) ничего не говорить и ничего не рассказывать о товарищах по линии их секретной работы; и) всемерно избегать знакомств из внепартийный кругов, особенно быть осторожным с иностранцами; к) не говорить абсолютно никому о фактическом выезде за границу, равно как и о перспективах предстоящего выезда и вообще не упоминать о возможном когда-либо выезде за границу; л) избегать случайных разговоров с посторонними людьми[13].

Особое внимание уделялось почтовой корреспонденции. Письма домой можно было отправлять только в случаях безусловной необходимости. Переписка студентов с заграницей на адрес учебных корпусов и общежитий категорически воспрещалась. В этих целях каждый студент по прибытии в Москву получал специальный условный адрес, по которому и должна направляться корреспонденция. Переписка со странами, в которых компартии находились на нелегальном положении, производилась через другие страны. Поступающая на имя студента корреспонденция и деньги, посылки по условным адресам передавались последним через администрацию.

В архивном документе фиксируется печальный факт, когда студентка немецкого сектора Райзнер Рут по прибытии в Москву из-за отсутствия инструктажа при отправке в секцию, поступив в изолятор в конце августа 1934 г., тотчас же написала в страну письмо родителям, в результате чего отец и мать Райзнер были арестованы гестапо[14].

В КУТВ и КУТК создание семьи было признано нежелательным как путь возможной деконспирации. Кроме того, личные отношения студентов и студенток были под бдительным

[12] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 52, л. 38.
[13] РГАСПИ, ф.495, оп. 30, д. 1040, л. 16.
[14] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 52, л. 22.

наблюдением коллектива, и могли последовать принудительные меры вплоть до исключения и отправки на родину[15].

В КУНМЗ было четкое указание из ИККИ — семьи зарубежников в общежития не принимать, так как при отбытии студента семья могла застрять в общежитии, и это тоже вело к последующему провалу на нелегальной работе[16].

При посещении театров, кино, музеев и др. общественных мест студенты должны были вести себя таким образом, чтобы не привлекать внимание публики: не разговаривать громко на родном языке, не читать иностранной литературы и не заводить знакомства с посторонними лицами, а также возвращаться из города в срок, согласно расписанию[17].

Администрация КУТВ организовывала коллективное единовременное посещение бани во время отсутствия в ней частных лиц, заключая для этого соответствующие договоры[18].

При участии в демонстрациях студенты должны были избегать одеваться в национальные костюмы, внешний вид которых мог бы указать на принадлежность к какой-либо стране.

При нахождении в домах отдыха, санаториях необходимо было обеспечить компактное (группами) размещение студентов, с тем чтобы они имели возможность наблюдать друг за другом, взаимно оберегая интересы конспирации.

Каждый студент должен был серьезно относиться к сохранности вещей, документов, материалов и пр. В случае кражи в общежитиях вещей и документов студентов необходимо было сообщить коменданту, который через управление делами докладывал в Специальный отдел ОГПУ.

Конспирация непосредственно сказывалась и на учебном процессе в учебных заведениях Коминтерна.

В МЛШ при построении учебного плана групп выпускников специально ставились разные сроки окончания учебы, что давало возможность обеспечить отправку студентов отдельными малочисленными группами.

Учебные группы студентов (немецкая, чешская, английская и т. д.) должны были именоваться (ни устно, ни письменно) не по признаку национальности, а по соответствующему условному номеру.

Наименования «военный» и «нелегальный» кабинеты, как и их особые дисциплины: тактика, техника подполья, военное дело — тоже заменялись условными терминами[19].

В 1931 году в КУТВ был введен «Курс по изучению опыта подпольной работы» — что свидетельствовало о том, что с каждым годом мер безопасности становилось все больше. План курса содержал следующие темы: «Провокации и шпионаж» (имелись в виду, конечно, провокации и шпионаж против коммунистов), «Связь в подполье», «Переправка литературы и оружия», «Распространение литературы и листовок», «Организация работы в подпольных типографиях», «Безопасность в общей партийной организации и при выполнении совершенно секретных обязанностей», «Конспиративные квартиры», «Провал», «Поведение на допросе и следствии» и т. д. В рамках этого курса также проводились практические занятия, на которых слушателей обучали сборке печатных машин, приготовлению красок, обслуживанию связи и т. д. [Filatova, 1999, pp. 54–55].

Конспект «Спецкурса» за 1933/34 год включал в себя несколько больших тем, таких как «Личная безопасность подпольщика», «Безопасность в работе ячейки и областного комитета», «Технические приспособления», «Организация массовых собраний и демонстраций». Тема

[15] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 74, л. 12.
[16] РГАСПИ, ф. 529, оп. 1, д. 114, л. 96.
[17] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 138, лл. 60–61.
[18] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 74, л. 8.
[19] РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1040, л. 12.

«Личная безопасность подпольщика» включала в себя несколько лекций: нелегальные паспорта; псевдонимы; квартира подпольщика; поведение на улице и т. д. Тема «Технические приспособления» состояла из лекций о кодах и криптографическом письме, организации печати и транспорта, распространении литературы. В рамках этой темы проводилось 4-часовое практическое занятие. Во время этой «лабораторной работы» студенты расклеивали листовки, рисовали лозунги, развешивали транспаранты и т. д. [Filatova, 1999, p. 54].

Сложности возникали и с использованием учебной литературы. Согласно инструкции КУНМЗ (от 1936 г.) вся иностранная периодика (газеты, журналы, бюллетени и пр.) поступала в распределитель Отдела кадров и только потом передавалась работнику библиотеки для регистрации в библиотечной карточке.

Обнаруженные при просмотре троцкистские статьи, газеты, журналы и др. материалы задерживались распределителем и допускались к использованию на занятиях только по разрешению директора школы. При просмотре данных материалов портреты и карикатуры антисоветского содержания вырезались.

Категорически воспрещались вынос и нахождение иностранной литературы вне личного наблюдения зав. парткабинетом. Хранение иностранной литературы было обязательным в закрывающихся на ключ специальных хранилищах[20].

При отправке студентов МЛШ на практическую работу по предприятиям СССР руководство школы в 1934 г. планировало установить особый порядок, при котором все студенты должны были получать специальные удостоверения, свидетельствующие о том, что они рабочие-иностранцы на заводах № 105, 107 и 109. Заводы были фиктивными, а эти документы означали, что они выданы студентам МЛШ[21].

Помимо этого, очевидно, существовали группы студентов, не нашедшие отражения в официальных документах университетов; например, в КУНМЗ в докладной записке от 1936 г. содержится фраза, что университет имеет опыт подготовки, совершенно конспиративной от сектора, индивидуальным или групповым методом, проводившейся параллельно с официальной учебой[22].

Порядок отправки выпускников на родину

При откомандировании студентов последними сдавались все без исключения документы и материалы, могущие указывать на их пребывание в учебных заведениях СССР[23].

Студенты, предназначенные к откомандированию за границу, с момента исключения из состава школы до момента фактического выезда переводились в специальное конспиративное помещение. Перевод студента из общежития в это помещение производился без всяких видимых внешних признаков через особое уполномоченное на то лицо.

Через это секретное помещение должны были проходить лишь абсолютно политически проверенные сотрудники. Находясь в этом общежитии, студенты до момента фактического выезда должны были прервать всякую связь с внешним миром, особенно с прежней своей средой.

Окончательный расчет предназначенного к отправке студента со школой финансово-материально должен был производиться через специальное лицо в помещении конспиративного

[20] РГАСПИ, ф. 495, оп. 75, д. 2, лл. 40–42.
[21] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 52, л. 10.
[22] РГАСПИ, ф. 495, оп. 75, д. 1, л. 2.
[23] РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1040, л. 18.

общежития. Этот же сотрудник снабжал откомандированного студента соответствующими документами.

Момент отъезда студента должен был остаться официально неразглашенным (в приказах и пр. документах) не менее чем в продолжение 2–3 недель после перевода в конспиративное общежитие. Указание в приказах причин убытия должно было иметь официальный характер (на практическую работу, экскурсию и т. д.).

Даже сам студент до момента его перевода в конспиративное помещение не знал о предстоящей отправке за границу.

Очень характерным является проектный документ об отправке из СССР слушателей МЛШ в 1938 г., составленный в Отделе партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). По согласованию с НКВД (М. П. Фриновский) подлежало отправке 130 человек. Из которых 43 человека, имеющих иностранные паспорта, должны были отправить в соответствующие страны, 87 человек, не имеющих национальных паспортов, предполагалось переправить через Испанию или Китай по соответствующим документам в срок не позднее 15 апреля. Фактически прибывшие легально так же и отправлялись с паспортами на родину, а прибывшие нелегально выводились через охваченные гражданской войной и интервенцией территории Испании или Китая[24].

Одной из проблем при отправке выпускников, которая доставляла немало головной боли руководству КУТВ, было обмундирование. Советский ширпотреб являлся ярким маркером при возвращении на родину. Поэтому каждая отправка человека в страну пребывания представляла большую сложность с беготней по всем коммерческим и комиссионным магазинам, где, затратив большие суммы, все равно трудно было достать одежду нужного качества[25].

Такие же затруднения испытывали и в КУНМЗ при приобретении необходимых вещей для обмундирования студентов, отправляемых на зарубежную работу, которых в интересах конспирации необходимо было одевать лучше (цвет материи, индивидуальный пошив, вещи без клейма и т. д.), чем в СССР (Ф. 529, оп. 1, д. 114, л. 183).

Заключение. Результаты соблюдения конспирации

Сухие канцелярские строчки официальных документов могут создать впечатление о том, что студенты рассматриваемых университетов только и следовали указаниям Коминтерна в деле конспирации. Тем не менее простая повседневная жизнь вносила свои коррективы в соблюдение жестких директив руководства.

Правила секретности могли быть очень строгими, но, как и в случае с вступительными требованиями, они были нереальными и поэтому постоянно нарушались. Чтобы соблюдать все пункты конспирации, студентам пришлось бы оставаться на занятиях днем и ночью, но этого нельзя было сделать хотя бы из простых практических соображений. К примеру, КУТВ и студенческие общежития находились в очень многолюдных местах на Тверском бульваре, в центре Москвы.

Студенты, как правило, были молоды (как, впрочем, и все коммунистическое движение того времени) и приезжали на долгие месяцы, а иногда и на годы. Запереть их было невозможно — им нужны были прогулки и физические упражнения, развлечения и женская компания (женщин среди студентов было очень мало). Это понимало даже руководство университета. Были организованы развлечения в виде экскурсий по музеям, заводам и другим интересным местам, а также посещения

[24] РГАСПИ, ф. 495, оп. 75, д. 2, л. 57.
[25] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 150, л. 27.

театров. Но стипендии были небольшими, чтобы не давать поблажек, а двери общежитий закрывались рано, чтобы уменьшить соблазн.

Однако не всех устраивали такие условия. Некоторые студенты пили, посещали рестораны, участвовали в пьяных драках, умудрялись протаскивать в общежития женщин и других «подозрительных личностей (мужского пола)» — иными словами, «раскрывали всю работу КУТВ своим возмутительным поведением», как выразился один из сотрудников КУТВ. Конечно, по мере приближения к концу 1930-х годов такие случаи становятся все более редкими [Filatova, 1999, p. 50].

С 1936 г. по решению секретариата ИККИ корпуса МЛШ находились в «Нагорном», месте малонаселенном, где группы людей, плохо владеющих русским языком, вызывали подозрения у правоохранительных органов[26].

«Это была изоляция, которую еще более усилил переезд МЛШ в феврале 1936 г. В три огромных здания на юго-западной окраине громадного города. Всякое нарушение установленных правил считалось нарушением конспирации. Ночевка вне школы и даже поддержание связи с семьей нередко становились поводом для критики на заседаниях и комиссиях по чистке. Один из студентов, например, вынужден был оправдываться в том, что без разрешения встречался вне школы с некоей женщиной. А учащийся Вилькинг признался на комиссии по чистке, что нарушил «конспирацию», послав матери почтовую открытку» [Штудер, Унфрид, 2011, с. 165].

Студенты МЛШ зачастую находились в СССР нелегально без паспортов и видов на жительство, т. е. государственных документов, а школьные удостоверения не могли заменить официальных государственных документов, что, конечно, при их задержании вызывало большие недоразумения с органами надзора или местных властей вообще[27].

Были и трудно разрешимые материальные проблемы, учащиеся зачастую снабжались одинаковыми костюмами, что облегчало распознавание студентов-иностранцев среди населения (по одноцветным костюмам, пальто, шапкам и пр.).

В КУТВ и КУТК еще в 1929 г. поднимали вопрос о снабжении студентов обмундированием, соответствующим требованиям конспирации. Пытались добиться обеспечения разнообразными тканями, особенно по цвету и фасону. Считать недопустимым штемпелевание носимых вещей (одежда, белье) символами университетов.

Судя по статье «Учись конспирации» из стенгазеты, студенты КУТК проявляли беззаботность, которая переходила все границы. Учащиеся друг друга знали и называли настоящими фамилиями, а не по русским псевдонимам. Выпускники задолго до отъезда болтали повсюду о том, что они едут, вместо обязательного требования — скрывать, кто и каким путем едет в Китай.

Помимо этого студенты получали письма из Китая по почте на адрес Университета и отвечали тоже по почте, благодаря чему китайская полиция могла выследить всю картину движения и места работы Китайской коммунистической партии.

Стенгазета завершалась лозунгом, что «Надо добиваться того, чтобы каждый студент хорошо понял, что несоблюдение правил конспирации — это прямое преступление, непосредственная помощь китайской контрреволюции в ее борьбе с Китайской коммунистической партией» [Юэ, 2009, с. 109].

Но жизнь продолжалась, в отчете о состоянии конспирации на секторе «А» КУТВ есть пронзительные строки: «Надо отметить, что наступление лета внесло в среду студенчества большую тягу за пределы школы — в парки, сады, за город и т. д. Это обстоятельство расширяет поле бесконтрольности студента и, как вследствие всего этого, мы имеем некоторые тенденции к нарушению

[26] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 52, л. 43.
[27] РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 138, лл. 60–61.

конспирации среди студенчества: поздний приход; стремление знакомства с женщинами, стремление к фотографированию и т.д.[28]».

Литература / References

Линдер И. Б., Чуркин С. А. *Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943.* М.: РИПОЛ классик, 2005 [Linder I. B., Churkin C. A. *The Red Web: The Secrets of Comintern Intelligence 1919–1943*. Moscow: RIPOL Classic, 2005 (in Russian)].

Тертицкий К. М., Белогурова А. Э. *Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы.* М.: Восток–Запад, 2005 [Tertickiy K. M., Belogurova A. E. *The Taiwanese Communist Movement and the Comintern (1924–1932). A Study. Documents.* Moscow: Vostok–Zapad, 2005 (in Russian)].

Фирсов Ф. *Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление.* М.: АИРО-XXI, 2019 [Firsov F. *Comintern: Chasing a Ghost. A Reinterpretation.* Moscow: AIRO-XXI, 2019 (in Russian)].

Штудер Бригитта, Унфрид Бертольд. *Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг.* / [пер. с нем. И. А. Золотарева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011 [Studer Brigitte, Unfried Berthold. *Stalin's Party Cadres. Identity Practices and Discourses in the Soviet Union of the 1930s.* Moscow: Rossiyskay politicheskay enciklopedia (ROSSPEN), 2011 (in Russian)].

Юэ Шэн. *Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция: воспоминания.* Пер. с англ., комментарии, предисловие и послесловие Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН, 2009 [Yueh Sheng. *Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese revolution: a personal account.* Moscow: IVRAN, 2009 (in Russian)].

Campbell A. et al. The international Lenin school: a response to Cohen and Morgan. *Twentieth Century British History*. 2004. Vol. 15. No. 1. Pp. 51–76.

Filatova Irina. Indoctrination or Scholarship? Education of Africans at the Communist University of the Toilers of the East in the Soviet Union, 1923–1937. *Paedagogica Historica: International Journal of the History of Education.* 1999. Vol. 35. No 1. Pp. 41–66.

McLoughlin B. Proletarian Academics or Party Functionaries? Irish Communists at the International Lenin School, Moscow, 1927–1937. *Saothar.* 1997. Vol. 22. Pp. 63–79.

Ravandi-Fadai L. «Red Mecca» — The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920s and 1930s. *Iranian Studies.* 2015. No. 48(5). Pp. 713–727.

Woodford McClellan. Africans and Black Americans in the Comintern Schools, 1925–1934. *The International Journal of African Historical Studies.* 1993. Vol. 26. No. 2. Pp. 371–390.

[28] РГАСПИ, ф. 532, оп. 1, д. 150, л. 83.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-119-130

РЕПАТРИАЦИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ, 1946–1948

© 2026

Н. И. Матвеева[1]

В статье рассматривается процесс репатриации японских граждан — военнопленных и гражданских, включая инженеров и технических специалистов в промышленности и членов их семей — из северной части Корейского полуострова. Поскольку север Кореи после капитуляции Японии и завершения Второй мировой войны стал советской зоной ответственности, вопросами репатриации занималась Советская армия и командование Приморского военного округа. Исследования репатриации японцев после Второй мировой войны преимущественно фокусируются на военнопленных и интернированных на территории Советского Союза, тогда как репатриации с Корейского полуострова и особенно с его северной части уделяется крайне мало внимания. Поэтому целью данной статьи является восполнение этого пробела и рассмотрение общей политики и конкретных мер, которые принимались советской стороной для репатриации японских граждан с территории Северной Кореи в 1946–1948 гг. Материалы 25-й армии и Приморского военного округа из фондов архивов, в том числе ГАРФ и ЦАМО, позволяют выделить, рассмотреть и сравнить политику по репатриации военнопленных и гражданских лиц. В статье также проводятся параллели с южной Кореей и политикой американской администрации там.

Ключевые слова: Северная Корея, 25-я армия, репатриация, Япония, военнопленные, 1940-е гг.

Для цитирования: Матвеева Н. И. Репатриация японских военнопленных и гражданских лиц с территории Северной Кореи (1946–1948). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 119–130. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-119-130

REPATRIATION OF THE JAPANESE PRISONERS OF WAR AND CIVILIANS FROM NORTHERN KOREA, 1946–1948

Natalia I. Matveeva

The article explores the process of repatriation of Japanese prisoners of war and civilians, including qualified industrial engineers and technical specialists, and their families from Northern Korea. Since the northern part of the Korean peninsula fell into the Soviet sphere of influence after the end of WWII, the Soviet Army command was responsible for repatriation there. However, the majority of scholarly studies dealing with repatriation of the Japanese after WWII look at the repatriation of POWs from Soviet territories, while the repatriation from Korea and specifically northern Korea has so far attracted very little attention. This article aims to fill in this gap

[1] Матвеева Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; natalia.matveyeva@yandex.ru

Natalia I. Matveeva, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; natalia.matveyeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5116-7498

and, basing on the materials from the State Archive of the Russian Federation, Central Archive of the Ministry of Defense, and others, explore in detail the general policy and the concrete measures of the Soviet Army for the repatriation of the Japanese from northern Korea in 1945–1948. It distinguishes and compares the approaches to the repatriation of the POWs and the skilled civilian engineers who had been before the war working at key industries. The article also provides a brief comparison with southern Korea and the policies of the American administration there with regards to former Japanese bureaucrats and administrative workers.

Keywords: North Korea, Japan, POWs, repatriation, Soviet 25th Army, post-WWII

For citation: Matveeva N. I. Repatriation of the Japanese Prisoners of War and Civilians from Northern Korea (1946–1948). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 119–130. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-119-130

После капитуляции Квантунской армии Японской империи 15 августа 1945 г. и окончания Второй мировой войны Корейский полуостров, который с 1910 г. являлся японской колонией, был освобожден из-под власти японского генерал-губернаторства и разделен на две зоны оккупации: американскую в южной части и советскую в северной.

На протяжении 35 лет колониального периода Япония рассматривала Корейский полуостров как ресурсную базу и плацдарм для дальнейшей экспансии на континент. К 1940-м гг. в японской собственности находилось более 40% земли, лесных и водных ресурсов Кореи, и более 80% крупнейших хозяйств в стране принадлежали японским экспатам. Аналогичная ситуация была и в промышленности, где от 80 до 100% предприятий в ключевых отраслях, таких как машиностроение и химическая промышленность, принадлежали японскому капиталу [Торкунов, 2008]. Правда, число собственно переселенцев из Японии на Корейском полуострове было относительно невелико — к 1940-м гг. они составляли всего порядка 3% населения Кореи [Kimura, 1995]. Тем не менее, когда в 1945 г. советские войска заняли север Корейского полуострова, они столкнулись с необходимостью решать судьбу не только военнопленных, но и находившихся на территории Кореи гражданских лиц побежденной Японии.

Тут, правда, следует отметить, что часть японских граждан уехала на родину, не дожидаясь прихода советских войск, а большая часть, в основном связанная с сельскохозяйственной сферой, после раздела оказалась в Маньчжурии[2] или в американской сфере ответственности на юге полуострова. Поэтому из порядка 650 тысяч японцев, проживавших в Корее и Маньчжурии к началу Второй мировой войны, к осени 1945 г., согласно данным 25-й армии, в северной части Корейского полуострова оставались и подлежали репатриации в Японию 29 078 человек[3]. Среди них были как военнопленные, так и гражданские лица с семьями. При этом большинство последних составляли не просто крестьяне или низкоквалифицированные рабочие, а богатые и зажиточные землевладельцы, квалифицированные специалисты в промышленности, чиновники, управленцы.

В исследованиях репатриации японских граждан после окончания Второй мировой войны значительное внимание уделяется репатриации японских военнопленных с территории СССР и с территорий, приобретенных СССР по итогам войны — в частности, с Сахалина и Курильских островов [Ким, 2009; Маркдорф, 2012; Гаврилов, Катасонова, 2013; Серебренников, 2021]. Гораздо меньше исследований рассматривают судьбы японцев (преимущественно военнопленных), оказавшихся после капитуляции на ранее подконтрольных Японии территориях в Азии (к примеру,

[2] Их репатриацией занималось командование советской 39-й армии, однако поскольку этот вопрос не является предметом данного исследования, он не будет здесь детально рассмотрен.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9526, оп. 6, д. 404, л. 77.

[Kowner, 2020]) и, в частности, в Маньчжурии и в бывшей японской колонии Корее. В последнем случае в фокусе в основном оказывается южная часть Корейского полуострова, находившаяся под американским контролем, как в работах Марка Каприо [Caprio, 2009; Caprio, 2023a; Caprio, 2023b] и других зарубежных историков [Kahm, 2016]. Куда меньше внимания уделяется вопросу репатриации японских граждан с территории северной Кореи (к примеру, [Кузнецов, 2004]). Поэтому целью данной статьи является рассмотрение процесса репатриации и политики советского руководства и военного командования по отношению к репатриации японцев с севера Корейского полуострова в период, пока эти вопросы находились в ведении советской стороны, — с 1946 по 1948 г. В 1948 г. репатриация была практически завершена и оставшиеся вопросы были переданы под контроль вновь сформированного правительства КНДР. Отдельное внимание будет уделено репатриации квалифицированных японских технических специалистов и политике советского руководства в отношении их.

Подготовка к репатриации

Вопрос о репатриации японских граждан с территории Советского Союза и с территорий, подконтрольных СССР, включая север Корейского полуострова и Маньчжурию, был согласован между советским правительством и представителями союзных держав в октябре 1946 г. В соответствии с Соглашением по вопросу репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР и территорий, находящихся под контролем Союза Советских Социалистических Республик, в Японию, а также корейских граждан из Японии в Корею севернее 38° северной широты, военнопленные подлежали репатриации в обязательном порядке, а гражданские лица — на добровольных началах[4]. Как будет рассмотрено далее, второе условие было поставлено неслучайно и сыграло роль в процессе репатриации.

В северной части Кореи для осуществления репатриации были определены два порта: Канко (совр. Хамхын) и Гензан (совр. Вонсан) на северо-востоке, на побережье Японского моря, и намечены два этапа: ноябрь 1946 г. и с апреля 1947 г. и далее[5], поскольку в период с декабря по март из-за погодных условий морское судоходство было затруднено. Отправка должна была проводиться на американских кораблях.

Изначально намеченные темпы репатриации предполагали отправку до 15–20 тысяч человек в месяц через порты северной Кореи, то есть все 29 078 японских граждан, находившихся в советской зоне оккупации, должны были быть высланы в течение двух месяцев. Однако из-за ряда обстоятельств, таких как погодные условия, логистические сложности и политика советского руководства по вопросу порядка и приоритетов репатриации, процесс занял значительно больше времени.

Совет Министров СССР возложил ответственность за репатриацию японских граждан с территории Северной Кореи на военный совет 25-й армии. По установленному им порядку репатриации в первую очередь отправке подлежали «японские безработные и беженцы», а также семьи военнослужащих[6]. По всей вероятности, такое решение было продиктовано желанием снизить уровень социальной напряженности, а также нагрузку на ресурсы 25-й армии, занимавшейся снабжением и размещением репатриантов до их отправки.

Вслед за этими категориями репатриации подлежали квалифицированные гражданские рабочие и служащие (по их желанию) и военнопленные. Что касается последних, то по идеологическим

[4] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 306, л. 3.
[5] Там же. Л. 199.
[6] Там же. Л. 234.

и политическим соображениям в первую очередь следовало отправить «абсолютно здоровых» военнопленных, которые должны были быть снабжены надлежащей зимней одеждой и другими необходимыми вещами. Советское руководство опасалось, что Америка и Япония будут искать поводы для «разжигания антисоветской клеветы», поэтому авангардный эшелон в особенности должен был прибыть в образцовом порядке, «чтобы ни к чему не могли придраться»[7], а военнопленных, «требующих лечения и восстановления здоровья», следовало отправлять в последнюю очередь[8].

Кроме того, приказ Совета Министров военному совету 25-й армии предписывал задерживать отправку «квалифицированных рабочих и служащих, работающих на предприятиях, обслуживающих нужды Советской Армии», и репатриировать их тогда же, когда и больных военнопленных, или позже — под самый конец репатриации[9]. Однако здесь причины, как видно из текста приказа, были не политические, а экономические.

Политика по репатриации гражданских специалистов

Вообще японские граждане были достаточно широко задействованы в экономической деятельности в Советском Союзе [Маркдорф, 2012; Гаврилов, Катасонова, 2013], и не всегда по собственному желанию. На советских территориях на Дальнем Востоке, в Приморье и Сибири и даже в Средней Азии интернированные японские военнопленные были привлечены к труду на лесозаготовках, различных предприятиях и фабриках. Так, к примеру, по плану на 1946 г. в Восточно-Сибирском, Забайкальско-Амурском и Приморском военных округах СССР на заготовках топлива были заняты более 6000 пленных японцев, которые подлежали закреплению за этими военными округами также и на 1947–1948 гг.[10] О значимости японцев как рабочей силы для народного хозяйства свидетельствует, к примеру, то, что в том же 1946 г. заместитель уполномоченного Совета Министров по делам репатриации генерал-лейтенант К. Д. Голубев просил максимально отсрочить отправку в транзитные лагеря и на родину японских военнопленных, занятых на монтаже Ташкентской бумажной фабрики, «чтобы не срывать выполнение госплана Министерством целлюлозной и бумажной промышленности СССР»[11].

Если в Сибири, Приморье, в Средней Азии — на исконных советских территориях — в основном задействовался труд интернированных японских военнопленных, то на бывших территориях Японской империи — Южном Сахалине, Курильских островах — к работе широко привлекались и гражданские лица, проживавшие там. Причем в условиях практически отсутствия русского населения на этих территориях советские специалисты заменили японских только на руководящих должностях, в качестве директоров предприятий, их заместителей и начальников основных отделов. Японцы же составляли до 90% рабочих на предприятиях, фабриках, в рыболовной промышленности. Их репатриация в рамках установленных приказом Совета Министров сроков и норм вызвала бы перебои в работе и даже остановку предприятий на 1–2 года. Поэтому ответственные за репатриацию на местах просили о максимально возможной отсрочке отправки японских граждан на родину — как минимум до конца 1948 г.[12]

В Северной Корее ситуация была несколько иной. Там основную массу работников в промышленности составляли корейцы, в том числе и на предприятиях, обслуживавших нужды

[7] Там же. Л. 201.
[8] Там же. Л. 234.
[9] Там же.
[10] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 306, л. 219.
[11] Там же. Л. 157.
[12] Там же. Л. 216.

Советской армии. Однако квалифицированные рабочие, высокообразованные специалисты, инженерно-технические кадры в большинстве своем были японцами. Так, к примеру, на угольных шахтах северной части Корейского полуострова до войны было 166 инженеров-японцев и только 26 — корейцев. Советское армейское командование отмечало, что когда в августе-сентябре местные рабочие комитеты арестовали японских инженеров и техников и поместили их под стражу или направили чернорабочими в шахты, фактически предприятия остались «без технического руководства» и производительность резко упала[13]. В краткие сроки подготовить квалифицированных специалистов из числа корейцев на замену японцев, равно как и прислать достаточное количество таких рабочих из Советского Союза, в послевоенных условиях не представлялось возможным. И поэтому и в Северной Корее также было принято решение по возможности задерживать репатриацию квалифицированных рабочих и служащих (вернув их служебные обязанности, но не должности), а в первую очередь отправлять военнопленных и тех гражданских, которые не требовались для обеспечения стабильного функционирования северокорейской промышленности.

Ход репатриации

В рамках плана по репатриации в портах Гензан и Канко, намеченных для отправки, были сформированы специальные транзитные лагеря для репатриируемых, где они ожидали отправки на родину. Ввиду холодного времени года «большинство зданий имели паровое отопление, частично — электрическое»[14]. Обеспечением порядка и функционирования лагерей занимались военнослужащие 25-й армии.

Репатриируемым с территории Северной Кореи военнопленным в лагерях предоставлялось материальное обеспечение и питание по норме 3, установленной приказом НКО-312–1941 г.: два раза в день выдавались горячая еда и горячий чай. Нормы выдачи продовольствия репатриантам в целом соответствовали тем, что были установлены для советских рабочих и служащих, и были выше, чем для неработающих советских граждан. Так, в транзитных лагерях в месяц на человека выделялось по 19,5 кг хлеба, 2 кг мяса, 3,9 кг пшеничной муки, крупы и макаронных изделий, 3,6 кг рыбы. В пересчете на дни это составляло примерно по 650 г хлеба, 67 г мяса, 130 г мучных изделий и круп и 120 г рыбы на человека в день. Кроме этих основных продуктов в меню включались также сахар, растительное масло, овощи, комбижир[15]. В транзитных лагерях на территории Северной Кореи были созданы неснижаемые двухмесячные запасы продовольствия и, если верить докладам 25-й армии, в период проведения репатриации серьезных проблем со снабжением продовольствием не возникало[16]. Хотя некоторые японские репатрианты затем в мемуарах отмечали скудость выдаваемых пайков (что в принципе неудивительно в послевоенное время), про голод или откровенную нехватку продовольствия они не говорили и вспоминали, что из транзитных лагерей при необходимости было относительно легко выбраться в город за едой[17]. Приготовлением пищи занимались сами японцы под контролем советских врачей и служащих транзитных лагерей.

[13] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 379, оп. 11038, д. 24, л. 10.
[14] ГА РФ Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 395.
[15] ГА РФ Ф. Р-9526, оп. 6, д. 306, л. 226–227. О нормах выдачи хлеба по карточкам в Советском Союзе в 1946 г. см., к примеру, [Болдовский, 2013].
[16] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 395.
[17] См. к примеру [Caprio, 2009, p. 128]. В соответствии с теми же воспоминаниями еду можно было купить на припрятанные деньги, выменять у местных на личные вещи или получить в качестве оплаты за выполнение различных поручений в течение дня.

Помимо питания в транзитных лагерях распоряжение Совета Министров СССР предписывало также при необходимости обеспечить репатриируемых военнопленных «пригодным к носке» обмундированием, обувью и нательным бельем. Отдельным пунктом шел табак из расчета по 300 г на человека в месяц.

Однако все эти вопросы снабжения затрагивали только японских военнопленных. На репатриируемых гражданских обеспечение, предоставляемое силами Советской армии, распространялось только «как исключение в случаях особой нуждаемости». Предполагалось, что «гражданское японское население в период его пребывания в армейском транзитном лагере должно питаться собственными запасами продовольствия», в лагерях им предоставляли только кипяток[18].

По соглашению, заключенному Советским Союзом с американской стороной в декабре 1946 г., репатриируемым японским гражданам разрешалось брать с собой только ограниченное количество денег и личных вещей. Для солдат сумма была установлена в размере 200 иен на человека, для офицеров — 500 иен. Гражданское население могло вывезти с собой до 1000 иен. При приеме в лагерь все деньги конфисковывались и выдавались в установленном размере уже перед посадкой на пароход[19].

При посадке на корабли производился также таможенный досмотр всех вещей репатриируемых в соответствии с таможенными правилами СССР. Все изъятое таможенной комиссией заносилось в акты, после чего по актам валюта и драгоценности сдавались в Госбанк[20], а вещевое имущество отправлялось в армейские склады[21]. Всего за время репатриации, по докладам 25-й армии, у репатриантов было изъято 1 500 507 корейских иен[22], 161 938 японских иен, 137 238 маньчжурских юаней, 6 401 029 военных юаней[23], 508 советских рублей и облигаций советского четвертого государственного военного займа на сумму 100 рублей. Встречались и более «экзотические» валюты: монгольские тугрики, китайские доллары, немецкие марки, американские доллары, австрийские шиллинги и даже венгерские пенгё[24]. Все они пересчитывались по текущему курсу в японские иены и возвращались только в рамках установленных норм. Правда, порой с этим возникали трудности, потому что у сотрудников транзитного лагеря не всегда имелись наличные иены в достаточном количестве[25].

Репатриация в целом оказалась достаточно затратным процессом для советской стороны, особенно в послевоенных условиях. Расходы 25-й армии на выплаты работникам двух транзитных лагерей в портах Гензан и Канко, на транспортировку людей и грузов по железной дороге и на снабжение и обеспечение функционирования лагерей составили более 18 с половиной миллионов рублей[26]. Сюда входило не только обеспечение репатриантов питанием и вещевым имуществом (хотя они были самыми весомыми статьями расходов), но также и «культурно-просветительские расходы».

[18] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 306, л. 234.

[19] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 395.

[20] В октябре 1945 г. Совнарком СССР передал Наркомвнешторгу СССР право использовать имеющиеся в распоряжении Госбанка трофейные юани, корейские и японские иены и другую конфискованную валюту для приобретения «недвижимого имущества и товаров за границей». ГА РФ. Ф. 5446, оп. 74а, д. 3094, л. 5. Изъятые у репатриантов деньги также направлялись на эти цели.

[21] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 398.

[22] В колониальный период (1910–1945) денежной единицей на Корейском полуострове были эквивалентные японской иене корейские иены, выпускавшиеся Тёсэн-банком (Банком Кореи).

[23] Военными юанями назывались юани Командования Красной армии — денежные знаки, выпускавшиеся в 1945–1946 гг. советским военным командованием в Северо-Восточном Китае.

[24] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 398.

[25] Там же. Л. 290.

[26] Если точно, то затраты составили 18 654 760 рублей 70 копеек. Всего же на организацию репатриации японских граждан из Северной Кореи и с Ляодунского полуострова было затрачено 28 178 434 рубля 17 копеек. Там же. Л. 402.

Как уже отмечалось выше, при планировании процесса репатриации для советского руководства соображения идеологии, пропаганды и создания благоприятного впечатления о Советском Союзе среди союзников и недавних противников играли немаловажную роль, и они нередко оказывались весомее чисто прагматических соображений экономической выгоды и целесообразности. Набиравшая обороты холодная война не ограничивалась только лишь сферами политики или экономики, и расширение и укрепление своего влияния в мире различными средствами, в том числе через образование и культуру, было важно и для Советского Союза, и для США[27]. В этих условиях возвращавшиеся на родину японские военнопленные могли стать «агентами влияния» для продвижения советской идеологии и позиции в Японии. Поэтому в транзитных лагерях среди японских военнопленных и гражданских лиц в соответствии с директивой № 7 Главного политического управления Вооруженных Сил СССР велась активная политико-воспитательная работа. Ее основной задачей было обеспечить, чтобы «репатриируемые по возвращении в Японию сыграли положительную роль в деле укрепления симпатии японского народа к Советскому Союзу, а также в демократическом движении в Японии»[28].

Для этой цели в лагерях проводились многочисленные мероприятия. С декабря 1946 г. по апрель 1947 г. — то есть за основной период репатриации — в двух транзитных лагерях в Северной Корее силами 25-й армии было организовано 724 лекции, доклада и беседы с репатриантами, 84 митинга, 58 показов советских кинофильмов, 88 концертов и других мероприятий. Также среди японцев распространялись газеты и пропагандистские брошюры на японском языке, к примеру, разъяснявшие позицию, положение и требования коммунистической партии Японии или освещавшие крестьянский вопрос в Японии с марксистско-ленинских позиций. Всего, по документам 25-й армии, было роздано более 120 тысяч экземпляров печатной продукции — то есть по несколько на каждого репатрианта[29].

Армейское командование докладывало об успехах культурно-просветительских мероприятий. Этому способствовали и получаемые репатриантами от родственников из Японии сообщения о тяжелом экономическом положении там и о высоком уровне безработицы. Подобные сообщения активно передавались и распространялись советскими работниками транзитных лагерей, чтобы «внедрить в сознание японских солдат необходимость с их стороны активной и решительной борьбы за демократическое переустройство Японии»[30].

Среди военнопленных, согласно докладам, солдаты и унтер-офицеры были наиболее восприимчивы к воспитательно-пропагандистской работе и настроены наиболее «демократично». Старшие офицеры держались «сдержанно», хотя часть была настроена «сочувственно к настроениям солдатской массы». Отдел по делам репатриации Приморского военного округа докладывал лишь о единичных случаях, когда «со стороны отдельных офицеров имели место угрозы демократам, призывы к симуляции и невыполнению норм на работах». В основной массе же, как отмечалось, репатриируемые японцы выражали благодарность советскому правительству и армии за «заботу, хорошее отношение, хорошее питание» и «исключительную гуманность», которые советское правительство проявляло к ним, несмотря на то, что еще не был заключен мирный договор и не были восстановлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Японией. Репатрианты, по сообщениям, оставляли тысячи благодарственных писем, в которых также называли Советский

[27] Этот аспект советско-американского противостояния называют «культурной холодной войной» (cultural Cold War). См., к примеру [Бетмакаев, 2010; Saunders, 2013].
[28] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 396.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 397.

Союз и его правительство «верными и последовательными борцами за установление мира между народами во всем мире»[31].

Начальник отдела по делам репатриации Приморского военного округа генерал-майор Фомин также докладывал, что репатриация из Северной Кореи и с Квантунского полуострова в целом проходила гладко, и за весь период не было получено жалоб ни со стороны репатриантов на процедуру или условия содержания[32], ни со стороны американского командования или японцев — капитанов пароходов.

Репатриация с территории Северной Кореи была объявлена завершенной в мае 1947 г., к тому времени всего было репатриировано 27 875 человек. Из них большую часть составляли военнопленные — 22 403 человека, в том числе 20 385 солдат и 2 018 унтер-офицеров и офицеров. Среди 5472 человек гражданского населения были как мужчины (2 400 человек), так и женщины с детьми, в том числе члены семей военнопленных[33]. Основная часть была вывезена еще в декабре 1946 г., до закрытия навигации. В первой половине 1947 г. из портов Гензан и Канко было отправлено только 5 061 человек[34].

Здесь можно заметить расхождение между общим количеством японцев, остававшихся в Северной Корее, в соответствии со сведениями армейского командования (29 078 человек), и тем количеством репатриированных, о котором отчитался в мае 1947 г. отдел по делам репатриации: отправлено в Японию было на 1 203 человека меньше, чем номинально подлежало репатриации. Из них 170 человек от репатриации в Японию отказались вовсе и изъявили желание остаться на территории Кореи: это были японки, состоявшие в браке с корейцами или китайцами и не желавшие покидать свои семьи. Советские власти и северокорейская сторона согласились удовлетворить их просьбы.

Поскольку военнопленные подлежали репатриации в первую очередь, практически все оставшиеся были гражданскими лицами. Командование Приморского военного округа докладывало, что только пятеро военнопленных пожелали остаться на работу в промышленности Северной Кореи. Так как они обладали соответствующими знаниями и квалификациями, это было позволено[35]. Остальные же остававшиеся в Северной Корее японцы были техническими специалистами и инженерами, задействованными на промышленных предприятиях, обеспечивавших нужды Северной Кореи и Советской армии, и членами их семей. По утверждениям армейского командования, ответственного за репатриацию, все эти специалисты вместе с семьями добровольно остались на работы в Корее и заключили временные контракты на два или три года, с тем чтобы по истечении контрактов вернуться на родину.

Здесь следует отметить, что в отличие от тяжелых условий жизни и труда интернированных японских военнопленных, занятых на тяжелых и трудоемких производствах на территориях СССР[36],

[31] Там же. Л. 396. Правда, здесь следует отметить, что современные исследования опыта японских репатриантов рисуют несколько иную картину, чем та, что представлялась советским армейским командованием. В них на основании воспоминаний репатриантов отмечается, что большинство японцев на самом деле не были просоветски настроены и не испытывали особо теплых чувств к Советскому Союзу, но не хотели антагонизировать представителей Советской армии и сотрудников лагерей. Поэтому вероятно, что «демократические» настроения, отмечавшиеся службами транзитных лагерей, как минимум не были до конца искренними. См., к примеру [Barshay, 2013; Park, 2020].

[32] Хотя справедливости ради стоит отметить, что и здесь также причиной может быть не только отличная организация процесса репатриации, но и нежелание японцев привлекать внимание и вызывать недовольство советского командования, а также культурные особенности. См. сноску выше.

[33] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 394.

[34] ГА РФ Ф. 9526, оп. 6, д. 404, л. 248.

[35] ГА РФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 403, л. 129.

[36] Исследователи отмечают нехватку одежды и инвентаря, переполненные бараки в лагерях, несоблюдение техники безопасности и санитарно-гигиенических норм, недостаточное время на отдых, низкую оплату труда и другие моменты. См., к примеру [Ким, 2016].

высококвалифицированным специалистам на территории Северной Кореи было предоставлено гораздо больше комфорта и свободы. Они жили не на территории лагерей, а вместе с семьями в городах, обладали определенной свободой перемещения, имели свою собственную общественную организацию — Общество японских специалистов в Северной Корее, которая выступала посредником и представляла их интересы перед советским командованием. Японские специалисты получали зарплату выше, чем корейские работники тех же предприятий, им также были возвращены конфискованные у них изначально в транзитных лагерях наличные деньги, ценности и вещи[37]. Исходя из всего этого и учитывая тяжелое экономическое положение в послевоенной Японии и высокий уровень безработицы там (о чем регулярно говорили и в транзитных лагерях в рамках пропагандистской работы), представляется вероятным, что по крайней мере часть инженеров и технических специалистов действительно оставалась на работы в Северной Корее по собственному желанию.

Они работали на тех же предприятиях, где и до капитуляции Японии — в металлургической, горнодобывающей, химической промышленности. Разумеется, они больше не занимали руководящие должности: во главе предприятий были поставлены корейские инженеры, японцы же выступали в качестве консультантов и выполняли работу, требовавшую квалификаций и технических знаний, которыми не обладали корейцы. Сюда входил ремонт наиболее сложного промышленного оборудования — доменных и коксовых печей, химических цехов.

К слову, в южной части Корейского полуострова американская администрация столкнулась с аналогичной проблемой: в колониальный период во всей Корее ключевые бюрократические и административные посты занимали японцы, на них же держалась полицейская система. Хотя в южной части после раздела оказалось куда меньше промышленных предприятий, чем в северной, из-за того что столица страны — Сеул — попала в зону американской ответственности, там же осталась и значительная часть колониального бюрократического аппарата. Но американцы изначально сохранили японцев на многих административных должностях, в том числе и в полиции, что вызывало недовольство и даже протесты корейского населения[38]. Советская же администрация стремилась заручиться широкой поддержкой корейского населения и потому сразу отстранила японцев от руководящих позиций, оставив им консультационные функции там, где без этого было не обойтись.

Для осуществления контроля за работой японцев и обучения корейских кадров по запросам Советской гражданской администрации[39] из Советского Союза направлялись технические специалисты соответствующего профиля[40], которых назначали на должности главных инженеров[41]. Первая такая группа из 15 человек была направлена в сентябре 1945 г. Затем еще неоднократно в 1945–1946 гг. направлялись дополнительные специалисты, так что к 1947 г. советские инженеры содействовали восстановлению работы 228 ключевых производств и почти 600 более мелких предприятий[42].

Кроме того, советские специалисты также помогали отбирать и готовить квалифицированных специалистов и руководящих работников из числа корейцев. Были организованы специальные школы и училища, в которых к 1948 г. прошли обучение почти 45 тысяч корейских рабочих

[37] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 402, л. 179–185.
[38] См. [Caprio, 2022].
[39] Советская гражданская администрация (СГА) была создана 24 августа 1945 г. для управления освобожденными от японцев территориями Северной Кореи и функционировала до 9 сентября 1948 г., когда была провозглашена КНДР.
[40] См. к примеру, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558, оп. 11, д. 346, л. 0004–0006.
[41] К примеру, ЦАМО. Ф. 379, оп. 11038, д. 24, л. 12.
[42] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0480, оп. 4, п. 14, д. 47, л. 8–9.

и инженеров. Еще 300 управляющих предприятиями и руководящих работников из числа корейцев обучались на 3- и 6-месячных курсах. И хотя, как отмечал член Военного совета Приморского военного округа Т. Ф. Штыков, де-факто руководивший советской политикой по отношению к Северной Корее при СГА, этого все еще было недостаточно и кадровый дефицит сохранялся[43], все же к 1948 г. потребность в знаниях и опыте японских техников была уже не столь острой, их было кем заменить. К тому же продолжавшееся пребывание японцев в Корее не нравилось корейской стороне.

Советская гражданская администрация готовилась к передаче всей полноты власти северокорейскому правительству, когда оно будет сформировано, в том числе и в том, что касалось управления промышленностью. Поэтому часть японских технических специалистов с семьями — 486 человек — была репатриирована по истечении заключенных контрактов в октябре 1947 г. через порт Гензан, затем в ноябре через порт Канко — еще чуть больше 500 человек[44].

В результате, как сообщал штаб Приморского военного округа, по состоянию на май 1948 г. в Северной Корее оставалось только 17 японских специалистов и 46 членов их семей, чья репатриация на тот момент была признана «нецелесообразной». Все они работали на химическом комбинате в Конане (Хыннаме)[45], вместе с советскими специалистами-химиками помогая восстанавливать производство и переориентировать его на гражданские нужды.

Однако и они были вывезены в Японию летом 1948 г., незадолго до провозглашения КНДР, а их рабочие обязанности переданы северокорейским специалистам и остававшимся советским инженерам.

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что фактически репатриация японских граждан с территорий Северной Кореи была завершена при Советской гражданской администрации, в 1948 г. При этом основная часть репатриантов была вывезена еще в 1946–1947 г., в первые месяцы репатриации, силами Советской армии. Процесс репатриации, согласно имеющимся документам Советской армии, протекал достаточно гладко, без серьезных конфликтов и затруднений. В транзитных лагерях была также организована идеологическая и общественно-просветительская работа. Хотя на территории Северной Кореи, как и в самом Советском Союзе, труд японцев использовался для восстановления экономики после войны, это носило несколько иной характер. В силу исторических особенностей развития Корейского полуострова ключевые посты в промышленности занимали японцы. Поэтому политика Советской армии была направлена на то, чтобы отсрочить репатриацию японских инженеров и технических специалистов, чей опыт и знания были нужны для восстановления и налаживания работы северокорейской промышленности. Им предлагались контракты на работу и возможность проживать в городах, а не в транзитных лагерях. Военнопленные же в Северной Корее к работам практически не привлекались и подлежали репатриации на родину в первую очередь.

Всего за период 1945–1948 гг. было репатриировано почти 30 тысяч человек. Те несколько сотен японцев, которые оставались на территории Северной Кореи после 1948 г., имели корейские паспорта и репатриации не подлежали[46].

[43] ЦАМО. Ф. 19, оп. 560, д. 8, л. 8.
[44] ГА РФ. Ф. Р-9526, оп. 6, д. 404, л. 154, 399.
[45] ГА РФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 517, л. 34.
[46] См. ГА РФ. Ф. 9526, оп. 6, д. 629, л. 147, 189.

Позже, в 1948–1949 г., в Северную Корею — уже КНДР — еще несколько раз прибывали группы японских рабочих, которые трудились на рыбных промыслах и других производствах на советском Дальнем Востоке, однако затем они направлялись или обратно в Советский Союз, или в Китай, и их репатриация шла через советский порт Находка или через порты Ляодунского полуострова[47]. Через порты же Северной Кореи после лета 1948 г. репатриация уже не проводилась.

Литература / References

Бетмакаев А. М. Феномен «культурной холодной войны» в зарубежной историографии международных отношений. // Чернышов Ю. Г. *Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения): материалы международной научно-практической конференции*. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2010. С. 61–64 [Betmakaev A. M. The Phenomenon of 'Cultural Cold War' in Foreign Historiography of International Relations. Chernyshov Yu.G. (ed.) *Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Rossija i Zapadnaja Evropa: vlijanie obrazov stran na dvustoronnie otnoshenija): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Barnaul: Altay University Publishing House, 2010. Pp. 61–64 (in Russian)].

Болдовский К. А. «Постановление правительства застало нас врасплох...». Мероприятия по экономии хлеба в партийных сводках 1946 г. *Новейшая история России*. 2013. № 2. С. 265–282 [Boldovskij K. A. 'The decree of the government caught us unawares...'. Bread economizing measures in Party reports of 1946. *Novejshaja istorija Rossii*. 2013. No. 2. Pp. 265–282 (in Russian)].

Гаврилов В. А., Катасонова Е. Н. (ред.). *Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов*. М.: ИВ РАН, 2013 [Gavrilov V. A., Katasonova E. N. (ed.). *Japanese POWs in the USSR: 1945–1956. Collection of documents*. Moscow: IV RAN, 2013 (in Russian)].

Ким И. П. Репатриация японцев с Южного Сахалина в послевоенные годы. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. 2009. № 12. С. 26–30 [Kim I. P. Repatriation of the Japanese from southern Sakhalin in the post-war years. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 2009. No. 12. Pp. 26–30 (in Russian)].

Ким С. П. *Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. ИРИ РАН, 2016 [Kim S. P. *Japanese POWs on the territory of the Soviet Union (1945–1956)*. PhD dissertation. IRI RAN, 2016 (in Russian)].

Кузнецов С. И. *Сибирь и Корея в Северо-Восточной Азии: Корейцы в Советско-японской войне 1945 г. и проблема репатриации*. Иркутск: Оттиск, 2004 [Kuznetsov S. I. *Siberia and Korea in Northeast Asia: Koreans in the Soviet-Japanese War of 1945 and the Problem of Repatriation*. Irkutsk: Ottisk, 2004 (in Russian)].

Маркдорф Н. М. Особенности репатриации японских военнопленных из Западной Сибири (1946–1949). *Россия и АТР*. 2012. № 4. С. 114–122 [Markdorf N. M. The Specifics of the Repatriation of Japanese POWs from Western Siberia (1946–1949). *Rossija i ATR*. 2012. No. 4. Pp. 114–122 (in Russian)].

Серебренников С. В. Японские военнопленные на территории СССР (1945–1956 гг.): региональная историография. *Современная научная мысль*. 2021. № 5. С. 98–106 [Serebrennikov S. V. Japanese POWs in The Territory of the USSR (1945–1956): Regional Historiography. *Sovremennaja nauchnaja mysl'*. 2021. No. 5. Pp. 98–106 (in Russian)].

Торкунов А. В. *Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории*. М.: Олма Медиа Групп, 2008 [Torkunov A. V. *The Korean peninsula: metamorphoses of post-war history*. Moscow: Olma Media Grupp, 2008 (in Russian)].

Barshay A. *The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956*. Berkeley, CA: University of California Press, 2013.

[47] См., к примеру: Там же. Л. 120–121.

Caprio M. Japanese Narratives on Life in Late-Colonial Korea: From Wartime to Repatriation. *Journal of Korean Studies.* 2009. Vol. 14. Pp. 117–132.

Caprio M. Japanese Influences in the U. S. Occupation of South Korea, 1945–1948. *The Hallym Journal of Japanese Studies*. 2022. No. 40. Pp. 331–362.

Caprio M. Displaced Peoples and the Continued Legacy of the Pacific War: Korean Repatriation and the Danger Element. *International Journal of Asian Studies*. 2023a. Vol. 20(2) Pp. 667–685.

Caprio M. The Hidden Belligerent: Japan's Role in the Korean War. *Koreanology*. 2023b. No. 3 (4). Pp. 61–75.

Kahm H. Between Empire and Nation: A Micro Historical Approach to Japanese Repatriation and the Korean Economy During the US Occupation of Korea, 1945–6. *Journal of Contemporary History*. 2016. No. 51(1). Pp. 124–144.

Kimura M. The Economics of Japanese Imperialism in Korea, 1910–1939. *The Economic History Review*. 1995. Vol. 48. No. 3. Pp. 555–574.

Kowner R. The Repatriation of Surrendered Japanese Troops, 1945–1947. Kushner B., Levidis A. (eds). *In the Ruins of the Japanese Empire: Imperial Violence, State Destruction, and the Reordering of Modern East Asia*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020. Pp. 119–138.

Park Yi-jin. Re-nationalizing Repatriated Japanese into Post-War Japan: From Imperial Subjects to Post-War Citizens. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2020. Vol. 20, No. 1. Pp. 113–138.

Saunders F. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. United Kingdom: New Press, 2013.

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Давно уже «Вестник» планировал предоставить свои страницы для научной дискуссии, и теперь благодаря Вадиму Владимировичу Макаренко такая возможность появилась. Он представил на обсуждение две статьи: первую мы публикуем ниже, вторая («Рождение Запада: геосоциальный механизм появления объектов агонального типа») выйдет в номере 1 за 2027 г. У читателей старшего поколения тема статей может вызвать ностальгические воспоминания о советской и особенно позднесоветской эпохе, когда, опьяненные долгожданной свободой, гуманитарии начали разносить в щепки то, что прежде казалось незыблемым — так что даже цитировать К. Маркса вдруг стало «неприличным». Однако прошедшее с тех пор время показало, что справедливо, но поспешно отвергнув все «заидеологизированное», довлевшее над конкретно-историческими и культурными реалиями, отраженными в источниках, мы не противопоставили ему убедительных ответов на вопросы, которые постоянно встают перед исследователями, особенно в сфере всеобщей истории. Можно в угоду научной моде отказаться от понятий типа «формация» или заменить их на «цивилизация», свести всю эволюцию обществ к духовным процессам, забыв о материальных, можно призвать на помощь культурную антропологию, гендерные и т.д. исследования, но вопрос о том, почему различные общества развивались по столь несхожим траекториям и столь разными темпами, остается открытым.

Вадим Владимирович Макаренко предлагает на обсуждение свое комплексное видение этой проблематики, как он считает, позволяющее на новом уровне вернуться к намечавшемуся в конце 1980-х годов в востоковедении синтезу цивилизационного и формационного подходов. Журнал, с искренней признательностью ему за труд, приглашает читателей высказать свои мысли по поводу прочитанного.

Ждем ваших мнений и размышлений по адресу **vestnikivran@yandex.ru** с пометкой «Дискуссия», обязательно их опубликуем.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-131-150

СУБСТАНЦИАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

© 2026

В. В. Макаренко[1]

Практически повсеместный срыв попыток модернизации в странах Востока дает основание поставить вопрос о том, что страны Востока и Запада представляют собой различные культурно-цивилизационные типы, которые развиваются на разных субстанциальных основах: Восток — на принципе солидарности, Запад — на агональном (конкурентно-индивидуалистическом) принципе. Восток и Запад рассматриваются как наиболее широкие абстрактные категории, которые объединяют в одном и в другом случае множества как современных, так и исторических геосоциальных объектов разного уровня, которые на основании различных принципов организации составляющих их коллективов (общностей) могут быть сведены в две дуальные группы. В статье обосновывается субстанциальная природа различий Востока и Запада как геосоциальных объектов.

Ключевые слова: Восток, Запад, субстанциальный дуализм, историко-теоретический анализ, геосоциальная субстанция, агональный и солидарный типы культурно-цивилизационного развития

Для цитирования: Макаренко В. В. Субстанциальный дуализм Востока и Запада: фундаментальные причины их противоположности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 131–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-131-150

[1] Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru

Vadim V. Makarenko, PhD (Economics), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; makarenko.vadim@yandex.ru

THE SUBSTANTIAL DUALISM OF EAST AND WEST: FUNDAMENTAL REASONS OF THEIR OPPOSITION

Vadim V. Makarenko

The virtually total failure of modernization efforts in Eastern countries raises the question of whether Eastern and Western countries represent different cultural and civilizational types that develop on different substantive foundations: the East is based on the principle of solidarity, while the West is based on an agonistic (competitive individualistic) principle. The East and the West are considered to be the broadest abstract categories, which, in both cases, encompass a multitude of both contemporary and historical geosocial objects of varying levels, which, based on different principles of organizing the collectives (communities) that make them up, can be grouped into two dual groups. The article substantiates the substantial nature of the differences between the East and the West as geosocial objects.

Keywords: East, West, substantial dualism

For citation: Makarenko V. V. The Substantial Dualism of East and West: Fundamental Reasons for Their Opposition. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 131–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-131-150

Введение

Восток и Запад представляют собой отдельные линии исторического культурно-цивилизационного развития. Эти культурно-цивилизационные типы имеют свои ареалы (макрорегионы) распространения, в рамках которых благодаря множественности сосуществующих однотипных объектов, образовывающих миры, обеспечивается поддержание непрерывности их развития. Восток и Запад взаимодействуют по сукцессионному принципу и могут замедлять или ускорять развитие друг друга, но не способны кардинально изменить тип культурно-цивилизационного развития ни друг друга, ни свой собственный. Запад и Восток, являясь различными типами культур, сталкиваются и конфликтуют в зонах максимального развития каждого из них (например, на Ближнем Востоке, где беспрестанно воевали между собой иранотюркский и греко-римский миры до VII–VIII вв.), но в периферийных районах, где они встречаются в ослабленном виде, как в средневековой Европе, они вступают во взаимодействие, образуя конгломератные региональные или страновые сообщества. Колониальные империи оказались неустойчивыми конгломератными образованиями, поскольку в них не удалось сформировать господствующий слой в виде самодостаточной агональной общности. Страны колониального или постколониального синтеза являются неоконгломератными образованиями. К этому разряду относятся также независимые страны Востока, где правящим господствующим группам, сформированным по западному — агональному[2] — принципу, не удается, несмотря на усилия, преодолеть традиционную — солидарную — культуру своих народов и создать так называемые нации-государства.

Причины культурно-цивилизационных различий являются предметом бесчисленных дискуссий, и для их объяснения выдвигаются самые различные концепции, что создало впечатление

[2] «Древнегреческое слово “агон” как выражение состязательного, спорного и противоречивого начала заключает в себе фундаментальную характеристику всей древнегреческой культуры. Крупнейшие исследователи и знатоки греческой культуры Я. Буркхардт, В. Буркерт, Г. П. Драч, А. И. Зайцев, Ж. Лиотар, А. Ф. Лосев, Е. Я. Режабек, И. Е. Суриков, Ф. Ницше и другие авторы, не колеблясь, использовали категорию агональности для анализа специфики социального строя, хозяйственного уклада, ментального строя и своеобразия культуры древних греков» [Режебек, Богданова, 2011, с. 911].

теоретической неопределенности, граничащей с хаосом[3]. Постановка востоковедных исследований на субстанциальное основание позволит вывести их из зоны эмпирического знания и поставить колоссальный накопленный материал на основу фундаментальных, основанных на законах, представлений о протекающих в мире социально-политических процессах, без чего «генезис востоковедения», как, впрочем, и адекватное понимание западного мира, вряд ли можно считать завершенным [Кузнецов, 2023]. Эта задача решается путем обоснования субстанциального характера различий между Востоком и Западом. Кроме того, субстанциальная природа различий открывает возможность понимания дуальной природы мира, в котором общества следуют по двум не переходящим один в другой путям развития. При этом они образуют две группы объектов — Восток и Запад, которые находятся в симбиотическом единстве. Принципиальное различие последних не связано с опережающим или запаздывающим прохождением фаз однолинейного развития, а является результатом развития двух субстанций, видоизменения которых различаются на всем протяжении истории этих типов обществ вплоть до сегодняшнего дня, и это различие вряд ли исчезнет в будущем. Понимание этих различий как прежде всего субстанциальных позволяет внести теоретическую определенность в противопоставление групп стран, которые называют то Западом и Востоком, то Севером и Югом, то «меньшинством» и «большинством», поскольку это — разное восприятие одного и того же различия объектов по принципу организации их исходной коллективности.

Работа представляет собой продолжение линии сквозного историко-теоретического анализа, который проводился в рамках исследовательских проектов «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного», «Город в формационном развитии стран Востока», «Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен» и в работах Л. И. Рейснера (1928–1990), Н. А. Симонии (1932–2019), А. М. Петрова (1946–2010) и других участников группы исследователей, сложившейся вокруг отдела политических и социально-экономических проблем развивающихся стран Института востоковедения АН СССР в 1980-х годах. Это направление исследований было прервано внезапной смертью Л. И. Рейснера и резкой политически мотивированной девальвацией марксизма, ставшего «поверженным врагом» [Алаев, 2012, с. 67] с началом реформ, направленных на очередную попытку модернизации России в западном духе [Симония, 2012, с. 657].

Самостоятельной, но в значительной мере периферийной линией поиска общих закономерностей всемирно-исторического процесса было историко-педагогическое творчество Л. С. Васильева (1930–2016), который, подводя итоги своей многолетней практики преподавания истории Востока и Всемирной истории, сделал вывод, что «...вся мировая история представляет собой арену последовательного появления, а затем противопоставления и вынужденного сосуществования двух основных структур и, соответственно, двух типов обществ — восточного и западного» [Васильев, 2011, с. 16]. Структуру восточного общества он определил как «власть-собственность», а в качестве противовеса ему выделил структуру западного общества, появившуюся вместе с «античным полисом» [Васильев, 2011, с. 19, 25]. Это не сильно отличалось бы от подхода К. Маркса, который пишет о противоположности между ними как первоначально об отношении между разнородными социально-территориальными структурами: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной

[3] Оценка состояния теоретических подходов к анализу исторического развития стран Востока и Запада, сделанная Л. Б. Алаевым, актуальна и сейчас, но не потому, что не было ничего в теоретическом багаже, а потому, что это, обретенное в 1970–1980-х годах, не было из-за теоретического нигилизма удержано: «Что устарело из нашего прежнего теоретического багажа — по происхождению марксистского или усвоенного через марксизм, — а что остается операционным? Создалась некая смесь обрывков разнообразных концепций, не увязанных друг с другом и создающих впечатление хаоса. Непонятно, отброшена ли теория формаций, во всяком случае, ничего не предложено взамен. Цивилизационный подход не может служить заменой, поскольку он не нацелен на изучение движения... Настало время вернуться к методологическим вопросам исторического процесса» [Алаев, 2012, с. 67].

ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени» [Маркс, 1955, т. 3, с. 49–50], которое было в наметках у молодого К. Маркса, но в последующих его работах уступило место концепции классовой борьбы как драйверу (локомотиву) истории, определяющему логику ее однолинейного формационного развертывания. Новизна взгляда Л. С. Васильева заключается в противопоставлении Востока и Запада как альтернативных друг другу линий развития — «мировой деревни» и «мирового города» — на всем протяжении всемирной истории.

Новизна данной работы состоит в том, что если до сих пор исследователи и теоретики, спорившие о причинах формационных и культурно-цивилизационных различий Востока и Запада, исходили из того, что общества этих макрорегионов представляют собой субстанциально однородные объекты, то цель этой статьи — представить Восток и Запад как субстанциально различные группы объектов, которые составляют дуальную пару (в которой они дополняют друг друга). Восток и Запад автор определяет как объекты субстанциально различного типа культурно-цивилизационного развития, имея в виду наиболее широкое определение культуры как совокупности связей, которые обеспечивают единство общности и ее развитие (тождество ее состояний), в том числе имея в виду «неотделимость политических структур от их культурного контекста»[4]. Второй, не менее важной, является задача определить соотношения цивилизационного и формационного развития.

Актуальность исследования обусловлена его направленностью на теоретическое объяснение культурно-цивилизационной специфики стран Востока и Запада, тщетные попытки преодоления которой в ходе реформ и революций, ставивших целью устранение существующих между ними различий путем строительства в странах Востока государств и перестройки их культуры по европейскому образцу, породили и способны породить в будущем множество проблем, конфликтов и войн, а также привели к срыву усилия модернизировать в националистическом или коммунистическом духе эти страны [Макаренко, 2025]. Просвещенческому разуму такая ограниченность кажется неестественной, противной его стремлению революционно преобразовать мир[5]. Но век культурно-цивилизационного отступления Востока, когда его страны пытались отречься от своего прошлого, соглашаясь на любые, самые немыслимые эксперименты, закончился. Сегодня страны Востока в основном усвоили научно-технологические достижения западных стран и в среднем сравнялись с ними по показателям промышленного развития, но в социально-политическом плане они чувствуют себя более комфортно, сохраняя свою традиционную культуру солидарного типа. При этом лидирующие страны Востока по принципиальным параметрам своего производственно-технологического развития вышли на уровень, обеспечивающий их суверенитет. Исследователям, которые в 1980-е годы рассматривали ситуацию в развивающихся странах, фиксируя в них наличие разнородных современных (формационных) и традиционных (цивилизационных) комплексов, было трудно признать «пресловутую тотальную неприживаемость, несовместимость Востока и Запада». Это было обусловлено тем, что в то время важнейшим критерием успеха догоняющих стран считалось усвоение ими современных производительных

[4] «Сами разнообразные формы политической организации являются подсистемами более всеобъемлющих целостных образований — культур. Невозможно отделять политические структуры от их культурного контекста. Воздействие других элементов данной культуры сказывается на политической структуре, а она оказывает обратное влияние» [Классен, 2000, с. 6].

[5] «...философия Просвещения, созданная в Англии и Франции в XVIII веке, доминировавшая в ведущих центрах промышленного развития Великобритании и позднее США в течение XIX и XX столетий, создала модель социального и политического действия, которая наилучшим образом может быть определена как революционная... Абсолютное противопоставление разума и традиции, науки и религии, ведущее к противоречию между будущим и прошлым, обосновало общий призыв к уничтожению прошлого, который позже найдёт отражение, например, в шумпетеровском определении капитализма как “творческого разрушения”» [Турен, 2014, с. 99]. Отсюда понятно, насколько сложно было в этом мощном и плотном идеологическом потоке поставить вопрос о «синтезе традиционного и современного» [См. Эволюция восточных обществ, 1984], о непрерывной линии развития «исторических обществ», которые, несмотря на «**сменность** социальных структур, олицетворяемую формационной динамикой», сохраняют «**преемственность**» (т. е. непрерывность линии развития. — *В.М.*), «выражающуюся в накоплении цивилизационного качества» [Рейснер, 1993, с. 31].

сил и организационно-технологических форм и «выход на уровень стран среднеразвитого капитализма» [Рейснер, О некоторых принципах, 1993, с. 58]. Но за прошедшие полстолетия культурно-цивилизационные характеристики стран вышли на первое место с точки зрения их важности для позиционирования в мире и особенностей текущего развития и стали настолько важными для понимания природы их общественных процессов, что это позволяет нам рассматривать формации как фазы в развитии геосоциальных объектов разного культурно-цивилизационного типа. Обе характеристики важны для определения «формационно-цивилизационной зрелости» объектов, тем более что между этими существенными характеристиками могут возникать проблемы, поскольку переход в новую формационною фазу требует революционных преобразований культурно-цивилизационного комплекса, существенно изменяющих его в процессе смены формационного качества. Так, Цинская империя — это далеко не то же самое, что Народная власть в КНР, поскольку последнее — это существенное видоизменение политического режима, но при этом не изменилась и, более того, не могла измениться природа китайского общества, развивающегося на определенной субстанциальной основе. При смене формационного качества, после цикла глубоких и часто драматичных изменений общество предстает как цивилизация определенного формационного типа, в целом в среднем равного уровню развития производительных сил в региональном или (сейчас) в глобальном окружении. Т.е. предстает, как это сформулировал в 1980-х годах Л. И. Рейснер, в виде «буржуазной цивилизации» [Рейснер, Цивилизация и формация, 1993, с. 41], где определение «буржуазная» соответствует понятию «капиталистический способ производства», имея в виду ее орудийно-производственный комплекс (или уровень развития системы производительных сил), но в любом случае это — определение развивающегося объекта, которым является цивилизация, проходящая через фазы (стадии, формации) своего развития. Но «цивилизация» такого рода — это не та или иная культура (майя или греки), а череда последовательных видоизменений исходной, непрерывно существующей геосоциальной субстанции. Это обусловленный множеством локально-исторических конкретных условий, обстоятельств и событий, которые предопределили итоговый на данный момент процесс развития (эволюции[6]) определенного культурно-цивилизационного типа геосоциальной общности.

Л. И. Рейснер считал, что «задачей теории является, если провести аналогию с медико-биологическим диагнозом, не препарирование мертвого тела, а рентген и зондирование в поисках той малой, модельной системы жизненно важных элементов, функций, связей, от которых зависят рост и торможение, регресс и развитие социального организма в контексте окружающей его международной среды» [Рейснер, 1993, с. 51]. Это был призыв найти субстанцию, задающую закономерное и непрерывное, не разорванное на формации развитие общественных (геосоциальных) образований. Сложность этой задачи была обусловлена тем, что марксизм не преодолел некоторые идеалистические ограничения гегелевской философии, более того, став революционной теорией, он усугубил их, превратив некоторые ее идеалистические формулы в утопическую теорию революционной смены формаций, возможность которой он видел в борьбе непримиримых внутренних социально-классовых противоположностей, якобы заложенных изначально в каждом обществе, одной из которых была противоположность между городом и деревней. Признание субстанциального дуализма Востока и Запада позволяет дать решение поставленной задачи и усовершенствовать двуядерную схему общества Л. И. Рейснера, включающую два дуальных ядра — «цивилизацию» и «формацию» [Рейснер, Цивилизация и формация, 1993, с. 47] в двухлинейную схему развития дуальных обособленных геосоциальных объектов — солидарного Востока и агонального Запада,

[6] «... на наш взгляд, никакой особой проблемы с обозначением "спенсеровского" типа эволюционных процессов нет. Действительно, термин для обозначения подобного рода процессов давно уже существует; более того, он широко используется для обозначения именно данного типа процессов. Термин этот — просто *развитие*» [Коротаев, Крадин, Лынша, 2000, с. 24].

которые в развитии своих особых культурно-цивилизационных форм по мере расширения доступного им экономгеографического пространства проходят через фазы, характеризующиеся последовательно возрастающими по своей сложности и глубине, качественно отличными — «формационными» — уровнями развития производительных сил. Процесс перехода от одной фазы к другой сопровождается войнами, революциями, катаклизмами, катастрофами, но он не меняет субстанциальной природы этих умопостигаемых геосоциальных объектов. Сегодня, когда экономическое отставание восточных стран, прошедших через горнила неизбежных в истории войн, революционных политических и социально-экономических преобразований, от западных стран существенно сократилось, оказалось, что камнем преткновения, или яблоком раздора, которые провоцируют конфликты между ними, являются культурно-цивилизационные различия, поскольку, уподобившись по своими производственно-технологическим показателям развития, эти две группы стран так и не стали тождественными, поскольку сохранили свои принципы сложения иерархии, а существенные различия после этапа догоняющего социально-экономического и политического развития оказались еще глубже встроенными в морфологию их культуры, включая ее последний, самый современный слой. Сейчас культурно-цивилизационные различия между странами Востока и Запада воспринимаются значительно острее, чем раньше, когда они считались всего лишь подлежащей изжитию восточной экзотикой, с одной стороны, или неизбежным будущим для догоняющих стран, с другой.

Мысль о субстанциальном характере культурно-цивилизационных «несовпадений»[7] противоречит представлениям о принципиальной однотипности (одинаковости), универсальности человеческих обществ, которая была продекларирована и стала идеологической догмой с эпохи Просвещения, когда возобладало представление об универсальности, нормативности и прогрессивности западной (европейской) модели развития, по крайней мере в плане укоренения общественных институтов, чему способствовали впечатляющие успехи промышленной революции, которые, как тогда казалось, полностью и окончательно изменил глобальный баланс сил в пользу Запада[8]. Эти идеи были положены в основу буржуазно-революционных представлений Европы, творческим развитием которых были марксистские представления о классовой структуре обществ и формациях, прочно связанных с доминированием того или иного класса. Классовый подход укрепил убеждение в универсальности (закономерности) европейского пути развития. Эти идеи стали частью идеологической основы советской перестройки в 1990-е годы. Россия попыталась отказаться от перегибов социализма, намереваясь вернуться в лоно европейской культуры, заимствуя западные философско-идеологические, экономические и социально-политические нормы и институты, т. е. фактически попыталась в очередной раз реализовать концепцию буржуазной модернизации российского общества. Постсоветские младореформаторы в России, уверенные (в который раз после Петра I), что уж у них-то все получится, сделали фигуру императора-реформатора на вздыбленном коне символом своего движения. Только последующие события, особенно конфликт 2014–2026 гг., показали, насколько не совпадают пути развития Европы и России.

В соответствии с идеологией Просвещения до сих пор считается, что, следуя общим законам, отстающие страны в ходе догоняющего развития выработают у себя тот же — буржуазный — тип прогрессивных общественных отношений, который в революциях завоевали европейские граждане, благодаря этому опередившие народы Востока в социально-политическом и военно-экономическом

[7] Идея «фундаментального характера культурно-цивилизационных “несовпадений” разных стран (западных, России, Китая, Индии, исламского мира и др.)» [Лапин, 2021, с. 8] активно обсуждается философами. Сложность состоит в том, чтобы понять, в чем заключена основа этих несовпадений, которые на поверку оказываются полной несовместимостью.

[8] «Признавая западноевропейский опыт единственно возможным и безальтернативным вариантом развития человечества, идеология прогрессизма к настоящему времени является действенным и эффективным оружием духовной агрессии Запада в иных культурных пространствах» [Елишев, 2022, с. 94].

развитии. Исходя из этих представлений, строились предположения, в какой форме должны протекать процессы трансформации в других странах. Они закладывались в нормативные варианты социально-политического и экономического развития (модернизации) отстающих стран, которая после Второй мировой войны — на волне подъема Америки — стала рассматриваться как простое воспроизведение основных институтов западных обществ (обязательного демократического набора: наличия выборных органов власти и формальной свободы частной собственности), а то и просто как вестернизация. Однако в странах Азии и Африки усилия пойти по этому пути почти повсеместно закончились «срывом модернизации», который сопровождался гибелью или бегством новоиспеченных, как правило, «разночинных» элит, которым не удалось внедрить западную модель отношений в своих странах[9]. Если исламская революция в Иране (1979) могла показаться случайностью[10], то падение режимов, делавших ставку на националистическую модернизацию в Ираке (2003) и Сирии (2024), но после нескольких десятилетий, казалось бы, вполне успешного социально-экономического развития были самым катастрофическим образом возвращены к базовым основам своей культуры, поставило крест на процессе модернизации. Часть стран Востока (Япония, Китай, Южная Корея, Тайвань, Вьетнам и другие) преодолела системное экономическое отставание от Запада и по крайней мере показала, что они могут достичь высот в научно-технологическом развитии, при этом не превращаясь в страны западной — агональной — культуры, но это было воспринято как вызов западной универсальной модели развития. Успехи стран Востока были бы еще более впечатляющими, если бы не систематическое противодействие Запада их усилиям, основанием для которого является культурно-цивилизационная неприязнь, отсюда жесткая критика с его стороны внутренних порядков и внешней политики этих стран. Но в конечном итоге США и ведущие капиталистические страны оказались заинтересованными включить страны Востока в свои цепочки создания добавленной стоимости, без чего им было бы невозможно обеспечивать собственный экономический рост. Это свидетельствует о возможности и взаимовыгодности взаимодействия стран Востока и Запада. Иными словами, модернизация — это не вопрос об успехе экономического развития, а попытка побудить страны Востока добровольно, под впечатлением от западных свобод и успехов, под воздействием идеологического влияния или силой, военно-экономическим методами (санкциями, оккупацией, подрывными действиями) сменить свой культурно-цивилизационный тип развития. При этом игнорируются аргументы, доказывающие, что это практически невозможно, если страна не будет разрушена, а ранее социально-культурно организованный и жизнеспособный этнос не превратится в «этнографический материал» для других народов[11].

[9] «В целом можно констатировать, что государственное строительство в регионе на протяжении всего последнего столетия развивалось с сохранением значительных институциональных дисбалансов. Становление национальной целостности ни в одной из стран региона не пошло по европейской модели и не было завершено. Это породило известную гибридность ближневосточной государственности и дает основания полагать, что о формировании государств-наций на Ближнем Востоке можно говорить лишь с известной долей условности» [Барановский, Наумкин, 2018, с. 10]. Это явление в середине 1970-х Ш. Эйзенштадт обеспокоенно называл еще только «срывом модернизации» [Eisenstadt, 1973], в дальнейшем оно оказалось не случайным срывом и не разнотипностью моделей модернизации, а принципиальной неизменяемостью культурно-цивилизационных основ афразийских обществ.

[10] Исламская революция в Иране в 1980-е годы воспринималась как «мощная, но единичная контртенденция доминирующему формационному процессу» [Рейснер, О некоторых принципах, 1993, с. 59]. Но, как показало время, с точки зрения изменения орудийно-производственного комплекса (системы производительных сил) Иран развивался в нужном направлении и, несмотря на враждебное международное окружение, всеми силами блокировавшее его экономический рост, сумел отстоять свой суверенитет и свою модель развития. Срыв модернизации, отказ от «белой революции» был ничем иным, как отказом от попытки переформатировать свое общество в агональное, по западному образцу, т. е. Иран не изменил своей солидарной субстанциальной природе.

[11] «...самобытный культурно-исторический тип, как и только что поименованные племена, и ежели откажется от самостоятельного развития своих начал, то и вообще до́лжно отказаться от всякого исторического значения и снизойти на ступень служебного для чуждых целей этнографического материала, — и чем скорее, тем лучше» [Данилевский, 2008, с. 197].

Субстанциальные основы развития геосоциальных объектов разных культурно-цивилизационных типов

Восток и Запад различаются по более глубоким, много более абстрактным основаниям, чем те общие и особенные географические, культурные (в том числе конфессиональные и идеологические) и экономические различия, которые обычно кладутся в основу разделения обществ на цивилизации и культуры. Это — субстанциальные различия, заложенные в основах формирования человеческих коллективов в этих обществах. Они много глубже, чем якобы «генетические основания», в качестве которых пытаются рассматривать, например, ислам, отталкиваясь от места и роли ислама в культуре стран БСВ[12]. Ясно, что в поисках субстанциальных оснований смотреть надо много глубже. Это основания, которые определяют исходную сущность коллективных отношений, вне которых люди существовать не могут, поскольку людская масса всегда должна быть организована как общность (коллектив), а «взятый вне этой организации, он превращается в бесформенную массу» [Маркс, 1955, т. I, с. 50]. К. Маркс называл исходную «общность по племени, естественную коллективность» первой предпосылкой коллективного присвоения и использования земли [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 268], подчеркивая, что она не результат, а именно предпосылка, абсолютно необходимое условие существования жизни человека, которая должна воспроизводиться постоянно из поколения в поколения, из рода в род. Такое необходимое, непременное, исходное условие в немецкой классической философии понималось как «субстанция (от лат. substantia — сущность, нечто, лежащее в основе)» [Субстанция, 1983, с. 660]. Геосоциальная субстанция, т. е. земля и люди, организованные определенным образом (солидарно или агонально) в коллектив, — это и есть в совокупности первооснова социально организованной материи [Материя, 1983, с. 354], существующей в природе в виде множества геосоциальных объектов [Макаренко, 2019]. Субстанция существует сама по себе и не нуждается для своего существования ни в чем другом. Геосоциальная субстанция включает в себя материальные (составляющие) и связующие (организационные) элементы. Материальную (физическую) основу обоих типов геосоциальных субстанций одинаково образуют земля и люди, которые и на Востоке, и на Западе исходно принципиально однородны[13]. Они, безусловно, важны как элементы, образующие субстанциальное тело, и их специфическое состояние, сильно зависящее от геофизических условий формирования и существования этих элементов, привносит существенные региональные особенности в развитие геосоциальных общностей, не случайно Гегель начинает свой труд «Философия истории» с описания географической основы всемирной истории[14], но по отношению к способам «сложения» людской массы в единое целое, в коллектив, они второстепенны и выступают как «акциденции» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 269]. Именно то, как сложены части в коллектив, который своей деятельностью придает материальным частям целостность, которой они не имеют сами по себе, т. е. принцип их социальной организации определяет

[12] «Скажем, генетической основой нельзя объяснить единство «мусульманской цивилизации» (такое объединение вообще спорно) или даже ее ближневосточной части. Арабы, персы и тюрки — три совершенно разных корня» [Алаев, 2012, с. 95].

[13] «Биологи полностью согласны в том, что все люди принадлежат к одному виду, имеющему один эволюционный источник. Из этого источника произошел человек, который отделился от других видов за счет своей способности созидать, обучаться и пользоваться символическими системами (культурой) в форме языка и других посредников. В этом смысле все человеческие сообщества «культурны», и если обладание культурой является неотъемлемым критерием человеческого общества, то коллективные формы организации у других видов следует именовать протообществами» [Парсонс, 1998, с. 12].

[14] «По сравнению с всеобщностью нравственного целого и его единичною, действующею индивидуальностью связь духа народа с природой есть нечто внешнее, но, поскольку мы должны рассматривать ее как ту почву, на которой совершается развитие духа, она по существу и необходимо оказывается основой» [Гегель, 1993, с. 126].

при прочих равных природу каждой субстанции[15]. Коллектив (общность) — это организованная («сложенная») определенным образом масса людей, которая вне этой организации не существует как предпосылка цивилизованного развития.

Безусловно, понимая определяющую роль способа складывания коллектива в придании субстанции ее отличительного (культурно-цивилизационного) качества, тем не менее нельзя сводить субстанцию только к нему, т. е. только к отношению, только к связи, абстрагируясь от ее существенных материальных компонентов, поскольку динамику развития общества задают именно материальные компоненты субстанции, а именно: Земля (а сейчас плюс практически безграничное космическое пространство) и люди как живая материя, способная к самовоспроизведению, пока есть ресурсы жизни: их «потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 32]. Взаимодействие людей (человечества) и Земли, т. е. использование человеком ресурсов Земли[16], является буквально непрерывным, это — сама возможность жизни и драйвер развития. Развивающаяся (видоизменяющаяся) в этом процессе организация действующей людской массы придает акцидентным частям субстанции определенные *социальные* формы (не больше, но и не меньше), вне которых они не существуют как особый вид геосоциальной материи. Все элементы субстанции неразделимы и должны рассматриваться в единстве и в организационной определенности.

Таким образом, коллектив, «племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.)» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 268] наряду с землей являются «такой предпосылкой, которая считается божественной и т. д.» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 270]. Только благодаря различным способам сложения коллективов (общностей) возникают принципиально различные геосоциальные субстанции, являющиеся исходными предпосылками формирования двух культурно-цивилизационных типов геосоциальных объектов, двух типов организации деятельности человека на Земле.

Главным противоречием, которое порождает активность (деятельность) любой живой материи, является противоречие между ее естественной способностью к размножению и еще неиспользованными (но манящими) ресурсами, что подталкивает все виды живой материи находить все новые и новые возможности освоить доступные ресурсы. Человек решает эту задачу не как простое биологическое существо, а в составе коллектива (общности), используя его организационные, интеллектуальные, технические и иные возможности для этого. Усложнение (совершенствование) организации общности позволяет ему выходить на все новые рубежи, перспективность которых подталкивает его к развитию средств производства и передвижения. Искомой субстанцией, в которой заложена потенция саморазвития, является географическая, а лучше сказать, геосоциальная среда[17]. Сегодня

[15] «Любое изменение предполагает тождество субъекта, определения которого следуют друг за другом. Поэтому мир, через все следующие друг за другом состояния оставаясь тем же миром, сохраняет одну и ту же основную форму, так как для тождества целого недостаточно тождества *частей*, а требуется и тождество в характере их *сложения*... Ведь природа мира, которая есть первый внутренний принцип каких угодно изменчивых [определений], относящихся к его состоянию, естественным образом, т. е. сама по себе, неизменна, так как сама не может быть противоположна себе» [Кант, 1964, с. 387].

[16] «... земля сама производительна (в смысле потребительной стоимости) и сама является живой производительной силой...» [Маркс, т. 26, ч. III, с. 513]. «Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. базис коллектива» [Маркс, т. 46, ч. 1, с. 268].

[17] «Географическая среда в отличие от ландшафтной сферы, с одной стороны, исторична (в рамках человеческой истории), поскольку является частью освоенной человечеством на каждый исторический момент ландшафтной сферы, а с другой — включает в себя ландшафтную сферу как предел и потенцию своего развития, в ходе которого она проходит множество фаз, начиная от не связанных между собой ареалов обитания первобытных племен на заре человеческой истории (когда географическая среда множественна) до практически сплошного географического пространства

этот вывод, сделанный в начале 1990-х годов, требуется уточнить, показав, что геосоциальная среда как социальная материя, т. е. как развивающаяся субстанция может быть организована двояко — солидарно vs агонально — с возможностью каждого вида субстанции развиваться самостоятельно по своей собственной линии развития. Попытки найти другие принципиальные формы организации коллективов предпринимались, но все они до сих пор оказывались утопическими. В ходе этого независимого развития эти два вида субстанции, поскольку они так или иначе разделяют единое географическое пространство Земли (т. е. сосуществуют), превратились в дуальную пару, в которой они, сохраняя самостоятельность и принципиальную самодостаточность, в процессе взаимодействия стали оказывать друг на друга существенное влияние, в целом ускоряя развитие друг друга, хотя и подвергая друг друга серьезным опасностям и угрозам из-за культурно-цивилизационных различий.

Восток и по смыслу названия, и по своему положению — это начало, а Запад, хотя и находится в связке с Востоком, но не является его линейным продолжением, преодолением или замещением. Запад — это не развитие прежней субстанции с ее солидарной природой отношений, а новый тип субстанции, с появлением которого произошел разрыв единого пространства культурно-цивилизационных отношений мира, когда наряду с Востоком появилась новая геосоциальная субстанция — Запад[18]. Рассмотрение механизма появления (рождения) Запада — тема другой статьи.

Различия Востока и Запада в зависимости от способа складывания субстанции

Коллективность одинаково присуща обществам и Востока, и Запада, она является предварительным условием любого, даже самого примитивного общества и производства, в том числе и воспроизводства жизни. Структурно организация коллектива представляет собой иерархию («стратификационную систему»[19]), систему властных связей между людьми, без которой не может существовать ни одна общность даже самого простого типа, например, семья, племя[20]. Иерархии могут быть аскриптивными, строящимися на безусловном подчинении человека коллективным интересам (солидарный принцип)[21], и неаскриптивными, когда положение человека определяется случаем или конкуренцией индивидов между собой по индивидуальным качествам и успехам (агональный принцип)[22].

сегодняшнего дня (когда географическая среда единична). Тенденция развития географической среды — восхождение от простого к сложному, от меньшего масштаба к большему — дана, во-первых, в ее генотипе, в пространственной протяженности и разнообразии ландшафтной сферы, а во-вторых, в этническом и культурно-конфессиональном разнообразии человечества, отражающем и обусловливающем полицентричность освоения ландшафтной сферы» [Макаренко, 1992, с. 135–136].

[18] С. Э. Кульпин признает разделение «протоцивилизации Евразии на Запад и Восток», но связывает это явление с культурным развитием, а не с появлением этого феномена как такового. По его мнению, это уже приобретение обществами Запада определенных, достаточно развитых форм, а не механизм появления определенной субстанции как предпосылки еще только будущего Запада: «Если вести счет единицами времени СЕИ — столетиями и тысячелетиями, то миг явления может быть определен предельно точно: первое тысячелетие до новой эры. Еще точнее — время зарождения трех источников и трех составных частей феномена Запада — философии и полисной свободы Эллады, пророческого движения Палестины, римского порядка и права — приходится на среднюю, вторую часть этого тысячелетия, а расцвет европейской античности на вторую половину тысячелетия.» [Кульпин, 2014, с. 126].

[19] «Положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его престижа или способностью оказывать влияние» [Парсонс, 1998, с. 26].

[20] «...представляется необходимым подчеркнуть, что, по-видимому, невозможно найти не только человеческие культуры, в которых полностью отсутствовали бы какие-либо иерархии (в том числе неформальные), но и культуры, в которых полностью отсутствовала бы иерархия» [Alternative Pathways, 2002, p. 57].

[21] Солидарный тип стратификации характеризуется «статусными системами кровно-родственного или этнического свойства с аскриптивно закрепленными позициями индивидов и семейств» [Парсонс, 1998, с. 133].

[22] Т. Парсонс странным образом относит появление неаскриптивных стратификационных систем к эпохе капитализма, сделав упор на оценочных ограничениях: «от наследственно аскриптивной к полностью неаскриптивной стратификации» [Парсонс, 1998, с. 129]. Однако это происходит на несколько тысячелетий раньше. На его наблюдение,

При этом важно то, каким образом строится иерархия, а именно: складывается ли она на основе солидарности (коллективности) или на основе конкуренции (агональности). Тип иерархия связан с главным вопросом любого общества, с тем, как осуществляется власть в зависимости от источника власти. В солидарном обществе власть выступает в форме влияния[23]. Она установлена традицией, и не может быть вопроса об ее легитимности, поскольку другой власти нет и быть не может, никто не может сопротивляться ей. В агональном обществе власть по определению должна получить легитимность, поскольку изначально все равны и каждый в принципе имеет право оспорить действия другой личности, оказавшейся во власти, а не покорно подчиниться и не подчиниться ей, поэтому принимаются только легитимные (законные) действия на основании распределения (дистрибуции и редистрибуции) власти, которая должна проходить максимально часто, чтобы сохранялись отношения равенства (по крайней мере, возможностей), а сопротивление было институционально подавлено. В агональном обществе влияние — это всего лишь элемент мягкой силы, когда действия власти рассматриваются как осуществляемые в интересах коллектива. Институционализация (огосударствление) необходима, чтобы сохранить единство коллектива (общности), который при этом нацелен на достижение целей правящего меньшинства, хотя оно преподносит их как коллективные. Иными словами, солидарная и агональная иерархии, организующие коллективы, — это принципиально разные системы осуществления власти.

Восточный тип обладает устоявшейся (жестко сложенной) внутренней структурой, в которой все иные появляющиеся («интерстициальные», т. е. промежуточные, или «лишние») элементы (люди, группы) превращаются или в изгоев внутри общества («горе от ума»), или выталкиваются вовне на освоение (колонизацию) новых земель, если есть «фронтир», или уходят просто в никуда (высокая смертность, асоциальное поведение и др.), тогда как в агональном обществе отсутствие аскриптивных обязательств, жестко налагаемых на человека, и свобода конкуренции в борьбе за свое место дают этим постоянно находящимся в поиске «неустроенным» элементам (безусловно, далеко не всем) возможность найти внутри или вне границ общности свою стратегию роста (обогащения) и тем самым не только улучшить свое индивидуальное положение, но и открыть новые горизонты развития для общества в целом, что ведет к ускоренному развитию его внутренней организации и к опережающему материальному прогрессу. «Преследуя свои цели, люди способствуют их дальнейшему развитию, опережая текущий уровень институционализации. Это может происходить в виде прямого вызова существующим институтам или непреднамеренно в виде интерстициального (interstitially) возникновения новых отношений и институтов, которые несут непредвиденные последствия для старых» [Манн, 2018, с. 448].

Восток и Запад возникают на основе разных типов организации коллектива (общности). В сложных обществах изначальная, относительно примитивная иерархия власти развертывается в иерархию институтов, или в государственный строй, сохраняя при этом свою исходную — солидарную или агональную — природу. Место лица (института) в иерархии определяется весом в принятии

что «даже в обществах ранней стадии модернизации простые люди рассматривались как «подданные» монарха, которым традицией предписано подчинение его власти» [Парсонс, 1998, с. 31], Г.В.Ф. Гегель заметил бы, что одно дело быть подданным прусского монарха, другое — китайского. На наш взгляд, это свидетельствует об идеологической чувствительности характеристики общества по водоразделу аскриптивное — неаскриптивное. Ни та, ни другая стратификация не предполагает равенства или неравенства, а определяет базовый принцип, в соответствии с которым заполняется иерархическая (стратификационная) лестница в каждом типе общества. Рождение Запада связано с утверждением нескриптивной иерархии, но это не значит, что его элиты не стремились свой обретенный статус превратить в наследственный и вечный.

[23] «...влияние должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы» [Парсонс, 1998, с. 27].

целеполагающих решений, а ее природа — порядком распределения этих мест, или способом сложения коллектива, который определяется целью общества: совместное воспроизводство общности в целом (т. е. прежде всего поддержание и по возможности рост ее численности) или же конкурентная борьба за возрастание потенциала индивида. И в том, и в другом случае делается все, чтобы поддержать целостность общности всеми доступными средствами: идеологическими, политическими, экономическими и силой (военными), но ясно, что это делается по-разному. В случае солидарного общества цель — непосредственное потребление, поскольку оно и есть непосредственное воспроизводство этого общества: «целью всего их труда является обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 268], т. е. на потребление идет практически все без остатка (накопления), и каждый производственный цикл начинается «сызнова» [Маркс, 1968, т. 46, ч. 1, с. 150].

Тем не менее есть момент в развитии родоплеменных обществ, вынесших на себе тяготы неолитической революции, когда появление Запада становится возможным. Это момент, когда «производительность земледельческого труда превышает индивидуальную потребность работника». Она, как пишет К. Маркс, «составляет базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в free hands, “свободные руки”, дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах» [Маркс, 1962, т. 25, с. 348]. С этого момента может быть реализован (при наличии других условий) принцип агональной организации общности нового типа, в которой между не связанными между собой родоплеменными отношениями индивидами развертывается конкурентная борьба за место в иерархии, предполагающей механизм перераспределения части «избыточного» продукта в пользу победителей. Она предполагает наличие в общности социальных механизмов перераспределения (власти), которые позволяют им увеличить собственное потребление и собственную конкурентоспособность по сравнению с другими. Это — соревнование (агон), и тот, кто выиграет, сможет в большей степени, чем другие, удовлетворить свои растущие выше обычного потребности, но на постоянной основе он сможет делать это только в том случае, если использует полученные средства для увеличения своей доли (т. е. вкладывая [«инвестируя»] их в капитал того или иного рода: независимо от того, будет ли это экономическая, политическая, идеологическая или военная власть), а тот, кто будет опираться только на свой труд, неизбежно проиграет и будет вынужден максимально минимизировать свои потребности вплоть до уровня, подрывающего его воспроизводство [Маркс, 1968, т. 46, с. 148]. К. Маркс показывает механизм (силу), который запускает в агональном обществе непрекращающуюся гонку: «Но в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства (т. е. к деньгам. — *В.М.*) капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически. Поэтому-то капитал и производителен, т. е. поэтому-то он и является существенным отношением для развития общественных производительных сил» [Маркс, 1968, т. 46, с. 171]. Возможность придать результатам труда такую роль появляется в общности, сформированной на агональном принципе. Таким образом, в солидарном и в агональном обществах мы имеем дело с разными видами труда, которые различаются по своей цели. Солидарное общество устроено так, чтобы не было никакого соревнования между его членами кроме стремления принести большую пользу, славу и т. д. своей

общности[24], а агональное — наоборот, в нем каждый стремится превзойти другого и должен стремиться сделать это, чтобы не оказаться в положении проигравшего. Это различие в общностях солидарного и агонального типов, проистекающее из фундаментальных принципов организации их субстанций как геосоциальных объектов, предопределяет относительную неподвижность Востока и динамизм в развитии Запада.

Факторы исторического развития Востока и Запада

Стимулом совершенствования общественной иерархии является необходимость поддерживать целостность (сохранность) социально-территориальных общностей как в их солидарной, так и в агональной ипостасях по мере усложнения контролируемого ими пространства, т. е., с одной стороны, усложнения его адаптации к условиям существования, а с другой, — расширения доступного экономгеографического пространства, что создает условия для совершенствования системы производительных сил и требует развития структуры самой иерархии, которая при всех изменениях сохраняет свое изначальное, разное в случае Востока и Запада — солидарное vs агональное — качество. Принципы организации общности (тип ее иерархии) являются доминирующим фактором, который модифицирует влияние всех остальных многообразных факторов, определяя культурно-цивилизационную специфику геосоциальных общностей (что обычно представляется в виде множества разных цивилизаций, которые можно все поделить на солидарные и агональные). Несмотря на некоторое кажущееся подобие иерархических структур Востока и Запада, характер и структура определяющих их внутренних связей принципиально различны.

Существующие два типа геосоциальных объектов взаимно дополняют друг друга, поскольку они по-разному осуществляют выход за пределы уже освоенной ими территории мира[25]. На этом различии основан их конфликтный, сопровождающийся войнами, но в конечном итоге взаимовыгодный для обеих сторон симбиоз. Два принципа, которые определяют организацию этих типов общностей, особенно сильно различаются в плане освоения новых возможностей взаимодействия с окружающим миром. Агональный мир, в котором индивид несравненно более свободен и, соответственно, более активен и авантюристичен, как правило, первым находит новые ресурсы развития и создает «предприятия» для их освоения, что практически невозможно в солидарном мире, который склонен подавлять любые внутренние поползновения за пределы уже освоенного пространства, грозящие нарушением его внутренней гармонии, и переходит к стратегии освоения новых возможностей, только когда не просто осознает наличие новых возможностей экономического роста,

[24] «Член общины воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде, создающем богатство, а кооперацией в труде для общих интересов (воображаемых и действительных), обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри» [Маркс, т. 46, ч. 1, с. 271].

[25] «Значительные перемены в индустрии и вооружении Китая, начавшиеся в XI в. н. э., на несколько столетий опередили достижения европейцев; однако, даже достигнув массового уровня, новые способы производства в Китае увяли столь же быстро, как расцвели. Логика общественного развития (и государственная политика), вначале благоволившие подобным переменам, позднее перестали их поддерживать и даже воспрепятствовали нововведениям. В результате Китай утратил первенство в промышленности, политической мощи и военных делах. Империя уступила статус обладателя самым грозным арсеналом современного вооружения, которым располагала при монгольских правителях, некогда слаборазвитым и даже полуварварским Японии на востоке и Европе на западе» [Мак-Нил, 2008, с. 46]. В агональном обществе развитие политически иначе шло: «И народы, и правители Европы на заре нового времени с неприязнью и недоверием относились к кучке богачей, заставивших общество следовать в заданных рынком пределах; *однако поделать с этим ничего не могли* (курсив мой. — *В.М.*)... Согласившись, хоть и скрепя сердцем, с принципом индивидуальной погони за прибылью (который издавна был основанием их агональной культуры, но в определенные периоды подрывал положение правящих элит, рассчитывавших продлить свое положение вечно. — *В.М.*), западноевропейские страны обеспечили себе господство над остальным миром» [Мак-Нил, 2008, с. 139]. Но сама возможность подобного выбора была заложена в природу западного общества тысячелетиями ранее.

но понимает, что отказ от их использования подобен самоубийству. Зато после он реализует их благодаря своим сущностным качествам со всей своей накопленной институциональной и идеологической мощью, в конечном итоге опережая стартовавшие в этом направлении до него агональные общества. В определенной мере (метафорически) их взаимодействие напоминает природный дуальный порядок последовательности действий толчковой и опорной ног у человека.

Используя другую медико-биологическую метафору, можно сказать, что *способы сложения* геосоциальной субстанции подобно ДНК предопределяют тип субстанции, которая является основой формирования двух типов общностей/коллективов, а также определяет их базовые качества на всем протяжении их непрерывного (в том же смысле, в каком и человечество как сообщество людей существует непрерывно) развития от простейших, самых примитивных форм организации общности до их превращения в сложную по своей морфологии современную культуру. Возникшие на этих принципах многие тысячелетия назад геосоциальные объекты развиваются, т. е. изменяют свои формы (усложняя при этом свое строение, морфологию и даже меняя место своего место развития), но при этом сохраняют свое субстанциальное качество (принцип), которое по мере развития становится все более и более непреодолимым, поскольку все прочнее закрепляется в усложняющейся морфологии их культур[26]. Общность (коллектив) — организационная связанность населения — должна воспроизводиться постоянно. Соответственно и сами типы развития — солидарный или агональный, — носителями которых являются социально-территориальные общности, не могут исчезнуть, пока продолжается история, поскольку, с одной стороны, это — развивающиеся формы человеческих общностей, а с другой, они являются взаимно зависимыми элементами, которые дополняют друг друга, в конечном итоге ускоряя, а не подавляя развитие друг друга.

Исходный принцип сложения элементов за время существования воплощается в таком множестве связей во всех сферах культуры любого общества, в том числе и тех, которые определяют его выживание, что отказаться от них (т. е. преодолеть их) оказывается практически невозможно, даже если в катастрофических обстоятельствах это ведет к физическому уничтожению общества-носителя определенной культуры. Общества и цивилизации, как и люди, смертны, но до сих пор их количество и разнообразие, условия их сосуществования и территориальное соотношение противоположных (дуальных) типов геосоциальных объектов были в целом благоприятными для сохранения и развития человечества, что проявлялось в постепенном усложнении форм его социальной организации, а также в росте численности населения Земли и в широте и глубине освоения им как земного, так и прилегающего к ней космического пространства.

Таким образом, с момента своего появления человек как общественное существо всегда действовал в составе общности (коллектива). Коллектив (общность) не только был предпосылкой появления человека в новом для него качестве, но и сохранял свое значение как предпосылка его воспроизводства и существования на всем протяжении истории. Два способа сложения коллектива обеспечивают в каждом случае определенные типы единства общности (коллектива), которые в ходе последующего развития принимают новые формы, сохраняя при этом на протяжении всего времени развития свое тождество. В результате каждая субстанция воплощается в свой тип культуры, который следует своей линии развития. Нельзя сказать, что в последующие времена не предпринимались попытки начать новую жизнь на новом месте. В их числе можно назвать и переселение европейцев в Америку, и создание индийскими мусульманами Пакистана как успешные попытки начать историю общества с чистого листа, но еще больше тех проектов, которые провалились. Идея

[26] «Основные воплощенные в типовых образцах характеристики культурных систем изменяются лишь на протяжении жизни многих поколений, им всегда следуют относительно большие группы, и они никогда не могут относиться лишь к одному или нескольким индивидам» [Парсонс, 1993, с. 95].

создания нового мира присутствует в головах людей тысячелетиями. Правда, было немного звездных моментов, когда эти утопические устремления можно было реализовать успешно. Тем не менее две главные эпопеи человечества — «Илиада» с «Одиссеей» и «Энеида», связанные с утратой родины и попыткой ее обретения на новом месте, были крайне популярны именно в период от освоения Европы после темных веков и до заселения Америки.

Соотношение культурно-цивилизационных и формационных моментов в развитии геосоциальных объектов

Способ сложения (связи) элементов геосоциальной общности определяет культурно-цивилизационный тип общества[27]. Развитие субстанции связано с изменениями, которые в силу их физической природы претерпевают составляющие ее элементы, что отражается в опосредствующем их видоизменении форм коллектива (общности), но не меняет принципиальной природы исходных связей и отношений. В ходе исторического развития видоизменение форм коллективности связано с углублением разделения труда, которое, с одной стороны, является следствием расширения доступного для общностей экономгеографического пространства, а, с другой — роста численности их населения, т. е. двух материальных элементов, входящих в обе геосоциальные субстанции, что предопределяет смену фаз (формаций) производственно-технологического развития, через которые проходят общности. Тем не менее разделение труда относится ко вторичным отношениям, не определяющим сущностную природу общества, поскольку ее определяет способ организации (складывания) общности. Более того, пока не осознана субстанциальная значимость разницы между способами организации общности (т. е. способами общения) на Востоке и Западе, способ общения сложно отличить от способа производства, с которым он настолько сливается[28], что они рассматриваются как взаимно обусловливающие друг друга[29]. Но способ общения — это не коммуникация непосредственно или с помощью средств общения, а именно способ складывания и в дальнейшем поддержания на базе этого принципа целостности общности, который предопределяет роли действующих лиц, а главное — сам характер их общения.

В марксизме ведущая роль в развитии человечества была отдана производительным силам без выделения и учета их исходной культурно-цивилизационной специфики — солидарной или агональной[30]. Отсюда был сделан вывод, что социальная окраска способов производства обусловлена соотношением факторов производства (формами собственности), а не задана исходно (предпослана) субстанциально данными культурно-цивилизационными основаниями того или иного общества. Способ общения (способ складывания общности), если его брать не как организующую часть субстанции, абстрагируясь от его конкретно-исторических форм, которые она принимает

[27] Г.В.Ф. Гегель отмечает это явление, но видит его сквозь призму своего понятийного восприятия, называя эту необходимую для любой сознательной деятельности коллективность (общность) государством, которое в понимании Гегеля и есть общность: «...государство есть общая духовная жизнь, к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность» [Гегель, 1993, с. 148].

[28] «Обращает внимание и тот факт, что в данном контексте явления дифференциации функций в обществе (разделение труда) и их интеграции (способ общения) трактуются одновременно, параллельно, взаимосвязано» [Рейснер, Разделение труда, 1993, с. 20].

[29] «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обусловливаемая производительными силами и в свою очередь их обусловливающая, есть гражданское общество, которое, как это следует уже из предшествующего, имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной быт» [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 35].

[30] «В то же время качественно особая историческая ступень развития производительных сил труда определяется субстанциональной природой того элемента, который в данный период истории преимущественно выступает в функции орудия» [Крылов, 1997, с. 120].

в конкретном макрорегионе или обществе, а рассматривать как разрозненные, разноуровневые, не связанные между собой явления, не позволяет свести его к субстанции, представленной двумя ее ипостасями: солидарным и агональным способами общения. Способ общения (способ сложения общности) — это та исходная предпосылка, которая определяет культурно-цивилизационный тип общества, в том числе и характерный для него тип производственных отношений[31]. Без выделения способа сложения общности как абстракции социально-политические и экономические явления воспринимаются как разнородные, т. е. как не поддающийся анализу и классификации хаос.

Обращаясь к соотношению способа общения и производственных отношений, отметим, что положение, когда работники непосредственное владеют средствами производства или когда они отделены от них, обусловлено не способом общения (не характером культурно-цивилизационных отношений в обществе) — солидарных в восточных обществах и агональных на Западе. Оно является прагматическим отношением, не имеющим само по себе культурно-цивилизационного аспекта, это — вопрос масштаба производства: «один, даже если очень важный, не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный» (В. Маяковский). Спонтанное социально-политическое обособление индивида является предпосылкой агонального типа общности, которое затем закрепляется во множестве отношений западного общества по мере развития его культуры. Только через тысячелетия это появление социально-политического индивида трансформируется в его относительное социально-экономическое обособление. Относительное, поскольку индивид и в социально-политическом плане, и будучи частью системы разделения труда остается глубоко (но неаскриптивно) интегрированным в общество, которое становится все более и более глобальным и без обретения в результате собственных усилий места в котором он не способен выжить. При этом в солидарном обществе такое обособление (понимаемое как полная личная свобода) не наступает даже на его высших этапах развития (сейчас в рамках индустриального способа производства), а интеграция человека в глобальную систему воспроизводства жизни (или МСРТ) происходит не только индивидуально, но и в составе социально-территориальных общностей (коллективов). Солидарный тип общества продолжает сохраняться в том смысле, что цели развития общества определяет коллектив (или в его интересах лица, делающие это по реальному мандату коллектива), а не люди, добившиеся этого права благодаря удаче (жребию), богатству, влиянию, т. е. индивиды, подобные вознесшимся на время на американский олимп «богам» современного мира, типа И. Маска или Д. Трампа, которых всегда готов потеснить сонм других претендентов, как это в какой-то момент и происходит в каждом агональном обществе.

Развитие обоих субстанциальных культурно-цивилизационных типов проходит через формационные фазы (формации). Формации отличаются одна от другой по тому, какой вид системы производительных сил является доминирующим в системе в данный период. Они последовательно сменяют друг друга в качестве доминанты, отвечая на потребность развития более сложного в своей структуре и в своем генезисе вида ПС в связи с исчерпанием возможностей развития системы ПС на предшествующем уровне ее сложности. Как и с использованием земли, когда вначале вводятся в оборот более плодородные и легкие (менее затратные) в освоении почвы, затем — все более тяжелые (затратные) для освоения. В этом нет заранее заложенной телеологии, но расширение используемой территории планеты и рост ее населения задает все более сложные уровни системы производительных сил, включая и смену доминирующих видов ПС, но происходит это не автоматически, а опосредуется адекватным развитием общественных структур. В систему производительных

[31] Г.В.Ф. Гегель отмечает это явление, но видит его сквозь призму своего понятийного восприятия, называя эту необходимую для любой сознательной деятельности коллективность (общность) государством, которое в понимании Гегеля и есть общность: «...государство есть общая духовная жизнь, к которой индивидуумы относятся с доверием и привыкают от рождения и в которой выражаются их сущность и их деятельность» [Гегель, 1993, с. 148].

сил (ПС) входят природный вид ПС — земля и люди; исторический вид ПС — орудия труда, или средства производства (орудийно-производственный комплекс); духовный вид ПС[32] — опыт, знания, технологии, — все они всегда, но каждый в своем состоянии для конкретного времени, существуют вместе, одновременно, системно. В зависимости от уровня развития системы ПС доминирующими, определяющими формационную специфику развития того или иного типа общества являются последовательно сменяющие друг друга виды производительных сил: природные ПС доминируют в традиционном обществе, основу которого составляет сельское хозяйство; исторические ПС — в современном обществе, основу которого составляют средства производства; стремительно надвигающееся будущее будет эпохой доминирования знаний, технологий, науки, т. е. духовного вида ПС. Формации представляют собой эпохи (фазы) в непрерывном развитии культурно-цивилизационных общностей — Востока и Запада. Каждый из этих культурно-цивилизационных типов геосоциальных объектов входит в эти эпохи и переживает их по-своему.

Таким образом, разные способы сложения общностей/ коллективов — солидарная vs агональная — это модели построения и непрерывного видоизменения общности как совокупности качественно различных и количественно увеличивающихся и усложняющихся по мере исторического развития «сумм связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу» [Маркс, 1968, т. 46, с. 134]. Как отмечал Л. И. Рейснер, эту необходимую связанность всех элементов общества К. Маркс определяет как способ общения, «обеспечивающий целостность социального организма... Совокупность этих различных видов социализации, а для реального общества — вся система средств, которыми оно располагает для поддержания своей внутренней целостности и для существования во внешней (международной) среде, получили в марксистской теории общее наименование “способ общения” или “форма сношения (общения)”» [Рейснер, 1993, с. 18–19]. Соответственно общность, т. е. сам определенным образом устроенный или «сложенный» коллектив (организованная людская масса), вписанный в определенную эколого-хозяйственную (вмещающую) нишу, — это и есть та субстанция, которая в дальнейшем развивается, воплощаясь во множество видоизменений материализованной (в геосоциальном теле) коллективности, последовательно проходя через фазы («формации») производственно-технологического развития. Формы общественного строя (являющиеся моментами развития субстанции во всей ее полноте) являются производными от принципа организации общности, определяющего ее иерархию. Будучи глубоко встроенной в общественные отношения и являясь основой складывания/развертывания (развитой морфологии) геокультуры, эта субстанция качественно неизменна с момента своего возникновения (генезиса) и до нынешнего этапа развития человеческих коллективов, которые непрерывно продолжают существовать на ее основе и в заданных ею рамках, частично видоизменяя свои существенные свойства, но не выходя за пределы субстанциального качества отношений.

Литература / Reference

Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О. Е. Непомнин versus Л. С. Васильев). *Сравнительная политика*. 2012. № 1. С. 67–82 [Alaev L. B. Two New Concepts of the History of the East and the World (O. E. Nepomnin versus L. S. Vasiliev). *Comparative Politics.* 2012. No. 1. Pp. 67–82 (in Russian)].

[32] «Духовные производительные силы общественного труда можно определить как такой комплекс духовно-интеллектуальных процессов, средств их осуществления и их продуктов (знание), которые выступают в качестве особого фактора экономической, производительной деятельности. Таким образом, отношение сознания к бытию, взятое в качестве особого фактора отношения людей к природе, само выступает как особый вид производительных сил» [Крылов, 1997, с. 97].

Барановский В. Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Том 62. № 3. С. 5–19 [Baranovsky V. G., Naumkin V. V. The Middle East in a Changing Global Context: Key Trends in Centennial Development. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 3. Pp. 5–19 (in Russian)].

Васильев Л. С. *Законы эволюции и проблемы человечества*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011 [Vasiliev L. S. *The Laws of Evolution and the Problems of Mankind*. Moscow: Publ. House of the Higher School of Economics, 2011 (in Russian)].

Гегель Г. В.Ф. *Лекции по философии истории*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательская фирма ВО «Наука», 1993. С. 480 [Hegel G. V.F. *Lectures on the Philosophy of History*. St. Petersburg: Nauka, 1993 (in Russian)].

Елишев С. О. Эпоха Просвещения и ее идеология: начало эры социального манипулирования. *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2022. Т. 28. № 4. С. 85–106 [Yelishev S. O. The Age of Enlightenment and Its Ideology: the Beginning of the Era of Social Manipulation. *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science.* 2022. Vol. 28. No. 4. Pp. 85–106 (in Russian)].

Данилевский Н. Я. *Россия и Европа*. М.: Институт русской цивилизации, 2008 [Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008 (in Russian)].

Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира. *Сочинения*. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 382–427 [Kant I. On the Form and Principles of the Sensually Perceived and Intelligible World. *Collected Works*. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1964. Pp. 382–427 (in Russian)].

Классен Х. Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 6–23 [Klassen H. J. M. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism. *Alternative Paths to Civilization.* Moscow: Logos, 2000. Pp. 6–23 (in Russian)].

Крылов В. В. *Теория формаций*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997 [Krylov V. V. *Theory of Formations*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997 (in Russian)].

Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос, 2000. С. 24–83 [Korotaev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A. Alternatives to Social Evolution (Introductory Remarks). *Alternative Paths to Civilization.* Moscow: Logos, 2000. Pp. 24–83 (in Russian)].

Кузнецов В. А. Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности. М.: МГИМО-Университет, 2023 [Kuznetsov V. A. *Russian Oriental Studies: Challenges and Prospects for Development in the New Reality*. Moscow: MGIMO University Publishing House, 2023 (in Russian)].

Кульпин-Губайдуллин Э. С. *Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике*. Волгоград: Учитель, 2014 [Kulpin-Gubaidullin E. S. *Socio-natural History: from Method to Theory, from Theory to Practice*. Volgograd: Uchitel Publ., 2014 (in Russian)].

Лапин Н. И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход. *Проблемы цивилизационного развития*. 2021. Т. 3. № 1. С. 6–42 [Lapin N. I. 'The Russian Project of Civilizational Development' and the anthropo-sociocultural approach. *Problems of Civilizational Development.* 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 6–42 (in Russian)].

Макаренко В. В. Географическая среда в формационном развитии Запада и Востока. *Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах*. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. С. 131–153 [Makarenko V. V. Geographical Environment in the Formation Development of the West and the East. *Orientation is search. The East in theories and hypotheses*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1992. Pp. 131–153 (in Russian)].

Макаренко В. В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук. *Сравнительная политика*. 2019. № 4. С. 12–33 [Makarenko V. V. About the Object-Subject Field of Regional Studies and its Place Among Other Sciences. *Comparative politics.* 2019. No. 4. Pp. 12–33 (in Russian)].

Макаренко В. В. Идентичность на Западе и Востоке: причины срыва попыток либерально-демократической модернизации обществ Ближнего и Среднего Востока. *Мусульманские страны современного мира — идентичность, экономика, политика.* М.: ИВ РАН, 2025. С. 29–74 [Makarenko V. V. Identity in the West and the East: the Reasons for the Failure of Attempts at Liberal-Democratic Modernization of Societies in the Near and Middle East. *Muslim Countries of the Modern World — Identity, Economics, Politics.* Moscow: IV RAS, 2025. Pp. 29–74 (in Russian)].

Мак-Нил У. *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008 [McNeil, W. *In Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society in the XI–XX centuries*. Moscow: Territoriya Budushchego, 2008 (in Russian)].

Манн М. *Источники социальной власти: в 4 т*. Т. 1. *История власти от истоков до 1760 года н. э.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018 [Mann M. *Sources of Social Power: in 4 volumes*. Vol. 1. *The history of power from the origins to 1760 A.* D. Moscow: Publishing House "Delo" RANHIGS, 2018 (in Russian)].

Маркс К. К критике гегелевской философии права. *Собр. соч.* Издание 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 316–368 [Marx K. Towards a Critique of the Hegelian Philosophy of Law. *Collected Works*. 2nd edition. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. Pp. 316–368 (in Russian)].

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. *Собр. соч. Издание 2-е.* Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544 [K. Marx and F. Engels. German Ideology. *Collected Works*. Edition 2. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1955. Pp. 7–544 (in Russian)].

Маркс К. Капитал. Т. III. *Собр. соч.* Издание 2-е. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962. С. 1–548 [Marx K. Capital. Vol. III. *Collected Works*. Edition 2. Vol. 25. Part 2. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1962. Pp. 1–548 (in Russian)].

Маркс К. Капитал. Часть III. Теории прибавочной стоимости. *Собр. соч. Издание 2*-е. Т. 26. Ч. III. М.: Политиздат, 1964 [Marx K. Capital. Part III. Theories of Surplus Value. *Collected Works*. Edition 2. Vol. 26. Part III. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1964 (in Russian)].

Маркс К. Введение. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). *Собр. соч. Издание 2-е.* Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 28–266 [Marx K. Introduction. Economic Manuscripts of 1857–1859 (The Initial Version of the Capital). *Collected Works.* Edition 2. Vol. 46. Part 1. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1968. Pp. 28–266 (in Russian)].

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»*). Собр. соч.* Издание 2-е. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 267–292 [Marx K. Forms Preceding the Capitalist Production. Economic manuscripts of 1857–1859 (The Initial Version of the Capital). *Collected works*. Edition 2. Vol. 46. Part 1. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1968. Pp. 267–292 (in Russian)].

Материя. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 354–355 [Matter. *Philosophical encyclopedia*. M.: Sovetskaya Encyclopedia, 1983. Pp. 354–355 (in Russian)].

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS*. 1993. Вып. 2. С. 94–122 [Parsons T. *The Concept of Society: Components and Their Interrelations*. *THESIS*. 1993. Vol. 2. Pp. 94–122 (in Russian)].

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс, 1998 [Parsons T. *The System of Modern Societies*. M.: Aspect Press, 1998 (in Russian)].

Режебек Е. Я., Богданова М. А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции. *Вестник ДГТУ.* 2011. Т. 11. № 6 (57). С. 911–917 [Rezhebek E. Ya., Bogdanova M. A. Agon as an Immanent Characteristic of the Culture of Ancient Greece. *Bulletin of the Don Technical University*. 2011. Vol. 11. No. 6 (57). Pp. 911–917 (in Russian)].

Рейснер Л. И. *Цивилизация и способ общения*. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 [*Reisner, L. I. Civilization and Method of Communication.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1993 (in Russian)].

Симония Н. А. Судьбы ученого, судьбы науки. Интервью Е. Б. Рашковскому. *Симония Н. А. Избранное.* М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 655–670 [Simonia N. A. The Fate of a Scholar, the Fate of Science. Interview with E. B. Rashkovsky. Simonia N. A. *Selected Works*. Moscow: MGIMO-University Publishing House, 2012. Pp. 655–670 (in Russian)].

Субстанция. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1983 [Substance. *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. M.: Sovetskaya Encyclopedia, 1983 (in Russian)].

Турен А. Идея революции. *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. № 1. С. 98–116 [Touren A. The Idea of Revolution. *The Sociological Review.* 2014. Vol. 13. No. 1. Pp. 98–116 (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984 [*The Evolution of Oriental Societies: a Synthesis of Traditional and Modern*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1984 (in Russian)].

Bondarenko Dmitri M., Grinin Leonid E., Korotayev Andrey V. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1. No. 1. Pp. 54–79.

Eisenstadt S. N. *Tradition, Change and Modernity*. New York: John Wiley & Sons, 1973.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-151-162

ЦИКЛЫ И РИТМЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПАКИСТАНА

© 2026

В. Я. Белокреницкий[1]

Статья базируется на использовании опубликованных Пакистанским бюро статистики данных о темпах экономического развития за практически весь период существования страны (с 1951–52 фин. года). Усредненные данные позволили выделить две длинные волны восходящего (с 1950-х гг.) и нисходящего роста (с 1990-х гг.). Автором выявлены 20 периодов (эпизодов) политико-экономической эволюции, имеющих циклический характер, чередование взлетов и падений. Динамика эволюции характеризуется ритмом в 3–4, реже 5–7 лет. Выявленные эпизоды отмечены сменой правления гражданских и военных элит, авторитарно-бюрократического и партийно-парламентского режимов управления, их гибридных форм в сочетании с большей или меньшей степенью персоналистской власти. Политико-экономические циклы связаны с изменениями трех видов — международно-государственными, внутригосударственными и субгосударственными (взаимоотношением государства и общества). В заключении статьи подчеркивается непрерывный, по сути, характер экономического роста, преобладание государственного сектора экономики над частным, высшей бюрократии (военной и гражданской) над крупной буржуазией, глубокая зависимость пакистанской экономики от внешней помощи и поддержки. Перспективы развития в ближайшем времени представляются малоблагоприятными, но в более отдаленном – не исключено, что с учетом молодой структуры населения и при увеличении вложений в человеческий капитал нисходящая волна эволюции сменится восходящей.

Ключевые слова: Пакистан, циклы социально-экономического, политического развития

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Циклы и ритмы политико-экономической эволюции Пакистана. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 151–162. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-151-162

THE CYCLES AND RHYTHMS OF PAKISTAN'S POLITICAL AND ECONOMIC EVOLUTION

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

The article is based on the use of data published by the Pakistan Bureau of Statistics on the rate of economic development for almost the entire period of the country's existence (from 1951-52 fiscal year). The averaged data made it possible to distinguish two long waves: upward (since the 1950s) and downward (since the 1990s). The author identifies 20 periods (episodes) of political and economic evolution, which have a cyclical nature, alternating

[1] Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky, DSc (Hist.), Professor, Principal Research Fellow, Head of Department for the Study of Countries of Near and Middle East, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

ups and downs. The dynamics of evolution is characterized by a rhythm of 3–4, less often 5–7 years. The identified episodes are marked by a change in the rule of civilian and military elites, authoritarian-bureaucratic and party-parliamentary regimes of governance, their hybrid forms in combination with a greater or lesser degree of personalistic power. Political and economic cycles are associated with three types of changes – international-state, intra-state and sub-state (the relationship between the state and society). The article concludes by emphasizing the essentially continuous nature of economic growth, the predominance of the public sector of the economy over the private sector, the higher bureaucracy (military and civilian) over the big bourgeoisie, and the deep dependence of the Pakistani economy on external aid and support. The prospects for development in the short term seem rather unfavorable, but in the longer term it is possible that, taking into account the young population structure and with an increase of investment in human capital, the downward wave of evolution will be replaced by an upward one.

Keywords: Pakistan, cycles of socio-economic, political development

For citation: Belokrenitsky V. Ya. Cycles and Rhythms of Pakistan' s Political and Economic Evolution. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 151–162. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-151-162

История политических, экономических и социальных процессов в Пакистане, который в 2027 г. отметит свое 80-летие, много раз становилась предметом изучения в отечественной научной литературе. Из трудов по экономике выделяются работы С. Н. Каменева, изучавшего пакистанский экономический рост на протяжении многих десятилетий [Каменев, 1977; Каменев 2014; Каменев 2019]. Значительный вклад в исследование процессов индустриализации и аграрной модернизации внесли И. В. Жмуйда, М. Ю. Морозова и др. [Жмуйда, 1976; Илларионов, 1981; Морозова, 1986; Жмуйда, Морозова, Шах Наваз, 2008]. Социально-экономическому развитию Пакистана уделил в свое время специальное внимание и автор данной статьи [Белокреницкий, 1982; Белокреницкий, 1988]. Политическому развитию страны посвятили свои содержательные монографии основатели советского пакистановедения Ю. В. Ганковский и Л. Р. Гордон-Полонская, а также В. Н. Москаленко и др. [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961; Москаленко, 1970; Пономарев, 1982; Плешов, 2003; Замараева, 2019].

Неизменный интерес к динамике политического и социально-экономического развития характерен и для иностранной исследовательской литературы. Отметим книги таких пакистанских авторов, как Ш. Д. Бурки, Ш. Д. Раджа, П. Худбхои, А. С. Заиди [Burki, 1980; Zaidi, 2011; Raja, 2019; Hoodbhoy, 2023], а также западных ученых Л. Зиринга и И. Тэлбота [Ziring, 1997; Talbot, 1999; Talbot, 2012].

При этом выделение отдельных периодов в истории страны всегда находилось в центре исследовательского внимания, тем более что государство, состоявшее первоначально (с 1947 г.) из двух территориальных частей, через первые четверть века распалось на два — Пакистан в современных границах (бывший Западный Пакистан) и Бангладеш (Восточный Пакистан). Заметными были и различия в темпах экономического роста по десятилетиям — медленные в 1950-х гг. и весьма быстрые в 60-х. Затем следовало торможение в 70-х, но не слишком сильное, и новое ускорение в 80-х. Неравномерным, хотя и не строго по десятилетиям, было социально-экономическое развитие страны и в дальнейшем, в конце прошлого века и в первой четверти нынешнего. Оправданным в этой перспективе представлялся исследовательский фокус на факторы роста и развития, причины торможения и спадов. Тем более что смена бумов и падений зачастую совпадала с переменами в руководстве страны, переходом власти от представителей военной бюрократии к гражданской и обратно (см., напр.: Hayat, Fatima, Nukhtar, Bano, 2016].

Несмотря на отмеченный интерес к этапам и периодам в политическом и социально-экономическом развитии Пакистана, не предпринималось попыток, насколько известно, поставить

их в центр анализа[2]. Между тем использование методики выявления ритмов и циклов эволюции может позволить по-новому осветить неровную ее динамику и сделать некоторые предположения относительно будущей траектории.

Волны социально-экономической эволюции

Выявляемые автором длинные волны отталкиваются в какой-то мере от представлений, обозначенных им в книге 1988 г. о развитии капитализма в Пакистане. Анализ динамики этого развития с середины X1X в. до 80-х гг. XX в. привел к выводу о наличии 40–60-летних периодов в экономической эволюции страны и областей, ее сформировавших. Первый период охватывал 1840–1880-е гг., второй — 1890–1940-е гг., третий — 1950–1980-е. Периоды различались между собой относительно сильным или слабым вмешательством государства в развитие экономики, более быстрым ростом городского или деревенского хозяйства, ориентацией экономики преимущественно на внешний или внутренний рынок [Белокреницкий, 1988, с. 290][3].

В данной статье речь идет о больших периодах социально-экономической эволюции Пакистана протяженностью приблизительно в 40 лет. Каждый из них распадается на два 20-летних отрезка. Выделены также восемь 10-десятилетних этапа (последний из них короче — пять лет, 2021–26). Показатели темпов роста экономики (ВВП), сельского хозяйства, промышленности, инвестиций, т. е. ежегодных приростов в процентных пунктах, приводятся с недавних пор на сайте Пакистанского бюро статистики. Это сделало возможным расчеты средних индикаторов по 20 и 10-летиям (см. Табл. 1 и 2).

Табл. 1. Средние показатели ежегодных темпов прироста в%[4]

Финансовые годы	ВВП	Сельское хозяйство	Промышленность	Инвестиции
С 1951–52 по 1970–71	4,6	3,0	8,7	12,0
С 1971–72 по 1990–91	5,7	3,6	6,7	18,2
С 1991–92 по 2010–11	4,3	3,4	5,4	11,9
С 2011–12 по 2025–26	3,5	2,8	3,6	13,1

Как следует из Табл. 1, темпы роста валового внутреннего продукта в первые два 20-летних периода были заметно выше, чем в последующие два 20-летия (усредненные 5,2% против 3,9%). Особенно заметно расхождение по последнему отрезку 40-летнего периода, т. е. разница между показателями 1970–80-х гг. (5,7%) и 2010–20 гг. (3,5%).

[2] Среди западных авторов специально занимался проблемой различий темпов экономической и социальной эволюции Пакистана (кстати, как и Индии) англичанин М. Маккартни [McCartney, 2011]. В своей книге он использовал имевшиеся у него статистические данные и сделал расчеты по десятилетиям, исходя из сравнения показателей за начальный и конечный годы.

[3] Предложенная автором периодизация напоминает длинные волны замечательного русского экономиста Н. Д. Кондратьева (см., в частности: [Кондратьев, 2017]), но не вытекает непосредственно из его теории восходящих и нисходящих волн мировой экономической конъюнктуры.

[4] Рассчитано автором по: Pakistan Bureau of Statistics. URL: pbs.gov.pk/Annual-National-Accounts-Tables-Excel (дата обращения: 27.03.2026). Финансовые годы с 1 июля по 30 июня; ВВП (валовой внутренний продукт) рассчитан по производственному принципу; в промышленность включены, помимо добывающих и обрабатывающих отраслей, скотобойная, а также строительство и энерго-, газо- и водоснабжение; инвестиции включают вложения в основной капитал и измеряются в текущих ценах, остальные показатели — в постоянных ценах 1980–81 г., с 2015–16 г. — в постоянных ценах того года. Показатели по всей экономике, сельскому хозяйству и промышленности отражают вновь добавленную стоимость без амортизации (ВДС) в так называемых базовых ценах.

Еще более четко эта тенденция просматривается на данных Табл. 2., где приводятся средние показатели по восьми 10-летиям. Видно, кстати, что перелом кривой от восходящего к нисходящему росту приходится не на 1990-е, а на 2000-е гг. Но он закладывается в конце XX в. почти двукратным снижением темпов роста инвестиций.

Табл. 2. Средние показатели ежегодных темпов прироста в%[5]

Финансовые годы	ВВП	Сельское хозяйство	Промышленность	Инвестиции
С 1951–52 по 1960–61	3,3	1,5	8,2	–
С 1960–61 по 1970–71	6,4	4,6	9,3	11,7
С 1971–72 по 1980–81	5,4	3,6	5,9	22,6
С 1981–82 по 1990–91	6,1	4,2	7,5	14,0
С 1991–92 по 2000–01	4,3	4,0	4,0	11,2
С 2001–02 по 2010–11	4,3	2,7	6,9	12,6
С 2011–12 по 2020–21	3,7	2,5	4,1	11,0
С 2021–22 по 2024–25	2,8	3,4	2,5	18,2

Опираясь на приведенные выше данные таблиц, легко обосновать положение о том, что социально-экономическое развитие Пакистана распадается на два длинных периода, две волны. Первая волна, восходящая, охватывает округленно четыре десятилетия с образования страны в 1947 г. до конца 1980-х гг. Вторая волна — нисходящая, длится следующие почти 40 лет, с 1990-х по 2020-е гг. Такой вывод вполне соответствует наблюдениям о том, что отставание Пакистана от сопоставимых с ним развивающихся стран, в частности, соседей по Южной Азии, началось именно с рубежа двух веков. По доходу на душу населения Пакистан в 2000 г. на 23% обгонял Индию и на 62% Бангладеш (576 долл. США в реальных сопоставимых ценах против 458 и 355). А через 20 лет он уступал по этому показателю Индии и Бангладеш примерно две трети (1233 против 1963 и 1966 долл.) [Белокреницкий, 2024, с. 72].

Политико-экономические ритмы

На фоне длинных волн социально-экономической эволюции выявляются короткие периоды (эпизоды) политической и экономической конъюнктуры. Государственная политика оказывает существенное, хотя и не всегда решающее, влияние на состояние общества и экономики. Помимо нее действуют внешние факторы природно-климатического и международно-политического свойства. Однако в случае с Пакистаном роль политики проявляется, может быть, более рельефно, а характер и специфические черты власти меняются ритмически с регулярностью в 3–4, иногда в 5–7 лет. Объяснить это, вероятно, можно недостаточной зрелостью государства, тем, что оно возникло

[5] См. примечание 4.

внезапно, в известной мере случайно, не имея традиций и институтов, на которые могло опереться. Отсюда исключительная роль личностей, вставших во главе страны, особенно на первом, восходящем этапе ее развития (о персоналистском авторитаризме см. [Белокреницкий, 2005]).

Хотя предлагаемая ниже периодизация (деление на эпизоды) является достаточно условной, она опирается на хорошо известные рубежи — события, служившие в большей или меньшей степени поворотными моментами во внутриполитическом раскладе. Что касается политической системы, то автор выделяет два типа правления — авторитарно-бюрократический и партийно-парламентский. В рамках первого типа особый статус имеют военные и гибридные, военно-бюрократические режимы.

Эпизод 1. Август 1947 — октябрь 1951 г. Основателем государства считается первый генерал-губернатор доминиона в составе Британского содружества наций, руководитель партии Мусульманская лига, председатель Учредительного собрания М. А. Джинна. Он стоял у руля правления страной чуть больше года, с 14 августа 1947 г. до своей смерти 11 сентября 1948 г., пользуясь абсолютным доверием формирующейся политической элиты. Его власть во многом унаследовал первый премьер-министр Лиакат Али Хан, убитый на митинге по неустановленным причинам в октябре 1951 г. На начальном этапе складываются основы государственного аппарата, вооруженных сил и дипломатического корпуса, выявляются основные проблемы, с которыми Пакистан в той или иной форме сталкивается до сих пор — отношения с Индией, отягощенные с сентября 1947 г. спором вокруг принадлежности бывшего полунезависимого княжества Джамму и Кашмир, региональный сепаратизм (Восточная Бенгалия, Пуштунистан, Белуджистан) и выбор национального идентитета (страна мусульман или исламское государство). Имело место переселение миллионов людей из Индии в Пакистан и в обратном направлении. Государственное воздействие на экономику было минимальным, темпы экономического роста не просчитаны.

Эпизод 2. Октябрь 1951 — сентябрь 1955 г. Время пребывания на посту генерал-губернатора опытного бюрократа Гулам Мухаммада и становления гражданско-бюрократической системы власти с подчиненной ролью партийно-парламентских институтов. Среди этапных надо рассматривать роспуск первого Учредительного собрания в октябре 1954 г. и избрание второго голосами парламентариев, победивших на провинциальных выборах. Выборы в провинциях, проведенные в начале 1950-х гг., продемонстрировали снижение популярности Мусульманской лиги и рост настроений в пользу консолидации власти в западной части страны. К данному периоду относится формирование внешнеполитического курса на союз с США, Англией и западным блоком, ослабление происламских шагов на международной арене и создание государственных корпораций промышленного развития. Для эпизода характерны крайне неровные темпы экономического роста, падение ВВП в 1951–52 г. на 1,8%, компенсированное в 1953–54 г. при среднем показателе за четыре года в 3,0%. Главное влияние на колебания оказала засуха в начале 1950-х гг. и снижение мировых цен на вывозимое Пакистаном сырье — джут и хлопок. Вместе с тем промышленность, стартуя по сути с нуля, растет исключительно быстро, в среднем на 11% в год.

Эпизод 3. Сентябрь 1955 — октябрь 1958 г. Учредительное собрание в начале 1956 г. большинством голосов одобряет проект Конституции, согласно которому Пакистан из доминиона преобразуется в Исламскую Республику, и 23 марта она вступает в действие. Первым президентом становится преемник Г. Мухаммада на посту генерал-губернатора, соратник М. А. Джинны, отставной генерал-майор Искандер Мирза. Взаимные уступки приводят к поверхностной стабилизации партийно-парламентской системы, усиливается прозападный внешнеполитический курс и недовольство этим левых и националистически настроенных кругов, в первую очередь в Восточном Пакистане. С осени 1955 г. все провинции западной части страны объединены в одну, что вызывает кризис в отношениях с Афганистаном из-за ликвидации пуштунской Северо-Западной

пограничной провинции. Преодоление кризиса было временной передышкой. Пакистан занимает стратегически важное место в блоковой политике Запада, усиливается оснащенность армии и растет доля военных расходов. Между тем социальные реформы не проводятся, а экономика демонстрирует низкие темпы роста (за три финансовых года в среднем, как и в предшествующий период, — 3%). При этом темпы прироста добавленной в промышленности стоимости снижаются до 6,4%.

Эпизод 4. Октябрь 1958 — июнь 1962 г. Отмена первой конституции и приход к власти военных во главе с командующим армией генералом (через год — фельдмаршалом) М. Айюб Ханом. Осуществление ряда либерально-модернизаторских реформ, прежде всего земельной, в соответствии с которой устанавливался потолок землевладения. Государство этим покушается на права земельной аристократии и распределяет излишки земли среди крестьян. Процесс осуществления реформы затягивается, но она считается единственной, весьма скромной по результатам, однако доведенной до конца. Другая реформа связана с семейными отношениями. Вторжение государства в эту сферу (запрет многоженства, введение порога в 16 лет для вступления девушек в брак и обязательная его регистрация) вызвало сопротивление со стороны консервативных сил. Недовольство в обществе потребовало от властей внесения корректив в политику реформ, ослабив их эффективность. Система косвенной демократии через многоступенчатые выборы позволила провести безальтернативные выборы М. Айюб Хана в президенты в феврале 1960 г., а затем и избрание в апреле 1962 г. парламента, который в июне того года принял вторую Конституцию, закреплявшую отмену всеобщих выборов и позволявшую ограниченную свободу действий разрешенных государством политических партий. Реформы в экономической и социальной сфере способствовали подъему экономики. Рост ВВП за четыре года составил в среднем 4,3%, несмотря на крайне неурожайный 1959–60 г. В области внешней политики сохраняется крен в сторону Запада, обостряются отношения с Афганистаном, происходит срыв в связях с СССР (1 мая 1960 г. сбит над Уралом летевший из Пакистана американский самолет-шпион), быстро, впрочем, преодоленный.

Эпизод 5. Июнь 1962 — август 1965 г. М. Айюб Хан в январе 1965 г. побеждает на альтернативных выборах президента. Военно-бюрократический режим пытается сгладить противоречия между Восточным и Западным Пакистаном и добивается успехов в экономической сфере. Среднегодовые темпы роста ВВП возрастают до 7,7%, причем впервые стабильно растет вновь добавленная стоимость в сельском хозяйстве (на 4,3%) при промышленном росте за три года в 10,8%. Появляющиеся с 1960–61 г. данные об инвестициях свидетельствуют об их росте в этот период на 23–28% в год. Успешное выполнение второго пятилетнего плана прерывается начатой пакистанским руководством в августе 1965 г. войной с Индией. После поражения Индии в пограничной войне с КНР осенью 1962 г. Пакистан делает ставку на связи с Китаем.

Эпизод 6. Август 1965 — март 1969 г. Заключение в январе 1966 г. при содействии СССР Ташкентской декларации, положившей конец войне с Индией в августе-сентябре предшествующего года, не спасает Пакистан от ее тяжелых последствий. Позиции режима ослаблены, несмотря на сохраняющиеся высокие среднегодовые темпы прироста в 6% и успехи «зеленой революции». На этом фоне обостряются подспудные до поры противоречия между политической элитой Восточного и Западного Пакистана и проявления массового социального недовольства, созвучные настроениям в мире конца 1960-х гг. Раскол в правящих кругах (уход министра иностранных дел З. А. Бхутто в оппозицию) заставляет М. Айюб Хана искать примирения с партийно-политическими силами, неудача найти компромисс приводит к его отставке в марте 1969 г., передаче власти главнокомандующему армией генералу А. М. Яхья Хану и введению нового военного положения.

Эпизод 7. Март 1969 — декабрь 1971 г. Коллапс военно-автократического режима, несмотря на прирост ВВП в 1969–70 г. на 9,8%, валовой добавленной стоимости в аграрном секторе — на 9,5%,

в промышленности — на 11,3%, а инвестиций — на 20,4%. Возобновление с начала 1970 г. деятельности партий и общественных организаций, подготовка к проведению первых всеобщих выборов. Роспуск единой провинции Западный Пакистан, формирование 4-х провинций — Панджаба, Синда, СЗПП и Белуджистана. Выборы в декабре 1970 г. Полная победа партии *«Авами Лиг»* (Народная лига) в Восточном Пакистане и завоевание ею большинства в парламенте. В Западном Пакистане побеждает партия З. А. Бхутто (Пакистанская народная, ПНП). Переговоры между лидером *«Авами лиг»* Муджибур Рахманом и З. А. Бхутто заканчиваются провалом в марте 1971 г. В восточной провинции вводится карательный режим, сторонники *«Авами лиг»*, провозгласившие лозунг отделения от Пакистана и создания Бангладеш (Страны бенгальцев), бегут в Индию. Нарастание внутриполитического кризиса обостряет отношения с Индией и ведет к декабрьской войне с ней. Капитуляция группировки пакистанской армии в восточной провинции и неудачи на западнопакистанском фронте, в том числе в Кашмире, вынуждают А. М. Яхья Хана уйти в отставку. Прерогативы президента военные отдают З. А. Бхутто, богатому землевладельцу, представителю видного политического клана.

Эпизод 8. Декабрь 1971 — июль 1977 г. Первый период существования Пакистана в современных границах. Утверждение партийно-парламентской формы правления, принятие 14 августа 1973 г. третьей Конституции, действующей до сего времени. Проведение З. А. Бхутто социально-экономических реформ — национализация ведущих предприятий в базовых отраслях промышленности, банков и страховых компаний, расширение госсектора в сфере образования и здравоохранения. Удар по крупному частному капиталу, который ушел «в тень» и перетек за границу. Прирост ВВП тем не менее не прекратился, составив за шесть лет в среднем 4,4%. З. А. Бхутто нормализовал отношения с Индией, заключив с ней в июле 1972 г. Симлское соглашение и решив проблему возврата более 90 тыс. пакистанских «пленников войны». Ось внешней политики смещается в сторону нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. Туда же начинает мигрировать рабочая сила, как неквалифицированная, из сельских местностей, так и квалифицированная, из городских. В феврале 1974 г. З. А. Бхутто организовал проведение второго саммита Организации исламской конференции (ныне — Организации исламского сотрудничества) в Лахоре, дважды посетил Москву, обеспечив финансово-техническую поддержку строительства первого металлургического завода полного цикла. Ошибки, допущенные З. А. Бхутто во второй половине своего правления, вызвали острый кризис весной 1977 г. и захват власти военными 5 июля того же года.

Эпизод 9. Июль 1977 — март 1985 г. Глава военного режима генерал М. Зия уль-Хак в течение первых двух лет правления боролся с влиянием З. А. Бхутто на политическую жизнь в стране и, несмотря на просьбы о помиловании мировых лидеров, дал согласие на его казнь 4 апреля 1979 г. Опиравшийся на политику исламизации общественной жизни режим воспользовался обострением ситуации в Афганистане и превратил страну в тыл для борьбы с советским присутствием там. Военная помощь США и других государств, выступивших в поддержку действий афганских *муджахедов* (участников *джихада*, священной войны) против правительства в Кабуле, способствовала экономическому росту, одновременно усугубив коррупцию и концентрацию богатств в руках военно-бюрократической олигархии. Среднегодовой рост ВВП за первые семь лет прямого военного управления составил 6,5%, стабильным было увеличение аграрного продукта благодаря отчасти хорошим погодным условиям, и очень быстрым — рост промышленности (9,7%).

Эпизод 10. Март 1985 — август 1988 г. Организовав в декабре 1984 г. референдум о продлении своих президентских полномочий, генерал М. Зия уль-Хак пошел на проведение в феврале выборов в нижнюю палату парламента на непартийной основе. Гибридная форма управления, введенная военными властями под давлением изнутри и извне, оказалась маложизнеспособной. Смягчение режима власти, ознаменовавшееся триумфальным возвращением в страну из добровольной

ссылки дочери З. А. Бхутто Беназир, сопровождалось усилением разногласий между президентом и премьер-министром М. Х. Джунеджо. Последний подписал Женевские соглашения по Афганистану в апреле 1988 г., открывшие путь для вывода оттуда советской 40-й армии. В конце мая М. Зия уль-Хак распустил парламент, обещая провести новые выборы. 17 августа он погиб в подстроенной, очевидно, авиакатастрофе. Экономический рост в последние три года власти военных сократился до 7%, в промышленности — до 7,7%.

Эпизод 11. Август 1988 — август 1990 г. Обезглавленная военная верхушка передает власть спикеру распущенной Национальной ассамблеи Г. Исхак Хану, который объявляет о проведении в ноябре выборов на партийной основе. На выборах побеждает с небольшим отрывом партия Б. Бхутто, и она становится первой в мусульманском мире женщиной-премьером. При ней усиливается влияние США, Международного валютного фонда и Всемирного банка на экономическую политику, возрастает зависимость от внешней помощи. Улучшение отношений с Индией (проведение в Исламабаде 4-го саммита Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии) наталкивается на сопротивление военных, которые продолжают контролировать политику на афганском направлении. Экономические темпы роста снижаются до 5,2%, хотя частные инвестиции растут достаточно быстро, особенно в 1988–89 г. (на 24%).

Эпизод 12. Август 1990 — ноябрь 1993 г. Гибридная структура власти находит подтверждение в роспуске президентом Национального собрания в августе 1990 г. и проведении новых выборов в октябре. Военные вмешиваются в выборы и добиваются победы на них Исламского демократического альянса, где основную роль играет Пакистанская мусульманская лига (ПМЛ), возглавляемая выдвиженцем М. Зия уль-Хака, промышленником и бизнесменом М. Наваз Шарифом. Правительство пытается осуществить приватизацию, но сталкивается с сопротивлением военно-бюрократических верхов, заинтересованных в сохранении за госсектором (бюрократией) основных источников доходов. Конфликт бизнеса и власти заканчивается отставкой Н. Шарифа и проведением новых выборов. Попытка либерализации, увенчавшаяся в начале 1990-х успехом в Индии, в Пакистане терпит фиаско. Впрочем, экономические темпы роста сохраняются на уровне 5% в среднем за трехлетний период, а инвестиции в 1991–92 г. растут почти на 30%.

Эпизод 13. Ноябрь 1993 — февраль 1997 г. Повторный приход к власти правительства ПНП во главе с Б. Бхутто отмечен, как и первый, распрями внутри правящих страной сил. Отход от поддержки выбранного от партии президентом Ф. Легхари правительства приводит к очередному роспуску парламента и выборам в феврале 1997 г. Раздрай в правящей партии осложняется вмешательством, помимо военных, еще и судебной корпорации. Экономические темпы сохраняются на прежнем уровне (5,3%), но в стране усиливаются уличные беспорядки и борьба вооруженных группировок. Под влиянием обстановки в Афганистане, где к власти с помощью Исламабада приходит Движение *талибов* (буквально — учеников медресе), а также в индийской части Кашмира наблюдается подъем радикальных происламских настроений.

Эпизод 14. Февраль 1997 — октябрь 1999 г. Убедительная победа партии Н. Шарифа на выборах позволяет ему бросить вызов влиянию военных. Утверждая себя во власти, лидер Мусульманской лиги недооценил сплоченность военной корпорации, ее нежелание согласиться с утратой позиций в области отношений с Индией. Приезд с дружественным визитом индийского премьера А. Б. Ваджпаи в Лахор в феврале 1999 г. подтолкнул военных к авантюре на линии контроля в Кашмире в мае того года. Длившийся более трех месяцев вооруженный конфликт закончился отводом на исходные позиции пакистанских частей. Проигрыш Пакистана в конфликте двух к тому моменту уже ядерных держав обнажил слабость пакистанского премьера, который попытался заменить главу вооруженных сил, начальника штаба армии генерала П. Мушаррафа. Провал попытки привел к установлению

четвертого военного правления, по юридической форме более мягкого — вместо военного было введено чрезвычайное положение. Прирост ВВП за второй срок Н. Шарифа снизился до 3,1%, уменьшился и рост инвестиций.

Эпизод 15. Октябрь 1999 — октябрь 2002 г. Прямое правление военных продолжалось до всеобщих выборов и приведения после них к присяге начальника штаба армии П. Мушаррафа в качестве президента. Популистские меры, направленные на борьбу с коррупцией и непотизмом, на некоторое время улучшили настроения в обществе, однако скорый фактический отказ от них вернул ситуацию «на круги своя». Основные подвижки в этот период связаны с поддержкой Пакистаном интервенции США и НАТО в Афганистан после атаки лайнеров «Аль-Каиды» на небоскребы Нью-Йорка 11 сентября 2001 г. и отказа талибов выдать главу организации Усаму бен Ладена. Косвенно связанное с вспышкой исламистского террора обострение отношений с Индией продолжалось около полугода, но не привело к войне. Средний прирост ВВП сохранялся на низком уровне в 3,4%, при этом из-за засухи начала 2000-х гг. рост ВДС в сельском хозяйстве прекратился.

Эпизод 16. Октябрь 2002 — ноябрь 2007 г. «Золотой дождь» в виде долларов США, пролившийся на Пакистан после 2001 г., сказался на экономических показателях этого периода. Объем ВВП возрастал в среднем за пятилетие на 6,3%, а валовая добавленная стоимость в промышленности — на 11,6%. Валовые вложения в основной капитал в текущих ценах росли на 17,4% в среднем в год. Благоприятный с точки зрения основных макроэкономических индикаторов период не был использован для диверсификации промышленной структуры и закончился острым внутриполитическим кризисом, кратковременным восстановлением в ноябре 2007 г. прямого правления военных и отказа от него под давлением общественного мнения в стране и за рубежом.

Эпизод 17. Ноябрь 2007 — май 2013 г. 6-летний период является одним из самых тяжелых в истории Пакистана. Начавшись с обострения ситуации, вызванной борьбой правительства и вооруженных сил с реальной исламистской угрозой, эпизод включает организованную исламистами гибель Б. Бхутто на предвыборном митинге в Равалпинди 27 декабря того года, проведение выборов в марте 2008 г., уход генерала П. Мушаррафа с поста президента в августе того же года и сложную внутриполитическую борьбу, в которой военная корпорация отстояла свою независимость от гражданских властей, позволив им взамен провести выборы в конституционный 5-летний срок. Разгул убийств и массовых беспорядков в Карачи и ряде других мест вкупе с низкими темпами экономического роста (3,0%) объясняют проигрыш на выборах в мае 2013 г. правившей ПНП во главе с овдовевшим мужем Б. Бхутто президентом А. А. Зардари. К бедствиям политического свойства, к числу которых надо отнести кризис в отношениях с США (убийство без ведома Исламабада американским спецназом укрывавшегося в Пакистане У. бен Ладена 2 мая 2011 г. и ряд других инцидентов) дополнились небывалым наводнением летом 2010 г. (2 тыс. погибших, миллионы пострадавших, номинальный рост аграрного сектора в 2009–10 г. на 0,3%).

Эпизод 18. Май 2013 — июль 2018 г. Более благополучный в экономическом плане период пребывания у власти правительства ПМЛ. Среднегодовой прирост ВВП — 4,4%, промышленности — 5,2, инвестиций — 12,3. В 2015 г. началось осуществление многомиллиардного проекта инвестиций КНР в инфраструктуру Пакистана (Китайско-пакистанский экономический коридор). Наиболее успешным был 2017–18 г., когда кабинет возглавлял не Н. Шариф, вынужденный покинуть пост под давлением военных, а другой член руководства партии — Ш. Х. Аббаси. Гибридный характер власти с превосходством военных еще раз проявился в ходе очередных выборов, на которых победила поддержанная ими популистская партия Имран Хана («Техрик-е инсаф», Движение за справедливость).

Эпизод 19. Июль 2018 — апрель 2022 *г.* Первые два года пребывания у власти оказались для кабинета И. Хана в экономическом смысле провальными, в некоторой степени из-за пандемии

COVID-19. В 2019–20 г. наблюдается второе за историю страны падение ВВП (на 0,9%). Добавленная стоимость в промышленности сокращается на 7,8%, инвестиции снижаются практически до нуля. Статистика двух последних финансовых лет показывает компенсацию — рост ВВП на 5,8 и 6,2%, промышленности — более чем на 10%. Среднегодовые показатели 4-х лет — на уровне предшествующего периода (3,8%). Поддержанное военными отстранение И. Хана от власти (вынесение ему парламентом вотума недоверия) приводит к управлению страной кабинет Шехбаз Шарифа (брата Навааза).

Эпизод 20. Апрель 2022 — июнь 2026 г. Смена правительства выводит Пакистан из кризиса в отношениях с США и улучшает возможности получения помощи от МВФ, ВБ и других кредиторов. Угрожавший стране дефолт (невыполнение взятых долговых международных обязательств) устраняется, но экономическая обстановка остается в высшей степени неудовлетворительной (двузначная инфляция, троекратное по сравнению с серединой 2010-х гг. обесценение национальной валюты, огромный дефицит текущего платежного баланса). В 2022–23 г. наблюдалось третье падение ВВП на 0,2%, причем добавленная стоимость в промышленности упала на 5,3%. Среднегодовой рост ВВП за четыре года, согласно исправленным в мае 2026 г. в сторону повышения данным Комитета национальных счетов, равен 2,3% с учетом предварительной оценки увеличения ВВП за 2025–26 г. на 3,7%[6]. Кризисное состояние экономики отразилось на политических настроениях. Беспорядки мая 2023 г. привели к аресту Имран Хана, который был лишен права участвовать в очередных выборах и остается в тюрьме до сих пор. Результаты состоявшихся в феврале 2024 г. выборов опротестованы оппозиционным Движением за справедливость, получившим право сформировать правительство лишь в провинции Хайбер-Пахтунхва (бывшая СЗПП). Успехи Пакистана на военном и внешнеполитическом поприще (удача в четырехдневном конфликте с Индией в мае 2025 г., посредническая роль в достижении перемирия между США, Израилем и Ираном в марте-апреле 2026 г.) породили надежды на повышение его международного статуса и улучшение социально-экономического климата. В качестве крупного достижения правительство отмечает рост переводов от пакистанцев, работающих за границей (до 42 млрд долл.) Этот показатель стремительно растет все последние годы и помогает решить фискально-финансовые проблемы. Вместе с тем переводы разогревают инфляцию и способствуют разрыву между импортом и экспортом.

Заключение

Проведенный эксперимент с выявлением политико-экономических ритмов базируется на событиях и фактах, относящихся к трех ярусам, в центре которых находится государство — верхнему, международно-государственному, среднему, внутригосударственному, и нижнему, субгосударственному, определяемому взаимоотношениями государства и общества. Значение явлений, относящихся к разным ярусам, как правило, меняется от одного эпизода к другому.

Этот вывод о ритмах и циклах политико-экономической эволюции следует дополнить рядом заключений, не во всем вытекающих из представленного в статье материала. Речь идет о характере политэкономического процесса и базовой неизменности пакистанского общества. Что касается политэкономии развития, то для Пакистана характерно преобладание государственного сектора экономики над крупным частно-корпоративным, а следовательно, и господство государства над современным гражданским обществом, которое формируется в основном благодаря активности частного капитала. На первых этапах постколониального существования частный сектор еще только складывался при действенном участии национального государства. Когда государственно-частное

[6] National Accounts Committee (NAC) Meeting. 117th, 13th May, 2026. URL: https://nadata.gov.pk (дата обращения: 20.07.2026).

партнерство обрело достаточно зрелые формы, по крупному предпринимательству был нанесен сильный удар, от которого оно до настоящего времени не оправилось. Доминирование малоэффективного госсектора во многом объясняет нисходящую длинную волну развития, утвердившуюся с конца XX в.

Вместе с тем можно отметить тенденции, противостоящие нисходящей траектории, в частности попытки нынешних властей приватизировать убыточные госпредприятия, повысить эффективность госсектора и всей системы экономических институтов. Осознается ими и необходимость увеличения вложений в человеческий капитал и понимание того, что молодая структура населения (средний возраст по медиане — 24 года) является важным резервом роста. Растет в обществе и осознание того, что требуются дальнейшие меры по улучшению положения женщин в области образования и занятости.

Следует отметить, что развитие экономики Пакистана, несмотря на низкие и средневысокие темпы роста, шло, по существу, непрерывно. Локальные военные столкновения, в которых участвовала страна, не наносили ей значительного урона. Национальный продукт в долл. США (международных) за 75 лет стал в 10–15 раз крупнее (с учетом инфляции доллара), притом что население выросло лишь в 7,5 раза, с 34 до 250 млн человек. В реальных сопоставимых ценах ВВП ныне достиг 452 млрд долл., а доход на душу населения — 1 900 долл.[7]

Характерной для Пакистана является открытость рынка рабочей силы, растущие темпы ее эмиграции за рубеж, прежде всего в богатые нефтью государства Аравии и Залива. Эта черта сочетается с ориентацией производимого в стране на внутренний рынок, крупной долей в ВВП рентных платежей (операции с недвижимостью), а также широким распространением ухода от налогов и незаконных транзакций (контрабанды, торговли валютой и наркотиками).

В краткосрочном плане перспективы экономического роста Пакистана представляются не слишком обещающими, до конца 2020-х гг. темпы роста ВВП и другие макропоказатели останутся скромными, но, скорее всего, не будут падать. Возможности развития на средней и особенно длинной дистанции могут оказаться существенно выше, и тогда на смену нисходящей волне придет восходящая.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. *Пакистан: особенности и проблемы урбанизации*. М.: Наука, 1982 [Belokrenitsky V. Y. *Pakistan: Specific Features and Problems of Urbanization*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX—80-е годы XX в.)*. М.: Наука, 1988 [Belokrenitsky V. Y. *Capitalism in Pakistan. History of Socio-Economic Development in Pakistan (Mid19th Century to 1980s)*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Персоналистский авторитаризм в Пакистане. К вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте. *Восток (Oriens)*. 2005. № 6. С. 74–92 [Belokrenitsky V. Y. Personalistic Authoritarianism in Pakistan. Towards the Issue of Political Culture and Regime of Power in the Oriental Version. *Vostok (Oriens)*. 2005. No. 6. Pp. 74–92 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Экономика Пакистана — причины и последствия замедленного роста. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № . 3. С. 69–78 [Belokrenitsky V. Y. Economy of Pakistan — causes and consequences of a slow-motion growth. *World Economy and International Relations*, 2024. Vol. 68. No. 3. Pp. 69–78 (in Russian)].

Жмуйда И. В., Морозова М. Ю., Шах Наваз. *Пакистан: экономические диспропорции и региональная политика государства*. М.: Научная книга, 2008 [Zhmuida I. V., Morozova M. Y., Shah Nawaz. *Pakistan: Economic Disproportions and Regional Politics of the State*. Moscow: Nauchnaya kniga, 2008 (in Russian)].

[7] Pakistan Economic Survey: Economy expands to $ 452 b, GDP grows 3,7%. The Express Tribune. 11.06.2026. URL:https://tribune.com.pk/story/2612592/finance-minister-presents-economic-survey-2025-26-ahead-of budget (дата обращения: 20.07.2026).

Жмуйда И. В. *Промышленность Пакистана (1947–1971)*. М.: Наука, 1976 [Zhmuida I. V. *Industry of Pakistan (1947–1971)*. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Замараева Н. А. *Пакистан: армия и демократические институты (1999–2019)*. М.: ИВ РАН, 2019 [Zamaraeva N. A. Pakistan: Army and Democratic Institutions (1999–2019). Moscow: IV RAN, 2019 (in Russian)].

Илларионов С. И. *Роль государства в развитии экономики Пакистана (70-е годы XX в.)*. М.: Наука, 1981 [Illarionov S. I. *Role of State in Economic Development of Pakistan (1970s)*. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Каменев С. Н. *Экономический рост Пакистана (анализ общественного продукта)*. М.: Наука, 1977 [Kamenev S. N. *Economic Growth of Pakistan (An Analysis of National Product)*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Каменев С. Н. *Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ*. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014 [Kamenev S. N. *Economic Development of Pakistan. Macroeconomic Analysis*. Moscow: Centr strategicheskoy konyunktury, 2014 (in Russian)].

Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане*. М.: ИВ РАН, 2019 [Kamenev S. N. *History of Economic Processes in Pakistan*. Moscow: IV RAN, 2019 (in Russian)].

Морозова М. Ю. *Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции*. М.: Наука, 1986 [Morozova M. Y. *Contemporary Pakistani Village. Specific Features of Socio-Economic Evolution*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Москаленко В. Н. *Проблемы современного Пакистана*. М.: Наука, 1970 [Moskalenko V. N. *Problems of Today's Pakistan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности. К 125-летию Н. Д. Кондратьева. Под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. М.: Учитель, 2017 [*N. D. Kondratieff: Crises and Forecasts in Light of Theory of Long Waves. A Look from Nowadays. For the 125th anniversary of N. D. Kondratieff*. Ed. L. E. Grinin, A. V. Korotaev, V. M. Bondarenko. Moscow: Uchitel, 2017 (in Russian)].

Плешов О. В. *Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане*. М.: ИВ РАН, 2003 [Pleshov O. V. *Islam, Islamism and Nominal Democracy in Pakistan*. Moscow: IV RAN, 2003 (in Russian)].

Пономарев Ю. А. *История Мусульманской лиги Пакистана*. М.: Наука, 1982 [Ponomaryov Y. A. *History of Pakistan Muslim League*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Burki S. J. *Pakistan Under Bhutto 1971–1977*. London: Macmillan Press, 1980.

Hoodbhoy P. *Pakistan: Origins, Identity and Future*. London and New York: Routledge, 2023.

McCartney M. *Pakistan. The Political Economy of Growth, Stagnation and the State, 1951–2009*. London and New York: Routledge, 2011.

Raja S. H. *Political Economy of a Post-Colonial State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Talbot I. *Pakistan. A Modern History*. Lahore: Vanguard, 1999.

Talbot I. *Pakistan. A New History*. Karachi: Oxford University Press, 2012.

Zaidi S. A. *Issues in Pakistan Economy*. Karachi: Oxford University Press, 2011.

Ziring L. *Pakistan in the Twentieth Century: A Political History*. Karachi: Oxford University Press, 1997.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Hayat M. N., Fatima K., Mukhtar U., Bano S. Economic Performance of Pakistan Under Democracy and Military Regimes. Journal of Economics, Business and Management. 2016. Vol. 4. No. 12. Pp. 690–694. URL: https://www.joebm.com/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=67&id=822 (дата обращения: 10.03.2026).

National Accounts Committee (NAC) Meeting. 117th, 13th May, 2026. URL: https://nadata.gov.pk (дата обращения: 20.07.2026).

Pakistan Bureau of Statistics. URL: pbs.gov.pk/Annual-National-Accounts-Tables-2024-25-May-2025-1(3)-Excel (дата обращения: 27.03.2026).

Pakistan Economic Survey: Economy expands to $ 452 b, GDP grows 3,7%. The Express Tribune. 11.06.2026. URL: https://tribune.com.pk/story/2612592/finance-minister-presents-economic-survey-2025–26-ahead-of budget (дата обращения: 20.07.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-163-170

ИРАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СТРАНЫ

© 2026

М. С. Каменева[1]

В статье анализируется роль культурного наследия в политике иранского руководства в XX–XXI вв. Отмечается, что обращение к культуре и культурному наследию было характерно для периода правлении династии Пехлеви, особенно последнего шаха Мохаммада Резы. Проводимая им политика иранского национализма была связана с подчеркиванием традиций, относимых к «золотому веку» персидской истории и культуры доисламского периода. Ситуация принципиально не изменилась и после исламской революции 1979 г. Культурный фактор не потерял своей актуальности, однако на первый план вышли уже традиции мусульманские, которые в первые десять лет существования исламской республики господствовали в иранском политическом дискурсе на фоне полного отрицания доисламского культурно-исторического наследия. Особое внимание автором уделено последним событиям в Иране, связанным с вооруженным нападением на него США и Израиля, когда фактор культурного наследия приобрел неожиданную остроту и информация о разрушениях его объектов обошла все мировые СМИ.

Ключевые слова: Иран, культурное наследие, исторические памятники, вооруженный конфликт, ЮНЕСКО

Для цитирования: Каменева М. С. Иранское культурное наследие и его роль в политическом дискурсе страны. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 163–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-163-170

IRANIAN CULTURAL HERITAGE AND ITS ROLE IN THE COUNTRY`S POLITICAL DISCOURSE

Marina S. Kameneva

The article analyzes the role of cultural heritage in the policy of Iranian leadership during the XX – XXI centuries. It notes that the focus on culture and cultural heritage was characteristic for the Pahlavi dynasty's rule, particularly for last Shah, Mohammad Reza. The policy of Iranian nationalism he pursued emphasized the traditions associated with the 'Golden Age' of pre-Islamic Persian history and culture. The situation did not fundamentally change after the 1979 Islamic Revolution. The cultural factor remained significant, but the focus shifted to Islamic traditions. Moreover, during the Islamic Republic's first decade, these traditions dominated in the Iranian political discourse accompanied by a complete rejection of the pre-Islamic cultural and historical heritage. The

[1] Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kamenevamarina@mail.ru

Marina S. Kameneva. PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kamenevamarina@mail.ru
ORCID: 0000-003-3680-0301

author pays particular attention to recent events concerned the armed attacks on Iran by the US and Israel, when the issue of cultural heritage gained an unexpected urgency, and the news of the destruction of heritage objects made the headlines in global media.

Keywords: Iran, cultural heritage, historical monuments, armed conflict, UNESCO

For citation: Kameneva M.S. Iranian Cultural Heritage and Its Role in the Country's Political Discourse. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 163–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-163-170

Для иранцев, причем неважно, будем мы говорить о периоде правления династии Пехлеви или об исламской республике, иранская культура и иранское культурное наследие — это как священная корова, которую трогать нельзя. Это важные составляющие понятия «иранская идентичность», они играют ведущую роль в процессах консолидации и интеграции иранского народа.

Иранское культурное наследие, как и общемировое культурное наследие и культурное наследие каждой отдельной страны, складывалось на протяжении многих тысячелетий и представляет собой сокровищницу образцов материальной и духовной культуры — памятников архитектуры и искусства, литературных памятников и памятников письменности, образцов музыкального творчества и ремесел. В формировании иранского культурного наследия приняли участие народы, населявшие территорию нынешнего Ирана в разные исторические эпохи при правлении арабов, тюрков и моголов. Иранская земля также видела и представителей других народов, которые совершали поездки с деловыми и иными целями через ее территорию, в том числе и по Шелковому пути, и внесли свою лепту в создание иранского культурного кода.

Обращение к культуре и культурному наследию стало традицией в иранском политическом дискурсе XX — начала XXI вв. Так было и во времена правления династии Пехлеви, особенно последнего шаха Мохаммада Реза Пехлеви, и после исламской революции 1979 г. Культуре принадлежит важная роль в процессе реализации государственно-политической и идеологической стратегии руководства Ирана, причем в исламской республике она постепенно превратилась в действенный фактор его внешнеполитической деятельности. Проблема культурного наследия также активно задействована иранской властью.

Иранский национализм периода правления династии Пехлеви был связан с подчеркиванием не имевших выраженной религиозной окраски традиций, относимых к «золотому веку» персидской истории и культуры доисламского периода. Уже в 20–30-е гг. XX в. и далее, вплоть до исламской революции, усиление политики национализма и паниранизма сопровождалось прославлением и культивированием доисламского прошлого в истории страны, в возрождении которого монархия видела средство для укрепления своей власти. В этом ключе решением иранского правительства название Персия в официальной переписке было заменено Ираном. Были переименованы на старый лад многие города, осуществлен переход на солнечное летоисчисление, введены староиранские названия месяцев. Укреплению национального единства, по расчетам властей, должна была способствовать пропаганда расового и культурного превосходства персов, чему, в частности, способствовала и проводимая в стране языковая политика, направленная на укрепление позиций персидского языка и включение именно его как важного компонента в понятие «единая иранская нация». Это проявилось в фетишизации доисламского прошлого, особенно времен правления династий Ахеменидов и Сасанидов, наследницей которых провозглашалась династии Пехлеви [История Ирана, 1977, с. 342–343].

Позднее, уже в 60–70-е гг. XX в., в годы проведения в стране «белой революции», иранская власть, пытаясь подвести под нее идеологическую базу, вновь делала акцент на исключительности

культуры и истории Ирана, на уникальном, чисто иранском характере проводимых реформ, а «белая революция» преподносилась как порождение иранской самобытности, воплощение духа и традиций иранского народа [Nader Hassan, 1979, с. 878–891].

Официальная культурно-идеологическая программа власти была в общем плане сформулирована в книге шаха Мохаммада Реза Пехлеви «Мое служение родине» [Pahlavi, 1960]. Обращения к культурному наследию и оценки его важной роли для страны также звучали с высоких трибун в выступлениях шахини Фарах Пехлеви. Важным принципом, повлиявшим на формирование официальной доктрины, был тезис о «непрерывности» (*estemrar*) иранской традиции, или принцип культурной преемственности. Он оказал воздействие на формирование понятий «культура» и «культурное наследие», в трактовке которых пальма первенства отдавалась доисламскому культурному фактору, не отвергая при этом достижения последующих веков [Кляшторина, 1990, с. 108–109, 111].

О важной роли культурного наследия для страны иранский шах писал также в своей другой культовой книге — «На пути к великой цивилизации»: «Мы сейчас прикладываем усилия и в будущем намереваемся идти по пути сохранения и защиты традиций и ценностей, составляющих культурное наследие наших предков [Pahlavi, 1971, с. 334–335].

После исламской революции с приходом к власти мусульманского духовенства, приступившего к исламизации всех сфер функционирования иранского общества, культурный фактор не потерял своей актуальности. Имамом Хомейни была начата активная работа по созданию новой, самобытной иранской культуры *farhange khishin*, пропитанной духом ислама и базирующейся исключительно на мусульманских традициях при полном отрицании культурного наследия (имеется в виду доисламского — М.К.) Ирана, то есть из понятия «культурное наследие» изымался огромный историко-культурный пласт [Каменева, 1982, с. 255].

В последующие десятилетия с изменением содержания понятия «культура», которое шло по пути от культуры исламской к культуре исламской иранской, постепенно менялось отношение иранской власти к включению в понятие «культурное наследие» доисламских иранских культурных традиций.

Наиболее ярко обновленный взгляд на культуру и культурное наследие проявился в политике президента Хасана Роухани. Одной из задач деятельности своего правительства в сфере культуры, как было отмечено в Программе возглавленного им на время своего второго президентского срока 12-го кабинета, было знакомство иранского общества с духовным и материальным культурным наследием страны и воспитание любви к своим культурным ценностям [Ruhani, 2017, с. 128].

Тема культурного наследия в это время начала озвучиваться иранской стороной и на международной арене во время серии визитов Х. Роухани в европейские страны — Италию, Францию и другие — на официальных встречах с их руководством. В это время Иран также активизировал свою деятельность с международными организациями (ОЭС, ОИС, ООН в лице ЮНЕСКО) в сфере сохранения совместного культурного наследия стран — их членов. Особенно плодотворно это сотрудничество развивалось с ЮНЕСКО.

Так, в 2016 г. во время пребывания в Париже президент Ирана в беседе с генеральным директором ЮНЕСКО И. Боковой отметил позитивную роль возглавляемой ею организации в деле сохранения мирового культурного наследия и особенно подчеркнул ответственность ЮНЕСКО за недопущение уничтожения памятников материальной культуры на Ближнем и Среднем Востоке, имея в виду прежде всего Сирию и Ирак, где террористы, разрушая памятники истории, разрушали неповторимость культур, религий и верований. Х. Роухани призвал использовать весь возможный потенциал для борьбы с насилием и терроризмом, уничтожавшими культурное

достояние человечества. При этом президент Ирана отметил важную роль ЮНЕСКО, в частности, в деле защиты иранского культурного наследия и демонстрации его миру[2].

Сотрудничество Ирана с ЮНЕСКО по многим направлениям осуществляется в тесном контакте с иранской государственной научно-образовательной структурой — Организацией по культурному наследию, ремеслам и туризму (*Sazeman-e miras-e farhangi sanaye'-e dasti va gardeshgari*). Эта организация была создана в апреле 2006 г. решением иранского меджлиса и представляет собой комплекс научных и учебных учреждений, осуществляющих надзор за музейными комплексами на территории Ирана. Организация реализует многочисленные совместные проекты с зарубежными академиями и музеями, публикует книги, журналы. Она также курирует проекты внутри страны, связанные со знаменитыми историческими памятниками — Персеполисом, Пасаргадами, Бисутуном. В эту организацию входят такие музейные комплексы страны, как Национальный музей Ирана, комплекс Ниаверан, Голестанский дворец[3]. В 2019 г. она перешла в ведение Министерства культурного наследия, ремесел и туризма (создано в 1985 г.), внутри которого с этого времени и осуществляет свою деятельность.

Координирующую роль в развитии сотрудничества Ирана и ЮНЕСКО играет Иранская национальная комиссия по делам ЮНЕСКО (*Komisyon-e melli-e UNESCO — Iran*), которая была создана в 1948 г. после вступления Ирана в состав этой организации. Конституция Иранской национальной комиссии, определявшая стратегию ее деятельности, после исламской революции 1979 г. была пересмотрена в соответствии с изменившейся политической ситуацией в стране. В настоящее время Комиссия, как и прежде, остается связующим звеном между ИРИ и ЮНЕСКО, той структурой, на которую возложены задачи планирования, реализации и оценки программ ЮНЕСКО на страновом уровне.

При президенте Роухани не только власть, но и представители иранского общества начали демонстрировать все возраставший интерес к своему историческому и культурному наследию, в том числе к доисламским традициям и религиозным культам. Зороастрийский праздник зажигания огня начал проводиться в более широких масштабах, в выходные и праздничные дни наблюдались массовые посещения памятных мест доисламской цивилизации на территории страны. Несмотря на запреты духовенства, иранцы каждый год отмечали любимый и почитаемый ими предшествующий Ноурузу праздник Чахаршамбе сури [Дунаева, 2016, с. 84]. Под влиянием протестов со стороны деятелей культуры кабинетом Х. Роухани был приостановлен снос исторических построек XIX в. в Ширазе, что ранее планировалось для расширения территории вокруг мечети Шах Черах и превращения ее в центр религиозного паломничества.

Однако при пришедшем на смену Х. Роухани президенте-консерваторе Эбрахиме Раиси стали появляться настораживающие свидетельства негативного отношения власти к отдельным доисламским символам — принятие решения об изъятии с денежных купюр изображения Тахте Джамшид — древней столицы иранского государства при правлении династии Ахеменидов, а также о внесении изменений в официальный календарь, коснувшихся переименования двух древних, исконно иранских праздников — Шабе Йалда и Чахаршамбе сури. Был реанимирован прежний проект вокруг мечети Шах Черах в Ширазе [*Jazb-e tasvir-e Takht-e Jamshid az ru-ye eskenas din ra taghviyyat nemikonad; Taghyir-e nam-e shab-e yalda va chaharshambe suri dar taghvim-e rasmi-ye keshvar*].

Тема культурного и исторического наследия зазвучала с новой силой в связи с развернувшимися событиями на Ближнем и Среднем Востоке, с началом в конце февраля 2026 г. вооруженной

[2] Официальный сайт президента ИРИ. URL: http://www.president.ir/en/91639 (дата обращения: 02.02.2026).

[3] Официальный сайт Организации по культурному наследию, ремеслам и туризму ИРИ. URL: http://www.ichto.ir (дата обращения: 06.03.2016).

агрессии США и Израиля против Ирана уже при новом президенте ИРИ Масуде Пезешкиане. Проблема сохранения памятников культуры, культурного наследия стран, так или иначе втянутых в этот конфликт, — Ливана, стран Персидского Залива и, конечно, Ирана начала активно обсуждаться в мировых СМИ, в теле- и радиопрограммах, а также заняла ведущие позиции в Интернете.

Как в Иране, так и на международном уровне неоднократно поднимался вопрос о неправомерности разрушения объектов культурного наследия Ирана. Иранская сторона в лице Министерства культурного наследия, туризма и ремесел (*Vezarat-e miras-e farhangi gardeshgari va sanaye'-e dasti*), возглавляемого Резой Салехи-Амири, не раз ссылалась на Гаагскую конвенцию от 1954 г., где нападения на объекты культурного наследия признаются нарушением международного права, а также на резолюцию ООН от 2017 г., осуждающую незаконное уничтожение культурного наследия, включая объекты религиозного назначения. При этом важно, что Израиль, США и Иран являются участниками Гаагской конвенции[4]. Обращалось также внимание причастных к конфликту и его последствиям сторон и мировой общественности на Конвенцию 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия.

Количество получивших повреждение культурных памятников в разных источниках варьируется, приводятся цифры — 120, 131, 150, но в любом случае они звучат очень внушительно. Отдельно было отмечено, что из-за обстрелов пострадало 50 музеев страны, в связи с чем генеральный секретарь Иранской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО озвучил просьбу Ирана провести экстренное заседание организации по этому поводу[5]. В конце марта ЮНЕСКО заявила, что готова направить в Иран группу специалистов для оценки в сотрудничестве с Иранской национальной комиссией по делам ЮНЕСКО состояния пострадавших объектов всемирного наследия, находящихся в Иране. Однако на тот момент из соображений безопасности она ограничилась пока организацией наблюдения с помощью спутников с передачей координат объектов, находящихся под угрозой, всем сторонам конфликта и причастным к нему сторонам для снижения риска дальнейших повреждений[6].

Среди наиболее известных получивших повреждения объектов можно назвать Голестанский дворец (XVI в., эпоха Каджаров), Большой базар, Мраморный дворец и Зеленый дворец в комплексе Саадабад в Тегеране (оба относятся к первой четверти XX в.); постройки в районе площади Нагше джахан (1598–1629) — дворцы Али Гапу, Чехель Сотун, мечеть Масджеде Джаме (VIII в.) в Исфагане, который неофициально считают культурной столицей Ирана. Не зря существует выражение, что *Эсфахан несфе джахан* («Исфахан — половина мира»). Незначительно были повреждены также жилые здания российского консульства, представительское здание которого представляет собой историческую ценность. Особого внимания заслуживает информация, что в результате удара США по зданию бывшего посольства США в Тегеране был нанесен урон Свято-Николаевскому собору Русской православной церкви, сооруженному в 1940 г. Он был спроектирован знаменитым русским архитектором Николаем Марковым и внесен в Общенациональный список культурного наследия Ирана.

Отдельно следует остановиться на находящемся в зоне опасности острове Харк, о котором в ходе конфликта многократно упоминалось как о важной стратегической и экономической территории, принадлежащей Ирану, и который многократно обещал уничтожить президент США. Но этот небольшой остров, как оказалось, представляет большой интерес и в культурологическом

[4] Российская газета – последние новости и события России и мира сегодня. URL: https://www.rg.ru/2026/03/17/tegeran-bet-trevogu-iz-za-ushcherba-nanesennogo-ego-kulturnym-obektam.html (дата обращения: 25.03.2026).

[5] Сайт ТАСС. URL: https://www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26869095) (дата обращения: 27.03.2026).

[6] Там же.

и цивилизационном плане. В значительной степени из-за своего географического положения он стал местом сосуществования народов с разными культурами и религиями. Здесь можно увидеть и зороастрийские храмы эпохи Сасанидов, и несторианские церкви, и памятники мусульманской культуры, и образцы иранской клинописи эпохи Ахеменидов.

В сложившейся ситуации еще больше повысилась роль ЮНЕСКО в Иране, ее Комитета по мировому культурному наследию, являющегося единственным институтом, обладающим правом регистрации памятников культуры и природного наследия в Списке мирового культурного наследия. Комитет осуществляет свою деятельность в соответствии с Конвенцией о защите мирового культурного наследия. Иран в течение полувека поддерживает тесные контакты с этой ведущей культурологической организацией, приняв Конвенцию в 1975 г., а реально присоединившись к ней в феврале 1979 г., когда Тахте Джамшид (Персеполис) и Площадь Имама в Исфагане были занесены в список ЮНЕСКО.

В настоящее время Иран входит в первые десять государств мира, занимая 6 место среди них, по количеству зарегистрированных объектов культурного наследия в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО. По этому же показателю страна находится на четвертом месте в Азии. Вместе с тем надо иметь в виду, что каждая страна имеет право представлять не более двух объектов в год в качестве кандидатов на рассмотрение Комитета. Список объектов мирового культурного наследия на 2017 г. включал 21 наименование, принадлежавшее Ирану, причем 9 из них были признаны шедеврами. В 2019 г. он пополнился еще тремя, а к настоящему времени (2025–2026 гг.) достиг 29 объектов.

Большинство иранских культурных объектов из Списка представляют собой памятники материальной культуры. Вместе с тем среди них все чаще встречаются уникальные природные объекты, первым из которых в 2015 г. стал культурный ландшафт (деревня) Мейманд.

В 2003 г. ЮНЕСКО была принята Конвенция о нематериальном культурном наследии. В 2010 г. Радиф — явление классической иранской музыки, представляющее собой сохранившийся корпус классических мелодических моделей, являющихся основой традиционной иранской музыки, стал первым таким объектом, внесенным в этот Список в соответствии с новым документом.

Помимо Списка памятников материальной и нематериальной мировой культуры существует также Список библиографических изданий и архивных документов мирового значения. В 2014 г. Иранская национальная комиссия ЮНЕСКО, Национальная библиотека и Архив предложили для внесения в этот Список несколько книг, которые хорошо известны специалистам-исследователям и любителям персидской литературы. Это «Бустан» и «Голестан» Саади, относящиеся к 1213–1291 гг., копия «Масневи» Джалаледдина Руми, датированная 1207–1273 гг., и «Сафарнаме» Насири Хосроу, относящаяся к XI в. Впоследствии, в 2016 г., собрание произведений Саади и «Наставления правителям» были также зарегистрированы в этом Списке.

Обращение к культуре, культурному наследию во внешнеполитической деятельности Ирана, как показывает существующая реальность, способно как содействовать налаживанию и сохранению отношений страны с внешней аудиторией, так и стать причиной возникновения недопонимания, противоречий и даже конфликтных ситуаций между Ираном и другими странами — представителями мирового сообщества, причем из сферы культуры они могут перейти в область политики.

Возникающие у Ирана с соседними государствами споры, связанные с вопросами культурного наследия, характеризуются иранской стороной как «фальсификация и искажение самого понятия «культурное наследие». Иранцы считают, что другие страны присваивают себе тот кусок культурного наследия, который, по их мнению, безоговорочно принадлежит им. Так, например, негодование вызвал факт создания в Турции сериала под названием «Ибн Сина», где не говорится об иранском происхождении этой выдающейся персоны (хотя известно, что он родился в Бухаре,

на территории современного Узбекистана, входившей в то время в состав Ирана, а похоронен в г. Хамадан, на земле древней Мидии, уже давно являющейся частью Ирана). Кстати, Ибн Сину ранее представляли как своего ученого также Катар и Таджикистан.

Проблемы дележа литературного наследия иранских народов также постоянно возникают в культурологическом дискурсе. К примеру, иранской стороной обращается внимание общественности и специалистов, что в Таджикистане произведение классика персидской литературы Фирдоуси «Шахнаме» было опубликовано на основе кириллицы, что, по ее утверждению, совершенно несовместимо с иранской литературной традицией. Отмечается также тот факт, что в прошлом некоторые образцы литературного творчества известных представителей Ирана подвергались искажению. Правительство Таджикистана также представляет Рудаки, отца персидской поэзии, как считается в Иране, и его творчество принадлежащими своей стране, так как он похоронен на территории современного Таджикистана.

Особой критике со стороны Ирана подвергается фиксация в Списке культурного наследия ЮНЕСКО целого ряда объектов материального и духовного наследия со ссылкой на две и более стран. К ним можно отнести, например, творчество Низами Гянджеви, представленного в Списке как выходца из Азербайджана, очень почитаемого в Иране Моулави, произведение которого «Танец небес» было зарегистрировано как принадлежащее Турции, что обосновывается фактом его захоронения на турецкой территории.

Крайнее неудовольствие вызывает у Ирана также тот факт, что лаваш в Списке ЮНЕСКО зарегистрирован как принадлежащий Армении. И подобных примеров при анализе Списка культурного наследия можно найти немало [*Ja'l va tahrif-e mashahir va miras-e farhangi-ye Iran tavassot-e keshvarha-ye mantaghe*].

С другой стороны, представляет интерес также ситуация, которая сложилась с представленным несколько лет назад известным иранским режиссером Маджидом Маджиди фильмом «Мохаммад. Путь всевышнего» (первая часть из трилогии). Он не был принят в целом ряде мусульманских суннитских стран, к примеру, в Египте, Саудовской Аравии и некоторых других, которые посчитали, что шиитский Иран не вправе посягать на святая святых ислама — Мохаммада.

Приведенные примеры подтверждают тот факт, что культурный фактор, фактор культурного наследия может играть как конструктивную, консолидирующую роль, так и стать причиной недопонимания и даже конфликта между странами и народами.

Литература / References

Дунаева Е. В. Новые политические и социокультурные реалии современного Ирана. Вызовы или перспективы? *Иран во втором десятилетии XX1 века: вызовы и перспективы*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 75–86 [Dunaeva E. V. IRI's New Political and Sociocultural Realities: Challenges or Prospects?. *Iran in the Second Decade of the XXI Century: Challenges and Prospects*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2016. Pp. 75–86 (in Russian)].

История Ирана. М.: МГУ, 1977 [*History of Iran*. Moscow: Moscow State University, 1977 (in Russian)].

Каменева М. С. Хомейни о современном культурном развитии Ирана*. Современный Иран: проблемы политики и идеологии*. М.: Наука, 1982. С. 255–266 [Kameneva M. *S.* Khomeini on Modern Cultural Development of Iran. *Modern Iran: Problems of Politics and Ideology*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 255–266 (in Russian)].

Кляшторина В. Б. *Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей (Идеология, политика, культура)*. М.: Наука, 1990 [Klyashtorina V. *B. Iran in the 1960s-1980s: From Cultural Pluralism to the Islamization of Spiritual Values (Ideology, Politics, Culture*). Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Nader Hassan. Reforme und Revolution — Theorie und Praxis in Iran während der Sechziger und bis zur Mitte der Siebziger Yahre. *Asien, Africa, Lateinamerika*. 1979. № 5. Pp. 879–891 (in German).

Ruhani Hassan. *Barname-ye dowlat-e davazdahom "Azadi va amniyyat. Aramesh va pishraft"*. Tehran, 2017. [Роухани Хасан. *Программа 12 кабинета «Свобода и безопасность. Мир и прогресс»*. Тегеран, 2017 (in Persian)]. URL: http://www.isna.ir/news/96022213789 (дата: обращения: 10.06.2017)

Pahlavi Mohammad Reza. *Mission for my Country*. London: Hutchinson of London, 1960.

Pahlavi Mohammad Reza. *Be su-ye tamaddon-e bozorg*. Tehran: Ketabkhaneh-ye Pahlavi, 1971 [Pahlavi Mohammad Reza. *On the Way to the Great Civilization*. Tehran: Ketabkhaneh-ye Pahlavi 1971 (in Persian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Официальный сайт Организации по культурному наследию, ремеслам и туризму ИРИ. URL: http://www.ichto.ir (дата обращения: 06.03.2026).

Официальный сайт президента ИРИ. URL: http://www.president.ir/en/91639 (дата обращения: 02.02.2026).

Сайт Информационного агентства России «ТАСС». URL: https://www.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26869095) (дата обращения:27.03.2026).

Сайт Российской газеты. URL: https://www.rg.ru/2026/03/17/tegeran-bet-trevogu-iz-za-ushcherba-nanesennogo-ego-kulturnym-obektam.html (дата обращения: 25.03.2026).

Jazb-e tasvir-e Takht-e Jamshid az ru-ye eskenas din ra taghviyyat nemikonad. URL: http://etemadonline.com/574752 (дата обращения: 05.10.2022) [Удаление изображения Тахте Джамшид с денежных купюр не способствует укреплению религии (in Persian)].

Ja'l va tahrif-e mashahir va miras-e farhangi-ye Iran tavassot-e keshvarha-ye mantaghe. URL: https://www.etemadonline.com/tiny/news-644111 (дата обращения: 03.03.2024) [Фальсификация и искажение фактов, связанных с известными личностями и объектами культурного наследия Ирана со стороны региональных государств (in Persian)].

Taghyir-e nam-e shab-e yalda va chaharshambe suri dar taghvim-e rasmi-ye keshvar. URL: https://jahaneghtesad.com/article/19/11/2023 (дата обращения: 20.12.2023) [Изменение названия праздников Шабе Ялда и Чахаршамбе сури в официальном календаре Ирана (in Persian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-171-187

РОЛЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛИГИ КИТАЯ В СИСТЕМЕ МНОГОПАРТИЙНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

© 2026

М. Ю. Ульянова[1]

Статья посвящена комплексному анализу роли Демократической лиги Китая (ДЛК, 中国民主同盟) в системе государственного управления и законотворчества КНР. Исследование базируется на анализе статистики представительства членов ДЛК в органах власти (2012–2024 гг.), количественных показателей ее законодательных инициатив и их реализации, официальных отчетов НПКСК и ВСНП. Рассматривается трансформация функций ДЛК в условиях реализации стратегии технологического суверенитета Китая. Анализ фокусируется на экспертно-аналитической деятельности ДЛК. Через инициативы в традиционных сферах (образование, наука, технологии, экология – 73% предложений за 2021–2024 гг.) Лига воздействует на формирование национальной политики. 41% ее научно-технических инициатив интегрирован в государственные программы. Однако лишь 11% инициатив принимаются без изменений, а 61% требуют корректировки со стороны КПК, что отражает принципы «регулируемого участия» в системе многопартийного сотрудничества.

Автор приходит к выводам, что политическое влияние ДЛК носит отраслевой характер, сосредоточено в сферах науки и образования, ключевых для технологического лидерства Китая. Научная новизна заключается в переосмыслении роли экспертного участия в авторитарных системах и верификации модели «регулируемого участия», в рамках которой экспертная роль демократических партий жестко детерминирована идеологическими и институциональными рамками. Практическая значимость заключается в выявлении механизмов интеграции интеллектуальной элиты в политическую систему, что повышает качество государственных решений при сохранении контроля КПК.

Ключевые слова: Демократическая лига Китая, политическая система КНР, многопартийное сотрудничество, законодательный процесс, Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК), экспертное влияние, политическое участие, система государственного управления Китая, технологический суверенитет КНР

Для цитирования: Ульянова М. Ю. Роль Демократической лиги Китая в системе многопартийного сотрудничества и государственного управления КНР в современный период. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 171–187. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-171-187

[1] Ульянова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Центр изучения современного Китая, Москва; m.ulyanova@ivran.ru

Maria Yu. Ulyanova, PhD (Philology), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Modern China, Moscow, m.ulyanova@ivran.ru

ORCID: 0009-0004-4051-074X

THE ROLE OF THE DEMOCRATIC LEAGUE OF CHINA IN THE SYSTEM OF MULTIPARTY COOPERATION AND PUBLIC ADMINISTRATION OF THE PRC IN THE MODERN PERIOD

Maria Yu. Ulyanova

The article is a comprehensive analysis of the role of the China Democratic League (CDL, 中国民主同盟, Zhōngguó Mínzhǔ Tóngméng) in the state governance and lawmaking system of the PRC. The research is based on an analysis of statistics regarding the representation of CDL members in government bodies (2012-2024), quantitative indicators of its legislative initiatives and their implementation, and official reports of the CPPCC and the NPC. The transformation of the CDL's functions in the context of implementing China's technological sovereignty strategy is examined. The analysis focuses on the CDL's expert and analytical activities. Through initiatives in traditional spheres (education, science, technology, ecology – 73% of proposals for 2021-2024), the League influences the formation of national policy. 41% of its scientific and technological initiatives are integrated into state programs. However, only 11% of initiatives are adopted unchanged, while 61% require adjustments by the CPC, reflecting the principles of "regulated participation" within the multi-party cooperation system.

The author concludes that the CDL's political influence is sectoral in nature, concentrated in the spheres of science and education, which are key for China's technological leadership. The scientific novelty lies in rethinking the role of expert participation in authoritarian systems and verifying the "regulated participation" model, within which the expert role of democratic parties is strictly determined by ideological and institutional frameworks. The practical significance lies in identifying the mechanisms for integrating the intellectual elite into the political system, which improves the quality of government decisions while maintaining CPC control.

Keywords: China Democratic League, political system of the PRC, multi-party cooperation, legislative process, Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC), expert influence, political participation, China's state governance system, technological sovereignty of the PRC

For citation: Ulyanova M. Yu. The role of the Democratic League of China in the system of multiparty cooperation and public administration of the PRC in the modern period. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 171–187. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-171-187

В контексте формирования уникальной модели политического управления Китая, сочетающей однопартийную систему с институтом многопартийного сотрудничества, значительный научный интерес представляет анализ влияния демократических партий Китая на государственное управление и законотворчество. Демократическая лига Китая (ДЛК, 中国民主同盟) как исторически крупнейшая партия интеллектуальной элиты предлагает пример для изучения механизмов интеграции экспертного сообщества в систему государственного управления.

Существующие исследования китайских авторов системы многопартийного сотрудничества в КНР преимущественно сосредоточены на историко-институциональном анализе становления демократических партий, формально-правовом статусе в рамках политической системы, идеологическом обосновании их роли в концепции «социалистической демократии с китайской спецификой». Вместе с тем недостаточное внимание уделяется анализу их практического влияния — представительству в органах власти, эффективности законодательных инициатив, динамике кадрового состава. Исследование основано на статистических данных о представительстве ДЛК в органах

власти (2012–2024 гг.), анализе законодательных инициатив и процента их принятия, изучении биографий ключевых представителей ДЛК в государственных структурах, официальных документах и отчетах о работе НПКСК и ВСНП.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что влияние ДЛК является значительным, но строго сегментированным и проявляется в традиционных для Лиги сферах образования, науки и технологии, экологии, но ограничено в стратегических областях (оборона, безопасность, финансы). Эффективность участия определяется соответствием инициатив приоритетам КПК и способностью работать в рамках установленных «красных линий».

С момента основания в 1941 г. Демократическая лига Китая, одна из восьми демократических партий Китая, консолидировала вокруг себя научную и творческую интеллигенцию, ориентированную на продвижение демократических преобразований и борьбу с японским милитаризмом. После провозглашения КНР в 1949 г. организация была интегрирована в институциональную структуру «многопартийного сотрудничества» и политических консультаций, что открыло ее представителям доступ к участию в работе правительственных и законодательных институтов. Ключевыми формами такого участия стали экспертно-консультационная деятельность, представительство в народных собраниях и реализация отраслевых инициатив, сфокусированных преимущественно на сферах образования, науки, культурной политики и охраны окружающей среды.

На протяжении всей своей истории Демократическая лига Китая последовательно реализовывала свой экспертный потенциал в ключевых сферах государственной политики. В 1950-е годы представители партии занимали ответственные посты в профильных министерствах, внося непосредственный вклад в восстановление национальных систем образования и культуры. В эпоху реформ и открытости (1980-е годы) партия активизировала участие в разработке научно-технологической и образовательной политики.

В 1990-е годы сохранялась активная роль ДЛК в образовательной и научной политике через институты народного представительства (ВСНП) и политических консультаций (НПКСК). На рубеже тысячелетий деятельность Лиги расширилась за счет включения социально-экологической повестки, где инициативы организации находили отражение в государственных программах устойчивого развития (《可持续发展战略》) [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 310–330].

В 2010-е годы произошла стратегическая переориентация на поддержку технологического развития, включая участие в формировании национальной инновационной стратегии 2006–2020 гг. (《国家中长期科学和技术发展规划纲要2006–2020》) [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 360]. Представители партии укрепляли позиции в министерствах, отвечающих за технологическое развитие и цифровизацию. В 2020-е годы сохраняется устойчивое представительство ДЛК в ключевых государственных институтах, ответственных за проблемы образования, науки и экологии. ДЛК принимает активное участие в реализации национальной «Программы экономического и социального развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и долгосрочные цели на период до 2035 года», государственной «Стратегии инновационно-ориентированного развития» (2016–2020), включающей сопутствующую «Программу инновационно-ориентированного развития государства», и в стратегическом «Плане строительства экологической цивилизации на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.)», базовым элементом которого является национальная программа «Строительства экологической цивилизации» [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 370–430]. Историческая преемственность участия в разработке и реализации государственной политики подтверждает статус ДЛК как постоянного экспертного ресурса системы.

Демократическая лига Китая в политической деятельности в современный период

Роль демократических партий в политической системе Китая и их функции впервые были официально определены в период становления системы многопартийного сотрудничества и «социалистического строительства» после образования КНР в 1949 г. (1950-е — 1980-е гг.). В тот период она оформилась в политический принцип «Три участия, одна помощь» (《三个参加、一个帮助》) [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 140, 160]. «Три участия» включали право: 1. «Участвовать в государственной власти», в частности занимать посты в правительстве; 2. «Участвовать в консультациях по основным направлениям государственной политики»; 3. «Участвовать в управлении государственными делами». «Одна помощь» включала принцип «Помогать Коммунистической партии Китая в ее самореформировании» (《自我改造》).

Политический принцип «Три участия, одна помощь» после 2012–2017 гг. был преобразован в концепцию «Три основные функции» (《三大基本职能》) [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 400–410], законодательно закрепленную в Положении о Едином фронте 2021 г. [Жэньминь чубаньшэ, 2021, гл. 12, с. 8]. Она описывает институциональные роли демократических партий в политической системе и входит в модель «Народная демократия полного цикла» (《全过程人民民主》, также именуемая в российской историографии как «непрерывная демократия»[2]), суть которой подробно изложена в «Белой книге. Демократия в Китае» 2021 г. [Guowuyuan Xinwen Ban'gongshi, 2021, с. 50].

«Три основные функции» включают:

1. «Участие в политических консультациях под руководством КПК», что является первичной и высшей формой политического участия. Она означает, что демократические партии вовлекаются в обсуждение ключевых государственных решений, законопроектов, кандидатур на руководящие посты и важных политических документов до их официального принятия, на стадии консультаций и обсуждений, организованных КПК;

2. «Участие в управлении государственными делами» (《参政议政》), что подразумевает более расширенную сферу деятельности, включающую два аспекта:

2.1. «Участие в управлении» (《参政》), включающее прямое занятие должностей в государственных органах (ВСНП, правительстве, судах и прокуратуре) и выполнение административных функций. Члены демократических партий занимают руководящие должности в государственных органах, включая ВСНП и Госсовет, СНП и местные народные правительства. Также участвуют в реализации политики посредством представительства интересов различных социальных групп общества, включая интеллигенцию, предпринимателей, этнические меньшинства и другие слои населения. Это позволяет учитывать разнообразие мнений и интересов при формировании политики. Например, ДЛК представляет интересы китайской интеллигенции, Партия стремления к справедливости — китайских эмигрантов, а Тайваньская лига демократии и самоуправления — тайваньской диаспоры. ДЛК реализует свою функцию «демократическое участие в управлении» («民主管理», «миньчжу гуаньли») посредством замещения членами Лиги административных должностей в региональных правительствах (вице-губернаторы, начальники департаментов), что позволяет влиять на реализацию политики на местах;

2.2. «Обсуждение государственных дел» (《议政》), включающее внесение предложений, аналитических записок и критических замечаний по вопросам государственной политики через институционализированные каналы (прежде всего НПКСК). Согласно «Белой книге», демократические

[2] Информация о демократии полного цикла приводится также в работах И. Г. Чубарова и А. В. Виноградова [Чубаров, 2025, с. 41–60; Виноградов, 2024, с. 78–96].

партии участвуют в политических консультациях НПКСК, в обсуждении пятилетних планов, поправок к Конституции и другим законодательным документам, социально-экономических реформ. Обсуждают ключевые вопросы национальной и региональной политики, вносят проекты с предложениями и критикой, что помогает КПК и Госсовету совершенствовать систему и принимать более взвешенные и научно обоснованные решения.

Участие ДЛК в политической деятельности КНР соответствует концепции «Народная демократия полного цикла». Ее экспертно-консультативная функция реализуется через механизмы «консультативной демократии» посредством подготовки специализированных докладов в рамках НПКСК. «*Демократическая лига Китая, объединяя передовых представителей интеллигенции, вносит уникальный вклад в научное развитие и культурный прогресс страны через механизмы консультативной демократии*» [Guowuyuan Xinwen Ban'gongshi, 2021, с. 50].

3. «Демократический надзор» (《民主监督》), подразумевающий осуществление контроля за соблюдением законов, проведением политических решений и работой государственных органов и их сотрудников. Демократические партии критикуют недостатки в работе правительства и выдвигают предложения по улучшению через институционализированные каналы на основе принципа «взаимного контроля» в рамках Единого фронта, а не в качестве оппозиционной силы. Концепция «демократического контроля» является ключевой для описания роли ДЛК на протяжении всей ее истории в КНР, например, лига осуществляет контроль за реализацией законов в сфере образования, науки и экологии на протяжении разных исторических периодов. Согласно «Белой книге» 2021 г., «Демократическая лига как участвующая партия играет важную роль в политических консультациях и демократическом надзоре» [Guowuyuan Xinwen Ban'gongshi, 2021, с. 24–25].

Указанные три основные функции демократических партий не разделены, а представляют собой единый механизм, где «участие в консультациях» задает рамки, «участие в управлении» является практической реализацией, а «надзор/контроль» представляет корректирующий инструмент. Все эти функции осуществляются под руководством КПК в рамках Единого фронта.

Кроме того, члены ДЛК являются квалифицированным кадровым резервом для госаппарата КНР. Согласно документу Единого фронта 2019 г. «Мнения об укреплении строительства участвующих партий социализма с китайской спецификой» «доля членов демократических партий, занимающих реальные правительственные должности, должна составлять не менее 15%» [Zhonggong Zhongyang Tongyi Zhanxian Gongzuobu, 2019, с. 12].

Таким образом, через механизмы НПКСК ДЛК обеспечивает профессиональную экспертизу на стадии обсуждения ключевых политических решений через институализированные платформы. Согласно Годовому отчёту НПКСК за 2022 г. «Демократическая лига, опираясь на профессиональные преимущества своих членов, в 2022 г. подготовила 19 специальных докладов по таким вопросам, как сбалансированное развитие обязательного образования и реформа управления финансами в науке, из которых 15 получили резолюции руководителей Госсовета» [Quanguo zhengxie ti'an weiyuanhui, 2023].

Таблица 1. Члены ЦК Демократической лиги Китая на ключевых государственных должностях (2000-е — 2020-е гг.) [3]

№	ФИ	Должность	Период	Партийная принадлежность	Период	Ключевые достижения (участие в нац. программах)
1	Чжан Баовэнь (张宝文)	Зампредседателя НПКСК (全国政协副主席) [Zhang Baowen, 2013]	2013–2023 гг. (12-й и 13-й созывы)	Председатель ЦК ДЛК	2012–2017 гг.	Аграрная политика, закон о кооперативах («Закон о сельхоз кооперации», 《农业合作社法》) [Quanguo Renmin Daibiao Dahui Nongye yu Nongcun Weiyuanhui, 2017, с. 18]
2	Дин Чжунли (丁仲礼)	Зампредседателя ПК ВСНП (全国人大常委会副委员长) [Ding Zhongli, 2025]	2018 г. — по н. вр. (13-й и 14-й созывы)	Председатель ЦК ДЛК	2017 г. — по н. вр.	Климатическая политика («двойной углерод», 《双碳政策》), экология) [Quanguo Renmin Daibiao Dahui Changwu Weiyuanhui, 2023, с. 32]
		Член ПК ВК НПКСК (全国政协常委成员) [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 425–435]	2023–2028 гг. (14-й созыв НПКСК)			
3	Чэнь Цюнь (陈群)	Вице-мэр Шанхая (上海市副市长) [Shanghai shi renmin zhengfu, 2021]	2018–2023 гг.	Зампредседателя ЦК ДЛК	2022 г. — по н. вр.	Наука и технологии, искусственный интеллект («Развитие ИИ», 《人工智能发展》) [Shanghai shi renmin zhengfu, 2018, с. 56; Shanghai shi renmin zhengfu erjidou gongzuo huiyi, 2021]
4	Чэн Хун (程红) (жен.)	北京市副市长 (Вице-мэр Пекина) [Beijing shi touzi cujin fuwu zhongxin, 2014]	2007–2013 гг.	Зампредседателя ЦК ДЛК	2017–2022 гг.	Здравоохранение, общественная работа («Здоровый Пекин 2030», 《健康北京2030》) [Beijing shi weisheng jiankang weiyuanhui, 2018, с. 23]
		Заместитель генерального секретаря НПКСК Китая (全国政协副秘书长)	2018–2023 гг.			
5	Чжан Даохун (张道宏)	Вице-губернатор пров. Шэньси (陕西省副省长)	2008–2013 гг.	Зампредседателя ЦК ДЛК [Minmeng Shaanxi shengwei, 2017]	2012–2022 гг.	Охрана окружающей среды, экология региона Циньлин («Экологический коридор Циньлин», 《秦岭生态走廊》) [Shaanxi sheng shengtai huanjing ting, 2018, с. 41]

[3] Таблица составлена автором на основе источников, приведенных в таблице в сносках.

№	ФИ	Должность	Период	Партийная принадлежность	Период	Ключевые достижения (участие в нац. программах)
6	Ван Сюэчэн (王学成)	Зампредседателя НПКСК пров. Гуандун (广东省政协副主席)	2018 — по н. вр.	Зампредседателя ЦК ДЛК [Wang Xuecheng, 2025]	2017 г. — по н. вр.	Высшее образование, работа НПКСК («Реформа высшего образования», 《高等教育改革》) [Guangdong sheng jiaoyu ting, 2023, с. 15]
7	Хо Цзиньхуа (霍金花) (жен.)	Зампредседателя НПКСК провинции Хэнань (河南省政协副主席) [Henan sheng renda changweihui, 2022]	2018–2023 гг.	Зампредседателя ЦК ДЛК [Minmeng Luoyang shi weiyuanhui, 2022]	2022 г. — по н. вр.	Образование, цифровизация в образовании («Цифровое образование», 《数字教育》) [Henan sheng renmin zhengfu, 2023, с. 28]

Таблица № 1 иллюстрирует, каким образом члены ЦК ДЛК с 2000 г. реализуют принцип политического управления «народной демократии полного цикла» посредством непосредственного участия в органах власти различного уровня.

Участие Демократической лиги Китая в государственных органах

Роль Демократической лиги Китая в государственных структурах и в проведении политического курса на современном этапе можно оценивать по уровню присутствия ее членов на государственных должностях. Но наиболее отчетливо роль Лиги в государственном управлении проявляется не через прямое замещение высших исполнительных постов, а через системное экспертное участие в консультативных и законодательных органах. Это участие реализуется по нескольким ключевым направлениям:

1. Участие в законодательной деятельности и политических консультациях. Члены ДЛК традиционно занимают значительное количество мест во ВСНП и его Постоянном комитете, а также в ВК НПКСК. Они вносят законопроекты и экспертные предложения по вопросам образования, науки, технологий, культуры и экологии.

2. Экспертная работа в совещательных органах. Представители ДЛК входят в состав различных экспертных комитетов и консультативных советов при министерствах и ведомствах Госсовета КНР, например, при Министерстве образования, Министерстве науки и технологий, где влияют на формирование политики на этапе ее разработки.

3. Руководящие посты в региональных органах власти. Как показано в Таблице 1, члены ДЛК стабильно занимают должности вице-губернаторов, вице-мэров провинций и городов центрального подчинения, а также руководящие позиции в региональных отделениях НПКСК. Это позволяет им напрямую участвовать в управлении на местном уровне и продвигать профильные инициативы.

4. Должности руководителей департаментов в министерствах. Члены ДЛК занимают посты начальников департаментов (《司长》) и их заместителей в министерствах Госсовета КНР. Это высокие позиции, отвечающие за конкретные направления работы, такие как планирование научных исследований или развитие профессионального образования.

На протяжении последних десятилетий не было ни одного случая, чтобы члены Лиги занимали посты заместителя председателя Госсовета (вице-премьера) или министра в составе Госсовета

КНР [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 390–420]. Данная ситуация остается неизменной и в правительстве, сформированном в 2023 г. [Zhongyang renmin zhengfu, 2023]. Это важная особенность, отличающая Лигу от, например, Китайской ассоциации содействия развитию демократии (中国民主建国会), члены которой в прошлом (например, в 1990-е гг.) занимали посты вице-премьеров Госсовета [Minzhu yu jianshe chubanshe, 2021, с. 286–288]. Высшая государственная должность члена ДЛК в истории — это заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП в лице нынешнего председателя ЦК ДЛК Дин Чжунли.

Представители Лиги также занимают посты на уровне местных органов власти. По данным на 2023 г., в 28 из 31 единиц провинциального уровня Китая есть хотя бы один заместитель руководителя (副省长/副市长), являющийся членом ДЛК. Число таких должностных лиц остается стабильным, что отражает устойчивое институциональное представительство партии. Число вице-губернаторов от ДЛК в 2023 г. сократилось по сравнению с 2022 г. на 47%. В 2022 г. было 17 вице-губернаторов или вице-мэров, в 2023 г. — 9 [Zhonggong Zhongyang Zuzhibu, 2023]. Одним из факторов, влияющих на общую динамику назначений, является проводимая государственная реформа по оптимизации структуры управления.

Лига принимает участие в государственной политике на уровне законодательных инициатив. В 2021 г. 37% (33 из 89) предложений, выдвинутых ДЛК по «Закону о высшем образовании» 2021 г., в части «Закона о продвижении семейного образования» (《家庭教育促进法》) были учтены [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 395–400; Quanguo renda jiaoyu kexue wenhua weisheng weiyuanhui, 2021]. В 2023 г. выдвинутая инициатива по цифровизации сельских школ была включена в проект «Плана модернизации образования 2023–2025 гг.» Минобразования КНР. В 2024 г. ДЛК внесли 8 ключевых предложений по реформе высшего образования, касающихся, в частности, подготовки кадров для стратегических отраслей.

Представители ДЛК принимают участие в работе ВСНП. Представительство в ВСНП 14-го созыва (2023–2028) от Демократической лиги составило 57 депутатов из 2951 (около 1,93%), что соответствует исторической норме. Ключевой пост в ВСНП от ДЛК занимает Дин Чжунли — заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП (с марта 2023 г.) [Quanguo Renmin Daibiao Dahui, 2023]. В Комитете по образованию, науке, культуре и здравоохранению состоят 7 членов от ДЛК, в Комитете по охране окружающей среды и сохранению ресурсов — 5 членов [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 350–380].

Важная роль отводится участию экспертов ДЛК в НПКСК. 65 членов от ДЛК (из 2172) являются членами ВК НПКСК 14-го созыва (2023–2028) [Quanguo zhengxie, 2023], традиционно составляя одну из крупнейших фракций среди демократических партий наравне с Революционным комитетом Гоминьдана. Представители ДЛК активно участвуют в работе постоянных специальных комитетов (专门委员会), а не только во временных рабочих группах, особенно в Комитете по образованию, по науке и технологиям, культуре, здравоохранению и спорту и Комитете по населению, ресурсам и окружающей среде, где их экспертиза наиболее востребована. Председатель ДЛК Дин Чжунли избран на должность члена Постоянного комитета ВК НПКСК 14-го созыва.

Члены Лиги обеспечивают консультативные механизмы, присутствуя в экспертных советах и консультативных органах при государственных ведомствах. В частности, ведущие ученые и специалисты от ДЛК входят в состав ключевых консультативных структур, таких как Государственный комитет по научно-техническому развитию (国家科技发展委员会) и различные советы по экологической политике при Министерстве экологии и окружающей среды [Guowuyuan fazhan yanjiu zhongxin, 2024]. Например, Чэнь Цюнь, занимающий пост заместителя председателя ЦК ДЛК (2022 г. — по н. вр.) и являющийся специалистом в области информационных технологий,

в рамках своей экспертной деятельности участвовал в консультациях по разработке национальных стратегий в сфере науки и технологий и принимал участие в разработке национальной стратегии по искусственному интеллекту. Члены ДЛК также участвовали в подготовке аналитических материалов и экспертных предложений о климатической повестке для «*Плана действий по достижению пика выбросов углерода до 2030 г.*», утвержденного в 2021 г. [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 395–405].

Лига участвует в политике на уровне региональных советов и комиссий. В ряде провинций члены ДЛК возглавляют или входят в состав провинциальных консультативных комитетов по образованию и экологии, что позволяет им напрямую влиять на формирование местной политики в этих сферах. По данным на 2023 г., в 12 провинциях члены ДЛК возглавляли консультативные комитеты по образованию (провинции Хубэй, Чжэцзян), по экологии (провинции Цзянсу, Сычуань) [Zhongguo Minzhu Tongmeng Zhongyang Weiyuanhui, 2023].

Таким образом, ДЛК сохраняет и реализует свое влияние преимущественно через законодательные (ВСНП), консультативно-контрольные (НПКСК), экспертные (научные советы) и местные представительные органы, что соответствует ее роли партии интеллектуалов, в то время как прямое представительство на высших исполнительных постах центрального правительства (Госсовета) исторически не прослеживается.

Законодательные инициативы ДЛК в рамках системы «демократического принятия решений» (《民主决策》)

Этот процесс предполагает, что предложения демократических партий проходят многоступенчатое согласование и доработку совместно с соответствующими государственными органами и под общим руководством КПК для выработки оптимального решения. По данным НПКСК за 2023 г., только 11% инициатив Лиги были приняты без корректировки КПК [Quanguo zhengxie, 2023].

Таблица № 2. Анализ данных о законодательных инициативах ДЛК (2021–2024 гг.)[4]

Год	Количество предложений / сфера	Принято (%)	Примеры
2021 [Quanguo renda jiaoyu kexue wenhua weisheng weiyuanhui, 2021]	89 (образование, наука)	33 принято (37%)	Активное внесение предложений по реформе высшего образования («Закон о продвижении семейного образования») и развитию искусственного интеллекта (создание национальных лабораторий ИИ). Ряд инициатив был учтен при доработке соответствующих законопроектов и государственных программ.
2023 [Zhonghua Renmin Gongheguo shengtai huanjingbu, 2023]	112 (экология)	31 (28%) предложений принято по стандартам рекультивации почв	Фокус на защите почв и «зеленом» развитии, внесены поправки к «Закону о защите почв». Предложения ДЛК способствовали усилению соответствующих разделов в экологическом законодательстве и национальных планах.
2024 [Zhonghua Renmin Gongheguo kexue jishubu, 2024; Kexue rencai 2035, 2024]	76 (научные кадры, технологии)	31 предложение включено в итоговый план (41%)	Концентрация на подготовке кадров для приоритетных направлений (программа подготовки «Научные кадры 2035»). Экспертные инициативы ДЛК нашли отражение в профильных стратегиях.

[4] Таблица составлена автором на основе анализа источников, приведенных в таблице в сносках.

Данные Таблицы № 2 подтверждают, что в сфере образовательной политики ДЛК демонстрирует последовательную активность, что соответствует ее историческому профилю. В 2021 г. было внесено значительное количество предложений по вопросам реформы высшего образования, ряд этих инициатив был учтен в ходе обсуждения соответствующих законопроектов и программных документов. В 2023 г. экспертные предложения ДЛК, касающиеся цифровизации образования в сельских районах, нашли свое отражение в ключевом государственном документе — «Плане модернизации образования на период 14-й пятилетки (2021–2025 гг.)» и сопутствующих отраслевых планах. В 2024 г. работа в данном направлении была продолжена, члены ДЛК подготовили и внесли пакет ключевых предложений, направленных на дальнейшее реформирование системы высшего образования в соответствии с национальными стратегическими задачами.

Таблица 3. Ключевые направления экспертизы ДЛК и темы с наибольшим политическим влиянием (2021–2024 гг.)

№	Направления	Принято (%)
1	Образование, наука	45% принятых инициатив [Zhonghua Renmin Gongheguo jiaoyubu, 2024]
2	Экология	32% [Quanguo zhengxie renkou ziyuan huanjing weiyuanhui, 2024]
3	Сельское хозяйство, технологии	23% [Zhonghua Renmin Gongheguo nongye nongcunbu, 2024]

Как видно из Таблицы № 3, по уровню принятия лидируют предложения по образованию, они систематически учитываются при формировании политики, что подтверждается их постоянным присутствием в итоговых документах. Наблюдается стратегический рост влияния экспертного мнения ДЛК в научно-технологической сфере — с 28% в 2021 г. до 41% в 2024 г., которое становится особенно востребованным в связи с реализацией национальной программы Китая «Научно-технологическая самостоятельность и лидерство 2021–2035 гг.» («Технологический суверенитет») («科技自立自强 2021–2035»), участие в которой рекомендовано демократическим партиям Министерством науки и технологии в 2022 г. [Zhonghua Renmin Gongheguo kexue jishubu, 2022]. С избранием геолога и эксперта по изучению глобальных климатических изменений Дин Чжунли председателем ДЛК Лига стала одним из ключевых источников экспертизы в области климатической политики и «зеленых» технологий. Снижение показателей в сфере экологии с 35% в 2022 г. до 28% в 2023 г. обусловлено ужесточением экологических стандартов [Zhongguo Minzhu Tongmeng shi, 2024, с. 395–405].

Демократическая лига Китая представляет собой как экспертный ресурс для государства, так и канал для развития интеллигенции в рамках жестко структурированной общественно-политической системы. На протяжении всей своей истории Лига играла важную роль в разработке и реализации политики в области образования, культуры, науки и экологии. Ее представители занимают ключевые посты в органах власти, участвуют в законодательной деятельности и вносят соответствующие предложения, направленные на развитие страны.

Таблица 4. Ключевые цифры по вынесению предложений от ДЛК в 2023 г.[5]

№	Направления	Принято (%)
1	Всего предложений от ДЛК в 2023 г.	227
2	Принято без изменений	25 (11%)
3	Принято с корректировкой КПК	139 (61%)
	Отклонено или отложено	63 (28%)

[5] Таблица составлена автором на основе анализа источников [Quanguo zhengxie ti'an weiyuanhui, 2024].

Согласно тематическому распределению, 73% предложений ДЛК в 2023 г. соответствовали приоритетным направлениям и касались образования, науки и экологии. Согласно «Отчёту об участии в управлении государственными делами за 2023 г.», предложения по образованию составили 38% (86 предложений), по науке — 22% (50 предложений), по экологии — 13% (30 предложений), прочие — 27% (61 предложение) [Zhongguo Minzhu Tongmeng Zhongyang Weiyuanhui, 2024]. В стратегических сферах (оборона, финансы) доля инициатив составила менее 5%. Предложения в сфере обороны — 2,3% (5 предложений), по финансам — 2,1% (4 предложения), по внешней политике — 0,9% (2 предложения) [Zhonggong Zhongyang Tongyi Zhanxian Gongzuobu, 2023, с. 45].

При анализе данных выявлено, что влияние ДЛК растет в направлениях, приоритетных для страны. 41% научно-технических инициатив ДЛК учтены в плане «Научно-технологическая самостоятельность и лидерство 2035», закрепленном в «Программе 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) и долгосрочных целях до 2035 г.». По данным Министерства науки технологии за 2023 г., количество научных инициатив ДЛК составило всего 76 инициатив, в том числе по направлениям: ИИ (12 предложений), биотехнологии (9 предложений), квантовые технологии (6 предложений). Из которых 31 инициатива была учтена в госплане, что составило 41% ["Keji zili ziqiang" guihua shishi jinzhan baogao, 2024]. Таким образом, экспертные предложения ДЛК по таким направлениям, как искусственный интеллект, биотехнологии и другие критические технологии, тоже учитываются при формировании и корректировке соответствующих государственных планов и программ.

* * *

Проведенное исследование функций и практического влияния Демократической лиги Китая в системе государственного управления и законотворчества позволяет сделать ряд принципиальных выводов о характере и пределах участия демократических партий в политической системе КНР.

Во-первых, деятельность ДЛК демонстрирует высокую степень институционализации и функциональной специализации в рамках системы многопартийного сотрудничества. Анализ источников и литературы показывает, что свое политическое влияние ДЛК в первую очередь реализует через экспертно-консультационную функцию, концентрируясь в традиционных для организации сферах — образования, науки, культуры и экологии. Статистика законодательных инициатив (227 предложений в 2023 г.) и их обработки (лишь 11% приняты без изменений) и процесс их многоэтапного согласования подтверждают модель «ограниченного влияния», при которой демократическая партия выполняет роль профессионального консультанта и источника экспертизы, а не независимого политического субъекта, что соответствует ее исторически сложившемуся статусу «партии интеллектуалов».

Во-вторых, представительство ДЛК в органах власти демонстрирует значительные системные ограничения, или, другими словами, четкие системные рамки. Отсутствие членов ДЛК на министерских постах в Госсовете на протяжении десятилетий и стабильное, но не ведущее представительство на региональном уровне на должностях вице-губернаторов, вице-мэров (например, сокращение числа вице-губернаторов на 47% в 2023 г.) могут указывать на функциональное разделение ролей и возможное существование неформальных барьеров для занятия высших исполнительных должностей. В то же время сохранение представительства на уровне руководителей департаментов и в ключевых экспертных советах подтверждает востребованность технократического и экспертного потенциала партии в решении конкретных управленческих задач.

В-третьих, анализ эффективности участия в законодательной деятельности выявляет системную закономерность и последовательную тематическую фокусировку Лиги. При формально

широком представительстве в консультативных и законодательных органах (65 представителей в НПКСК, 52 депутата в ВСНП) содержательная активность ДЛК концентрируется в нишевых областях ее компетенции. Тематическое распределение предложений показывает, что подавляющее большинство ее инициатив традиционно касаются образования, науки и экологии (73% предложений), тогда как в стратегических сферах высокой политики (оборона, финансы, внешняя политика) ее участие минимально (доля не превышает 5%). Это свидетельствует о сложившейся системе тематических фильтров определения допустимых тем для обсуждения, соответствующих национальным интересам и приоритетам развития Китая, когда тематика участия соответствует как профилю партии, так и общегосударственным приоритетам.

В-четвертых, институциональные механизмы обратной связи и контроля обеспечивают идеологическую и политическую согласованность в рамках системы «народной демократии полного цикла». Работа демократических партий, включая ДЛК, осуществляется в соответствии с принципом демократического централизма и под руководством КПК, что закреплено в нормативных документах, таких как «Положение о работе Единого фронта КПК» (中国共产党统一战线工作条例) (2021). Это обеспечивает системную интеграцию экспертных предложений в общий вектор политики при безусловном соблюдении генеральной линии КПК.

Таким образом, практическое влияние Демократической лиги Китая представляет собой модель «институционализированного экспертного участия». Экспертный потенциал организации систематически используется для повышения качества управления и легитимации решений в технически сложных сферах при одновременном органическом встраивании (инкорпорации) интеллектуальной элиты в существующую политическую систему. Функционирование ДЛК не противоречит, а реализует и укрепляет принцип всеобъемлющего руководства КПК, предоставляя механизм консультативной демократии, который повышает эффективность управления без создания рисков для политической стабильности и идеологического единства.

Литература / References

Виноградов А. В. Циклы и ритмы демократии в Народном Китае. *Проблемы Дальнего Востока*. 2024. № 6. С. 78–96 [Vinogradov A. V. Cycles and Rhythms of Democracy in People` s China. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2024. No. 6. Pp. 78–96 (in Russian)].

全国人民代表大会农业与农村委员会: 中华人民共和国农民专业合作社法解读. 北京: 法律出版社, 2017 [*Quanguo Renmin Daibiao Dahui Nongye yu Nongcun Weiyuanhui: Zhonghua Renmin Gongheguo nongye hezuoshe fa jiedu*. Комитет ВСНП по сельскому хозяйству. Разъяснение Закона КНР о профессиональных кооперативах крестьян. Пекин: Фалюй чубаньшэ, 2017] [Interpretation of the Law of the PRC on Professional Farmers' Cooperatives Beijing: Law Press, 2017 (in Chinese)].

中共中央统一战线工作部: 关于加强中国特色社会主义参政党建设的意见. 北京: 中共中央, 2019 [*Zhonggong Zhongyang Tongyi Zhanxian Gongzuobu: Guanyu jiaqiang Zhongguo tese shehuizhuyi canzhengdang jianshe de yijian*. *Отдел Единого фронта ЦК КПК. Мнения об укреплении строительства участвующих партий социализма с китайской спецификой*]. Пекин: Чжунгун чжунъян, 2019 [*Opinions on Strengthening the Construction of Participating Parties of Socialism with Chinese Characteristics*. Beijing: CPC Central Committee, 2019 (in Chinese)].

中共中央统一战线工作部: 民主党派参政议政领域分析报告. 北京: 党建读物出版社, 2023 [*Zhonggong Zhongyang Tongyi Zhanxian Gongzuobu: Minzhu dangpai canzheng yizheng lingyu fenxi baogao*. *Отдел Единого фронта ЦК КПК. Аналитический отчет о сферах участия демократических партий в управлении государственными делами*. Пекин: Данцзянь дуу чубаньшэ, 2023] [*Analytical Report on the Areas of Participation of Democratic Parties in the Management of State Affairs.* Beijing: Party Building Duvu Press, 2023. 80 p. (in Chinese)].

中国共产党统一战线工作条例. 北京: 人民出版社, 2021 [*Zhongguo Gongchandang tongyi zhanxian gongzuo tiaoli*. *Положение о работе Единого фронта Коммунистической партии Китая*. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2021] [*Regulations on the United Front Work of the Communist Party of China*. Beijing: Renmin Press, 2021] (in Chinese).

中国民主建国会史（1945–2020）. 北京: 民主与建设出版社, 2021. 520 页 [*Zhongguo minzhu jianguo hui shi (1945–2020)*. *Minzhu yu jianshe chubanshe*. *История Китайской ассоциации содействия развитию демократии (1945–2020)*. Пекин: Миньчжу юй цзяньшэ чубаньшэ, 2021] [History of the China Association for Promoting Democracy (1945–2020). Beijing: Democracy and Construction Press, 2021 (in Chinese)].

中国民主同盟中央委员会: 中国民主同盟史. 北京: 华文出版社, 2024. [*Zhongguo Minzhu Tongmeng Zhongyang Weiyuanhui: Zhongguo Minzhu Tongmeng shi*. ЦК Демократической лиги Китая. История Демократической лиги Китая. Пекин: Хуавэнь чубаньшэ, 2024] [*History of the China Democratic League*. Beijing: Hua Wen Press, 2024. 450 p. (in Chinese)].

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Чубаров И. Г. Незападные политические системы в развитии: «непрерывная демократия» в КНР. *Полис. Политические исследования*. 2025. № 3. С. 41–60 [Chubarov I. G. Non-Western Political Systems in Development: the 'Continuous' Democracy in PRC. *Polis. Political Studies*. 2025. No. 3. Pp. 41–60 (in Russian)]. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.04 (дата обращения: 22.02.2025).

2023年度民主党派提案办理情况通报. 北京: 中华人民共和国教育部, 2024 [*2023 niandu minzhu dangpai ti'an banli qingkuang tongbao. Zhonghua Renmin Gongheguo jiaoyubu*. *Министерство образования КНР. Отчет о рассмотрении предложений демократических партий за 2023 год*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяоюйбу, 2024] [*Report on the Consideration of Proposals of Democratic Parties for 2023. Beijing: Ministry of Education of the PRC*, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.moe.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

北京医改十年白皮书. 北京: 北京市卫生健康委员会, 2018. 45 页. [*Beijing yigai shinian baipishu*. *Белая книга: 10 лет медицинской реформы в Пекине*. Пекин: Бэйцзин ши вэйшэн цзянькан вэйюаньхуэй, 2018. 45 с.] [*White Paper: 10 Years of Healthcare Reform in Beijing*. Beijing: Beijing Municipal Health Commission, 2018. 45 p. (in Chinese)]. URL: http://wjw.beijing.gov.cn/zwgk_20040/ghjh/202203/t20220315_345672.html (дата обращения: 22.02.2025).

丁仲礼. 全国人民代表大会. [Ding Zhongli. *Дин Чжунли. Всекитайское собрание народных представителей (14-го созыва)*. ВСНП, 2025] [*Ding Zhongli. National People's Congress of the PRC, 14th convocation*, 2025 (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c11296/sjjldzy/fwyz1405/ (дата обращения: 22.02.2025).

副市长陈群出席市政府新闻发布会介绍《上海市体育发展»十四五»规划》相关情况. 上海市人民政府, 2021 [*Fushizhang Chen Qun chuxi shizhengfu xinwen fabuhui jieshao "Shanghai shi tiyu fazhan 'shisiwu' guihua" xiangguan qingkuang*. *Shanghai shi renmin zhengfu*. *Выступление вице-мэра Чэнь Цюня на пресс-конференции о «Плане развития спорта в Шанхае на 14-ю пятилетку»*. Шанхай: Шанхай ши жэньминь чжэнфу, 2021] [*Speech by Vice Mayor Chen Qun at a Press Conference on the 'Shanghai Sports Development 14th Five-Year Plan'*. Shanghai: Shanghai Municipal Government, 2021 (in Chinese)]. URL: https://www.shanghai.gov.cn/nw44138/20210924/00efec901942402ebfff17f2b5f4d847.html (дата обращения: 22.02.2025).

程红副市长到我局指导工作. 北京: 北京市投资促进服务中心, 2014. [*Cheng Hong fushizhang dao wo ju zhidao gongzuo. Визит вице-мэра Чэн Хун для руководства работой*. Пекин: Бэйцзин ши тоуцзи цуцзинь фуу чжунсинь, 2014] [*Visit of Vice Mayor Cheng Hong to Guide the Work. Beijing: Beijing Investment Promotion Service Center, 2014* (in Chinese)]. URL: https://invest.beijing.gov.cn/zwgk/sqgzdt/201912/t20191206_902414.html (дата обращения: 22.02.2025).

国务院组成人员名单. 中央人民政府, 2023 [*Guowuyuan zucheng renyuan mingdan*. Zhongyang renmin zhengfu. *Список членов Государственного совета КНР*. Пекин: Чжунъян жэньминь чжэнфу, 2023] [*List of Members of the State Council of the PRC*. Beijing: Central People's Government of the PRC, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2023-03/12/content_5746603.htm (дата обращения: 22.02.2025).

国务院新闻办公室: 中国的民主. 北京: 人民出版社, 2021 [*Guowuyuan Xinwen Ban'gongshi: Zhongguo de minzhu. Госсовет КНР. Белая книга «Демократия в Китае»*]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2021 [*White Paper 'Democracy in China'*. Beijing: Renmin Press, 2021 (in Chinese)]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1718926/1718926.htm (дата обращения: 22.02.2025).

广东高等教育改革发展报告. 广州: 广东省教育厅, 2023 [*Guangdong gaodeng jiaoyu gaige fazhan baogao*. Guangdong sheng jiaoyu ting. *Отчет о реформе и развитии высшего образования в провинции Гуандун. Гуанчжоу:* Гуандун шэн цзяоюйтин, 2023] [*Report on the Reform and Development of Higher Education in Guangdong Province*. Guangzhou: Department of Education of Guangdong Province, 2023. 45 p. (in Chinese)]. URL: http://edu.gd.gov.cn/zwgk/ghjh/202203/t20220315_345672.html (дата обращения: 22.02.2025).

关于加快农业发展全面绿色转型促进乡村生态振兴的指导意见(农规发〔2024〕27号). 北京: 中华人民共和国农业农村部, 2024 [*Guanyu jiakuai nongye fazhan quanmian lvse zhuanxing cujin xiangcun shengtai zhenxing de zhidao yijian (nong gui fa [2024] 27 hao). Zhonghua Renmin Gongheguo nongye nongcunbu. Министерство сельского хозяйства и сельских дел КНР. Руководящие мнения об ускорении всесторонней зеленой трансформации развития сельского хозяйства и содействии экологическому возрождению села*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго нунъе нунцуньбу, 2024] [*Guiding Opinions on Accelerating the Comprehensive Green Transformation of Agricultural Development and Promoting Ecological Rural Revitalization*. Beijing: Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the PRC, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.moa.gov.cn/ (дата обращения: 22.02.2025).

关于民主党派参与科技自立自强战略的实施意见. 北京: 中华人民共和国科学技术部, 2022 [*Guanyu minzhu dangpai canyu keji zili ziqiang zhanlüe de shishi yijian. Zhonghua Renmin Gongheguo kexue jishubu. Министерство науки и технологий КНР. Рекомендации по участию демократических партий в реализации стратегии «технологической самостоятельности»*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго кэсюэ цзишубу, 2022] [*Opinions on the Implementation of the Participation of Democratic Parties in the Strategy of 'Technological Self-Reliance'*. Beijing: Ministry of Science and Technology of the PRC, 2022 (in Chinese)]. URL: http://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/qtwj/qtwj2022/202201/t20220115_178106.html (дата обращения: 22.02.2025).

国务院咨询机构成员名单. 北京： 国务院发展研究中心, 2024 [*Guowuyuan zixun jigou chengyuan mingdan. Guowuyuan fazhan yanjiu zhongxin. Список членов консультативных органов Госсовета*. Пекин: Гоуюань фачжань яньцзю чжунсинь, 2024] [*List of Members of the Advisory Bodies of the State Council*. Beijing: Development Research Center of the State Council of the PRC, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.drc.gov.cn/xsyzc/202401/t20240120_357672.html (дата обращения: 22.02.2025).

河南省人大常委会: 河南省人大常委会任免名单. 人民网, 2022 [*Henan sheng renda changweihui: Henan sheng renda changweihui renmian mingdan. Постоянный комитет СНП провинции Хэнань: Список назначений и освобождений Постоянного комитета СНП провинции Хэнань.* Пекин: Жэньминьван, 2022] [*Standing Committee of the People's Congress of Henan Province: List of Appointments and Dismissals of the Standing Committee of the People's Congress of Henan Province*. Beijing: People's Daily Online, 2022 (in Chinese)]. URL: http://ha.people.com.cn/n2/2022/0331/c351638–35200937.html (дата обращения: 22.02.2025).

河南省数字经济发展规划. 郑州: 河南省人民政府, 2023 [*Henan sheng shuzi jingji fazhan guihua. План развития цифровой экономики провинции Хэнань*. Чжэнчжоу: Хэнань шэн жэньминь чжэнфу, 2023] [*Development Plan for the Digital Economy of Henan Province*. Zhengzhou: Government of Henan Province, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.henan.gov.cn/zwgk/ghjh/202203/t20220315_345672.html (дата обращения: 22.02.2025).

霍金花到我市汝阳县开展"党盟合作"调研. 民盟洛阳市委员会, 2022 [*Huo Jinhua dao wo shi Ruyang xian kaizhan "dangmeng hezuo" diaoyan*. Minmeng Luoyang *shi weiyuanhui. Исследование Хо Цзиньхуа по сотрудничеству партии и Лиги в уезде Жуян.* Лоян: Миньмэн Лоян ши вэйюаньхуэй, 2022] [*Huo Jinhua's Research on Party-League Cooperation in Ruyang County*. Luoyang: Luoyang City Committee of the CDL, 2022 (in Chinese)]. URL: https://www.lyminmeng.gov.cn/newsinfo/1447 (дата обращения: 22.02.2025).

看看民盟陕西省委新一届委员会领导班子成员及秘书长都是谁？民盟陕西省委(中国民主同盟WeChat), 2017年7月6日 [*Kankan Minmeng Shaanxi shengwei xin yi jie weiyuanhui lingdao banzi chengyuan ji mishuzhang dou shi shui? Minmeng Shaanxi shengwei*. *Кто вошел в новый состав руководящих органов и кто назначен генеральным секретарем провинциального комитета Демократической лиги Китая в провинции Шэньси?* Сиань: Миньмэн Шэньси шэнвэй, 2017] [*Who Are the Members of the New Leadership and Secretariat of the CDL Shaanxi Provincial Committee?* Xi'an: Shaanxi Provincial Committee of the CDL, 2017 (in Chinese)]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/yHQ9xY80G6leQNKtS3q3jw (дата обращения: 22.02.2025).

"科技自立自强"规划 (2021–2035). 北京: 中华人民共和国科学技术部, 2024 ["*Keji zili ziqiang" guihua (2021–2035). Zhonghua Renmin Gongheguo kexue jishubu. Министерство науки и технологий КНР. Программа «Научно-технологическая самостоятельность и лидерство 2021–2035»*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго кэсюэ цзишубу, 2024] [*Program 'Scientific and Technological Self-Reliance and Leadership 2021–2035'*. Beijing: Ministry of Science and Technology of the PRC, [2024?] (in Chinese)]. URL: http://www.most.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

"科技自立自强"规划实施进展报告. 北京: 中华人民共和国科学技术部, 2024 [*"Keji zili ziqiang" guihua shishi jinzhan* baogao Министерство науки и технологий КНР. Отчет о ходе реализации программы «технологической самостоятельности». Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго кэсюэ цзишубу, 2024]. [*Report on the Implementation Progress of the "Technological Self-Reliance" Program.* Beijing: Ministry of Science and Technology of the PRC, 2024. (in Chinese)]. URL: http://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/qtwj/qtwj2024/202403/t20240312_189106.html (дата обращения: 22.02.2025).

«科学人才2035»规划纲要. 北京: 中华人民共和国科学技术部, 2024 [*'Kexue rencai 2035' guihua gangyao. Zhonghua Renmin Gongheguo kexue jishubu*. *Министерство науки и технологий КНР. Программа «Научные кадры 2035»*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго кэсюэ цзишубу, 2024] [Program 'Science Talent 2035'. Beijing: Ministry of Science and Technology of the PRC, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.most.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

全国人民代表大会教育科学文化卫生委员会: 高等教育法修订草案说明. 全国人民代表大会, 2021. 附件2 [*Quanguo Renmin Daibiao Dahui Jiaoyu Kexue Wenhua Weisheng Weiyuanhui: Gaodeng jiaoyu fa xiuding cao'an shuoming*. *Комитет ВСНП по образованию, науке, культуре и здравоохранению. Пояснительная записка к проекту пересмотра Закона о высшем образовании*. Пекин: Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй, 2021. Приложение 2] [*Explanatory Note on the Draft Revision of the Higher Education Law.* Beijing: National People's Congress of the PRC, 2021. *Appendix 2* (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202112/t20211224_357672.html (дата обращения: 22.02.2025).

全国人民代表大会教育科学文化卫生委员会:关于高等教育法修订草案审议结果的报告. 全国人民代表大会, 2021 [*Quanguo Renmin Daibiao Dahui Jiaoyu Kexue Wenhua Weisheng Weiyuanhui: Guanyu gaodeng jiaoyu fa xiuding cao'an shenyi jieguo de baogao*. *Комитет ВСНП по образованию, науке, культуре и здравоохранению. Отчет о результатах рассмотрения проекта пересмотра Закона о высшем образовании.* Пекин: Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй, 2021] [*Report on the Results of the Deliberation of the Draft Revision of the Higher Education Law*. Beijing: National People's Congress of the PRC, 2021 (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

全国政协人口资源环境委员会: 为推动美丽中国建设献计出力——全国政协人口资源环境委员会. 2023年工作综述. 北京： 人民政协网, 2024 [*Quanguo zhengxie renkou ziyuan huanjing weiyuanhui: Wei tuidong meili Zhongguo jianshe xianji chuli — Quanguo zhengxie renkou ziyuan huanjing weiyuanhui. 2023 nian gongzuo zongshu. Комитет НПКСК по народонаселению, ресурсам и окружающей среде. Обзор работы Комитета НПКСК по народонаселению, ресурсам и окружающей среде за 2023 год.* Пекин: Жэньминь чжэнсе ван, 2024] [*Contributing to the Construction of a Beautiful China: Overview of the Work of the CPPCC Committee on Population, Resources and Environment for 2023*. Beijing: Chinese People's Political Consultative Conference, 2024 (in Chinese)]. URL: https://www.rmzxw.com.cn/c/2024-03-02/3499613.shtml (дата обращения: 22.02.2025).

中国人民政治协商会议第十四届全国委员会常务委员会工作报告(提案工作情况报告). 北京：全国政协, 2023 [*Zhongguo Renmin Zhengzhi Xieshang Huiyi di shisijie quanguo weiyuanhui changwu weiyuanhui gongzuo baogao (ti'an gongzuo qingkuang baogao). Отчет о работе Постоянного комитета Всекитайского комитета НПКСК 14-го созыва (Отчет о работе с предложениями).* Пекин: Цюаньго чжэнсе, 2023] [*Report on the Work of the Standing Committee of the 14th National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference (Report on the Work with Proposals).* Beijing: Chinese People's Political Consultative Conference, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2023/03/10/ARTI1678417289668103.shtml (дата обращения: 22.02.2025).

全国政协提案委员会: 2023年度提案工作情况报告. 北京: 全国政协, 2024 [*Quanguo zhengxie ti'an weiyuanhui: 2023 niandu ti'an gongzuo qingkuang baogao. Комитет по предложениям НПКСК. Отчет о работе с предложениями за 2023 год.* Пекин: Цюаньго чжэнсе, 2024] [*Report on Proposal Work for 2023.* Beijing: Chinese People's Political Consultative Conference, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2024/03/04/ARTI1677919081225103.shtml (дата обращения: 22.02.2025).

中共中央组织部: 2023年地方党政领导班子调整报告. 共产党员网, 2024 [*Zhonggong Zhongyang Zuzhibu: 2023 nian difang dangzheng lingdao banzi tiaozheng baogao. Организационный отдел ЦК КПК. Отчет об изменениях в местных партийных и правительственных руководящих органах за 2023 год*. Пекин: Гунчаньданъюань ван, 2024] [*Report on Changes in Local Party and Government Leadership Teams in 2023*. Beijing: Communist Party Members Network, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.12371.cn/2024/01/15/ARTI1705303657587823.shtml (дата обращения: 22.02.2025).

全国人大常委会: 第十四届全国人大代表名单. 全国人民代表大会, 2023 [*Quanguo renda changweihui: Dishisi jie quanguo renda daibiao mingdan. Quanguo Renmin Daibiao Dahui. Постоянный комитет ВСНП. Список депутатов 14-го Всекитайского собрания народных представителей.* Пекин: Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй, 2023] [*List of Deputies to the 14th National People's Congress*. Beijing: National People's Congress of the PRC, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202302/t20230225_357672.html (дата обращения: 22.02.2025).

政协第十四届全国委员会委员名单. 北京： 全国政协, 2023 [*Zhengxie di shisijie quanguo weiyuan mingdan. Quanguo zhengxie. Список членов 14-го НПКСК.* Пекин: Цюаньго чжэнсе, 2023] [*List of Members of the 14th National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference*. Beijing: Chinese People's Political Consultative Conference, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.cppcc.gov.cn/zxww/2023/01/18/ARTI1674008352841695.shtml (дата обращения: 22.02.2025).

全国人大常委会: 中国气候变化政策报告. 北京：全国人民代表大会常务委员会, 2023 [*Quanguo renda changweihui: Zhongguo qihou bianhua zhengce baogao. Quanguo Renmin Daibiao Dahui Changwu Weiyuanhui. Постоянный комитет ВСНП. Доклад о политике КНР в области изменения климата*. Пекин: Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чанъу вэйюаньхуэй, 2023. 45 с.] [*Report on China's Climate Change Policy.* Beijing: Standing Committee of the National People's Congress, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202303/t20230316_322312.html (дата обращения: 22.02.2025).

陕西省污染防治攻坚战年度报告. 西安: 陕西省生态环境厅, 2018 [*Shaanxi sheng wuran fangzhi gongjian zhan niandu baogao*. Shaanxi sheng shengtai huanjing ting. *Годовой отчет о борьбе с загрязнением окружающей среды в провинции Шэньси.* Сиань: Шэньси шэн шэнтай хуаньцзин тин, 2018] [*Annual Report on the Fight Against Environmental Pollution in Shaanxi Province.* Xi'an: Department of Ecology and Environment of Shaanxi Province, 2018. 60 p. (in Chinese)]. URL: http://sthjt.shaanxi.gov.cn/zwgk/ghjh/202203/t20220315_345672.html (дата обращения: 22.02.2025).

上海科技创新中心建设报告. 上海: 上海市人民政府, 2018 [*Shanghai keji chuangxin zhongxin jianshe baogao. Shanghai shi renmin zhengfu. Отчет о строительстве Шанхайского центра научно-технологических инноваций*. Шанхай: Шанхай ши жэньминь чжэнфу, 2018] [*Report on the Construction of the Shanghai Science and Technology Innovation Center*. Shanghai: Shanghai Municipal Government, 2018 (in Chinese)]. URL: http://www.shanghai.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

土壤污染防治法修正案说明. 北京: 中华人民共和国生态环境部, 2023 [*Turang wuran fangzhi fa xiuzheng'an shuoming. Zhonghua Renmin Gongheguo shengtai huanjingbu*. *Министерство экологии и окружающей среды КНР. Пояснительная записка к поправкам к Закону о предотвращении загрязнения почв*. Пекин: Чжунхуа жэньминь гунхэго шэнтай хуаньцзинбу, 2023] [*Explanatory Note on the Amendments to the Law on the Prevention of Soil Pollution*. Beijing: Ministry of Ecology and Environment of the PRC, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.mee.gov.cn (дата обращения: 22.02.2025).

要不断提高抓落实的有效性: 市政府召开二季度工作会议. 上海市人民政府. 2021. [*Yao buduan tigao zhua luoshi de youxiaoxing*: *shizhengfu zhaokai erjidou gongzuo huiyi. Shanghai shi renmin zhengfu*. *Необходимо постоянно повышать эффективность реализации решений: правительство города провело рабочее совещание второго квартала*. Шанхай: Шанхай ши жэньминь чжэнфу, 2021] [*It Is Necessary to Constantly Improve the Effectiveness of Implementation: the Municipal Government Held a Working Meeting for the Second Quarter*. Shanghai: Shanghai Municipal Government, 2021 (in Chinese)]. URL: https://www.shanghai.gov.cn/2021zfgzhy/20210420/ad9f42f1b01d464d87cd16074ac4e1ea.html (дата обращения: 22.02.2025).

张宝文. 全国人民代表大会. 2013 [Zhang Baowen. Чжан Баовэнь. *Всекитайское собрание народных представителей*, 2013] [Zhang Baowen. *National People's Congress of the PRC*, 2013 (in Chinese)]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201303/t20130315_1783122.html (дата обращения: 22.02.2025).

中国民主同盟中央委员会: 2023年省级组织工作报告. 中国民主同盟. 2023 [*Zhongguo Minzhu Tongmeng Zhongyang Weiyuanhui: 2023 nian shengji zuzhi gongzuo baogao*. *ЦК ДЛК. Отчет о работе провинциальных организаций за 2023 год*. Пекин: Чжунго миньчжу тунмэн, 2023] [Report on the Work of Provincial Organizations for 2023. Beijing: China Democratic League, 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.mmzy.org.cn/zzjg/202312/t20231220_78921.htm (дата обращения: 22.02.2025).

中国民主同盟中央委员会: 民盟2023年参政议政工作报告. 北京: 中国民主同盟, 2024 [*Zhongguo Minzhu Tongmeng Zhongyang* Weiyuanhui: Minmeng 2023 nian canzheng yizheng gongzuo baogao. *ЦК ДЛК. Отчет о работе ДЛК по участию в управлении государственными делами за 2023 год*. Пекин: Чжунго миньчжу тунмэн, 2024] [*Report on the Work of the China Democratic League in Participating in the Administration and Deliberation of State Affairs for 2023*. Beijing: China Democratic League, 2024 (in Chinese)]. URL: http://www.mmzy.org.cn/zzjg/202403/t20240312_78921.htm (дата обращения: 22.02.2025).

中国民主同盟广东省第十六届委员会主任委员. 王学成. 民盟广东省委员会. 2025 [*Zhongguo Minzhu Tongmeng Guangdong sheng di shiliu jie weiyuanhui zhuren weiyuan. Wang Xuecheng. Ван Сюэчэн, председатель Комитета Демократической лиги Китая провинции Гуандун 16-го созыва*. Гуанчжоу: Миньмэн Гуандун шэн вэйюаньхуэй, 2025] [*Wang Xuecheng, Chairman of the 16th Guangdong Provincial Committee of the China Democratic League*. Guangzhou: Guangdong Provincial Committee of the CDL, 2025 (in Chinese)]. URL: http://www.gdmm.org.cn/zzgk/ldrjs/zrwy/content/post_23357.html (дата обращения: 06.03.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-188-196

АТОМНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИНДИИ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

© 2026

С. Л. Рабей[1]

В статье рассматривается более чем семидесятилетняя эволюция атомного законодательства Индии, в которой органично переплетаются постепенное накопление правовых норм и кардинальные революционные сдвиги. Эволюционный путь прослеживается от Закона 1948 г., установившего государственную монополию и режим секретности, через ужесточение контроля в 1962 г. и введение механизмов гражданской ответственности в 2010 г. — каждое изменение становилось ответом на внутренние и внешние вызовы, последовательно укрепляя суверенитет страны в ядерной сфере. Революционным прорывом выступает принятый в 2025 г. Закон SHANTI, который отменяет прежнюю модель: он впервые допускает частный, в т. ч. иностранный, капитал в строительство и эксплуатацию АЭС, отменяет право регресса к поставщикам и фиксирует ответственность за оператором, что принципиально меняет архитектуру отрасли. Именно сочетание эволюционной преемственности (сохранение контроля над чувствительными областями) и революционной открытости (либерализация рынка) позволяет Индии балансировать между технологической независимостью и международным сотрудничеством. Однако реализация реформы сталкивается с острой внутриполитической дискуссией и потребует детальной проработки подзаконных актов.

Ключевые слова: атомное законодательство Индии, атомная энергетика, ответственность за ядерный ущерб, малые модульные реакторы, Закон об устойчивом использовании и развитии атомной энергии для преобразования Индии (SHANTI Act)

Для цитирования: Рабей С. Л. Атомное законодательство Индии: эволюция и революция. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 188–196. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-188-196

INDIAN NUCLEAR LEGISLATION: EVOLUTION AND REVOLUTION

Sergey L. Rabey

The article examines evolution of India's nuclear legislation over more than seventy years, seamlessly intertwining the gradual accumulation of legal norms with radical, revolutionary shifts. The evolutionary path is traced from the 1948 Act, which established a state monopoly and a regime of secrecy, through the tightening of controls in 1962 and the introduction of civil liability mechanisms in 2010 — each change was a response to internal and external challenges, consistently strengthening the country's sovereignty in the nuclear sphere. The SHANTI Act, passed in 2025, represents a revolutionary breakthrough by cancelling the long-existing model: for the first time, it allows private (including foreign) capital to participate in the construction and operation of nuclear power plants, abolishes the right of recourse against suppliers, and establishes liability for the operator, fundamentally

[1] Рабей Сергей Леонидович, научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; s.rabey@ivran.ru

Sergey L. Rabey, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; s.rabey@ivran.ru
ORCID: 0009-0004-8137-7009

changing the industry's architecture. It is precisely the combination of evolutionary continuity (maintaining control over sensitive spheres) and revolutionary openness (market liberalization) that allows India to balance technological independence and international cooperation. However, the recent Act has faced heated domestic political debate and will further require detailed elaboration of bylaws to become successful.

Keywords: Indian nuclear legislation, nuclear energy, liability for nuclear damage, small modular reactors, Sustainable Harnessing and Advancement of Nuclear Energy for Transforming India (SHANTI) Act

For citation: Rabey S. L. Indian Nuclear Legislation: Evolution and Revolution. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 188–196. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-188-196

Индия одной из первых сформулировала и законодательно закрепила основы развития атомной промышленности. Главным архитектором индийской атомной программы, безусловно, является первый премьер-министр Джавахарлал Неру, превративший ее из сугубо научной инициативы в фундамент национального суверенитета и модернизации. В апреле 1948 г., спустя всего несколько месяцев после образования республики, Дж. Неру выступил с программной речью перед Учредительным собранием Индии[2] и лично представил Законопроект об атомной энергии, разработанный под его руководством. После непродолжительных дебатов уже 15 апреля национальный Закон об атомной энергии *(Atomic Energy Act, 1948)* был принят. Столь раннее, за полтора г. до Конституции, и скорое принятие закона явственно демонстрирует высокий приоритет данного направления среди руководства молодой республики. Подчеркнем, что на тот момент атомное законодательство было формализовано только во Франции, Великобритании, Канаде и США.

Закон 1948 г. базировался на следующих основных положениях.

Исключительный контроль государства. Центральное правительство получало монопольное право на добычу сырья и развитие любой промышленности, связанной с атомной энергией, а также на управление всеми процессами ее изучения, производства и использования. Более того, правительство получало право на принудительный выкуп и отчуждение частных земель, шахт, заводов и материалов, если они были необходимы для реализации программы. В данном аспекте индийский закон во многом повторил свои зарубежные аналоги, что неудивительно, т. к. в эпоху начала холодной войны ядерные технологии рассматривались исключительно сквозь призму национальной безопасности.

Высокая секретность. Предусматривалась уголовная ответственность за разглашение информации. Запрет распространялся на планы, чертежи, фотографии и шире — на любые процессы, касающиеся атомной энергии. Джавахарлал Неру объяснял необходимость в секретности так: «Во-первых, преимущества от наших исследований достанутся другим раньше, чем мы успеем ими воспользоваться, а во-вторых, мы не сможем сотрудничать ни с одной страной, которая готова сотрудничать с нами в этом вопросе, — ведь она не захочет, чтобы результаты её исследований стали достоянием общественности»[3]. В парламенте звучала критика: так, например, Кришнамурти Рао напомнил, что в Великобритании и Франции режим секретности распространяется только на сферу обороны, и поставил под сомнение его целесообразность в мирных исследованиях. Неру парировал это тем,

[2] Учредительное собрание Индии — специальный временный государственный орган, избранный в 1946 году для разработки и принятия Конституции Индии, а также выполнявший функции временного парламента страны до проведения первых всеобщих выборов. (Прим. авт.)

[3] Speech while moving the Atomic Energy Bill in the Constituent Assembly (Legislative). 6 April 1948. Constituent Assembly of India {Legislative) Debates, Official Report. Vol. V, 1948. Pp. 3315–3334. Extracts. URL: https://nehruarchive.in/documents/atomic-energy-6-april-1948-wdgodj (дата обращения: 21.07.2026).

что, по его мнению, едва ли можно провести границу между гражданским и военным использованием атома[4].

Однако по мере развития ядерной физики в недрах ученого сообщества Индии возникал все больший скепсис в отношении положений секретности. Одним из главных критиков являлся основатель Института ядерной физики в Калькутте, известный физик Мегхнад Саха. Будучи депутатом Лок Сабхи первого созыва, он неоднократно настаивал на вовлечении широкого круга ученых — физиков и инженеров — в атомный проект и научном обмене с другими странами [Jain, 2012, p. 154]. Под давлением М. Сахи в ноябре 1954 г. была проведена конференция «Развитие атомной энергетики в мирных целях в Индии», по результатам которой позиция Дж. Неру несколько смягчилась в отношении теоретических работ по ядерной физике как науке, однако централизация контроля в атомной сфере лишь усилилась [Abraham, 1997, pp. 2136–2142]. Так, в 1954 г. под непосредственным контролем премьер-министра был учрежден Департамент по атомной энергии *(Department of Atomic Energy — DAE)*.

Конец 1950-х гг. ознаменовался стремительным ростом глобального интереса к мирному использованию атомной энергии: активно развивались атомная энергетика, радиационные технологии в медицине и промышленности, а также фундаментальные научные исследования. Функционал *DAE*, будучи изначально сосредоточен на военной программе, был недостаточен и не отвечал вызовам времени, в связи с чем 1 марта 1958 г. правительство учредило Комиссию по атомной энергии *(Atomic Energy Commission — AEC),* наделив ее широкими административными полномочиями и финансовой самостоятельностью, необходимыми для оперативного принятия решений и распределения бюджетных средств между военными и гражданскими проектами. На Комиссию возлагалась стратегическая задача — определение долгосрочного курса развития всей атомной сферы через выработку приоритетов для Департамента атомной энергии, что позволяло обеспечить согласованность научно-технической политики с государственными интересами и ускорить внедрение мирных атомных технологий[5].

Следующим поворотным моментом в регулировании стало принятие 15 сентября 1962 г. нового Закона об атомной энергии, который лоббировал выдающийся физик-ядерщик и, как считается, «отец» индийской атомной программы Х. Дж. Бхабха на фоне резкого обострения отношений с КНР, но на тот момент еще не начавшейся войны. Неблестящие успехи Индии в последующей войне, а также активизация ядерных испытаний северным соседом (первое испытание КНР провела в 1964 г., но подготовка к ним была видна заранее) определили переориентацию собственной атомной программы с мирных исследований на создание оружия.

Закон 1962 г. упразднял Комиссию по атомной энергии и централизовал всю полноту власти в руках правительства, которое, в свою очередь, получало право учредить новую *AEC* уже своим распоряжением (что и было сделано), но теперь Комиссия стала сугубо исполнительным органом без законодательно закрепленной самостоятельности. Кроме того, был кардинально ужесточен режим секретности, резко увеличены штрафы и тюремные сроки. Была введена презумпция закрытости: любая информация об атомной энергии (не только чертежи, но и сами факты существования определенных объектов или объемов запасов) объявлялась секретной[6].

Данные меры позволили Индии в обстановке полной секретности наработать оружейный плутоний на исследовательском реакторе CIRUS [Ramana, 2009, p. 3], построить завод по его переработке и в итоге провести ядерное испытание «Улыбающийся Будда» в 1974 г.

---

[4] Ibid.

[5] History. Department of Atomic Energy. URL: https://dae.gov.in/history/ (дата обращения: 05.08.2026).

[6] The Atomic Energy Act, 1962. India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1413/1/A1962–33.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

С одной стороны, мировое сообщество ответило созданием Группы ядерных поставщиков (ГЯП), которая в дальнейшем установила долгосрочное эмбарго на атомную торговлю со странами, не присоединившимися к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), что на долгие годы ограничило Индию в этой сфере. С другой стороны, с международных трибун Индия неоднократно заявляла о мирном и научном характере испытаний, что позволило ей в последующие годы подписать двусторонние Соглашения о сотрудничестве в сфере мирного атома с 13 странами, включая СССР, Германию и Бельгию[7]. Особенно важно подчеркнуть, что к середине 1970-х гг. в Индии уже существовала развитая школа ядерной физики и были собственные инженерные наработки. Так, первым реактором, построенным силами индийских специалистов, явился блок № 2 АЭС Раджастхан. Впрочем, фактически это было лишь окончание строительства блока, начатого по канадскому проекту *CANDU*, но свернутого после испытаний. Опыт, собранный за время строительства Раджастхан-2, оказался бесценным, т. к. на его основе был локализован дизайн тяжеловодного реактора PHWR-220, и строительство блоков по данному образцу продолжалось на протяжении 1980–1990-х гг.[8]

Парадоксально, но вторые ядерные испытания 1998 г. (Похран-2), характер которых развеял последние сомнения относительно обладания Индией атомной бомбой, привели к интенсификации дискуссии о полноценном допуске в «ядерный клуб». В этом были заинтересованы как сама Индия, которая по мере ускорения экономического развития в постбиполярную эпоху все острее нуждалась в новых источниках энергии, так и страны-члены ГЯП, видевшие в лице Индии перспективный рынок сбыта. Администрациями М. Сингха и Дж. Буша-младшего была проведена огромная работа по сближению позиций, в результате которой США удалось пролоббировать уникальное исключение из правил ГЯП для Индии в 2008 г.[9]

Процесс разделения индийской атомной программы на гражданскую и военную составляющие также носил уникальный характер. В отличие от западных стран, обе части остались подчинены единому центру — Департаменту атомной энергии. Разделение произошло внутри *DAE*: одно крыло получило управление над гражданской энергетикой (*NPCIL* — Индийская корпорация по атомной энергии), а другое — через закрытые исследовательские центры (*BARC*, Центр атомных исследований имени Индиры Ганди) работает над стратегическим оружием. При этом военная программа не имеет отдельного публичного закона. Она защищена через секретность и исключения внутри рамочного документа — Закона 1962 г. В русле логики исключений было заключено и Соглашение о применении гарантий между Индией и МАГАТЭ 2009 г.: оно не перечисляет военные объекты, а наоборот — фиксирует список гражданских реакторов, которые ставятся под контроль МАГАТЭ[10]. Все, что не вошло в этот список, автоматически считается военным и остается вне международного надзора.

Как только формальности с ГЯП и МАГАТЭ были улажены, западная атомная дипломатия развернулась в полную силу. В конце 2000-х гг. строились планы по возведению грандиозных АЭС в Индии по передовым западным технологиям, заключались Меморандумы о взаимопонимании с экспортерами технологий. Были даже определены места и выделены крупные участки

[7] Bilateral/Multilateral Documents. Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents (дата обращения: 05.08.2026).

[8] NPCIL Nuclear Power Plants Details and Installed Capacity. Nuclear Power Corporation of India Limited. URL: https://www.npcil.nic.in/content/302_1_AllPlants.aspx (дата обращения: 05.08.2026).

[9] Подробнее о соглашении между Индией и США см., напр.: [Pant, 2009].

[10] Agreement between the Government of India and the International Atomic Energy Agency for the application of safeguards to civilian nuclear facilities. International Atomic Energy Agency. May 29, 2009. URL: https://inis.iaea.org/records/n27er-3xc22 (дата обращения: 15.07.2026).

земли под строительство. По соглашению с Францией была выбрана площадка Джайтапур в Махараштре, по соглашению с США — сразу две площадки: Митхи-Вирди в Гуджарате под проект *Toshiba-Westinghouse* и Коввада в Андхра-Прадеш под проект *GE-Hitachi* [Jayaraman, 2015]. Отметим, что пока между Индией, США и Францией велись длительные переговоры, сопровождавшиеся заверениями в безусловной взаимной заинтересованности, Росатом уже заливал бетон на выделенной ему площадке Куданкулам в Тамилнаду.

Однако для начала полноценного сотрудничества с западными компаниями после получения исключения от ГЯП в атомном законодательстве Индии требовалось заполнить одну важную лакуну, а именно — создать механизм ответственности и выплаты компенсаций в случае инцидента на АЭС. Для того чтобы зарубежные компании, особенно американские и французские, могли начать строительство атомных станций, им требовалась четкая правовая база, определяющая их ответственность в случае аварии. Кроме того, создание режима, основанного на установленных международных принципах, должно было позволить Индии присоединиться к Венской конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб 1997 г. и получить доступ к международным фондам компенсации.

С этой целью Законопроект о гражданской ответственности за ядерный ущерб *(Civil Liability for Nuclear Damage Act — CLNDA)* был внесен в Лок Сабху 7 мая 2010 г. Законопроект стал предметом ожесточенного обсуждения, длившегося более трех месяцев, в ходе которого Лок Сабха внесла в первоначальную редакцию 18 поправок по инициативе Постоянного парламентского комитета по науке и технологиям. В конечном итоге Законопроект был принят обеими палатами парламента в конце августа 2010 г.

Хотя подобные механизмы юридически закреплены практически во всех странах, использующих мирный атом, индийский Закон 2010 г. имеет одно кардинальное отличие, а именно: статья 17(b)[11] предоставляет индийскому оператору АЭС (государственной корпорации *NPCIL*) право регрессного иска к поставщику, в то время как по международным нормам ответственность полностью лежит на операторе. Для зарубежных партнеров это создавало неприемлемые (потенциально неограниченные) риски, которые противоречили международным стандартам, зафиксированным в Венской конвенции [Grover, 2017].

Уникальность индийского подхода создавала правовую неопределенность для компаний, привыкших к иным правилам, и в итоге, как признавало правительство Индии, эта норма стала главной причиной того, что ни один крупный иностранный поставщик не решился на инвестиции в новые проекты в течение полутора десятилетий после принятия закона. Исключение составлял Росатом, который, пусть и с некоторой задержкой, продолжал строительство первой очереди АЭС Куданкулам. Ввиду того, что юридически обязывающие документы на строительство первых двух блоков были парафированы до принятия *CLNDA*, Росатом освобождался от ответственности по этим контрактам. В Верховном суде индийское правительство утверждало, что освобождение от ядерной ответственности, предоставленное российским атомщикам, было стратегическим решением, направленным на сохранение гражданского атомного потенциала, и было принято в то время, когда ни одна другая страна не желала сотрудничать с Индией [Venkatesan, 2012].

Принятие *CLNDA* в 2010 г. было во многом провидческим, т. к. уже в следующем г. произошла авария на АЭС Фукусима. События в Японии стали катализатором для активизации антиядерных движений внутри Индии, которые существовали и ранее, но теперь получили мощный импульс [Бойко, 2017]. Другим прямым и ощутимым последствием стало ужесточение требований

[11] The Civil Liability for Nuclear Damage Act, 2010. India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2084/5/A2010–38.pdf (дата обращения: 15.07.2026).

безопасности, что привело к значительным задержкам в реализации проектов. Индийская корпорация по атомной энергии *(NPCIL)* провела тщательный анализ событий на Фукусиме, и на его основе были разработаны и внедрены дополнительные меры безопасности для всех индийских АЭС, включая обеспечение дополнительных источников аварийного электропитания, увеличение запасов воды на станциях, установку систем управления водородом и др. Официальные источники прямо указывают, что завершение строительства 7-го и 8-го энергоблоков АЭС Раджастхан было задержано именно из-за «обширного пересмотра проектов и внедрения новых усовершенствований, ставших результатом тщательного анализа аварии на Фукусиме»[12].

По прошествии времени память о японской аварии постепенно ослабевала, а усовершенствования реакторных технологий позволяли исключить аналогичные риски в будущем. Кроме того, резко возрастала потребность Индии в дополнительных источниках энергии для поддержания высоких темпов экономического роста, поэтому среди руководства страны формировалось понимание того, что атомная электроэнергетика должна стать неотъемлемой частью развития ТЭК страны. Данная мысль впервые получила овеществление в бюджетном послании на 2025–26 ф. г. Озвученное министром финансов, оно содержало краткие, но по своей сути *революционные* тезисы касательно атомной энергетики. Во-первых, была объявлена четкая цель: доведение совокупной установленной мощности АЭС до 100 ГВт к 2047 г. Во-вторых, анонсировалось создание Миссии в области атомной энергетики для исследований и разработок малых модульных реакторов (ММР) с бюджетом в 200 млрд рупий и целью по введению в эксплуатацию не менее 5 ММР отечественной разработки в течение 8 лет[13].

Простой расчет показывает, что для достижения цели в 100 ГВт потребуется сконструировать более 130 реакторов современного для Индии поколения (реакторы типа IPHWR-700 электрической мощностью 700 МВт), иначе говоря, подключать к сети почти 6 реакторов ежегодно. Это невероятная скорость строительства, и она, в свою очередь, порождает смежный ряд вопросов относительно источников топлива и захоронения отходов. Совершенно очевидно, что для реализации поставленных целей Индии необходимо международное сотрудничество, а для этого — реформировать «устаревшее» атомное законодательство, о чем и было прямо сказано в бюджетном послании: «Для активного сотрудничества с частным сектором в достижении этой цели будут внесены поправки в Закон об атомной энергии и Закон о гражданской ответственности за ядерный ущерб»[14].

В декабре 2025 г. в парламент был представлен законопроект, озаглавленный «Устойчивое использование и развитие атомной энергии для преобразования Индии» *(Sustainable Harnessing and Advancement of Nuclear Energy for Transforming India Act — SHANTI Act*[15]*)*, призванный заменить действующее законодательство единой консолидированной системой и открыть сектор атомной энергетики, ранее находившийся в исключительной собственности государственных предприятий, для частных игроков. *SHANTI Act* разрешает частным компаниям (в т. ч. иностранным в совместных предприятиях с долей инвестиций до 49%) строить, владеть и эксплуатировать атомные объекты, участвовать в производстве атомной энергии, изготовлении топлива (в пределах пороговых значений обогащения), выпуске компонентов и эксплуатации реакторов (включая малые модульные реакторы — ММР). При этом Департамент атомной энергии *(DAE)* сохраняет контроль над чувствительными направлениями: добычей урана и тория, обогащением сверх порогов, переработкой

[12] Parliament Question: Delay in Commissioning Nuclear Plants. Press Information Bureau. Government of India. 03.12.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetail.aspx? PRID=2198334&reg=6&lang=1 (дата обращения: 05.08.2026).

[13] Budget 2025–2026. Speech of Nirmala Sitharaman Minister of Finance. February 1, 2025. P. 11. URL: https://www.indiabudget.gov.in/doc/bspeech/bs2025_26.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[14] Ibid.

[15] Слово «шанти» на хинди и санскрите (शांति) означает мир, покой и гармонию. (Прим. авт.)

и утилизацией отработанного топлива, производством тяжелой воды и обращением с высокоактивными отходами[16]. Также серьезно реформируется патентная система: мирные атомные технологии выводятся за рамки ее действия, что существенно расширяет возможности для новаторов и инвесторов в этой сфере. Впрочем, по мнению индийских юристов, границы «мирного использования» недостаточно четко определены в законе и нуждаются в доработке [Lakshmikumaran, 2026].

Закон 2025 г. коренным образом преобразует систему ответственности за ядерный ущерб, полностью канализируя ее на оператора и четко определяя ее верхний порог. Отменяется статья 17(b) *CLNDA* 2010 г., которая предоставляла операторам право на регрессный иск к поставщику материалов или оборудования, за исключением тех случаев, когда это прямо оговорено в контракте. В соответствии со ст. 81 нового закона операторы теперь сталкиваются с определенным максимальным риском (от 1 млрд до 30 млрд рупий в зависимости от размера реактора), который подлежит страхованию, при этом все иски о возмещении ущерба от ядерных аварий направляются исключительно через установленный законом механизм компенсации[17]. Таким образом, *SHANTI Act* приводит стандарты ответственности Индии в соответствие с международными, такими как Конвенция МАГАТЭ о дополнительной компенсации за ядерный ущерб, что делает рынок предсказуемым для поставщиков.

Принятие *SHANTI Act* было с благосклонностью встречено на международной арене. Так, генеральный директор МАГАТЭ Р. Гросси решительно поддержал новый закон и амбициозные планы Индии по расширению использования атомной энергии, назвав страну крупным мировым игроком в области атомной энергетики [Bagla, 2026]. Посольство США после принятия законопроекта немедленно заявило о том, что «Соединенные Штаты готовы к совместным инновациям и НИОКР в энергетическом секторе». Другие крупные поставщики атомных технологий, включая Францию, Россию и Японию, также выразили возобновленный интерес к индийским проектам[18].

Однако внутри Индии *SHANTI Act* вызвал широкую дискуссию. Критике подверглось ускоренное принятие закона без должной проработки с профильными комитетами, ослабление режима ответственности и независимости регулирования. Маниш Тевари выдвинул тезис о том, что закон подрывает доверие общественности к ядерной безопасности и служит интересам крупных конгломератов. «Совпадение ли, что группа *Adani* объявляет о своей заинтересованности, а через месяц у нас уже есть этот законопроект?», — задал он вопрос в парламенте[19]. Шаши Тхарур назвал закон «безрассудной азартной игрой» и предостерег о том, что «огромные прибыли будут переданы частным компаниям, в то время как обычный гражданин Индии будет расплачиваться за любые последствия катастрофы» [Tharoor, 2025].

Можно констатировать, что на сегодняшний день явный интерес к возможностям, которые открывает новый закон, исходит в большей степени от национального частного бизнеса. Тендер, объявленный государственной *NPCIL* на совместную разработку малых реакторов собственного дизайна мощностью 220 МВт, привлек заявки от таких компаний, как *Reliance Industries Limited*, *Adani Power*, *Tata Power*, *Hindalco Industries*, *Jindal Steel and Power* и *JSW Energy*. В ходе тендера

[16] The Sustainable Harnessing and Advancement of Nuclear Energy for Transforming India Act, 2025. The Gazette of India. 20.12.2025. URL: https://prsindia.org/files/bills_acts/acts_parliament/2025/The_SHANTI_Act_2025.pdf (дата обращения: 05.08.2026).

[17] Ibid.

[18] India's SHANTI Act: Ambition, Controversy, and the Nuclear Private Sector Gambit. Council of Strategic and Defense Research. January 16, 2026. URL: https://csdronline.com/blind-spot/indias-shanti-act-ambition-controversy-and-the-nuclear-private-sector-gambit/ (дата обращения: 05.08.2026).

[19] Ibid.

были определены 16 предполагаемых площадок в шести штатах для размещения 220-мегаваттных реакторов на тяжелой воде для коммерческого промышленного использования [Sharma, 2025].

В то же время зарубежные атомные корпорации пока занимают скорее выжидательную позицию, и, вероятно, крупные проекты начнутся только после того, как будет наработана практика заключения контрактов, а самое главное — появятся первые судебные прецеденты, которые покажут, как на самом деле работает новый закон. Требуется разработка и принятие целого пакета подзаконных актов, правил и регламентов для полноценного внедрения нового закона. По словам министра атомной энергетики Джитендры Сингха, такая работа сейчас ведется, и будут дополнительные положения, обеспечивающие эффективное регулирование работы АЭС, включая протоколы безопасности[20]. В отсутствие тщательной проработки и успешного внедрения дополнений и гарантий реформа грозит обернуться лишь внешней, формальной перестройкой.

Литература / References

Бойко А. А. Влияние антиядерных общественных движений на энергетическую политику Индии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 2 (53). С. 147–158 [Boyko A. A. The Nuclear Energy Factor in Indian Politics. *Vestnik MGIMO (University)*. 2017. Vol. 2 (53). Pp. 147–158 (in Russian)].

Abraham I. Science and Secrecy in the making of Postcolonial State. *Economic and Political Weekly*. 1997. August 16–23. Pp. 2136–2146.

Bagla P. India's Shanti Act 'Very Positive': Global Nuclear Watchdog Chief. *NDTV*. 09.06.2026.

Grover R. B. The Civil Liability for Nuclear Damage Act of India: An engineering perspective regarding Supplier's liability. *Progress in Nuclear Energy*. 2017. Vol. 101. Part A. Pp. 168–175.

Jain N. *Nuclear Energy: Technology from Hell*. Delhi: Aakar Books, 2012.

Jayaraman N. The 'breakthrough' in Indo-US nuclear deal will bleed Indians every which way. *DAWN*. 29.01.2015.

Lakshmikumaran M., Ramacha S. Understanding SHANTI Act, 2025 — Analysis for patent applicants. *Lakshmikumaran Sridharan attorneys*. 28.06.2026.

Pant H. V. The US-India Nuclear Pact: Policy, Process, and Great Power Politics. *Asian Security*. 2009. Vol. 5 (3). Pp. 273–295.

Ramana M. V. The Indian Nuclear Industry: Status and Prospects. *Nuclear Energy Futures Paper*. 2009. No. 9.

Sharma S. NPCIL's BSR tender draws Reliance, Adani, Tata, JSPL; bid deadline extended to March 2026. *Energy Watch*. 2025. 29.09.

Tharoor S. The 'SHANTI' Bill is a Radioactive Gamble with India's Future. *NDTV*. 19.12.2025.

Venkatesan J. Centre Justifies Waiver of Nuclear Civil Liability Pact with Russia. *The Hindu*. 19.10.2012.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Agreement between the Government of India and the International Atomic Energy Agency for the application of safeguards to civilian nuclear facilities. International Atomic Energy Agency. May 29, 2009. URL: https://inis.iaea.org/records/n27er-3xc22 (дата обращения: 15.07.2026).

Bilateral/Multilateral Documents. Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents (дата обращения: 05.08.2026).

Budget 2025–2026. Speech of Nirmala Sitharaman Minister of Finance. February 1, 2025. URL: https://www.indiabudget.gov.in/doc/bspeech/bs2025_26.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[20] Lok Sabha Unstarred Question No. 5303 answered on 25/03/2026. Department of Atomic Energy. Government of India. URL: https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s35b8e4fd39d9786228649a8a8bec4e008/uploads/2026/05/202605121131419370.pdf (дата обращения: 05.08.2026).

History. Department of Atomic Energy. URL: https://dae.gov.in/history/ (дата обращения: 05.08.2026).

India's SHANTI Act: Ambition, Controversy, and the Nuclear Private Sector Gambit. Council of Strategic and Defense Research. January 16, 2026. URL: https://csdronline.com/blind-spot/indias-shanti-act-ambition-controversy-and-the-nuclear-private-sector-gambit/ (дата обращения: 05.08.2026).

Lok Sabha Unstarred Question No. 5303 answered on 25/03/2026. Department of Atomic Energy. Government of India. URL: https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s35b8e4fd39d9786228649a8a8bec4e008/uploads/2026/05/202605121131419370.pdf (дата обращения: 05.08.2026).

NPCIL Nuclear Power Plants Details and Installed Capacity. Nuclear Power Corporation of India Limited. URL: https://www.npcil.nic.in/content/302_1_AllPlants.aspx (дата обращения: 05.08.2026).

Parliament Question: Delay in Commissioning Nuclear Plants. Press Information Bureau. Government of India. 03.12.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetail.aspx? PRID=2198334&reg=6&lang=1 (дата обращения: 05.08.2026).

Speech while moving the Atomic Energy Bill in the Constituent Assembly (Legislative) 6 April 1948. Constituent Assembly of India {Legislative) Debates, Official Report Vol. V, 1948, pp. 3315–3334. Extracts. URL: https://nehruarchive.in/documents/atomic-energy-6-april-1948-wdgodj (дата обращения: 21.07.2026).

The Atomic Energy Act, 1962. India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/1413/1/A1962-33.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

The Civil Liability for Nuclear Damage Act, 2010. India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2084/5/A2010-38.pdf (дата обращения: 15.07.2026).

The Sustainable Harnessing and Advancement of Nuclear Energy for Transforming India Act, 2025. The Gazette of India. 20.12.2025. URL: https://prsindia.org/files/bills_acts/acts_parliament/2025/The_SHANTI_Act_2025.pdf (дата обращения: 05.08.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-197-207

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ*

© 2026

М. А. Федотов[1]

В статье анализируются демографические процессы в Республике Армения в контексте масштабной реформы высшего образования и науки. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты и документы стратегического планирования, лежащие в основе реформы. Ставится вопрос о согласованности целей и механизмов реформы с демографической динамикой, определяющей воспроизводство научных кадров в стране. Эмпирическую основу исследования составляют данные Статистического комитета Республики Армения (Армстата), материалы переписей населения 2011 и 2022 гг., а также базы данных ООН и ЮНЕСКО. Особое внимание уделяется старению научных кадров и воспроизводству человеческого капитала, «утечке умов», а также финансированию образования и науки. Показано, что реформа носит преимущественно институциональный характер и не учитывает демографическую динамику, а отдельные демографические проблемы, прежде всего старение научных кадров, затрагиваются в стратегических документах лишь фрагментарно. Сделан вывод, что ключевой вызов развитию научно-образовательной системы Армении связан на данном этапе не столько с демографическими, сколько с финансово-экономическими факторами, снижающими привлекательность научной карьеры на этапе перехода выпускников вузов в профессию. Вместе с тем начало реформы совпадает с выходом на начальный этап научной карьеры наиболее малочисленных поколений, что в ближайшие годы сделает демографический фактор более значимым.

Ключевые слова: Армения, демографическая безопасность, человеческий капитал, воспроизводство научных кадров, смена поколений, научная политика, утечка умов

Для цитирования: Федотов М. А. Демографические аспекты реформы высшего образования и науки в Республике Армения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 197–207. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-197-207

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE HIGHER EDUCATION AND SCIENCE REFORM IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Mark A. Fedotov

This article examines demographic trends in the Republic of Armenia against the backdrop of the country's comprehensive reform of higher education and science. It reviews the key legislation and strategic planning

* Исследование выполнено по проекту Института востоковедения РАН «Лаборатория исследования демографической безопасности стран Востока (FMNN-2026-0001)

[1] Федотов Марк Александрович, лаборант-исследователь Лаборатории исследования демографической безопасности стран Востока Института востоковедения РАН, аспирант МГИМО МИД России, Москва; fedotoff.mark@yandex.ru

Mark A. Fedotov, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; fedotoff.mark@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1279-5707

documents underpinning the reform and asks how far the reform's goals and mechanisms are consistent with the demographic dynamics that shape the renewal of the country's research workforce. The analysis draws on data from the Statistical Committee of the Republic of Armenia (Armstat), the 2011 and 2022 population censuses, and UN and UNESCO databases. Particular attention is paid to the ageing of the research workforce, the reproduction of human capital, brain drain, and the funding of education and science. The study finds that the reform is primarily institutional in nature and does not take demographic dynamics into account. Strategic documents address specific demographic challenges, most notably the ageing of research staff, only in a fragmented way. The article argues that, at present, the main challenge to Armenia's higher education and research system is less demographic than financial and economic: limited funding makes a research career unattractive at the point where graduates enter the profession. However, the reform coincides with the entry into research careers of the smallest generations, so demographic factors are likely to become more significant in the coming years.

Keywords: Armenia, demographic security, human capital, generational renewal, research workforce, science policy, brain drain

For citation: Fedotov M. A. Demographic Aspects of the Higher Education and Science Reform in the Republic of Armenia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 197–207. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-197-207

В 2025 г. в Армении началась реформа высшего образования и науки. Её центральным элементом стал новый закон «О высшем образовании и науке» (принят 16.09.2025)[2]. Суть реформы состоит в постепенном отходе от советской и постсоветской моделей организации науки, в которых образование — это сфера университетов, а наука — национальной академии наук, к западной, где наука и образование соединяются в университете, а студенты выбирают, будут ли они учиться на образовательной программе или на научной.

Реформа включает в себя несколько компонентов:

1) Объединение (укрупнение) вузов и создание единой системы управления наукой. До реформы ключевой научной организацией была Национальная академия наук Армении (НАН), в составе которой находились институты по отраслям знания. Теперь институты НАН Армении переходят в подчинение Министерству образования, науки, культуры и спорта, а потом должны будут войти в укрупнённые исследовательские университеты. Предполагается создать НИИ в университетах (статус университета будет иметь только тот вуз, в структуре которого есть НИИ, а число студентов — больше четырёх тыс.).

2) Все университеты вместе с НИИ, созданными на базе институтов академии наук, должны быть выведены за пределы Еревана в специально создающийся для этого научно-образовательный кластер «Академический город». Внутри него будут находиться несколько профильных университетов.

3) Переход к трёхступенчатой системе образования и подготовке научных кадров: бакалавриат — магистратура — докторантура (аналог западного PhD). Степени кандидата и доктора наук приравниваются к новой степени доктора. До этого система была такой же, как и в большинстве постсоветских государств — основная часть образовательных программ реализовывалась в рамках Болонского процесса, в бакалавриате и магистратуре (специалитет оставался в основном в медицинских вузах), а система научных степеней включала в себя кандидата и доктора наук. По закону они упраздняются и заменяются единой степенью PhD. Вводится новая аспирантура и прекращается утверждение тем докторских диссертаций по старому закону.

4) Интернационализация высшего образования (усиление интеграции армянских науки и образования с международными научно-образовательными сетями).

[2] Закон Республики Армения «О высшем образовании и науке». Принят 11.09.2025 г. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/214346 (дата обращения: 05.10.2026).

Закон описывает институциональный дизайн обновленной системы образования и науки, целевые ориентиры же определяются в «Программе развития образования до 2030 г.» и «Стратегической программе развития сферы науки Республики Армения на 2026–2030 гг.»[3]. Помимо целей в документах вполне открыто констатируются проблемы, стоящие перед системой. Большинство из них связано с демографией и вопросами поддержания и развития человеческого капитала.

В связи с этим возникает вопрос: в какой мере содержание реформы высшего образования и науки согласуется с демографической динамикой в Армении?

По данным Армстата, численность постоянного населения Армении составляет 3,07 млн человек[4]. Из них в возрастной группе 18–24 года, соответствующей периоду получения высшего образования, — 211 тыс. человек (6,9% населения), а в группе 25–34, примерно соотносящейся с возрастом обучения в аспирантуре и последующей защиты кандидатской диссертации (если учесть, что не все выпускники аспирантуры защищают диссертацию сразу после выпуска) и состоящей из когорт 25–29 и 30–34, — около 387 тыс. человек (12,6% населения)[5].

Возраст защиты кандидатской диссертации сейчас в основном приходится на когорту рожденных в 1996–2000 гг., численность которых — около 178 тыс. человек. Они рождены в разгар кризиса, в период «демографической ямы» 1996–2003 гг., когда рождаемость в Армении упала ниже 40 тыс. человек в год. Минимум пришелся на 2001 г. — всего 36 183 рождённых[6]. Именно рождённые в это время сейчас и выступают «целевой аудиторией» реформы, особенно в части науки.

Демографическая база аспирантуры и подготовки кандидатов наук низкая и будет уменьшаться, так как в ближайшие пять лет обучаться в аспирантуре и защищать кандидатские диссертации будут как раз представители самой малочисленной когорты в Армении за последние тридцать лет, которым сейчас 20–24 года. Численно их ещё меньше, чем рождённых в середине-конце 1990-х, — 165,8 тыс. человек.

Во второй половине 2020-х — начале 2030-х гг. в вузы придут представители когорты 2007–2014 гг. рождения. В этот период Армения преодолела последствия 1990-х гг., что отразилось на росте числа рождённых. На 2011–2012 гг. пришелся наивысший подъём рождаемости в современной Армении — 45 589 рождений в 2011 г.[7] В возраст защиты кандидатских диссертаций представители этого поколения вступят ко второй половине 2030-х гг., когда уже можно будет судить о непосредственных результатах реформы.

Однако вероятный подъём в этот период сменится новым спадом, ещё более глубоким, чем в конце 1990-х — начале 2000-х. В Армении сейчас рождается меньше детей, чем в разгар кризиса 1990-х и начала 2000-х, и примерно в 2,5 раза меньше, чем в 1990 г. Это следствие «демографического эха», так как в детородный возраст вошли малочисленные сами по себе представители поколения 1990-х — начала 2000-х. Демографический кризис 1990-х запустил долгосрочную волну, которая будет ограничивать кадровую базу высшего образования и науки как минимум до середины XXI в., воспроизводясь через поколение.

[3] Постановление Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/hy/acts/220138 (дата обращения: 05.10.2026).

[4] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Республики Армения 2025. Население. URL: https://armstat.am/file/doc/99563638.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[5] Там же.

[6] UN Population division data portal. Interactive access to global demographic indicators. URL: https://population.un.org/dataportal/data/indicators (дата обращения: 05.10.2026).

[7] UN, World Population Prospects. URL: https://population.un.org/dataportal/ (дата обращения: 06.10.2026).

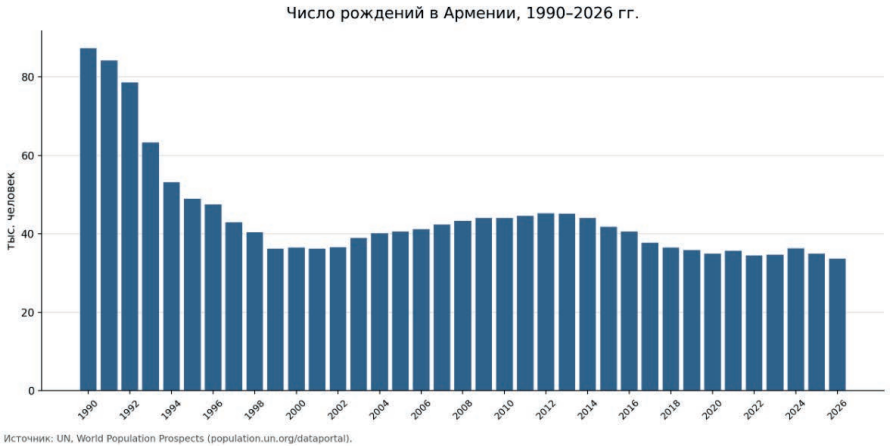


Рис. 1. Число рождений в Армении в 1990–2026 гг.
Источник: UN, World Population Prospects. URL: https://population.un.org/dataportal/ (дата обращения: 06.10.2026)

Вторая проблема, непосредственно связанная с демографической базой системы науки и образования Армении, — это воспроизводство научных кадров. Среди представителей молодых поколений высшее образование распространено широко. В возрасте 25–29 лет диплом бакалавра, магистра или специалиста имеют 73,5 тыс. человек, что составляет около 40% поколения. В когорте 30–34 года — около 85 тыс., примерно 36%[8].

Всего в Армении 6108 человек имеют учёную степень (3035 кандидатов и 3073 доктора наук), что составляет 0,3% населения[9]. Люди с учёными степенями сконцентрированы в старших возрастных когортах. Из них 4 тыс. или около 2/3 в возрасте старше 50 лет. 1200 — младше 40 лет, т. е. почти каждый пятый. В категории докторов наук перекос в сторону людей 50+ выражен ещё сильнее, 70% докторов наук в Армении старше 50 лет. По данным «Стратегической программы развития сферы науки Республики Армения на 2026–2030 гг.», по состоянию на 2024 г. число научных работников старше 65 лет составляло 29,5% в общей композиции научных кадров, при этом только 24,3% моложе 35 лет[10].

Идёт процесс старения научных кадров параллельно с низким уровнем смены поколений. Если сравнить данные переписи населения 2011 г. по соотношению возрастных когорт и уровню образования в них с теми же данными по переписи 2022 г., то обнаруживается тренд на старение корпуса кандидатов и докторов наук[11]. Общее число людей с научной степенью (кандидаты и доктора) за одиннадцать лет практически не изменилось: 5786 кандидатов и докторов наук в 2011 г. и 6108 в 2022 г.[12] Число людей старше 50 среди них выросло на 11,7% (3574 и 3993), а моложе 40 лет снизилось на 19,5% (1501 и 1208). В долях: кандидатов и докторов наук старше 50 лет +3,6 п. п.

[8] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Республики Армения 2025. Население. URL: https://armstat.am/file/doc/99563653.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[9] Там же.

[10] Приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/acts/files/359222/ff41729b8ec553c6a529eb71988c476b23d52634bf6f6236366bd0a7a20649a2 (дата обращения: 05.10.2026).

[11] Данные за 2011 г. охватывают постоянное население Республики Армения возрасте 6 лет и старше, в данные переписи 2022 г. — от 15 лет и старше. Для учёных степеней это не имеет значения, так как у людей в возрасте до 25 лет их нет.

[12] Стоит отдельно оговорить, что число кандидатов наук с 2011 по 2022 г. якобы сократилось с 4746 до 3035, а докторов выросло втрое — с 1040 до 3073. Причём докторов наук в возрасте 30–34 года в 2011 г. было 27, а стало 238. Это нереалистично. Причина лежит в том, что в 2022 г. в ходе переписи часть людей со степенью PhD могли указать себя как доктор наук. При этом сумма людей с этими научными степенями от этого не меняется.

(61,8% и 65,4%), младше 40–6,1 п. п. (25,9% и 19,8%). Можно было бы предположить, что молодых учёных меньше, потому что сами молодые поколения более малочисленны. За период с 2011 по 2022 г. население Армении в возрасте 25–39 лет сократилось с 682 тыс. до 640 тыс. человек (–6%). В то же время количество граждан Армении с научной степенью в этой же возрастной группе упало на 19,5%. Если подсчитать количество людей с научной степенью на 10 тыс. человек населения в возрасте 25–39 лет, то в 2011 г. этот показатель равняется 22,0, а в 2022 – 18,9. То есть число людей с научной степенью на 10 тыс. человек в возрасте 25–39 лет сократилось на 14%. Значит, молодёжь стала реже идти в науку независимо от размера поколений. Эта проблема открыто признаётся государством и отражена в документах стратегического планирования[13].

Таблица 1. Население Республики Армения в возрасте 15 лет и старше по наивысшему уровню образования (учёной степени) и возрастным группам, чел. по данным переписи населения 2022 г.

Уровень образования / учёная степень	Всего (15 лет и старше)	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и старше	Доля лиц 50 лет и старше,%
Степень бакалавра	337 067	478	35 774	52 620	58 093	43 661	53 841	92 600	27,5
Степень магистра	82 080	8	4 371	14 205	16 564	12 362	13 397	21 173	25,8
Дипломированный специалист*	172 068	31	1 798	6 719	10 469	14 263	31 096	107 692	62,6
Аспирантура (аспирантура, докторантура, стажировка, ординатура)**	6 369	0	20	1 042	990	825	1 154	2 338	36,7
Кандидат наук	3 035	0	0	290	209	236	459	1 841	60,7
Доктор наук	3 073	0	0	0	238	235	448	2 152	70,0
Кандидаты и доктора наук, всего	**6 108**	**0**	**0**	**290**	**447**	**471**	**907**	**3 993**	**65,4**

* Квалификация присваивалась в рамках одноуровневой системы высшего образования до перехода к Болонской модели (бакалавриат — магистратура).

** Включая ординатуру (последипломную подготовку врачей), не связанную напрямую с подготовкой научных кадров. Примечание. Учитывается наивысший достигнутый уровень образования: лица со степенью доктора наук не учитываются среди кандидатов наук. Доля лиц 50 лет и старше рассчитана автором.

Источник: Статистический комитет Республики Армения (Армстат), данные переписи населения 2022 г.

[13] Постановление Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/hy/acts/220138 (дата обращения: 05.10.2026).

Таблица 2. Численность и возрастная структура носителей учёных степеней в Республике Армения по данным переписей населения 2011 и 2022 гг.[14]

Показатель	2011	2022	Изменение
Кандидаты и доктора наук, всего, чел.	**5 786**	**6 108**	**+5,6%**
из них в возрасте моложе 40 лет, чел.	1 501	1 208	-19,5%
из них в возрасте 40–49 лет, чел.	711	907	+27,6%
из них в возрасте 50 лет и старше, чел.	3 574	3 993	+11,7%
Доля лиц моложе 40 лет,%	25,9	19,8	-6,1 п. п.
Доля лиц 50 лет и старше,%	61,8	65,4	+3,6 п. п.

Источник: рассчитано автором по данным Статистического комитета Республики Армения (Армстат), итоги переписей населения 2011 и 2022 гг.

На данный момент кандидатов наук в возрасте от 25 до 34 лет в Армении всего около 500 человек. На каждые 100 обладателей степени магистра в этом возрасте (их около 30,8 тыс.) приходится меньше двух кандидатов наук. В целом на млн населения Армении приходится меньше 1160 учёных.

Таблица 3. Количество исследователей на миллион населения в Республике Армения, 2022–2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024	Изменение 2024 г. к 2022 г.,%
Количество исследователей всего	4003	4005	3518	-12,1
Количество исследователей на миллион населения	1357	1351	1160	-14,6

Источник: Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении. Наука, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99563658.pdf (дата обращения: 05.10.2026)

Динамика численности аспирантов за последние годы в целом совпадает с динамикой рождаемости в Армении. За последние пять лет число аспирантов в вузах и научных организациях Республики Армения по итогам года снизилось на 200 человек (21,1%), см. табл. 4. Если взять за минимальный возраст защиты диссертации 26 лет, то можно сделать вывод, что учившиеся в аспирантуре в 2020 г. — это рождённые в начале 1990-х. Соответственно с уменьшением размера когорты уменьшается в пределах незначительных колебаний и число аспирантов в целом.

Если считать, что обучение в аспирантуре длится три года (без учёта академического отпуска или же отпуска по уходу за ребёнком как частных случаев, которые могут увеличить срок обучения), то можно сказать, что аспирантуру оканчивает (не обязательно с последующей защитой) каждый седьмой-восьмой поступивший в зависимости от года набора. Последние данные об окончании аспирантуры представлены Армстатом за период с 2020 по 2024 г. Из числа поступивших в аспирантуру в 2020 г. в 2023 г. её окончили 8,7%, из набора 2021 г. в 2024 г. — 19,6% соответственно[15].

[14] Изменение численности указано в процентах, изменение долей — в процентных пунктах (п. п.).
Кандидаты и доктора наук рассматриваются совокупно. По данным переписи 2022 г. численность кандидатов наук по сравнению с 2011 г. сократилась с 4 746 до 3 035 чел., а докторов наук возросла с 1 040 до 3 073 чел., в том числе в возрасте 30–34 лет — с 27 до 238 чел. Столь резкие изменения маловероятны, так как степень доктора наук в постсоветской научной системе присуждается, как правило, после 40–45 лет. Вероятно, часть обладателей степени PhD, соответствующей в армянской системе степени кандидата наук, указала при переписи степень доктора наук. По этой причине раздельное сравнение двух категорий некорректно, тогда как их сумма не зависит от такой погрешности в классификации. Учитывается постоянное население, лица, проживающие за пределами Армении, в данные не включены.

[15] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении. Наука, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99563658.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

При этом нет данных о том, что все они защитили кандидатскую диссертацию. Правительством поставлена цель к 2030 г. достичь не менее 800 аспирантов в год[16]. Пока эта цель не согласуется с нынешним трендом на неуклонное снижение числа аспирантов в республике.

Таблица 4. Численность аспирантов и приём в аспирантуру в Республике Армения, 2020–2024 гг., чел.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 г. к 2020 г.,%
Численность аспирантов (на конец года)	911	812	737	745	719	–21,1%
Приём в аспирантуру	286	194	206	194	219	–23,4%
Выпуск аспирантов всего	44	31	46	25	38	–13,6%

Источник: Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении, 2025

Даже учитывая, что сейчас в наиболее активный возраст с точки зрения научной деятельности вступают представители самого малочисленного поколения конца 1990-х — начала 2000-х, у молодёжи нет дефицита высшего образования, так как примерно 37% когорты 25–29 лет — это потенциальная база для аспирантуры. Однако в этой возрастной группе всего 290 кандидатов наук, т. е. около 0,4% от людей с высшим образованием уровня магистратуры или бакалавриата. Этого недостаточно для смены поколений в науке. Проблема нехватки научных кадров лежит в плоскости перехода от высшего образования к науке и связана скорее с финансово-экономическими причинами, которые делают научную карьеру менее привлекательной.

Для предметного понимания этой стороны проблемы необходимо обратиться к основным показателям финансирования образования и науки.

Наука и образование в Армении финансируются преимущественно государством. Доля расходов на образование в структуре ВВП в течение последних десяти лет не менялась и колебалась в районе 2,3–2,7% ВВП (2,3% в 2025 г.)[17]. На науку тратится меньше — 0,29% ВВП (2024 г.)[18]. Для сравнения, в соседней Грузии примерно столько же — 0,26% ВВП, в России — 0,94%. В среднем же по миру — 2%, 2,5–3% в странах ОЭСР и 5–6% у Израиля и Южной Кореи[19]. Т.е. уровень затрат на науку в Армении примерно в 7 раз ниже среднемирового, однако страна не выделяется среди государств региона и по этому показателю находится на одном уровне с ними.

Пока Армения тратит на образование меньше собственных целевых показателей. Доля образования в расходной части бюджета составляет 10%. При этом государство поставило цели достичь 4% ВВП и 15% бюджета на образование, что соответствует нижней границе рекомендаций Инчхонской декларации «Образование-2030» (4–6% ВВП и/или 15–20% госрасходов)[20]. Это программа реализации ЦУР 4 «Качественное образование для всех». По данным UIS, Армения

[16] Приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/acts/files/359222/ff41729b8ec553c6a529eb71988c476b23d52634bf6f6236366bd0a7a20649a2 (дата обращения: 05.10.2026).

[17] Предварительные квартальные и годовые данные валового внутреннего продукта (ВВП) за 2025 г. URL: https://armstat.am/file/doc/99568698.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[18] UIS data browser. GERD as a percentage of GDP. URL: https://databrowser.uis.unesco.org/view#indicatorPaths=UIS-SDG9Monitoring%3A0%3AEXPGDP.TOT&view=table (дата обращения: 05.10.2026).

[19] Ibid.

[20] Инчхонская декларация — Образование-2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни. Электронная библиотека ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233137_rus (дата обращения: 05.10.2026).

пока не достигает целевых расходов на образование по этому показателю[21]. В 2026 г. правительство поставило цель довести затраты на науку до 1% ВВП к 2030 г.[22]

Среднемесячная номинальная заработная плата в Армении составляет 314 196 драм (74 145 рублей, 867,18 долл.)[23]. В образовании — 160 873 драм (38 290 рублей, 447,6 долл.)[24]. Понять среднюю заработную плату работников науки сложнее, так как Армстат даёт её в категории «профессиональная, научная и техническая деятельность», куда включено население, занятое в сферах, не связанных с наукой: юриспруденция, бухгалтерия, инженерия, реклама, дизайн[25]. Такие данные даются в «Стратегической программе развития сферы науки Республики Армения на 2026–2030 годы»[26]. По состоянию на 2025 г. минимальная месячная заработная плата лаборанта составила 138 тыс. драм (32 400 рублей, 381 долл.), младшего научного сотрудника — 210 тыс. драм (49 400 рублей, 580 долл.), научного сотрудника — 276 тыс. драм (64 925 рублей, 762 долл.), старшего научного сотрудника — 343 тыс. драм (80 700 рублей, 947 долл.) и 443 тыс. драм (104 200 рублей, 1220 долл.) у ведущего научного сотрудника[27].

Средняя заработная плата в сфере IT, которая активно развивается в современной Армении, составляет 862 000 драм (205 000 рублей, 2400 долл.), что почти в пять раз больше, чем в образовании и науке[28]. То есть зарплаты на входе в научную карьеру всё равно остаются неконкурентоспособными, так как на стартовых позициях в науке выпускник получает меньше среднего по стране.

При этом за период с 2020 по 2024 г. внутренние затраты на исследования и разработки выросли на 106,9% (с 13,7 млрд драм в 2020 г. до 28,9 млрд в 2024 г.)[29]. Показательно, что в этот же период рост финансирования сопровождался снижением численности работников, выполняющих научные исследования, на 4,6% (4 499 в 2020 г., 4292 в 2024 г.)[30].

Один из ключевых элементов реформы, который связан с демографическими вопросами и миграцией, — это цель на углубление интернационализации армянского образования и науки. Под этим понимается расширение образовательного сотрудничества в виде создания совместных образовательных программ и развития студенческих обменов, а также масштабирование участия армянских научных коллективов в международных научных проектах (например, в рамках программы «Горизонт Европа»). С этим связана проблема «утечки умов», которая отмечается и в «Стратегической программе развития сферы науки Республики Армения на 2026–2030 годы»[31].

---

[21] Институт статистики ЮНЕСКО. Профайлы стран SDG-4. Армения.
URL: https://download.uis.unesco.org/SDG4/SDG4-Profile-Armenia.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[22] Постановление Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/hy/acts/220138 (дата обращения: 05.10.2026).

[23] Среднемесячная номинальная заработная плата, драмов / 2026. URL: https://armstat.am/ru/?nid=12&id=08001 (дата обращения: 05.10.2026).

[24] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении. Уровень жизни населения, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99568513.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[25] Там же.

[26] Приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/acts/files/359222/ff41729b8ec553c6a529eb71988c476b23d52634bf6f6236366bd0a7a20649a2 (дата обращения: 05.10.2026).

[27] Там же.

[28] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении 2025. Уровень жизни населения, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99568513.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[29] Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении. Наука, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99563658.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

[30] Там же.

[31] Приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/acts/files/359222/ff41729b8ec553c6a529eb71988c476b23d52634bf6f6236366bd0a7a20649a2 (дата обращения: 05.10.2026).

По данным, представленным в документе на основе статистики Fragile States Index («Рейтинг несостоятельности государств»), позиции Армении по индексу отъезда научных кадров ухудшились за последние десять лет (5,9 в 2016 г. и 7,2 в 2023 г.)[32]. С одной стороны, реализация реформы может помочь затормозить этот процесс через улучшение материального положения учёных, с другой — лишь облегчить отъезд за границу, поскольку развитие научных сетей с зарубежными научно-исследовательскими центрами и большее вовлечение в научно-исследовательские проекты способствует упрощению мобильности научных кадров.

При этом Институт статистики ООН (UIS) даёт немного другие данные. Согласно им, число студентов-граждан Армении в зарубежных вузах за последнее десятилетие сократилось почти в 1,5 раза как в численном выражении, так и в процентном выражении к общему числу студентов вузов Армении *(коэффициент исходящей мобильности*).

Таблица 5. Численность студентов из Армении, обучающихся в высших учебных заведениях за рубежом, 2014–2023 гг.

Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Число студентов, чел.	7470	7561	7862	5854	6527	6396	4871	4812	5245	4851
Доля от численности студентов вузов Армении,%	6,61	7,14	7,19	5,58	6,33	6,95	5,58	5,18	5,65	5,10

Источник: Институт статистики ЮНЕСКО (UIS), показатели «Outbound internationally mobile students (tertiary), both sexes» и «Outbound mobility ratio». URL: https://databrowser.uis.unesco.org/ (дата обращения: 05.10.2026)

В верхней строке табл. 5. показано число всех студентов из Армении, которые учатся в зарубежных вузах, независимо от связи с армянскими университетами. Это прежде всего те, кто поступил в зарубежный вуз на полную программу бакалавриата, магистратуры или Ph D. Показатель охватывает именно тех, кто переехал в другую страну для получения степени, а не по программам академического обмена. В нижней строке показано соотношение армянских граждан, получающих высшее образование конкретной ступени в вузе за пределами Армении, со студентами вузов Республики Армения. Сравнивается размер оттока с размером национальной системы, поэтому сами студенты с армянскими вузами никак не связаны.

Однако ограничение данных в том, что учитываются только студенты в странах, которые отчитываются перед ЮНЕСКО. Студентом из Армении считается только тот, кто постоянно проживал на её территории или получил там диплом об образовании какого-то уровня. В расчёт входят только студенты, которые уехали за полной степенью, а не в рамках академических обменов. Показатель просто констатирует число уехавших на обучение и не даёт информации о том, вернутся ли эти студенты.

Для понимания масштаба можно сравнить значение коэффициента исходящей мобильности Армении с соседними Грузией и Азербайджаном за 2023 г. (последний доступный период). В Азербайджане этот показатель в 3,5 раза выше — 18,24%, а в Грузии находится примерно на том же уровне — 5,5%[33].

Данные правительства и ЮНЕСКО не противоречат друг другу, так как объясняют немного разные вещи. Коэффициент исходящей мобильности ЮНЕСКО — это доля армянских студентов, получающих образование за рубежом, от числа студентов внутри страны. Данные, на которые опирается правительство, — это экспертная составная оценка по шкале от 0 до 10, которая собирается

[32] Там же.

[33] UNESCO Institute for Statistics (UIS). Data Browser: Outbound mobility ratio. URL: https://databrowser.uis.unesco.org/ (дата обращения: 05.10.2026).

из анализа публикаций в СМИ, количественных данных и экспертизы. Они охватывают эмиграцию в целом и квалифицированных кадров в частности.

* * *

Цели и механизмы реформы высшего образования и науки в Армении согласуются с демографической динамикой лишь частично. Реформа носит преимущественно институциональный характер: в новом законе демографический фактор не учитывается. В документах стратегического планирования констатируются ключевые для образования и науки проблемы демографического характера, прежде всего старение научных кадров, и ставится вопрос об их замещении. Однако динамика населения, из которого эти кадры должны воспроизводиться, в них не рассматривается. Целевые показатели реформы рассчитаны без учёта демографических ограничений: рост численности аспирантов и молодых исследователей планируется так, как если бы приток молодёжи в науку оставался неизменным.

Старение научных кадров, обнаруженное при анализе данных переписей населения, носит устойчивый характер и подтверждается данными самой стратегической программы. Учёные старшего возраста составляют большинство обладателей учёных степеней, тогда как численность молодых исследователей уменьшается.

Демографическая база рекрутирования научных кадров сокращается. Первый этап реформы по времени выпадает на начальный этап научной карьеры наиболее малочисленных из поколений Армении. При этом демографические ограничения для науки и для высшего образования наступают в разное время: численность молодёжи студенческого возраста в ближайшие годы будет расти, а сокращение затронет вузы позднее, когда в студенческий возраст войдут поколения второго демографического спада конца 2010-х — начала 2020-х. Возникает риск того, что новый институциональный дизайн системы, не учитывающий этих волн, затруднит достижение целей, поставленных государством в области развития образования и науки.

Вместе с тем сокращение научно-образовательного потенциала пока нельзя объяснить одной лишь демографией: численность молодых научных кадров снижается быстрее, чем численность соответствующих возрастных групп населения. Проведённый анализ показывает, что приток молодёжи в науку прерывается главным образом на этапе перехода из магистратуры в аспирантуру, то есть в момент начала научной карьеры, когда и решается задача смены поколений. Причины этого носят прежде всего финансово-экономический характер и связаны с низкой привлекательностью профессии: оплата труда в науке неконкурентоспособна по сравнению с другими сферами, а финансирование НИОКР остаётся невысоким.

Литература / Reference

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Закон Республики Армения «О высшем образовании и науке». Принят 11.09.2025. URL: https://www.arlis.am/hy/acts/214346 (дата обращения: 05.10.2026).

Институт статистики ЮНЕСКО. Профайлы стран SDG-4. URL: https://download.uis.unesco.org/SDG4/SDG4-Profile-Armenia.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

Постановление Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Армения на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/hy/acts/220138 (дата обращения: 05.10.2026).

Предварительные квартальные и годовые данные валового внутреннего продукта (ВВП) за 2025 год. URL: https://armstat.am/file/doc/99568698.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

Приложение № 2 к Постановлению Правительства Республики Армения № 113-L от 29.01.2026 г. «Об утверждении Стратегической программы развития научного сектора Республики Арния на 2026–2030 годы». URL: https://www.arlis.am/acts/files/359222/ff41729b8ec553c6a529eb71988c476b23d52634bf6f6236366bd0a7a20649a2 (дата обращения: 05.10.2026).

Среднемесячная номинальная заработная плата, драмов / 2026. URL: https://armstat.am/ru/?nid=12&id=08001 (дата обращения: 05.10.2026).

Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Республики Армения 2025. Население. URL: https://armstat.am/file/doc/99563653.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении. Наука, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99563658.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

Статистический комитет Республики Армения (Армстат). Статистический ежегодник Армении 2025. Уровень жизни населения, 2025. URL: https://armstat.am/file/doc/99568513.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

UN Population division data portal. Interactive access to global demographic indicators. URL: https://population.un.org/dataportal/data/indicators (дата обращения: 05.10.2026).

UN, World Population Prospects. URL: https://population.un.org/dataportal/ (дата обращения: 06.10.2026).

UNESCO Institute for Statistics (UIS). Data Browser: Outbound mobility ratio. URL: https://databrowser.uis.unesco.org/ (дата обращения: 05.10.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-208-230

МОЛОДЕЖНЫЙ БУГОР В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: ОЦЕНКА ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ 2010 И 2020 ГОДОВ В РАЗРЕЗЕ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ*

© 2026

В. Ю. Андрюхин, Ф. И. Аржаев[1]

В статье приведена оценка динамики молодежного бугра в Таджикистане и его территориальная структура на основе переписей населения 2010 и 2020 гг., а также демографического прогноза до 2035 г. Сопоставлены городские и сельские возрастные когорты, интенсивность внутренней и внешней миграции. Результаты показывают, что снижение индекса молодежного бугра с 36,8 до 29,7% в 2010–2020 гг. не означает ослабления демографического давления: за малочисленными поколениями конца прошлого века следуют более многочисленные детские когорты. К 2035 г. численность сельской молодежи 15–24 лет может увеличиться на 47–59%, при этом 84% прироста числа достигающих 15 лет придется на сельскую местность. Внутренняя миграция слабо перераспределяет этот ресурс в города, а основным каналом остается внешняя трудовая миграция. Результаты подтверждают гипотезу об ограниченной конвертации капитала молодежи внутри сельских территорий, но не отражают всех причинно-следственных связей. Сделан вывод о риске селективного истощения молодых трудоспособных когорт в сельских районах Таджикистана, растущей зависимости домохозяйств от внешних доходов и необходимости расширения возможностей для воспроизводства и конвертации капитала.

Ключевые слова: Таджикистан, молодежный бугор, человеческий капитал, демографический дивиденд, демографическая безопасность

Для цитирования: Андрюхин В. Ю., Аржаев Ф. И. Молодежный бугор в Республике Таджикистан: оценка по данным переписей 2010 и 2020 годов в разрезе городского и сельского населения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 208–230. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-208-230

* Исследование выполнено по проекту Института востоковедения РАН «Лаборатория исследования демографической безопасности стран Востока (FMNN-2026-0001)».

The Research was conducted under the project of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences "Laboratory for Research of Demographic Security of Eastern Countries (FMNN-2026-0001)".

[1] Андрюхин Владислав Юрьевич, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vlad.andriukhin@gmail.com

Vladislav Yu. Andriukhin, junior researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; vlad.andriukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5604-2723.

Аржаев Федор Игоревич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arzhaevfedor@gmail.com

Fedor I. Arzhaev, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; arzhaevfedor@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2986-3235

THE YOUTH BULGE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: EVIDENCE FROM THE 2010 AND 2020 CENSUSES FOR URBAN AND RURAL POPULATION

Vladislav Yu. Andriukhin, Fedor I. Arzhaev

The article provides an assessment of the youth bulge dynamics in Tajikistan and its territorial structure based on the 2010 and 2020 population censuses, as well as demographic projections up to 2035. Urban and rural age cohorts are compared, along with the intensity of internal and external migration. The results show that a decline in the youth bulge index from 36.8% to 29.7% during 2010-2020 does not mean a reduction in demographic pressure: smaller generations born at the end of the last century are followed by larger child cohorts. By 2035, the number of rural youth aged 15–24 may increase by 47–59%, with 84% of the growth in the number of people reaching the age of 15 occurring in rural areas. Internal migration has a limited impact on redistributing demographic resources to the cities, while an external labour migration remains the main channel. The results confirm the hypothesis about the limited conversion of youth capital within rural areas, but do not describe its causal nature. The conclusion is drawn regarding the risk of selective depletion of young, working-age cohorts in rural areas of Tajikistan, the growing dependence of households on external income, and the need to expand capacity for capital' reproduction and conversion.

Keywords: Tajikistan, youth bulge, human capital, demographic dividend, demographic security

For citation: Andriukhin V. Yu., Arzhaev F. I. The Youth Bulge in the Republic of Tajikistan: Evidence from the 2010 and 2020 Censuses for Urban and Rural Population. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 208–230. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-208-230

Введение

При оценке уровня демографической безопасности государства не стоит пренебрегать таким показателем, как возрастная структура его населения. Это одна из корневых метрик для оценки объема предложения труда, потенциального спроса на услуги образования и здравоохранения, нагрузки на домохозяйства и возможностей экономического роста. Рост доли населения трудоспособного возраста создает условия для демографического дивиденда, повышая долю доходов, направляемых на сбережения и инвестиции. Однако рост сам по себе не гарантирует положительных эффектов для экономики. Эффект зависит от условий для реализации человеческого капитала: качества образования и здоровья, наличия производительных рабочих мест и эффективности институтов по трудоустройству и социализации молодежи [Lutz et al., 2019, p. 12800; Cardona et al., 2020, p. 3]. Если объем предложения труда растет быстрее, чем доступность благ для развития человеческого капитала, демографический потенциал обращается вызовом в форме роста уровня безработицы и доли неформальной занятости, нарастающего миграционного оттока.

Общество Таджикистана столкнулось с подобным противоречием. Страна выделяется за счет «молодой» возрастной структуры населения, почти три четверти которого проживает в сельской местности. По оценке Всемирного банка, экономика страны сталкивается с дефицитом производительных рабочих мест[2], территориальными различиями в доступе к инфраструктуре и услугам[3].

[2] Tajikistan Jobs Diagnostic: Strategic Framework for Jobs. The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/tajikistan-addressing-challenges-to-create-more-and-better-jobs (дата обращения: 09.10.2026).

[3] Tajikistan Poverty and Equity Assessment. The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-and-equity-assessment (дата обращения: 09.10.2026).

Трудовая эмиграция и зарубежные денежные переводы стали одним из основных механизмов поддержания доходов домохозяйств и сокращения бедности в ряде районов страны[4], повышая зависимость экономики от миграционной политики стран-реципиентов [Kluczewska and Korneev, 2022, p. 133].

Общую картину дополняет территориальное неравенство условий города и села в Таджикистане. Место проживания влияет на доступ к образованию, здравоохранению, цифровой и транспортной инфраструктуре, финансовым услугам и формальной занятости. Разница условий для формирования человеческого капитала в разных регионах страны ведет к сохранению неравенства. В настоящей работе данный механизм рассматривается через призму воспроизводства и конвертации капитала между поколениями. Под воспроизводством понимаются сохранение, накопление и межпоколенческая передача человеческих, экономических и социальных ресурсов; под конвертацией — возможность превратить образование, здоровье, связи, доходы и активы в устойчивую занятость и лучшее положение для следующего поколения [Bebbington, 1999, p. 2023; Sen, 1999].

Миграция также играет двойственную роль в этом механизме. Она позволяет реализовать человеческий потенциал, который не востребован местной экономикой, диверсифицировать доходы семьи и ослабить демографическое давление [Stark & Bloom, 1985, p. 173]. С другой стороны, отъезд молодых работников и их семей влияет на предложение труда, воспроизводство человеческого и социального капитала в регионе происхождения. Денежные переводы поддерживают потребление, образование и здоровье, но их поступление не гарантирует формирования местных производительных активов и рабочих мест [Mack et al., 2023, p. 2].

Цель работы — оценить динамику молодежного бугра среди городского и сельского населения Таджикистана, определить роль внутренней и внешней миграции в изменении численности поколений и выявить риски, связанные с будущим ростом численности сельской молодежи.

Гипотеза исследования — в том, что рост доли “молодых” когорт при территориально неравных условиях воспроизводства и реализации капитала приводит к тому, что внешняя трудовая миграция в большей мере, чем внутренняя урбанизация, поглощает избыток сельского предложения труда. Денежные переводы при этом смягчают текущие ограничения домохозяйств, но не обеспечивают расширенное воспроизводство капитала сельской территории.

Обзор литературы

Демографическая дилемма: между молодежным бугром и демографическим дивидендом

В исследованиях возрастной структуры населения сложились две взаимосвязанных, но содержательно различных линии анализа. Первая оценивает рост доли молодежи как фактор давления на рынок труда, образовательную систему и политические институты. Вторая связывает рост доли трудоспособного населения с возможностью демографического дивиденда. Подходы взаимодополняемы: молодежный бугор описывает конфигурацию возрастной структуры, тогда как демографический дивиденд представляет возможный результат ее изменения.

Концепция демографического дивиденда исходит из того, что спад уровня рождаемости и рост доли трудоспособного населения временно улучшают конъюнктуру производства и потребления. Однако изменение возрастной структуры лишь создает окно возможностей. Результат зависит от качества человеческого капитала. Исследования демографического дивиденда подтверждают многокомпонентный характер механизма: изъятие одного из элементов (например, падение

[4] Tajikistan Economic Update 2025: Focusing on Digital Transformation of Trade. The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025 (дата обращения: 09.10.2026).

уровня занятости или качества государственного управления) не позволяет преобразовать демографическую возможность в устойчивый экономический рост [Cardona et al., 2020, p. 5; Woldegiorgis, 2023, p. 390].

Напротив, анализ молодежного бугра подчеркивает не потенциальную выгоду, а риски несоответствия между численностью поколения молодежи и возможностями общества по ее интеграции. Х. Урдал показывает, что высокая доля молодежи при ограниченной занятости и слабых институтах статистически связана с ростом угрозы политического насилия [Urdal, 2006, p. 611]. Однако этот результат не означает наличия прямой причинной связи между многочисленной когортой молодежи и риском конфликтов. Индекс молодежного бугра не учитывает качество образования, структуру занятости, территориальное распределение молодежи и доступные ей каналы мобильности. Он служит как одна из характеристик демографической безопасности и не является универсальным индикатором будущих потрясений.

Новые исследования подчеркивают узость взглядов, интерпретирующих идею дивиденда только через демографические параметры. В частности, В. Лутц с соавторами показывают, что образование населения в большей мере объясняет перспективы экономического роста, чем изменение возрастной структуры само по себе [Lutz et al., 2019, p. 12801]. Следовательно, оценка молодежного бугра должна учитывать не только долю молодежи, но и абсолютный размер когорт, их пространственное размещение и накопленный человеческий капитал.

Для Таджикистана эта оговорка особенно существенна. Страна сохраняет "молодую" возрастную структуру, высокую рождаемость и преимущественно сельское расселение. Согласно UNICEF, почти две трети населения страны моложе 30 лет, а в течение ближайших двух десятилетий эти поколения сформируют наиболее многочисленную когорту рабочей силы за всю историю страны[5]. Однако текущий уровень человеческого капитала не позволяет рассчитывать на полную реализацию демографического дивиденда[6]. Национальные и международные оценки указывают на сохраняющиеся ограничения в образовании, здоровье, участии в занятости и доступе к базовым услугам, причем наиболее уязвимыми являются дети и молодежь, проживающие в сельской местности[7].

Молодежный бугор — источник возможностей и угроз. Он увеличивает требования к системе образования, рынкам труда и жилья, социальной инфраструктуре. Его вклад зависит от того, в какой мере молодые поколения накопят капитал для развития. Анализ возрастной структуры важно дополнить изучением механизма воспроизводства ресурсов молодежи.

Воспроизводство и конвертация капитала молодежи

Человеческий капитал — совокупность знаний, навыков, здоровья и опыта, повышающих производительность труда и формируемых посредством инвестиций [Becker, 1993]. Применение этого подхода к молодежи связывает доступ к образованию и здравоохранению с будущей занятостью и доходом. Вместе с тем анализ лишь на базе человеческого капитала не отражает территориального

[5] Situation Analysis of Children in Tajikistan. UNICEF. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9231/file/Tajikistan_SitAn_2025_ENG.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

[6] Generation 2050 in Central Asia: Country Annex — Tajikistan. UNICEF. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9566/file/Generation%202050%20in%20Central%20Asia%20_%20Country%20Annex_%20Tajikistan.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

[7] Tajikistan Human Capital Country Brief. World Bank. URL: https://humancapital.worldbank.org/content/dam/sites/data/humancapital/pdf/Tajikistan.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

неравенства: равный уровень образования может иметь разную отдачу в зависимости от структуры местной экономики, доступности рабочих мест и уровня территориальной мобильности.

Под воспроизводством капитала целесообразно понимать процесс сохранения, накопления и межпоколенческой передачи ресурсов, обеспечивающих устойчивость молодежи. Экономический капитал включает доходы, сбережения, землю, жилье, скот и иные производительные активы. Человеческий капитал охватывает образование, навыки, здоровье и опыт. Социальный и культурный капитал определяют доступ к информации, поддержке семьи, миграционным сетям, образовательным и трудовым траекториям. При этом важен не только объем каждого типа ресурса, но и способность к его конвертации в производительную занятость, активы и лучшее положение следующего поколения.

А. Сена переносит акцент с формального обладания ресурсами на реальную возможность их реализации [Sen, 1999]. Важен не только факт получения образования или дохода, но и возможность преобразовать их в достойную занятость, здоровье, экономическую самостоятельность и участие в жизни общества. Миграция расширяет возможности, если является осознанным выбором и реализует невостребованные навыки. Равным образом возможность остаться в месте происхождения при наличии достойного источника дохода является благом для человеческого капитала.

В исследованиях вопроса сельской бедности эта проблема описана через активы домохозяйства и способы их конвертации. К. Мозер связывает уязвимость с объемом доступных домохозяйству активов и его способностью использовать их при внешних шоках [Moser, 1998]. Э. Беббингтон объединяет природный, произведенный, человеческий, социальный и культурный капитал, показывая, что жизнеспособность сельских домохозяйств определяется не только наличием ресурсов, но и доступом к институтам и рынкам, привлекающим эти ресурсы [Bebbington, 1999].

Такое определение согласуется с моделью системной бедности, предложенной Ф. И. Аржаевым, В. Ю. Андрюхиным и Д. В. Сапрынской для стран Центральной Азии. Бедность воспроизводится через взаимное усиление институциональных, инфраструктурных, образовательных и экономических ограничений [Аржаев, Андрюхин, Сапрынская, 2022, с. 87]. Низкое качество человеческого капитала ограничивает производительность и доходы. Низкие доходы сокращают инвестиции домохозяйств и государства. Ограниченная инфраструктура снижает отдачу от уже накопленных ресурсов. Исследование человеческого капитала Кыргызстана показывает, что демографический потенциал может стать фактором роста только при наличии механизмов его конвертации [Андрюхин и Аржаев, 2024, с. 119].

Актуальные оценки Таджикистана подтверждают наличие разрыва между накоплением отдельных ресурсов и возможностью их использования. Индекс Human Capital Index Plus (HCI+) учитывает не только уровень общего образования и здоровье детей, но также высшее образование и опыт занятости на протяжении жизни. Страновой профиль Всемирного банка свидетельствует о существенных потерях потенциальной производительности, связанных с ограничениями всех этих компонентов[8]. Однако национальный показатель не раскрывает пространственной структуры потерь. Между тем капитал воспроизводится в конкретной институциональной и территориальной среде, поэтому следующий уровень анализа связан с различиями города и села.

Территориальное неравенство возможностей в Таджикистане

Городское и сельское население различаются не только уровнем текущего дохода. Место проживания определяет расстояние до школы и медицинской организации, доступность профессионального образования, цифровой и транспортной инфраструктуры, финансовых услуг, рынков

[8] Tajikistan Human Capital Country Brief. World Bank. URL: https://humancapital.worldbank.org/content/dam/sites/data/humancapital/pdf/Tajikistan.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

и рабочих мест. Территориальное неравенство выступает механизмом, посредством которого исходные различия в ресурсах закрепляются на поколения вперед.

Глобальные исследования сельской молодежи показывают, что ограниченность числа рабочих мест и доступа к образованию относятся к наиболее устойчивым факторам эмиграции. В то же время семейные связи, привязанность к месту и участие в жизни сообщества могут удерживать молодежь даже при неблагоприятной экономической ситуации [Archer et al., 2024, p. 179; Tsekoura & Koutsou, 2026, p. 21].

Для стран с высокой долей сельского населения особое значение имеет доступ молодежи к земле, финансированию, современным навыкам и несельскохозяйственной занятости. Обзор положения молодежи в агропромышленном секторе фиксирует разрыв между уровнем участия в сельском хозяйстве и доступом к производительным активам и технологиям[9]. Полевые исследования в районе юго-западного Таджикистана показывают, что выбор сельскохозяйственных культур и стратегии мелких производителей зависят не только от рыночных стимулов, но и от доступа к земле, воде, ресурсам, государственной политики и возможностей миграции [Zakirova et al., 2023, p. 6]. При низком уровне доходности сельского труда образование молодежи не гарантирует улучшения ее положения и может, напротив, усиливать разрыв между ожидаемым и реальным приростом капитала.

Неравенство воспроизводится уже на ранних этапах жизни. Анализ положения детей в Таджикистане выделяет сельских жителей, детей из бедных семей и населения удаленных районов как группы повышенного риска с точки зрения доступа к услугам[10]. Данные медико-демографического обследования 2023 г. также указывают на различия уровней благосостояния и образования в зависимости от места проживания[11]. В результате сельская молодежь входит на рынок труда в условиях более высокой демографической нагрузки домохозяйств и меньших возможностей превратить накопленные знания и здоровье в доход.

Таким образом, литература дает основания предполагать, что сельское происхождение влияет на миграцию не непосредственно, а через набор доступных способов капитализации ресурсов. Если внутренний рынок труда страны не обеспечивает достаточного спроса на растущие молодые когорты, внешняя миграция становится альтернативным каналом реализации трудового потенциала.

Двойственный эффект миграции для домохозяйства

В литературе отсутствует однозначная оценка влияния миграции на регион происхождения. Оптимистический подход подчеркивает выгоды миграции в форме денежных переводов, снижения уровня бедности и ослабления кредитных ограничений. Пессимистический — подчеркивает факторы оттока трудовых ресурсов, разрушения семейных связей, зависимости от внешней конъюнктуры и снижения стимулов к локальной занятости. Противоречие частично связано с тем, что исследования используют разные уровни и временные горизонты анализа.

На уровне домохозяйства положительный эффект денежных переводов достаточно устойчив. Они поддерживают текущее потребление и оплачивают дополнительные расходы семьи. Для Таджикистана данный канал имеет макроэкономическое значение: поступление переводов

[9] The Status of Youth in Agrifood Systems. FAO. URL: https://doi.org/10.4060/cd5886en (дата обращения: 09.10.2026).
[10] Situation Analysis of Children in Tajikistan. UNICEF. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9231/file/Tajikistan_SitAn_2025_ENG.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).
[11] Tajikistan Demographic and Health Survey 2023: Final Report. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/06/2023-tjdhs-final-report-en-final.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

в 2025 году составило 45% ВВП и стало одним из факторов падения уровня бедности[12]. Исследование сельских домохозяйств показывает, что наличие мигранта в семье связано с меньшей продолжительностью продовольственных ограничений [Ghimire et al., 2023, p. 5].

Однако рост текущего дохода не тождественен накоплению капитала. Системный обзор связей между переводами и практикой землепользования показывает, что средства могут направляться на покупку земли, техники и сельскохозяйственных ресурсов, но могут также стимулировать сокращение производства, отказ от использования земли или рост потребительских расходов [Mack et al., 2023, p. 5]. Результат зависит от размера и регулярности переводов, наличия земли, доступа к рынку капитала и доходности инвестиций. Сравнительные исследования подтверждают возможность положительного воздействия переводов на аграрные инвестиции и накопление богатства [Yu et al., 2024, p. 3], однако данные стран Центральной Азии показывают различную способность домохозяйств конвертировать переводы в скот и другие производительные активы [Scott et al., 2024, p. 458].

Особенно противоречив эффект для человеческого капитала детей. Денежные поступления способны финансировать образование, однако отсутствие взрослого меняет распределение времени, контроля и обязанностей внутри семьи. Исследование сообществ в Таджикистане, учитывающее эндогенность миграционного решения, выявило снижение вероятности посещения школы в домохозяйствах мигрантов; переводы компенсировали лишь небольшую часть отрицательного эффекта от отсутствия мигранта [Murakami et al., 2021, p. 6]. Результаты П. Жопара также указывают на влияние мужской миграции на баланс распределения времени между учебой и занятостью среди детей в сельской местности [Jaupart, 2019, p. 581]. Это означает, что экономический капитал, поступающий в форме переводов, не всегда компенсирует снижение семейного социального капитала.

Таким образом, на уровне домохозяйства миграция может одновременно увеличивать текущий экономический капитал, ослабляя отдельные элементы человеческого и социального капитала. Ее итог нельзя оценивать только по объему переводов или уровню потребления. Критерием воспроизводства выступает способность семьи направить полученные ресурсы на инвестиции в сферах здоровья, образования, устойчивой занятости и производительных активов, не создавая несоразмерных потерь для оставшихся членов домохозяйства.

Данные и методы

Эмпирической основой исследования служат итоги переписей населения и жилищного фонда Республики Таджикистан за 2010 и 2020 гг.,[13] а также оценки и прогноз численности населения по возрастным группам, которые Всемирный банк публикует на основе расчётов Отдела народонаселения ООН (World Population Prospects)[14]. Использованные данные в силу их разнородности систематизированы в табл. 1.

[12] Tajikistan Poverty and Equity Assessment. The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-and-equity-assessment (дата обращения: 09.10.2026).

[13] Итоги переписи населения и жилищного фонда Республики Таджикистан 2020 года.

[14] World Development Indicators. The World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 03.10.2026); Population Estimates and Projections. The World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections (дата обращения: 03.10.2026).

Таблица 1. Источники данных и извлеченные показатели[15]

Источник	Показатели	Разрез	Период
Перепись 2020 г., т. «Население Республики Таджикистан по полу, возрасту и состоянию в браке», табл. 1	Постоянное население по однолетним возрастам (0–100 лет и старше) и полу	Страна, город и село, области, города и районы	На 1 октября 2010 и 2020 гг.
Перепись 2020 г., т. «Продолжительность проживания в месте постоянного жительства и миграция населения», табл. 5	Население, проживающее «с рождения» и «не с рождения»; прибывшие за октябрь 2010 — октябрь 2020 гг. по типу места выбытия	Страна, город и село, пол, 13 возрастных групп	2020 г.
То же, табл. 6	Временно отсутствующие в пределах и за пределами республики; причины отсутствия	То же	2020 г.
То же, табл. 7	Временно отсутствующие по странам пребывания и причинам	Страна	2020 г.
Перепись 2020 г., т. «Занятия и виды экономической деятельности занятого населения», табл. 11	Внешние трудовые мигранты по возрасту и продолжительности отсутствия	Страна, области	2020 г.
Всемирный банк: World Development Indicators, Population Estimates and Projections	Население по пятилетним группам и полу, доля городского населения, чистая миграция, денежные переводы, ВВП на душу населения	Страна	1960–2050 гг.

Основной показатель — индекс молодёжного бугра *YB1*, т. е. доля молодежи 15–24 лет в населении трудоспособного возраста (1):

$$YB1=P(15–24)/P(15–64)\times 100\% \quad (1)$$

где $P(x–y)$ здесь и далее обозначает численность населения в возрасте от x до y лет включительно. Х. Урдал, предложивший этот индикатор, относил численность молодёжи ко всему населению 15 лет и старше и показал, что при доле молодёжи выше 35% риск вооружённого конфликта, включая гражданскую войну и социальные протесты, заметно возрастает [Urdal, 2006, p. 607]. Знаменатель 15–64 лет использован, чтобы исключить влияние доли пожилых людей на выявленные закономерности. Для Таджикистана при доле лиц 65 лет и старше около 3% разница между двумя вариантами расчета составляет 1,5–2 процентных пункта (п. п.), поэтому порог 35% рассматривается как ориентир для оценки результата расчета.

Дополнительно рассчитаны расширенный индекс, включающий молодёжь до 29 лет (2),

$$YB3=P(15–29)/P(15–64)\times 100\% \quad (2)$$

и относительный размер молодёжной когорты [Easterlin, 1980], т. е. отношение входящих на рынок труда к основному числу занятых в возрасте 25–54 лет (3):

$$YB4=P(15–24)/P(25–54)\times 100\% \quad (3)$$

Возрастную структуру населения описывают доли групп 0–14, 15–24, 15–64 и 65 лет и старше, коэффициенты демографической нагрузки детьми и пожилыми, средний и медианный

[15] Возрастные данные в разрезе «город — село» существуют только на даты переписей. Поэтому непрерывный ряд 1960–2050 гг. построен для страны в целом, а для городского и сельского населения используются две переписи и проекция до 2035 г.

возраст, а также число мужчин на 100 женщин. Сам факт молодежного бугра является прежде всего описательным, а не объясняющим показателем.

Фактически молодежный бугор показывает, много ли молодёжи в населении, но не говорит, ни где именно в возрастной пирамиде находится «выступ», ни каковы последствия его наличия. Результаты Х. Урдала в этом плане описательные. Для более точной локализации молодежного бугра (как и других выступающих групп среди населения) численность каждого однолетнего поколения сравнивается со средней численностью одиннадцати соседних поколений — пяти младших, пяти старших и его самого (4):

$$R(a)=P(a)/[(1/11)\times\Sigma k=-5...+5P(a+k)] \qquad (4)$$

где $P(a)$ — численность населения в возрасте a полных лет, k — сдвиг относительно возраста a. Значение $R(a)>1$ означает, что поколение многочисленнее своих соседей, а возраст, в котором $R(a)$ достигает максимума на интервале 0–40 лет, указывает положение молодежного бугра. Поскольку сравнение ведётся с соседними поколениями, а не со всем населением, такой расчет выявляет только локальный выступ в структуре населения и не реагирует на общее омоложение возрастной структуры.

Индекс $R(a)$ чувствителен к точности указания возраста: если люди склонны называть «круглые» возрасты при переписи (например, 20, 25 или 30 лет), возникают ложные выступы. Поэтому в рамках исследования данные были проверены на возрастную аккумуляцию с помощью индексов Уиппла (возрасты 23–62 лет, цифры 0 и 5) и Майерса [Siegel, Swanson, 2004]. Индекс Уиппла составил 103,6 в 2010 г. и 106,0 в 2020 г. для всего населения, 105,8 и 109,6 — для городского, 102,8 и 104,6 — для сельского, индекс Майерса — соответственно 5,9 и 5,0, 6,4 и 6,8, 5,8 и 4,5. По шкале ООН это очень точные или относительно точные данные. Аккумуляция слишком слаба, чтобы сформировать различия между городом и селом на уровне статистических отклонений, однако городской максимум $R(a)$, приходящийся ровно на 20 лет, ею, вероятно, несколько усилен.

Влияние миграции на численность поколений оценивалось методом когортных отношений [Smith, Tayman, Swanson, 2013], который сравнивает численность одного и того же поколения в двух переписях (5):

$$CCR(a)=P(a+10,2020)/P(a,2010) \qquad (5)$$

где $P(a,_{2010})$ — численность лиц в возрасте a по переписи 2010 г., а $P(a+10,_{2020})$ — численность того же поколения десять лет спустя. Расчёт выполнен по однолетним возрастам для всего городского и сельского населения и для каждого пола. В закрытом населении CCR меньше единицы и равен вероятности дожития до следующей переписи. Отклонение CCR городского или сельского населения от национального значения того же возраста отражает внутреннюю миграцию, отклонение национального CCR от ожидаемого дожития — сальдо международной миграции. Причина применения именно этого метода заключается в том, что он опирается на два независимых наблюдения по итогам переписи и не зависит от текущего учёта миграции, который при циркулярной трудовой миграции, свойственной Таджикистану, заведомо неполон.

Численность населения 15–64 лет в 2035 г. полностью определяется поколениями, которые уже родились и учтены переписью 2020 г. (возрасты 0–49 лет). Поэтому прогноз $YB1$ до 2035 г. не требует допущений о рождаемости и по сути описывает демографическую инерцию. Для его формирования использован метод отношений Гамильтона — Перри [Hamilton, Perry, 1962; Swanson, Schlottmann, Schmidt, 2010]. Для каждой пятилетней возрастной группы g национальный коэффициент передвижки (6):

$$r(g, t)=P(g+1, t+5)/P(g, t) \quad (6)$$

где $P(g, t)$ — численность группы g в год t, а $g+1$ — следующая пятилетняя группа, численность ее взята из ряда оценок и прогноза ООН и Всемирного банка. В первом сценарии (нулевая внутренняя миграция) городские и сельские поколения переписи 2020 г. не отличаются по динамике движения от общенациональных коэффициентов. Во втором сценарии (сохранение потоков 2010–2020 гг.) коэффициент умножается на территориальную поправку (7):

$$d(g)=[CCRm(g)/CCRн(g)]1/2 \quad (7)$$

где $CCR_m(g)$ и $CCR_н(g)$ — когортные отношения для группы g за 2010–2020 гг. на данной территории и в стране в целом. Усреднение с использованием среднего геометрического позволяет рассчитать пятилетние темпы роста. Разность результатов двух сценариев выявляет вклад внутренней миграции в формирование городского и сельского бугра.

Отдельно рассчитана численность поколений, достигающих 15 лет в каждом календарном году, т. е. потенциальный приток рабочей силы на рынок труда. Для 2021–2035 гг. использованы возрасты 0–14 лет по переписи 2020 г., для 2011–2025 гг. — по переписи 2010 г. За 2021–2025 гг. оба ряда перекрываются, что позволяет проверить их согласованность: расхождение по стране составило 0,9% (993,5 и 1 002,3 тыс. человек). Для города и села поколения измеряются в возрасте до 15 лет, т. е. до начала молодёжной миграции, что уменьшает искажения от последующей смены места жительства.

Международная миграция описана возрастными интенсивностями — числом лиц, находившихся на дату переписи за пределами республики (в том числе с причиной «уехали на работу»), на 1000 человек постоянного населения того же возраста и территории. Временно отсутствующие входят в постоянное население, поэтому показатель имеет смысл доли поколения, находящейся за рубежом. Внутренняя миграция описана долей лиц, проживающих в месте постоянного жительства «не с рождения», интенсивностью смены места жительства за октябрь 2010 — октябрь 2020 гг. и матрицей потоков между городскими и сельскими поселениями. Нетто-поток из села в город равен разности числа переехавших из сёл в города и из городов в сёла. Будущее миграционное давление оценено умножением возрастных интенсивностей 2020 г. на прогнозную численность соответствующих возрастов, т. е. при неизменной склонности к выезду.

Результаты

Таджикистан — одна из самых молодых стран постсоветского пространства. За десятилетие между переписями его население выросло с 7,56 до 9,66 млн человек, т. е. на 27,7%. В 2020 г. дети до 15 лет составляли 36,2% жителей, лица 65 лет и старше — 3,3%, медианный возраст равнялся 22,6 года. Почти три четверти населения живут в сельской местности, и именно здесь сосредоточена высокая рождаемость: доля детей в селе достигает 38,0% против 31,2% в городах, а общая демографическая нагрузка — 70,3 против 52,9 на 100 человек трудоспособного возраста (табл. 2).

Таблица 2. Показатели возрастной структуры и молодежного бугра по данным переписей 2010 и 2020 гг.[16]

Показатель	Всё население		Городское население		Сельское население	
	2010 г.	**2020 г.**	**2010 г.**	**2020 г.**	**2010 г.**	**2020 г.**
Численность населения, тыс. человек	7 564,5	9 657,0	2 006,6	2 536,5	5 557,9	7 120,5
YB1,%	**36,8**	**29,7**	**36,2**	**32,1**	**37,1**	**28,8**
YB3,%	50,8	43,6	48,9	44,6	51,5	43,3
YB4,%	64,8	49,4	63,3	55,4	65,3	47,1
Доля 0–14 лет,%	35,6	36,2	32,9	31,2	36,5	38,0
Доля 15–24 лет,%	22,5	18,0	23,2	21,0	22,3	16,9
Доля 15–64 лет,%	61,1	60,5	64,0	65,4	60,1	58,7
Доля 65 лет и старше,%	3,3	3,3	3,1	3,4	3,4	3,3
Нагрузка детьми, на 100 человек 15–64 лет	58,2	59,8	51,5	47,7	60,7	64,7
Общая нагрузка на 100 человек 15–64 лет	63,5	65,3	56,3	52,9	66,3	70,3
Средний возраст, лет	24,9	25,9	25,8	27,2	24,6	25,4
Медианный возраст, лет	21,3	22,6	22,1	23,7	21,0	22,1
Мужчин на 100 женщин в возрасте 15–24 лет	101,9	99,9	114,0	110,2	97,7	95,7
Население 15–24 лет, тыс. человек	1 703,1	1 734,4	464,6	531,9	1 238,5	1 202,5
Население 0–14 лет, тыс. человек	2 690,6	3 495,1	661,0	791,0	2 029,6	2 704,1

Расчёты в таблице 2 показывают, что в 2020 г. молодежного бугра в возрастах 15–24 лет в Таджикистане нет. Индекс *YB1* снизился с 36,8% в 2010 г., то есть с уровня выше порога, до 29,7%. Абсолютная численность молодежи за десятилетие почти не изменилась: она увеличилась с 1 703,1 до 1 734,4 тыс. человек, или на 1,8%, тогда как население в целом выросло более чем на четверть. Причина состоит в том, что в 2020 г. возраст 15–24 лет занимали малочисленные поколения 1996–2005 гг. рождения, сформировавшиеся в период спада рождаемости после распада СССР, гражданской войны 1992–1997 гг. и последовавшего кризиса [Clifford, Falkingham, Hinde, 2010].

Снижение показателя не означает завершения демографической волны: ее максимум сместился в детские возраста. Число детей до 15 лет выросло за десятилетие на 804,5 тыс. человек (+29,9%) — до 3 495,1 тыс. Две самые многочисленные пятилетние группы — 0–4 года (1,254 млн и 5–9 лет (1,239 млн) — в 1,49 и 1,47 раза больше группы 15–19 лет (842 тыс.). Это демонстрируют возрастные пирамиды (рис. 1): и для городского населения, и для сельского заметны провал в 15–19 лет и широкое основание в 0–9 лет, но в городской пирамиде есть резкий выступ в 19–22 года, которого нет в сельской.

[16] Медианный возраст рассчитан при трактовке возраста a как интервала [a, a + 1). В официальной публикации значения примерно на год ниже (по республике 20,3 года в 2010 г. и 21,5 года в 2020 г.) вследствие иного определения интервала.

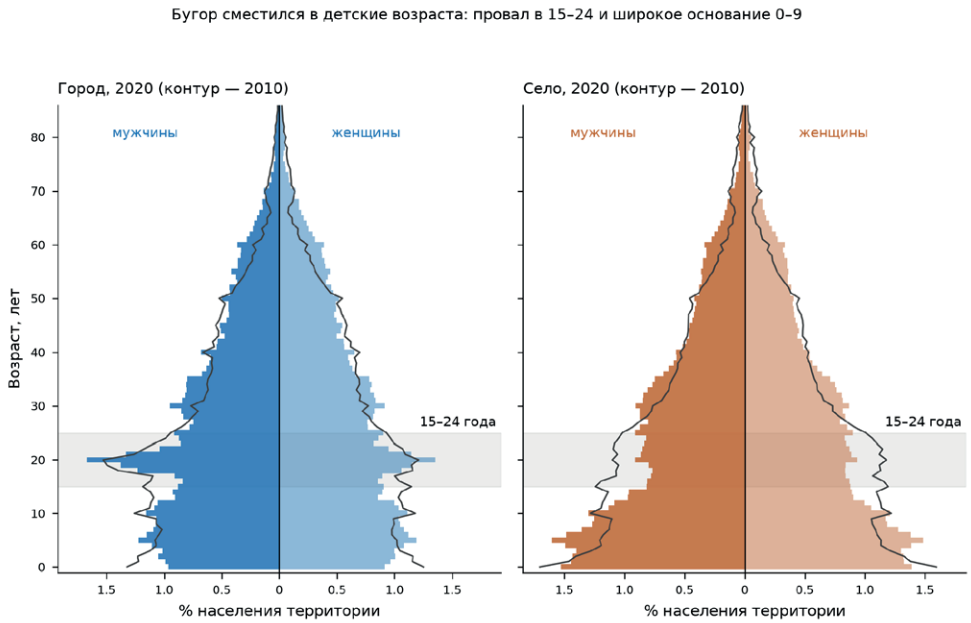


Рис. 1. Постоянное население Республики Таджикистан по однолетним возрастам и полу, % к численности населения территории.
Заливка — перепись 2020 г., контур — перепись 2010 г.; серой полосой выделен интервал 15–24 лет.
Источник: расчёты авторов по данным переписей 2010 и 2020 гг.

Индекс *R(a)* (табл. 3) позволяет уточнить полученные на рисунке 1 результаты. В 2020 г. среднее *R(a)* для возрастов 15–24 лет составляет 0,987 по стране, 1,017 в городах и 0,973 в селе, т. е. сельская молодёжь малочисленнее соседних поколений. Для возрастов 5–14 лет среднее *R(a)* равно 1,015 вне зависимости от местности; следующая волна молодежного бугра находится в школьном возрасте. Городской максимум *R(a)* составляет 1,461 и наблюдается для возраста 20 лет. Его происхождение — миграционное.

Таблица 3. Индекс относительного размера поколения R(a)

Территория	Год	Максимум R(a) в 0–40 лет	Возраст максимума, лет	Среднее R(a), 15–24 лет	Среднее R(a), 5–14 лет
Всё население	2010	1,100	10	1,026	0,981
Всё население	2020	1,201	20	0,987	1,015
Городское население	2010	1,203	20	1,034	0,981
Городское население	2020	1,461	20	1,017	1,015
Сельское население	2010	1,089	10	1,024	0,981
Сельское население	2020	1,133	5	0,973	1,015

Национальный ряд оценок и прогноза позволяет оценить эти сдвиги в длительной перспективе (рис. 2). Индекс *YB1* достиг максимума 38,3% в 2006 г. и снижается до минимума 28,4% в 2025 г., после чего начинается новая волна его роста: 30,2% в 2030 г. и 31,1% в 2035 г. Численность населения 15–24 лет достигнет максимума 2,588 млн человек в 2039 г., что на 45,9% больше уровня 2020 г. (1,774 млн по оценке Всемирного банка). Порог 35% в новой волне превышен не будет, однако рост абсолютной численности молодежи сохранит существенную нагрузку на систему образования и рынок труда.

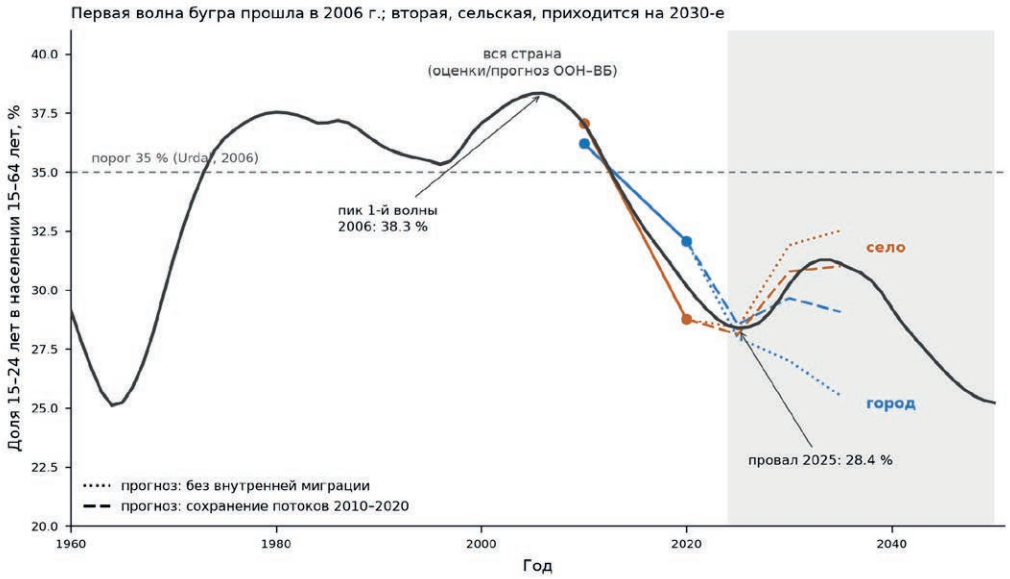


Рис. 2. Индекс молодежного бугра YB1 в 1960–2050 гг.
Тёмная линия — национальные оценки и прогноз ООН и Всемирного банка, точки — оценки по переписям 2010 и 2020 гг. для городского и сельского населения, пунктир и штрих — проекция до 2035 г. по двум сценариям миграции. Прогнозная часть затенена.
Источник: расчеты авторов

В 2010 г. городское и сельское население имели практически одинаковый индекс *YB1*–36,2 и 37,1%. К 2020 г. показатели разошлись на 3,3 п. п. в пользу городского населения (32,1 против 28,8%), причём разошлись за счёт противоположных тенденций. В селе численность молодёжи 15–24 лет сократилась в абсолютном выражении — с 1 238,5 до 1 202,5 тыс. человек (–2,9%), хотя сельское население в целом выросло на 28,1%. Доля молодёжи упала с 22,3 до 16,9%, доля детей выросла с 36,5 до 38,0%, а общая демографическая нагрузка — с 66,3 до 70,3 человека на 100 человек трудоспособного возраста. В городах численность молодёжи, напротив, увеличилась на 14,5% (с 464,6 до 531,9 тыс.) при росте городского населения на 26,4%, доля детей снизилась с 32,9 до 31,2%, нагрузка — с 56,3 до 52,9 человека на 100 человек трудоспособного возраста.

Молодёжь концентрируется в городах непропорционально их размеру: при доле городского населения 26,3% на города приходится 30,9% всех жителей республики в возрасте 20–24 лет. Соотношение полов в молодёжных возрастах у города и села противоположно: 110,2 мужчины на 100 женщин в городе и 95,7 в селе (рис. 3, правая часть), в городах в возрасте 20 лет это соотношение особенно высоко и достигает 123 мужчин на 100 женщин. Поскольку при рождении на 100 девочек приходится около 105 мальчиков, а разница в смертности полов в молодых возрастах невелика, такую конфигурацию может объяснить только миграция.

На момент переписи 2020 г. вне места постоянного жительства находились 471,0 тыс. человек, из них 352,7 тыс. (74,9%) — за пределами республики. С причиной «уехали на работу» отсутствовали 246,1 тыс. человек, в том числе 228,5 тыс. за рубежом. Выездной поток почти целиком направлен в Россию, где находились 348,1 тыс. человек, или 98,7% всех отсутствующих за рубежом (из них 225,6 тыс. — с целью работы).

Таблица 4. Возрастные интенсивности международной и внутренней миграции, 2020 г.

Возраст, лет	Находятся за пределами республики, на 1000 человек			Сменили место жительства в 2010–2020 гг., на 1000 человек			Проживают «не с рождения»,% к численности группы		
	село	всё нас.	город	село	всё нас.	город	село	всё нас.	город
до 15	8,3	8,1	7,6	4,4	10,4	30,7	2,7	4,1	8,9
15–19	25,3	21,5	12,8	9,9	30,4	77,5	4,2	8,2	17,4
20–24	87,1	72,3	39,1	19,1	38,6	82,0	6,0	10,2	19,6
25–29	82,8	75,2	53,1	15,3	27,7	64,0	5,1	8,2	17,3
30–34	75,5	68,7	50,2	13,4	26,0	60,7	5,0	8,3	17,4
35–39	74,3	68,1	51,7	13,3	26,5	61,7	5,1	8,6	18,1
40–44	69,6	63,2	47,3	12,6	26,7	61,8	5,1	9,0	18,7
45–49	58,8	54,5	43,7	12,4	26,0	59,7	5,2	9,3	19,3
50–54	41,7	40,1	36,1	11,5	23,9	54,0	5,1	9,2	19,0
55–59	26,1	26,1	26,1	11,3	22,1	49,5	5,2	8,9	18,4
60–64	16,6	17,0	18,0	11,1	21,0	46,5	5,1	8,5	17,2
65–69	7,5	8,2	10,0	11,1	21,5	48,1	5,1	8,5	17,1
70+	3,1	3,6	5,0	10,5	19,4	44,8	5,0	8,1	16,8

Возрастной профиль выезда (табл. 4, рис. 3) имеет типичную для трудовой миграции форму с максимумом в 20–24 года. В этом возрасте за пределами республики находились 87,1 человека на 1000 сельских жителей и 39,1 — на 1000 городских, т. е. в 2,2 раза меньше. Разрыв сохраняется во всех возрастах до 50 лет и исчезает лишь к 55–59 годам. Сельские жители составляют 79,9% всех находящихся за рубежом (282,0 из 352,7 тыс.) при доле сельского населения 73,7%. На возрасты 15–34 лет приходится 56,3% отсутствующих за рубежом (198,5 тыс.; в селе 57,7%, в городе 50,6%).

Особенно показательна гендерная асимметрия миграции, позволяющая чётко разграничить внешнюю и внутреннюю миграцию. Среди находящихся за пределами республики 281,4 тыс. мужчин и 71,2 тыс. женщин (соотношение 4 к 1), тогда как среди отсутствующих в пределах республики соотношение близко к паритету (1,1 к 1).

С октября 2010 по октябрь 2020 г. место постоянного жительства в пределах республики сменили 208,3 тыс. человек, или 2,2% населения за десятилетие. Для страны со столь высоким демографическим давлением это исключительно низкая мобильность. Структура потоков приведена в табл. 5.

Таблица 5. Потоки внутренней миграции за октябрь 2010 — октябрь 2020 гг. по типу места выбытия и прибытия, человек

Возраст, лет	В город из города	В город из села	В село из города	В село из села	Нетто-поток из села в город
Всего	93 914	42 298	32 541	38 377	**9 757**
до 15	17 842	6 364	5 930	5 967	434
15–19	11 882	7 841	2 711	3 097	5 130
20–24	14 785	7 738	5 423	6 319	2 315
25–29	9 153	4 012	4 138	5 134	–126
30–34	8 929	3 852	3 489	4 283	363
35–39	7 104	3 090	2 527	3 414	563
40–49	11 486	4 275	3 739	4 349	536
50 и старше	12 733	5 126	4 584	5 814	542

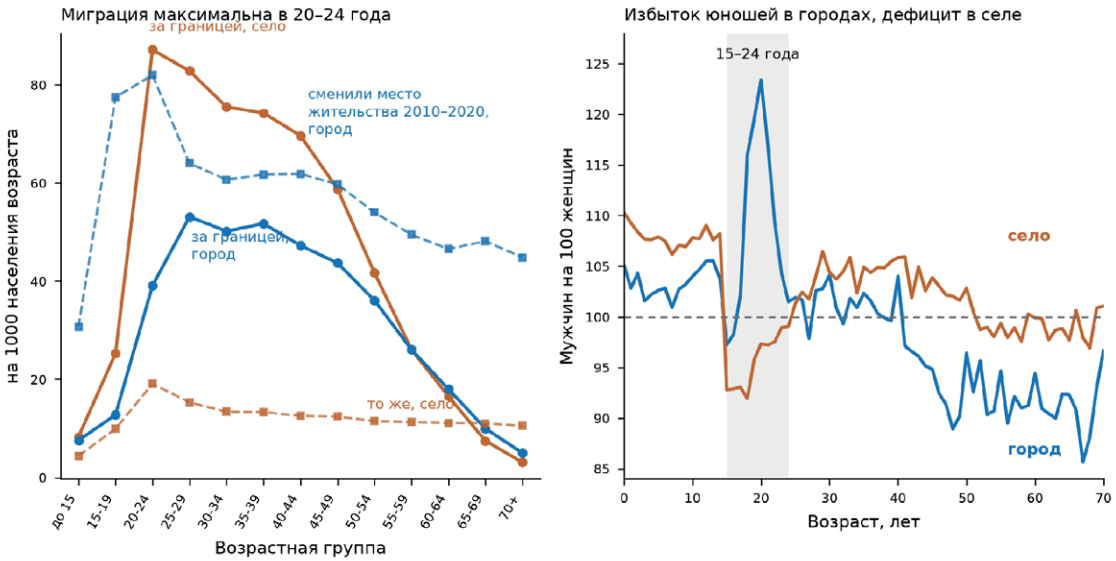


Рис. 3. Возрастные профили миграции и соотношение полов, 2020 г.
Слева — интенсивность пребывания за пределами республики (сплошные линии) и смены места жительства в 2010–2020 гг. (пунктир) на 1000 человек населения того же возраста и территории. Справа — число мужчин на 100 женщин по однолетним возрастам; серая полоса — интервал 15–24 лет, штриховая линия — паритет полов
Источник: расчёты авторов по данным переписи 2020 г.

Нетто-поток из села в город за десятилетие составил всего 9757 человек, и больше половины его (5130 человек, 53%) пришлось на возраст 15–19 лет. Внутренняя миграция в Таджикистане — это прежде всего переезд подростков в города на учебу; в остальных возрастах обмен между городом и селом почти уравновешен, а в 25–29 лет даже отрицателен (–126 человек). Основную часть прибытий в города (93,9 из 137,2 тыс., или 68%) составляют переезды из одного города в другой.

Накопленный результат миграции виден по доле лиц, живущих «не с рождения»: в городах это 387,6 тыс. человек, или 15,3% населения, в селе — 299,7 тыс. (4,2%). В возрасте 20–24 лет городской показатель достигает 19,6% против 6,0% в селе, а интенсивность смены места жительства — 82,0 против 19,1 на 1000 человек, т. е. в 4,3 раза выше. При этом доля городского населения за межпереписной период не выросла, а сократилась — с 26,53 до 26,27%: естественный прирост в селе перекрывает слабый миграционный отток. Урбанизация не выступает механизмом разгрузки сельского молодёжного бугра в Таджикистане. Подтверждение этого вывода дают когортные отношения (табл. 6).

Таблица 6. Когортные отношения смены численности CCR(a) за 2010–2020 гг.

Возраст в 2010 г.	Возраст в 2020 г.	Всё население	Городское	Сельское	Городское, мужчины	Сельское, мужчины
5	15	0,962	1,071	0,927	1,026	0,866
10	20	1,109	1,568	0,947	1,678	0,911
11	21	1,080	1,424	0,962	1,499	0,927
15	25	0,961	0,984	0,953	0,976	0,940
18	28	0,939	0,815	0,991	0,754	1,039
19	29	0,935	0,803	0,993	0,718	1,058

20	30	0,958	0,862	1,000	0,786	1,058
25	35	0,960	1,068	0,924	1,073	0,940
30	40	0,989	1,092	0,951	1,116	0,957
40	50	0,973	0,943	0,986	0,948	0,999
50	60	0,923	0,889	0,937	0,883	0,933

Городские поколения, которым в 2010 г. было 10–11 лет, к 2020 г. выросли в 1,42–1,57 раза, а их мужская часть — в 1,5–1,7 раза: это чистый приток подростков и молодёжи в города. В то же время городские мужские поколения, которым в 2010 г. было 18–20 лет, к 2020 г. потеряли 21–28% численности — это отток за рубеж в 28–30 лет. У сельских мужских поколений тех же возрастов *CCR*, напротив, выше единицы (1,04–1,06), что согласуется с регистрацией вернувшихся мигрантов по месту происхождения. Национальные значения *CCR* в возрастах 15–30 лет лежат в диапазоне 0,92–0,97; поскольку смертность в этих возрастах мала, дефицит численности поколений отражает чистую эмиграцию.

Численность поколений, которым исполнится 15 лет до 2035 г., уже определена рождениями, учтёнными переписью 2020 г., и не зависит от прогнозных допущений (табл. 7, рис. 4).

Таблица 7. Среднегодовая численность населения, достигающего 15 лет, тыс. человек

Территория	2011–2020 гг. (по переписи 2010 г.)	2021–2035 гг. (по переписи 2020 г.)	Прирост,%	Максимум за год
Всё население	169,7	233,0	37,3	281,0 (2030 г.)
Сельское население	126,9	180,3	42,1	219,9 (2030 г.)
Городское население	42,8	52,7	23,1	61,1 (2030 г.)

Среднегодовой приток в трудоспособный возраст вырастет со 169,7 тыс. человек в 2011–2020 гг. до 233,0 тыс. в 2021–2035 гг., т. е. на 37,3%. Из каждых ста человек прироста 84 придётся на село. Пик наступит в 2030 г., когда 15 лет исполнится 281,0 тыс. человек — в 1,66 раза больше, чем в среднем за предыдущее десятилетие.

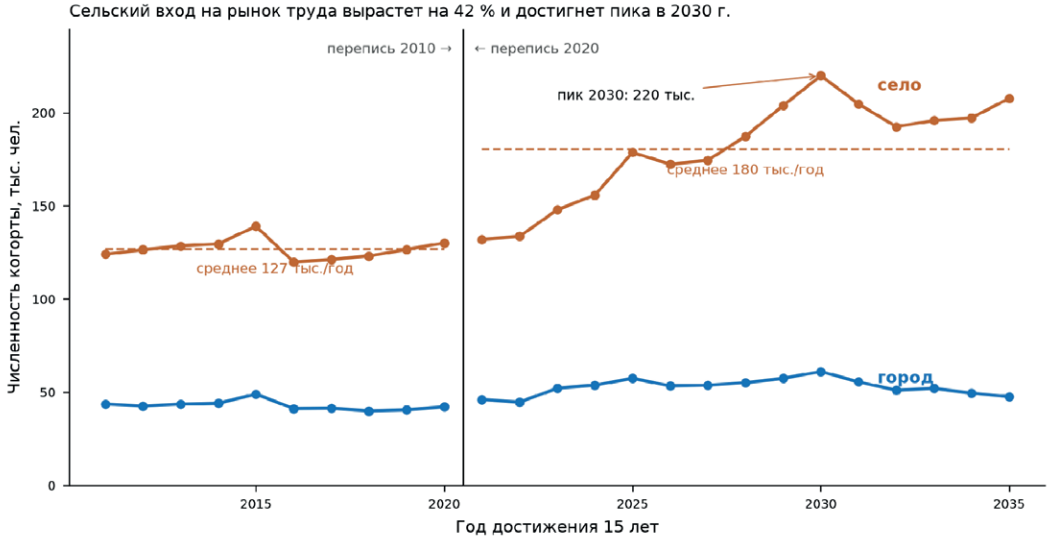


Рис. 4. Численность поколений по году достижения 15 лет, 2011–2035 гг.
Слева от вертикальной линии — расчёт по возрастам 0–14 лет переписи 2010 г., справа — переписи 2020 г.; штриховые отрезки — средние за периоды.
Источник: расчёты авторов

К 2035 г. численность сельской молодёжи 15–24 лет увеличится на 59% в первом сценарии и на 47% во втором сценарии — с 1,20 до 1,77–1,91 млн человек, а сельский *YB1* поднимется с 28,8 до 31,0–32,5%, приблизившись к уровню первой волны. Городской *YB1* при нулевой внутренней миграции, напротив, снизится до 25,5%: собственного городского бугра во второй волне не возникает, и он может сформироваться только за счёт притока из села (второй сценарий — 29,1%). Разность сценариев для городского населения к 2035 г. составляет 114 тыс. человек в возрасте 15–24 лет, или 3,6 п. п. *YB1*, что и будет результатом внутренней миграции.

Таблица 8. Проекция численности населения 15–24 лет и индекса YB1 до 2035 г.[17]

Территория, сценарий	Численность 15–24 лет, тыс. человек				YB1,%			
	2020 г. (факт)	2025 г.	2030 г.	2035 г.	2020 г. (факт)	2025 г.	2030 г.	2035 г.
Село, A	1 202,5	1 318,4	1 677,1	1 911,4	28,8	28,4	31,9	32,5
Село, B	–	1 298,5	1 590,4	1 771,8	–	28,1	30,8	31,0
Город, A	531,9	503,5	525,7	524,4	32,1	28,0	27,0	25,5
Город, B	–	520,0	600,9	638,3	–	28,5	29,7	29,1
Всё население, A	1 734,4	1 821,9	2 202,8	2 435,7	29,7	28,3	30,6	30,7

Если возрастная склонность к миграции за рубеж сохранится на уровне 2020 г., число молодых мигрантов 15–34 лет, учитываемых переписью, к 2035 г. вырастет на 20,7%, причём 86% прироста будет иметь сельское происхождение.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что итоги анализа феномена молодежного бугра существенно зависят от выбранного показателя и периода наблюдения. В 2020 г. индекс YB1 составил 29,7% против 36,8% в 2010 г., то есть оказался ниже используемого в литературе порога. Однако абсолютный уровень населения 15–24 лет за десятилетие почти не изменился, тогда как общая численность выросла на 27,7%. Снижение индекса связано прежде всего с прохождением через молодежные возраста малочисленных поколений 1996–2005 гг. рождения. Одновременно численность детей до 15 лет выросла почти на 30%. Таким образом, перепись 2020 г. фиксирует не завершение демографической волны, а промежуток между двумя ее фазами.

Прогноз подтверждает ограниченность долевых индексов. YB1 во второй волне не достигает максимума 2006 г. и не пересекает порог 35%, однако численность молодежи 15–24 лет к 2039 г. может быть примерно на 46% выше уровня 2020 г. Среднегодовое число достигающих 15 лет увеличивается со 169,7 тыс. в 2011–2020 гг. до 233,0 тыс. в 2021–2035 гг., а в 2030 г. достигает 281,0 тыс. человек. Следовательно, относительное снижение доли молодежи не означает снижения абсолютной нагрузки на систему образования, рынок труда и жилье. Этот результат соответствует современным исследованиям демографического дивиденда, в которых возрастная структура рассматривается как условие, но не как самостоятельный источник экономического роста [Lutz et al., 2019, p. 12799].

Вторая особенность состоит в сельской локализации демографических рисков в будущем. В 2020 г. доля детей до 15 лет составляла в сельской местности 38,0% против 31,2% в городах, а общая демографическая нагрузка — 70,3 против 52,9 человека на 100 жителей трудоспособного возраста. Из каждых 100 человек прироста числа достигающих 15 лет 84 приходятся на село.

[17] A — первый сценарий нулевой внутренней миграции, B — второй сценарий сохранения потоков 2010–2020 гг.

К 2035 г. численность сельской молодежи 15–24 лет увеличится на 47–59% в зависимости от сценария, а сельский YB1 достигнет 31,0–32,5% и превысит городской показатель.

Само по себе сельское происхождение не определяет уровень развития человеческого капитала или характер решения о миграции. Однако оно помещает растущие поколения в институциональную среду с более ограниченным доступом к образованию, медицинским услугам, инфраструктуре[18], финансированию и производительным рабочим местам. Следовательно, территориальное различие выступает фактором, определяющим набор возможных траекторий молодежи. Выявленная концентрация будущих когорт в сельской местности согласуется с гипотезой о территориальной неоднородности при конвертации человеческого потенциала в капитал.

Третий результат связан с масштабом внутренней мобильности. За 2010–2020 гг. место постоянного жительства внутри страны сменили 208,3 тыс. человек, или 2,2% населения. Чистый поток из села в город составил 9757 человек за десятилетие, причем более половины этого сальдо пришлось на население в возрасте 15–19 лет. В возрасте 20–24 лет доля живущих в городе не с рождения существенно выше сельской, но доля городского населения страны за межпереписной период не увеличилась. Внутренняя миграция поэтому связана главным образом с получением образования и не обеспечивает масштабного сдвига предложения труда в национальные города.

Эта конфигурация отличается от классической модели, при которой работники переходят из низкопроизводительного сельского хозяйства в более производительные отрасли национальной экономики. Исследование Хатлонской области за 2015–2023 гг. дает сходный результат: рост уровней благосостояния и продовольственной безопасности происходил при низком уровне местной занятости, падении средних размеров хозяйств и ограниченном распространении новых технологий; основным каналом повышения доходов выступала международная, а не внутренняя миграция [Lambrecht et al., 2026, p. 5]. Результаты работы позволяют распространить эту логику на возрастную структуру: национальные города поглощают лишь небольшую часть сельской демографической волны.

Внешняя миграция имеет значительно более выраженный возрастной и территориальный профиль. Максимум приходится на 20–24 года: за пределами страны находились 87,1 человека на 1000 сельских жителей данного возраста и 39,1 на 1000 городских. Сельские жители составляли 79,9% учтенных переписью находившихся за рубежом, а 56,3% отсутствовавших относились к возрастам 15–34 лет. При сохранении возрастных интенсивностей число молодых мигрантов 15–34 лет к 2035 г. увеличится на 20,7%, причем 86% прироста будет иметь сельское происхождение.

В совокупности результаты дают частичную и косвенную поддержку гипотезы исследования. В ее пользу свидетельствуют сельская концентрация молодых когорт, ограниченный темп поглощения сельской молодежи национальными городами, максимум внешнего оттока в молодых трудоспособных возрастах и преимущественно сельское происхождение мигрантов. Литература независимо фиксирует недостаток производительных рабочих мест[19], низкую трудовую активность и территориальные ограничения доступа к услугам в Таджикистане[20]. Однако данные переписи не позволяют установить, вызван ли выезд недостатком накопленного капитала, низкой отдачей от него внутри страны или более высокой заработной платой за рубежом. Они также не показывают, как конкретное домохозяйство использует денежные переводы.

[18] Situation Analysis of Children in Tajikistan. UNICEF. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9231/file/Tajikistan_SitAn_2025_ENG.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

[19] Ibid.

[20] Tajikistan Jobs Diagnostic: Strategic Framework for Jobs. The World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/tajikistan-addressing-challenges-to-create-more-and-better-jobs (дата обращения: 09.10.2026).

Рассмотрение альтернативных объяснений уточняет эту границу. Разница заработков и спроса на труд объясняет привлекательность российского направления, но не раскрывает семейную и территориальную организацию потоков. Демографическое давление увеличивает конкуренцию за рабочие места, но действует через конкретную структуру местной экономики. Семейная стратегия страхования делает миграцию рациональным способом поддержания уровня потребления, а сформированные сети миграции снижают стоимость ее реализации. Наиболее обоснованной поэтому является многоуровневая модель: рост численности "молодых" когорт увеличивает предложение труда, территориальные ограничения снижают внутреннюю отдачу от капитала, а семейные стратегии и сети направляют мобильность на внешний рынок.

Одновременно миграция изменяет формат воспроизводства человеческого и социального капитала. В семьях мигрантов может снижаться предложение труда оставшихся членов семьи [Murakami et al., 2021, p. 5]. Для детей денежные поступления не всегда компенсируют отсутствие родителей: исследования в Таджикистане выявляют снижение вероятности продолжения школьного обучения в мигрантских домохозяйствах и рост трудовой нагрузки отдельных групп детей [Jaupart, 2019, p. 581]. Следовательно, положительный эффект переводов для текущего экономического капитала семьи не гарантирует полного воспроизводства ее человеческого и социального капитала.

Еще существеннее различие эффектов между уровнями домохозяйства и территории. Отдельная семья учитывает собственный доход, но не все внешние эффекты отъезда для местного рынка труда, общественных организаций и возрастной структуры. Если переводы поддерживают потребление, но не создают локальных активов и рабочих мест, территория сохраняет зависимость от следующего миграционного цикла. Внешняя миграция замещает внутреннюю структурную трансформацию: доход формируется за пределами страны и возвращается в виде трансферта, тогда как рабочее место, часть навыков и налоговой базы остаются в экономике государства назначения.

Из этого не следует, что сельская местность Таджикистана уже находится в состоянии общей депопуляции. Сельское население продолжает расти, а численность сельской молодежи до 2035 г. увеличится. В демографическом смысле депопуляция предполагает устойчивое уменьшение численности населения, которое поддерживается оттоком, старением и ослаблением естественного воспроизводства [Johnson & Lichter, 2019, p. 6]. Результаты подтверждают более узкий процесс: селективный внешний отток молодых трудоспособных групп, гендерную асимметрию миграции и ограниченное перераспределение населения в национальные города.

Тип риска будет различаться между регионами. В быстрорастущих районах Хатлонской области он проявляется как избыток численности молодых когорт, недостаток местной занятости и зависимость от внешнего заработка. В ГБАО и отдельных удаленных поселениях устойчивый отток молодежи может сочетаться со старением и фактическим сокращением населения[21]. Поэтому корректными категориями являются «селективное истощение молодых трудоспособных когорт», «внешнее замещение внутренней урбанизации» и «риск локальной депопуляции».

Полученные результаты имеют несколько практических следствий. Во-первых, политика государства должна ориентироваться на абсолютную численность поколений, а не только на долю молодежи в населении. Во-вторых, основной территорией приложения силы является сельская местность, где рост населения сочетается с высокой демографической нагрузкой. В-третьих, задача заключается не в административном ограничении миграции, а в расширении набора доступных молодежи траекторий: повышении качества профессиональной подготовки, создании трудоемких

[21] Common Country Analysis: Annual Update 2024. United Nations Country Team in Tajikistan. URL: https://tajikistan.un.org/sites/default/files/2025–02/Tajikistan_CCA_Annual%20Update%202024%20Public_Version_Final_0.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

рабочих мест в агропромышленности и секторе услуг, развитии сельской несельскохозяйственной экономики, транспортной и цифровой связанности. Отдельное направление связано с инструментами, позволяющими конвертировать денежные переводы в образование, предпринимательство и производительные активы. Наконец, меры должны учитывать дополнительную нагрузку на женщин и оставшихся детей, а также различия между регионами страны.

Интерпретация результатов ограничена свойствами использованных данных. Когортные отношения отражают совместное действие миграции, смертности, изменения регистрации и ошибок при переписи. Сценарий до 2035 г. предполагает сохранение наблюдавшихся коэффициентов и не учитывает будущие изменения заработков, политики и миграционных сетей. Главным ограничением остается отсутствие индивидуальной связи между образованием, здоровьем, активами, занятостью, миграционным решением и использованием переводов. Прямой тест предложенного механизма требует панельного обследования сельской молодежи и домохозяйств, а также отдельного анализа Хатлонской и Согдийской областей, районов республиканского подчинения и ГБАО.

Выводы

Исследование показывает, что снижение индекса молодежного бугра в Таджикистане к 2020 г. не означает спада демографического давления и стабилизации с точки зрения демографической безопасности. YB1 уменьшился с 36,8 до 29,7%, поскольку молодежные возрасты занимали малочисленные поколения, родившиеся в период постсоветского кризиса. За ними следуют значительно более крупные детские когорты. Среднегодовое число достигающих 15 лет в 2021–2035 гг. будет на 37,3% выше, чем в 2011–2020 гг., а максимум в 281 тыс. человек ожидается в 2030 г. Поэтому долевые показатели молодежного бугра необходимо дополнять абсолютной численностью поколений.

Будущая демографическая волна имеет преимущественно сельское происхождение. На сельскую местность приходится 84% прироста числа достигающих 15 лет. К 2035 г. численность сельской молодежи 15–24 лет увеличится на 47–59%, а сельский YB1 во всех рассмотренных сценариях превысит городской. Следовательно, основная нагрузка будет формироваться в сельской среде с ограниченным потенциалом воспроизводства капитала.

Основным каналом адаптации к ограниченной емкости внутреннего рынка труда выступает внешняя миграция. Ее интенсивность максимальна в возрасте 20–24 лет и среди сельских жителей более чем вдвое выше, чем среди городских. Почти весь учтенный переписью внешний поток направлен в Россию. При сохранении текущей динамики число молодых мигрантов 15–34 лет к 2035 г. увеличится на 20,7%, а основная часть прироста будет иметь сельское происхождение.

Гипотеза исследования получила частичную и косвенную поддержку. Сочетание сельской концентрации молодых когорт, ограниченной внутренней мобильности и интенсивного внешнего оттока соответствует механизму ограниченной конвертации человеческого и трудового капитала. Однако переписи не измеряют индивидуальный запас капитала, качество занятости и использование переводов. Поэтому результаты не доказывают, что недостаточное воспроизводство капитала является единственной причиной миграции; они показывают, что наблюдаемая возрастно-территориальная конфигурация согласуется с данным объяснением.

Результаты не подтверждают депопуляцию сельской местности Таджикистана в целом: сельское население и численность сельской молодежи продолжают расти. Подтверждается более узкий риск — селективное истощение молодых трудоспособных когорт и зависимость домохозяйств от внешнего дохода. В быстрорастущих сельских районах этот риск проявляется как избыток

предложения труда и миграционная зависимость, в территориях устойчивого оттока — как старение и локальное сокращение населения.

Полученные выводы требуют расширения спектра возможностей для реализации капитала молодежи внутри страны. Приоритетные направления: продвижение территориального равенства возможностей для воспроизводства капитала, создание трудоемких рабочих мест в агропереработке и сфере услуг, развитие транспортной, цифровой и финансовой инфраструктуры, а также инструментов продуктивного инвестирования переводов. Политика должна учитывать последствия миграции для женщин и оставшихся детей, готовность к миграционным шокам и различиям демографических условий между регионами.

Будущая сельская возрастная волна сможет стать демографическим ресурсом при условии, что экономика Таджикистана создаст механизмы воспроизводства и реализации капитала молодежи. При сохранении сложившейся модели основным каналом ее экономической интеграции останется внешний рынок труда, а сельские территории будут нести растущие риски селективного истощения и зависимости от внешних ресурсов.

Литература / Reference

Андрюхин В. Ю., Аржаев Ф. И. Человеческий капитал Кыргызстана: экономико-социальный подход. *Дискуссия*. 2024. № 124(3). С.118–127 [V. Yu. Andriukhin, F. I. Arzhayev. Human Capital of Kyrgyzstan: an Economic-Social Approach. *Dicussiua*. 2024. No. 124 (3). Pp. 118–127 (in Russian)].

Аржаев Ф. И., Андрюхин В. Ю., Сапрынская Д. В. Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. № 15(6). С. 86–111.

Archer B., Russo K., Woodend J., & Pryce J. The Relationship between Living in Regional, Remote and Rural Areas and Post-School Outcomes: A Scoping Review. *Australian Journal of Career Development*. 2024. No. 33(2). Pp. 178–187.

Bebbington, A. Capitals and Capabilities: A Framework for Analyzing Peasant Viability, Rural Livelihoods and Poverty. *World Development*. 1999. No. 27(12). Pp. 2021–2044.

Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education.* 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

Cardona C., Rusatira J., Cheng X., Silberg C., Salas I., Li Q., Bishai D. and Rimon J. Generating and Capitalizing on the Demographic Dividend Potential in Sub-Saharan Africa: A Conceptual Framework from a Systematic Literature Review. *Gates Open Research*. 2020. No. 4 (145). Pp. 1–22.

Clifford D., Falkingham J., Hinde A. Through Civil War, Food Crisis and Drought: Trends in Fertility and Nuptiality in Post-Soviet Tajikistan. *European Journal of Population*. 2010. Vol. 26. No. 3. Pp. 325–350.

Easterlin R. A. *Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare.* New York: Basic Books, 1980.

Ghimire T., Harou A. P., & Balasubramanya S. Migration, Gender Labor Division and Food Insecurity in Tajikistan. *Food Policy*. 2023. No. 116. Pp. 1–38.

Hamilton C. H., Perry J. A Short Method for Projecting Population by Age from One Decennial Census to Another. *Social Forces*. 1962. Vol. 41. No. 2. Pp. 163–170.

Jaupart P. No Country for Young Men: International Migration and Left-Behind Children in Tajikistan. *Economics of Transition and Institutional Change*. 2019. No. 27(3). Pp. 579–614.

Johnson K. M., & Lichter D. T. Rural Depopulation: Growth and Decline Processes over the Past Century. *Rural Sociology*. 2019. No. 84(1). Pp. 3–27.

Kluczewska K., & Korneev O. Engaging with Labour Migrants: Emigration Policy in Tajikistan. *Asian Studies Review*. 2022. No. 46(1). Pp. 130–149.

Lambrecht I. B., Aliev J., Mardonova M., & Akramov K. T. Food Security in Transition: Rural Transformation in Khatlon Province, 2015–2023. *Silk Road: A Journal of Eurasian Development.* 2026. No. 5(1). Pp. 1–23.

Lutz W., Cuaresma J., Kebede E., Prskawetz A., Sanderson W. and Striessnig E. Education Rather than Age Structure Brings Demographic Dividend. *PNAS*. 2019. No. 116 (26). Pp. 12798–12803.

Mack E. A. et al. Remittances and Land Change: A Systematic Review. *World Development*. 2023. No. 168. Pp. 1–14.

Moser C. O. N. The Asset Vulnerability Framework: Reassessing Urban Poverty Reduction Strategies. *World Development*. 1998. No. 26(1). Pp. 1–19.

Murakami E., Yamada E., & Sioson E. P. The Impact of Migration and Remittances on Labor Supply in Tajikistan. *Journal of Asian Economics.* 2021. No. 73. Pp. 1–14.

Scott C. K., Mack E. A., Chi G., Kelgenbaeva K., & Henebry G. M. Remittances and Livestock Management in Agropastoral Households in Rural Kyrgyzstan: Telecoupled Impacts of Globalization. *Rural Sociology.* 2024. No. 89. Pp. 456–482.

Sen A. *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Siegel J. S., Swanson D. A. (eds.). *The Methods and Materials of Demography. 2nd ed.* San Diego: Elsevier Academic Press, 2004.

Smith S. K., Tayman J., Swanson D. A. *A Practitioner's Guide to State and Local Population Projections*. Dordrecht: Springer, 2013.

Stark O., & Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration. *American Economic Review*. 1985. No. 75(2). Pp. 173–178.

Swanson D. A., Schlottmann A., Schmidt B. Forecasting the Population of Census Tracts by Age and Sex: An Example of the Hamilton–Perry Method in Action. *Population Research and Policy Review*. 2010. Vol. 29. No. 1. Pp. 47–63.

Tsekoura A., & Koutsou S. Drivers of and Barriers to Rural Youth Retention: A Scoping Review. *Social Sciences*. 2026. No. 15(9). Pp. 1–47.

Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly*. 2006. No. 50(3). Pp. 607–629.

Woldegiorgis M. M. Drivers of Demographic Dividend in Sub-Saharan Africa. *Review of Evolutionary Political Economy*. 2023. No. 4(2). Pp. 387–413.

Yu Z., Zhang K., Wang Z., & Liu C. Immigration Remittances, Agricultural Investment, and Household Wealth Accumulation. *Finance Research Letters.* 2024. No. 68.

Zakirova A., Alff H., & Schmidt M. Cash Crop or Food Crop? Socioeconomic and Geopolitical Factors Affecting Smallholder Farmer Crop Selection in Times of Crisis in Southwestern Tajikistan. *Frontiers in Agronomy*. 2023. No. 5. Pp. 1–14.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Common Country Analysis: Annual Update 2024. United Nations Country Team in Tajikistan. 2025. URL: https://tajikistan.un.org/sites/default/files/2025-02/Tajikistan_CCA_Annual%20Update%202024%20Public_Version_Final_0.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Generation 2050 in Central Asia: Country Annex — Tajikistan. UNICEF. 2025. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9566/file/Generation%202050%20in%20Central%20Asia%20_%20Country%20Annex_%20Tajikistan.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Population Estimates and Projections. The World Bank. 2026. URL: https://databank.worldbank.org/source/population-estimates-and-projections (дата обращения: 09.10.2026).

Situation Analysis of Children in Tajikistan. UNICEF. 2025. URL: https://www.unicef.org/tajikistan/media/9231/file/Tajikistan_SitAn_2025_ENG.pdf.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Tajikistan Demographic and Health Survey 2023: Final Report. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. 2025. URL: https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2025/06/2023-tjdhs-final-report-en-final.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Tajikistan Economic Update 2025: Focusing on Digital Transformation of Trade. The World Bank. 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/economic-update-2025 (дата обращения: 09.10.2026).

Tajikistan Human Capital Country Brief. World Bank. 2026. URL: https://humancapital.worldbank.org/content/dam/sites/data/humancapital/pdf/Tajikistan.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Tajikistan Jobs Diagnostic: Strategic Framework for Jobs. The World Bank. 2017. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/tajikistan-addressing-challenges-to-create-more-and-better-jobs (дата обращения: 09.10.2026).

Tajikistan Poverty and Equity Assessment. The World Bank. 2025. URL: https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/publication/poverty-and-equity-assessment (дата обращения: 09.10.2026).

The Status of Youth in Agrifood Systems. FAO. 2025. URL: https://doi.org/10.4060/cd5886en (дата обращения: 09.10.2026).

World Development Indicators. The World Bank. 2026. URL: https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 09.10.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-231-246

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ «РИТУАЛЬНЫЕ ШАХТЫ» И ПРОБЛЕМА ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ГИЗЕ

© 2026

С. Е. Малых[1]

Древнеегипетский погребальный обряд в эпоху Древнего царства (вторая половина XXVIII/XXVII–XXII вв. до н.э.) сопровождался разнообразными ритуальными действиями, совершавшимися как в различных помещениях гробницы, так и перед ней и носившими очистительный и защитный характер, призванный оградить тело умершего от воздействия враждебных сил. Археологические исследования в различных некрополях Мемфиса — Гизе, Абусире, Саккаре, Мейдуме и др. — выявили места совершения подобных ритуалов и «схроны» предметов, использованных при их проведении. В качестве последних использовались вырубленные в скале шахты без погребальной камеры, в настоящее время называемые ритуальными и атрибутированные по сохранившимся в них *in situ* вещевым комплексам в Саккаре и Абусире. В статье анализируются «ритуальные шахты» и предметы из них, обнаруженные Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в Гизе. Они расположены в различных частях российской концессии в Восточной Гизе — перед скальной гробницей жреца Персенеба (GE 22-4), в Малом некрополе у гробницы Ченти I (GE 42), у скальных гробниц чиновников Каемнефрета и Несемнау (GE 110). В комплексах преобладают керамические сосуды как бытовых типов, так и нефункциональные вотивные модели; также присутствуют растительные остатки, элементы украшений, каменные орудия и гальки-*манупорты*. На основе метода датированных аналогий время сложения анализируемых памятников в Восточной Гизе следует отнести к достаточно широкому интервалу от второй половины V до конца правления VI династии.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, некрополь Гиза, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе, погребальный обряд, древнеегипетская керамика

Для цитирования: Малых С. Е. Древнеегипетские «ритуальные шахты» и проблема их идентификации в Восточной Гизе. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 231–246. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-231-246

ANCIENT EGYPTIAN ‘RITUAL SHAFTS’ AND THE PROBLEM OF THEIR IDENTIFICATION IN EASTERN GIZA

Svetlana E. Malykh

Ancient Egyptian burial rites during the Old Kingdom (the second half of the 28th/27th–22nd centuries B.C.) were accompanied by a variety of purificatory and protective rituals performed both within the tomb chambers and directly in front of them to shield the body of the deceased from harmful forces. Archaeological research across the Memphite necropoleis, including Giza, Abusir, Saqqara, and Meidum, has revealed the locations of these

[1] Малых Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. Malykh, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2077-7285

rituals and the caches of objects used in them, which consist of rock-cut shafts lacking a burial chamber, designated now as 'ritual shafts' based on intact assemblages found at Saqqara and Abusir. This article analyzes the ritual shafts and their associated finds discovered by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences at Giza. These monuments are located in various sectors of the Russian concession in the eastern part of Giza Necropolis: in front of the rock-cut tomb of the priest Perseneb (GE 22-4), in the Minor Cemetery near the tomb of Tjenty I (GE 42), and near the rock-cut tombs of the officials Kaiemnofret and Nesemnau (GE 110). Pottery vessels, including both utilitarian household types and non-functional votive models, dominate the assemblages, which also contain plant remains, decorative elements, stone tools, and manuport pebbles. Based on comparative dating with known analogues, the construction of these ritual shafts in Eastern Giza can be attributed to a broad period ranging from the second half of the Dynasty V to the end of the Dynasty VI..

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza Necropolis, Russian Archaeological Mission of the IOS RAS at Giza, burial rites, ancient Egyptian pottery

For citation: Malykh S. E. Ancient Egyptian 'Ritual Shafts' and the Problem of Their Identification in Eastern Giza. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 231–246. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-231-246

Древнеегипетский погребальный обряд в эпоху Древнего царства (вторая половина XXVIII/XXVII–XXII вв. до н. э.), как, впрочем, и во все другие исторические периоды, сопровождался разнообразными ритуальными действиями, совершавшимися в различных помещениях гробницы и перед ней и носившими очистительный и защитный характер, чтобы оградить тело умершего от воздействия враждебных сил. Среди обрядов, скомбинированных с действиями технического характера, были, в частности, ритуал «отверзания уст» *psš-kf / psš-k3f*, условно оживлявший тело умершего; подношение погребальных даров для обеспечения благополучного существования умершего в загробном мире; «подметание следов ног» *jnj.t rd* — удаление следов человеческого присутствия в погребальной камере или гробничной часовне; запечатывание саркофага и погребальной камеры, физически и магически закрывавшее сакральное пространство, окружавшее тело умершего (подробнее см.: [Малых, 2025, с. 203–208, 254–264, 293–297]). После этого погребальная шахта засыпалась обычно щебнем, оставшимся от ее же вырубки, при этом на промежуточных этапах в шахту могли также помещаться жертвенные сосуды, преимущественно пивные кувшины. В финальной части похоронных ритуалов мог устраиваться поминальный пир и проводиться апотропеический обряд «разбивания красных сосудов» *śḏ dšrwt*, предназначенный оградить покойного от любых негативных воздействий (подробнее см.: [Малых, 2019; Малых, 2025, с. 265–292]). Где именно это осуществлялось, обычно определить не удается, однако находки чешских археологов в Абусире предоставляют некоторую информацию по этому вопросу — в ходе работ было выявлено необычное сооружение (AS 74) рядом с мастабой жреца Неферинпу (AS 37), датированной второй половиной правления V династии.

Квадратное в плане здание со стороной 4,75 м (что равно 9 египетским локтям) было сложено из сырцового кирпича и сохранилось на высоту всего нескольких десятков сантиметров. Пол глинобитный, стены внутри покрыты белой штукатуркой, снаружи оставлены без отделки. Здание было поделено кирпичными перегородками на несколько зон. Послойная расчистка показала, что в них осуществлялось сжигание благовоний и пищи, разбивание керамических сосудов, дробление костей животных. Эти манипуляции проводились кремневой галькой удобных для человеческой ладони размеров без следов обработки или с минимальными ее следами (т. н. *манупорты*). Всего в заполнении помещения было выявлено 19 таких «дробилок» и один кремень, вероятно, использовавшийся как огниво. На гальке видны пятна красного, белого, желтого, черного и зеленого цветов — по мнению исследователей, следы измельчения красной и белой керамики, охры,

сажи и малахита. Керамика (320 фрагментов от как минимум 89 сосудов) представлена преимущественно пивными кувшинами (65%), в меньшей степени — хлебопечными формами, чашами, подносами, подставками и миниатюрными моделями. Примечательно, что керамика была тщательно раздроблена на мелкие черепки, включая даже трудно разбиваемые толстостенные донца пивных кувшинов. Остеологический материал (117 фрагментов) включает кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*), свиньи (*Sus domesticus*), овцы или козы (*Ovis/Capra*), гусей и уток (*Anseriformes*), перистоусого сома (*Synodontis sp.*), некоторые из которых имели следы разделки, а также приготовления на открытом огне, затем они были измельчены, по-видимому, теми же кремневыми гальками [Bárta et al., 2017, pp. 1–16].

На основании расположения помещения AS 74, стратиграфии находок и их датировки исследователи предположили, что оно должно быть связано с мастабой жреца Неферинпу (AS 37), являлось одноцелевым и могло использоваться всего несколько часов, максимум день или два, для проведения похоронных церемоний, включавших приготовление и потребление пищи, т. е. поминальный пир, и завершавшихся ритуалом «разбивания красных сосудов». По окончании сооружение, видимо, изначально имевшее невысокие стены (т. е. простую ограду ритуального пространства), было демонтировано, но не полностью [Bárta et al., 2017, p. 17]. Отсутствие аналогичных «ритуальных дворов» при других гробницах можно объяснить тем, что такие временные сооружения-однодневки разбирались и поэтому не могут быть обнаружены.

Действительно, за многие годы работ Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе (руководитель — д. и. н. Э. Е. Кормышева) подобных построек не найдено, хотя есть менее яркие указания на следы проведения неких ритуалов, например, следы горения (кострища?) у входа в гробницу Ченти I. Другой случай, более схожий с абусирским, находится в Малом некрополе у гробницы Хафраанха: к востоку от небольшой сырцовой мастабы 48 и ее двора 48a было расчищено выложенное сырцовым кирпичом пространство 48b с тонким слоем золы, а также примыкающее к ней пространство 60a неровной овальной формы (2,29 x 1,22 м) с полом, выровненным иловым раствором, на котором читались копоть и слой золы мощностью 2–4 см. Среди керамики, обнаруженной на полу (60 экз.), доминировали фрагменты пивных кувшинов (58 экз.); другие два черепка принадлежали краснолощеной мейдумской чаше и неангобированному шарообразному кувшину [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, pp. 156–157, tabl. 25, fig. 62]. Уже тогда, весной 2001 г., мы предположили, что имеем дело с местом сжигания жертвенных даров, однако не соотнесли найденную керамику с ритуалом разбивания сосудов *śḏ dšrwt*.

Современные археологические исследования показывают, что остатки от поминального пира и черепки красной керамики не выбрасывались в случайных местах, а складировались в специально отведенных для этого «схронах». Еще в конце XIX в., изучая некрополь Мейдума, У.М.Ф. Питри первым обратил внимание на «обычай сооружения в мастабе небольшой вторичной ямы, в которую бросали подношения; чаши, вероятно, были завернуты в ткань, чтобы удерживать пищу, помещенную в них, также было засвидетельствовано темно-коричневое органическое вещество, пропитавшее эту керамику» [Petrie, 1892, p. 21]. Такие «ямы», точнее — неглубокие шахты без камеры, были выложены в сырцовой кладке мейдумских мастаб 24 и 27 и не достигали скального основания, в отличие от шахт с погребальными камерами. Шахта в мастабе 24 содержала «два десятка» разбитых круглодонных краснолощеных чаш и «несколько» грубых миниатюрных глиняных моделей пивных кувшинов, а также ткань. В мастабе 27 было найдено «подобное скопление», включавшее чаши и винный кувшин [Petrie, 1892, pp. 20–21, pl. XXX.1–13]. Питри отнес материал ко времени

IV династии, однако опубликованные им керамические типы указывают на более позднюю датировку VI династией [Rzeuska, 2011, pp. 710–713, 719–722].

В ходе археологических работ на Центральном плато Гизы в 1930–1940-х гг. С. Хассан выявил значительное количество шахт без погребальных камер, но сперва посчитал их незавершенными или ложными, призванными обмануть грабителей [Hassan, 1932, pp. 48, 50, 60; Hassan, 1943, pp. 95–96; Hassan, 1944, pp. 57–58; см. также: Abu-Bakr, 1953, pp. 2, 27 (шахта 7), 33, 70; Bárta, 2000, pp. 45–66]. Однако уже в 1943 г. он изменил свое мнение и предположил, что «ложная шахта» должна быть прибежищем для духа-*ах* [Hassan, 1943, pp. 95–97].

Наибольший вклад в решение вопроса по назначению шахт без камер внесла польский египтолог Т. И. Ржевская, которая на саккарском материале с привлечением сравнительных данных из других некрополей убедительно доказала, что относительно неглубокие шахты без погребальных камер были запланированы изначально и высечены специально для ритуальных целей: в них складировались предметы, оставшиеся от проведения различных обрядов в гробнице [Rzeuska, 2006, pp. 492–512], которые не могли быть просто выброшены на окраины кладбищ или за их пределы. И это логично: по памятникам Нового царства, Третьего переходного и Позднего периодов мы знаем, что, например, предметы, оставшиеся после бальзамирования тела (обрывки бинтов, натрон и т. п.), не выбрасывались, а помещались в деревянные ларцы или керамические сосуды и затем прятались в гробницах, нередко — в специально предназначенных для этого местах[2].

На дне саккарских «ритуальных шахт» в гробницах Мерефнебефа, Пехенптаха, Хетепу, Тетианха и др. присутствовали разбитые керамические сосуды преимущественно красного цвета, кости животных — остатки от тризны, обрывки бинтов или полотна, обломки деревянных ларцов, речные раковины, кремневые орудия, угли, что логично соотнести с проведением различных действ — обертыванием тела, поминальным пиром, «сожжением жертвенных даров» и «разбиванием красных сосудов» [Rzeuska, 2006, pp. 494–511, pl. 187–193, XI.1–3].

Разница в глубинах саккарских ритуальных и погребальных шахт весьма показательна (*илл. 1*). Так, в гробнице Мерефнебефа глубина погребальной шахты 1 с обширной погребальной камерой и каменным саркофагом составила 14,40 м, а ритуальной 1bis, не имевшей камеры, — около 1 м. В мастабе Пехенптаха было обнаружено две пары шахт — главная 31 (с погребальной камерой, углублением под тело и остатками скелета) глубиной 10,80 м и ритуальная 34 глубиной 2,80 м и без камеры; второстепенная шахта 28 глубиной 10,21 м и ритуальная 26 глубиной 2,20 м. В мастабе Хетепу на две погребальных шахты 2 и 23 глубиной 17,35 и 9,80 м соответственно пришлась одна ритуальная шахта 49 глубиной 3,45 м. В мастабе Тетианха наблюдается аналогичная картина: две погребальных шахты 11 и 12 (9,25 и 4,71 м) и одна ритуальная шахта 60 (0,76 м). В безымянной мастабе XXIa глубина погребальной шахты 14 составила 10,50 м, ритуальной шахты 19–3,22 м [Myśliwiec et al., 2004, pp. 55–56; Kuraszkiewicz, 2013, pp. 48–55, 71–84, 127–131, 177–178, fig. 13–17, 27–33, 59–61][3].

Благодаря работам Т. И. Ржевской чешским коллегам в Абусире удалось идентифицировать некоторые комплексы как ритуальные (*илл. 1*) (см., например: [Arias Kytnarová, 2014, pp. 71–79; Odler et al., 2021, pp. 15–16, 21, fig. 5, 13]). На этом материале К. Ариас Китнарова сделала вывод, что найденное в «ритуальных шахтах» — не остатки поминального пира, а «тайник бальзамировщиков», т. к. на обрывках ткани и льняных бинтах, а также на некоторых сосудах присутствуют следы темного смолистого вещества, скорее всего использовавшегося для бальзамирования тела

[2] Подробнее о «тайниках бальзамировщиков см.: [Малых, 2022].

[3] Имеются некоторые расхождения в данных по глубине шахт у К. О. Курашкевича и Т. И. Ржевской, ср.: [Rzeuska, 2006, p. 496].

умершего. «После похорон все эти предметы были захоронены внутри небольших шахт, специально построенных из почтения к умершему и для предотвращения их повторного использования» [Arias, 2020, p. 76]. Внешний вид разбитых сосудов — манера битья и красный цвет поверхности — заставляет нас видеть здесь остатки ритуала *śḏ dšrwt* и согласиться с более универсальной гипотезой Т. И. Ржевской о назначении шахт без камер для складирования предметов, использованных в нескольких действиях — и при подготовке тела к погребению, и при проведении последующих обрядов, включая поминальную трапезу, сжигание жертвенных даров и разбивание красных сосудов.

На участке российской концессии в Восточной Гизе также следует выделить несколько похожих случаев, вне зависимости от степени их сохранности. Так, в ходе работ в Малом некрополе у скальной гробницы Ченти I была раскопана неглубокая шахта GE 42 (0,66 м), не имевшая погребальной камеры; ее оригинальное заполнение было уничтожено древними грабителями. Несмотря на это, можно предположить, что шахта GE 42 скорее являлась ритуальной, нежели незавершенной, и служила местом складирования предметов, использованных в похоронных ритуалах, проводимых для индивидов, погребенных в соседних погребальных шахтах GE 44, GE 50 и др[4]. Возможно, ритуальными были шахты без камер 1 и 7 в гробнице Перинеджу (GE 19), хотя визуально первая больше напоминает незавершенную шахту, а материал из них перемешан в результате деятельности древних грабителей [Kormysheva et al., 2021, pp. 41, 55–56, fig. 14, 21].

Еще одна шахта без камеры GE 22–4 глубиной 1,32 м обнаружена у входа в скальную гробницу Персенеба (LG 78=GE 20–22), рядом с погребальной шахтой GE 22–3. Ее заполнение было однородным по всей глубине и содержало битую керамику времени правления V и VI династий (173 фрагмента) без примеси позднего материала (*илл. 2*): пивные кувшины (144 экз.), красноангобированный кувшин (2 экз.), хлебные формы (4 экз.), мейдумскую чашу (4 экз.), подставки с ангобом и без него (8 экз.), миниатюрные вотивные сосудики (5 экз.) и тарелочки (6 экз.), четыре из которых (14/22–4/1, 14/22–4/2, 14/22–4/3, 14/22–4/4) идентичны по глине и, вероятно, принадлежат одной гончарной партии, т. е. сделаны одновременно одним мастером. Некоторые сосуды удалось восстановить лишь частично, это означает, что они были разбиты не в шахте, а где-то за ее пределами [Kormysheva et al., 2018, pp. 29, 67–69, tabl. 11, fig. 45]. Таким образом, мы склоняемся к интерпретации данного комплекса как места складирования предметов, использовавшихся при совершении похоронных и обрядовых действий в гробнице Персенеба или внешней погребальной шахте GE 22–3.

Визуально похожий комплекс был раскопан в 2021 г. перед скальными гробницами Каемнефрета (LG 63), Несемнау (LG 64) и безымянной GE 99, расположенными в северо-восточной части Гизы, у процессионной дороги Хуфу (*илл. 3*). Шахта GE 109 глубиной 2,81 м была высечена в скальном разломе; несмотря на этот, казалось бы, критичный недостаток, она имела камеру и прямоугольное углубление для тела, где находились остатки оригинального человеческого захоронения в вытянутой позе на левом боку и ориентированного традиционно для эпохи Древнего царства — головой на север, лицом на восток (*илл. 4*) (подробнее см.: [Малых, 2025, с. 91–115]). Менее чем в 1 м западнее расположена шахта GE 110 без камеры, глубиной 1,20 м. Немногочисленные поздние предметы залегали лишь в верхнем 12-сантиметровом слое 1, тогда как ниже (слои 2–5) вперемешку с известняковым щебнем находился материал только эпохи Древнего царства, в т. ч. 1214 фрагментов керамики и почти целых миниатюрных вотивных моделей (*илл. 4–7*). Хотя напластования, включавшие дождевые намывы, визуально различались, фрагменты от одних и тех же сосудов присутствовали на всех уровнях. Также здесь выявлены куски ила, похожие на «ложное

[4] О керамическом материале финальной части Древнего царства из этих шахт см.: [Малых, 2017, с. 543–549].

содержимое» пивных кувшинов, заполнявшее сосуды для ритуальных целей и путем магических действий превращавшееся в пиво и воду в ином мире.

Керамические типы из шахты GE 110 разнообразны (*табл. 1*) и представлены краснолощеными красноангобированными и неангобированными круглодонными чашами, тарелками и плоскодонными мисками (1,4%), кувшинами с красным, белым и бежевым ангобом, а также без отделки поверхности (5,2%), пивными кувшинами (76,1%, в том числе один развал, но без донца, с нильским илом внутри), коническими хлебопечными формами (4,6%), жаровнями (4,9%), единичным фрагментом красноангобированного подноса (0,1%), подставками (0,3%), миниатюрными вотивными сосудиками (1,5%) и тарелочками (5,9%) (*илл. 5–7*). Исходя из числа донец, многочисленные фрагменты пивных кувшинов могли принадлежать 25 сосудам (несколько — со слегка вывернутым наружу венчиком, как у 21/110/4 и 21/110/68 (*илл. 6*)), а 56 фрагментов хлебопечных форм первоначально составляли всего 3 предмета. Два вотивных сосудика, жаровня, поднос и подставка имели белое покрытие, что можно рассматривать как их ритуальное очищение (подробнее см.: [Малых, 2015; Малых, 2025, с. 221–253]). Кроме этого, в шахте GE 110 были найдены обгоревший плод семейства бобовых и высохшее семечко тыквенных (слой 2), раковина-каури со срезанной задней частью (слой 3), две фаянсовых цилиндрических бусины (слои 4 и 5), угли (нижний слой 5), базальтовое лощило и кремневая галька со следами сработанности (слой 4). Последняя похожа на гальки-*манупорты* из абусирского ритуального здания AS 74.

Табл. 1. Статистические данные по керамике из слоев 2–5 заполнения шахты GE 110 в Гизе

Тип	*Слой 2*	*Слой 3*	*Слой 4*	*Слой 5*	*Общее кол-во*	*%*
Кувшины с красным ангобом	6	2	6	7	21	5,2
Кувшины с белым ангобом	2	4	8	5	19	
Кувшины с бежевым ангобом	3	1	4	2	10	
Кувшины неангобированные	2	5	3	3	13	
Пивные кувшины	171	168	276	309	924	76,1
Мейдумские чаши	2	1	1	6	10	1,4
Чаши неангобированные	–	–	1	–	1	
Миски с красным ангобом	–	1	–	1	2	
Тарелки с красным ангобом	–	–	1	–	1	
Тарелки неангобированные	–	–	1	2	3	
Подносы с красным ангобом	1	–	–	–	1	0,1
Хлебопечные формы	12	23	6	15	56	4,6
Жаровни	1	46	4	8	59	4,9
Подставки с красным ангобом	–	1	–	–	1	0,3
Подставки неангобированные	–	1	–	2	3	
Вотивные сосудики	4	4	5	5	18	1,5
Вотивные тарелочки	5	10	37	20	72	5,9
Итого:	**209**	**267**	**353**	**385**	**1214**	**100**

Как и в случае с абусирским сооружением AS 74, большинство керамических сосудов из гизехской шахты GE 110 было расколото на мелкие фрагменты, к тому же не позволявшие восстановить сосуды полностью. Это указывает, что они были разбиты не путем сброса в шахту, а в другом

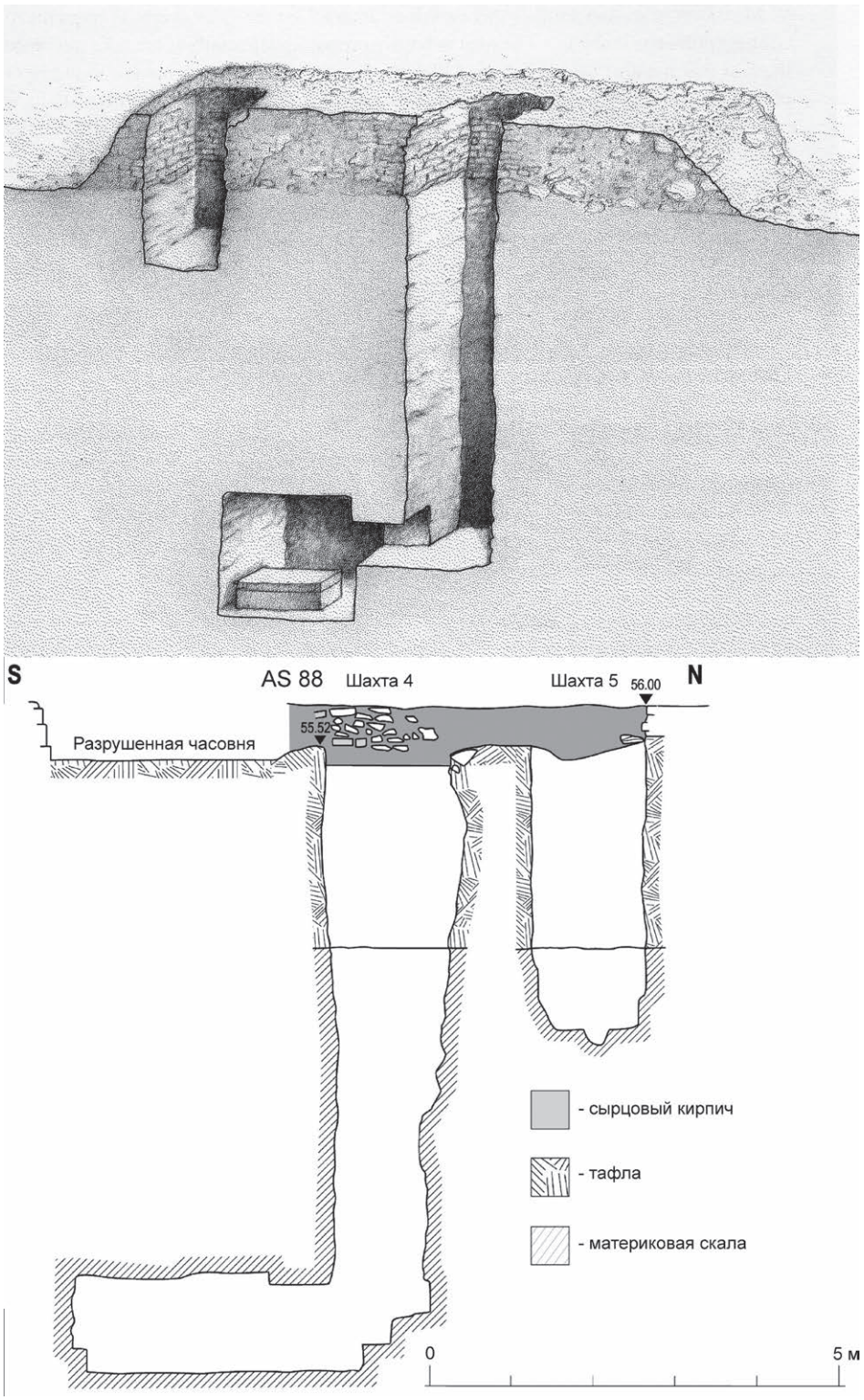
месте, возможно, по аналогии с AS 74, в некой временной постройке. Для дробления предметов могла применяться кремневая галька, также находившаяся в шахте GE 110. Более того, глина большинства вотивных тарелочек и подставки 21/110/69 была однотипной, указывающей на принадлежность к трем гончарным партиям[5] (*илл. 7*), к которым относились и две вотивные тарелочки 21/109/7 и 21/109/11 из засыпки соседней погребальной шахты GE 109. Таким образом, совокупность материальных свидетельств — конструкция шахты GE 110, не имевшей камеры, и вещевой материал из нее — позволяют интерпретировать комплекс как ритуальный, скорее всего служивший «схроном» для предметов, использованных в похоронных обрядах для индивида из шахты GE 109 и разбитых на стороне.

Морфологические параллели найденной в шахте GE 110 керамике происходят из Гизы, Абусира и Саккары[6] и относятся к широкому интервалу от второй половины V династии до конца VI династии (ок. XXIV–XXII вв. до н. э.), однако отдельные типы более характерны для VI династии [Junker, 1950, S. 14–16, Abb. 6A, 6D, 89, 102; Op de Beeck, 2004, pp. 264–269, fig. 9–10 (B2a); Rzeuska, 2006, pp. 90–93, 101–102, 116–117, 130–135, 142–143, 182–183, 188–191, 238–239, 246–247, 306–307, 354–355, 366–367, 370–377 (no. 62, 68, 87, 119–120, 152, 154, 163, 186, 303, 317–325, 488, 513–514, 672, 801, 839, 848–885); Bader, 2009, pp. 26–29, fig. 8d]. Это должно указывать на датировку всего погребально-ритуального комплекса, состоявшего из двух шахт GE 109 и GE 110, при этом не имевших поминальной часовни — т. е. места отправления культа двойника-*ка* его владельца. Возможно, наличие специальной шахты-«схрона» для ритуальных предметов в некоторой степени заменяло культовую часовню, магически защищая умершего и обеспечивая его благополучие в загробном мире.

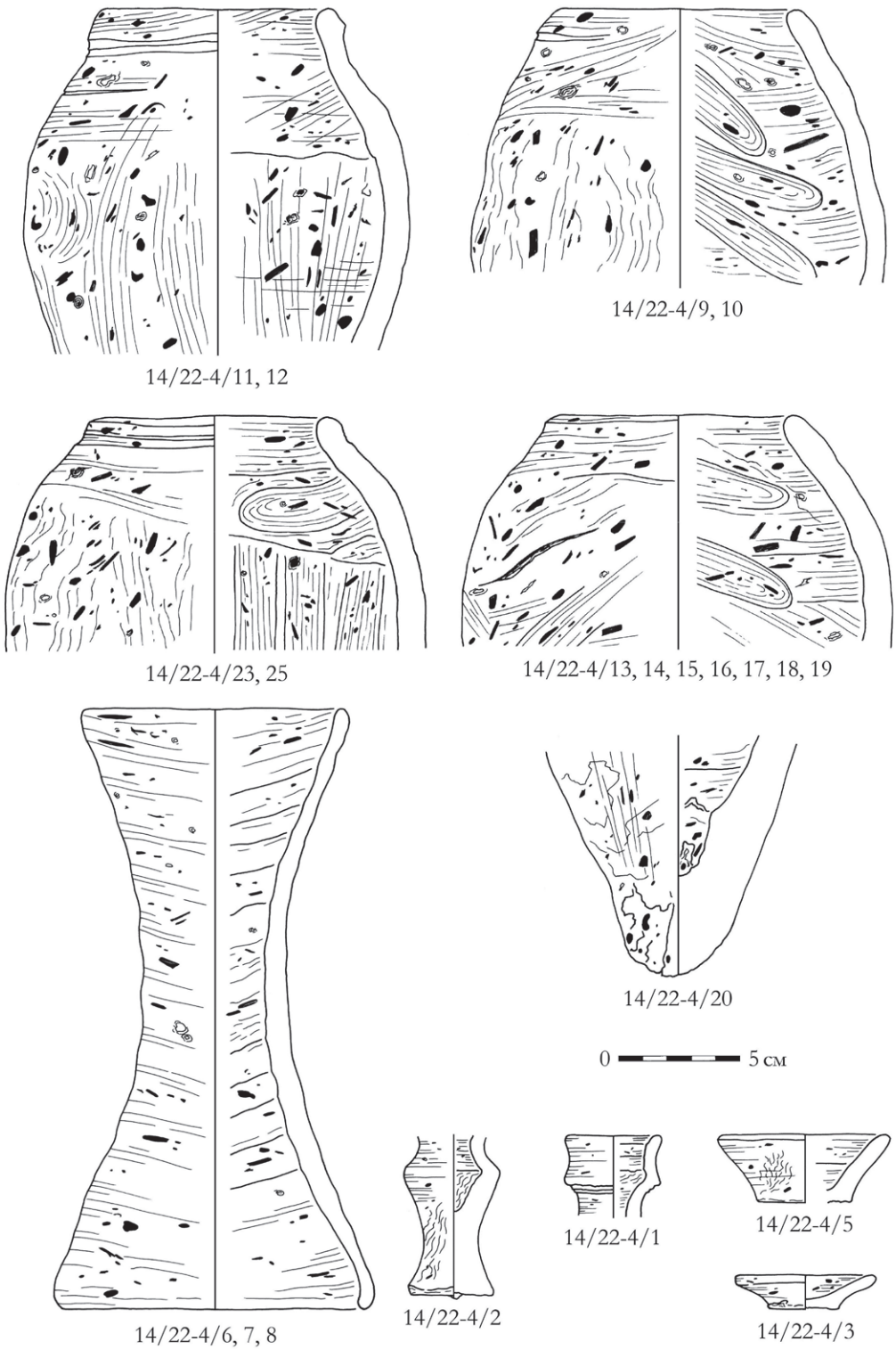
В целом следует сказать, что материалы, полученные в ходе работ Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе, уточняют наши знания о функционировании древнего некрополя у подножия великих пирамид и становятся в один ряд с открытиями зарубежных коллег, наглядно иллюстрируя древнеегипетскую погребальную обрядность во второй половине III тыс. до н. э.

[5] Вотивные тарелочки из гончарной партии 1: 21/109/11, 21/110/20, 21/110/24, 21/110/43, 21/110/49, 21/110/52, 21/110/58, 21/110/59. Вотивные тарелочки из гончарной партии 2: 21/109/7, 21/110/16, 21/110/21, 61, 21/110/31, 21/110/32, 21/110/62, 21/110/71, 21/110/72. К гончарной партии 3 принадлежат вотивные тарелочки 21/110/73 и 21/110/75, а также подставка 21/110/69.

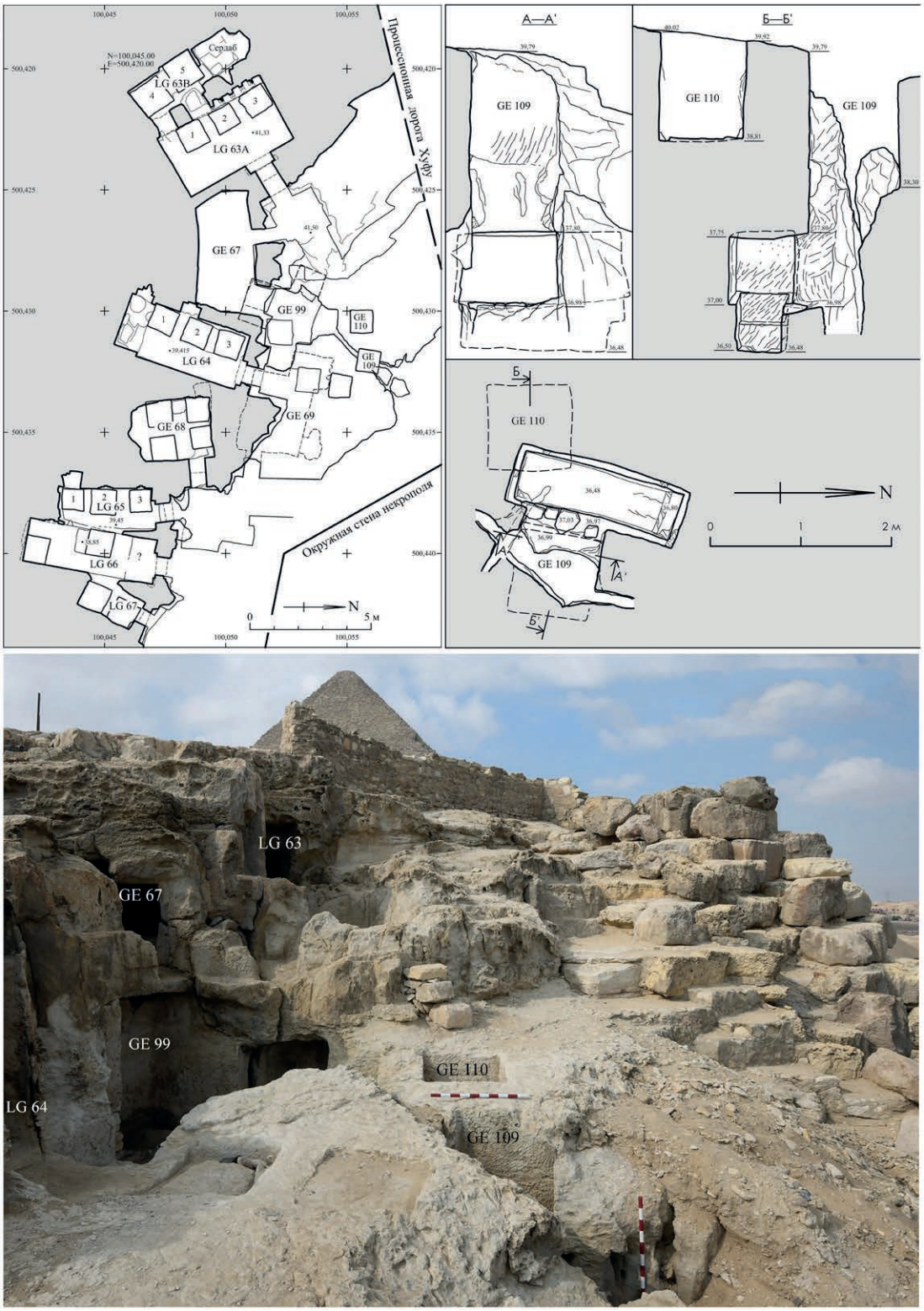
[6] Гиза: [Hawass, Senussi, 2008, pp. 21, 39, 63, 76, 88, 104–105, 107; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, pp. 24, 34, 36, 252–259, fig. 7, 12, 14, 110 (99/17/37, 00/20/101, 00/22/51); Kormysheva et al., 2015, pp. 122, 247, fig. 44, 99 (09/15–2/69, 13/49–1/13); Kormysheva et al., 2018, pp. 181–182, fig. 80, 82 (15/58–3/2, 16/58–4/1)]. Абусир: [Bárta et al., 2010, pp. 29, 288, fig. 2.5.2, 4.4.91 (no.64.AS51.09); Krejči et al., 2014, pp. 99, 123, 127, 168, 204, 207, 213–214, 231–232, fig. 4.20 (no. 194.AC26.09), 4.50, 4.74, 4.76, 4.80–4.81, 4.89–4.90; Arias Kytnarová, 2015, pp. 5, 11, fig. 3, 13]. Саккара: [Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010, p. 258, fig. 79 (no. 82–83); Lecuyot, 2016, p. 132, fig. 1 (S.P. 468)].



Илл. 1. Устройство типичной мастабы времени VI династии в западной Саккаре с погребальной и ритуальной шахтами (по: [Rzeuska, 2006, pl. 186]) и разрез гробницы AS 88 первой половины – середины V династии в южном Абусире с погребальной (4) и ритуальной (5) шахтами (по: [Odler et al., 2021, fig. 5])



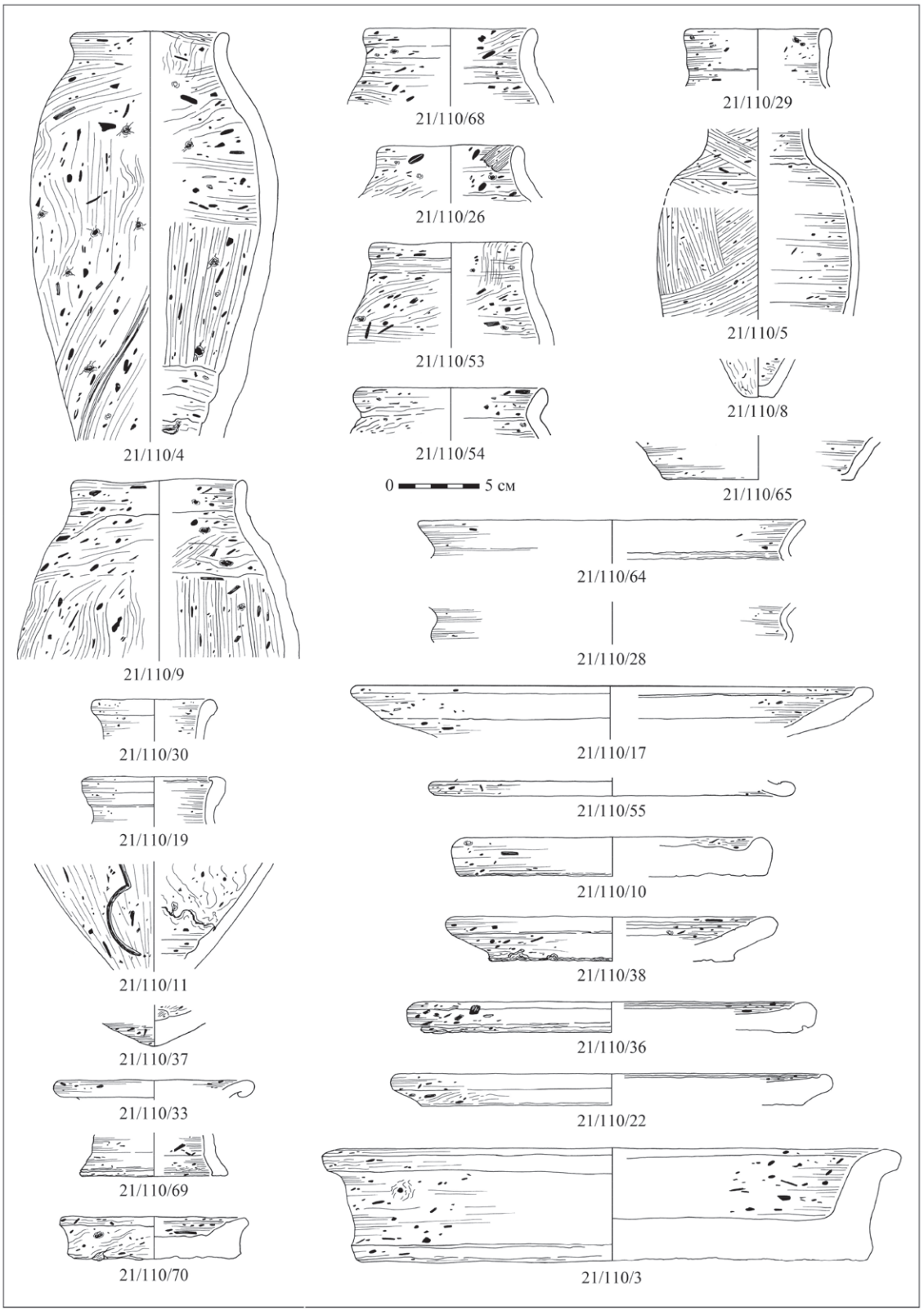
Илл. 2. Керамика из «ритуальной шахты» GE 22-4 у входа в скальную гробницу Персенеба (LG 78) в Гизе (рис. автора)



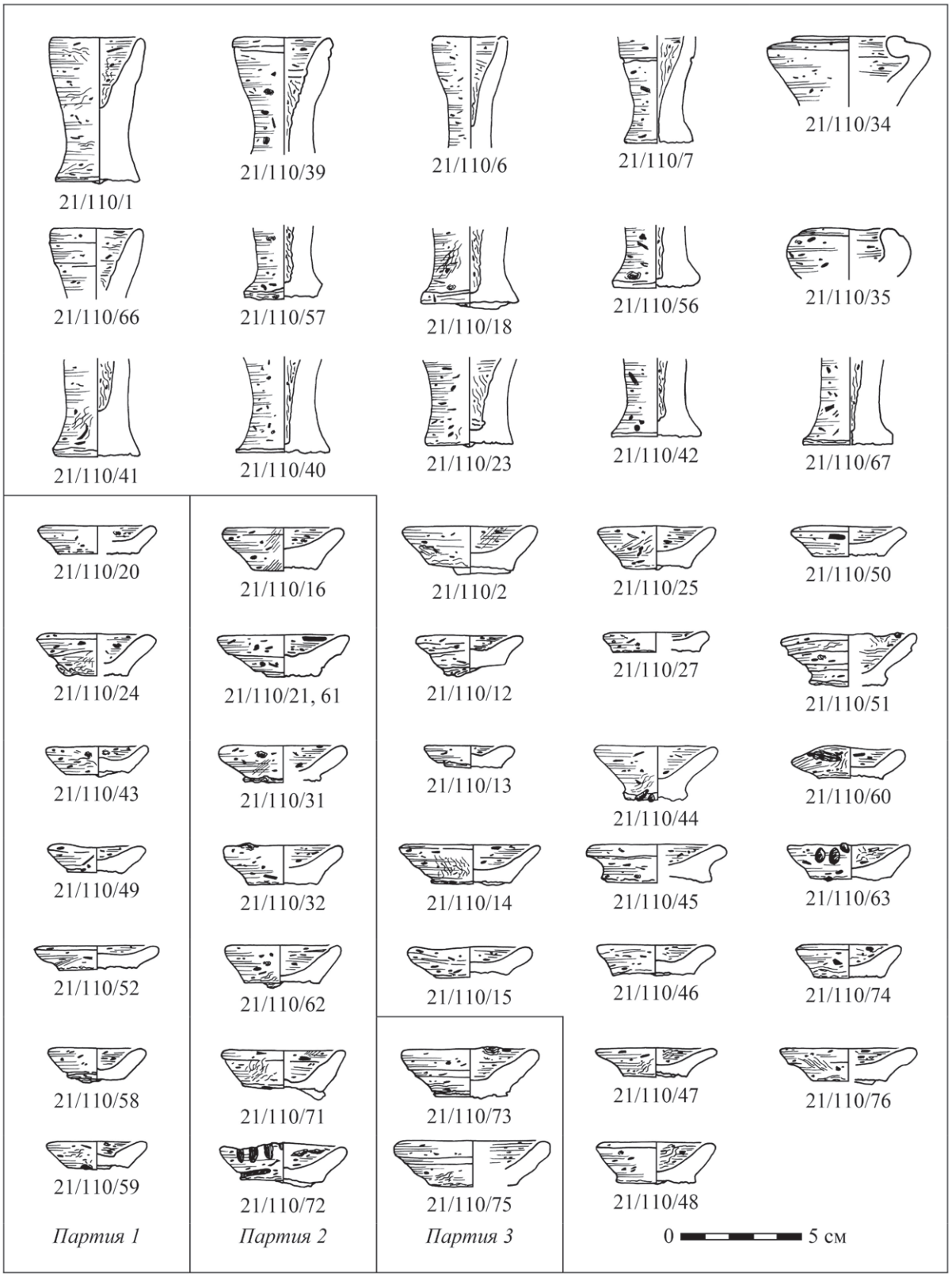
Илл. 3. Погребальная шахта GE 109 и ритуальная шахта GE 110 в северо-восточной Гизе (рис. С.В. Ветохова, фото С.В. Малых)

Илл. 4. Частично сохранившееся погребение в камере шахты GE 109 и керамика в шахте GE 110 (фото М.А. Лебедева)

Илл. 5. Пивной кувшин, жаровня и миниатюрная вотивная керамика из «ритуальной шахты» GE 110 (фото автора)



Илл. 6. Керамика из «ритуальной шахты» GE 110 (рис. автора)



Илл. 7. Миниатюрные вотивные керамические сосуды из «ритуальной шахты» GE 110 (рис. автора)

Литература / References

Малых С. Е. Символика белого цвета в древнеегипетском погребальном обряде и поминальном культе эпохи Древнего царства. *Восток (Oriens)*. 2015. № 2. С. 20–32 [Malykh S. E. Symbolism of the white color in ancient Egyptian funerary rites and cult of the Old Kingdom. *Vostok (Oriens)*. 2015. No. 2. Pp. 20–32 (in Russian)].

Малых С. Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом переходном периоде. *Вестник древней истории*. 2017. № 3. С. 537–554 [Malykh S. E. Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the End of the Old Kingdom and the First Intermediate Period. *Vestnik drevney istorii*. 2017. No. 3. Pp. 537–554 (in Russian)].

Малых С. Е. Древнеегипетский ритуал «разбивания красных сосудов» (*śḏ dšr.wt*) и красноангобированная керамика эпохи Древнего царства. *Вестник древней истории*. 2019. № 1. С. 5–22 [Malykh S. E. Ancient Egyptian Ritual of "Smashing the Red Pottery" (*śḏ dšr.wt*) and Red Ceramics of the Old Kingdom. *Vestnik drevney istorii*. 2019. No. 1. Pp. 5–22 (in Russian)].

Малых С. Е. «Тайники бальзамировщиков» в восточной Гизе: к истории вторичного использования древнеегипетских гробничных комплексов эпохи Древнего царства в I тыс. до н. э. *Вестник древней истории*. 2022. № 2. С. 281–302 [Malykh S. E. "Embalming Caches" in Eastern Giza: Towards the History of Secondary Use of Ancient Egyptian Old Kingdom Burial Complexes in the First Millennium B. C. *Vestnik drevney istorii*. 2022. No. 2. Pp. 281–302 (in Russian)].

Малых С. Е. *Смерть у пирамид. Египетский погребальный обряд в эпоху Древнего царства*. М.: Альма Матер, 2025 [Malykh S. E. *Death at the Pyramids. Egyptian Burial Rites in the Old Kingdom*. Moscow: Alma Mater, 2025 (in Russian)].

Abu-Bakr A.-M. *Excavations at Giza 1949–1950.* Cairo: Government Press, 1953.

Arias Kytnarová K. Ritual Ceramic Deposit from the Tomb of Prince Werkaure? A Tentative Interpretation. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. Vol. 24. Pp. 71–84.

Arias Kytnarová K. Burial shafts and chambers of Nefer and Neferhathor in tomb AS 68d. A comparative evaluation of the ceramic finds. *Prague Egyptological Studies*. 2015. Vol. XV. Pp. 3–14.

Arias K. Pottery from the tomb of Kairsu (AC 33) — a preliminary analysis. *Prague Egyptological Studies*. 2020. Vol. XXV. Pp. 59–81.

Bader B. The Late Old Kingdom in Herakleopolis Magna? An Interim Interpretation. Eds.: T. I. Rzeuska, A. Wodzińska. *Studies on Old Kingdom Pottery*. Warsaw: Neriton, 2009. Pp. 13–41.

Bárta M. The Mastaba of Ptahshepses Junior II at Abusir. *Ägypten und Levante* 2000. Bd. X. Pp. 45–66.

Bárta M., Coppens F., Arias Kytnarová K., Vymazalová H. et al. *Abusir XIX. Tombs of Hetepi (AS 20), Tombs AS 33–35, and AS 50–53.* Prague: Czech Institute of Egyptology, 2010.

Bárta M., Arias Kytnarová K., Odler M., Sůvová Z. 'Killed' for eternity. Artefacts and ritual behaviour from a unique ceremonial structure in Abusir South. Eds.: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejči. *Abusir and Saqqara in the year 2015.* Prague: Faculty of Arts, Charles University, 2017. Pp. 1–22.

Hassan S. *Excavations at Giza 1929–1930.* Vol. I. Oxford: University Press, 1932.

Hassan S. *Excavations at Giza 1932–1933.* Vol. IV. Cairo: Government Press, 1943.

Hassan S. *Excavations at Giza 1933–1934.* Vol. V. Cairo: Government Press, 1944.

Hawass Z., Senussi A. *Old Kingdom Pottery from Giza.* Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2008.

Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofes*. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1950.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948.* Moscow: IOS RAS, 2012.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow: IOS RAS, 2015.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow: IOS RAS, 2018.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis V. Tombs of Perinedju and Nefersefekhptah*. Moscow: IOS RAS, 2021.

Krejči J., Arias Kytnarova K., Vymazalová H., Pokorná A., Beneš J. *Abusir XXIV. Mastaba of Werkaure.* Vol. I. *Tombs AC 26 and AC 42 — Old Kingdom Strata*. Prague: Charles University, 2014.

Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara V.1. Old Kingdom Structures between the Step Pyramid Complex and the Dry Moat.* Part 1. *Architecture and Development of the Necropolis.* Varsovie: Neriton, 2013.

Lecuyot G. Poteries de l'Ancien Empire provenant du secteur du mastaba d'Akhethetep. Fouilles du musée du Louvre à Saqqâra. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2016. Vol. 26. Pp. 131–141.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Varsovie: Neriton, 2010.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K., Czerwik D., Rzeuska T., Kaczmarek M., Kowalska A., Radomska M., Godziejewski Z. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef.* Varsovie: Neriton, 2004.

Odler M., Arias K., Honzl J., Brukner Havelková P., Sůvová Z. In the shadow of Kaaper. Preliminary report on the anonymous Fifth Dynasty tomb AS 88. *Prague Egyptological Studies*. 2021. Vol. XXVII. Pp. 7–42.

Op de Beeck L. Possibilities and Restrictions for the Use of Maidum-bowls as Chronological Indicators. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2004. Vol. 7. Pp. 239–274.

Petrie W. M.F. *Medum.* London: David Nutt, 1892.

Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Varsovie: Neriton, 2006.

Rzeuska T. I. Meidum revisited. Remarks on the late Old Kingdom topography of the site. Eds.: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejči. *Abusir and Saqqara in the year 2010.* Prague: Czech Institute of Egyptology, Charles University in Prague, 2011. Pp. 709–722.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-247-260

БУДДИЙСКИЙ ГРОТ НА ГОРЕ СУМЕ-БЕЛИ В ТУВЕ. ЧАСТЬ I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ИСТОРИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ КУЛЬТОВОГО ОБЪЕКТА

© 2026

С.-Х. Д. Сыртыпова, У. П. Бичелдей[1]

Грот «Чуруумал бурганныг» в скале Сумэ, Бурган-Даа с барельефным образом Будды Амитабхи находится в 250 км к западу от г. Кызыл. Буддийский грот активно почитается тувинцами, о чем свидетельствовали многие авторы XVIII–XX вв. С 1977 г. он был включен в перечень объектов культурного наследия Тувинской АССР как памятник эпохи Монгольской империи Юань XIII–XIV вв. В 1963 г. началось строительство Саяно-Шушенской ГЭС, по мере ввода ее в эксплуатацию грот стал затапливаться водами водохранилища. Для сохранения исторической памяти в 2012 г. создана копия грота на 99 м выше уровня затопления. В настоящее время объект сохраняет ключевое значение в социальной и культовой жизни тувинских буддистов, а также активно используется как значимая туристическая достопримечательность Республики Тыва. На сегодня это единственный буддийский пещерный храм на территории России. В рамках первой части нашей публикации описано современное состояние и восстановлены обстоятельства, побудившие к созданию копии памятника, находящегося на грани полного вымывания водами Саяно-Шушенского водохранилища, представлена история изучения буддийского святилища. Во второй части будет дано обоснование исторического и искусствоведческого определения памятника, посвященного Будде Амитабхе со спутниками, и его датировки эпохой VI—IX вв.

Работа является продолжением большого проекта «Выявление и исследование объектов буддийского историко-культурного наследия Республики Тыва: создание базы данных», реализуемого авторами публикации в течение ряда последних лет.

Ключевые слова: : Чуруумал бурганныг, Суме-Бели, Тыва, буддийский грот, Будда Амитабха, сохранение объектов историко-культурного наследия

Для цитирования: Сыртыпова С.-Х. Д., Бичелдей У. П. Буддийский грот на горе Суме-Бели в Туве. Часть I. Современное состояние и история реабилитации культового объекта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 247–260. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-247-260

[1] Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва; ssyrtypova@ivran.ru, syrtyp@mail.ru

Surun-Khanda D. Syrtypova, DSc (Hist.), Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), Moscow; ssyrtypova@ivran.ru, syrtyp@mail.ru

Бичелдей Ульяна Павловна, доктор религиоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ), Кызыл; opei-ool@yandex.ru

Ulyana P. Bicheldei, doctor of Religious Studies, the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research (TIGPI), Kisil; opei-ool@yandex.ru

BUDDHIST GROTTO ON MOUNT SUME-BELI IN TUVA. PART I. CURRENT CONDITION AND HISTORY OF THE CULT SITE`S RESTORATION

Surun-Khanda D. Syrtypova, Ulyana P. Bicheldei

The 'Churuumal Burganny' grotto—located in the Sume rock formation (Burgan-Daa) and featuring a bas-relief of Amitabha Buddha—is situated 250 km west of the city of Kyzyl. This Buddhist grotto has long been actively venerated by the Tuvan people, a fact documented by numerous authors between the eighteenth and nineteenth centuries. In 1977, it was designated a cultural heritage site of the Tuvan ASSR, recognized as a monument dating back to the era of the Mongol Yuan Empire (thirteenth–fourteenth centuries). Following the commencement of construction on the Sayano-Shushenskaya Hydroelectric Power Station in 1963, the grotto began to be submerged by the rising waters of the reservoir as the facility came into operation. To preserve this historical legacy, a replica of the grotto was constructed in 2012 at an elevation 99 meters above the flood level. Today, the site remains central to the social and religious life of Tuvan Buddhists and serves as a significant tourist attraction in the Republic of Tuva. It is currently the only one Buddhist cave temple in Russia. The first part of this article describes the site's current condition, reconstructs the circumstances that necessitated the creation of the replica — as the original monument faced total erosion by the waters of the Sayano-Shushenskoye Reservoir — and outlines the history of the sanctuary's study. The second part will present the historical and art-historical rationale for classifying the monument (depicting Amitabha Buddha and his attendants) and dating it to the 6th–9th centuries.

This work is a continuation of the major project "Identification and Study of Buddhist Historical and Cultural Heritage Sites in the Republic of Tuva: Database Creation," which the authors have been conducting for several years.

Keywords: Churuumal Burgannyg, Sume-Beli, Tuva, Buddhist cave temples, Buddha Amitabha, preservation of historical and cultural heritage sites

For citation: Syrtypova S.-Kh. D., Bicheldei U. P. Buddhist Grotto on Mount Sume-Beli in Tuva. Part I. Current Condition and History of the Cult Site`s Restoration. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 247–260. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-247-260

Современное состояние буддийского грота «Чурумал бурганныг»

В августе 2026 г. проведен мониторинг[2] состояния культового объекта из историко-культурного наследия РТ, грот «Чуруумал бурганныг» с буддийскими изображениями в скале Сумэ, Бурган-Даа VI–IX вв., находящийся в 250 км к западу от г. Кызыл. Отметим, что посетить уникальный памятник истории и культуры буддизма удалось в рамках культурной экскурсионной программы от организаторов форума[3], который проводился в Республике Тыва.

Памятник буддийского искусства — молельня в скальной нише на восточной стороне горы Суме-Бели, расположен в 18 км от сумона (села) Чаа-холь и в 250 км от столицы Тывы — города Кызыл. Тувинцы ее называют «Имеющая высеченный образ Будды» (тув. Чурумал бурганныг),

[2] Основные положения и методология проекта «Выявление и исследование объектов буддийского историко-культурного наследия Республики Тыва: создание базы данных» были разработаны ранее [Сыртыпова, Бирнэ, 2018].

[3] V МБФ «Буддизм в диалоге культур: будущее человечества» проводился в Республике Тыва 17–20 августа 2026 г. при поддержке Администрации Президента Российской Федерации, Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям, а также Фонда «Росконгресс». Благодарим руководство Республики Тыва и соорганизаторов Форума за предоставленную возможность.

почитают как святое место с незапамятных времен. Это единственный каменный грот с высеченными изображениями будд и бодхисаттв на территории РФ, история которого восходит к самым ранним этапам распространения буддизма в мире. Постановлением Совета министров Тувинской АССР от 05 апреля 1977 г. за № 152 скальное святилище включено в перечень объектов культурного наследия и тем самым взято под государственную охрану [Бичелдей, Чадамба, 2020, с. 590–596++].

В настоящее время полноценным культовым объектом для жителей Тувы стала копия исторического грота с высеченными буддийскими изображениями. В скале выдолблен грот, проем оформлен в виде «домика» с площадкой перед входом (рис. 1а). Грот имеет два отделения. Внутренняя часть — углубление с полукруглым сводом, на стене выбит барельеф Будды Амитабхи, восседающего на лотосовом троне в ваджрной позе (*ваджрапарьянка* асана), рядом изображены его спутники-бодхисаттвы: слева стоит белый Авалокитешвара (санскр. avalokiteśvara) с цветком лотоса в руке; справа — синий Махастхамапрапта (санскр. mahāsthama prapta) с *ваджрой* в руке. Изображения внутри грота окрашены в яркие праздничные тона, спинка трона за спиной Будды украшена узорами (рис. 1б)[4].

Рис.1а. В скале выдолблен грот, проем оформлен в виде «домика» с площадкой перед входом. Фото С. С., август 2026 г.

Рис.1б. Внутренняя часть грота с барельефом Будды Амитабхи и его спутников, бодхисаттв Авалокитешвары и Махастхамапрапта. Скульптор Л. Уржук. Фото С. С., август 2026 г.

[4] Махастхамапрапта (санскр. mahā sthāma prāpta; Достигший великой силы) — один из восьми великих бодхисаттв Махаяны наряду с Манджушри, Авалокитешварой, Самантабхадрой и др.; обычно изображается в троице с Буддой Амитабхой и Бодхисаттвой Авалокитешварой (Гуаньинь). В «Большой Сукхативьюха сутре» предстает как один из ближайших помощников Амитабхи в управлении Западным раем Сукхавати. Часто изображается в троице с Амитабхой и Авалокитешварой. В тибетском буддизме приравнивается к Ваджрапани. Вероятно, поэтому современный тувинский скульптор изобразил его с ваджром в руке.

Рис. 2а. На склоне построен небольшой дуган, интерьер которого удачно вписывает природный скальный выступ

*Рис. 2б. На подступах к самому гроту, слева от лестницы установлены специальные столбы с перекладинами для подношения хадаков и цветных лент — **чалама***

Внешняя часть грота представляет собой своего рода «прихожую» с двускатным сводом, под которым у входа во внутреннюю часть изображены два вооруженных стража, над входом выдолблена небольшая застекленная антресоль с буддийскими книгами. Гора Сумэ-Бели и место нахождения грота отмечены признаками активного посещения верующими, чему способствует заботливо созданная инфраструктура. Об этом свидетельствуют яркие полотнища хадаков, лент *чалама*, монеты, зерна и следы подношений огнем. Внутри грота есть место, куда обычно ставят подношения и где возжигают масляные лампадки. Посетители совершают поклоны перед образами, и каждый на некоторое время замирает, сложив ладони в жесте буддийского приветствия и выражения почтения. К гроту ведет лестница с перилами и площадками для короткого отдыха. На склоне горы построен небольшой дуган, интерьер которого удачно вписывает природный скальный выступ (рис. 2а). Рядом есть специально оборудованный очаг для подношений огнем. На подступах к самому гроту, слева от лестницы установлены специальные столбы с перекладинами для подношения *хадаков* и цветных лент — *чалама* (рис. 2б).

Как сообщают специалисты министерств промышленности и сельского хозяйства Республики Тыва, в процессе наполнения Саяно-Шушенского водохранилища его зеркало покрывает территорию в 312 км^2. Почти четверть его приходится на более пологую и широкую долину реки Енисей с его поймами и береговыми террасами. Сюда входит 52 км^2 Тувинской котловины, в самой низине которой находится предгорье горы Суме-Бели с буддийским гротом. Площадь затопления на территории Тувы составляет 231,4 км^2. Ежегодно с середины июня древнее место поклонения, буддийский грот на горе Суме-Бели, затапливается водами водохранилища ГЭС и находится под пятиметровой толщей воды до конца весны. Конечно, под техногенным давлением и затоплением оказался далеко не только один памятник на горе Суме-Бели.

Возведение ГЭС обусловило изъятие территорий традиционного землепользования с общей численностью жителей более 20 тысяч человек с сотнями тысяч голов скота; был проведен огромный фронт работ по переносу таких населенных пунктов, как город Шагаан-Арыг, крупный поселок городского типа Чаа-Холь, ряд сел и деревень, на другие места, не достигаемые водами водохранилища. Помимо богатейших сельхозугодий, пахотных земель и сенокосных полян воды водохранилища укрыли множество памятников истории: курганы, могильники, скалы с петроглифами, каменные стелы, фрагменты так называемой «дороги Чингисхана», древнего фортификационного

сооружения, ирригационные каналы древнеуйгурского периода, а также многие священные объекты родоплеменных групп тувинцев, на которых проводились сезонные обряды освящений родников, священных деревьев, камней, оваа (*обоо*)[5], ритуалы поминания духов предков и т. п.

История строительства новых населенных пунктов, выведенных из зоны затопления в период с декабря 1972 по 1985 год, изложена в работе ведущего специалиста Национального архива Республики Тыва С. М. Саая. Саая перечисляет множество актов, документы районного, республиканского уровней, статистические материалы, являющиеся заключениями, протоколами, служебными переписками между республиканской, краевой властями того периода, касающиеся проектирования и начала строительства ГЭС, финансовые счета по сносу домов в старых деревнях, находящихся в местах предполагаемого затопления, сметы возведения новых населенных пунктов на возвышенных местах, переезда жителей на новые места, работ по компенсации и восстановлению затапливаемых сельхозземель и т. п.

Наряду с экономическими проблемами автор обращает внимание на инициативу властей республики и проведение мер по предотвращению разрушений объектов историко-культурного значения, их сохранению и изучению. В частности, Саая пишет о большом значении работ СТЭАН (Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР). Экспедиция обследовала памятники древних культур, попадающих в зону затопления водохранилищем ГЭС: «Экспедицией получен большой фактический археологический материал по различным эпохам и периодам древней истории Тувы. Данные работы должны были быть закончены в 1978 г., но не были завершены» [Саая, 2023]. Наибольшей угрозе от воздействия вод подвергались археологические памятники грунтового залегания, такие как курганы и могильники. И даже скальный грот с изображением Будды на горе Суме-Бели, несмотря на свое высокое расположение, также оказался в зоне затопления водами Саяно-Шушенской ГЭС. Был составлен перечень объектов, подлежащих спасению в связи с заполнением водохранилища, но данный памятник не был указан. Он имел значение религиозного культа, а в условиях идеологической конъюнктуры такой объект был нежелательным элементом культурного ландшафта. Поэтому он не был включен в программу по охране памятников старины, требующих государственной защиты.

Согласно свидетельствам жителей Чаа-Хольского кожууна, на территории которого расположена гора Суме-Бели, местное население вопреки действовавшим в периоды 1970–1980 гг. строгим запретам на практику буддийских культов сохраняло глубокое уважение к наскальному изображению Будды. Несмотря на риск преследований, жители продолжали тайно посещать грот для совершения религиозных обрядов. Старожилы вспоминают, что переселения в связи со строительством ГЭС привели к ощущению духовного вакуума — люди «чувствовали себя покинутыми богами и предками». Это ощущение «сиротства» преследовало их долгие годы. Возвращение к духовным истокам, по мнению опрошенных, стало возможным только после 1992 года, и особенно после воссоздания копии грота в 2012 году.

Пожилые жители Тувы (в возрасте 60–70 лет) вспоминают, что еще в середине 1970-х годов, до затопления котловины, сохранялись краски Будды и его свиты. Жительница г. Кызыла Норбу В. О. вспоминает, как ее старшая сестра в 1974 г. специально повезла своих младших братьев и сестер к этому божеству с целью показать им грот с Буддой и научить их поклоняться подобным священным местам. Она рассказывает, как ее школьницу младших классов поразила пещера в скале с яркими красочными изображениями[6]. Однако после того, как в 1979–1980 гг. место оказалось под водой до высоты 540 м над уровнем моря, за короткое время росписи начали стремительно блекнуть

[5] Монг. Обоо, тув. Оваа — груда камней, служащая маркером святого места в традиции кочевников Центральной Азии.
[6]ТИз беседы с жительницей г. Кызыла В. О. Норбу (пенсионерка, ветеран образования Республики Тыва).

и разрушаться. Со временем и сама скала из песчаника стала поддаваться воздействию мощных течений, из-за чего силуэты фигур постепенно утратили свои четкие очертания. Надо понимать, что вынужденное переселение с обжитых мест, лишение традиционных почитаемых объектов воспринималось тувинцами как трагедия.

Несмотря на то, что святилище большую часть года было затоплено водами, сброшенными ГЭС, местные жители Тувы продолжают считать, что священный грот с Буддой Амитабхой сохраняет свою духовную силу, и иногда готовы поделиться своим сокровенным опытом. Например, гецул-лама Тензин Сурун Нима (в миру Монгуш Сурун-оол, возраст 50 лет), вспоминает: «Я прежде никогда не видел этот памятник. В 1990 году, когда открывали новый район и собрался народ со всей Тувы, власти устроили соревнования по бегу в долине под южным склоном горы Суме-Бели. Я приехал участвовать. Летом, узнав, что в пещере на юго-восточной стороне горы находится божество, я пошёл поклониться и попросить удачи. В то время котловина была полностью залита водой. Местный житель показал, как подойти к скале с гротом. Я наклонился вниз и сквозь толщу воды увидел вход в пещеру. Я сильно разволновался и опечалился, что святое место скрыто под мутными водами водохранилища. Но, как верующий, я с надеждой на лучшее сотворил молитву. На соревнованиях я всех обогнал и занял первое место. Вот такой чудесной силой обладает Будда Амитабха. Я сам в этом убедился»[7]. По словам ламы, во второй раз он посетил эту местность в 2012 году, в момент завершения работ по осуществлению копии грота, и участвовал в обряде зажигания и переноса священной лампады веры в новую обитель под руководством тибетского учителя.

В настоящее время жители Чаа-Хольского района с теплотой вспоминают земляка Михаила Монгушевича Дугар-Сюрюна. Он много сил вложил в заботу о гроте и считался преданным почитателем памятника. По свидетельству его дочери Салбакай Михайловны, Дугар-Сюрюн говорил, что там обитает дух ламы, который создал грот, он носит красные одежды и головной убор, ездит на красной лошади возле Суме-Бели и охраняет сооружение. Когда Будда уходил под воду, Дугар-Сюрюн успокаивал людей, уверяя, что божество поднимается вверх и находится на суше над гротом, а после спада воды возвращается на свое место.

В 1990 году, когда было открытие нового административного района Чаа-Холь, в местность прибыли священнослужители из Монголии. Михаил Монгушевич привел их к гроту. Увидев изображение Будды, они принялись молиться и читать мантры, а затем совершили буддийский ритуал. После проведения всех действий ламы ему поведали, что скальный алтарь очень древний, подобного священного образа они не встречали в Монголии и заключили, что буддизм на территорию Тувы проник в более ранние периоды, чем в Монголию.

Ежегодно с середины июня древнее место поклонения затапливается водами водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС[8] до конца весны. Вся Чаа-Хольская долина притоков Енисея, в том числе и памятник, более десяти месяцев в году находится под пятиметровой толщей воды[9]. Это

[7] Из рассказа ламы Тензина Суруна Нимы, священнослужителя буддийского храма Цэчэнлинг. Главный буддийский храм РТ, адрес: ул. Щетинкина-Кравченко, 2, г. Кызыл.

[8] Саяно-Шушенская ГЭС (начало строительства 1963 г.) — крупнейшая электростанция России, вырабатывает возобновляемую и очень дешевую электроэнергию (себестоимость 1 квт.ч электроэнергии — 1,62 коп). Снабжает энергией Саянский территориально-производственный комплекс, в том числе крупные алюминиевые Саянский и Хакасский заводы, Абаканвагонмаш, угольные разрезы, железные рудники, ряд предприятий легкой и пищевой промышленности. Образовавшееся на реке Енисей Саяно-Шушенское водохранилище (высота его водяного зеркала над уровнем моря — 540 м) на 42% приходится на территорию Тывы, а именно равнинную часть Тувинской котловины в двух кожуунах республики: Улуг-Хемский и Чаа-Хольский. В зону затопления попали город Старый Шагонар и село Чаа-Холь [Ефименко, Рубинштейн, 2008; Ресурсы поверхностных вод СССР, 1967].

[9] Затопление долины продвигалось в ходе длительного процесса с 1978 по 1990 г. Подготовительные работы (переселение и т. д.) были начаты в 1973 г. Постоянная эксплуатация ГЭС начата в 2000 году.

ведет к постепенному, но неизбежному разрушению образов, угрожая их полному и окончательному вымыванию. Кроме того, активно почитаемый культовый объект доступен для верующих лишь в короткий период с мая до середины июня, когда закрываются шлюзы ГЭС, и люди вынуждены терпеливо ждать этой короткой паузы. Вопрос требовал решения.

В 2012 г. Каадыр-оол Алексеевич Бичелдей, на тот момент директор Тувинского института гуманитарных исследований, а ныне работающий в должности директора Национального музея Республики Тыва, инициировал действия по созданию копии буддийского святилища. В течение четырех месяцев художник-скульптор Л. Х. Уржук совместно со своими учениками работал над созданием копии буддийского божества на другой скале этой же горы, в месте, куда не достигают воды водохранилища. Идею создания копии древнего буддийского памятника население республики восприняло позитивно, поэтому паломники, ежегодно посещающие это место, одинаково стали чтить и поклоняться как древнему, так и новому святилищу.

В тот же год исследователи Службы по охране объектов культурного наследия Республики Тыва вновь провели плановое обследование состояния памятника. Принимавший участие в работах буддийский священнослужитель Сундуй-башкы (светское имя Р. Д. Лудуп), изучив сохранившиеся фрагменты образов, высказал мнение, что возраст пещеры почти на тысячу лет старше, нежели предполагалось ранее, и отнес время ее создания к VI веку [Бичелдей, Чадамба, 2020, с. 591].

Как сообщил сам Каадыр-оол Алексеевич, разные проекты спасения старой буддийской ниши обсуждались в Тувинском научно-исследовательском институте еще в конце 80-х годов. Вопрос осложнялся тем, что перенести памятник было невозможно из-за того, что гору наискосок рассекает большая трещина. Ограждение грота бетонной защитой также не решило бы проблему, так как вода заливала бы памятник со стороны скалы через трещины. В начале 90-х возникла идея создать точную копию в другом месте, выше уровня вод водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, но до воплощения идеи было еще далеко.

«В сентябре 1992 г., во время визита Его Святейшества Далай-ламы XIV, мы с Учителем летели на вертолете в сторону г. Шагаан-Арыг. Я рассказал ему, что в этих местах имеется ниша с изображением Будды Амитабхи и что она уходит под воду, и попросил пилота вертолета сделать крюк в сторону водохранилища. Подлетев к горе, я сверху показал Учителю священную нишу и спросил у него совета: можно ли создать ее копию в другом месте? Его Святейшество сказал: да, конечно, можно! Если памятник подвергается разрушению, то подобные действия в буддизме практикуются. Только нужно выбрать скалу, видимую глазу от места расположения старой ниши. И Учитель посоветовал обязательно провести специальный обряд перед началом работ. Также он наставлял меня о том, что после завершения создания копии ниши нужно будет провести еще один обряд повторного освящения новой скульптуры. Так Его Святейшество благословил мои намерения. Возможность для исполнения этой мечты появилась только в 2011 г., через 19 лет после разговора с Его Святейшеством Далай-ламой XIV. В то время С. К. Шойгу определил меня начальником археологического лагеря, и в моем распоряжении оказались технические возможности студенческого археологического полевого лагеря, который оснастили мощными генераторами. Осенью 2011 г. вместе с уроженцем Чаа-Холя М. М. Дугар-Сюрюном, моим старшим другом, мы пешком обошли все скалы горы Сүме-Бели и нашли очень подходящее место (сохранились фотографии наших поисков). Отметив это место, мы твердо решили именно здесь воспроизвести точную копию буддийской ниши. К маю 2012 г. подтянули технику, установили три палатки (для скульпторов, кухни, склада для генератора и инструментов). На создание ниши отозвался известный в Туве скульптор и художник Л. Х. Уржук вместе со своим учеником Сарыгларом Адыгжы. Им помогали еще два-три молодых человека. К началу сентября за 4 месяца, работая от зари до зари, а порой и ночами, они

воссоздали точную копию ниши с Буддой Амитабхой и с его двумя хранителями. К строительству деревянной лестницы, поднимающейся к нише, я привлек общественную организацию «Авыда» и его руководителя А. Б. Кара-оол. Они организовали строительство лестницы со 119 ступенями. Параллельно с указанными работами я своими силами приобрел материалы и в начале лестницы построил небольшую безымянную буддийскую обитель. Ее местоположение выбрано мною, и она была задумана как уголок для медитации паломников, пилигримов, молящихся, поэтому в нем практически нет оформления, кроме маленького изображения Будды. Еще раз с гордостью в душе хочу отметить, что идею по созданию копии священного грота с Буддой Амитабхой, задуманную мною и получившую благословенное одобрение Его Святейшества, реализовал наш амечательный и талантливый скульптор Леонид Уржук. Ныне освященная новая ниша приобрела такую же святость и стала признанной буддийской реликвией моего народа. Древний тысячелетний памятник истории, религии и культуры моей родной земли, словно так и было всегда, сохранился и живет своей жизнью, чему я безмерно рад»[10].

К истории изучения памятника Бурган-Даа в Суме-Бели

Первое письменное упоминание в русскоязычном источнике относится к 1717 г., когда Андрей Еремеев и Иван Нашивошников, возглавлявшие военно-топографическую экспедицию, отметили в отчетных записях о выбитом в скале буддийском божестве в восточной части горы Сумэ и сообщили, что обнаружили внутри пещеры «татарские письмена множество, а которого языка они не ведают и в той же пещере лук со стрелами и русского хлеба ячменя малое число» [Радлов, 1894, с. 76].

В 1721 г. русский казак Д. И. Шаров посетил чаа-хольскую пещеру и сообщил о том, что она подверглась разграблению: «которой де был над дверями один болван сидящий и тот де сколот с камени и увезен» [Радлов, 1894, с. 76]. По их следам в 1726 г. красноярский воевода отправил людей со специальным заданием подробно описать чаа-хольскую пещеру и привезти оттуда «татарские болваны и письма». В отряд под руководством Якова Терского входили: И. Потылицын, И. Пойлов, казак Дмитрий Шаров, проживавший в то время в Туве, и выходец из качинцев хакас Тонок Сторгулин, который исполнял функции переводчика. Пойлов и Сторгулин описали буддийскую нишу, вырезанные в скале барельефные изображения двух стражей, Будды и двух его учеников. Они сообщили, что лица уже «сколоты», а в пещере «много драных писем» и «стрел ломаных малое число». Они расспрашивали о пещере местных жителей, тувинцы сообщили, что «оная де пещера и болваны изстари», но кто ее делал, никто про нее не помнит, и все знают, и молиться туда якобы никто не ходит [Бичелдей, Чадамба, 2020, с. 592; Радлов, 1894, с. 75–79;]. Пойлов и Строгулин привезли из нее «несколько татарского письма целых листов». Рассказали о древних курганах «против той пещеры ниже камени в самой близости на степи татарское кладбище и многое число могил» [Радлов, 1894, с. 84].

[10] Из личной беседы с Каадыр-оолом Алексеевичем. Бичелдей К. А. — доктор филологических наук, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) и Российской академии социальных наук (РАСН), почетный профессор Тувинского государственного университета, почетный доктор института истории АН Монголии, директор Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, государственный и общественно-политический деятель. С 1991 по 1993 г. — председатель Верховного Совета Тувы. С 1994 по 1998 г. — председатель Верховного Хурала Республики Тыва. С 2008 по 2012 г. — директор Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва. С 2012 по 2015 г. — министр образования и науки Республики Тыва. С 2015 по 2016 г. — заместитель председателя правительства Республики Тыва по информационной политике и информатизации. С 2017 г. по настоящее время — директор Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. Кавалер ордена Полярной звезды Республики Монголия.

В январе 1722 г. Д. Г. Мессершмидт пребывал в Абаканском остроге, он записал в своем дневнике заметку о Чаа-Хольской пещере со слов одного крестьянина, затем о развалинах древнего города вверх по течению реки Хемчик и даже собирался отправиться к сойотам [Messerschmidt, 1962]. Доехать до Красноярска ему удалось уже в следующем месяце, и тот самый Иван Нашивошников, который впервые рассказал о буддийской нише, передал ему около 20 листов рукописей и несколько глиняных ламаистских образков, взятых из Чаа-Хольской пещеры. Д. Г. Мессершмидт поделился информацией со шведом Ф. И. Страленбергом, тот в 1730 г. опубликовал сведения о «молитвенной грамоте и глиняном образке с изображением десятирукого, трехликого Будды [Strahlenberg, 1730, с. 28, 46; Бичелдей, Чадамба, 2020, с. 593]. В 1735 г. знаменитые путешественники и исследователи Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин также не обошли вниманием тему «языческого памятника». Миллер собрал сведения во время своей десятилетней академической экспедиции и отметил, что «соседние обитатели ежегодно приходят туда и приносят идолам жертвы», но определить датировку не смог [Müller, 1747, с. 420–468; Кызласов, 1959; Кызласов 1962, с. 78].

В работе немецкого географа К. Риттера «Землевладение Азии» 1860 г. сообщается о буддийской нише: «вход в нее, со стороны Енисея, тесен и низок. На наружной стороне скалы высечены изображения идолов, весьма грубой работы. Таблица VII сочинения Миллера дает нам о них очень худое понятие. Утверждали, что в пещере было много свитков так же, как в Аблайките, но что они большей частью испорчены. Эта пещера служила складом для идолов, которым окрестные жители приносили жертвы...» [Риттер, 2007, с. 162].

Огромный вклад в изучении истории, археологии и этнографии Тывы внес А. В. Адрианов (1854–1920). Описывая обнаруженные в 1881 г. изваяния тюркской эпохи, он подробно пишет о данном памятнике и считает его происхождение более поздним, нежели каменные бабы. «В отвесной скале, сложенной из сланцев, на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршина, а в ширину и глубину до одного аршина. В глубине этой ниши, на задней ее стенке, рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространенное изображение Шигемуни, а два боковых в стоячем положении. Снаружи, перед входом в нишу, по сторонам ее поставлены две статуэтки около аршина высотой; весьма хорошо и отчетливо отделанные; статуи парные, изображают воинов, у которых один сжатый кулак поднят к верху, а другой подперт в бок, так что они напоминают несколько английских боксеров, изображаемых на картинках. Группа эта пользуется большим почитание лам и народа, внимание которых проявилось, между прочим, и в том, что на стенах ниши были расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч., а на дне ниши валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д., на земле перед скалой протянуты на кольях бечевки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на веревке и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» [Адрианов, 1986, с. 258–259]. Датировку изображений и ниши он связал с кара-китайским периодом (XII — начало XIII в.)[11] истории Тувы по косвенным данным с обнаруженными каменными изваяниями в долине между рек Чаа-Холь и Шагонар. Изваяния «изображали китайцев, мужчину и женщину, одетых в полный китайский костюм и обутых в сапоги с загнутыми вверх носками» [Адрианов, 1886, с. 260]. Впрочем, как он сам сознается, китайские изваяния он рассмотреть хорошо не смог, лишь отметил их наличие.

Таким образом, буддийский памятник «Чурумал бурганныг» в Туве уже давно находится в поле зрения разных путешественников и привлекает резонный интерес исследователей. Местные

[11] Каракитайское или Кара-киданьское ханство (Си Ляо / Западное Ляо. 1124–1218 гг.) в Центральной Азии. В 1218 г. вошло в состав Монгольской империи Чингисхана.

информаторы уверяли некоторых исследователей, что там никто не молится, но факт периодического пополнения грота религиозными предметами, очевидно, говорит об обратном — объект все это время сохранял свое культовое значение для местного населения. Например, фотография 1906 г. из архивного фонда ТИГПИ (рис. 3). К сожалению, фото подробно не атрибутировано, но видно, что в начале XX века грот с Буддой не только активно посещали, но и постарались облагородить его внешний вид, создав защиту от осадков и внешних воздействий. На фотографии грот укрыт деревянным сооружением с козырьком, на фасадной стороне сделаны двустворчатые двери с небольшими оконцами. Видно внутреннее заполнение, похожее на свисающие *хадаки*. То есть грот оформлен как небольшое святилище. На склоне перед ним установлены два столба с куполообразными навершиями, какие делают обычно для культовых коновязей, *сэргэ*. Между этими *сэргэ* привязана веревка, на которой колышутся многочисленные тканевые подношения. Человек, стоящий рядом со святилищем, одет в казачью форму: высокие сапоги, кафтан подпоясан ремнем, на голове фуражка с широкой тульей.

Фотография с подписью: «Изображение Будды Шакьямуни в скальной нише г. Чурумал-Хая (Сюме) XIII–XIV века. Чаа-Холь. Тува. 1914 год», сделанная С. Р. Минцловым, хранится в архиве Института истории материальной культуры РАН. Она опубликована в качестве приложения к статье Адрианова 1896 г. в 7-томном сборнике «Урянхай. Тыва дептер» [Урянхай, том 3, с. 140]. Видимо, ко времени публикации Андрианов решил датировать нишу периодом не киданьской, а монгольской империи — XIII–XIV веком. На фото довольно четко видны изображения двух хранителей у входа в нишу.

Следующее по хронологии фото 50-х гг. XX в. было опубликовано археологом Л. Р. Кызласовым (рис. 4а-б). Под руководством Леонида Романовича Кызласова с 1955 по 1960 г. (и в 1962 г.) в республике работала Тувинская археологическая экспедиция исторического факультета МГУ. Экспедиция изучала разновременные памятники в центральных, северных, а отчасти и западных и южных районах Тувы, результаты многолетних исследований были систематизированы ученым в книге «История Тувы в средние века». В 1959 г. в своей статье «Средневековые города Тувы» он, перечисляя свои находки, отнес памятник «Буддийская ниша Чурумал-Бурганныг на р. Чаа-Холь» к кара-китайскому периоду (XII — начало XIII в.) в истории Тувы и опубликовал общий снимок, а также план фасада и разрезы ниши [Кызласов, 1959].

Позднее Л. Р. Кызласов внес данные в свою монографию 1969 г., где отнес памятник к периоду Монгольской империи XIII–XIV вв., полагая, что создание ниши с образами в камне следует связать с градостроительной деятельностью монголов и местом, которое было пригодно «по своим природным и климатическим особенностям... для пашенного земледелия» [Кызласов, 1969, с. 140]. Это был так называемый «Енисейский округ» или Кянь-чжоу XIII–XIV вв., ныне это Улуг-Хемский и Чаа-Хольский районы современной Тувы, расположенные по течению Улуг-Хема. «Из других памятников этого времени назовем известную буддийскую нишу — часовню с барельефными фигурами, высеченную в скале горы Сюме по левому берегу р. Чаа-Холь», — пишет Кызласов [Кызласов, 1959].

Датировка Адрианова (Кызласова) была внесена в паспорт исторического объекта № 4 «Буддийская ниша», памятник XIII в. Параметры ниши: ширина 60 см, высота 1 м, глубина 86 см. Рекомендованное использование — в экскурсионных, историко-краеведческих, туристических целях. На момент оформления паспорта специалисты охраны памятников также датировали его XIII в., полагая это резонным, так как это был период наиболее активного продвижения буддизма на территориях, подвластных Монгольской империи.

Отметим, что Леонид Романович называл грот с буддами часовней, что автоматически относило буддийский памятник к христианскому, авраамическому пониманию. Однако структуризация пространства в традиционном кочевом обществе буддистов предполагает как раз обособленность

сакрализованных объектов от ординарных, светских поселений. Культовые объекты буддистов-кочевников располагались в природных условиях, как правило, они связаны с природными объектами, обладающими необычными, аномальными свойствами, которые используются в ритуальной и духовной практике. Так что они вовсе не привязаны к городам и поселениям, а скорее, напротив, находятся в труднодоступных местах естественного ландшафта [Сыртыпова, 2005, с. 17–28; она же, 2007, с. 48–69].

Рис. 3. Фото буддийской ниши на горе Сумэ 1906 г. из архивного фонда ТИПИ

В 2012 г. когда тувинские исследователи проводили плановое обследование состояния памятника, буддийский священнослужитель Сундуй-башкы (светское имя Р. Д. Лудуп), изучив сохранившиеся фрагменты образов в нише и у ее входа, определил, что в барельефном изображении высечен Будда Амитабха в сопровождении бодхисаттв Махастхамапрапты и Авалокитешвары; у входа изображены хранители: справа от Амитабхи — Вирудхака, защитник южных небес, а слева — Вирупакша, защитник западных небес; изображения выполнены в китайском стиле. Во-вторых, Лудуп удревнил возраст пещеры — почти на тысячу лет старше, нежели предполагалось ранее, отнеся время ее создания к VI в. И в-третьих, тувинские ученые соотнесли памятник на горе Суме в Туве с обликом пещерных храмов Лунмэнь в Китае, которые датируются V в. н. э., полагая, что по составу и стилю исполнения божеств тувинские изображения более всего близки к аналогам грота Цяньсисы в Лунмэне 627–649 гг. н. э., поскольку они содержат так называемых трех святых Запада — Будду Амитабху со спутниками бодхисаттвами Махастмапраптой и Авалокитешварой [Гроты Лунмэнь; Бичелдей, Чадамба, 2020].

Рис. 4а. Буддийская ниша, высеченная в скале горы Сумэ по левому берегу р. Чаа-Холь. Фото 50-х гг. XX в. [Кызласов, 1969, с. 140]

Рис. 4б. Барельефные фигуры внутри ниши на скале Сумэ. Фото 50-х гг. XX в. [Кызласов, 1969, с. 140]

На момент нашего обследования в 2014 г. изображения стражей были уже практически неразличимы — так повлияло на них воздействие периодического затопления. Впрочем, изображения Будды Амитабхи и двух бодхисаттв еще были хорошо видны (рис. 5а). Поездка 2014 года к буддийскому гроту была с московской съемочной TV группой. У подножия горы мы застали шаманку, совершавшую подношения местным духам, ассистентом в ритуале служил ее сын. Грот с Амитабхой и бодхисаттвами был по-кочевнически скромен, тих и чист, но хранил следы подношений и многочисленных молитв: свежие свернутые кусочки бумаги, на которых люди оставляли свои сокровенные просьбы. Как в трещинах Стены плача в Иерусалиме.

Рис. 5а. Будда с двумя спутниками-бодхисаттвами. Барельеф в скальном гроте. Неизвестный мастер VI–IX вв. Фото С.С., июнь 2014 г.

Рис. 5б. Будда Амитабха с двумя бодхисаттвами. Вновь созданный барельеф Будды Амитабхи с двумя бодхисаттвами. 2012 г. Скульптор Леонид Уржук. Фото и обработка С.С., август 2026 г.

Заключение

Скальная ниша с барельефным изображением Будды в Чаа-Хольской долине Тувы имеет очень древнюю историю почитания. Глубокая преданность верующих местной святыне, их готовность к ее спасению в адаптированной форме говорят о древности буддийской традиции на территории Республики Тыва. Формирование столь стойкой традиции почитания объекта происходит на протяжении длительного исторического времени. На древность буддийских корней в регионе указывает также скорость процессов возрождения буддизма после десятков лет угнетенного состояния [Монгуш, 2001, с. 42–43].

Сегодня исторический грот находится почти весь год под водой, но в это время его новый «заместитель» трудится в режиме 24/365. У вновь созданной в 2012 г. копии буддийского грота есть полный ритуальный комплект, как у стационарного храма: два хранителя врат по бокам грота, сутра помещена над входом в специальную антресоль с окошком, панорамный вид на долину, скамеечки на площадке перед гротом, чуть ниже дуган (домик-молельня), чудесно встроенный в скалу, так что живой камень присутствует внутри помещения, снаружи очаг для традиционных подношений огнем, сложенный из камней, на склоне горы есть специальные стойки с веревками для хадаков

и т. д. Люди приняли перемещение грота и сохранили свою верность святыне, и это пример адаптации историко-культурных памятников и их рационального использования в новых обстоятельствах.

Буддийский мини-храм в гроте, вырезанный в скальной породе, — единственный историко-культурный памятник на территории РФ. Подобных аналогов нет в других буддийских регионах России, они не характерны для Монголии, как и для Тибета. Особенность грота также в том, что главное изображение в гроте представляет не Будду Шакьямуни, а Будду Амитабху. Эти вопросы будут подробно разобраны во второй части публикации.

Литература / References

Адрианов А. В. *Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. Оттиски из Записок ИРГО*. СПб., 1886. Т. 11. С. 192–275 [Adrianov A. V. *Journey to the Altai and Sayan Mountains Undertaken in 1881. Offprint from Memoirs of the Imperial Russian Geographical Society (IRGO)*. St. Petersburg, 1886. Vol. 11. Pp. 192–275 (in Russian)].

Бичелдей У. П., Чадамба Л. Д. О судьбе буддийского святилища на горе Суме (Тува). *Буддизм Ваджраяны в России*. М.: Алмазный путь, 2020. С. 590–596 [Bicheldei U. P., Chadamba L. D. On the Fate of the Buddhist Sanctuary on Mount Sume (Tuva). *Vajrayana Buddhism in Russia*. Moscow: Almazny Put, 2020, pp. 590–596) (in Russian)].

Боголюбский И. С. Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов: 1881 г. Известия ВСО ИРГО. 1882. Т. XIII. № 3. С. 45–46 [Bogolyubsky I. S. Investigation of Antiquities in the Krasnoyarsk and Minusinsk Districts: 1881. *Bulletin of the East Siberian Branch of the IRGO*. 1882. Vol. XIII. No. 3. Pp. 45–46) (in Russian)].

Васильев Л. С. *Культы, религии, традиции в Китае*. М.: Восточная литература, 2001 [Vasiliev L. S. *Cults, Religions, and Traditions in China*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001 (in Russian)].

Ефименко А. И., Рубинштейн Г. Л. *Водосбросные сооружения Саяно-Шушенской ГЭС*. СПб.: Издательство ОАО «ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева», 2008 [Efimenko A. I., Rubinshtein G. L. *The Spillway Structures of the Sayano-Shusensky Hydroelectric Power Station*. St. Petersburg: OAO VNIIIG imeni B. E. Vedeneeva, 2006 (in Russian)].

Ресурсы поверхностных вод СССР: Гидрологическая изученность. Т. 16. Ангаро-Енисейский район. Вып. 1. Енисей. Под ред. Г. С. Карабаева. Л.: Гидрометеоиздат, 1967 [*The Surface Water Resources of the USSR: Hydrological Study Level. Vol. 16. The Angara-Yenisei Region. Issue 1. The Yenisei.* Ed. by G. S. Karabayev. Leningrad: Hydrometeoizdat, 1967 (in Russian)].

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)*. Вып. 9. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949 [Kiselev S. V. Ancient History of Southern Siberia. *Materials and Studies on the Archeology of the USSR (MIA)*. Issue 9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1949) (in Russian)].

Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы. *Советская археология*. 1959. № 3. С. 66–80 [Kyzlasov L. R. Medieval Cities of Tuva. Soviet Archaeology. 1959. No. 3. Pp. 66–80 (in Russian)].

Кызласов Л. Р. *История Тувы в средние века*. М.: Издательство МГУ, 1969 [Kyzlasov L. R. *History of Tuva in the Middle Ages*. Moscow: Moscow State University Press, 1969) (in Russian)].

Лудуп Р. Д. Кто изображен на горе Суме-Бели? *Ученые записки ТИГПИ*. 2012. Вып. XXIII. С. 500–516 [Ludup R. D. Who Is Depicted on Mount Sume-Beli? *Research Notes (Uchenye zapiski) TIGPI*. 2012. Issue XXIII. Pp. 500–516 (in Russian)].

Монгуш М. В. *История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.)*. Новосибирск: Наука, 2001 [Mongush M. V. *History of Buddhism in Tuva (Second Half of the Sixth — End of the Twentieth Century).* Novosibirsk: Nauka, 2001 (in Russian)].

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. *Материалы по археологии России.* № 15. Приложения. СПб.: Издание Императорской археологической комиссии, 1894 [Radlov V. V. Siberian Antiquities. Vol. I, Issue 3. *Materials on Russian Archeology.* No. 15. Appendices. St. Petersburg: Imperial Archeological Commission, 1894 (in Russian)].

Риттер К. Землеведение Азии. Т. III. *Урянхай. Тыва дептер*. Сост. С. К. Шойгу, К. Д. Аракчаа. Кызыл — М.: Слово, 2007. Т. II [Ritter K. Physical Geography of Asia. Vol. III. *Uryankhai. Tyva Depter*. Compiled by S. K. Shoigu, K. D. Arakchaa. Kyzyl — Moscow: Slovo, 2007. Vol. II (in Russian)].

Сыртыпова С.-Х.Д. Памятники кочевого мира Трансбайкалья. *Восток/Oriens*. 2005. № 5. С. 17–28 [Syrtypova S.-Kh.D. Monuments of the Nomadic World of Transbaikalia. *Vostok /Oriens*. 2005. No. 5. Pp. 17–28 (in Russian)].

Сыртыпова С.-Х.Д. *Святыни кочевников Трансбайкалья (Традиционные культовые объекты как памятники истории и культуры)*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007 [Syrtypova S.-Kh.D. *Sacred Sites of Transbaikalian Nomads (Traditional Cult Objects as Historical and Cultural Monuments).* Ulan-Ude: BSU Publishing House, 2007 (in Russian)].

Сыртыпова С.-Х.Д., Бирнэ С. К. О проекте буддийские монастыри России: документальная история буддийских храмов и монастырей в открытом доступе. *Буддизм Ваджраяны в России*. СПб.: Алмазный путь, 2020. С. 168–186 [Syrtypova S.-Kh.D., Birne S. K. On the 'Buddhist Monasteries of Russia' Project: Open-Access Documentary History of Buddhist Temples and Monasteries. *Vajrayana Buddhism in Russia*. St. Petersburg: Almazny Put, 2020. Pp. 168–186 (in Russian)].

Торчинов Е. А. *Введение в буддологию: курс лекций*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000 [Torchinov E. A. *Introduction to Buddhology: A Course of Lectures*. St. Petersburg: St Petersburg Philosophical Society, 2000) (in Russian)].

Урянхай. Тыва дептер. Антология. Сост. С. К. Шойгу, К. Д. Аракчаа. В 7 тт. Кызыл–М.: Слово, 2007–2014 [*Uryankhai. Tyva Depter*. *An Anthology*. In 7 vols. Compiled by S. K. Shoigu, K. D. Arakchaa. Kyzyl — Moscow: Slovo, 2007–2014 (in Russian)].

Кара-оол В. *Ыдык куштуг Авыда Бурган*. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012 [Kara-ool V. *Ydyk Kushtug Avyda Burgan (The Holy and Powerful Buddha Amitabha)*. Abakan: Journalist Cooperative, 2012 (in Tuva language)].

Messerschmidt D. G. *Forschungsrise durch Sibirien*. 1720–1727. Bd. I. Berlin: Akademie Verlag, 1962.

Mueller G. F. De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1747. T. 10 ad annum 1738. Pp. 420–468.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Берзин А. Тибетский буддизм: история и перспективы развития. 1990 [Berzin A. Tibetan Buddhism: History and Prospects for Development. 1990). URL: https://royallib.com/book/berzin_aleksandr/tibetskiy_buddizm (дата обращения: 06.09.2026).

Гроты Лунмэня [Longmen Grottoes]. URL: https://luoyang.roadplanner.ru/long/longkod.html (дата обращения: 06.09.2026).

Саая С. М. Из истории строительства населенных пунктов Улуг-Хемского района. URL: https://old.kntuva.ru/ [Saaya S. M. From the history of the construction of settlements in the Ulug-Khem region (in Russian)] (дата обращения: 06.09.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-261-265

МЕЧЕТИ В СТРУКТУРЕ БАШЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ (XVIII–XIX вв.): АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

© 2026

А. М. Дзахкиева[1]

В статье вводятся в научный оборот данные о раннемусульманских мечетях, выявленных в башенных комплексах горной территории Ингушетии, которые датируются концом XVIII — XIX вв.

Ключевые слова: религия, ингуши, ислам, мечети, могилы, язычество, горная Ингушетия, археология, архитектура

Для цитирования: Дзахкиева А. М. Мечети в структуре башенных комплексов горной Ингушетии (XVIII–XIX вв.): архитектурные особенности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 261–265. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-261-265

MOSQUES IN THE STRUCTURE OF TOWER COMPLEXES IN THE MOUNTAINS OF INGUSHETIA (EIGHTEENTH–NINETEENTH CENTURY): ARCHITECTURAL SPECIFICS

Ayshat M. Dzahkieva

This article introduces the data on early Muslim mosques discovered in tower complexes in the mountainous region of Ingushetia, dating from the late eighteenth to the nineteenth century.

Keywords: religion, Ingush, Islam, mosques, graves, paganism, mountainous Ingushetia, archaeology, architecture

For citation: Dzahkieva A. M. Mosques in the Structure of Tower Complexes in the Mountains of Ingushetia (Eighteenth– Nineteenth Century): Architectural Specifics. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 261–265. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-261-265

Вопрос о путях и времени проникновения ислама на территорию Ингушетии в настоящее время слабо изучен и имеет дискуссионные моменты. Проблема заключается в ограниченности письменных источников по данному вопросу и малоизученности архитектурных и археологических памятников, которые напрямую или косвенно связаны с мусульманской религией.

[1] Дзахкиева Айшат Макшариповна, студентка исторического факультета Ингушского государственного университета, Магас; ayshadzahkieva@gmail.com

Ayshat M. Dzahkieva, student, Ingush State University, Magas; ayshadzahkieva@gmail.com

Автор выражает глубокую благодарность старшему преподавателю кафедры «Всеобщая история» Тибоеву Илезу Алиевичу за щедрую передачу знаний, терпеливое обучение и моральную поддержку, без которых это и другие исследования не состоялись бы.

Лишь с 1973 г. археологи начали проводить широкие полевые изыскания с целью выявления и изучения раннемусульманских некрополистических объектов на территории горной части Ингушетии, которые датируются не раньше XIX в., о чем пишет М. Б. Мужухоев в своей научной работе на тему «Проникновение ислама к чеченцам и ингушам». В данном исследовании он делает вывод, что население плоскостной части Ингушетии начинает принимать ислам с XVI века, но широкое распространение эта религия получает только в XVIII в. [Мужухоев, 1979, с. 148]. Указанный вывод можно закрепить и сведениями других историков, например, таких как Вахушти Багратиони, который писал по материалам, собранным им до 1724 г., что в селении Ангушт жители внешне похожи на черкесов, по вере магометане-сунниты [Багратиони, 1904, с. 151].

Попытки исламизации ингушей предпринимались задолго до указанного периода. Так, М. С-Г. Албогачиева выделяет версию о том, что арабский полководец Абу-Муслим добивался принятия данной религии ингушами, чеченцами и народами Дагестана в начале VIII в. «Интересно заметить, что среди ингушей распространены легенды об исламизации их арабским полководцем Абу-Муслимом и о том, что полководец похоронен в горной Ингушетии» [Албогачиева, 2017, с. 37]. В исторической топонимике существует гипотеза, согласно которой ингушское селение Джейрах восходит к имени арабского полководца аль-Джарраха ибн Абдуллаха аль-Хаками, который осуществил походы на Северный Кавказ и проходил через Дарьяльское ущелье [Сулейманов, 1918, с. 7]. О том, что аль-Джаррах совершил поход через Дарьял (от перс. *dar-Alān* — врата алан) — (**نالادر**), где проживали ингушские общества, писал исламский историк Ат-Табари в своей работе «История пророков и царей»: «В этом году (730 г.) турки выступили из Баб–Алана (араб. *Bāb al-Lān)* — «Ворота алан» (врата — **باب**, аланы — **اللان**). Аль-Джаррах встретил их с теми сирийцами...» [Al-Ṭabarī, 1989, p. 69]. Таким образом, история контакта ингушского народа с исламом прослеживается с периода описанных событий.

Судя по датировке мусульманских могил на территории горной части Ингушетии, упомянутых нами выше, можно утверждать, что ислам здесь начал распространяться позже, чем на равнинной части. Как пишет М. Б. Мужухоев, «В нагорной Ингушетии, судя по исследованным здесь памятникам погребального и культового назначений, мусульманская религия, проникая, результативно распространяется и усваивается лишь в XIX веке» [Мужухоев, 1979, с. 148].

В ходе работ по выявлению объектов, предлагаемых для включения в реестр памятников истории и культуры ингушского народа, сотрудниками музея-заповедника зафиксированы раннемусульманские мечети на территории ряда крупных башенных комплексов: Эгикал, Хамхи, Фалхан, Лялах, Верхний Пялинг, Нижний Кяхк, Цори, Гершки, Гаракх, Керби и других.

По каждому объекту определены географические координаты, выполнены обмеры и фотофиксация. Степень разрушения мечетей варьируется от почти полного исчезновения построек (на месте некогда действовавших святынь сохранились лишь фрагменты фундаментов) до частично разрушенных зданий, где возможна научная реставрация с возвращением им исторического облика.

Установлено, что данные мечети перестали функционировать в период депортации ингушского населения в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 году. До указанного времени, согласно имеющимся сведениям, в них совершались коллективные намазы, а также праздничные богослужения в дни Курбан-байрам, Ураза-байрам и пятничные молитвы[2].

Датировка выявленных культовых построек в настоящее время не установлена и требует дополнительных полевых исследований. Но в рамках очередных мероприятий по выявлению и учету раннее не учтенных памятников архитектуры сотрудниками «Джейрахско-Ассинского музея-заповедника» в 2023 г. была обнаружена мечеть в архитектурном комплексе «Керби». Данная

[2] Раннемусульманские мечети горной Ингушетии внесут в Перечень объектов ОКН. URL: https://serdalo.ru/rannemusulmanskie-meceti-gornoi-ingusetii-vnesut-v-perecen-obektov-okn (дата обращения: 31.05.2026).

раннемусульманская постройка датируется примерно концом XVIII — началом XIX в. Она была включена в перечень объектов культурного наследия Республики Ингушетия. Высота данного объекта сохранилась до 3 метров, а протяженность восточной стены составляет около 8 метров, длина северной стены — более 14 метров, на южной стороне мечети имеется выступ с оконным проемом. Также в черте поселения «Керби» сохранились наземные склепы позднего средневековья и мусульманские захоронения[3]. Архитектурные особенности данных мечетей заключаются в том, что постройка выполнена в суровом, лаконичном стиле, характерном для всего ингушского каменного зодчества. А также тем, что мечети лишены традиционных исламских архитектурных элементов, таких как минареты и купола, которые характерны для более поздних построек.

В заключенит следует отметить, что выявленные объекты исторического наследия позволяют расширить представление о распространении ислама среди ингушского народа. Включение данных мечетей в реестр памятников истории и культуры Республики Ингушетия создает основу для их сохранения, последующего научного изучения и возможной реставрации. И, как уже ранее отмечалось, вопрос о точной датировке этих архитектурных объектов остается открытым и нуждается в дальнейших археологических изысканиях.

Рис. 1. Раннемусульманская мечеть в горной Ингушетии.
Источник: https://serdalo.ru/rannemusulmanskie-meceti-gornoi-ingusetii-vnesut-v-perecen-obektov-okn (дата обращения: 31.05.2026)

[3] В горной Ингушетии продолжаются мероприятия по выявлению и учету объектов культурного наследия. URL: https://zapovednikri.ru/2023/07/19/%d0%b2-%d0%b3%d0%be%d1%80%d0%bd%d0%be%d0%b9-%d0%b8%d0%bd%d0%b3%d1%83%d1%88%d0%b5%d1%82%d0%b8%d0%b8-%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b4%d0%be%d0%bb%d0%b6%d0%b0%d1%8e%d1%82%d1%81%d1%8f-%d0%bc%d0%b5%d1%80%d0%be/ (дата обращения: 01.06.2026).

Рис. 2. Фрагменты раннемусульманской мечети в горной Ингушетии. Источник: https://serdalo.ru/rannemusulmanskie-meceti-gornoi-ingusetii-vnesut-v-perecen-obektov-okn (дата обращения: 31.05.2026)

Рис. 3. Мечеть конца XVIII века в башенном комплексе «Керби».
Источник: https://zapovednikri.ru/2023/07/19/в-горной-ингушетии-продолжаются-мero/

Литература / References

Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам. *Археологические памятники Чечено-Ингушетии: сборник научных трудов.* Грозный: ЧИ НИИ истории, социологии, филологии, 1979. С. 125–150 [Muzhukhoev, M. B. The Penetration of Islam to the Chechens and Ingush. *Archaeological Monuments of Checheno-Ingushetia: a Collection of Research Papers.* Grozny: Chizhevsky Institute of History, Sociology, Philology, 1979. Pp. 125–150 (in Russian)].

Вахушти Багратиони. География Грузии. *Введ., пер. и прим. М. Г. Джанашвили*. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1904. (Записки Кавказского отдела Русского географического общества; Кн. 24, вып. 5) [Vakhushti Bagrationi. *Geography of Georgia*. *Introduction, translation and notes by M. G. Janashvili.* Tiflis: K. P. Kozlovsky Printing House, 1904. (Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society; Book 24, issue 5) (in Russian)].

М. С.-Г. Албогачиева. *Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты.* СПб.: МАЭ РАН, 2017 [M. S.-G. Albogachieva. *Islam in Ingushetia: Ethnography and Historical-Cultural Aspects.* St. Petersburg: MAE RAS, 2017 (in Russian)].

А. С. Сулейманов. *Топонимия Чечено-Ингушетии*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1918 [A. S. Suleimanov. *Toponymy of Checheno-Ingushia*. Grozny: Checheno-Ingush Book Publishing House, 1918 (in Russian)].

Al-Ṭabarī. The History of al-Ṭabarī. Vol. 25: The End of Expansion: The Caliphate of Hishām, A.D. 724–738. ransl. by K. Y. Blankinship. Albany: SUNY Press, 1989.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Раннемусульманские мечети горной Ингушетии внесут в Перечень объектов ОКН. URL: https://serdalo.ru/rannemusulmanskie-meceti-gornoi-ingusetii-vnesut-v-perecen-obektov-okn (дата обращения: 31.05.2026).

В горной Ингушетии продолжаются мероприятия по выявлению и учету объектов культурного наследия. URL: https://zapovednikri.ru/2023/07/19/в-горной-ингушетии-продолжаются-меро// (дата обращения: 01.06.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-266-277

ЯЗЫК КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНСОЛИДАЦИИ ПЛЕМЕНИ КОРКУ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИНДИЯ)

© 2026

Л. Р. Зарипова[1]

Корку — мундоязычный народ Центральной Индии, самая западная и обособленная группа мунда; живут в горах Сатпура (регион Мелгхат), на границе штатов Махараштра и Мадхья-Прадеш. Корку испытывают давление доминирующих языков (хинди, маратхи) и индуизации. Цель статьи — определить по языковому признаку степень этнической консолидации и самосознания корку, сопоставив микроуровень (индивидуальные полевые данные, собранные в ходе работы Российско-Индийской антропологической экспедиции ЦПИ–ГБМТ 2020 г.) и макроуровень (перепись населения Индии). Исследование опирается на понятийный аппарат российской (советской) теории этноса (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, М.Н. Губогло) и на теорию этнических границ Ф. Барта. Язык рассматривается как этнический маркер, отделяющий корку от соседей, и сопоставляется с религией как вторым этническим признаком. Установлено, что из двух рассмотренных признаков язык у корку более единообразен и устойчив, чем размытая индуизацией религия. Языковая консолидация особенно высока в компактном ядре ареала (регион Мелгхат) и ослабевает к его периферии. Из этих двух признаков именно язык оказывается более надежным маркером этнической границы корку, тогда как устойчивость других этнических признаков по имеющимся данным оценить нельзя.

Ключевые слова: корку, мунда, зарегистрированные племена, Центральная Индия, Мелгхат, теория этноса, полевые исследования в Индии

Для цитирования: Зарипова Л. Р. Язык как маркер этнической идентичности и консолидации племени корку (Центральная Индия). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 266–277. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-266-277

LANGUAGE AS A MARKER OF ETHNIC IDENTITY AND CONSOLIDATION OF THE KORKU TRIBE (CENTRAL INDIA)

Liliia R. Zaripova

The Korku are a Munda-speaking people of Central India and most isolated of the Munda peoples. They live in the Satpura Hills of the Melghat region, on the border of Maharashtra and Madhya Pradesh, under pressure from the main regional languages, Hindi and Marathi. The paper asks how far language keeps the Korku together as a distinct group and sets them apart from their neighbours. It uses language as a measure of their ethnic consolidation and self-consciousness, comparing two kinds of data: individual field data collected in 2020 by

[1] Зарипова Лилия Рафисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zlr-zlr@mail.ru
Liliia R. Zaripova, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zlr-zlr@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8272-1754

the Russian-Indian Anthropological Expedition (Paleoethnology Research Center and Timiryazev State Biological Museum), and the 2011 Census of India. The study is based on the Russian (Soviet) theory of ethnos (Yu.V. Bromley, V.I. Kozlov, M.N. Guboglo) and on F. Barth's theory of ethnic boundaries. Language is treated as an ethnic marker and compared with religion, the second feature studied. Of the two, language is more uniform and stable, while religion has been blurred by Hinduization. Language is most consistent in the compact core of the Korku area and becomes weaker toward its edges. Between the two features, language is the more reliable marker of the Korku ethnic boundary, while the stability of other ethnic features cannot be judged from the available data.

Keywords: Korku, Munda, Scheduled Tribes, Central India, Melghat, Theory of Ethnos, Fieldwork in India

For citation: Zaripova L. R. Language as a Marker of Ethnic Identity and Consolidation of the Korku Tribe (Central India). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 266–277. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-266-277

Введение

Корку — народ мундоязычной группы австроазиатской семьи, живущий в Центральной Индии, в горах Сатпура на границе штатов Махараштра и Мадхья-Прадеш [Ishtiaq, 1998, p. 189; Rau, Sidwell, 2019, p. 36], в верховьях бассейнов рек Нармада и Тапти [Rau, Sidwell, 2019, p. 39]. Их основной ареал — регион Мелгхат в дистрикте Амравати штата Махараштра, где корку составляют большинство населения (талуки Дхарни и Чикхалдара) [Choudhary, Azeez, 2020, pp. 98–99; Deogaonkar, 1990, p. 13]. Среди мундских народов они занимают особое положение — это самые западные из мунда, отделенные от основной массы родственных племен Восточных Гхат и плато Чхота-Нагпур примерно на 500 км: своего рода «остров» мунда в окружении дравидских (гонди) и индоарийских (хинди, маратхи) языков [Deogaonkar, 1990, p. 29; Rau, Sidwell, 2019, pp. 37–39]. Самоназвание народа означает «люди»: *koru* — «человек», *ku* — показатель множественного числа [Deogaonkar, 1990, p. 30; Russell, 1916, p. 550].

По данным переписи населения Индии 2011 г., общая численность корку составляет около 1 млн чел. [Census of India, 2011]. В независимой Индии корку включены в списки зарегистрированных племен (*scheduled tribes*) и считаются одним из наиболее отсталых в социально-экономическом плане племен: регион Мелгхат печально известен крайней бедностью, высоким уровнем недоедания и детской смертности [Choudhary, Azeez, 2020, pp. 98–99; Ganorkar, 2020].

Традиционно хозяйство корку тесно связано с лесом: охота, собирательство, скотоводство и подсечно-огневое земледелие [Choudhary, Azeez, 2020, p. 104; Deogaonkar, 1990, pp. 20–21]. С последней четверти XIX в. сначала колониальная, а затем администрация независимой Индии ограничивали подсечно-огневое земледелие и объявляли значительную часть лесов заповедными (сегодня — Тигриный заповедник Мелгхат), что подрывало традиционный уклад и способствовало вытеснению корку с их земель [Deogaonkar, 1990, pp. 20–21; Ganorkar, 2020]. В результате основным занятием стало оседлое земледелие, однако большая часть корку — малоземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, поэтому заметную долю дохода по-прежнему дает лес [Choudhary, Azeez, 2020, pp. 104–105].

Корку живут в индоарийском окружении и испытывают давление доминирующих языков — хинди и маратхи, на которых ведутся школьное обучение и администрирование [Choudhary, Azeez, 2020, p. 105; Ganorkar, 2020, pp. 63–65]. Цель статьи — определить по языковому признаку степень этнической консолидации корку, сопоставив микроуровень (индивидуальные анкетные данные полевого обследования 2020 г.) и макроуровень (перепись населения Индии 2011 г.). До сих пор язык корку изучался либо как объект лингвистики (классификация в составе мунда, грамматика,

фонетика, лексика) [Deogaonkar, 1990, pp. 61–66; Rau, Sidwell, 2019; Russell, 1916, pp. 607–608], либо как объект «языкового сдвига» с акцентом на утрату языка под давлением индоарийского окружения [Ishtiaq, 1998]. В настоящей статье впервые предпринимается попытка рассмотреть язык корку как индикатор этнического самосознания и консолидации.

Методология

Исследование опирается на понятийный аппарат российской (советской) теории этноса и на теорию этнических границ Ф. Барта. Ю. В. Бромлей определяет этнос как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, воспроизводящуюся из поколения в поколение; ее членов объединяют общие черты культуры (включая язык) и психики, а также сознание своего единства и отличия от других подобных общностей [Бромлей, 1983, с. 57–59]. Из всех компонентов культуры язык наиболее отчетливо указывает на этническую принадлежность и при этом легче других поддается определению [Бромлей, с. 111–112]. Важно отметить, что универсального этнодифференцирующего признака не существует: в одних случаях главную роль играет язык, в других — религия, в-третьих — особенности поведения [Бромлей, 1983, с. 55–56]. Какой признак принимает на себя основную разграничительную функцию, определяется конкретной этнической ситуацией.

В. И. Козлов выдвинул на первое место среди признаков этноса понятие этнического самосознания — сознания принадлежности к определенному народу [Козлов, 1974, с. 79]. Самосознание вторично, т. к. оно формируется на основе объективных признаков общности. Внешнее выражение самосознания — самоназвание, этноним, которое объединяет членов этноса и отличает их от соседей. От названий религий и языков этноним отличается большей устойчивостью, потому что народ может сменить религию или язык, но сохранить прежнее самоназвание [Бромлей, 1983, с. 46–49, 180; Козлов, 1974, с. 86].

С этими понятиями связана этническая консолидация — процесс, в ходе которого несколько ранее самостоятельных этнических общностей или их крупные части объединяются в единый народ. Завершается этот процесс тогда, когда складываются общее самосознание и единое самоназвание [Козлов, 1974, с. 86]. О незавершенной консолидации свидетельствует неоднородность самоназваний: например, часть татароязычного населения называла себя не татарами, а мишарями и кряшенами [Козлов, с. 87]. Поэтому единообразие самоназвания можно рассматривать как индикатор достигнутого уровня консолидации.

Особое значение для настоящей работы имеет концепция В. И. Козлова, различающая «родной язык» как показатель самосознания и язык повседневного общения. «Родной язык» по переписям населения — не то же самое, что фактический разговорный язык, потому что часто опрашиваемые называют родным язык своей национальности, даже если уже забыли его и не пользуются им в быту [Козлов, 1969, с. 82; 1974, с. 90]. Языковая ассимиляция обычно опережает этническую, т. е. сначала утрачивается родной язык и лишь затем — самосознание [Козлов, 1969, с. 326, 331–332]. Поэтому расхождение между декларируемым родным языком и языком повседневного общения указывает на раннюю фазу ассимиляции, еще не затронувшую самосознание.

М. Н. Губогло среди этнических признаков также ставит язык на первое место [Губогло, 1998, с. 21–22]. Он выделяет три составляющие языковой идентичности: знание языка (компетентность), его реальное употребление (речевое поведение) и отношение к нему (установки). Родной язык — это категория не социолингвистическая, а этнопсихологическая, и в нем сходятся эти три составляющие. Таким образом, называя родной язык, человек подтверждает свою этническую идентичность [Губогло, 2003, с. 40]. Этой триаде соответствуют три языковых вопроса нашей анкеты:

о владении племенным языком (компетентность), о языке домашнего общения (речевое поведение) и о родном языке (установка).

Особое место в концепции М. Н. Губогло занимает двуязычие — ситуация, при которой группа, говорящая на родном языке, осваивает еще один. При стабильном (устойчивом) двуязычии оба языка длительно сосуществуют, потому что нужны для разного: родной язык обслуживает семью и общину, второй — общение с внешним миром. При слабоустойчивом двуязычии второй язык постепенно вытесняет родной из всех сфер общения, и процесс заканчивается переходом группы на второй язык, т. е. языковой ассимиляцией [Губогло, 1998, с. 53, 65–66].

Дополняет методологию теория этнических границ Ф. Барта, который предложил смотреть не столько на культурное содержание (язык, обычаи, одежду и т. п.), сколько на границу, которая отделяет одну группу от другой. По Ф. Барту, этническая группа существует постольку, поскольку ее члены сами причисляют себя к ней и отделяют себя от чужих. При этом важны не любые культурные различия, а лишь те, которым сами люди придают значение. Такими опознавательными знаками служит ограниченный набор признаков — среди них одежда, образ жизни и язык [Барт, 2006, с. 11, 15–16, 48]. Главное наблюдение Ф. Барта состоит в том, что граница между группами сохраняется, даже когда люди ее постоянно пересекают и когда группы тесно общаются и перенимают друг у друга культурные черты [Барт, 2006, с. 16]. Сами культурные признаки при этом могут меняться, а разделение на «своих» и «чужих» остается. Применительно к корку язык рассматривается как устойчивый символический маркер границы, сохраняющийся даже при культурной ассимиляции.

Материалы и методы

- **Полевое обследование 2020 г.**

Материалы микроуровня получены в ходе третьего полевого сезона Российско-Индийской антропологической экспедиции (февраль 2020 г.). Экспедиция создана Центром палеоэтнологических исследований (ЦПИ) и Государственным биологическим музеем им. К. А. Тимирязева (руководитель — Д. В. Пежемский), а полевой выезд 2020 г. организован совместно с Департаментом антропологии Университета Пуны им. Савитрибаи Фуле. Комплексное биолого-антропологическое обследование каждого участника начиналось с анкетирования, в которое, наряду со сведениями о происхождении, этнической принадлежности и религии, были специально включены вопросы о языках общения [Кулькарни и др., 2024]. Работы велись в дистрикте Амравати (штат Махараштра), в талуке Дхарни (регион Мелгхат).

Всего обследовано 293 чел. (159 муж. и 134 жен.), из них 229 детей (до 18 лет) и 64 взрослых. По этническому самоопределению подавляющее большинство составили корку — 285 чел.; помимо них в выборку вошли 2 гонда и 6 чел. смешанного (корку-гонд) происхождения. Обследование прошло в трех деревнях: Лавада (127 чел.), Дхулгхат-Райлвэй (76 чел.) и Дхакармал (90 чел.). Языковой блок анкеты состоял из указания самоназвания (общности, к которой относит себя опрашиваемый) и трех вопросов: о родном языке, о владении племенным языком и о языке домашнего общения. Само анкетирование проводилось на хинди как языке межэтнического общения в регионе.

- **Перепись населения Индии 2011 г.**

Материалы макроуровня взяты из переписи населения Индии 2011 г. по штатам Махараштра и Мадхья-Прадеш. Использованы таблицы носителей языка корку (C-16) [Census of India, 2011], численности корку как зарегистрированного племени (A-11) [Census of India, 2011] и двуязычия носителей корку (C-17) [Census of India, 2011]; демографические, образовательные и бытовые характеристики трех обследованных деревень получены из материалов переписи районного

уровня (PCA, District Census Handbook, таблица HH-14) [Census of India, 2011]. На основе таблиц C-16 и A-11 рассчитано отношение числа носителей языка к численности племени.

- **Методы**

В анкетах было подсчитано, как часто встречается каждый ответ: по всей выборке, по этническим группам, по возрасту и по деревням. Далее были сопоставлены между собой три ответа каждого человека: самоназвание, родной язык и язык дома. Написания языков и самоназваний перед подсчетом были приведены к единому виду. Главный показатель — доля людей, у которых самоназвание и родной язык совпадают. Язык дома рассматривается отдельно — как показатель того, на каком языке человек говорит в быту. При сопоставлении микро- и макроуровней паре «самоназвание — родной язык» в анкете соответствует пара «племя (A-11) — язык (C-16)» в переписи.

- **Ограничения**

Следует учитывать четыре ограничения. Во-первых, выборка неслучайна: она собрана в ядре ареала (*талука*[2] Дхарни), поэтому наш вывод об уровне консолидации относится прежде всего к ядру, тогда как периферия ареала оценивается косвенно — по данным переписи. Во-вторых, в Индии принадлежность к зарегистрированному племени определяется наличием специального сертификата, в котором указано название племени, поэтому, отвечая на вопрос о самоназвании, опрашиваемые могут называть информацию из своего сертификата. А насколько записанный в сертификате этноним совпадает с самоощущением человека, анкетный опрос показать не может. В-третьих, ответ на вопрос о владении племенным языком является самооценкой, а не результатом тестирования языковой компетенции. В-четвертых, перепись не приводит ряда социально-демографических показателей в разбивке по языку или племени, поэтому соответствующие характеристики корку получены косвенно — через показатели зарегистрированных племен в талуках, где корку составляют подавляющее большинство племенного населения.

Языковая самоидентификация корку (по материалам полевого обследования 2020 г.)

Полевое обследование выявило почти полное единообразие языковой самоидентификации корку (табл. 1). Все 285 корку указали своим самоназванием «корку». Родным языком корку назвали 284 из 285 (99,6%); единственное исключение — подросток шестнадцати лет, указавший хинди. На вопрос о владении племенным языком все 285 ответили утвердительно. Совпадение самоназвания и родного языка составляет 99,6%. Такая высокая внутренняя однородность означает очень высокий уровень этнической консолидации корку по языковому признаку: самосознание (самоназвание) и основной этнический определитель (родной язык) практически полностью совпадают.

Дома на корку говорят 95,1%: 13 чел. в быту перешли на другой язык — чаще всего на хинди, реже на маратхи или на смешанное «корку и хинди». Существенно, что 10 из этих 13 — подростки 14–17 лет (остальные — 19, 24 и 35 лет). Таким образом, бытовой сдвиг затрагивает прежде всего молодежь, тогда как родным языком они по-прежнему называют корку. Это иллюстрирует положение В. И. Козлова, что декларируемый родной язык отражает самосознание, а не повседневную речевую практику, и сохраняется даже тогда, когда практика начинает меняться. Несмотря на небольшую выборку, можно предположить, что расхождение «родной язык — язык дома» здесь есть ранняя фаза языкового сдвига, еще не затронувшая этническое самосознание.

[2] *Талука* — административная единица в Индии и Пакистане; обычно небольшой город с окружающими его деревнями. Является частью дистрикта (округа).

Контрастом служат немногочисленные представители других общин, обследованные в тех же селах. У двух гондов самоназвание (гонд) сопровождается родным языком гонди (или «маратхи, гонди») и языком дома гонди либо маратхи. У шести человек смешанного корку-гондского происхождения родным языком назван корку (у пяти) или гонди (у одного). В обоих случаях язык последовательно следует за самоназванием. Это показывает, что язык систематически маркирует этническую границу и разделяет группы внутри одних и тех же деревень, — что согласуется с пониманием языка как маркера границы у Ф. Барта.

В анкете религию указывали только взрослые (у детей эта графа, как правило, не заполнялась), и их ответы разнородны: из 62 взрослых корку 45 чел. назвали своей религией «корку», т. е. племенные верования, 9 — «адиваси», 5 — «хинду», еще трое ответа не дали. Несмотря на то, что язык остается общим, религиозная самоидентификация распадается на племенную, обобщенно-адивасийскую и индусскую. Размывание религиозной границы связано с индуизацией, при которой традиционный анимизм корку смешивается с индусскими верованиями [Deogaonkar, 1990, p. 42; Hasnain, 2016]. Таким образом, религия как этнический признак или маркер этнической границы проявляется слабее, чем язык.

Все три населенных пункта обследования — сельские поселения талуки Дхарни (табл. 2). Это земледельческие деревни с высокой долей племенного (корку) населения: доля зарегистрированных племен составляет 86,4% в Лаваде, 79,4% в Дхакармале и 64,2% в Дхулгхат-Райлвэй. Основа занятости — земледелие и сельскохозяйственный труд (94% в Лаваде и Дхакармале). Быт беден: топливом почти повсеместно служат дрова (91–96% домохозяйств), электрификация и санитария развиты слабо. Несколько особняком стоит Дхулгхат-Райлвэй, где зафиксирована меньшая доля племенного населения и заметная доля зарегистрированных каст (9,4%), что связано с наличием железнодорожной станции, благодаря чему этот населенный пункт является более контактным. В целом же полевой участок целиком расположен в консолидированном ядре ареала корку.

Таблица 1. Ответы по этническим группам (полевое обследование 2020 г.)

Ответ	Корку (n=285)	Гонды (n=2)	Смешанные (n=6)
Родной язык — корку	284 (99,6%)	—	5
Родной язык — гонди	—	2	1
Родной язык — хинди	1	—	—
Владеет племенным языком («да»)	285 (100%)	2	6
Язык дома — корку	271 (95,1%)	—	5
Язык дома — иной	14 (4,9%)	2	1

Таблица 2. Села обследования по данным переписи населения 2011 г.

Показатель (2011 г.)	Лавада	Дхулгхат-Райлвэй	Дхакармал
Население, чел.	1787	1168	1298
Доля племён (ST),%	86,4	64,2	79,4
Грамотность (7 лет и старше),%	78,5	73,5	79,6
Доля работающих,%	41,0	36,2	36,3
Земледельцы и с/х рабочие,%	93,8	60,6	93,6
Дрова как топливо,% домохозяйств	96,1	91,6	91,0
Телевизор,% домохозяйств	15,5	8,9	31,1
Телефон, вкл. мобильный,% домохозяйств	20,9	28,3	24,0

Этноязыковая консолидация корку в масштабе ареала (по данным переписи населения 2011 г.)

По переписи 2011 г. язык корку назвали родным 726 158 чел. при численности племени корку в 995 339 чел. (владельцы племенного сертификата), т. е. часть этнических корку язык уже не сохранила. Соотношение резко различается по штатам: в Махараштре носителей языка 255 772 при 264 492 членах племени (сохранение языка 96,7%), а в Мадхья-Прадеше при 730 847 членах племени язык сохранили лишь 470 386 чел. — около 64%. Пара «племя (A-11) — язык (C-16)» переписи представляет собой макроуровневый аналог микроуровневой пары «самоназвание — родной язык». Разрыв между ними означает языковую ассимиляцию части корку при сохранении племенной принадлежности.

Сохранение языка зависит от места (табл. 3). В компактном горном ядре ареала оно почти полное: 99,4% в дистрикте Бурханпур (МП), 98,4% в Амравати (МХ), 94,8% в Бетуле (МП). На периферии язык быстро утрачивается: 46,1% в Вардхе (МХ), 35,3% в Харде (МП), 32,8% в Нагпуре (МХ), 28,2% в Хошангабаде (МП), а в дистрикте Девас (МП) — лишь 1,2% (из 86 818 членов племени язык сохранили только 1054 чел.). Так вырисовывается отчетливый градиент «ядро — периферия»: язык устойчив в Мелгхате и прилегающих дистриктах и стремительно исчезает по мере удаления от него.

Около 77% носителей корку двуязычны (табл. 4): 77,0% в Махараштре, 76,8% в Мадхья-Прадеш. Второй язык используется как инструмент общения с внешним миром, не вытесняя корку из роли идентификационного языка. В терминологии М. Н. Губогло это соответствует устойчивому (стабильному) двуязычию [Губогло, 1998, с. 65–66]. Вторым языком у корку служит преимущественно хинди (66,7% в Махараштре, 76,1% в Мадхья-Прадеш); маратхи как второй язык распространен почти исключительно в Махараштре (10,2% против 0,5% в Мадхья-Прадеш), включая трехъязычие «корку — хинди — маратхи» (17,5% против 0,8% в Мадхья-Прадеш).

Устойчивость языка в ядре поддерживается и демографическим преобладанием корку, которые компактно проживают в нескольких горных талуках, где образуют языковое большинство; крупнейшие из них по числу носителей — Дхарни (МХ), Кхалва (МП), Бхайнсдехи (МП), Чикхалдара (МХ) и Кхакнар (МП).

Таблица 3. Сохранение языка корку по дистриктам (перепись 2011 г.)

Дистрикт (штат)	Племя/ST (A-11)	Носители языка (C-16)	Сохранение,%
Бурханпур (МП)	79 402	78 935	99,4
Амравати (МХ)	240 784	236 890	98,4
Бетул (МП)	185 000	175 346	94,8
Вардха (МХ)	1758	811	46,1
Харда (МП)	105 332	37 202	35,3
Нагпур (МХ)	1361	447	32,8
Хошангабад (МП)	42 117	11 893	28,2
Девас (МП)	86 818	1054	1,2
Махараштра, всего	264 492	255 772	96,7
Мадхья-Прадеш, всего	730 847	470 386	64,4

Таблица 4. Двуязычие носителей языка корку (перепись 2011 г., таблица C-17)

Показатель	Махараштра	Мадхья-Прадеш
Двуязычные,%	77,0	76,8
Одноязычные (только корку),%	23,0	23,2
Второй язык — хинди,%	66,7	76,1
Второй язык — маратхи,%	10,2	0,5

Обсуждение

Сопоставление двух уровней дает единую картину. Полевой участок (*талука* Дхарни) расположен в самом консолидированном ядре ареала: здесь сохранение языка близко к 98%, а корку составляют около 69% населения. Именно этим объясняется зафиксированное в поле почти полное совпадение самоназвания и родного языка (99,6%). Иначе говоря, микроуровневые результаты — это картина ядра, взятая крупным планом. Микро- и макроданные согласованы и складываются в единую модель «консолидированное ядро — ассимилирующаяся периферия», в которой уровень этноязыковой консолидации корку убывает от горного ядра к равнинной периферии ареала.

Однако следует учитывать, что у зарегистрированных племен Индии принадлежность к племени удостоверяется сертификатом. Как отмечает М. Н. Губогло, институциональная фиксация этнонима — это фактор, работающий на его устойчивость [Губогло, 2003, с. 477–478]. Этим, видимо, отчасти объясняется переписной разрыв «племя — язык» на периферии ареала, где племенной статус, поддерживаемый сертификатом, сохраняется и после утраты языка.

При анализе полученных результатов также важно учитывать следующие обстоятельства. Мелгхат, где расположено ядро этнической консолидации корку, является одним из самых отсталых в социально-экономическом плане племенных районов страны [Choudhary, Azeez, 2020, pp. 98–99; Ganorkar, 2020]. Как показал М. Иштиак, языковой сдвиг у племен Центральной Индии зависит от уровня урбанизации, роста доходов и ухода из аграрного сектора, тогда как компактное проживание племенного населения ему препятствует [Ishtiaq, 1998, pp. 192, 196]. Бедность и замкнутый на деревню и лес уклад ограничивают мобильность и консервируют языковую среду. К тому же отсталость понижает престиж родного языка. Хинди — язык администрации, рынка и школы, ключ к социальной мобильности [Hasnain, 2010, pp. 19, 30, 58]. Показательно, что группы корку, уже перешедшие на региональный диалект хинди, считают себя выше сохранивших племенной язык [Ishtiaq, 1998, p. 196]. Иначе говоря, высокая языковая консолидация ядра держится не столько на позитивной ценности языка, сколько на вынужденной изоляции.

Несмотря на изоляцию Мелгхата, языковой сдвиг среди молодежи связан с образованием, распространением массовой культуры и социальных сетей. В школе обучение ведется на маратхи или хинди, учителя, как правило, не владеют корку, а в школах-интернатах общение на родных языках не поощряется [Choudhary, Azeez, 2020, p. 105; Ganorkar, 2020, pp. 63–64, 176; Hasnain, 2010, p. 51]. Хинди часто превращается для детей в язык школьной успешности — среди опрошенных школьников-корку он оказался самым популярным «любимым предметом» (27,7%) [Sharma, Arya, 2026, p. 7]. По данным переписи 2011 г. телевизор имелся лишь в 9–31% домохозяйств обследованных деревень, телефон — в 21–28%, т. е. большинство семей не имело ни того, ни другого. По полевым наблюдениям 2020 г. ситуация изменилась мало: в деревнях обследования отсутствовала мобильная связь и почти ни у кого из опрошенных не было мобильного телефона или

смартфона. Слабое проникновение цифровых технологий в ядро ареала — это еще одна сторона той изоляции, которая консервирует языковую среду. Однако сегодня в Индии развитие цифровизации идет быстрыми темпами, поэтому можно предположить, что с 2020 г. ситуация в Мелгхате значительно изменилась. Таким образом, языковое окружение молодого поколения формируется прежде всего школой, а с распространением цифровых технологий — социальными сетями и экраном. Важно подчеркнуть, что анкета 2020 г. не содержала вопросов о языке школы и медиапотреблении, этот пробел был восполнен при составлении анкеты для следующего полевого выезда в рамках работы Российско-Индийской антропологической экспедиции ЦПИ–ГБМТ в Трипуру в 2022 г. (анкета опубликована, см. [Зарипова, 2023, с. 125–130]).

Заключение

Сопоставление микро- и макроуровней показало высокий уровень этнической консолидации корку в ядре ареала (регион Мелгхат). Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о том, что язык является устойчивым маркером этнической идентичности. При этом из двух рассмотренных в статье признаков — языка и религии последний оказался более размытым. Насколько устойчивы другие этнические признаки корку (родовая организация, брачные нормы, обычаи и пр.), по нашим данным судить нельзя; их оценка — задача отдельного исследования.

Празднование дня рождения Махараджи Чхатрапати Шиваджи (Шив Джаянти). Школа в деревне Дхакармал, Амравати дистрикт, штат Махараштра. Февраль 2020 г. Здесь и далее — фотографии М. Карпулевич

Деревня Дхакармал, Амравати дистрикт, штат Махараштра. Февраль 2020 г.

. Молодежь из зарегистрированного племени корку. Деревня Дхулгхат-Райлвэй, Амравати дистрикт, штат Махараштра. Февраль 2020 г.

Очередь на участие в антропологическом обследовании. Школа в деревне Лавада, Амравати дистрикт, штат Махараштра. Февраль 2020 г.

Анкетирование. Школа в деревне Лавада, Амравати дистрикт, штат Махараштра. Февраль 2020 г. (проводит автор статьи)

Литература / References

Барт Ф. (ред.) *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006 [Barth F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006 (in Russian)].

Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 1983 [Bromley Yu. V. *Essays on the Theory of Ethnos*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Губогло М. Н. *Языки этнической мобилизации*. М.: Языки русской культуры, 1998 [Guboglo M. N. *Languages of Ethnic Mobilization*. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998 (in Russian)].

Губогло М. Н. *Идентификация идентичности: этносоциологические очерки*. М.: Наука, 2003 [Guboglo M. N. *Identification of Identity: Ethnosociological Essays*. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Зарипова Л. Р. Трипура: полевые исследования в штате Северо-Восточной Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 117–130 [Zaripova L. R. Fieldwork in Northeast India: the State of Tripura. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. No. 2. Pp. 117–130 (in Russian)].

Козлов В. И. *Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы*. М.: Наука, 1969 [Kozlov V. I. *Dynamics of the Population of Peoples: Research Methodology and Main Factors*. Moscow: Nauka, 1969 (in Russian)].

Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. *Советская этнография*. 1974. № 2. С. 79–92 [Kozlov V. I. The Problem of Ethnic Self-Consciousness and Its Place in the Theory of Ethnos. *Sovetskaya etnografiya*. 1974. No. 2. Pp. 79–92 (in Russian)].

Кулькарни Ш. Ш., Пежемский Д. В., Дубова Н. А. и др. Комплексные антропологические исследования корку в 2020 г. (Индия, Махараштра). Предварительные результаты. *Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология*. 2024. № 2. С. 33–46 [Kulkarni Sh. Sh., Pezhemsky D. V., Dubova N. A. et al. Complex Anthropological Studies of the Korku in 2020 (India, Maharashtra). Preliminary Results. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 2024. No. 2. Pp. 33–46 (in Russian)].

Choudhary H. R., Azeez A. E. P. The Korku Tribe of Melghat Region in India and Their Current State: An Ethnographic Study. *The Oriental Anthropologist*. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 97–112.

Deogaonkar S. G., Deogaonkar Sh. S. *The Korku Tribals* (Castes and Tribes of India Series, No. 1). New Delhi: Concept Publishing Company, 1990.

Ganorkar N. V. *Socio-Economic and Livelihood Challenges of Korku Tribe in Melghat of Maharashtra*. PhD Thesis. Mumbai: Tata Institute of Social Sciences, 2020.

Hasnain A. *The Curious Case of the Missing Social Movement: Why the Korku in India Do Not Protest?* MA Thesis. Chapel Hill: University of North Carolina at Chapel Hill, 2010.

Hasnain A. Piety over Protest: Cognitive Liberation and Deflected Collective Action in Central India. *Social Movement Studies*. 2016. Vol. 15. No. 5. Pp. 484–497.

Ishtiaq M. Determinants and Correlates of Language Shift among the Tribals of Central India. *GeoJournal*. 1998. Vol. 45. No. 3. Pp. 189–200.

Rau F., Sidwell P. The Munda Maritime Hypothesis. *Journal of the Southeast Asian Linguistics Society*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 35–57.

Russell R. V., Hira Lal. Korku. *The Tribes and Castes of the Central Provinces of India*. Vol. III. London: Macmillan, 1916. Pp. 550–617.

Sharma Y., Arya R. Factors Affecting the Educational Development of the Korku Tribe Secondary School Students of Madhya Pradesh. *International Journal for Multidisciplinary Research*. 2026. Vol. 8. No. 3. Pp. 1–11.

Электронные ресурсы / Online resources

Census of India 2011. A-11: Scheduled Tribe Population; C-16: Population by Mother Tongue; C-17: Population by Bilingualism and Trilingualism (Maharashtra and Madhya Pradesh); District Census Handbook, Amravati (2707): Primary Census Abstract, Village Directory and Household Amenities (Table HH-14). New Delhi: Office of the Registrar General & Census Commissioner, India. URL: https://censusindia.gov.in (дата обращения: 11.03.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-278-286

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКОГО СОСТАВА АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ВОПРОС О СТРУКТУРЕ КОНСОНАНТНОГО КОРНЯ

© 2026

А. Г. Белова[1]

В статье рассматривается процесс формирования трёхсогласного корня в классическом арабском языке под давлением глагольной парадигмы, сложившейся в эпоху общесемитской общности. В результате анализа функциональных особенностей консонантной системы классического арабского языка выделяется группа фонем (глайды), которые выполняют функции расширения двухсогласного корня.

Ключевые слова: функция, фонема, согласные, гласные, глайды, консонантный корень, основа, парадигма, модель

Для цитирования: Белова А. Г. Функциональная стратификация фонетического состава арабского языка и вопрос о структуре консонантного корня. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 278–286. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-278-286

FUNCTIONAL STRATIFICATION OF THE PHONETIC COMPOSITION OF THE ARABIC LANGUAGE AND THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE CONSONANT ROOT

Anna G. Belova

The article examines the process of forming a tri-consonant root in Classical Arabic under the pressure of the verb paradigm that developed at the later stages of Common Semitic. As a result of the analyses of the functional features of the consonant System of Classical Arabic, a group of phonemes (glides) is distinguished, which perform the function of biconsonantal extension roots.

Keywords: function, phoneme, consonants, vowels, glides, consonantal root, stem, paradigm, pattern

For citation: Belova A. G.Functional Stratification of the Phonetic Composition of the Arabic Language and the Question of the Structure of the Consonant Root . *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 278–286. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-278-286

Вопрос о составе и структуре семитского корня остаётся одним из основных вопросов как сравнительно-исторической семитологии, так и структурно-типологической характеристики семитских языков. По этому вопросу высказываются различные точки зрения и предлагаются различные гипотезы [Юшманов (1938), 1998, с. 126–181; Гранде,

[1] Белова Анна Григорьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; hymyarit@yandex.ru

Anna G. Belova, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; hymyarit@yandex.ru ORCID 0000-0001-6748-0342.

1963, гл. I, 9–43; Газов-Гинзберг, 1965; Теоретический курс арабского языка, 2004/5, с. 204–210; Семитские языки, т. I, 2009, с. 36–51; Мишкуров, 2019, с. 202–215, 302–324; Brockelmann (1908), 1966, pp. 285–287, 335, 504, 584; Encyclopedia, IV, 2009, pp. 93–98].

Расширение сравнительного материала языков дальнего родства на уровне афразийской макросемьи языков расширило и углубило вопрос о формировании корней эпохи афразийской общности [Diakonoff, 1988, pp. 42–54; Historical comparative vocabulary, 1994–1997; Takács, 1999].

1. Структурно-типологическая особенность лексико-грамматической системы КЛАЯ[2] (как и всех семитских языков) заключается в том, что в непроизводной (корневой) основе слова его лексическое значение (этимон) передаётся согласными. Таким образом, основной функцией согласных является выражение лексического значения, тогда как основной функцией гласных является выражение грамматических значений слов и отношений между словами в словосочетании. Однако функциональная стратификация фонетического состава КЛАЯ представляет более сложную систему.

2. В составе согласных фонем КЛАЯ выделяется группа согласных, которые наряду с лексической (корнеобразующей) функцией выполняют функцию грамматическую, входят в служебные морфемы и категориальные показатели. Национальная арабская грамматика свела эти согласные в *vox memoriae ’al-yawma tansā-hu* «сегодня [ты] забудешь это» [Юшманов, 1985, с. 40]. Кроме того, в этой группе служебных фонем выделяется более ограниченное количество фонем, которые формируют речевые единицы эмотивного уровня: частицы клятвы (*wa-*), обращения (*yā-*, *’ayyhā*), предостережения (*’iyyā-ka!*) – «берегись!»

3. Функциональная стратификация фонологической системы КЛАЯ связана также с правилами слоговой структуры КЛАЯ и правилами супрасегментного уровня (ударения).

Слоговая система КЛАЯ допускает только две структуры слога: CV и CVC.

Однако исторические изменения в сегментной системе формообразования КЛАЯ и в супрасегментной системе ударения могут привести к возникновению недопустимых структур и позиций. В этих случаях как гласным, так и согласным приходится выполнять дополнительные — «технические» — функции.

3.1. Когда в результате просодических изменений утрачивается гласный корневой основы: **sVm-*«имя» > **sm-*V, возникает «спасительный» (протетический) гласный [i]-*sm-*V, но неприкрытый слог **i-* также недопустим. «На помощь» должен прийти согласный (>*C+V-*). Но ведь согласные связаны с лексическими значениями. Каждый «новый» согласный может изменить значение данного слова или же лишить его какого-либо значения. Дополнение должно быть самым нейтральным, им служит ларингал [’]> *’i-smu-hu* «его имя». Так возникает спасительный слог *CV-*. Однако в благоприятной позиции этот слог не нужен: *bi-smi-hi* «во имя его».

Аналогичная ситуация возникает в глагольной парадигме для формы императива I-й породы (I-stem): **kVtub!* «пиши!» > **ktub!* > [*CV+] *ktub* > *’u-ktub.* В благоприятной позиции протетический слог не нужен: qāla la-hu ’ktub! «он сказал ему: “Пиши!”»

Когда в паузальной позиции может возникнуть слог *-*VCC*: ср., например, *ṭifl-un* (n.sg.) «ребёнок», но в устной речи: *la-hā ṭifil #*, возникает вспомогательный гласный [i].

3.2. Недопустимое стечение гласных **V+V* может возникнуть в именной парадигме:

А) К основе мн. числа модели $C_1uC_2aC_3ā$- (m.pl.) надо присоединить падежную морфему -*V*(*u*|*i*|*a*), например: *‘ulamā-* «учёные». «На помощь» приходит вспомогательный согласный — ларингал [’]: *‘ulamā’u* (Nom.).

Б) К основе прилагательного модели $C_1uC_2C_3ā$- надо присоединить показатель мн. числа морфему *-āt*, например, *kubrā* (adj.f.superlat.) «величайшая». Помогает вспомогательный согласный

[2] КЛАЯ — классический арабский язык (сокр.)

[y]: *kubrā+y+āt-* (pl.f). К именной основе *ṣaḥrā-* «пустыня» надо присоединить показатель мн. числа *-āt-*: *ṣaḥrā'u* (sg. Nom.) + *w* + *āt* > *ṣaḥrā-w-āt* «пустыни». В функции «спасителя» используется согласный –[*w*].

Примечание. В некоторых случаях в этой функции используется согласный [*h*], например: *'umm-* (n.sg.f.) «мать» + *āt* > *'umm-āt* | *'umma-hāt-* (pl.).

В) В четырёхсогласных основах множ. числа для производных основ типа *fāris-* «всадник» > pl. *fawāris-*; *ǧazīr-at-* «остров» > pl. *ǧazā'ir-* используются вспомогательные согласные [*w*] [*'*].

4. Материал КЛАЯ свидетельствует о том, что помимо своих основных функций гласные и согласные КЛАЯ могут выполнять дополнительные, «технические» функции, не связанные с лексико-грамматическими значениями. В этих функциях используются краткие гласные и ограниченная группа наиболее «нейтральных» (лексически и грамматически) согласных.

В этой группе согласных обращаем внимание на глайды [w] и [y].

В общей стратификации глайды оказываются многофункциональными, они могут быть корневыми, в служебных морфемах и «техническими».

В национальной арабской грамматике, равно как и в общей семитологии, глайды *w/y* получают дополнительную характеристику как «слабые». Поскольку эта характеристика связана с их корневой функцией, обратимся к вопросу о структуре и составе арабского корня.

5. Консонантный корень определяется как условная, абстрактная единица языковой системы. В реальности консонантный корень «держится» на гласных. Качественный состав согласных в корне обусловлен допустимой сочетаемостью согласных по их артикуляционно-акустическим признакам.

5.1 Практические наблюдения арабских филологов древности и статистические подсчёты современников свидетельствуют о сложной системе запретов на непосредственную сочетаемость в корне гоморганных согласных, а также — (и) ряда согласных, близких по акустическим признакам. Такие схемы представлены в ряде работ [Юшманов, 1985, с. 41; Encyclopedia, IV, 2009, pp. 624–625][3]. Система запретов обеспечивает максимальную возможность сохранения консонантного корня в любых моделях словообразования и словоизменения как носителя лексического значения.

В систему запретов и ограничений попадают 26 фонем КЛАЯ. Исключение составляют глайды *w/y*. В составе корня глайды могут занимать любое место, сочетаться с любым согласным, а также и между собой. Ср., например, в именных основах: [4]*wuṣl-* «сустав», [5]*yawm-* «день», *bawd-* «пустыня», «бедуины». В глагольных основах: [6]*wdd* «любить, дружить», *'wy* «обитать где-л.», *w'y* «обещать».

5.2. Сравнительно-исторические исследования фонетических систем семитских языков свидетельствуют о том, что глайды сохраняются во всех языках и на протяжении всего известного периода.[7]

5.3. Характеристика «слабые» / *ḥurūfu-l-'illat* [Sibawayhi, II, pp. 403–406; Ridā, 106l; Юшманов, 1985, с. 156, 164–165; Гранде, 1963, с. 34–43; Encyclopedia, IV, 2009, pp. 93, 645], принятая в арабской грамматике, распространяется также и на корни, в которых отмечается один из глайдов или оба глайда, как было показано выше. Термин «слабые» корни, «слабые» глаголы принят и в общей семитологии [Brockelmann, 1966, pp. 256, 265, 504, 603; The Semitic Languages, 1994, p. 156;

[3] Вопрос о сочетаемости / несочетаемости корневых согласных в древнеегипетском корнеслове рассмотрен в [Takács, 1991, гл. 6, с. 323 и сл.].

[4] Arab *wuṣl-* < Sem* *waṣil-* [Semitic Etymological Dictionary, I, 2000, p. 260. N: 289].

[5] Arab *yawm-* < Sem* yawm- Gz *yōm* Hbr *yōm* Ug *ym* Акк *ūm-u* [Fronzaroli, 1965, p. 147].

[6] Arab *wdd* : Gz *'asta-wādada* ESA *wdd* Syr Aram *yaded* Hbr *yādid* Ug *ydd* [Zammit, 2002, p. 429].

[7] См. таблицу консонантных систем семитских языков в [Семитские языки, I, 2009, с. 28–29].

Семитские языки, I, 2009, с. 48]. «Слабость», точнее, неустойчивость глайда проявляется в неблагоприятной позиции при сочетании с гласными. Рассмотрим ситуации на простейших примерах.

1) «Слабый» глагольный корень *qwl* (I st) «сказать». В соответствии с парадигмой имя действия *-qawl-* (n. act.). Основа перфекта согласно парадигме должна быть **qawal-a* «он сказал», но реализуется как *qāl-a*. Основа имперфекта согласно парадигме должна быть **yaqwul-*, но реализуется как *yaqūl-*.

2) «Слабый» глагольный корень *syr* (I st) «идти, ехать». В соответствии с парадигмой основа перфекта должна быть **sayar-* «он шёл, ехал», но реализуется как *sār-*. Основа имперфекта согласно парадигме должна быть **yasyir-*, но реализуется как *yasīr-*.[8]

Формы имперфекта *yaqūl-<*yaqwul- и yasīr-<*yasyir-* можно объяснить как результат ассимиляции глайда с близким ему гласным: *wu>ū*, *yi>ī*. Что касается форм перфекта, то если их сопоставить с позициями глайдов в таких сочетаниях, как: *qālā wa sakata* «сказал и замолчал»; или *sa-yarā* (futurum imper.) «он увидит», то можно заметить, что глайды в аналогичной ситуации устойчивы.

6. В служебной морфеме перед суффиксом глайды сохраняются. Ср., например, *'aḫ-* «брат», относительное прилагательное *'aḫ-aw-iyy-* «братский»; или *san-at-* «год», относительное прилагательное *san-aw-iyy* «годичный, годовой». Ср. в аналогичной позиции C_1-aC_2i-C_3 в глагольной основе **nawim-a* «он спал» реализуется *nām-a*; также **ḫawif-a* «он боялся» > *ḫāf-a*.

Грамматическая или же техническая функция глайда в служебной морфеме, которая позволяет присоединить суффикс *-iyy-* к именной основе, показывает, что в аналогичной позиции глайд вполне устойчив как фонетическая единица. При этом следует отметить, что падение корневого глайда в аналогичной позиции не изменяет и не нарушает лексического значения корня. Лексическое значение «поддерживают» остальные корневые согласные. Этим свойством «слабые» корни отличаются от «правильных», «сильных» корней, в которых утрата или изменение одного из корневых могли бы привести к изменению значения или же к его утрате.

В итоге краткая характеристика глайдов в системе КЛАЯ сводится к следующему:

Фонетически — глайды могут сочетаться со всеми остальными согласными КЛАЯ, а также и между собой.

Функционально — в слоговой системе КЛАЯ глайды выполняют служебную функцию: препятствуют стечению гласных, т.е. занимают позиции *-VwV / VyV*.

Грамматически — в составе служебных морфем и частиц глайды устойчивы во всех позициях.

В функции корневого согласного глайды могут быть неустойчивыми.

Анализ материала КЛАЯ позволяет предположить, что неустойчивость корневых глайдов КЛАЯ имеет причины не фонетические, а исторические, связанные с развитием его грамматической системы.

7. Глубинные реконструкции прасемитской и афразийской лексики (точнее «корнеслова»), проводившиеся в конце XX — начале XXI вв., представили нам значительный лексический материал корневых морфем как двухсогласного, так и трёхсогласного состава [Historical comparative Vocabulary , 1994, №2, №3, №4; 1995, №5; 1997, №6; Semitic Etymological Dictionary, I, 2000, pp. 3–269, 273–337]. Следует добавить, что трёхсогласные корни отмечаются как типичные в лексике древнеегипетского языка [Gardiner, 1988, pp. 210, 273] и реконструируются в берберских и кушитских языках [Diakonoff, 1988, pp. 85–86; Семитские языки, I, 2009, с. 36–47].

[8] В работе Н.А. Медникова «Парадигмы глагольных форм арабского классического языка» представлены «парадигматические» (модельные) и реальные формы всех типов «слабых» глагольных корней; данный фрагмент в [Медников, 1904, с. 24–28]. Таблица «Превращение слабых звукосочетаний» в [Юшманов, 1985, с. 65].

Реконструкции прачадского корнеслова выявляют преобладание двухсогласных корней. Это явление обусловлено развитием двухсложной структуры корневой основы и редукцией ряда общеафразийских консонантных фонем [Столбова, 2025, с. 17]. Тем не менее в ряде прачадских корней обнаруживаются следы утраченного третьего согласного [Stolbova, 2017, pp. 233–239].

Реконструкция древнейшей глагольной парадигмы для семитских языков проецируется также для более глубокого, афразийского периода. Как видно из реконструкции, основные модели парадигмы *yV-$C_1C_2VC_3$- / *yV-$C_1VC_2C_2VC_3$- / *$C_1VC_2VC_3$- [Diakonoff, 1988, pp. 89, 106; Семитские языки, I, 2009, с. 77] могли сформироваться только на основе трёхсогласного корня.

С учётом древней глагольной парадигмы и её моделей можно предположить, что такие афразийские двухсогласные корни, как, например, *$ṯVb$ III > «капать; течь; капля» [Historical comparative Vocabulary, 1995, No. 4, pp. 30–221] или *bVl «дождь, туча», «лить, течь (о воде)» [Historical comparative Vocabulary, 1995, No. 3, pp. 20–131] являются только архаичными «ячейками», восходящими к «дограмматическому» периоду. Но уже в период «парадигмы» эти «ячейки» реализовались в трёхсогласном составе, о чём свидетельствуют реальные формы из отдельных конкретных языков афразийской макросемьи. Двухсогласные корни (или «ячейки») глагольной семантики «отодвигаются» к доафразийскому периоду.

Как формировалась прасемитическая глагольная парадигма в сочетании с внутренней и внешней флексией слова — отдельный вопрос исторической грамматики. Но результаты этого процесса отразились на структуре и составе консонантных корней, сохранившихся в известных нам языках.

Материал КЛАЯ наряду с инновациями сохраняет следы древних процессов, которые повторяются в системе нового периода.

8. Грамматический строй КЛАЯ, известный нам по памятникам V–VII вв. н.э., представляет дальнейшее развитие парадигмы. «Трёхсогласная» парадигма включает новые производные модели глагольных основ («породы») и отглагольных имён, допуская в свои модели и четырёхсогласные корни.

Если непроизводные основы двухсогласного происхождения типа $C_1\tilde{V}C_2$-a | ya-$C_1\tilde{V}C_2$- или $C_1VC_2\tilde{V}$ | ya-$C_1C_2\tilde{V}$- ещё укладываются в парадигму, то производные глагольные основы и отглагольные именные основы уже не могут обойтись без третьего согласного. Ср., например, формы от наших первичных основ: *qawwal- / yu-qawwil-* (II st.) «говорить много, часто»; *qāwal- / yu-qāwil-* (III st.) «вести совместный разговор, беседовать с кем-л.»; также: *sāyar- /yu-sāyir-* (III st.) «идти, ехать вместе с кем-л.»; *sayyār-at-* (n.f.) «планета», «автомобиль».

Кроме того, в именном формообразовании КЛАЯ активно проявляется южносемитская изоглосса внутреннего способа образования форм множ. числа имён. Таким образом, трёхсогласная парадигма распространяется и на первичные именные основы, добавляя новые модели именного формообразования.

9. Несмотря на активное функционирование «трёхсогласной» парадигмы, лексический фонд КЛАЯ продолжает сохранять слой двухсогласных первичных основ, относящихся к именной и базовой лексике[9]. Каждая из двухсогласных основ в результате формообразования (как постоянного процесса в языке) должна «уложиться» в парадигму моделей как деноминативный глагол или же как производная отыменная форма.

Попытаемся проследить этот процесс на некоторых примерах из материала КЛАЯ.

[9] Сравнительный материал примеров из других семитских языков приведён в [Гранде, 1963, с. 19–24]. Реконструкции анатомической лексики [Semitic Etymological Dictionary, I, 2000, pp. 3–269]. Согласно «панисторическим» подсчётам корневого фонда арабского языка от 1996 г., трёхсогласные корни в нём составляют 7198 единиц, двухсогласные — 115 [Encyclopedia, IV, 2009, p. 94].

9.1. Араб. *luġ-at* (n.f.) «говор, наречие», позднее — «язык, имеющий свои признаки, отличные от других таких же; национальный язык» [Баранов, 1976, с. 724]. Ср. Sem **luγ(γ)* — «горло; гортань; глотка», Акк. *lu'-u*, *luḫḫ-u* [Semitic Etymological Dictionary, I, 2000, pp. 159–160, №176]. Ср. также в прачадской реконструкции **lVh* «язык» [Stolbova, 2005, №148].

А) Двухсогласная именная основа расширяется в АКК в результате геминации [C_2]. В КЛАЯ отмечается деноминативная глагольная основа *lġw*, расширенная за счёт глайда [*w*] — «говорить (с ошибками), говорить вздор, пустословить»; также — *lġy* с расширением за счёт глайда [*y*] — «говорить с ошибками» [Kazimirski, II, pp. 1006–1007].

Б) В КЛАЯ отмечается также с метатезой корень *lyġ* в основе отглагольного прилагательного модели 'A-$C_1C_2VC_3$: *'a-lyaġ-* (adj. m. sg.) «косноязычный» [Kazimirski, II, p. 1049].

В) Глагольный корень с редупликацией первичного двухсогласного *lġlġ* «говорить неправильно, с ошибками, как говорят неарабы» [Kazimirski, II, p. 1006].

В соответствии с парадигмой первые три деноминатива расширяют первичный двухсогласный корень до трёхсогласного за счёт глайдов [*w, y*]. Редуплицированная четырёхсогласная основа также удовлетворяет производным моделям парадигмы. При всех структурных изменениях корневой основы эта группа корней сохраняет исходное первичное значение «говорить», но «говорить не так, а иначе», «говорить» с оттенком «необычности».

В первых трёх примерах глайды «участвуют» в образовании новых корней, не изменяя первичного значения, которое «держится» на двухсогласной «ячейке». Таким образом, и в корнеобразовании глайды могут выполнять свою «техническую» функцию, оставаясь «нейтральными» по отношению к семантике.[10]

9.2. Двухсогласная именная основа в именной парадигме.

В отличие от жёсткой глагольной парадигмы, основанной на внутренней флексии, именная парадигма КЛАЯ более «терпима» к пережиткам двухсогласных корневых основ. Наряду с парадигмой моделей множ. числа арабская грамматическая система располагает и способом внешней, суффиксальной флексии. Суффиксы *-ū-na* (m.), *-āt-* (f.) могут присоединяться к основе любого состава корневых согласных. Ср., например, *'i-bn-* (sg) «сын» — *ban-ūna* (pl.) и *muta-farriġ-* (sg) «зритель» — *mutafarriġ- ūna* (pl.). Именная лексема *luġ-at-* отмечается в КЛАЯ в двух суффиксальных формах множ. числа: *luġ-āt-* (f.pl), *luġ-ūna*(m.pl) [Kazimirski, II, 1007; Bustānī, 1869][11]. Допустимые колебания в суффиксации отмечаются также и для других подобных основ двухсогласного происхождения. Ср., например: *san-at-* «год» — *sinūna* (pl.m.), *sana-w-āt-* (pl.f.) с «технической» вставкой глайда *-w-* во избежание стечения гласных; *kurat-* «шар» — *kir-ū-na* (pl.m.), *kur-āt* (pl.f.).

Примечание 1. Лексема *luġat-* не раз попадала в поле зрения семитологов и арабистов с различной интерпретацией. Карл Брокельман рассматривает её основу как трёхсогласную, утратившую третий согласный в результате диссимиляции с гласным основы *-u-*, т.е. *luġ-at-* < *luġw-at-* [Brockelmann, 1966, p. 251]. Таким же образом учёный интерпретирует глагольные формы типа *ṯib* (imperat.) < **wiṯib* «садись!» [Brockelmann, 1966, pp. 256–257]. Эти интерпретации связаны с тем, что К. Брокельман твёрдо придерживается гипотезы о первичности трёхсогласного корня в семитских языках [Brockelmann, 1966, pp. 285–287].

[10] Из стройной группы расширенных глагольных корней как будто «выпадает» *wlġ* (v.) [Bustānī, 24–25] «лакать воду (из сосуда, ведра)» (о собаке). В данном случае можно предположить звукоизобразительный характер первичного корня: невнятность хлюпающих звуков, производимых языком лакающего животного.

[11] Наряду с суффиксальными формами для основ *luġ-at-* отмечается и форма *luġ-a^n-* [BK, II, p. 1007], *kurat-*, что представляет «попытку» втиснуть основу в модель множ. числа *fuʿal-* (pl.) < *fuʿl-at-* (sg.f.).

Б. М. Гранде трактует именную основу *luġ-at-* как основу с «двухбуквенным» корнем, от которой отымённый глагол образуется уже с третьим слабым («неслоговым гласным») [Гранде, 1963, с. 19–24, 39–42].[12]

Примечание 2. К вопросу о семантике Arab *lġ+w*. Как свидетельствуют первые известные нам памятники арабского языка, первичные значения глагольного корня *lġw* [Qurʾān, 41–26, 78–35], равно как и *luġat* в исторических текстах [Белова, 2025, с. 135–136], были связаны не столько с речью, сколько со звучанием голоса, не всегда несущим смысл. Ср. *laġ-(an)* (n.) «звук, голос», *laġw-* «собачий вой» [Kazimirski, II, pp. 1006–1007]. Можно предположить, что древнее значение обусловлено тем, что оно было связано с названием анатомического органа «горло, гортань». Его название сохранилось в характеристике голоса (ср. в русском языке «горло» > «горланить»).

10. Анализ функциональной стратификации глайдов в синхронной грамматической системе КЛАЯ свидетельствует о «двойственном» характере этих фонологических единиц. Глайды строго однозначны и устойчивы в составе служебных морфем. Глайды относительно фонологичны в функции корневого согласного. Глайды могу составить лексическую оппозицию один другому в позиции -C_2-, ср. араб. *sawr-* (n. act.) «нападение, атака» — *sayr-* (n. act.) «ход, шествие»; в позиции C_1-, ср. *wdd* (v. I st.) «желать; любить» — *yadd-* (n.) < *yad-* «рука» [Bustānī, 2440]. Однако в позиции -C_3, как в случае *lġw/ lġy* «говорить, болтать», глайды нейтральны по отношению к лексическому значению корня **lġ*. «Двойственность» глайдов проявляется и в дихронии (или — в ареальном распределении?). Ср. Arab Eth ESA *wdd* (v.) «желать; любить» — Hbr Арам Ug *ydd* (v.) [Zammit, 2002, p. 429]; также: Arab *watar-* (n.) Gz *watr-* (b.) «жила; сухожилие»: Hbr *yatar* [Semitic Etymological Dictionary, I, 2000, pp. 260–261, №290]. Южносемитские языки, как древние, так и живые, характеризуются изоглоссой C_1=W.

В отличие от остального фонемного состава КЛАЯ «нейтральные» глайды могут выполнять «строительную» функцию (или — вторичную корнеобразовательную?), расширяя двухсогласный корень, лишь модифицируя его значение или же не изменяя его. Лексико-грамматическая система КЛАЯ сохраняет следы древних процессов и, возможно, повторяет некоторые из них. Таким же образом сохраняются следы первичных двухсогласных корней «дограмматической» эпохи.

11. Следует отметить, что «трёхсогласная» парадигма продолжает действовать и на современном этапе в арабских диалектах. Действие парадигмы распространяется на перфектные формы «удвоенных» глаголов структуры $C_1C_2C_2$. Ср. КЛАЯ *mrr* «проходить» (мимо ч-л.) — *marartu bi-bayti-ka* «я прошёл мимо твоего дома», Сир. Д. *marreyt bi-bētak*, где глагольная основа *mrr* | $C_1C_2C_2$ превращается в основу II st. от трёхсогласного *mry*. Аналогичный процесс отмечается и в египетском диалекте: *ḥabbēt* (<*ḥabbeyt*) «я полюбил» [Zaborsky, 1987, pp. 222–223]. Напротив, двухсогласная основа *yad-* «рука» превращается в основу с геминированным (удвоенным) C_2: Ег. Д. *yadd* | *ʾīd*; Сир. Д. *ʾīd*, pl. *ʾittēn*, *dayy-āt* [Zaborski, 1982, p. 400; Массарани, Сегаль, 1978, с. 62]. Тенденция к трёхсогласной парадигме продолжается.

12. В теме о функциональной стратификации фонетического состава КЛАЯ мы рассмотрели функции и особенности глайдов *w/y* в КЛАЯ. Близость глайдов (как «полугласных») к гласным фонемам обусловливает их относительную индифферентность к лексическому значению, равно как и их свободную сочетаемость со всеми остальными согласными фонемами. Благодаря этим свойствам глайды выполняют не только «технические» функции на синхронном уровне, но и функцию корнеобразующую в исторических процессах развития грамматической системы и парадигмы.

[12] Как единицы семантического поля «речевая деятельность» *luġat* (n.), *lġw* (v.) рассматриваются с точки зрения исторического развития семантики термина [Белова, 2025, с. 134–136].

Как говорилось выше, глайды могут быть и «первично» корневыми. Естественно, это осложняет разграничение «слабых» корней первичной и вторичной структуры в этимологических исследованиях. Однако падение глайда в «слабой» позиции может быть признаком его вторичности.

Трёхсогласная парадигма КЛАЯ, которая сложилась ещё в устной форме языка задолго до появления его письменной формы и её описания, наложила свой отпечаток на взгляды арабских филологов. Как в национальной арабской грамматике, так и в национальной лексикографии за основу слова и его формы принимается трёхсогласный корень.

Условные сокращения названия языков

КЛАЯ — классический арабский язык
Afras — афразийские (языки)
АКК — аккадский
Arab — арабский
Aram — арамейский
Eg — древнеегипетский
ESA — эпиграфические южноаравийские языки
Eth — эфиосемитские (языки)
Gz — геэз
Hbr — древнееврейский (библейский)
Mhr — мехри-язык
MSA — современные южноаравийские (языки)
Ph — финикийский
Sem — прасемитский язык
Ug — угаритский
Д — диалект (Сир. Д. — сирийский диалект, Ег. Д. — египетский диалект)

Условные обозначения
C (лат.) — консонант, согласный
V — гласный
$\bar{V}$ (лат.) — долгий гласный
st — (stem) — глагольная основа
< — происхождение, из
> — переход в, развитие в

Литература / References

Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. М.: Русский язык, 1976 [Baranov H. K. *Arabic-English dictionary.* Moscow: Russkiy yazyk, 1976 (in Russian)].

Белова А. Г. Грамматическая модель и фонетическая система классического арабского языка. *Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки*. М.: ИВ РАН, 2021. С. 151–161 [Belova A. G. Grammatical Pattern and Phonetic System of Classical Arabic. *Studies in General and Oriental Linguistics. Languages of Asia and Africa.* Moscow: IV RAN, 2021. Pp. 151–161 (in Russian)].

Газов-Гинзберг А. И. *Был ли язык изобразителен в своих истоках?* М.: ИНА АН СССР, Наука, ГРВЛ, 1965 [Gazov-Ginzberg A. J. *Was the Language onomatopoetic in its origin?* Moscow: Nauka, GRVL, 1965 (in Russian)].

Гранде Б. М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. М.: ИНА АН СССР, изд. Восточной литературы, 1963 [Grande B. M. *Historical Comparative Grammar of Arabic.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963 (in Russian)].

Медников Н. А. *Парадигмы глагольных форм арабского классического языка*. СПб.: Изд. факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета, 1904 [Mednikov N. V. Verbal paradigms of Classical Arabic. St Petersburg: Ed. Faculty of Oriental languages of the Imperial St. Petersburg University, 1904 (in Russian)].

Массарани М., Сегаль В. С. *Арабско-русский словарь сирийского диалекта*. М.: Русский язык, 1978 [Massarani M., Segal V. S. *Arabic-Russian Dictionary. Syrian dialect*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1978 (in Russian)].

Мишкуров Э. Н. *Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка*. М.: Флинта, 2019 [Mishkurov E. N. *Typology of the dialectal and literary structure of Modern Arabic*. M.: Flinta, 2019 (in Russian)].

Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. Вып. I. *Языки мира*. М.: ИЯ РАН, ACADEMIA, 2009 [The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic. Issue I. *Languages of the World*. Moscow: IYA RAN, ACADEMIA. 2009 (in Russian)].

Столбова О. В. *Лексическая база данных по чадским языкам*. Вып. VII. *Дентальные*. М.: ИВ РАН, 2025 [Stolbova O. V. *Chadic Lexical Database*. Issue VII. *Dentals*. Moscow: IVRAN, 2025 (in Russian)].

Теоретический курс арабского языка. М.: Военный университет МО РФ, 2005 [*Theoretical Arabic language course*. Moscow: Military University of MO RF, 2005 (in Russian)].

Юшманов Н. В. *Грамматика литературного арабского языка*. М.: Наука, ГРВЛ, 1985 [Yushmanov N. V. *The Grammar of Literary Arabic*. Moscow: NAUKA, 1985 (in Russian)].

Юшманов Н. В. *Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии*. М.: Восточная литература РАН, 1998 [Yushmanov N. V. *Works on general phonetics, semitology and Arabic classical morphology*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1998 (in Russian)].

Brockelmann Carl. *Grundriss der Vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*. Bd. I, II. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1966.

Gardiner Alan. *Egyptian Grammar*. 3-ed. revised. Oxford: Griffith Institute Ashmolean museum, 1988.

Diakonoff I. M. *Afrasian Languages*. Moscow: NAUKA, Central Department of Oriental Literature, 1988.

Diakonoff I. M. (Head of Team), Belova A. G., Chetverukhin A. S., Militarev A. Yu., Porkhomovsky V. Yu, Stolbova O. V. Historical comparative vocabulary of Afrasian. *St. Petersburg Journal of African Studies*. 1994. № 2; № 3; 1995. № 4; 1997. № 6.

Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Gen. Ed. Kees Versteegh. Vol. I–V. Leiden — Boston: Brill, 2006–2009.

Kazimirski A. de Biberstein. *Dictionnaire Arabe-français*. T. I–II. Paris: éd. Maisonneuve et Cie., 1860.

Militarev A., Kogan L. and all. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I. Münster: Ugarit Verlag, 2000.

Stolbova O. *Chadic Lexical Database. Issue I. L, N, NY, R*. Kaluga: Poligrafiya, 2005.

Stolbova O. *Chadic parallels to Semitic Roots prime, medial, tertiary WAW* (on the origin of Chadic labialized Velars and Postvelars). Roma: Quaderni di vicino oriente XII-2017, 2017. Pp. 233–239.

Takács, Gabor. *Etymological Dictionary of Egyptian*. Leiden — Boston — Köln: Brill, 1999.

The Semitic Languages. Ed. by Robert Hetzron. New York: Routledge, 1997.

Zaborski Andrzej. *Biconsonantal Verbal Roots in Semitic. Zeszyty Naukove Univ. Jagiellonskiego*. 269. Prace Jezykoznawcze. Krakóv, 1971. Z. 35. Pp. 51–98.

Zaborski Andrzej. *Dialekt egipski języka arabskiego*. Univ. Jagiellonski, scr. ucz. № 422. Krakóv: ed. Univ. Jagiellonski, № 422, 1982.

Zammit Martin. *A Comparative lexical Study of Qur'ānic Arabic*. Leiden — Boston — Köln: ed. Brill, 2002.

Al-Qur'ānu l-karīmu. Dimašqu: al-maktabatu l-'arabiyya, 1963 [The Quran. Damascus: al-maktabatu l-'arabiyya, 1963 (in Arabic)].

Bustānī, Buṭros. *Quṭru l-Muḥīṭ* [Bustani Butros. *A Concise Arabic Dictionary*. Beirut: Librairie du Liban (ed. reprint), 1869 (in Arabic)].

Riḍā,'Alī. *Al-murği'u fī l-luġati l-'arabiyya*. Al-Qāhira: I–II. Dāru l-fikr, 1970 [Reza Ali. The Reference Source in the Arabic Language. Cairo: Darul-fikr, 1970 (in Arabic)].

Sibawayhi, Abū Bišr 'Amr b, 'uṯmān. *Kitāb Sibawayhi Abu Bishr 'Amr*. Al-Qāhira: Bulāq, 1316 a. h. (reimpress.) [Subawaihi Abu Bisr Amr bin Usman. *The Book of Sibawaihi*. Cairo Bulaq, reprint 1899 (in Arabic)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-287-303

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТАНСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ТРИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ДУ ФУ «В ЦЗЯННАНИ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С ЛИ ГУЙНЯНЕМ»*

© 2026

Чжан Тинтин, Д. Г. Зубко [1]

Статья посвящена проблеме передачи культурно маркированных элементов при переводе танской поэзии на русский язык. Актуальность исследования обусловлена высокой семантической и культурной насыщенностью поэтических текстов, в которых антропонимы и топонимы выполняют важную смыслообразующую функцию. Цель работы — разработка модели адекватной передачи культурно специфических единиц. Материалом исследования послужило стихотворение известного танского поэта Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» и три его русскоязычных перевода. В работе применяются сравнительный, лингвокультурологический и дискурсивный методы анализа. Установлено, что существующие переводы характеризуются редукцией культурного содержания: имена собственные утрачивают символическое значение, а топоним «Цзяннань» подвергается семантическому упрощению. Показано, что стратегии форенизации и доместикации в изолированном виде не обеспечивают адекватного перевода. Новизна работы видится в том, что в ней предлагается интегративная модель перевода, которая не просто комбинирует стратегии форенизации и доместикации, но и вводит в ткань перевода компенсаторные приемы — комментарий и экспликацию. Такой подход до сих пор системно не применялся для передачи культурно маркированных единиц танской поэзии. Практическая значимость подтверждается авторским переводом, демонстрирующим эффективность предложенного подхода.

Ключевые слова: Ду Фу, «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем», танская поэзия, культурная интерпретация

Для цитирования: Чжан Тинтин, Зубко Д. Г. К вопросу о культурной интерпретации при переводе танской поэзии на русский язык: три перевода стихотворения Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 287–303. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-287-303

* Данная статья является промежуточным результатом университетского научно-исследовательского проекта Второго Пекинского университета иностранных языков на 2026 год «Цифровая интеллектуальная реконструкция методологии компаративной поэтики Алексеева» (номер проекта: KYZX26A006).
本文系北京第二外国语学院科研项目“阿列克谢耶夫比较诗学方法论数智重构研究”（项目编号：KYZX26A006）阶段性研究成果。

[1] Чжан Тинтин, кандидат филологических наук, старший преподаватель Второго Пекинского университета иностранных языков; zhangtingting@bisu.edu.cn
Zhang Tingting, PhD (Philology), Researcher, Beijing International Studies University: zhangtingting@bisu.edu.cn
Зубко Дарья Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Второго Пекинского университета иностранных языков; dasha.zubko.2018@mail.ru
Darya G. Zybko, PhD (Hist.), Researcher, Beijing International Studies University; dasha.zubko.2018@mail.ru

TOWARDS A CULTURAL INTERPRETATION IN THE TRANSLATION OF THE TANG POETRY INTO RUSSIAN: THREE TRANSLATIONS OF DU FU′ S POEM ‘COMING ACROSS LI GUINIAN IN JIANGNAN’

Zhang Tingting, Darya G. Zubko

This article addresses the problem of rendering culturally marked elements in the translation of Tang poetry into Russian. The relevance of the study is determined by the high semantic and cultural richness of poetic texts, in which anthroponyms and toponyms perform an important meaning-forming function.The aim of the study is to develop a model for the adequate translation of culture-specific units. The material of the research is Du Fu’s poem ‘Coming across Li Guinian in Jiangnan’ and three of its Russian translations. The methodology includes comparative, linguocultural, and discourse analysis. The study demonstrates that existing translations are characterized by a reduction of cultural content: proper names lose their symbolic significance, while the toponym ‘Jiangnan’ undergoes semantic simplification. It is shown that the strategies of foreignization and domestication, when applied in isolation, do not ensure an adequate translation. The novelty of the study lies in its proposal of an integrative translation model that not only combines the strategies of foreignization and domestication but also introduces compensatory devices — namely, commentary and explication — into the fabric of translation. To date, such an approach has not been systematically applied to the rendering of culturally marked units in Tang poetry. The practical significance is confirmed by the author’s translation, which demonstrates the effectiveness of the proposed approach.

Keywords: Du Fu, ‘Coming across Li Guinian in Jiangnan’, Tang poetry, cultural interpretation

For citation: Zhang Tingting, Zubko D. G. Towards a Cultural Interpretation of the Tang Poetry Into Russian: Three Translations of the Du Fu’s Poem ‘Coming Across Li Guinian in Jiangnan’. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 287–303. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-287-303

Введение

Перевод классической китайской поэзии на европейские языки по праву считается одной из наиболее сложных задач гуманитарного знания. Это связано не только с различиями языковых систем, но и с необходимостью учитывать культурные и исторические особенности, лежащие в основе поэтического текста. Особенно это относится к поэзии эпохи Тан (VII–X вв.), для которой характерны лаконичность формы, высокая смысловая плотность и насыщенность культурными аллюзиями. Значительная часть смысла в подобных произведениях выражена не прямо, а опосредованно — через имена собственные, географические названия и отсылки к культурной традиции. В результате переводчик оказывается в ситуации, когда одних языковых навыков недостаточно: требуется также понимание исторического контекста и символики, связанной с конкретными образами. Поэтому перевод танской поэзии вряд ли можно свести к простой межъязыковой передаче. Скорее, речь идёт о процессе интерпретации, в ходе которого переводчик реконструирует смысловое пространство оригинала. Если культурный контекст при этом игнорируется или передаётся неполно, текст неизбежно упрощается: теряются ассоциативные связи, ослабляется символический слой произведения. Наиболее отчётливо эта проблема проявляется при переводе культурно значимых элементов — прежде всего имён исторических персонажей и топонимов. Такие единицы выполняют не только номинативную функцию, но и несут дополнительную смысловую нагрузку, связанную с историей и культурой эпохи.

Среди поэтов периода Тан особое значение имеет Ду Фу, творчество которого в сочетании с поэзией Ли Бо образует феномен, обозначаемый термином «Ли Ду» (李杜). В китайской литературной критике Ду Фу традиционно рассматривается как «поэт-мудрец» (ши шэн,诗圣), а его произведения нередко именуются «поэтической летописью» (ши ши,诗史), что свидетельствует как об их художественной ценности, так и историко-культурной значимости. Его обширное творчество, включающее более 1500 произведений, не только отражает социальные, философские и эстетические аспекты эпохи Тан, но и оказывает значительное воздействие на мировую литературу, включая и русскую. Профессор Нанкинского университета, исследователь творчества Ду Фу Мо Лифэн (莫砺锋) считает: «То, что Ду Фу — величайший поэт в истории китайской литературы, уже стало общепризнанным фактом» [Мо, 2000, с. 11]. Мо Лифэн и его учитель, господин Чэн Цяньфань (程千帆) в совместной статье полагали: «Место Ду Фу в истории классической китайской поэзии столь же несравненно, как место Конфуция в истории китайской мысли» [Чэн, Мо, 2020, с. 1].

История русскоязычного освоения поэзии Ду Фу восходит к концу XIX.в., когда в антологии «Китай и Япония в их поэзии» были впервые опубликованы переводы трёх стихотворений из цикла «Цянская деревня» [Михайлов, Миллер, 1896, с. 20–23]. В первой половине XX в. важным этапом стало появление переводов российскими учёными В. Егорьевым и В. Марковым через немецкий язык сборника Ханса Бетге «Свирель Китая» [Егорьев, Марков, 1914], включавшего несколько текстов Ду Фу. Следует отметить, что в конце XIX в. русские переводы произведений Ду Фу осуществлялись в основном с немецкого языка и в них содержались многочисленные ошибки и неточности. Важный вклад в становление отечественной традиции исследования и перевода китайской поэзии внесли академик В. М. Алексеев [Алексеев, 2002–2003] [Постоянство пути, 2003] и его ученик Ю. К. Щуцкий [Дальнее эхо, 2000], которые заложили прочный фундамент для дальнейшей интерпретации стихов Ду Фу в России. Во второй половине XX в. интерес к поэзии Ду Фу приобрёл систематический характер: труды и переводы А. И. Гитовича [Стихотворения, 1962], Э. В. Балашова, Л. Е. Бежина [Бежин, 1987] заложили основы комплексного подхода к интерпретации его творчества. Наряду с этим в Китае и России сформировалась устойчивая исследовательская школа, представленная как профессиональными переводчиками, так и литературоведами (Лю Шумэй, Чжао Сяобинь (刘淑梅，赵晓彬) [Лю, Чжао, 2006, с. 48–51], Мао Чживэнь (毛志文) [Мао, 2022, с. 57–65][Mao, 2017, с. 63–67], Чжан Шуцзюань (张淑娟) [Чжан, 2014, с. 145–154], Гу Цзюньлин и Чжан Цянь (顾俊玲，张倩) [Гу, Чжан, 2023, с. 515–529] в Китае; Е. А. Серебряков [Серебряков, 1958], Н. И. Конрад [Конрад, 1977], Л. З. Эйдлин [Эйдлин, 1987], Р. В. Грищенков [Грищенков, 2000] и др. в России). Современные исследования в данной области акцентируют внимание на необходимости сочетания лингвистического анализа с лингвокультурологическим подходом, что позволяет сохранить многомерность и символическую насыщенность оригинала, а также выявить эстетические стратегии переводчиков, напрямую влияющие на художественный результат перевода.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых переводу китайской поэзии, вопрос о способах передачи подобных элементов остаётся открытым. В переводческой практике наблюдается разнонаправленность решений: одни переводчики стремятся сохранить оригинальную форму, другие — адаптируют текст для читателя, третьи — частично опускают культурные детали. В результате возникает неоднородность переводов, что затрудняет их сопоставление и интерпретацию.

В этом отношении показательно стихотворение Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» (江南逢李龟年). В нём сочетаются конкретные исторические реалии и обобщённые поэтические образы, а ключевую роль играют антропонимы и топоним «Цзяннань», обладающий

сложной семантикой. Сравнение его русских переводов позволяет выявить типичные трудности, возникающие при передаче культурного содержания.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы разработать модель адекватной передачи культурно маркированных элементов танской поэзии на русский язык. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить культурно значимые элементы в оригинальном тексте стихотворения; проанализировать способы их передачи в русскоязычных переводах; определить основные переводческие стратегии и оценить их эффективность; предложить оптимальный подход к переводу, обеспечивающий сохранение культурно-исторического содержания оригинала.

Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что перевод здесь трактуется не как сугубо языковая процедура, а как целенаправленное восстановление культурного смысла, что для танской поэзии ранее не становилось предметом отдельного исследования на материале сопоставления нескольких русских переводов. Практическая значимость работы определяется возможностью применения предложенного подхода при переводе других текстов, обладающих сходными характеристиками.

Теоретические основы исследования. В современной переводческой науке всё чаще утверждается взгляд на перевод как на форму межкультурной коммуникации, а не просто как на замену единиц одного языка единицами другого. Согласно этому подходу, содержание исходного текста при переносе в иную культурную среду неизбежно претерпевает изменения, поскольку каждая культура вырабатывает собственную иерархию смыслов, ассоциативных связей и интерпретационных схем [Bassnett, Lefevere, 1998]. Особенно наглядно это проявляется при работе с текстами, насыщенными культурно-специфическими элементами. Под культурно значимыми единицами мы понимаем языковые фрагменты, жёстко привязанные к историко-культурному контексту оригинала и не имеющие прямых функциональных аналогов в принимающей культуре. В поэтическом тексте такую нагрузку прежде всего несут имена собственные и топонимы, которые нередко обретают символический смысл, выходящий за рамки номинативной функции.

Теоретическим фундаментом нашего исследования стали представления об эквивалентности перевода, развитые Ю. Найдой [Nida, 1964] и В. Н. Комиссаровым [Комиссаров, 1990]. Разграничение формальной и динамической эквивалентности даёт возможность описать две разнонаправленные стратегии: в первом случае переводчик ориентируется на сохранение структурных особенностей подлинника, во втором — на достижение сходного коммуникативного эффекта у реципиента перевода. Применительно к танской поэзии этот выбор становится особенно острым. Следование формальной эквивалентности позволяет добиться внешнего сходства, однако не гарантирует адекватного понимания текста читателем, не знакомым с китайским культурным контекстом. Напротив, ориентация на динамическую эквивалентность облегчает восприятие, но часто ценой редукции или нивелирования культурно-специфических смыслов.

Столь же значимым для нашего анализа является противопоставление форенизации и доместикации, предложенное Л. Венути. Первая стратегия направлена на сохранение и акцентирование иноязычного и инокультурного облика исходного текста, вторая — на его адаптацию к нормам и ожиданиям принимающей аудитории [Venuti, 1995, pp. 19–20]. Однако, как показывает практика перевода китайской классической поэзии, последовательное проведение какой-либо одной из этих двух линий редко приводит к удовлетворительному результату. Чрезмерная доместикация ведёт к смысловому упрощению и стиранию историко-культурных коннотаций, тогда как «чистая» форенизация без пояснительного аппарата оставляет читателя перед непрозрачными реалиями. Этот вывод перекликается с наблюдениями ряда современных исследователей, отмечающих ограниченность бинарной оппозиции «форенизация — доместикация» применительно к переводу

высокомаркированных культурных текстов [Рум, 2023]. Отсюда закономерно вытекает значимость компенсаторных приёмов. Под компенсацией мы, вслед за В. Н. Комиссаровым [Комиссаров, 1990, с. 185–186], понимаем способы восполнения смысловых потерь, неизбежных при передаче культурно-специфических элементов. Такие механизмы могут включать комментарии, сноски, контекстуальную экспликацию — любые дополнительные средства, которые вводят недостающую культурную информацию без разрушения поэтической ткани перевода. В русской синологии близкий подход обосновывался ещё В. М. Алексеевым, настаивавшим на сочетании «научной» точности с художественной полнотой перевода. В современной китайской теории перевода сходные идеи развиваются в рамках концепции «креативной измены»[2] Се Тяньчжэня [Се, 2021, с. 73], где комментарий рассматривается не как внешнее добавление, а как органическая часть переводческого акта, позволяющая оправдать и компенсировать неизбежные трансформации исходного смысла.

Наконец, необходимо учитывать, что поэтическое произведение не тождественно биографическим обстоятельствам его автора. Различие между биографическим автором и лирическим субъектом, давно утвердившееся в литературоведении, даёт возможность рассматривать текст как относительно самостоятельную художественную систему. Поэтому обращение к историческим реалиям — таким как личность Ли Гуйняня или топоним «Цзяннань» — оправдано не само по себе, а лишь в той мере, в какой оно проясняет внутреннюю структуру смыслов стихотворения.

Таким образом, в настоящей работе перевод понимается как сложный процесс, включающий одновременно и собственно языковую передачу, и культурную интерпретацию, и — при необходимости — компенсирующее комментирование. Интеграция теории эквивалентности (Найда, Комиссаров), концепции форенизации, доместикации (Венути) и принципа компенсаторности создаёт методологическую рамку, позволяющую более полно описать специфику перевода танской поэзии и предложить более гибкий, чем предлагавшиеся ранее, подход к работе с культурно значимыми элементами.

Методология исследования. Настоящее исследование носит качественный характер и основано на сравнительном анализе переводов поэтического текста с учётом его языковых и культурных особенностей. В качестве эмпирического материала выступает стихотворение Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» (江南逢李龟年) и три его перевода на русский язык, выполненные разными переводчиками в разные периоды.

Выбор данного произведения обусловлен высокой степенью его культурной насыщенности текста: текст содержит ряд элементов, требующих интерпретации, включая имена исторических персонажей (Ли Гуйнянь, князь Ци, Цуй Цзю) и топоним «Цзяннань». Это позволяет рассматривать стихотворение как показательный пример для анализа переводческих стратегий при передаче культурно-специфических единиц.

Методологическая база исследования включает следующие методы:

1. Сравнительный анализ переводов. Основным методом является сопоставительный анализ трёх русскоязычных переводов с оригинальным текстом. Анализ проводится по ряду параметров, позволяющих выявить особенности переводческих решений: способы передачи имён собственных (транскрипция, перевод, опущение, замена); стратегии перевода топонима «Цзяннань»; степень сохранения культурно-исторического контекста; соотношение семантической точности и поэтической формы. Данный метод позволяет выявить как общие тенденции в переводческой практике, так и индивидуальные особенности каждого перевода.

[2] Понятие «творческая измена» (creative treason) автор заимствовал у французского социолога Робера Эскарпи (Robert Escarpit), который в своей книге пишет, что «перевод всегда является творческой изменой». 参见埃斯卡皮：《文学社会学》，王美华、于沛译，安徽文艺出版社，1987年，第137页。[Эскарпи, 1987, с. 137[.

2. Лингвокультурологический анализ. Лингвокультурологический подход используется для интерпретации культурно маркированных элементов текста. Он позволяет рассматривать имена собственные и топонимы не только как номинативные единицы, но и как носители культурной информации, включающей исторические, социальные и символические значения. В рамках данного анализа особое внимание уделяется выявлению смысловых значений, которые могут быть утрачены или трансформированы в процессе перевода.

3. Элементы дискурс-анализа. Для более глубокого понимания функционирования культурных элементов в тексте привлекаются элементы дискурс-анализа. Это позволяет рассматривать стихотворение как часть более широкого культурного и исторического дискурса, в котором отдельные образы и реалии приобретают дополнительное значение. В частности, анализируется оппозиция «центр — периферия», реализуемая через противопоставление столичного пространства (Чанъань) и региона «Цзяннань», а также её роль в формировании общего смысла произведения.

4. Метод интерпретации переводческих стратегий. На основе выявленных переводческих решений проводится их классификация с точки зрения используемых стратегий — форенизации, доместикации и компенсации. Это позволяет не только описать переводческие практики, но и оценить их эффективность в контексте поставленных задач.

Критерии оценки переводов. Для обеспечения системности анализа вводятся следующие критерии оценки:

Семантическая точность — степень соответствия перевода содержанию оригинала;

Культурная адекватность — сохранение культурно-исторических значений;

Поэтическая целостность — воспроизведение ритмико-стилистических особенностей текста;

Интерпретационная полнота — способность перевода передать имплицитные смыслы оригинала.

Эти критерии позволяют избежать субъективности и обеспечить более последовательное рассмотрение материала

Основная часть

- **1. Выявление культурно значимых элементов в оригинальном тексте**

Анализ оригинального текста стихотворения Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйянем» (江南逢李龟年) показывает, что его смысловая организация во многом определяется элементами, связанными с культурным контекстом. Эти элементы представлены прежде всего антропонимами и топонимами, которые в контексте танской поэзии выполняют не только номинативную, но и культурно-символическую функцию.

Интерес к этому стихотворению сохраняется на протяжении длительного времени: к нему неоднократно обращались как китайские, так и российские исследователи и переводчики. В результате существует несколько русских переводов, отличающихся по подходу и степени передачи культурного содержания. В рамках настоящего исследования рассматриваются три перевода стихотворения: первый, выполненный российским китаистом Л. Е. Бежиным [Ли Бо и Ду Фу, 1987, с. 200]; второй, созданный в результате сотрудничества китайских и зарубежных переводчиков (Яо Пэйшэн и др.) [画说唐诗, 2023, с. 21]; и третий, принадлежащий китайскому учёному и переводчику Ли Цзо [唐诗百首：汉俄对照, 2015, с. 99] (Таблица 1).

Оригинальный текст стихотворения:

江南逢李龟年
杜甫

岐王宅里寻常见，
崔九堂前几度闻。
正是江南好风景，
落花时节又逢君。

Таблица 1. Перевод стихотворения 《江南逢李龟年》

Перевод 1	Перевод 2	Перевод 3
В ЦЗЯННАНИ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С ЛИ ГУЙНЯНЕМ	**Встреча с музыкантом Ли Гуй-нянем на юге**	**ВСТРЕЧА В ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ С МУЗЫКАНТОМ ЛИ ГУЙ-НЯНЕМ**
В знакомом мне доме я пение ваше слыхал, У старого друга я с вами встречался не раз. Здесь, к югу от Цзяна, прекрасные есть уголки. Цветы опадают,— я снова приветствую вас.	Ду Фу Во дворце у Цзи-вана встречались, друг мой, В доме Цуя твой голос звучал золотой. А сегодня на юге, как встарь, я и ты, Встретим время, когда опадают цветы.	Ду Фу В императорском дворце Мы часто встречаемся. В доме чиновника Цуй Много раз слышал тебя. А сейчас в южной провинции Природа так прекрасна. Среди опавших цветов Встречаю опять я тебя.

В оригинальном тексте стихотворения представлены три ключевых антропонима: Ли Гуйнянь (李龟年), князь Ци (岐王) и Цуй Цзю (崔九). Каждый из них обладает сложной семантической структурой и функционирует на нескольких уровнях значения.

- Ли Гуйнянь (李龟年)

Ли Гуйнянь выступает как конкретное историческое лицо — известный музыкант эпохи Тан, пользовавшийся покровительством императорского двора. Однако в стихотворении его роль не исчерпывается этим фактом. За упоминанием этой фигуры актуализируется широкий культурно-исторический контекст, связанный с периодом расцвета искусства при дворе императора Сюаньцзуна (唐玄宗). В этом смысле Ли Гуйнянь может восприниматься как своеобразный символ ушедшей эпохи, называемой «Золотой век Кайюань» (开元盛世).

На символическом уровне особенно важно, что встреча с ним происходит в финале стихотворения. Она воспринимается не только как личное событие, но и как столкновение настоящего с прошлым. Через этот образ в текст вводится тема утраты — утраты не только времени, но и культурной среды, к которой принадлежали оба героя.

Таким образом, антропоним «Ли Гуйнянь» выступает как семиотически нагруженная единица, объединяющая в себе личностный, исторический и символический планы.

- Князь Ци (岐王)

Сходным образом функционирует и образ князя Ци. Формально речь идёт о представителе императорской семьи, однако в поэтическом контексте «дом князя Ци» приобретает более обобщённое значение. Он ассоциируется с пространством столичной жизни Чанъаня, где сосредоточены

культурные и художественные практики. Иначе говоря, это не просто место, а знак определённого типа среды — аристократической, утончённой, связанной с прошлым расцветом.

В структуре текста он участвует в формировании временной оппозиции «прошлое — настоящее»: воспоминания о пребывании в доме князя Ци противопоставлены текущей ситуации встречи в Цзяннани.

- Цуй Цзю (崔九)

Цуй Цзю также представляет собой историческую фигуру, связанную с культурной элитой династии Тан. Упоминание «залов Цуй Цзю» дополняет образ столичной среды и усиливает ассоциации с культурным расцветом.

На семиотическом уровне данный антропоним выполняет функцию усиления культурного контекста: он не только конкретизирует пространство действия, но и расширяет его значение, включая в него представление о системе покровительства искусствам.

Если рассматривать образы князя Ци и Цуй Цзю вместе, становится заметно, что они создают единое смысловое поле. Через них в стихотворение вводится представление о прошлом как о времени культурного расцвета, которое теперь утрачено.

- Цзяннань (江南)

Топоним *«Цзяннань»* (江南) является центральным элементом пространственной структуры стихотворения и обладает многослойной семантикой. На географическом уровне он обозначает южные территории Китая, однако его значение варьируется в зависимости от исторического контекста. В эпоху Тан этот термин мог охватывать обширные регионы, включая территорию Таньчжоу (современная провинция Хунань), где, по данным исследователей, и произошла встреча Ду Фу с Ли Гуйнянем [Сяо Дифэй, 1983, с. 191][3].

На культурном уровне «Цзяннань» ассоциируется с двойственной семантикой. С одной стороны, он воспринимается как регион природной красоты и экономического процветания («край рыбы и риса»), с другой — в определённых литературных контекстах мог восприниматься как пространство удалённости от политического центра, а в ряде случаев — место изгнания.

На символическом уровне данный топоним функционирует как элемент оппозиции «центр — периферия». Он противопоставляется имплицитно присутствующему в тексте Чанъаню, который репрезентирован через образы князя Ци и Цуй Цзю. В результате формируется смысловая структура, основанная на контрасте между прошлым (столица, культурный расцвет) и настоящим (периферия, утрата прежнего статуса).

Кроме явно обозначенных элементов, в стихотворении присутствуют и скрытые смыслы, которые связаны с исторической ситуацией времени его создания. Так, встреча Ду Фу с Ли Гуйнянем может пониматься на фоне событий восстания Ань Лушаня (755–763), которое серьёзно нарушило прежний социальный и культурный порядок. Хотя сам этот исторический контекст в тексте не упоминается напрямую, его присутствие ощущается через общий эмоциональный настрой произведения и через то, какие образы использует поэт. Кроме того, упоминание «Цзяннаня» может интерпретироваться в связи с традицией «литературы опалы и ссылки»[4], которая объединяет про-

[3] Весной 770 года (大历五年) Ду Фу в Таньчжоу (современный Чанша) вновь встретил Ли Гуйняня, который скитался на юге реки Янцзы. С момента их последней встречи прошло более сорока лет. Переполненный чувствами, поэт написал это стихотворение.

[4] Понятие «литература опалы и ссылки» (贬谪文学) было введено китайским исследователем Шан Юнляном в начале 1990-х гг. Учёный рассматривает опалу и ссылку как специфический культурный феномен китайской истории, а литературу, созданную в условиях политического изгнания и понижения в должности, — как особое направление словесности, отражающее социально-политические реалии эпохи и мировоззрение образованных слоёв общества. (参见尚永亮.贬谪文化与贬谪文学.兰州：兰州大学出版社, 2004年.第1页. Шан Юнлян. Культура опалы и литература опалы. Ланьчжоу: Издательство Ланьчжоуского университета, 2004. С. 1.)

изведения авторов, переживших политическую опалу, понижение в должности или вынужденное удаление от столичного центра. В китайской литературе подобный опыт сформировал устойчивый комплекс мотивов, включающий переживание утраты, чувство отчуждения, ностальгию по прежнему положению и размышления о справедливости исторической судьбы. В связи с этим фигуры Цюй Юаня и Цзя И приобрели статус культурных архетипов изгнанника и несправедливо отвергнутого государственного деятеля [Шан Юнлян, 2000, с. 3][5]. Их упоминание в культурной памяти эпохи Тан актуализировало широкий круг ассоциаций, связанных с темой ссылки и духовного испытания. Эти ассоциации формируют дополнительный смысловой слой, связанный с темой утраты и отчуждения.

Проведённый анализ позволяет установить, что культурно обусловленные единицы оригинального текста представлены системой взаимосвязанных антропонимов и топонимов, образующих сложную семантическую структуру. Их функция не ограничивается обозначением конкретных лиц и мест, а заключается в формировании историко-культурного контекста и символического содержания произведения. Выявленные особенности подтверждают, что данные элементы являются ключевыми для интерпретации текста и, следовательно, требуют особого внимания при переводе.

- **2. Анализ способов передачи культурно значимых элементов в русскоязычных переводах**

Сравнение трёх русскоязычных переводов стихотворения Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» показывает, какие приёмы используются для передачи культурно значимых элементов, выделенных ранее. В разных переводах заметны отличия в трактовке антропонимов и топонимов, в целом они довольно близки по общей стратегии. При этом во всех вариантах в той или иной степени наблюдается упрощение культурных смыслов, заложенных в оригинальном тексте.

Как показано выше, антропонимы в оригинальном тексте выполняют несколько функций одновременно: они обозначают конкретных лиц, указывают на исторический контекст и участвуют в формировании символического смысла. Однако в переводах эта многослойность, как правило, сохраняется лишь частично.

В переводе Л. Е. Бежина антропонимы подвергаются существенной трансформации: вместо конкретных имён используются обобщённые обозначения («старый друг», «знакомый дом»), что приводит к полной утрате исторической конкретики. Такая стратегия облегчает восприятие текста и фактически устраняет культурно-исторический контекст, в котором функционируют образы.

Во втором переводе (Яо Пэйшэн и др.) имена собственные частично сохраняются, но их передача носит формальный характер: отсутствуют пояснения, позволяющие интерпретировать их значение. В результате антропонимы сохраняются на уровне формы, но теряют свою семантическую нагрузку.

Третий перевод Ли Цзо частично сохраняет культурно маркированные элементы, однако отдельные антропонимы заменяются обобщёнными обозначениями. Также перевод не сопровождается компенсаторными средствами (комментариями или контекстуализацией), что ограничивает их понимание.

Таким образом, во всех трёх случаях наблюдается либо доместикация через обобщение, либо формальная форенизация без смыслового наполнения. Это подтверждает, что ни одна из стратегий в «чистом виде» не обеспечивает адекватной передачи культурно маркированных антропонимов.

[5] Китайский учёный Шан Юнлян пишет, что в древнем Китае вынужденные ссылки (понижения в должности) в целом делятся на четыре типа. Один из них — когда человек, обладающий большими амбициями и высокими талантами, подвергается опале из-за клеветы низких людей. Представителями этого типа могут служить Цюй Юань и Цзя И. См. Шан Юнлян. От приверженности к преодолению: очерк о ссылке и литературе ссылки. Литература ссылки: сборник статей / под ред. Цзян Чандуна и др. Пекин: Изд-во Китайской федерации литературы и искусства, 2000. С. 3.

Анализ способов передачи топонима «Цзяннань» показывает наличие трёх основных стратегий: транскрипция («Цзяннань»); обобщённый перевод («юг», «южные провинции»); контекстуальная адаптация (описательные конструкции). В первом случае сохраняется форма оригинала, однако без дополнительных пояснений данный топоним остаётся семантически непрозрачным для русскоязычного читателя. Это соответствует стратегии форенизации, но без компенсаторного компонента. Во втором случае наблюдается доместикация: сложный культурный знак редуцируется до географического указания («юг»), что приводит к утрате исторических и символических значений. В частности, исчезает связь с оппозицией «центр — периферия», выявленной в оригинальном тексте.

Контекстуальная адаптация позволяет частично передать смысл, однако, как правило, сопровождается утратой лаконичности и поэтической структуры. В результате ни один из рассмотренных приемов не обеспечивает полного сохранения семантики топонима, что указывает на необходимость их комбинирования при переводе.

Сравнительный анализ показывает, что переводчики постоянно вынуждены искать баланс между сохранением поэтической формы и передачей культурного содержания. В ряде случаев предпочтение отдаётся ритмико-рифмической организации текста, из-за чего смысловая структура становится более упрощённой.

Так, во втором и третьем переводах наблюдается стремление к рифме и метрической упорядоченности, что соответствует традиции художественного перевода. Такая формальная организованность достигается ценой сокращения или переработки отдельных культурно значимых элементов.

В первом переводе, напротив, форма уступает содержанию, однако и в этом случае культурная специфика не воспроизводится в полном объёме.

Данный результат подтверждает, что поэтическая форма и культурное содержание находятся в состоянии напряжённого взаимодействия, и их одновременное сохранение требует применения дополнительных переводческих средств.

Одной из ключевых выявленных проблем является отсутствие в анализируемых переводах компенсаторных стратегий, которые могли бы восполнить утраченные смысловые элементы. Ни в одном из вариантов не представлены комментарии, разъясняющие культурную значимость антропонимов и топонимов. Также не используется контекстуальная экспликация, позволяющая встроить необходимую культурную информацию непосредственно в текст перевода. В результате перевод оказывается либо чрезмерно упрощённым, либо формально близким к оригиналу, но недостаточно понятным для читателя без дополнительного культурного фона.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что существующие русскоязычные переводы стихотворения Ду Фу в целом демонстрируют тенденцию к редукции культурно значимых элементов. К числу основных проблем относятся утрата культурной функции антропонимов, упрощение семантики топонима «Цзяннань», отсутствие компенсаторных приёмов, а также несбалансированное соотношение формы и содержания. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки более гибкой переводческой модели, которая учитывала бы не только языковые, но и культурные особенности исходного текста.

- **3. Оценка переводческих стратегий и их эффективности**

Рассмотренные переводческие решения можно соотнести с основными стратегиями, выделяемыми в теории перевода. Прежде всего речь идёт о форенизации и доместикации.

Сохранение имён собственных в транскрипции соответствует стратегии форенизации. Такой подход позволяет передать форму оригинала, однако без дополнительных пояснений он

не обеспечивает понимания текста. Читатель сталкивается с культурно специфической единицей, значение которой остаётся нераскрытым [Venuti, 1995, p. 20].

Как показал анализ, транскрипция имён собственных (например, «Ли Гуйнянь») без дополнительной интерпретации не обеспечивает понимания их культурной значимости русскоязычным читателем. Аналогичным образом использование формы «Цзяннань» без пояснений не позволяет восстановить его историко-культурные коннотации.

С точки зрения динамической эквивалентности подобные решения оказываются недостаточно эффективными. Коммуникативный эффект оригинала не воспроизводится, поскольку культурные ассоциации не передаются: «Строго говоря, не существует таких понятий, как идентичные эквиваленты... Формальная эквивалентность сосредотачивает внимание на самом сообщении, как на форме, так и на содержании... Тип перевода, который наиболее полно воплощает эту структурную эквивалентность, можно было бы назвать “глоссовым переводом”, при котором переводчик пытается как можно более буквально и осмысленно воспроизвести форму и содержание оригинала» [Nida, 1964, p. 159]. Таким образом, форенизация в «чистом виде» демонстрирует ограниченную эффективность и требует дополнения компенсаторными средствами.

Альтернативной стратегией является доместикация, проявляющаяся в замене культурно-специфических элементов более общими или нейтральными выражениями. В анализируемых переводах это выражается, в частности, в замене антропонимов обобщёнными обозначениями («друг», «знакомый») и переводе топонима «Цзяннань» как «юг».

С одной стороны, такие решения повышают доступность текста и соответствуют принципу ориентации на читателя. С другой стороны, они приводят к существенной утрате культурного содержания, поскольку устраняют ключевые элементы, формирующие исторический и символический контекст произведения. По В. Н. Комиссарову подобные переводы демонстрируют снижение уровня эквивалентности: передаётся лишь общий смысл высказывания, тогда как его культурно-специфическая составляющая оказывается утраченной: «Переводы на таком уровне эквивалентности выполняются как в тех случаях, когда более детальное воспроизведение содержания невозможно, так и тогда, когда такое воспроизведение приведет Рецептора перевода к неправильным выводам, вызовет у него совсем другие ассоциации, чем у Рецептора оригинала, и тем самым помешает правильной передаче цели коммуникации» [Комиссаров, 1990, с. 54]. Следовательно, доместикация, несмотря на её коммуникативные преимущества, не может рассматриваться как оптимальная стратегия при переводе танской поэзии.

Ключевой проблемой является отсутствие компенсаторных механизмов. Именно они могли бы восполнить те элементы смысла, которые невозможно передать напрямую: «Компенсация — способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [Комиссаров, 1990, с. 247]. Компенсация может реализовываться разными способами: через комментарии, пояснения или включение дополнительной информации в текст перевода. Однако в анализируемых вариантах такие решения практически не применяются.

Отсутствие комментариев к антропонимам и топонимам приводит к тому, что либо сохраняется непонятная форма (при форенизации), либо утрачивается содержание (при доместикации). Таким образом, проблема заключается не только в выборе стратегии, но и в отсутствии механизмов их сочетания.

Дополнительным аспектом оценки является соотношение поэтической формы и культурного содержания. Как показал анализ, стремление к сохранению ритма и рифмы нередко сопровождается упрощением культурного контекста, тогда как ориентация на содержание не гарантирует

сохранения культурной специфики. Это свидетельствует о том, что традиционная оппозиция «форма — содержание» в переводе поэзии должна быть дополнена третьим компонентом — культурной семантикой. Игнорирование данного компонента приводит к искажению исходного текста независимо от выбранной стратегии.

На основании предложенных критериев (семантическая точность, культурная адекватность, поэтическая целостность, интерпретационная полнота) можно сделать обобщённую оценку рассмотренных переводов (Таблица 2).

Таблица 2. Сводная таблица оценки переводов

Критерий	**Перевод 1 (Л. Е. Бежин)**	**Перевод 2 (Яо Пэйшэн и др.)**	**Перевод 3 (Ли Цзо)**
Семантическая точность (соответствие содержанию оригинала)	Средняя (обобщённые замены «старый друг», «знакомый дом» → потеря деталей)	Средняя (имена сохранены, но переданы с ошибками: «Цзи» вместо «Ци» и отсутствует пояснение идентичности: «ван» вместо «князь»	Выше средней (основные элементы переданы, но есть упрощения: «императорский дворец» вместо «князь Ци»)
Культурная адекватность (сохранение историко-культурных значений)	Низкая (антропонимы полностью опущены, топоним «Цзяннань» заменён на «к югу от Цзяна»)	Низкая (имена формально сохранены, но их символический смысл не раскрыт, нет комментариев)	Низкая (имена частично заменены обобщениями, топоним передан как «южная провинция» — потеря оппозиции «центр-периферия»)
Поэтическая целостность (ритмико-стилистическая форма)	Высокая (рифма, размер; форма сохранена, но в ущерб содержанию)	Высокая (рифмованные строки, музыкальность)	Средняя (есть ритм, но нет строгой рифмы; встречаются прозаизмы)
Интерпретационная полнота (передача имплицитных смыслов)	Низкая (утрачена символика имён и топонима, нет намёка на восстание Ань Лушаня)	Низкая (культурные аллюзии не раскрыты, читатель не поймёт значения имён)	Низкая (скрытые смыслы (ностальгия, утрата) почти не переданы)

Как видно из таблицы, ни один из трёх переводов не достигает высоких показателей по всем критериям одновременно. Перевод Бежина жертвует культурной адекватностью и интерпретационной полнотой ради поэтической формы (рифма, размер). Антропонимы заменены общими словами, топоним упрощён. Это классический пример доместикации, ведущей к редукции культурного содержания. Перевод Яо Пэйшэн и др. формально сохраняет имена собственные, но делает это с ошибками (путаница «Цзи» и «Ци») и без пояснений. Семантическая точность средняя, культурная адекватность — низкая (имя «Ли Гуйнянь» не несёт для русского читателя никакой дополнительной информации). Поэтическая форма хороша, но этого недостаточно. Перевод Ли Цзо ближе к семантической точности, однако в нём наблюдаются те же проблемы: замена культурно значимых единиц описательными оборотами («императорский дворец» вместо «князь Ци», «южная провинция» вместо «Цзяннань»). Интерпретационная полнота отсутствует.

Таким образом, ни один из анализируемых переводов не реализует в полной мере требования адекватного перевода культурно маркированного поэтического текста. Основной проблемой является отсутствие интегративного подхода, сочетающего сохранение формы с механизмами интерпретации и компенсации. Полученные результаты создают теоретическую основу для разработки модели перевода, ориентированной на комплексное решение выявленных проблем.

- **4. Разработка модели перевода культурно маркированных элементов танской поэзии**

На основе анализа оригинального текста и оценки существующих переводов представляется возможным сформулировать модель перевода культурно маркированных элементов, ориентированную на сохранение как семантической, так и культурной структуры поэтического текста. Модель исходит из положения, что адекватный перевод танской поэзии невозможен в рамках одной стратегии (форенизации или доместикации) и требует их функционального сочетания с привлечением компенсаторных механизмов.

Как показано в предыдущих разделах, ни одна из рассмотренных стратегий в изолированном виде не обеспечивает адекватной передачи культурного содержания. Форенизация без пояснений сохраняет форму, но делает текст семантически непрозрачным; доместикация повышает доступность, но ведёт к утрате культурной специфики. Данный вывод соотносится с теорией динамической эквивалентности Ю. Найды, согласно которой перевод должен обеспечивать сопоставимый коммуникативный эффект, а не только формальное соответствие [Nida, 1964, с. 159].

В основе модели лежит принцип комбинирования: форенизация используется для сохранения формы культурно значимых элементов (антропонимов, топонимов); доместикация применяется ограниченно — для обеспечения читательской доступности; компенсация выступает обязательным компонентом, восстанавливающим культурный смысл. Такой подход позволяет избежать крайностей, выявленных в анализируемых переводах: непонимания текста (при «чистой» форенизации) и утраты культурной специфики (при доместикации).

Передача имён собственных. Для антропонимов (Ли Гуйнянь, князь Ци, Цуй Цзю) предлагается следующая схема: сохранение формы через транскрипцию (например, «Ли Гуйнянь»); минимальная текстовая экспликация (при необходимости — через контекст); обязательное сопровождение комментарием, раскрывающим культурно-историческое значение. Антропоним не должен заменяться обобщённым обозначением — это разрушает смысловую структуру текста.

Передача топонима «Цзяннань». Рекомендуется сохранение оригинальной формы («Цзяннань»); возможное добавление уточняющего элемента в тексте (например, «в краю Цзяннань»); развёрнутое пояснение в комментарии, включающее географическое значение, исторический контекст и символические коннотации (периферия, изгнание, утрата). Данный подход сохраняет лаконичность поэтического текста при одновременном обеспечении интерпретационной полноты.

Центральным компонентом предлагаемой модели являются компенсаторные механизмы, позволяющие восполнить неизбежные потери смысла. К ним относятся построчные комментарии, раскрывающие значение культурных элементов; сноски, содержащие историко-культурную информацию; контекстуальная экспликация, интегрированная в текст перевода. Именно отсутствие этих механизмов — основная причина неадекватности существующих переводов. Их системное использование объединяет преимущества форенизации (сохранение формы) и доместикации (доступность).

Предлагаемая модель исходит из необходимости пересмотра традиционного приоритета формы в художественном переводе. В условиях высокой культурной маркированности текста приоритет должен быть смещён в сторону сохранения смысловой структуры. Это не означает отказа

от поэтической формы, однако предполагает её гибкую адаптацию. В частности, допустимо частичное упрощение ритмико-рифмической организации; приоритет отдаётся точности передачи ключевых образов и реалий; форма рассматривается как средство, а не цель перевода.

Таким образом, предложенная модель представляет собой интегративный подход, включающий сохранение культурно значимых элементов на уровне текста, интерпретацию их значения на уровне комментария и баланс между формой и содержанием. В отличие от существующих подходов, она ориентирована не на выбор одной стратегии, а на их функциональное сочетание, что позволяет учитывать специфику танской поэзии как особого типа текста.

Полученные данные демонстрируют ограниченность бинарной оппозиции «форенизация — доместикация» в её традиционном понимании и подтверждают необходимость интегративного подхода с компенсаторными механизмами. В этом контексте предлагаемая модель может рассматриваться как развитие идей В. Н. Комиссарова о многоуровневой эквивалентности перевода [Комиссаров, 1990]. В отличие от традиционных подходов, она акцентирует внимание не только на передаче содержания, но и на реконструкции культурного контекста.

Эффективность модели демонстрируется на примере авторского перевода стихотворения, выполненного с учётом сформулированных принципов:

В ЦЗЯННАНИ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С ЛИ ГУЙНЯНЕМ

Во дворце князя Ци мы встречались не раз,
В залах Цуй Цзю я часто слушал вас.
А ныне в Цзяннани, в пору опавших цветов,
Мы вновь повстречались среди дивных садов.

Данный вариант реализует принцип комбинированной стратегии: антропонимы («князь Ци», «Цуй Цзю») сохранены, что позволяет удержать историческую конкретику; топоним «Цзяннань» передан в форме транскрипции с частичной экспликацией («в краю Цзяннань»); поэтическая форма сохранена на уровне ритмической организации, но не в ущерб смысловой точности.

В соответствии с предложенной моделью текст перевода должен сопровождаться комментариями, раскрывающими культурное содержание ключевых элементов. Пример возможного комментария:

1. Цзяннань (江南) — топоним «Цзяннань» в эпоху династии Тан воспринимался как удалённая окраина империи, связанная с периферийностью и «чуждостью». В поэтическом тексте Ду Фу «Цзяннань» противопоставляется столичному Чанъаню, подразумеваемому через образы «особняка князя Ци» и «залов Цуй Цзю». Таким образом, формируется бинарная оппозиция «центр — периферия», «процветание — упадок», «великолепие — запустение». Семантическая нагрузка топонима выходит за пределы пространственного значения, придавая произведению меланхолический и трагический тон.

2. Князь Ци (岐王, Ли Фань, 李范) — четвёртый сын императора Жуй-цзуна (唐睿宗, 662–716) династии Тан. Был известен как покровитель искусств, собиратель поэтов и музыкантов, устраивал литературные салоны и музыкальные вечера в своём особняке в Чанъане. Его резиденция стала символом культурного процветания эпохи «Золотого века Кайюань» (开元盛世).

3. Цуй Цзю (崔九, Цуй Ди, 崔涤) — представитель знаменитого рода Болинских Цуев (博陵崔氏), одного из самых влиятельных аристократических кланов династии Тан. Девятый по старшинству в семье (отсюда прозвище «Цзю» — «девятый»). Славился как покровитель литераторов и музыкантов, в его доме собирались представители культурной элиты Чанъаня.

4. Ли Гуйнянь (李龟年) — знаменитый музыкант эпохи Тан, прославившийся как выдающийся певец и исполнитель на музыкальных инструментах. Пользовался благосклонностью императора Сюань-цзуна (唐玄宗, 685–762), часто выступал при дворе и в домах знати. После восстания Ань Лушаня (755–763) оказался в изгнании на юге Китая. В китайской литературной традиции Ли Гуйнянь стал символом «Золотого века Кайюань» и одновременно — упадка, последовавшего за ним.

5. Восстание Ань Лушаня (安史之乱, 755–763) — одно из крупнейших восстаний в истории Китая, приведшее к распаду прежней системы управления, упадку экономики и ослаблению центральной власти династии Тан. Для многих современников оно стало рубежом между эпохой расцвета и периодом политического хаоса. Судьбы Ду Фу и Ли Гуйняня оказались тесно связаны с этими событиями: оба были вынуждены покинуть столицу и скитаться по провинциям.

6. «Золотой век Кайюань» (开元盛世, 713–741) — период правления императора Сюаньцзуна (Ли Лунцзи). Это была эпоха небывалого могущества, когда государство достигло пика своего экономического, политического и культурного развития, известного как время политической стабильности, экономического процветания и культурного расцвета. В китайской исторической памяти он ассоциируется с «золотым веком» поэзии, музыки и изящных искусств.

Наличие подобных комментариев позволяет устранить разрыв между сохранением формы и пониманием содержания, выявленный в анализируемых переводах.

В сравнении с рассмотренными переводами авторский вариант предлагает сбалансированное решение. В отличие от доместицирующих переводов, он сохраняет культурно значимые элементы исходного текста. В то же время, в отличие от «чистой» форенизации, здесь предусмотрено их смысловое раскрытие через комментарий. Наконец, по сравнению с рифмованными переводами, в которых нередко происходит смысловая редукция, данный вариант в большей степени сохраняет ключевые семантические структуры оригинала. Таким образом, предложенный перевод подтверждает применимость разработанной модели и демонстрирует её практическую эффективность.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что перевод танской поэзии на русский язык представляет собой сложный процесс межкультурной интерпретации, в котором ключевую роль играют культурно-маркированные элементы. Анализ стихотворения Ду Фу «В Цзяннани повстречался с Ли Гуйнянем» показал, что антропонимы и топонимы выполняют не только номинативную, но и культурно-символическую функцию, формируя историко-культурный контекст и смысловую структуру произведения.

Существующие русскоязычные переводы данного стихотворения характеризуются систематической редукцией культурного содержания: утратой семантической нагрузки имён собственных, упрощением значения топонима «Цзяннань» и отсутствием компенсаторных механизмов. Оценка переводческих стратегий показала, что ни форенизация, ни доместикация в изолированном виде не обеспечивают адекватного результата, что обосновывает необходимость интегративного подхода.

Из полученных данных вытекают три теоретических следствия. Первое: при работе с культурно-маркированными текстами недостаточно опираться на бинарную оппозицию «форенизация — доместикация»; требуются многоуровневые стратегии. Второе: метатекстовые элементы (прежде всего комментарии) следует рассматривать не как внешнее добавление, а как полноправную составляющую переводческого решения. Третье: в классической поэзии приоритетной оказывается передача культурной семантики; сохранение метрико-рифмической структуры может быть частично скорректировано без ущерба для художественности.

Новизна работы заключается в построении модели перевода культурно-маркированных единиц танской поэзии, основанной на комбинации форенизации и доместикации при обязательном задействовании компенсации (комментариев и экспликации). Ранее подобная модель применительно к переводам Ду Фу на русский язык не предлагалась. Её состоятельность подтверждена как теоретически, так и практически — авторским переводом разобранного стихотворения, который демонстрирует сохранение культурной специфики при обеспечении доступности для русскоязычного читателя.

Разработанная модель обладает достаточной гибкостью для применения к более широкому кругу поэтических текстов Ду Фу (например, *«Весенний пейзаж» (春望), «Печаль вдоль реки» (哀江头) или «Последнее пристанище» (旅夜书怀)*), а также к переводам других поэтов эпохи Тан. Расширение корпуса материала позволит в перспективе уточнить границы применимости модели и выявить жанрово-стилистические особенности передачи культурно-маркированных элементов в разных типах танской лирики.

Литература / References

Алексеев В. М. *Труды по китайской литературе: в 2-х книгах.* Сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002–2003 [Alekseev V. M. *Works on Chinese Literature*: *In 2 Volumes*. Compiled by M. V. Bankovskaya; Executive Editor B. L. Riftin. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002–2003 (in Russian)].

Бежин Л. Е. *Ду Фу.* М.: Молодая гвардия, 1987 [Bezhin L. E. *Du Fu*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1987 (in Russian)].

Гу Цзюньлин, Чжан Цянь. Особенности передачи эстетической ценности танской поэзии в переводах на русский язык: на примере трех переводов стихотворения Ли Бо «Думы в тихую ночь». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика.* 2023. Т. 15. Вып. 3. С. 515–529 [Gu Junling, Zhang Qian. Ways of Conveying the Aesthetic Value of Tang Poetry in Russian Translations: A Case Study of Three Translations of Li Bai's Poem 'Thoughts on a Quiet Night'. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023. Vol. 15. Issue 3. Pp. 515–529 (in Russian)].

Дальнее эхо: Антология кит. лирики (VII–IX вв.). В пер. Ю. К. Щуцкого. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000 [*Echoes from Afar: An Anthology of Chinese Lyric Poetry (7th-9th Centuries)*. Translated by Yu. K. Shchutsky. St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 2000 (in Russian)].

Ду Фу. *Стихотворения*. Пер. с китайского А. И. Гитовича. М.: Гослитиздат, 1962 [Du Fu. *Poems*. Trans. Gitovich A. M.: Goslitizdat, 1962 (in Russian)].

Ду Фу. *Сто печалей.* Сост., подгот. текста, общ. ред. Р. В. Грищенкова. СПб.: Кристалл, 2000 [Du Fu. *One Hundred Sorrows* (Comp., text prep., gen. ed. R. V. Grishchenkov). St. Petersburg: Kristall, 2000 (in Russian)].

Егорьев В. П., Марков В. И. *Свирель Китая.* СПб.: Союз молодежи, 1914 [Egoriev V. P., Markov V. I. The Flute of China. St. Petersburg: Soyuz molodezhi, 1914 (in Russian)].

Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты).* М.: Высш. шк., 1990 [Komissarov V. N. *Theory of Translation (Linguistic Aspects)*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990 (in Russian)].

Конрад Н. И. *Избранные труды: синология.* М.: Наука, 1977. 621 с. [Konrad, N. I. *Selected Works: Sinology*. Moscow: Nauka, 1977. 621 p. (in Russian)].

Ли Бо и Ду Фу. *Избранная лирика.* Пер. с кит.; составл., предисл. и примеч. Л. Бежина. М.: Детская литература, 1987 [Li Bo and Du Fu. *Selected Lyrics.* Translated from Chinese; Compiled, preface and notes by L. Bezhin; Moscow: Detskaya literatura, 1987 (in Russian)].

Михайлов М. Л., Миллер О. Ф. *Китай и Япония в их поэзии.* СПб.: Либерман, 1896 [Mikhailovsky D. L. and Miller O. F. *China and Japan in Their Poetry*. St. Petersburg: Liberman, 1896 (in Russian)].

Постоянство пути: избранные танские стихотворения. В переводах В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003 [*Constancy of the Way: Selected Tang Poems*. Translated by V. M. Alekseev. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003 (in Russian)].

Серебряков Е. А. *Ду Фу (712–770 гг.): Критико-биогр. очерк*. М.: Гослитиздат, 1958 [Serebriakov, E. A. *Du Fu (712–770 yy.): A Critical-Biographical Essay*. Moscow: Goslitizdat, 1958 (in Russian)].

Эйдлин Л. З. *Поэзия эпохи Тан VII–X вв.* М.: Художественная литература, 1987 [Eydlin, L. Z. *The Poetry of the Tang Era, 7th-10th Centuries*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987 (in Russian)].

Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation.* Clevedon; Philadelphia: Multilingual Matters, 1998.

Nida E. A. *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill, 1964.

Pym A. *Exploring Translation Theories*. Milton: Taylor & Francis Group (Routledge), 2023.

Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London: Routledge, 1995.

埃斯卡皮.文学社会学. 王美华、于沛译，安徽文艺出版社, 1987年. [Escarpit, R. *Sociology of Literature*, trans. Wang Meihua, Yu Pei. Anhui Literature and Art Publishing House, 1987 (in Chinese)].

程千帆，莫砺锋. 杜诗集大成说 .. 程千帆，莫砺锋，张宏生. 被开拓的诗世界. 南京：凤凰出版社. 2000. 第1–18页. [Cheng Qianfan, Mo Lifeng. The Theory of 'Jidacheng' in Du Fu's Poetry. Cheng Qianfan, Mo Lifeng, Zhang Hongsheng. *The Explored Poetic World*. Nanjing: Phoenix Publishing House, 2000. Pp. 1–18 (in Chinese)].

画说唐诗：汉俄对照. 姚培生等译. 北京：中译出版社. 2023. 239页. [*Hua shuo Tang shi: Han E duizhao.* Yao Peisheng deng yi. Beijing: Zhongyi Chubanshe, 2023 (in Chinese)].

刘淑梅, 赵晓彬. 中国唐诗的俄译研究. 中国俄语教学. 2006. No. 1. Pp. 48–51 [Liu Shumei, Zhao Xiaobin. Russian Translations of Tang poetry. *Zhonguo eyu jiaoxue*. 2006. No. 1. Pp. 48–51 (in Chinese)].

毛志文. 杜甫诗歌在俄罗斯的译介与研究. 中国翻译，2022(5): 57–65 [Mao Zhiwen. Translation and Study of Du Fu in Russia. *Zhongguo fanyi*. 2022. No. 5. Pp. 57–65 (in Chinese)].

毛志文. 重复、平行对照与中国古诗的俄译—以唐诗为例. 中国俄语教学, 2017 (1):63–67 [Mao Zhiwen. Repetition, Parallel Comparison and Russian Translation of Ancient Chinese Poetry: The Case of Tang poetry. *Zhongguo eyu jiaoxue*. 2017. No. 1. Pp. 63–67 (in Chinese)].

莫砺锋. 论杜甫的文化意义. 杜甫研究学刊, 2000(4):11–18 [Mo Lifeng. On the Cultural Significance of Du Fu. *Journal of Du Fu Studies*. 2000. No. 4. Pp. 11–18 (in Chinese)].

尚永亮.贬谪文化与贬谪文学. 兰州：兰州大学出版社，2003. 367 页. [Shang Yongliang. *The Culture of Exile and Exile Literature*. Lanzhou: Lanzhou University Press, 2004 (in Chinese)].

尚永亮：从执着到超越——贬谪与贬谪文学论纲，载蒋长栋等编：贬谪文学论集. 北京：中国文联出版社，2000 [Shang Yongliang. From Persistence to Transcendence: An Outline of Exile and Exile Literature. Jiang Changdong et al. (eds.), *Bianzhe wenxue lunji*. Beijing: Zhongguo Wenlian Chubanshe, 2000 (in Chinese)].

唐诗百首：汉俄对照. 李佐编译. 北京：北京交通大学出版社. 2015. 223页. [*One Hundred Tang Poems: Chinese-Russian Parallel Text.* Compiled and translated by Li Zuo. Beijing: Beijing Jiaotong daxue chubanshe, 2015 (in Chinese)].

谢天振. 译介学思想: 从问题意识到理论建构. 天津：南开大学出版社，2021年。 [Xie Tianzhen. Thoughts on Mediology: From Problem Awareness to Theoretical Construction. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 2021 (in Chinese)].

萧涤非：杜甫诗选注. 上海：上海古籍出版社. 1983 [Xiao Difei: *Selected Annotations of Du Fu's Poems*. Shanghai: Shanghai Guji Chubanshe, 1983.

张淑娟. 俄罗斯杜甫诗歌的翻译探析. 中国文化研究. 2014. No. 2. Pp. 145–154 [Zhang Shujuan. Analysis of Du Fu poetry translations into Russian. *Zhongguo wenhua yanjiu*. 2014. No. 2. Pp. 145–154 (in Chinese)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-304-316

ЮЖНОАЗИАТСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ В РОССИИ

© 2026

Л. А. Васильева[1]

Статья посвящена литературной деятельности иммигрантов из стран Южной Азии, осевших или большую часть жизни проживших в России. Их творчество на протяжении периода от первых лет существования Советской России до нашего времени — уникальное и практически неисследованное явление в культурной жизни нашей страны. Кого-то из эмигрантов-литераторов закинула в Россию судьба, кто-то вынужден был покинуть родные края по политическим причинам, спасаясь от тюрьмы или даже от смерти. После 1947 г., когда на территории Британской колонии возникли независимые государства Индия и Пакистан, эмиграция обрела качественно иной характер, став сугубо добровольным решением граждан обеих стран, не связанным с их политическим статусом на родине. Среди эмигрантов были творческие личности, в основном — индийцы, скорее исключением являются имена писателей — уроженцев Пакистана и Непала. В статье рассматривается жизненный и творческий путь этих эмигрантов, ставших нашими соотечественниками, упоминаются их произведения, созданные на российской земле, а также оценивается значимость их творчества в дискурсе мировой литературы.

Ключевые слова: писатели-иммигранты, страны Южной Азии, литература, художественные особенности, значимость творчества

Для цитирования: Васильева Л. А. Южноазиатские писатели-эмигранты в России. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 304–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-304-316

SOUTH ASIAN IMMIGRANT WRITERS IN RUSSIA

Lyudmila A. Vasilyeva

This article discusses the literary work of South Asian immigrants who settled in Russia. Their works is a unique and practically unexplored phenomenon in the cultural life of our country. The study covers the period from the early years of Soviet Russia to the present days. Some of the literary émigrés were brought to Russia by fate, while others were forced to leave their native lands for political reasons, fleeing prison or even death. After 1947, when the independent states of India and Pakistan emerged on the territory of the former British colony, emigration, including that of creative individuals, took on a completely different character, becoming a purely voluntary decision for citizens of both countries, unrelated to personal political status of a person. The vast majority of émigrés who ha distinguished themselves in literature are Indian citizens. A rare exception are the names of writers from Pakistan and Nepal. The article examines the life and creative path of these emigrants who became our compatriots, mentions their works created in Russia, as well as the significance of their work in the discourse of world literature is also considered.

[1] Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas55@bk.ru

Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ludvas55@bk.ru

Keywords: immigrant writers, South Asian countries, literature, genres, artistic features, the importance of creativity

For citation: Vasilyeva L. A. South Asian immigrant writers in Russia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 304–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-304-316

С первых лет существования Советской России на ее территории нашли прибежище многие зарубежные деятели литературы. На российской земле создавали свои произведения осевшие в России или проведшие здесь часть своей жизни уроженцы как западных, так и восточных стран. Среди них были фигуры с известными миру именами и более скромные, знакомые относительно узкой аудитории. В статье речь пойдет о переселенцах из стран Южной Азии, чей литературный талант проявился наиболее ярко и оказался востребованным во время их жизни в России. Рамки статьи ограничиваются литературой, созданной на российской земле выходцами из Северных районов Индии, Пакистана и Непала. Их творчество, до сих пор практически неисследованное, можно назвать уникальным явлением в культурной жизни нашей страны.

Южноазиатские эмигрантские сообщества на Западе

Во второй половине XX в., после раздела Британской Индии и образования Пакистана, во многих странах Запада начали формироваться индийские и пакистанские диаспоральные сообщества, и вскоре быстро растущее влияние и социальная активность эмигрантов, в том числе из стран Южной Азии, стали как вызывать озабоченность коренного населения, так и повышать интерес к новым согражданам, к их религии, культуре, обычаям.

В странах, где возникли диаспоральные сообщества выходцев из Южной Азии, литература оказалась важным компонентом их общественной жизни и творческой активности, отражая проблемы эмигрантов и во многом способствуя их ассимиляции и интеграции в западный социум, а затем и взаимовлиянию обеих сторон[2]. Поэтому изучение эмигрантской литературы представляется сегодня весьма актуальной научной задачей.

Литература южноазиатских эмигрантов — явление новое. Оно возникло в странах Запада в конце 1950-х годов XX в. Тогда в России ни о переселенцах из стран Востока, ни об их литературе не было и речи. Что касается литературы на английском языке этнических южноазиатов, осевших в западных странах, то она быстро влилась в корпус мировой англоязычной литературы и не рассматривалась как некая особая категория. Литература же, созданная эмигрантами из стран Индостана на своих родных языках, прежде всего на хинди, урду и уже в новом веке — на пенджаби и бенгали, получила признание намного позже. Вплоть до 70-х гг. минувшего столетия само существование такой литературы вызывало сомнение или вовсе отрицалось литературными авторитетами как в странах Индийского субконтинента, так и на Западе на том основании, что произведения, созданные на родных языках эмигрантами, были немногочисленны и никак не могли называться «литературой». Но положение стремительно менялось, и уже в середине 1980-х гг. один из маститых индийских филологов Мухаммад Хасан [1926–2010] оказался вправе утверждать, что эмигрантская литература стала «важным компонентом творческой активности эмигрантского общества во многих западных странах. Это литература, имеющая свою собственную ориентацию и свои особенности. Она весьма избирательна, очень энергична и обладает большой привлекательностью» [Zia, 1995. p. 73].

[2] Об эмигрантской литературе на языке урду см. [Васильева, 2018].

Высказывание ученого относилось к диаспоральной литературе на языке урду, но оно правомерно для литературы и на других языках субконтинента.

Уже к концу XX в**.** на Западе сложился весьма солидный корпус эмигрантской литературы, прежде всего на основных языках Индии и Пакистана — хинди и урду. В лексикон этих языков даже вошел термин «литература зарубежья» или «эмигрантская литература» (на хинди *prawāsi sāhitya*, на урду *muhājirī adab*). В новом тысячелетии быстрыми темпами стала развиваться литература на языке пенджаби. Об эмигрантской литературе уроженцев Непала на Западе сведений не имеется, но мы сталкиваемся с феноменом творчества непальского автора в Москве.

Южноазиатские эмигранты в России

Индийская, пакистанская и непальская диаспоры не столь многочисленны в России, как в странах Западной Европы и США, но их культурная, экономическая и социально-политическая роль в жизни современного российского общества довольно заметна. Связь со своей исторической родиной этнических южноазиатов, ставших (фактически или практически) российскими гражданами, никогда не прерывалась. Эмигранты прежде и теперь сохраняют свою национальную идентичность, этническое самосознание, распространяют знания о культурно-специфических особенностях своей исконной родины, стараются сохранить культурное наследие своего народа, что является основой для дальнейшего развития их диаспор на территории нашей страны.

В России эмигранты из Южной Азии коренным образом отличаются от своих соотечественников, обосновавшихся в странах Запада, которых известный пакистанский поэт урду Ифтихар Ариф назвал «пленниками сытой жизни». Большинство «отечественных» южноазиатских эмигрантов, о ком пойдет речь, — бывшие студенты различных вузов, по разным причинам решившие не возвращаться на родину, хотя сначала они и не планировали остаться в России навсегда. Чаще всего причиной этого их решения становился брак с российскими гражданами, в основном — гражданками, которые не захотели уезжать в страну своей «второй половинки». Обосновавшись в России, кто-то из осевших здесь эмигрантов стал работать по специальности (например, врачами, преподавателями), но большинство занялись бизнесом.

Кроме бывших студентов, невозвращенцами оказались и те, кто в 60–70-е гг. приехал в СССР работать из Индии по контракту на два-три года, но остался в России на десятилетия или навсегда. Это были прежде всего приглашенные сотрудники издательств «Радуга» и «Прогресс» и дикторы Иновещания Московского радио, продолжавшие трудиться в этих структурах до конца их существования.

Самой большой проблемой в России для эмигрантов из Южной Азии, как, впрочем, и для других переселенцев из дальнего зарубежья оставался языковой барьер. Но для тех, кто получил образование в вузах нашей страны, а также для создавших в России семью эта проблема быстро осталась в прошлом настолько, что некоторые из них, кто оказался причастен к литературному творчеству, писали не только на родном, но и на русском языке.

Издательства «Радуга» и «Прогресс», Иновещание

В шестидесятые годы XX в. настоящий бум переживал интерес населения всех союзных республик к культуре и литературе Индии. В те времена произведения индийских поэтов и прозаиков в переводе на русский язык были востребованы во всех уголках СССР, прежде всего

в провинциальных городах, где именно литература восполняла дефицит прямого общения российских (тогда — советских) граждан с носителями этой культуры.

В восточных редакциях обоих издательств «индийский сектор» был одним из самых больших. Здесь работали приглашенные на работу по контракту переводчики из Индии. Как правило, это были люди с филологическим образованием, многие по профессии — преподаватели, редакторы газет и журналов. По окончании срока контракта они решали связать свою дальнейшую судьбу с Россией.

В качестве внештатных сотрудников в редакции «Прогресса» и «Радуги», выпускавших литературу на языке урду, привлекались оказавшиеся в Москве несколько носителей языка из Пакистана, покинувших родину по политическим причинам. Они вовсе не планировали возвращаться обратно.

Иновещание Гостелерадио, имевшее статус министерства, также являлось организацией, в чьих полномочиях было «устройство судьбы» иностранцев, попавших в Россию или приглашенных на работу по контракту и пожелавших остаться в России. Многие из них были членами компартий своих стран, что помогало им получить разрешение на проживание в Москве или советское гражданство.

Некоторым из осевших в России уроженцев стран Южной Азии оказался не чужд литературный талант. Имена этих эмигрантов — авторов художественной и публицистической прозы, а также поэзии — единичны, но они известны как в литературных и востоковедческих кругах России, так и на их исторической родине, где их читают и обсуждают, а филологи пишут о них в своих работах.

Из истории: первые эпистолярные связи

На протяжении всей истории российского государства на его территории находили приют выходцы из Индостана. Можно вспомнить, например, торговое индийское подворье в Астрахани, просуществовавшее несколько столетий, — вплоть до начала XX в. Но жизнь подворья ни в коей мере не затрагивала мир литературы и искусства и становилась предметом интереса лишь историков. Были и те, кого судьба случайно забрасывала из Индостана в Россию, но они не оставляли ни памяти о себе, ни какого-либо зримого следа в истории литературы и культуры нашей страны.

Начало двусторонних литературных контактов России и Индии (Британской Индии) относится к первому десятилетию XX в., и связаны эти контакты прежде всего с именем Льва Толстого и его индийскими корреспондентами. Одним из них был малоизвестный у нас Абдулла аль-Маамун Сухраварди.

Абдулла М. Сухраварди — бенгальский мусульманин-суфий, один из наставников суфийского тариката сухравардийя, доктор философии, юрист, видный общественный деятель. Сэр Абдулла, как его величали на родине, был первым индийцем, получившим в 1908 году степень доктора философии по английскому языку в Калькуттском университете. Его перу принадлежат работы по философии и религии. Самым известным трудом Сухраварди стала небольшая по объему книга «Изречения Мухаммеда» (The Sayings of Muhammad). Она-то и послужила поводом к началу переписки между А. Сухраварди и Л. Н. Толстым[3].

В октябре 1907 г. А. Сухраварди послал Л. Н. Толстому письмо вместе с экземпляром своей книги. Лев Николаевич, прочитав ее, в своем дневнике назвал ее «интересной» и в ответе на письмо автору написал: «Я просмотрел книгу и использую ее для второго издания моей книги “Круг чтения”, в которой я поместил много очень глубоких и религиозных изречений вашего пророка» (цит. по: [Загородникова 2018, с. 95–96]). В 1909 г. издательство «Посредник» опубликовало

[3] Об Абдулле ал-Маамуне Сухраварди и его переписке с Л. Н. Толстым см. [Загородникова, 2018, с. 95–99].

подборку изречений отдельной книжкой под названием «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым» в переводе на русский язык С. Д. Николаева (1861–1920) — одного из близких друзей Толстого[4].

По словам дочери Толстого (как указано в предисловии к репринтному изданию «Изречений Магомета»), копия книги Абдуллы Сухраварди была обнаружена в кармане пальто, которое было на Льве Николаевиче, когда он сошёл с поезда, как оказалось, на последней в своей жизни станции Астапово.

Эпистолярные связи Л. Н. Толстого сыграли немалую роль в знакомстве не одного поколения русской и индийской интеллигенции друг с другом, что очевидно из переписки Льва Николаевича с его корреспондентами из Индии (см. [Загородникова, 2013]). Начало непосредственно литературного эмигрантского творчества на земле России относится к той же первой половине XX в., но чуть к более позднему времени.

Эс-Хабиб Вафа

Весной 1921 г. один из молодых «freedom fighters», как называли борцов за освобождение Индии от британского колониализма, скрываясь от властей, покинул Индию, где ему грозила не только тюрьма, но и смертная казнь, и оказался в Афганистане. Там он разыскал своих соотечественников, таких же «злостных бунтарей», каковыми их считали британские власти, и присоединился к одной из революционно настроенных групп. Молодого человека звали Эс-Хабиб Вафа[5].

Эс-Хабиб Вафа (1900–1936) родился в крестьянской семье, которая перебралась в крупный город Панджаба Лудхияну. По всей вероятности, сын хорошо учился в школе. Во всяком случае, как выяснилось впоследствии, он хорошо понимал английский язык и свободно читал на нем. Еще в подростковом возрасте Эс-Хабиб начал писать стихи и песни, которые читал своим товарищам. Их переписывали от руки, поскольку его стихи имели немалый успех, и это вдохновляло начинающего поэта. Его родной пенджабский язык в то время оставался только разговорным языком, литературным же, как и для всей Северной Индии, являлся язык урду. На нем и слагал свои стихи и песни молодой поэт.

Среди друзей Эс-Хабиба Вафы оказались революционно настроенные молодые люди, участвовавшие в антиколониальных выступлениях. Под их влиянием Вафа проникся идеями освобождения Индии и с энтузиазмом включился в активные действия своих товарищей, включая террористические вылазки. Колониальные власти проводили облавы на «бунтарей», жестоко расправлялись с теми, кто попадался в их руки. Эс-Хабиб Вафа, как и большинство его товарищей, был объявлен в розыск. Рукописи его стихов конфисковывались и уничтожались. Спасаясь от ареста, он в 1921 г. бежал из Индии в соседний Афганистан.

В Афганистане Эс-Хабиб сблизился с группой индийцев, таких же беженцев-бунтарей, как он сам. Они входили в Индийскую революционную ассоциацию, объединившую разрозненных «freedom fighters», нашедших в Афганистане убежище и продолжавших по мере сил борьбу за свободу Индии от британских колонизаторов. Новые товарищи Эс-Хабиба, в меру образованные, хорошо осведомленные о событиях в Советской России, были страстными почитателями Ленина и считали себя

[4] Репринтное издание «Изречений» вышло в Казани в 2008 г. тиражом 3000 экз. Книга снабжена аннотацией, в которой «описана история появления в России этого сборника и указано имя его составителя и корреспондента Льва Николаевича — Абдуллы ал-Маамуна Сухраварди» [Загородникова, 2018, с. 134].

[5] Полное имя — Эс-Хабиб Ахмад Вафа, литературное — Вафа. Во многих случаях в прошлом веке его имя не склонялось, но имя его сына Аниса Вафы — талантливого советского востоковеда, склоняется по правилам русской грамматики. В своей статье я также следую этой тенденции, склоняя имя Эс-Хабиба Вафы.

коммунистами. За год до прибытия Эс-Хабиба Вафы в Афганистан, ранней весной 1920 г., в Кабуле состоялось собрание Ассоциации индийских революционеров. На нем была принята резолюция, обращенная к Советской России и непосредственно к В. И. Ленину, в которой были такие слова:

«Индийские революционеры выражают глубокую благодарность и восхищение великой борьбой, которую ведет Советская Россия за освобождение всех угнетенных классов и народов, а в особенности за освобождение Индии. <...> Массовый митинг с радостью принимает руку дружбы и помощи, руку, протянутую угнетенной Индии». Текст резолюции был напечатан 20 мая 1920 г. в газете «Правда» [Великий Октябрь, 1957, с. 270].

Это послание российскому вождю не осталось без ответа. В приветствии Ленина говорилось:

«Рад слышать, что провозглашенные рабоче-крестьянской республикой принципы самоопределения и освобождения угнетенных народов от эксплуатации иностранных и собственных капиталистов нашли такой живой отклик среди сознательных индийцев, героически борющихся за свою свободу. Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира. Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока...» [Ленин, 1974, с. 122].

Когда Эс-Хабиб Вафа примкнул к группе просоветски настроенных соотечественников, они, тепло встретив его, стали приобщать молодого товарища к коммунистическим идеям, занялись его «образованием». Благодаря им Вафа прочел почти всю имеющуюся в их распоряжении литературу революционного содержания, запрещенную в Индии, включая некоторые произведения В. И. Ленина. Послание советского вождя в ответ на резолюцию кабульского собрания индийских революционеров, а главное — его внимание, оказанное кучке индийских патриотов, произвело на эмоциональную поэтическую натуру молодого индийца особенно большое впечатление. Эс-Хабиб во что бы то ни стало решил своими глазами взглянуть на страну Октябрьской революции.

Попасть из Афганистана на советскую землю для него оказалось не столь сложно, как выбраться из колониальной Индии. В 1923 г. он оказался в Советской России, где прожил до конца своей недолгой жизни. Эс-Хабиб Вафа, здоровье которого было основательно подорвано еще в юные годы, скончался в Москве в 1936 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

В России Эс-Хабиб Вафа быстро освоился, стал «своим», завел семью, в которой выросли двое детей. Осев в Москве, он получил возможность заняться литературной деятельностью. В короткие сроки раскрылся его незаурядный талант. Его перу оказались подвластными не только поэзия, но и проза, и драматургия. Писал он на урду, но иногда обращался и к русскому языку. В России его произведения[6] сразу переводились на русский и украинский языки. Позже с его творчеством можно было ознакомиться по переводам на другие языки, включая китайский. В России немалым успехом пользовались пьесы «русского индийца». Две из них, «Индия в цепях» и «Бомбей» довольно продолжительное время шли на сценах крупнейших советских театров.

Насколько важно оказалось творчество Эс-Хабиба Вафы, говорит тот факт, что он назван одним из основоположников пролетарской литературы Индии. В Москве он создавал новаторские по своей сути произведения, а кроме этого, активно участвовал в Производственном объединении молодых драматургов[7], руководил кафедрой в Институте востоковедения, охотно занимался

[6] Название произведений Эс. Хабиба Вафы, изданных в русском переводе, см. в сети Интернет.

[7] Производственное объединение молодых драматургов (ПРОМД) — творческое объединение, созданное в Москве в конце 1920-х годов. Целью его участников было реформирование драматургии и театра, создание нового, созвучного эпохе репертуара.

со студентами. Из публикаций, выходящих за рамки художественной литературы, следует назвать его учебники языка урду, изданные на русском языке в 1928 и в 1936 гг.

Гражданская и политическая лирика Эс-Хабиба Вафы была отнюдь не прямолинейна и проста, как стихи многих его современников. Он постоянно искал новые изобразительные средства, экспериментировал с ритмом и рифмами, поэтому для его поэзии характерно сложное переплетение различных стилевых систем. Попытка художественного перевода поэзии Эс. Хабиба Вафы была предпринята А. С. Кочетковым, автором знаменитого стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне» (которое чаще называют «С любимыми не расставайтесь»). В тридцатые годы XX в. сборники стихов индийского поэта в переводах А. С. Кочеткова издавались неоднократно, и томики его стихов быстро раскупались. Стихотворения Вафы публиковались в периодической печати, о нем писались статьи с лестными характеристиками.

Все творчество писателя и поэта было одухотворено идеями национального освобождения Индии, революционного переустройства общества, пролетарского интернационализма, что было свойственно многим его единомышленникам, нашедшим приют на земле социалистической России. Вспоминая свою «боевую юность», Вафа пишет стихи во славу революционных порывов, народного бунта, противодействия британским властям. Вафа отвергает идею о том, что поэзия должна быть аполитичной и созерцательной, о чем заявляет и в своих стихах, например, в таких строках из стихотворения «Бунт», вошедшего в сборник под тем же названием (переводы А. С. Кочеткова):

Лишь одного хочу я...
— Чтобы — рабочих будила // Этих напевов дрожь,
Чтобы каждый стих вонзался // В сердце врага, как нож![8]

В стихах Вафы часто встречается прославление любого неповиновения властям в форме бунта вообще и воинственные революционные порывы, как, например, в стихотворении «В путь»:

Сердце в руку как светоч воздень, жертвенный саван на город надень...
В панцирь борьбы грудь закуй свою, смерть растопчи, как топчут змею!

В своих стихах Вафа стремится преодолеть характерные для поэзии революционного класса схематизм и отвлеченность, что просматривается даже в его чисто «декоративных» строках: «Помни: и в правде таится ложь, // Помни: и враг на друга похож!»

Все творчество Вафы свидетельствует о том, что, живя вдали от родины, он никогда не мог отрешиться от дум о ее судьбах. Основные темы, которые поднимал Эс. Хабиб Вафа в своих произведениях, касались прежде всего антибританского революционного движения в Индии, как, например, в пьесах «Бомбей», «Индия».

Литературная палитра поэта весьма богата. Например, описывая соглашательские позиции индийских лидеров в стихотворении «43-й спектакль Всеиндийского Национального Конгресса», поэт использует яркие сатирические краски. Так, у Дж. Неру «жемчужины смысла в море слов не изловил бы водолаз», Неру призывает индусов к спокойствию: «глупец бунтует, мудрый тих». Этим призывам созвучны «песни» его единомышленников-конгрессистов, которых поэт называет «лягушками одного пруда». Кончается стихотворение эмоциональными строками:

[8] URL: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/sibogni/1931/5/95/. Здесь и далее стихотворные цитаты взяты из статьи, напечатанной в старейшем из ныне существующих литературных журналов России «Сибирские огни», издающемся в Новосибирске с 1922 года. По времени возникновения он стал вторым в советской России (после журнала «Красная новь»).

Так в грудь народа
Вожди вонзают нож.
Твой флаг на череп,
О Индия, похож.
Спектакль окончен! —
И «господину» шлешь
Печать покорства
Ты в сорок третий раз.
<...>
Театр Конгресса! Твой новый скетч остер:
Для мира — фарс он, трагедия — для нас!

К произведениям, написанным Эс-Хабибом Вафой на русском языке, относится, например, либретто к одному из ранних сочинений советского композитора Ю. С. Бирюкова (1908–1976), созданному в 1932 г. Это была кантата «В путь» для солиста, оркестра и хора. В афише кроме имени композитора значилось: «Слова: Эс-Хабиб-Вафа». Это был, пожалуй, первый (если не единственный) опыт сотрудничества советского композитора и поэта, родившегося на земле Индии.

В постсоветское время имя первого индийского поэта, прозаика, драматурга, создававшего свои произведения в России, многократно звучало в ноябре 2025 г. в ИМЛИ на научной конференции, посвященной его памяти: «Писатели-иммигранты в советской литературе: к 125-летию со дня рождения индийского писателя и ученого Эс-Хабиб-Вафа».

После ухода из жизни в 1936 г. Хабиба Вафы последовал длительный перерыв в появлении в России авторов — урожденных южноазиатов. С ними мы вновь встречаемся уже в более позднее советское время.

Литературный мир эмигрантов из ЮА

В России, а конкретнее — в Москве, где наши «восточные» гости брались за перо, уже с 60-х гг. XX в. возникал некий особый литературный мир, в котором рождались тесные человеческие контакты, проявлялись схожие мировоззренческие взгляды и происходил широкий взаимообмен духовными ценностями. Это был своеобразный «мостик» между многонациональными с обеих сторон культурными мирами, «визитной карточкой» которых были литературные произведения.

Конечно, творчество немногочисленных авторов не дает основания говорить о тенденциях развития южноазиатской эмигрантской литературы в России. Тем не менее, это творчество играло и играет особую роль в области культурного взаимодействия между Россией и странами субконтинента. В этой связи можно упомянуть метафорическое выражение на языке хинди *choṭe ṭalāb meñ barī machlī* («большая рыба в маленьком пруду»), имея в виду значимость явления.

Кто же из южноазиатских эмигрантов создавал в России уникальный литературный мир?

Мадан Лал Мадху

Современным «патриархом» среди пишущих индийских эмигрантов следует назвать Мадана Лала Мадху (1925–2014) — поэта на языке хинди и переводчика русской классики на этот язык.

Мадан Лал Мадху начинал литературную карьеру журналистом в индийских газетах, а в 1957 году приехал в Москву на работу в издательство «Прогресс» на три года, но остался в России до конца своей жизни. За 55 лет работы в российской столице он перевел на хинди более 100 произведений русских писателей, в том числе Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна, Маяковского, Чуковского, Маршака и Носова. Одновременно продолжал заниматься публицистикой, а также писал стихи.

Стихотворения на хинди, вошедшие в его три поэтических сборника[9], были написаны в Москве, а затем изданы в Индии.

Поэзия Мадана Лала Мадху очень близка по духу и по затронутым темам к поэзии прогрессивистского толка (*taraqqīpasand shāirī*). Прогрессивистская литература занимала основное литературное пространство Индии вплоть до конца 70-х гг. прошлого века. Индийские поэты и писатели-прогрессивисты находились под сильным влиянием советской литературы, и Мадху был в их числе. Многие его стихотворения посвящены Москве, советским друзьям, ставшим родными, мечтам о прекрасном будущем Индии. Тем не менее в его стихотворениях ярко высвечивается тема, характерная для всей мировой эмигрантской поэзии, — тема оставленной родины, ностальгия по ней. Вот строки одного из характерных стихотворений Мадху «Ночами покой не приходит»:

В своей стране, на родине своей, теперь считаюсь я чужим,
И от дум об этом зигзаге судьбы // ночами покой не приходит.
Да, это правда, что очень давно // Покинул я землю родную,
Но осталась она в каждом вздохе моем, в каждом сне,
И ночами покой не приходит...

Стихотворений подобного содержания в сборниках Мадху довольно много. С точки зрения стилистики и художественных средств поэзия Мадху полностью вписывается в современную «прогрессивистскую» поэзию хинди.

Из-под пера Мадху вышли также несколько прозаических сочинений, включая двухтомный сборник мемуаров «Туманные лики воспоминаний» (*Yādon ke dhundhle hue chehre,* 2013). Презентация этого сборника проходила в Дели, в Российском центре науки и культуры и стала настоящим литературным праздником для многих жителей индийской столицы. Книга вызвала немалый интерес читателей. Содержание мемуаров тематически делится на две части: первый том посвящен Индии, второй — СССР и постсоветской России. В этих воспоминаниях в деталях, образно и ярко предстает жизнь обеих стран, включая литературную область, на протяжении нескольких десятков лет.

Немалый вклад внес Мадху в популяризацию российской детской литературы своими переводами добрых и светлых произведений Чуковского, Маршака и Носова. Благодаря им многие индийские ребятишки познакомились с миром своих сверстников, живущих в огромной стране, раскинувшейся за Гималаями.

Все же основным видом литературной деятельности Мадху оставались переводы. За пятьдесят пять лет работы в российской столице Мадху перевел на хинди, как было сказано выше, более ста произведений русских писателей, в том числе Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Но своим главным достижением в жизни Мадху называл переводы романов Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина».

[9] Названия поэтических сборников Мадху: «Песни — непесни» (*Gīt-agīt, 2005*), «Раз, два, три» (*Ek Do Teen,* 2012) и «Бывают и такие парни» (*Aise Ladke Bhī Hote Hein*, 2013).

За заслуги в области литературы и популяризации русской и индийской литератур в обеих странах Мадан Лал был награжден в СССР медалью Пушкина и орденом Дружбы народов, а в Индии — четвертой высшей наградой страны «Падма Шри».

Анил Джанвиджай

Имя поэта Анила Джанвиджая (р. 1957) также широко известно в литературных кругах Индии благодаря его собственным стихам и стихотворным переводам на хинди русских классиков и советских поэтов. Анил приехал на учебу в МГУ на филологический факультет в 1982 г. Поэзией он серьезно занимался с юности и в Москве продолжал совершенствоваться в искусстве стихосложения. Желая получить более глубокое литературное образование, он, поступив в Литературный институт им. А. М. Горького, окончил его в 1989 г. К этому времени Анил завел семью и решил остаться жить в России.

Анил Джанвиджай — автор шести стихотворных сборников, созданных в Москве. Это в основном лирические произведения. В них присутствует легкая ностальгическая нотка, но большинство стихотворений — о верной любви с ее радостями и горестями, о встречах и расставаниях, о горечи измены. По содержанию и настроению его строки ближе к европейской, чем к традиционной индийской поэзии. Он вносит в поэтическую палитру новые краски, не характерные для поэзии хинди, в них явно просматриваются «русские оттенки». Так, в его стихотворениях влюбленные встречаются в заснеженном парке, поэту навевают грусть осенние пейзажи и т. д. Но он не забывает и о жарком солнце Индии, об ее городских улицах и деревенских проселочных дорога, которым также находится место на страницах его стихотворных сборников.

Анила отличает удивительная работоспособность и творческая активность. Он смело экспериментирует с рифмой, ищет новые формы самовыражения, старается быть в русле поэтического новаторства, увлекаясь новыми литературными веяниями, тесно сближается с метареалистами[10].

И все же в Москве внимание поэта «перетянула» на себя, заняв основное место в его творчестве, поистине гигантская работа в области поэтических переводов. Именно благодаря переводам Анила многочисленные любители поэзии в Индии познакомились со стихами Б. Ахмадулиной, А. Ахматовой, А. Блока, И. Бродского, И. Бунина, А. Вознесенского, В. Высоцкого, Н. Гумилёва, Е. Евтушенко, С. Есенина, Э. Мандельштама, В. В. Маяковского, Б. Окуджавы. В поле зрения Анила оказались и стихи многих молодых, начинающих поэтов. С некоторыми их них он поддерживает дружеские отношения и, как он сам говорит, «обменивается опытом». Отрывок из интервью Анила дает представление о его знании русского языка и литературы. Отвечая на вопрос о наиболее близких ему русских поэтах, Анил говорит:

«Очень люблю и ощущаю “своими” Пушкина, Тютчева, Бунина, Георгия Иванова. Мой интерес к русской поэзии начался очень рано, отчасти из-за пристрастия к Высоцкому, в котором я видел именно талантливого стихотворца, отчасти из-за любви к творчеству шестидесятников. Сперва я увлёкся Евтушенко, потом возлюбил Вознесенского... Потом пришёл черёд Ахмадулиной, и с тех пор она кажется мне тончайшей и лучшей из них. А один из главных русских поэтов XX века для меня Бродский. Тот же Евтушенко, скажем, — тоже крупный, масштабный автор, но у Бродского нет фальши, связанной с назиданием и пафосом. Среди поэтов рубежа XX–XXI в. мне особенно близки метареалисты. С Иваном Ждановым учился на разных курсах Литинститута,

[10] Метареалисты — сторонники метареализма, поэтического направления 1970–1990-х гг. XX в., считавшие прежде всего, что метафора способна пересоздавать реальность, а не просто описывать ее. Основоположники: Иван Жданов, Александр Ерёменко и Алексей Парщиков.

у нас общие близкие друзья, но главное — это его потрясающие стихи... Великолепный поэт Александр Ерёменко; Алексей Парщиков очень хорош. И я с удовольствием вспоминаю, как все они прогремели на московской литературной сцене в начале 80-х. А если говорить о самом важном для меня — то вот только что вышел в моём переводе сборник из 97 стихотворений Мандельштама. Обожаю его. Заглавие переводится с хинди примерно как "Ворожба сухими губами"» [Сид, Ураганная победа][11].

Вряд ли кто-либо из соотечественников Анила, обосновавшихся на Западе, может представить послужной список, подобный списку Анила. Неслучайно о нем пишут как о «крупнейшем индийском переводчике русской поэзии».

Писатели — дикторы Гостелерадио и другие

Автором двух удивительных по содержанию книг стал сотрудник Гостелерадио, диктор и переводчик отдела вещания на Индию Радхе Шьям Дубе (ум. в 2000 г.), проживший в Москве более 40 лет. Он опубликовал в Индии на языке хинди две книги воспоминаний: «Рассказы на новую тему. Воспоминания индийского коммуниста» и «Меняющиеся картины». В первой описаны многие исторические моменты в судьбе России, увиденные глазами очевидца. Вторая содержит глубокий анализ причин распада СССР, подкрепленный многочисленными примерами из жизни самого автора. Это работы публицистического характера, но благодаря яркому, «сочному» языку автора они читаются как захватывающие художественные произведения. В свое время Дубе был одним из лучших переводчиков с русского языка на хинди в Москве и часто привлекался к работе в издательстве «Радуга».

Свои московские впечатления на протяжении десяти лет жизни в России описал в своих мемуарах на языке маратхи, параллельно переведенных на языки хинди и английский, также диктор Московского радио Нарендра Синдхкар.

До настоящего времени нам известно лишь об одном «пишущем» эмигранте-пакистанце. К сожалению, его литературный опыт трудно назвать богатым и успешным. Мирза Муджахид, получивший филологическое образование в Пакистане, тридцать с лишним лет прожил в России, занимаясь предпринимательской деятельностью. За эти годы он издал на урду одно исследование, посвященное истории еврейской диаспоры. Однако книга не имела успеха, поскольку она пестрила историческими ошибками и неточностями и оказалась далекой от научной работы, на что претендовал автор. В 2024 г. Мирза Муджахид, замечательно владеющий русским языком, издал в Пакистане сборник рассказов современных российских писателей. Он явился составителем этого сборника и переводчиком. В сборник вошли по одному рассказу одиннадцати российских авторов, среди которых, кроме известных Т. Толстой и Д. Рубиной (покинувшей Россию), сравнительно молодые прозаики А. Цыпкин, А. Матвеева и другие. Торжественное представление сборника состоялось в Литературной академии Пакистана в Исламабаде. Этот сборник появился после длительного отсутствия книг российских авторов в Пакистане. Пока еще трудно сказать, насколько заинтересует пакистанского читателя современный русский рассказ, представленный в сборнике, — это покажет время.

[11] URL: http://www.ng.ru/ng_ exlibris/2019–10–03/10_1000_interview.html (дата обращения: 25.07.2026).

Кришна Пракаш Шрестха

Своеобразным феноменом в диаспоральном мире можно назвать литературное творчество непальца Кришны Пракаша Шрестхи (1938–2021) как редчайший случай создания произведений на языках непали и невари (его родном языке) за пределами Непала.

Кришна Шрестха жил и работал в России долгие годы, создал семью с русской женщиной и воспитал двух дочерей.

Приехал он с группой непальских студентов в Союз на учебу, окончил факультет журналистики МГУ. В студенческие годы был основателем и редактором литературного журнала «Киран» («Луч»), органа Ассоциации непальских студентов в СССР. В качестве диктора-переводчика радиовещания на Непал работал на Гостелерадио более тридцати пяти лет. Владел языками непали и невари, русским, английским, хинди, кумаони. Переводы Кришны познакомили непальцев с творчеством А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, М. А. Шолохова, Р. Гамзатова и других, а читателей нашей страны — со многими непальскими поэтами. Кришна прекрасно владел русским языком, что позволило ему писать и на русском, что тоже является большой редкостью для иностранцев. Например, на русском языке была написана одна из его работ — «Культ животных в Непале», которая помогла российским читателям проникнуть в глубины мифопоэтического мышления непальцев.

Уникальным следует назвать произведение Кришны Шрестхи «Путешествие Минаева в Непал», созданное им на основе глубокого научного исследования произведений наших востоковедов, прежде всего Ивана Павловича Минаева. «Путешествие» написано на непали в форме поэмы-пьесы, состоящей из девяти глав. Шесть из них Кришна выбрал и сделал их подстрочный перевод, который затем переложила на стихи Нелли Копейкина. Эти главы «Путешествия» можно прочесть в Интернете[12]. Даже на основании неполной версии «Путешествия» читатель может представить объёмную панораму жизни разноплеменных народов Непала, увиденную глазами русского ученого полтора столетия назад, и составить представление об их быте, нравах, культуре, религии. Как-то у Кришны спросили: «Почему вы остались в России, когда вас послали получить образование для работы на родине?» Он полушутя-полусерьезно ответил: «Я не остался в долгу перед родиной, так как отправил туда вместо себя дочь, и притом с внуками».

Заключение

Творчество вышеупомянутых авторов в условиях эмиграции имеет свою специфическую ценность. Все, создаваемое на родном языке в чуждой культурной среде, поддерживает привязанность эмигрантов к родному языку и родной культуре. Произведения южноазиатских авторов, созданные в России, имеют свои характерные черты, прежде всего такие, как новизна тематики и художественно-выразительных средств, а также синкретизм — соединение элементов традиционной поэтики и русской литературы. Но некоторые темы оказываются затронутыми практически каждым эмигрантским автором: это тема оставленной родины, ностальгия по ней, воспоминания, связанные с ней.

Приведенные в статье примеры не оставляют сомнения в том, что сочинения наших «отечественных южноазиатов» стали проводниками своей культуры в России и в то же время во многом способствовали знакомству читателей на своей исторической родине с российской действительностью.

[12] https://stihi.ru/2020/06/24/6523 (дата обращения: 19.07.2026).

Таким образом, при рассмотрении вопросов, связанных с культурными аспектами бытования южноазиатских диаспор в западных странах, не следует сбрасывать со счетов и диаспору в России с ее ограниченным, но ярким литературным миром — наглядным примером взаимодействия и плодотворного взаимовлияния различных типов культур.

Литература / Reference

Васильева Л. А. *Поэзия и проза на чужих берегах. Эмигрантская литература урду.* М.: ИВ РАН, 2018 [Vasilyeva Л. *A. Poetry and Prose on Alien Shores. Emigrant Urdu Literature*. Moscow: IV RAN, 2018 (in Russian)].

«*Великий Октябрь и народы Востока*». Академия наук СССР, Институт востоковедения. Отв. ред. А. А. Губер. М: Восточная литература, 1957 [*The Great October Revolution and the Peoples of the East*. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Ed. A. A. Guber. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1957(in Russian)].

Zia Abdul Q. *New Dimensions in Urdu Literature.* Sudbury: Canada, 1995.

Загородникова Т. В. *Л. Н. Толстой и Индия. Переписка*. Составитель, автор введения и примечаний. М.: Наука — Восточная литература, 2013 [Zagorodnikova T. V. *L. N. Tolstoy and India. Correspondence*. Moscow: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2013 (in Russian)].

Загородникова Т. В. *Индия и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских отношений.* М.: ИВ РАН, 2018. С. 95–99 [Zagorodnikova T. V. *India and the Silver Age of Russian Culture*. Moscow: IV RAN, 2018. Pp. 95–99 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Ленин В. И. Приветствие индийской революционной ассоциации. 1920 год. Полное собрание соч., 5-е изд. Т. 41. Май — ноябрь 1920. М.: Политиздат, 1974. С. 122 [Lenin V. I. Greetings to the Indian Revolutionary Association. 1920. Complete Works, 5th ed. Vol. 41. May–November 1920 (in Russian)]. URL: http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st578.shtml (дата обращения: 19.07.2026).

Сид Игорь. Ураганная победа народа. Анил Джанвиджай об индийской демократии, приверженности к рифме и любви к русским метареалистам [Sid Igor. A Hurricane-Like Victory for the People. Anil Janvijay on Indian democracy, a commitment to rhyme, and a love of Russian metarealists]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019–10–03/10_1000_interview.html (дата обращения: 19.07.2026).

Шрестха Кришна Пракаш. Путешествие Минаева в Непал [Shrestha Krishna Prakash. Minaev's travel to Nepal (in Russian)]. URL: https://stihi.ru/2020/06/24/6523 (дата обращения: 25.07.2026).

Ураганная Победа Народа. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-10-03/10_1000_interview.html (дата обращения: 25.07.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-317-323

ВОДНЫЙ ФАКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНЕ: ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2026

О. Е. Евсеенко[1]

Статья посвящена анализу водных ресурсов Центральной Азии и Афганистана как одного из наиболее острых потенциальных вызовов региональной безопасности в XXI в. В работе рассматриваются природные, антропогенные и правовые факторы, обуславливающие устойчивый конфликтный потенциал в сфере водопользования. Особое внимание уделяется фундаментальной асимметрии в распределении водных и энергетических ресурсов: основной сток формируется в бедных энергоносителями Таджикистане и Киргизии, тогда как основными потребителями выступают Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Анализируется и афганский фактор – Афганистан, контролирующий значительные объемы стока в бассейнах рек Амударьи, Гильменда и Кабула, остается вне системы региональных водных соглашений, а одностороннее строительство канала Кош-Тепа создает прямую угрозу интересам центральноазиатских государств. Рассматриваются проблемы низкой эффективности водопользования, устаревшей советской инфраструктуры, доминирование водоемкого сельского хозяйства, а также последствия изменения климата, включая сокращение ледников. Отмечается фрагментированность международно-правовой базы и отсутствие инклюзивных механизмов управления трансграничными водными ресурсами. Делается вывод о том, что совокупность природных, технологических и правовых вызовов превращает Центральную Азию и Афганистан в зону повышенного риска водных конфликтов.

Ключевые слова: Афганистан, водные ресурсы, Центральная Азия, водная безопасность, Кош-Тепа

Для цитирования: Евсеенко О. Е. Водный фактор в Центральной Азии и Афганистане: вызовы региональной безопасности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 317–323. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-317-323

THE WATER FACTOR IN CENTRAL ASIA AND AFGHANISTAN: CHALLENGES TO REGIONAL SECURITY

Olga E. Yevseenko

The article is the analysis of water resources in Central Asia and Afghanistan as one of the most acute potential challenges to regional security in the twenty-first century. The paper examines natural, anthropogenic, and legal factors that determine the persistent conflict potential in the sphere of water use. Special attention is paid to the fundamental asymmetry in the distribution of water and energy resources: the main runoff is formed in Tajikistan and Kyrgyzstan, which are poor in energy carriers, while the main consumers are Kazakhstan, Turkmenistan,

[1] Евсеенко Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Yevseenko, PhD (Hist.), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; mitrofanenkova.olga@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0076-2956

and Uzbekistan. The Afghan factor is also analyzed — Afghanistan, which controls significant volumes of runoff in the basins of the Amu Darya, Helmand, and Kabul rivers, remains outside the system of regional water agreements, and the unilateral construction of the Qosh-Tepa canal poses a direct threat to the interests of Central Asian states. The problems of low water use efficiency, outdated Soviet infrastructure, the dominance of water-intensive agriculture, as well as the consequences of climate change, including glacier retreat, are examined. The fragmentation of the international legal framework and the absence of inclusive mechanisms for managing transboundary water resources are noted. It is concluded that the combination of natural, technological, and legal challenges turns Central Asia and Afghanistan into a high-risk zone for water conflicts.

Keywords: Afghanistan, water sources, Central Asia, water security

For citation: Evseenko O. E. Water Factor in Central Asia and Afghanistan: Challenges to Regional Security. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 317–323. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-317-323

Общая характеристика мировой водной проблемы

В XXI в. в ряде регионов мира проблема водных ресурсов, а также и свободного доступа населения к ним стоит крайне остро. Вода лежит в основе устойчивого развития, энергетики и производства продовольствия, но самое главное — вода является одним из ключевых условий для выживания человечества. По мере роста численности населения мира возрастает и потребность в водных ресурсах. Согласно данным ООН, в 2024 г. 1,8 млрд чел. не имели доступа к питьевой воде в своих домах. Около половины населения мира (3,4 млрд чел.) по-прежнему не имеют доступа к безопасно управляемым услугам санитарии, что влечет за собой распространение различных заболеваний (дизентерия, холера, брюшной тиф и т. д.). Около 10% мирового населения проживает в странах с высоким или критическим уровнем недостаточности водных ресурсов. Наряду с этим около 72% всей забираемой пресной воды используется в сельском хозяйстве[2].

Ситуация, связанная с водными ресурсами, во многих странах мира продолжает ухудшаться. В более чем половине из них деградировали один или несколько типов пресноводных экосистем, включая реки, озера и водоносные горизонты[3]. Основными факторами, которые приводят к деградации водных ресурсов, являются изменения климата (глобальное потепление) и сельское хозяйство.

За чуть более чем полвека в ряде регионов мира было потеряно более 30% ледниковой массы. Некоторые горные хребты в низких и средних широтах рискуют лишиться функционирующих ледников в ближайшие десятилетия, что ставит под угрозу долгосрочную безопасность сотен миллионов людей, которые зависят от рек, питаемых таянием ледников и снега, для получения питьевой воды, орошения и производства гидроэлектроэнергии [Global Цater Bankruptcy, 2026].

Согласно также статистическим данным, наиболее остро проблема водных ресурсов стоит в трех регионах мира: Ближний Восток и Северная Африка, Южная Азия и Центральная Азия. Несмотря на то, что водная проблема в странах Центральной Азии и Афганистане стоит не так остро, как в Кувейте, Израиле и некоторых других странах[4], тем не менее это является одной из значимых угроз безопасности для всего региона. А в потенциале неравномерность их распределения, а также и особенности правового регулирования данной сферы могут привести к конфликтам за водные ресурсы в Центральной Азии.

[2] Global issues. Water. URL: https://www.un.org/en/global-issues/water (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Half of world's countries have degraded freshwater systems, UN finds. UNEP. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/half-worlds-countries-have-degraded-freshwater-systems-un-finds (дата обращения: 15.06.2026).

[4] Water stress by the country. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/water-stress-by-country (дата обращения: 17.07.2026).

• *Общая характеристика водных ресурсов Центральной Азии и Афганистана*

Значительная часть Центральной Азии, а также и Афганистан характеризуется полузасушливым и засушливым климатом. Для данного региона характерен резко континентальный климат с большой амплитудой сезонных температур. Поэтому территории, прилегающие к неглубоко залегающим грунтовым водам, рекам и озерам, отличаются наличием уникальных водозависимых экосистем и человеческих сообществ, которые развивались на протяжении тысячелетий в тесном взаимодействии с естественно ограниченными водными ресурсами. В начале XXI в. глобальное изменение климата, рост численности населения, строительство плотин на реках, масштабный забор воды и повышение уровня загрязнения оказывают множественное давление на водные ресурсы региона, водные и наземные экосистемы. Дефицит воды угрожает средствам существования населения как на локальном уровне, так и в трансграничном контексте из-за обострения конкуренции за ограниченный ресурс. Этот контекст имеет особое значение, поскольку все крупные реки региона пересекают как минимум одну государственную границу[5].

При этом ожидается, что Центральная Азия станет одной из «горячих точек» изменения климата с растущей уязвимостью водных ресурсов в ближайшем будущем[6]. Большое количество трансграничных рек в Центральной Азии может с высокой вероятностью привести к водным конфликтам.

Большая часть водных ресурсов, которая питает регион, берет начало в горной системе Тянь-Шаня и в горной системе Памира.

Основной водный поток в регионе Центральной Азии преимущественно формируется в двух «верхних» странах — Киргизии и Таджикистане. При этом данные страны считаются наиболее бедными с точки зрения запасов энергоносителей. Основными потребителями воды являются более обеспеченные природными ресурсами Казахстан, Туркмения и Узбекистан [Притчин, 2026].

При этом часть водных ресурсов страны Центральной Азии вынуждены делить с Афганистаном. К трансграничным рекам Афганистана и Центральной Азии относятся Амударья, Пяндж, Герируд (Харируд), Мургаб, Гильменд и Кабул.

Речные системы Герируда и Мургаба в бассейне р. Амударьи текут на север и используются совместно с Туркменистаном. Вахан, Пяндж и другие реки Бадахшана (Кундуз, Кокчу) формируют трансграничный сток между Афганистаном и центральноазиатскими государствами — Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном[7].

Пяндж протекает между Афганистаном (левый берег) и Таджикистаном и питается от горных ледников, так же как и все наиболее крупные реки в Афганистане. Реки же восточной окраины принадлежат к бассейну Инда (р. Кабул и ее левый приток р. Кунар). При этом многие реки в Афганистане являются периодическими (несут воду только в сезон дождей) и эпизодическими (наполняются водой только при редких ливнях) [Давыдов, 2000]. Бассейн р. Амударьи занимает 12% территории Афганистана и обеспечивает жизнедеятельность около 25% населения страны [The World Bank, 2004].

Во многих странах региона сельское хозяйство является той отраслью хозяйства, которая потребляет наибольшее количество воды.

На сельское хозяйство Афганистана приходится до 93% всего водопользования в стране. В Афганистане можно выделить три крупных речных бассейна: р. Гильменд в бассейне Систана, стекающая в сторону Ирана; р. Кабул в бассейне Инда, стекающая в сторону Пакистана; р. Амударья

[5] Water resources and their management in Central Asia in the early 21st century: status, challenges and future prospects. URL: https://www.researchgate.net/publication/269401721_Water_Resources_and_Their_Management_in_Central_Asia_in_the_Early_21st_Century_Status_Challenges_and_Future_Prospects (дата обращения: 17.07.2026).

[6] Ibid.

[7] Ibid.

в бассейне Амударьи, стекающая в сторону государств Центральной Азии. Площадь орошаемых земель в долине р. Гильменд сопоставима с площадью орошаемых земель в долине р. Амударьи, но площадь богарного земледелия[8] в долине р. Гильменд меньше, чем в долине р. Амударьи [The World Bank, 2004]. В отличие от Амударьи Гильменд является типичной рекой снего-дождевого питания. Однако в 1950-е гг. в бассейне р. Гильменд было построено несколько крупных плотин в целях орошения [Зонн, 2022]. Тем не менее особенности питания реки приводят к значительным колебаниям стока как по годам, так и в течение одного года, что, в свою очередь, создает сложности для планирования орошения. В результате Афганистан вынужден больше опираться в сфере орошения на сток р. Амударьи, так как он более стабильный.

В Центральной Азии около 90% всего забора поверхностных и подземных вод используется в сельском хозяйстве, что превышает показатели любого другого региона мира. Сельскохозяйственный сектор является ключевым фактором изменений земельного покрова в регионе. Орошение в засушливых и полузасушливых условиях приводит к высыханию рек, засолению почв и вод, а также способствует эрозии биогенных элементов и агрохимикатов в поверхностные водоемы [Зонн, 2022].

Еще одной проблемой региона является также крайне низкая эффективность использования водных ресурсов. К данной проблеме стоит отнести прежде всего старение и износ гидротехнической инфраструктуры, которая была построена еще в советское время. Отмечается высокий уровень потери воды из-за просачивания в неукрепленных каналах и испарения еще на стадии доставки воды до полей. Кроме того, в регионе используются малоэффективные методы полива, которые приводят как к большим потерям воды при ирригации, так и способствуют ухудшению качества почвы [Винокуров, 2023, с. 4].

При этом ситуация, связанная с водными ресурсами, усугубляется также и из-за изменения климата.

Влияние климатических изменений на водные ресурсы в регионе

Несмотря на то, что в регионе водные ресурсы ограничены, на них также негативное воздействие оказывает и изменение климата.

За последние десятилетия отмечается сокращение объемов ледников в Центральной Азии. Многие небольшие ледники уже полностью исчезли, а более крупные разделились на несколько рукавов и отступили на большие высоты. Так, в период с 1977 по 2007 г. наблюдалось сокращение ледников на 23,4% в районе центрального Тянь-Шаня[9]. Для реки Пяндж, главного притока реки Амурдарьи, вероятно сокращение площади ледника, питающего ее, на 36–45% к 2050 г. из-за потепления климата[10]. Глобальное потепление, которое сопровождается ростом средних температур, оказывает негативное воздействие на регионы, которые почти полностью зависят от талых ледниковых вод. Даже для речных бассейнов со стабильным годовым стоком потеря массы ледников с высокой вероятностью может привести к снижению стока в летние месяцы, что в потенциале сократит возможности для орошения в тот период, когда это наиболее необходимо. При этом ситуация в будущем может еще больше усугубиться из-за особенностей правового раздела водных ресурсов между странами Центральной Азии и Афганистаном.

[8] Богарное земледелие — способ возделывания сельскохозяйственных культур без использования искусственного орошения, с использованием естественных осадков.

[9] Water resources and their management in Central Asia in the early 21st century: status, challenges and future prospects. URL: https://www.researchgate.net/publication/269401721_Water_Resources_and_Their_Management_in_Central_Asia_in_the_Early_21st_Century_Status_Challenges_and_Future_Prospects (дата обращения: 17.07.2026).

[10] Ibid.

Соглашения о разделе вод

Между Афганистаном и СССР было подписано несколько соглашений о разделе вод. Наиболее значительными из них являются соглашения 1921 г., 1946 г. и 1958 г., которые преимущественно затрагивали вопросы, связанные с границами между странами. Основное внимание в этих соглашениях уделялось делимитации границ по р. Амударье, правам судоходства по реке и поддержанию качества воды в реке. В договоре 1958 г. стороны пришли к согласию, что любое крупное строительство на р. Пяндж и р. Амударье, являющихся пограничными водами между Афганистаном и Советским Союзом, должно осуществляться только после достижения согласия между сторонами[11].

После распада СССР страны Центральной Азии заключили между собой ряд соглашений, направленных на раздел водных ресурсов. В феврале 1998 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» между Казахстаном, Киргизией, Туркменией, Таджикистаном и Узбекистаном. В рамках соглашения страны признали общность гидроресурсов, договорились о равных правах на их эксплуатацию, об ответственности за рациональное использование и необходимости соблюдать согласованный порядок [Зонн, 2022]. Данное соглашение заложило общую правовую основу. Позднее государства Центральной Азии в 1999 г. подписали Соглашение о статусе Международного фонда спасения Арала и организаций. Однако еще в 1993 г. было подписано Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона [Зонн, 2022]. Соглашение 1993 г. было направлено на рациональное использование ресурсов, поддержание качества воды, сохранение Аральского моря, восстановление экосистем, улучшение условий жизни жителей бассейна Аральского моря, а также на выработку общей стратегии социально-экономического развития. Второе соглашение, направленное на создание МФСА, создало постоянный механизм для реализации целей, заявленных в соглашении 1993 г.

В 1998 г. было подписано трехстороннее соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья. Позднее к нему присоединился Таджикистан[12]. Документ был нацелен на согласованное использование Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ. В 2000 г. Казахстан и Киргизия заключили отдельное Соглашение об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на р. Чу и р. Талас[13].

Если между государствами Центральной Азии существовала правовая база, регулирующая использование водных ресурсов, то совершенно иной была ситуация, связанная с Афганистаном. Ранее уже было отмечено, что между Советским Союзом и Афганистаном были заключены договоры, которые контролировали использование водных ресурсов. Но ситуация изменилась с распадом СССР и началом нового этапа вооруженной борьбы за власть в Афганистане. После падения режима Наджибуллы в 1992 г. политическая нестабильность и вооруженный конфликт стали одними из тех факторов, которые не позволили Афганистану присоединиться к договорам. В последующем, уже после прихода к власти Движения Талибан в 1996 г., страна фактически утратила правосубъектность (т. к. была признана только ОАЭ, Пакистаном и Саудовской Аравией), что было одним из препятствий для талибских властей присоединиться к договорам о разделе водных ресурсов. В период с 2002 по 2024 г. афганское руководство при содействии США предлагало центральноазиатским

[11] Ibid.

[12] Су-энергетикалық ресурстарды тиімді пайдалану саласындағы Орталық Азия елдерімен ынтымақтастық. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/596 (дата обращения: 12.07.2026).

[13] Ibid.

республикам подписать новый договор вместо существовавшего ранее договора 1946 г. Однако данная инициатива не встретила поддержки в странах Центральной Азии [Мустафабейли, 2025].

Важно также добавить, что в республиканский период в 2007 г. Министерство энергетики и водных ресурсов Афганистана подготовило документ «Политика Афганистана по трансграничным водам», а годом позже, в 2008 г., — Национальную стратегию водной безопасности. В стратегии было указано, что государства, которые граничат с Афганистаном, без консультации с ним как с источником водных ресурсов в верхнем течении увеличивают свое водопотребление из трансграничных вод на протяжении тридцатилетнего периода оккупации и восстановления после вооруженных конфликтов [Зонн, 2022].

Исламский Эмират Афганистан не участвует ни в международных, ни в региональных договорённостях в сфере использования водных ресурсов и действует по своему усмотрению, руководствуясь правом, равным с правами соседних стран [Мустафабейли, 2025, с. 98]. При этом Афганистан контролирует часть регионального водостока. С 2022 г. в Афганистане строится канал Кош-Тепа для расширения поливных площадей, но используется здесь вода, формирующая водосток р. Амударьи. Ожидается, что канал может привести к увеличению водостока для афганской стороны [Притчин, 2026].

Можно сказать, что Афганистан, проводя свою водную политику, действует без консультаций с другими странами региона [Жильцов, 2024].

Выводы

Проблема водных ресурсов в Центральной Азии и Афганистане представляет собой один из наиболее острых вызовов региональной безопасности в XXI в. Несмотря на то, что по абсолютным показателям водообеспеченности регион не входит в число самых критических зон мира, сочетание природных, антропогенных и политических факторов создает здесь устойчивый конфликтный потенциал.

Прежде всего регион характеризуется фундаментальной асимметрией в распределении водных и энергетических ресурсов. Основной сток формируется на территории бедных энергоносителями Киргизии и Таджикистана, тогда как основными потребителями выступают более богатые природными ресурсами Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Этот фактор может привести к серьезным противоречиям между странами, особенно на фоне изменения климата.

Наряду с этим ситуация также усугубляется и афганским фактором. Афганистан, контролирующий значительные объемы стока в бассейнах Амударьи, Гильменда и Кабула, остается вне системы региональных водных соглашений. Отсутствие правового механизма, который бы регулировал водопользование между Афганистаном и центральноазиатскими государствами, а также и односторонние действия афганских властей (включая строительство канала Кош-Тепа) создают прямую угрозу интересам стран Центральной Азии. При этом канал Кош-Тепа лишит части водных ресурсов страны Центральной Азии, что, в свою очередь, приведет к серьезному ухудшению отношений между странами внутри региона и повысит конфликтный потенциал в нем.

В регионе также сохраняется крайне низкая эффективность использования водных ресурсов. Устаревшая советская инфраструктура, высокие потери воды, малоэффективные методы полива и доминирование водоемкого сельского хозяйства способствуют истощению ресурсов, засолению почв и деградации экосистем. Эти проблемы усугубляются изменением климата — сокращением ледников, которые питают реки, что ставит под угрозу долгосрочную устойчивость речного стока.

Международно-правовая база водопользования в регионе продолжает оставаться фрагментированной и неполной. Соглашения, которые были заключены между пятью центральноазиатскими государствами, были заключены без участия Афганистана, хотя он также делит водосток

рек со странами Центральной Азии. При этом Афганистан не считает себя на данный момент обязанным соблюдать старые советско-афганские соглашения, а также проводит единоличную политику в сфере водопользования, не прибегая к консультациям с его северными соседями по региону.

Таким образом, совокупность природных, технологических и правовых вызовов делает Центральную Азию и Афганистан зоной повышенного риска водных конфликтов.

Литература/ References

Винокуров Е. (ред.). Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 23/4. Алматы: *Евразийский банк развития*, 2023. С. 4 [Vinokurov E. (ed.). Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia. Reports and Working Papers 23/4. Almaty: *Eurasian Development Bank*. 2023. P. 4 (in Russian)].

Давыдов А. Д. Афганистан. Справочник. М.: Наука, 2000. С. 23–25 [Davydov A. D. Afghanistan: A Reference Book. Moscow: Nauka, 2000. Pp. 23–25 (in Russian)].

Жильцов С. С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана. *Постсоветские исследования*. 2024. № 3. С. 45–58 [Zhiltsov S. S. The Problem of Water Resources Scarcity in Central Asia: The Afghan Factor. Post-Soviet Studies. 2024. No. 3. Pp. 45–58 (in Russian)].

Зонн И. С., Жильцов С. С., Семенов А. В., Костяной А. Г. Водная политика Афганистана в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022. Т. 9. № 2. С. 112–125 [Zonn I. S., Zhiltsov S. S., Semenov A. V., Kostianoy, A. G. Afghanistan's Water Policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2022. Vol. 9. No. 2. Pp. 112–125 (in Russian)].

Мустафабейли А. М. Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепа. *Россия и новые государства Евразии.* 2025. № 1. С. 88–101 [Mustafabeyli A. M. Central Asia: The Problem of Water Use in the Context of the Construction of the Afghan Kush-Tepa Canal. *Russia and New States of Eurasia*. 2025. No. 1. Pp. 88–101 (in Russian)].

Притчин С. А., Клюев С. А. Проблемы и вызовы совместного использования водных ресурсов Центральной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2026. Т. 70. № 4. С. 11–22 [Pritchin, S.A., Klyuev, S. A. Problems and Challenges of the Shared Use of Water Resources in Central Asia. *World Economy and International Relations*. 2026. Vol. 70. No. 4. Pp. 11–22 (in Russian)].

Global Water Bankruptcy: Living beyond Our Hydrological Means in the Post-Crisis Era. Hamilton, Canada: UN University Institute for Water, Environment and Health, 2026. P. 10.

Water Resource Development in Northern Afghanistan and Its Implications for the Amu Darya Basin. Washington, D.C.: The World Bank, 2004. P. 1.

Электронные ресурсы /Online resources

Global issues. Water. United Nations. URL: https://www.un.org/en/global-issues/water (дата обращения: 15.06.2026).

Half of world's countries have degraded freshwater systems, UN finds. UN Environment Programme. URL: https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/half-worlds-countries-have-degraded-freshwater-systems-un-finds (дата обращения: 15.06.2026).

Water stress by the country. World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/water-stress-by-country (дата обращения: 17.07.2026).

Water resources and their management in Central Asia in the early 21st century: status, challenges and future prospects. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/269401721_Water_Resources_and_Their_Management_in_Central_Asia_in_the_Early_21st_Century_Status_Challenges_and_Future_Prospects (дата обращения: 17.07.2026).

Су-энергетикалық ресурстарды тиімді пайдалану саласындағы Орталық Азия елдерімен ынтымақтастық. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/596 (дата обращения: 12.07.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-324-338

МЕЖДУ НАУКОЙ И ДИПЛОМАТИЕЙ: ТРАЕКТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ПАПУА–НОВОЙ ГВИНЕЕЙ ЧАСТЬ III

© 2026

Н. Н. Миклухо-Маклай мл.[1]

Папуа–Новая Гвинея (ПНГ) — крупнейшая и самая быстроразвивающаяся страна в Океании, с которой у России складываются дружественные научные и гуманитарные связи на протяжении полутора веков. Сотрудничество с ПНГ — своего рода государством-гигантом среди малых островных государств Океании — представляется весьма актуальным в свете стремления России усилить свою роль и влияние в регионе Южных морей.

Истоки двусторонних контактов восходят к научным экспедициям Н. Н. Миклухо-Маклая во второй трети XIX в. Их результаты не только расширили научные знания мирового сообщества, но и инициировали устойчивый межкультурный диалог между нашими странами. Его преемниками стали советские исследователи, продолжившие традиции научно-дипломатического посредничества. Опираясь на анализ деятельности ученых XIX–XX вв., представленный в первой и второй частях исследования Вестника ИВ РАН (2026, № 2 и № 3), третья часть предлагает рассмотрение основных событий 2010–2020-х гг.

Цель работы — проанализировать роль современных ученых сквозь призму концепции мультитрековой дипломатии, а также выявить потенциал использования неформальных каналов на основе исторического опыта в контексте связей между Российской Федерацией и Независимым Государством Папуа–Новая Гвинея.

Предпринятое исследование позволяет провести сопоставительный анализ исторического опыта и современных реалий научно-дипломатической деятельности. Особую актуальность работа приобретает ввиду отсутствия на современном этапе в двусторонних отношениях официальных дипломатических представительств (посольств и аккредитованных представителей на территории каждой из сторон). В этих условиях ключевое значение приобретает изучение неформальных каналов коммуникации и роли негосударственных акторов во внешней политике.

Опираясь на общенаучные методы сравнительного анализа и обобщения эмпирического материала, автор приходит к выводу о высокой эффективности ученых-дипломатов, действующих в рамках мультитрековой дипломатии в рассматриваемых отношениях двух стран.

Установлено, что научно-дипломатическая деятельность служит существенным ресурсом для поддержания и развития межгосударственных отношений в условиях дефицита формальных институтов.

Ключевые слова: неофициальная дипломатия, мультитрековая дипломатия, ученый-дипломат, Папуа–Новая Гвинея, СССР и ПНГ, Миклухо-Маклай

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа–Новой Гвиней. Часть III. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 324–338. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-324-338

[1] Миклухо-Маклай (мл.) Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Санкт-Петербург; nn@mikluho-maclay.ru

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr., PhD (Hist.), Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, St Petersburg; nn@ mikluho-maclay.ru

ORCID: 0000-0002-5085-1693

BETWEEN SCIENCE AND DIPLOMACY: THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S RELATIONS WITH PAPUA NEW GUINEA PART III

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr.

Papua New Guinea (PNG) is the largest and fastest-growing country in Oceania, with which Russia has maintained friendly scientific and humanitarian ties for a century and a half. Cooperation with PNG — a sort of giant among the small island states of Oceania — appears highly relevant in light of Russia's desire to strengthen its role and influence in the South Pacific region.

The origins of bilateral contacts date back to the scientific expeditions of N. N. Miklouho-Maclay in the second third of the nineteenth century. Their findings not only expanded the scientific knowledge of the global community but also initiated a sustained intercultural dialogue between our countries. Soviet researchers became his successors, continuing the traditions of scientific and diplomatic mediation. Building on the analysis of the activities of nineteenth– twentieth century scholars presented in the first and second parts of the study in Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. 2026, no. 2 and no. 3, the third part of the study examines the key events of the 2010s–2020s.

The aim of this research is to analyse the role of contemporary scholars through the lens of the concept of multi-track diplomacy, and to identify the potential for utilising informal channels, drawing on historical experience, in the context of relations between the Russian Federation and the Independent State of Papua New Guinea.

This research enables a comparative analysis of historical experience and the contemporary realities of scientific and diplomatic activity. The work is of particular relevance given the current absence of official diplomatic missions (embassies and accredited representatives on the territory of each party) in bilateral relations. In these circumstances, the study of informal channels of communication and the role of non-state actors in foreign policy takes on key significance.

Drawing on general scientific methods of comparative analysis and the synthesis of empirical data, the author concludes that academic diplomats operating within the framework of multi-track diplomacy are highly effective in the relations between the two countries under consideration.

It has been established that academic-diplomatic activity serves as a significant resource for maintaining and developing inter-state relations in the absence of formal institutions.

Keywords: informal diplomacy, multi-track diplomacy, scholar-diplomat, Papua New Guinea, the USSR and PNG, Miklouho-Maclay

For citation: Miklouho-Maclay N. N. jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part III. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 324–338. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-324-338

Введение

Настоящая работа приурочена к двум знаковым юбилейным датам 2026 г.: 19 мая исполняется 50 лет со дня установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Папуа–Новой Гвинеей, а 17 июля отмечается 180-летняя годовщина со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая (1846–1888) — ученого, путешественника и общественного деятеля, чьи усилия стали отправной точкой в налаживании контактов России и Новой Гвинеи.

В современных условиях, характеризующихся высокой степенью геополитической турбулентности, заметно возрастает научный интерес к исследованию неформальных каналов дипломатии и роли негосударственных акторов в системе международных отношений. В статье автора «Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа–Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть II» (см.: [Миклухо-Маклай мл., 2026b, с. 93–103] рассматривалась инфраструктура двустороннего взаимодействия, используемая в рамках мультитрековой дипломатии Фондом им. Миклухо-Маклая в период 2017–2025 гг., однако системному анализу до сих пор не подвергалась роль и место ученых в контексте научно-дипломатических отношений с опорой на исторический опыт.

Впервые осуществляется систематизация исторического опыта научно-дипломатического взаимодействия России с ПНГ с XIX в. до современности. Это позволяет сформулировать практические рекомендации по интеграции неофициальных акторов в систему официальной внешней политики РФ в контексте отношений с Папуа–Новой Гвинеей.

Исторический контекст взаимоотношений двух стран имеет глубокие корни. Папуа–Новая Гвинея — крупнейшая и самая быстроразвивающаяся страна в Океании. Принцип ведения ее внешней политики «Друзья — всем, враги — никому», что позволяет ей выстраивать множество взаимовыгодных связей на международной арене. Первые контакты начались задолго до формирования государственности на острове Новая Гвинея: связи между Россией и жителями острова Новая Гвинея начали складываться в последней трети XIX в. благодаря нашему соотечественнику Николаю Николаевичу Миклухо-Маклаю (см. статью Н. Н. Миклухо-Маклая мл.: [Миклухо-Маклай, 2022a, с. 231]). Ученый не только первым из европейцев установил дружественный контакт с коренным населением северо-востока острова, но и последовательно отстаивал принципы уважения традициям и культуре местных общин, получив мировое признание как борец против расизма [Levit, Hossfeld, 2020, pp. 14–15].

Добрая память о Миклухо-Маклае существенно повлияла на поддержание дружественных связей на протяжении последних полутора веков [Миклухо-Маклай, 2020a, с. 276]. В советский период ученые продолжили эту традицию, внося существенный вклад в развитие позитивной повестки. Их наработки стали ценным заделом для современных исследователей региона и выстраивания научно-дипломатического диалога (см. об этом: [Миклухо-Маклай мл., 2026a, с. 77–88]). Таким образом, наличие непрерывного исторического массива данных о деятельности ученых в рамках неофициальной дипломатии (с XIX в. по настоящее время) создает уникальную возможность для комплексного анализа эволюции научно-дипломатического взаимодействия между Россией и Папуа–Новой Гвинеей.

Неофициальная и официальная дипломатия

Не претендуя на полный обзор темы неофициальной и официальной дипломатии, которой многие солидные исследователи посвятили отдельные монографии, автор считает необходимым обратить внимание на теоретические аспекты мультитрековой дипломатии.

Формирующей основой в международных отношениях является дипломатия государства: это основной субъект международного права, и внешняя политика государства определяет характер отношений каждой эпохи и каждого времени. В условиях сложившейся геополитической турбулентности все большее значение начинает приобретать неофициальная дипломатия, которую отличает мобильность во взаимодействии с партнерами [Бурлинова, 2017, с. 43].

С начала 1980-х гг. распространение получила мультитрековая дипломатия (Multi-Track Diplomacy) [Diamond, McDonald, 1996], которая широко известна в теории и апробирована в международной практике [Шевчук, 2023, с. 182–191]. Термин был использован в 1981 г. американским дипломатом Джозефом Монтвилем для описания системы взаимодействия официальной дипломатии в тесном сотрудничестве с неофициальной [Davidson, Montville, 1981–1982, pp. 145–157]. Доктор философии Луиза Даймонд и дипломат Джон Макдональд (1922–2019), посол США в ООН, основатель Института мультитрековой дипломатии (The Institute for Multi-Track Diplomacy, IMTD), вдохновленные статьей Монтвиля, в своей совместной работе «Мультитрековая дипломатия: Системный подход к миру» (1996) представили девять «треков» неофициальной дипломатии именно как направления. Авторы отмечали, что «синергетический эффект создает совместное взаимодействие по всем трекам в рамках достижения устойчивого мира» [Diamond, McDonald, 1996].

Применительно к отношениям РФ и ПНГ термин «треки» обозначает уровни влияния и сотрудничества с официальной дипломатией (первым треком), которые проявляются через специализированные каналы взаимодействия: научный, культурный, деловой и иные. При этом отличительной чертой дипломатии «полуторного», «второго» и «третьего» треков выступает их относительная автономия: представители данных уровней способствуют формированию и продвижению государственных интересов, не обладая официальным дипломатическим статусом [Миклухо-Маклай мл., 2025b, с. 210].

В отечественной науке в коллективной монографии «Публичная дипломатия. Теория и практика», вышедшей в 2017 г. под редакцией проф. М. М. Лебедевой, впервые были рассмотрены теоретические аспекты и практика использования неофициальной дипломатии. Авторы монографии трактуют публичную дипломатию как воздействие одного государства на общество другого. При этом такое воздействие может осуществляться как официальными, так и неофициальными лицами, а его субъектами могут выступать не только государства, но и надгосударственные образования [Публичная дипломатия..., 2017, с. 5]. М. М. Лебедева справедливо акцентирует внимание на необходимости достижения эффекта «улицы с двусторонним движением», когда воздействие официальной дипломатии на гражданское общество дополняется обратным воздействием, создавая синергию и координацию между официальными и неофициальными треками дипломатии [Лебедева, 2015, с. 48].

Формальные контакты

После закрытия в 1992 г. советского посольства в ПНГ несколько лет официальные дипломатические отношения между двумя странами не поддерживались. С 1995 г. российская сторона представлена в ПНГ чрезвычайным и полномочным послом России в Индонезии и в Независимом Государстве Папуа–Новой Гвинее по совместительству, не находясь фактически на территории ПНГ, поддерживая формальные контакты[2].

[2] Указ Президента Российской Федерации от 13.09.1995 г. № 935 «О назначении Соловьева Н. Н. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Индонезии и в Независимом Государстве Папуа–Новая Гвинея и Республике Кирибати по совместительству». См.: Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8303 (дата обращения: 10.03.2026).

До конца 1990-х гг. связи между СССР/Россией и ПНГ были пассивными в связи с тяжелейшими социальными, политическими и экономическими потрясениями и периодом оптимизации и сокращения финансирования МИДа.

С 2010-х гг. можно наблюдать активизацию двусторонних отношений РФ и ПНГ. На площадке Генассамблеи ООН в Нью-Йорке[3] организованы регулярные встречи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова с высокими представителями развивающихся островных государств южной части Тихого океана ЮЧТО (14 тихоокеанских островных стран, включая ПНГ[4]). Формат встреч сравним с отдельными двусторонними переговорами, которые имеют целью развитие двустороннего сотрудничества. Можно отметить, что в области политического взаимодействия наблюдается совпадение позиций двух стран по основным глобальным вопросам, включая борьбу с международным терроризмом, изменением климата и т. п. (подробнее см.: [Миклухо-Маклай мл., 2026b, с. 160–161]).

Новый этап двусторонних отношений

Новый виток отношений между РФ и ПНГ начался на полях Саммита АТЭС-2018 по итогу встречи Дмитрия Медведева (премьер-министр РФ 2012–2020 гг.) с премьер-министром Питером О'Нилом[5]. О'Нил получил личное приглашение посетить Россию. Однако визит не состоялся, на это повлиял ряд обстоятельств — всемирный локдаун, связанный с пандемией COVID-19, и смена премьер-министров в России и ПНГ. Приглашение было подтверждено действующим премьер-министром ПНГ, что будет рассмотрено далее в тексте.

В рамках культурной программы на Саммите АТЭС-2018 в Порт-Морсби учеными и экспертами были подготовлены выставки об истории путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая. Эти мероприятия, организованные в столичном университете, национальной библиотеке и отеле Хилтон, особенно привлекли международные СМИ и позволили представить Россию как давнего друга и надежного партнера. Особая заслуга в этом ученых и экспертов Фонда им. Миклухо-Маклая[6]. Фонд, основанный в 2017 г., поставил цель возродить научные исследования и дружественные контакты между странами через организацию экспедиций и культурно-образовательные проекты[7].

В рамках деловой программы Фонд им. Миклухо-Маклая подписал ряд меморандумов, в частности с университетом г. Порт Морсби и г. Маданга, а также с Национальной библиотекой и Архивом ПНГ (совместно с РНБ), бизнес-компаниями. Эти соглашения позволили формально закрепить налаженные отношения для последующей реализации научных и культурно-образовательных проектов (подробнее см. [Миклухо-Маклай мл., 2026b, с. 162–163]).

По итогу визита российской делегации в Папуа–Новую Гвинею правительством РФ был дан ряд поручений о развитии культурных и гуманитарных связей с Независимым Государством Папуа–Новая Гвинея. Это позволило 12 декабря 2019 г. открыть Российский кабинет в столице ПНГ, на площадке которого был организован ряд мероприятий, в том числе — курсы русского языка,

[3] 66-я сессия (2011–2012 гг.). Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/ga/66/ (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Pacific Small Island Developing States (PSIDS). URL: https://sdgs.un.org/statements/pacific-small-island-developing-states-psids-11452 (дата обращения: 10.03.2026).

[5] Встреча Дмитрия Медведева с Премьер-министром Папуа–Новой Гвинеи Питером О'Нилом. Правительство России. Новости. 17 ноября 2018. URL: http://government.ru/news/34747/ (дата обращения: 12.03.2026).

[6] Мероприятия на АТЭС-2018. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/projekts/meropriyatiya-na-ates-2018/ (дата обращения: 12.03.2026).

[7] Цели и задачи Фонда. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/resuslts/ (дата обращения: 12.03.2026).

разработанные экспертами (учеными) Фонда им. Миклухо-Маклая и преподавателями Петербургского государственного университета путей сообщений (ПГУПС)[8].

Преемственность подходов

В период 2017–2025 гг. было проведено семь научно-исследовательских экспедиций[9], которые послужили фундаментом для осуществления образовательно-просветительских проектов в РФ и ПНГ[10]. Их целью являлась популяризация культуры России в Папуа–Новой Гвинее, а также ознакомление российской аудитории с культурным наследием ПНГ[11].

Значимым этапом в развитии двусторонних контактов стало проведение первого телемоста между нашими странами в 2017 г.[12] Мероприятие было организовано по инициативе автора этой статьи в ходе первой в новейшей истории РФ комплексной научно-исследовательской экспедиции, нацеленной на изучение культурного и этнографического потенциала региона. В телемосте принял участие основатель государства и первый премьер-министр страны М. Сомаре (1936–2021) [Миклухо-Маклай, Пале, 2022а, с. 270], который в своем выступлении заявил: «Я очень горд встретиться с потомком Миклухо-Маклая. Мы приветствуем ученых-натуралистов из России. Мы можем показать вам неизвестную часть мира — нашу страну Папуа–Новая Гвинея». Он также подчеркнул: «Россия — желанный партнер, которого ждут в ПНГ»[13]. Данное высказывание зафиксировало готовность ПНГ к углублению диалога на межгосударственном уровне, а также открытость к развитию научно-культурных связей по неформальным каналам. Регулярные этнографические исследования стали серьезным подспорьем в формирования научно-дипломатических связей в соответствии с историческими прецедентами.

Таким образом, события показали, что наследие Н. Н. Миклухо-Маклая выступает значимым фактором в построении доверительных отношений между нашими странами. Историческая память о деятельности русского ученого создает благоприятный контекст для межкультурного диалога и служит культурно-историческим фундаментом развития дружественных связей как с местными сообществами, так и с политической элитой страны. Данный тезис, неоднократно отмечавшийся в работах советских ученых, не потерял актуальности и на современном этапе [Миклухо-Маклай мл., 2026а].

Сочетание научных экспедиций, образовательных проектов и личных контактов формирует устойчивую модель мультитрековой дипломатии, демонстрируя преемственность подходов, заложенных Н. Н. Миклухо-Маклаем — «ученым-дипломатом», который с их помощью предвосхитил основные принципы мультитрековой дипломатии.

---

[8] В Папуа-Новой Гвинее открылся Кабинет русского языка. См.: Российская газета. 15.12.2019. URL: https://rg.ru/2019/12/15/v-papua-novoj-gvinei-otkrylsia-kabinet-russkogo-iazyka.html (дата обращения: 18.03.2026).

[9] Подробнее обзор экспедиций см.: [Миклухо-Маклай мл., 2025а].

[10] В Папуа–Новой Гвинее открыт первый компьютерный класс. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/v-papua-novoj-gvinee-otkryt-pervyj-kompyuternyj-klass/ (дата обращения: 12.03.2026).

[11] Основные проекты Фонда им. Миклухо-Маклая. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://clc.li/2017-2025-projects-Maclayfoundation (дата обращения: 12.03.2026).

[12] Телемост соединил Папуа–Новую Гвинею и Россию. Новости Кунсткамеры. 21.09.2017. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/telemost-soedinil-papua-novuyu-gvineyu-i-rossiyu/; Телемост связал Неву и Берег Маклая. См.: Русский меценат. 20.09.2017. URL: http://rusmecenat.ru/telemost-svyazal-nevu-i-bereg-maklaya/ (дата обращения: 18.03.2026).

[13] Россию помнят в Папуа–Новой Гвинее. Фонд сохранения этнокультурного наследия имени Миклухо-Маклая, 02:02. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-133186284_20/video-133186284_456239489 (дата обращения: 12.03.2026).

Переговоры «полуторного трека»

В новейшей истории российско-папуа-новогвинейских отношений день 19 сентября 2019 г. отмечен первым случаем, когда автор совершил визит в страну по туристической визе, полученной посредством удаленного доступа. Об этом впервые сообщили в новостном разделе сайта Фонда им. Миклухо-Маклая[14]. Примечательно, что это произошло ровно через 148 лет после первого визита на о-в Новая Гвинея российского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая (19 сентября 1871 г.).

Однако на протяжении более чем тридцати лет посещение ПНГ для россиян было существенно затруднено. Российское посольство в стране было закрыто в 1992 г. в рамках сокращения дипломатического присутствия и оптимизации расходов МИД [Миклухо-Маклай, 2020b, с. 219]. В 2010-х гг. российская сторона поднимала вопрос организации визового режима для граждан РФ, но его решение не продвигалось в рамках официальных дипломатических контактов. В 2019 г. определенную роль в продвижении инициативы сыграли устойчивые контакты автора с ранее упомянутыми Питером О'Нилом, Майклом Сомаре и Питером Бартером[15], сформированные в ходе научных экспедиций и культурных проектов отечественных ученых. Благодаря доверительным отношениям и взаимной заинтересованности официальных сторон удалось достичь согласования, в результате которого миграционная служба ПНГ[16] внедрила процедуру онлайн-выдачи виз для россиян, исключающую посещения посольства [Миклухо-Маклай мл., 2026b, с. 167].

Цель данного формата переговоров — достижение договоренностей приемлемым способом в том виде, который возможно отнести к переговорам «полуторного трека». Это модель, когда организуется диалог дипломатов и политиков высокого и высшего уровня при участии неофициальных лиц, имеющих влияние в регионе либо обладающих должными компетенциями; при этом не предусмотрено соблюдение официального протокола в рамках этого формата встреч. Возможен вариант, когда одну сторону представляет лицо, к которому есть доверие у обеих сторон, не имеющее официального статуса, но ведущее переговоры с официальными лицами и в интересах официальной стороны. В этом случае неофициальное лицо имеет влияние, и к нему должно быть доверие у обеих сторон [Генюш, 2012, с. 14–25]. Такой формат продемонстрировал свою эффективность в российско-папуа-новогвинейских отношениях и применяется в мировой дипломатической практике, подтверждая гипотезу, что «политический процесс развивается благодаря разным подходам и экспериментам и постоянно совершенствуется» [Устойчивый диалог в конфликтах..., 2019, с. 11].

Научные каналы взаимодействия в рамках неофициальной дипломатии

В ситуации, когда официальные дипломатические представительства на территории сторон отсутствуют, развитие неформальных каналов коммуникации и участие негосударственных акторов приобретает характер ключевых элементов взаимодействия.

30 мая 2019 г. на досрочных выборах Дж. Марапе стал лидером страны, сменив Питера О'Нила [Миклухо-Маклай, 2020c, с. 453] (ранее занимал пост министра финансов). Действующий премьер-министр Дж. Марапе напрямую сотрудничает с Н. Н. Миклухо-Маклаем мл., который,

[14] Визы в Папуа–Новую Гвинею для Россиян теперь доступны по прибытии в страну. Источник НКО «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». 20.09.2019. URL: https://mikluho-maclay.org/vizy-v-papua-novuyu-gvineyu-dlya-rossiyan-teper-dostupny-po-pribytiyu-v-stranu/ (дата обращения: 12.03.2026).

[15] Сэр Питер Лесли Чарльз Бартер (1940–2022) — общественный деятель, в прошлом министр здравоохранения и губернатор провинции Маданг. Он занимался вопросами установления мира в период бугенвильского кризиса в правительстве Папуа–Новой Гвинеи, основал некоммерческий фонд "Melanesian Foundation".

[16] Миграционная служба ПНГ. URL: https://ica.gov.pg (дата обращения: 11.03.2026).

осуществляя научно-дипломатическое сотрудничество, в ПНГ представляет Россию[17], а в России — ПНГ[18].

В сентябре 2019 г. в Порт-Морсби (офис премьер-министра) состоялась первая встреча Дж. Марапе и Николая Миклухо-Маклая-мл[19].

В ходе встречи обсуждались вопросы сотрудничества в гуманитарной сфере, в области развития туризма и защиты инвестиций для российского бизнеса, а также в области медицины [Миклухо-Маклай, 2021a, с. 216–218].

Дж. Марапе подчеркнул: «Мы готовы смотреть и учиться лучшему, не теряя своей уникальности и идентичности. У нас есть хорошая возможность посмотреть на лучшие примеры развития во всем мире и использовать только их»[20]. Кроме того, премьер-министр ПНГ выразил готовность всесторонне поддерживать инициативы ученого, в частности, поддержал открытие «Российского кабинета» в столице ПНГ.

Дж. Марапе особо отметил ценность деятельности российских ученых, направленной на популяризацию культуры Папуа–Новой Гвинеи в России и распространение достоверной информации о реальном положении дел в стране через публикацию научных статей, книг, документальных фильмов, создание Онлайн музея им. Н. Н. Миклухо-Маклая о культуре и истории связей РФ и ПНГ[21], а также организацию культурных и образовательных мероприятий на территории обоих государств [Миклухо-Маклай, 2026b, с. 162–163][22].

По результату переговоров премьер-министр ПНГ высказал заинтересованность и подтвердил готовность приехать в Россию, узнав о приглашении в период саммита АТЭС-2018 [Миклухо-Маклай, 2020c, с. 459]. Офис премьер-министра направил письмо на имя главы правительства РФ, а также ноту с соответствующим содержанием через внешнеполитическое ведомство ПНГ о готовности посетить страну. В связи с общемировым локдауном COVID-19, начавшимся в 2020 г., визит не состоялся. Однако контакты в рамках неформальных каналов поддерживались автором регулярно.

После некоторого перерыва Н. Н. Миклухо-Маклай мл. возобновил визиты в страну для проведения полевых исследований. После завершения научной экспедиции, в непростой период глобальной неопределенности, военных конфликтов и санкционных ограничений, направленных на отмену российского присутствия в науке, спорте, бизнесе и других направлениях, премьер-министр ПНГ Дж. Марапе 10 августа 2023 г. инициировал переговоры с автором[23].

Встреча состоялась на парламентском завтраке в здании парламента в присутствии губернаторов всех провинций. Дж. Марапе подтвердил свою готовность и желание развивать отношения

---

[17] Заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов на церемонии открытия фотовыставки «Россия — Папуа–Новая Гвинея» 2019 г. Видеообращение к руководителю Фонда им. Миклухо-Маклая. Подробнее см. минута 00:56. URL: https://rutube.ru/video/c46e28aaedd1915f3601f1a896147ced/ (дата обращения: 19.03.2026).

[18] Видеообращение премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Джеймса Марапе к участникам форума «Берег Маклая». 4 мин. 55 сек. 2021. Подробнее см. минута 00:10. URL: https://rutube.ru/video/0a722784e4d6e299dca3f29950ad580f/ (дата обращения: 11.03.2026).

[19] Встреча премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Дж. Марапе с Н. Н. Миклухо-Маклаем. Post-Courier Online. 2019. October 1. URL: https://postcourier.com.pg/russia-and-papua-new-guinea-unity-in-diversity/; «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/projekts/delegacziya-iz-papua-novoj-gvinei/ (дата обращения: 11.03.2026).

[20] Встреча премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Дж. Марапе с Н. Н. Миклухо-Маклаем. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.ru/post-rossiya-i-papua-novaya-gvineyaedinstvo-v-mnogoobrazii/ (дата обращения: 12.03.2026).

[21] Онлайн музей им. Н. Н. Миклухо-Маклая. URL: https://mikluho-maclay.online (дата обращения: 16.03.2026).

[22] Russia and Papua New Guinea — Unity in Diversity. Post-Courier Online. 2019. October 1. URL: https://postcourier.com.pg/russia-and-papua-new-guinea-unity-in-diversity/ (дата обращения: 20.03.2026).

[23] Научная дипломатия. Папуа–Новая Гвинея. Миклухо-Маклай. Источник НКО «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/nauchnaya-diplomatiya-papua-novaya-gvineya-mikluho-maklaj/ (дата обращения: 16.03.2026).

с РФ, акцентируя свое внимание на экономических связях. Премьер-министр предложил донести его позицию до руководства России. Уже 28 февраля 2024 г. заявление Дж. Марапе подтвердил и министр международной торговли и инвестиций ПНГ Ричард Мару в Абу-Даби на полях 13-й Министерской конференции Всемирной торговой организации (ВТО), назвав РФ страной, с которой нужно строить отношения[24].

Рамсей Парива, губернатор региона Маданг, в августе 2023 г. по итогу переговоров с Н. Н. Миклухо-Маклаем мл. вышел с предложением о побратимских отношениях между Санкт-Петербургом и Мадангом. Уже 4 августа 2023 г. ученый-дипломат передал официальное письмо губернатору Санкт-Петербурга А. Д. Беглову с приглашением посетить Маданг.

В обращении к губернатору Санкт-Петербурга губернатор Маданга не забыл и автора этих строк, в своем официальном письме он пишет:

«Мы рассматриваем Николая Миклухо-Маклая как важного представителя России для нашего народа в Маданге и Папуа–Новой Гвинее. Между моим народом в провинции Маданг и Россией уже сложились очень прочные исторические отношения»[25].

Губернатор Маданга выступил с официальным предложением к автору стать почетным гражданином Маданга: это звание присвоено ему за вклад в сохранение историко-культурного наследия региона и, безусловно, способствует дружественным связям между нашими странами.

Следующая встреча автора с премьер-министром ПНГ состоялась в апреле 2024 г.: обсуждался вопрос репатриации черепов из Австралии в Папуа–Новую Гвинею. Этот проект возвращения останков на родину, задуманный Н. Н. Миклухо-Маклаем мл., смог состояться только благодаря совместной работе коренных жителей, представителей музея Австралии, членов парламента ПНГ и премьер-министра Дж. Марапе. Общими усилиями удалось преодолеть сложности в поиске родственников (потомков), доказательстве родства и правовых оснований для преодоления бюрократических барьеров [Миклухо-Маклай, 2025с, с. 291].

В октябре 2025 г. в Порт-Морсби на встрече с премьер-министром автор презентовал ему новую книгу «Жизнь между двух миров. Папуасы Берега Маклая» [Миклухо-Маклай мл., 2025а], которая стала результатом полевых работ отечественных ученых (2017–2025 гг.) на Берегу Маклая и рассказывает об уникальной культуре этого региона российским читателям. В своем обращении к премьер-министру Николай Миклухо-Маклай мл. подчеркнул символическое значение передачи книги в год «золотого юбилея» государства: «Эта книга — больше, чем научная работа: это дань уважения народу Берега Маклая. Ее место — здесь, в самом сердце Папуа–Новой Гвинеи». «Эта книга, объединяющая прошлое и настоящее, объединяет и нашу историю, в которой Николай Миклухо-Маклай (1846–1888) играет значимую роль для нашего народа. Это подарок культурному будущему Папуа–Новой Гвинеи», — заявил Дж. Марапе. Премьер-министр поблагодарил российского ученого Николая Миклухо-Маклая мл., назвав его почетным гражданином Папуа–Новой Гвинеи[26].

По результату встречи стороны договорились о представлении ПНГ совместно с Фондом им. Миклухо-Маклая на международном экономическом форуме в 2026 г. в Санкт-Петербурге (ПМЭФ), такой опыт уже привел к активизации деловых проектов в 2025 г.[27] На этом форуме может быть представлен, в частности, ряд проектов по добыче полезных ископаемых.

---

[24] Папуа–Новая Гвинея заинтересована в работе российских компаний в стране. — ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/20104641 (дата обращения: 18.03.2026).

[25] Полный текст письма см.: [Миклухо-Маклай, 2023, с. 248–249].

[26] Мост через века. Дань уважения народу Папуа–Новой Гвинеи. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/most-cherez-veka-dan-uvazheniya-narodu-papua-novoj-gvinei/ (дата обращения: 12.03.2026).

[27] Папуа–Новая Гвинея заключила соглашение о сотрудничестве с Фондом Росконгресс. ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/21030425/amp (дата обращения: 18.03.2026).

Обращает на себя внимание тот факт, что научная деятельность объективно выполняет функцию посредничества, снижая барьеры между культурами и политическими системами.

Концепция внешней политики

В утвержденной Концепции внешней политики Российской Федерации говорится: «Широкое вовлечение конструктивно настроенных общественных сил во внешнеполитический процесс способствует формированию общенационального согласия в отношении внешней политики Российской Федерации, содействует ее реализации, имеет важное значение для более эффективного решения различных вопросов международной повестки дня»[28].

При этом «для финансирования внешнеполитических мероприятий могут привлекаться на добровольной основе внебюджетные средства в рамках государственно-частного партнерства»[29]. Такая практика привлечения внебюджетных средств демонстрирует значительный потенциал в сфере внешнеполитической деятельности.

Исторический опыт, охватывающий период с XIX в. до современности, подтверждает, что даже в условиях ограниченного государственного финансирования удается выстраивать эффективную работу благодаря вовлечению частных и институциональных партнеров. Такой подход не только компенсирует нехватку средств, но и стимулирует создание междисциплинарных проектов, сочетающих научную ценность с практической востребованностью. Особого внимания заслуживает советский опыт, когда системная государственная поддержка позволила стимулировать полевые исследования в островных государствах, что позволило наладить академические связи и углубить межгосударственные контакты с Папуа–Новой Гвинеей (подробнее см. Часть II [Миклухо-Маклай мл., 2026b, с. 93–103].

Сегодня, несмотря на более чем скромное финансирование исследовательских программ в Южно-Тихоокеанском регионе, сохраняются важные наработки и преемственность научных школ, что создает прочную основу для дальнейшего развития. Вместе с тем актуальной проблемой остается ограниченность ресурсов для масштабного вовлечения ученых в региональную повестку, однако эта сложность открывает одновременно и новые возможности — в частности, для развития гибких форм сотрудничества с бизнес-структурами, формирования сетевых научных сообществ, ассоциаций[30], внедрения цифровых методов исследования (подробнее об этом см.: [Миклухо-Маклай, 2022c, с. 255–267]), позволяющих существенно снизить затраты на полевую работу.

При грамотном использовании имеющихся механизмов внебюджетного финансирования в сочетании с современными технологическими решениями представляется возможным не просто преодолеть текущие ограничения, но и вывести научно-дипломатическое взаимодействие на качественно другой уровень, что в перспективе позволит укрепить позиции в Южно-Тихоокеанском регионе за счет гармоничного синтеза традиционных исследовательских подходов и инновационных форматов международного сотрудничества.

[28] Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Принят Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г. М., 2023; Указ Президента Российской Федерации № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»: принят Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г. М., 2016.

[29] См. указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Принят Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г. М., 2023. С. 43.

[30] Ассоциация исследователей Южно-Тихоокеанского региона действует с 2021 г. Учредители — Фонд им. Миклухо-Маклая и ученые Российской академии наук. URL: https://association.southpacificworld.org/ (дата обращения: 15.03.2026).

Заключение

Предпринятое исследование позволило провести сопоставительный анализ исторического опыта и современных реалий дипломатической деятельности в рассматриваемых отношениях двух стран. Оно позволяет сформулировать ключевые выводы об эволюции научно-дипломатического взаимодействия России и Папуа–Новой Гвинеи в контексте мультитрековой дипломатии.

Наследие Н. Н. Миклухо-Маклая заложило фундаментальные принципы межкультурного диалога — уважение к традициям, гуманизм и научную добросовестность, которые на протяжении последующих полутора веков оставались ориентиром для исследователей и дипломатов.

В советский период эти идеи получили значительное развитие: ученые не только углубляли свои знания об Океании и о-ве Новая Гвинея, но и, используя науку как ресурс доверия и диалога, способствовали решению внешнеполитических задач СССР, выполняя функцию неофициальных посредников, способствуя формированию доверительных отношений между государствами.

В XXI в., несмотря на отсутствие постоянных дипломатических представительств, научно-дипломатическая деятельность ученых служит существенным ресурсом для поддержания и развития межгосударственных контактов в условиях дефицита формальных институтов, а ученые-дипломаты сохраняют роль эффективного связующего звена. Они компенсируют дефицит официальных каналов, инициируя и реализуя научно-образовательные проекты, координируя совместные исследования и транслируя интересы России через нейтральные, неполитизированные форматы. Такой подход позволяет поддерживать стратегическое присутствие в регионе и создавать предпосылки для будущих межгосударственных соглашений.

Практическая значимость исследования проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, его результаты могут быть использованы для совершенствования дипломатической практики: интеграция научно-экспертного знания расширяет информационное поле для принятия решений и снижает риски межкультурного недопонимания. Во-вторых, материалы исследования служат основой для разработки образовательных программ по мультитрековой дипломатии и истории внешней политики. В-третьих, доказанная эффективность научно-культурных стратегий подчеркивает их долгосрочную выгоду; в свою очередь, инвестиции в такие инициативы способствуют формированию устойчивых дружественных связей, создавая благоприятный контекст для экономического сотрудничества, что будет особенно интересно профильным ведомствам Российской Федерации для оптимизации дипломатической практики.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что взаимодействие официальной дипломатии с научным сообществом, специализирующимся на изучении региона, существенно повышает эффективность межгосударственного диалога. Такое взаимодействие не только обогащает содержательные аспекты межгосударственного общения, но и обеспечивает его устойчивость даже при дефиците институциональных ресурсов.

Полуторавековой опыт демонстрирует необходимость дальнейшего развития механизмов взаимодействия между дипломатическими ведомствами и исследователями, специализирующимися на изучении региона.

Список сокращений

АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (APEC — Asia-Pacific Economic Cooperation).
ВТО — Всемирная торговая организация (World Trade Organization).
НП РСМД — Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (Non-profit partnership "Russian International Affairs Council").
ООН — Организация Объединенных Наций (UN — United Nations).
ПГУПС — Петербургский государственный университет путей сообщения (St. Petersburg State University of Railway Engineering).
ПМЭФ — Петербургский международный экономический форум (St. Petersburg International Economic Forum).
ПНГ — Папуа–Новая Гвинея (PNG — Papua New Guinea).
РНБ — Российская национальная библиотека (The National Library of Russia).
РФ — Российская Федерация (Russian Federation).
СМИ — средства массовой информации (mass media).
ЮЧТО — Южная часть Тихого океана (South Pacific Ocean).

Литература / References

Бурлинова Н. В. *Курс общественного дипломата* (*Учебно-методические материалы.* 2017. № 4). М.: НП РСМД, 2017 [Burlinova N. V. Public diplomat course (Educational and methodological materials. 2017. No. 4). Moscow: Non-profit partnership "Russian International Affairs Council", 2017 (in Russian)].

Сондерс Г. Г. *Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения*. Пер. с англ. И. В. Поляничевой; науч. ред. А. Г. Аксенёнок, И. Д. Звягельская. М.: Аспект Пресс, 2019 [Saunders H. H. Sustained dialogue in conflicts transformation and change. Transl. from English by I. V. Polyanicheva; scientific editors A. G. Aksenenok, I. D. Zvyagelskaya. Moscow: Aspect Press, 2019 (in Russian)].

Генюш С. В. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2012. Т. 5. № 5(25). С. 14–25 [Genyush S. V. Expert Diplomacy: Civil Society in the Service of Foreign Policy. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* 2012. Vol. 5. No. 5(25). Pp. 14–25].

Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов. *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 4. С. 45–56 [Lebedeva M. M. Public diplomacy in conflict resolution. *International processes*. Vol. 13. No. 4. Pp. 45–56].

Миклухо-Маклай Н. Н. Возрождение российских научных исследований в Папуа–Новой Гвинее в начале XXI в. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020a. Т. I. № 1(46). С. 269–284 [The Revival of Russian Scientific Research in Papua New Guinea at the beginning of the 21st century. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2020a. Vol. I. No. 1(46). Pp. 269–284 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Из истории двусторонних отношений России и Папуа–Новой Гвинеи. *Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем. Коллективная монография.* Отв. ред.-сост. Д. С. Панарина. М.: ИВ РАН, 2020b. С. 213–249 [Miklouho-Maclay N. N. From the history of bilateral relations between Russia and Papua New Guinea. *Yuzhno-Tihookeanskiy region v proshlom i nastoyashchem*. Ed. and comp. by D. S. Panarina. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020b. Pp. 213–249 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Россия и Папуа–Новая Гвинея в свете новой политики островного государства — перспективы сотрудничества. *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2020c. Т. I. № 1(46). С. 450–461 [Miklouho-Maclay N. N. Russia and Papua New Guinea in the Light of the New Policy of the Island State — Prospects for Cooperation. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2020c. Vol. I. No. 1(46). Pp. 450–461 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Обзор экономического и политического положения Папуа–Новой Гвинеи в период COVID-19 в 2021 г. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2021a. Т. III. № 3(52). С. 203–219 [Miklouho-Maclay N. N. Overview of the Economic and Political Situation of Papua New Guinea during the COVID-19 Period. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2021a. Vol. III. No. 3(53). Pp. 203–219 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Папуа–Новая Гвинея в период третьей волны COVID-19. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2021b. Т. 4. № 4(53). С. 176–189 [Miklouho-Maclay N. N. Papua New Guinea during the Third Wave of COVID-19. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2021b. Vol. 4. No. 4(53). Pp. 176–189 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022a. № 1. С. 220–237 [Miklouho-Maclay N. N. On the Role of Personality in History: Nikolay N. Miklouho-Maclay. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022a. No. 1. Pp. 220–237 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение научного и историко-культурного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в контексте развития культурных связей России с Папуа-Новой Гвинеей. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2022b. № 3. С. 54–76 [Miklouho-Maclay N. N. Preservation of Scientific, Historical, and Cultural heritage of N. N. Miklouho-Maclay in the Context of Development of Cultural Ties Between Russia and Papua New Guinea. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2022b. No. 3. Pp. 54–76 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Цифровизация и ее методы для сохранения и обеспечения преемственности научных традиций. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2022c. Т. 2. № 2(55). С. 255–267 [Miklouho-Maclay N. N. Digitalization and its Methods for Preserving and Ensuring the Continuity of Scientific Traditions. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2022c. Vol. 2(55). Pp. 255–267 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. История флагов Маданга (Папуа–Новая Гвинея). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2023. Т. 4. № 3(60). С. 237–252 [Miklouho-Maclay N. N. History of Madang Flags (Papua New Guinea). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2023. Vol. 4. No. 3(60). Pp. 237–252 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. *Жизнь между двух миров. Папуасы Берега Маклая* / Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, ИВ РАН. Отв. ред. Д. М. Бондаренко. М.: ИВ РАН, 2025a [Miklouho-Maclay N. N. Jr. *Living between two worlds. Papuans of the Maclay Coast* / Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Institute of Oriental Studies of the RAS. Ed.-in-Chief D. M. Bondarenko. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2025a (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа–Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025b. № 4. С. 203–213 [Miklouho-Maclay N. N. Jr. Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025b. No. 4. Pp. 203–213 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Черепа папуасов Берега Маклая, история возвращения на родину. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2025c. Т. 1. № 1(66). С. 281–303 [Miklouho-Maclay N. N. Skulls from the Maclay Coast, The History of Returning. Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya. 2025c. Vol. 1. No. 1(66). Pp. 281–303 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа–Новой Гвинеей. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026a. № 2. С. 77–88 [Miklouho-Maclay N. N. Jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part I. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2026a. No. 2. Pp. 77–88 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа–Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026b. № 1. С. 156–174 [Miklouho-Maclay N. N. Jr. Multitrack Diplomacy in the Context of Russia's Relations with Papua New Guinea (Asia-Pacific Region). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026b. No. 1. Pp. 156–174 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н., Пале С. Е. В память о большом друге России и «отце нации» Папуа–Новой Гвинеи Майкле Сомаре. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2022a. Т. 3. № 3(56). С. 269–282 [Miklouho-Maclay N. N. In Memory of Russia's Great Friend and the "Father of the Nation" of Papua New Guinea, Michael Somare. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2022a. Vol. 3. No. 3(56). Pp. 269–282 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н., Пале С. Е. Майкл Сомаре: «отец нации» Папуа–Новой Гвинеи [Глава 8]. *Многоликая элита Востока. Коллективная монография.* Отв. ред. Е. М. Астафьева. Т. 4. М.: Институт востоковедения РАН, 2022b. С. 332–373 [Miklouho-Maclay N. N., Pale S. E. Michael Somare: The "Father of the Nation" of Papua New Guinea [Chapter 8]. *The Multifaceted Elite of the East.* Ed. by E. M. Astafieva. Vol. 4. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2022b. Pp. 332–373 (in Russian)].

Публичная дипломатия: теория и практика. Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017 [*Public Diplomacy: Theory and Practice.* Ed. by M. M. Lebedeva. Moscow: Aspect Press, 2017 (in Russian)].

Тимошенко В. Н. *Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности*. Москва; Хабаровск: Дальневосточный государственный гуманитарный университет, 2009 [Timoshenko V. N. *The South Pacific region on the threshold of the 21st century: problems of Foreign policy and Security*. Moscow; Khabarovsk: Far Eastern State University for the Humanities, 2009 (in Russian)].

Шевчук Н. В. «Дипломатия всех треков»: опыт применения на постсоветском пространстве. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2023. Т. 30. № 1. С. 182–191 [Shevchuk N. V. "All tracks" Diplomacy: Post-Soviet Experience. *Transbaikal State University Journal*. 2024. Vol. 30 No. 1. Pp. 182–191 (in Russian)].

Davidson W. D., Montville J. V. Foreign policy according to Freud // *Foreign Policy*. № 45. Winter 1981–1982. Pp. 145–157.

Diamond L., McDonald J. W. *Multi-track diplomacy: A systems approach to peace*. 2nd ed. New York; West Hartford: Palgrave Macmillan; Kumarian Press, 1996.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

66-я сессия (2011–2012 гг.). Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/ga/66/ (дата обращения: 10.03.2026).

URL: https://association.southpacificworld.org/ (дата обращения: 15.03.2026).

Levit G. S., Hossfeld U. Ernst Haeckel, Nikolai Miklucho-Maclay and the racial controversy over the Papuans. Front Zool. 17, 16 (2020). URL: https://frontiersinzoology.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12983–020–00358-w (дата обращения: 11.03.2026).

Pacific Small Island Developing States (PSIDS). URL: https://sdgs.un.org/statements/pacific-small-island-developing-states-psids-11452 (дата обращения: 10.03.2026).

Russia and Papua New Guinea — Unity in Diversity. Post-Courier Online. 2019. October 1. URL: https://postcourier.com.pg/russia-and-papua-new-guinea-unity-in-diversity/ (дата обращения: 20.03.2026).

В Папуа–Новой Гвинее открыт первый компьютерный класс. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/v-papua-novoj-gvinee-otkryt-pervyj-kompyuternyj-klass/ (дата обращения: 12.03.2026).

В Папуа–Новой Гвинее открылся Кабинет русского языка. Российская газета. 15.12.2019. URL: https://rg.ru/2019/12/15/v-papua-novoj-gvinei-otkrylsia-kabinet-russkogo-iazyka.html (дата обращения: 18.03.2026).

Видеообращение премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Джеймса Марапе к участникам форума «Берег Маклая». 2021. URL: https://rutube.ru/video/0a722784e4d6e299dca3f29950ad580f/ (дата обращения: 11.03.2026).

Визы в Папуа–Новую Гвинею для россиян теперь доступны по прибытии в страну. Источник НКО «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». 20.09.2019. URL: https://mikluho-maclay.org/vizy-v-papua-novuyu-gvineyu-dlya-rossiyan-teper-dostupny-po-pribytiyu-v-stranu/ (дата обращения: 12.03.2026).

Встреча Дмитрия Медведева с Премьер-министром Папуа–Новой Гвинеи Питером О'Нилом. Правительство России. Новости. 17 ноября 2018. URL: http://government.ru/news/34747/ (дата обращения: 12.03.2026).

Встреча премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Дж. Марапе с Н. Н. Миклухо-Маклаем. Post-Courier Online. 2019. October 1. URL: https://postcourier.com.pg/russia-and-papua-new-guinea-unity-in-diversity/;// «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/projekts/delegacziya-iz-papua-novoj-gvinei/ (дата обращения: 11.03.2026).

Встреча премьер-министра Папуа–Новой Гвинеи Дж. Марапе с Н. Н. Миклухо-Маклаем. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.ru/post-rossiya-i-papua-novaya-gvineyaedinstvo-v-mnogoobrazii/ (дата обращения: 12.03.2026).

Заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов на церемонии открытия фотовыставки «Россия — Папуа–Новая Гвинея» 2019 г. Видеообращение к руководителю Фонда им. Миклухо-Маклая. URL: https://rutube.ru/video/c46e28aaedd1915f3601f1a896147ced/ (дата обращения: 19.03.2026).

Мероприятия на АТЭС-2018. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/projekts/meropriyatiya-na-ates-2018/ (дата обращения: 12.03.2026).

Миграционная служба ПНГ. URL: https://ica.gov.pg (дата обращения: 11.03.2026).

Мост через века. Дань уважения народу Папуа–Новой Гвинеи. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/most-cherez-veka-dan-uvazheniya-narodu-papua-novoj-gvinei/ (дата обращения: 12.03.2026).

Научная дипломатия. Папуа–Новая Гвинея. Миклухо-Маклай. Источник НКО «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/nauchnaya-diplomatiya-papua-novaya-gvineya-mikluho-maklaj/ (дата обращения: 16.03.2026).

Онлайн музей им. Н. Н. Миклухо-Маклая. URL: https://mikluho-maclay.online (дата обращения: 16.03.2026).

Основные проекты Фонда им. Миклухо-Маклая. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://clc.li/2017–2025-projects-Maclayfoundation (дата обращения: 12.03.2026).

Папуа–Новая Гвинея заинтересована в работе российских компаний в стране. ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/20104641 (дата обращения: 18.03.2026).

Папуа–Новая Гвинея заключила соглашение о сотрудничестве с Фондом Росконгресс. ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/21030425/amp (дата обращения: 18.03.2026).

Россию помнят в Папуа–Новой Гвинее. Фонд сохранения этнокультурного наследия имени Миклухо-Маклая, 02:02. URL: https://vkvideo.ru/playlist/-133186284_20/video-133186284_456239489 (дата обращения: 12.03.2026).

Телемост соединил Папуа–Новую Гвинею и Россию. Новости Кунсткамеры. 21.09.2017. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/telemost-soedinil-papua-novuyu-gvineyu-i-rossiyu/ (дата обращения: 12.03.2026).

Телемост связал Неву и Берег Маклая. Русский меценат. 20.09.2017. URL: http://rusmecenat.ru/telemost-svyazal-nevu-i-bereg-maklaya/ (дата обращения: 18.03.2026).

Указ Президента Российской Федерации от 13.09.1995 г. № 935 «О назначении Соловьева Н. Н. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Индонезии и в Независимом Государстве Папуа–Новая Гвинея и Республике Кирибати по совместительству». Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8303 (дата обращения: 10.03.2026).

Цели и задачи Фонда. «ФСЭН им. Миклухо-Маклая». URL: https://mikluho-maclay.org/resuslts/ (дата обращения: 12.03.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-339-345

АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАЛИВА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ США И ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ ИРАНА

© 2026

Е. С. Мелкумян[1]

28 февраля 2026 г. начались воздушные атаки США и Израиля на Иран. В ответ Иран стал обстреливать Израиль и арабские государства Залива, где находились американские военные объекты. Иран нанес большее число ударов именно по соседним арабским государствам, причем были повреждены гражданские объекты и инфраструктура этих государств. Перекрытие Ормузского пролива Ираном также нанесло тяжелый урон их экономикам. Арабские страны резко осудили нападения Ирана, с которым они в последние годы восстановили отношения и пытались наладить сотрудничество. Позиция всех арабских государств, которые являются членами региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), была идентичной. Все они были заинтересованы в ослаблении Ирана, политика которого шла вразрез с их интересами. По мере продолжения военных действий стали проявляться определенные различия в конкретных шагах, предпринимаемых арабскими государствами Залива. В то же время все они намерены были действовать сообща для обеспечения в будущем своей безопасности.

Ключевые слова: Иран, Израиль, США, арабские страны Залива, Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), война

Для цитирования: Мелкумян Е. С. Арабские государства Залива в условиях войны США и Израиля против Ирана. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 339–345. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-339-345

ARAB GULF STATES IN THE CONDITIONS OF USA AND ISRAEL WAR AGAINST IRAN

Elena S. Melkumyan

On February 28, 2026, USA and Israeli began war against Iran. In response, Iran began shelling Israel and the Gulf Arab states housing US military facilities. Iran launched a greater number of strikes against neighboring Arab states, damaging civilian facilities and infrastructure in these states. Iran's closure of the Strait of Hormuz also inflicted severe damage on their economies. Arab countries strongly condemned the attacks by Iran, with which they had restored relations and attempted to develop cooperation in recent years. The position of all Arab states that are members of the regional organization, the Gulf Cooperation Council (GCC), was identical. All were interested in weakening Iran, whose policies ran counter to their interests. As hostilities continued, certain differences in the

[1] Мелкумян Елена Суреновна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; g.kosach@mail.ru

Elena S. Melkumyan, DSc (politics), leading researcher Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; g.kosach@mail.ru
ORCID: 000-0001-8901-2259

specific actions taken by the Gulf Arab states began to emerge. At the same time, they all intend to act together to ensure their future security.

Keywords: Iran, Israel, the USA, Arab Gulf states, the Gulf Cooperation Council (the GCC), war

For citation: Melkumyan E.S. Arab Gulf states in the conditions of USA and Israel War against Iran. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 339–345. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-339-345

Введение

28 февраля 2026 г. началась война США и Израиля против Ирана. Одной из ее главных целей было объявлено не допустить, чтобы Иран обладал ядерным оружием. Иран не признавал государство Израиль и, как это воспринималось в Израиле, стремился к его уничтожению, поэтому угроза появления у Ирана ядерного оружия носила для Израиля экзистенциальный характер. Для США нарушение режима нераспространения ядерного оружия было недопустимым, так как они были одним из гарантов его сохранения. Кроме того, США были ближайшим союзником Израиля, который стоял на страже его неприкосновенности и обеспечения его безопасности.

Арабские государства Залива, которые находились в непосредственной близости от Ирана, поддерживали требование о прекращении иранской ядерной программы. В случае если Иран становился его обладателем, то это коренным образом меняло баланс сил в регионе Залива в пользу Ирана, что ставило их в уязвимое положение, так как политика Ирана угрожала их безопасности и нарушала региональную стабильность, к которой они стремились. Арабские государства не были намерены вступать в войну даже после того, как они стали объектами иранских ударов. Саудовская Аравия и ОАЭ, обладавшие большими оборонными возможностями, организовали несколько налетов на иранскую территорию, но продолжение военных действий грозило ухудшением их экономического положения и несло непредсказуемые риски, поэтому и эти два государства, и остальные арабские государства Залива прилагали усилия к прекращению военных действий. Оман и Катар выступили в качестве посредников для проведения переговоров о прекращении военных действий. Все арабские монархии, являющиеся членами единой региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), были солидарны в необходимости добиться от Ирана выполнения требований об открытии Ормузского пролива и прекращении его ядерной программы.

Региональная ситуация накануне войны

После Арабской весны, начавшейся в 2011 г., регион Ближнего Востока оказался дестабилизирован. В Сирии, Ливии и Йемене шла гражданская война. Последствия массовых протестов, которые в некоторых странах привели к смене правящих режимов, а в других — к ожесточенной внутриполитической борьбе за власть, привели к изменению регионального баланса сил. Арабские государства Залива, в которых хотя и произошли народные выступления (наиболее масштабные в Бахрейне, которые были подавлены, и в Кувейте и Омане, где они были прекращены благодаря уступкам со стороны власти), смогли стабилизировать внутриполитическую ситуацию, что позволило им укрепить свое региональное положение. Саудовская Аравия по праву стала претендовать на роль регионального лидера Ближнего Востока. Две другие страны ССАГЗ — Катар и ОАЭ усиливали свои региональные позиции, в некоторых случаях вступая с Саудовским королевством в конфронтацию. Эти арабские монархии также усилили свое влияние на происходившие в арабских

странах процессы. В Сирии они активно поддерживали оппозиционные силы, в Ливии принимали участие в военной операции НАТО, которая в итоге привела к свержению режима М. Каддафи.

Для того, чтобы не допустить скатывания все обострявшихся противоречий в Йемене к гражданской войне, государства ССАГЗ выдвинули мирную инициативу, предусматривавшую передачу власти действующим президентом Ахмедом Салехом вице-президенту и проведение новых выборов. Но она лишь на время остановила начало гражданской войны. В 2014 г. движение хуситов предприняло новое наступление, захватило столицу — г. Сану и вынудило вновь избранного президента Абдо Раббо Мансура бежать в Саудовскую Аравию. Он обратился к саудовским властям с просьбой о помощи. Саудовская Аравия в 2015 г. начала военную операцию в Йемене вместе с созданной им коалицией, в которую вошли некоторые члены Совета сотрудничества, хотя реальное участие в ней приняли только ОАЭ.

Важным достижением деятельности организации стала единая политическая оценка региональных изменений, которая была сформулирована в заключительных коммюнике ССАГЗ, проходящих ежегодно. В них начиная с 2016 г. позиция по Ирану содержала в себе осуждение иранского вмешательства во внутренние дела государств-членов этой организации и других государств региона. Члены ССАГЗ также выступали против иранской политики, провоцирующей межконфессиональные и межрелигиозные конфликты, которые представляли опасность для региональной и международной безопасности. Главы государств требовали от Ирана не поддерживать организации, которые провоцировали эти конфликты, не оказывать финансовую и военную помощь конфессиональным военизированным формированиям и террористическим организациям. Они призывали Иран отказаться от разработки ядерного оружия.

В 2016 г. Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Ираном. Причиной, по мнению специалиста-ираниста Кожанова И. А., стало то, что «Иран не мог не отреагировать остро на казнь шиитского духовного лица Нимра ан-Нимра в Саудовской Аравии» [Кожанов, 2020, с. 114]. Там начались антисаудовские демонстрации, что стало поводом для отзыва саудовского посла из Ирана. Бахрейн, который считал Иран повинным в поддержке экстремистских шиитских группировок, также пошел на разрыв с ним дипломатических связей. Из-за солидарности с Саудовским королевством другие государства ССАГЗ, кроме Омана, имевшего с Ираном особые исторические связи, понизили уровень своего дипломатического представительства.

В 2017 г. разразился Катарский кризис. Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Египет обвинили Катар в поддержке террористических организаций, в проведении политики, нарушающей стабильность их стран. Они объявили ему полную блокаду и прекратили поставки своих товаров. Сохранялась напряженность в отношениях государств ССАГЗ и с рядом других ближневосточных стран, что не могло не сказаться на проблемах в осуществлении их программ развития. Как отмечал саудовский исследователь Абдель Азиз бен Усман бен Сакр, «еще лидеры государств Совета сотрудничества, которые стояли у истоков его создания, осознавали, что развитие и процветание возможны только в условиях стабильности и демократии» [Абдель Азиз бен Усман бен Сакр, 2024].

С начала 2020 г. эти государства стали менять свою политику, что было вызвано и общим снижением напряженности на Ближнем Востоке. Конфликты в Сирии, Ливии и Йемене стали постепенно затухать, хотя, по справедливому замечанию российских востоковедов Наумкина В. В. и Кузнецова В. А., «ни в одной из трех ситуаций не идет речь не только об окончательном урегулировании конфликта, но и о складывании сколь-либо стабильной военно-политической ситуации» [Кузнецов, Наумкин, 2023, с. 80].

11 сентября 2020 г. было объявлено о договоре между Израилем, Бахрейном и ОАЭ о нормализации отношений и установлении между ними дипломатических связей. Стороны развивали

отношения в области торговли, экономики, туризма, обеспечения региональной безопасности. Устанавливались контакты между представителями религиозных кругов и взаимодействие в области культуры, что способствовало большему взаимопониманию [Мелкумян, 2024, с. 98]. Хотя Саудовская Аравия не пошла на установление дипломатических отношений с Израилем, ее неофициальные контакты с ним развивались. По мнению Косача Г. Г., это происходило по причине того, что «все большее значение приобретала установка на взаимодействие с израильской стороной, в которой видели ситуативного союзника в борьбе за обуздание иранского экспансионизма» [Косач, 2021, с. 146].

В 2021 г. был завершен Катарский кризис, который стал «проявлением того, что национальные интересы и стремление сохранить свой суверенитет стали превалировать над общими задачами, решаемыми членами Совета сотрудничества» [Мелкумян, 2023, с. 77].

Государства ССАГЗ постепенно налаживали отношения со всеми ближневосточными странами. В 2023 г. Саудовская Аравия восстановила дипломатические отношения с Ираном и стала поддерживать с ним постоянные политические контакты.

Реакция на иранские удары

В контексте того, что произошел процесс примирения между арабскими монархиями и Исламской Республикой Иран, иранские враждебные действия вызвали особенно обостренную реакцию со стороны арабских государств, тем более что Иран нанес больше ударов по этим странам, чем по Израилю. Все заявления лидеров этих стран были идентичны. Их позиция заключалась в следующем: «Мы выражаем решительное осуждение обстрелам нашей территории иранскими баллистическими ракетами и беспилотниками. Это вопиющее нарушение нашего национального суверенитета, прямое посягательство на нашу безопасность и территориальную целостность, а также неприемлемая эскалация, угрожающая безопасности и стабильности региона». Они также подчеркивали недопустимость перекрытия Ормузского пролива, на которое пошел Иран, так как это подвергает мировые энергетические рынки и цепочки поставок серьезным рискам, и потребовали от Ирана немедленно восстановить свободу судоходства[2].

Наиболее ожесточенные удары были нанесены по территории ОАЭ. В итоге Министерство иностранных дел ОАЭ выступило с заявлением о закрытии своего посольства в Тегеране и отзыве своего посла и всех членов своей дипломатической миссии из Исламской Республики Иран в ответ на недопустимые иранские атаки по территории ОАЭ. В заявлении говорилось, что «эти враждебные акты в отношении гражданских объектов, включая жилые кварталы, аэродромы и порты, а также объекты сферы услуг, подвергают ни в чем не повинное гражданское население опасности, представляют собой серьезную и безответственную эскалацию и грубое нарушение национального суверенитета, как и явное нарушение международного права и Устава ООН». Отношения между Ираном и ОАЭ были неоднозначными. С одной стороны, ОАЭ играли важную роль в торговле, финансах и реэкспорте товаров в Иран, что позволяло ему выживать в условиях международных санкций. С другой стороны, между ними сохраняются неразрешенные территориальные противоречия в отношении принадлежности трех островов Абу-Муса, Большой и Малый Томб. Кроме того, Иран выступил резко против заключения ОАЭ соглашений Авраама с Израилем и укрепления сотрудничества с ним.

После ударов по Катару пресс-секретарь катарского министерства иностранных дел Маджид Аль-Ансари в своем заявлении подчеркнул, что «все красные линии были пройдены. Атаки на наш

[2] Remarks of His Excellency Sheikh Mohammed bin Abdulrahman bin Jassim Al Thani Prime Minister and Minister of Foreign Affairs At the Leaders' videoconference regarding the military escalation in the region of the Middle East and the Gulf. State of Qatar. Ministry of Foreign Affairs/ URL: https://mofa.gov.qa/en/latest-articles/prime-minister-speeches/remarks-of-his-excellency (accessed: 27.05.2026).

суверенитет были постоянным, было нападение на инфраструктуру и было нападение на жилые кварталы. Последствия этих атак очевидны. Когда придет время возмездия, выбор будет за нашими лидерами, но мы должны прямо дать понять, что подобные атаки не могут остаться без ответа и не будут оставаться без ответа»[3].

Иран нанес удары даже по Оману, с которым у него всегда были устойчивые отношения и который неоднократно выступал в качестве посредника в его переговорах с США.

Опровергая иранские заявления, саудовский аналитик и журналист Абдуррахман Ар-Рашид опубликовал статью, в которой подчеркнул, что причиной усиления американского военного присутствия в регионе Залива были действия Ирана в период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Он написал о том, что с целью интерналицизировать военные действия Иран стал нападать на танкеры, проходившие по Ормузскому проливу, которые перевозили нефть и нефтепродукты из соседних арабских нефтедобывающих государств ССАГЗ. Тогда США взяли под свою защиту все танкеры, принадлежавшие Кувейту, подняв на них американский флаг и обеспечив их эскорт американскими военными кораблями. США увеличили число военных кораблей и стали заключать соглашения о создании военных объектов на территории арабских государств Залива. Дальнейшее их расширение было также непосредственно связано с иранской угрозой[4].

Общественное мнение в арабских монархиях Залива была солидарно с властью. Подавляющая часть их населения была настроена на свержение правящего режима в Иране. Экспертное сообщество достаточно откровенно об этом писало. Так, саудовский исследователь, выражая распространенную точку зрения, отмечал, что «именно природа самого режима является ключевой проблемой с 1979 года. У него имеется богатая «история» дестабилизации региона, которая развивалась и без прямого участия его противников. Если предположить, что стратегические цели войны — превращение Ирана в безъядерное государство, уничтожение его арсенала ракет большой дальности и прекращение поддержки вооруженных группировок (или хотя бы части этих целей) — будут достигнуты, то расстановка сил в регионе и мире начнет меняться под воздействием факторов, выходящих за рамки чисто военных аспектов»[5]:

Когда США не удалось добиться поставленных целей и режим аятолл устоял, лидеры арабских государств поддержали окончание военной фазы конфликта и начало непрямых переговоров между США и Ираном. Им активно содействовал Оман. Катар — еще один член Совета сотрудничества выступил совместно с Пакистаном в качестве посредника.

Вместо заключения. Некоторые предварительные прогнозы

После урегулирования ситуации отношения между арабскими государствами и Ираном останутся напряженными. Агрессивные иранские действия подорвали доверие к нему. Арабские лидеры настаивают на том, чтобы США не шли на компромиссы, а добились всеобъемлющего соглашения, которое бы включало не только требования к Ирану отказаться от ядерной программы, но и отказ от производства баллистических ракет средней дальности, от поддержки экстремистских

[3] All red lines have been crossed: Gulf states weigh response to Iranian strikes. BBC, 04. 03. 2026. URL: https://www.bbc.com/news/articles/cjrqqd8lw2wo (accessed: 07.07.2026).

[4] Мата юмкин ихрадж аль-кава'ид аль-амрикийя (When it will be possible to withdraw American military facilities? Al-Sharq Al-Awsat, 30.03.2026. URL: https://aawsat.com/%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%A3%D9%8A/5256676-%D9%85%D8%AA%D9%89-%D9%8A%D9%85%D9%83%D9%86-%D8%A5%D8%AE%D8%B1%D8%A7%D8%AC (accessed: 08.08. 2026) (in Arabic).

[5] Abdulghani Al-Kindi A Forward-Looking Vision for the Region and World After This War/ Al-Sharq Al-Awsat 01/04/2026. URL: https://english.aawsat.com/opinion/5257611-forward-looking-vision-region-and-world-after-war (accessed: 10.04.2026).

группировок как в арабских странах, так и на их территории. В последнее время в таких государствах, как Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ спецслужбы этих стран задержали членов террористических спящих ячеек, созданных Ираном или Хизбаллой.

В то же время после окончания войны и заключения соглашения между США и Ираном. члены ССАГЗ должны будут избрать прагматичный подход. Риски конфликта с Ираном будут сохраняться, поэтому эти страны будут стремиться к заключению с ним соглашения о ненападении. Однако Иран способен будет нарушить любые договоренности, что заставит арабские государства выстраивать региональную архитектуру безопасности с участием всех заинтересованных сторон.

Арабские государства Залива намерены усилить координацию в рамках ССАГЗ с тем, чтобы усилить свои оборонные возможности. 29 апреля 2026 г. в Джидде состоялся саммит Совета сотрудничества, на котором были обсуждены перспективы развития этой организации. В планах Совета сотрудничества значится скорейшее завершение всех совместных проектов, прежде всего касающихся транспорта и логистики. Среди них строительство единой железнодорожной сети, связывающей все шесть государств ССАГЗ. Он находится в стадии окончательной реализации. Намечено также создание новых нефте- и газопроводов, а также решение проблемы водоснабжения.

Стороны пришли к выводу о необходимости большей интеграции аспектов безопасности, экономики и технологий. В заключительном коммюнике саммита подчеркивалось, что «необходимо перейти от традиционных оборонительных форматов к всеобъемлющим структурам управления национальной безопасностью, цепочками поставок и инвестиций». Государства ССАГЗ будут вырабатывать единую политику своих взаимоотношений с Ираном на основе снижения региональной напряженности. Несмотря на то, что между государствами-членами существуют расхождения во взглядах по некоторым вопросам региональной политики (в последнее время они обострились между Саудовской Аравией и ОАЭ), между ними не существует идеологических разногласий и их объединяет стремление к достижению региональной стабильности для того, чтобы создать благоприятные условия для проведения намеченных социально-экономических реформ. Саудовско-эмиратское противостояние затрагивало Йемен, Судан, Сомалилэнд и другие регионы. Но они, учитывая их устремления и возможности, в первую очередь стремятся к стабилизации и тому, чтобы превратить регион, как отмечал западный исследователь, в «ускоритель экономических возможностей, глобальных хаб для искусственного интеллекта, морских и воздушных перевозок, туризма, финансов и т. д. Обе страны считают, что Израиль должен быть интегрирован в регион, хотя временные рамки и условия значительно отличаются»[6]. Их объединяет отношение к Ирану как к потенциальной угрозе и обоюдное желание ее минимизировать. Обе страны заинтересованы в сохранении Совета сотрудничества. Эта организация доказала свою устойчивость, продолжая свою деятельность, несмотря на кризисы и внутренние конфликты. Даже Катарский кризис, который мог прекратить ее существование, удалось урегулировать.

Учитывая тот факт, что США долгие годы были основным союзником в сфере безопасности, поставлявшим вооружение, готовившим военных и создававшим систему противовоздушной обороны, которая помогла арабским странам Залива сбивать иранские ракеты и дроны, то вряд ли они будут кардинальным образом пересматривать эти отношения. В то же время диверсификация военных связей будет усилена. Одним из подтверждений этого является подписание Саудовской Аравией, Катаром и ОАЭ с Украиной оборонных соглашений сроком на десять лет во время визитов украинского руководства в эти государства в марте, апреле и мае 2026 г. Соглашения включают поставки Украиной дронов-перехватчиков, передачу технологий и опыта, сотрудничество в области оборонной промышленности, в том числе совместное производство оружия, а также поставки

[6] Guzansky Y. From Quiet Competition to Open Rivalry: Saudi-UAE Relations. The Institute for National Security Studies. Publications. INSS Insight. N 2099,11.02.2026. URL: https://www.inss.org.il/publication/saudi-arabia-uae-2026 (accessed: 27.05.2026).

морских дронов[7]. Арабские государства планируют также усилить оборонное сотрудничество со странами ЕС и с Китаем.

Война США и Израиля против Ирана обострила проблемы обеспечения безопасности арабскими государствами Залива, которые ищут пути для их решения.

Литература/References

Кожанов Н. А. Иран в поисках места в международных отношениях. *Ближний Восток. Политика и идентичность*. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 235-243 [Kojanov N. A. Iran in Search of Its Place in International Relations. *The Middle East Politics and Identity*. Moscow: Aspect Press, 2020. Pp. 235–243 (in Russian)].

Косач Г. Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии. *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. Том 13. № 4. С. 131–161 [Kosach G. G. For National Interests: Foreign Policy of Saudi Arabia. A New Interpretation. *Lomonosov World Politics Journal*. 2021. Vol. 13. No 4. Pp. 131–161 (in Russian)].

Кузнецов В. А., Наумкин В. В. Глобальные и региональные тренды «столетия» на Ближнем Востоке: новое прочтение. *Вестник Московского университета*. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–92 [Kuznetsov V. A., Naumkin V. V. Global and Regional Trends of the Century in the Middle East: A New Interpretation. *Lomonosov World Politics Journal*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 70–90 (in Russian)].

Мелкумян Е. С. *Арабские монархии Залива в XXI веке. Региональные и глобальные аспекты внешней политики*. М.: Институт востоковедения РАН, 2023 [Melkumyan E. S. *Arab Gulf Monarchies in XXI century*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2023 (in Russian)].

Мелкумян Е. С. Ближневосточная политика арабских государств Залива в свете обострения региональной ситуации. *Восток/Oriens*. 2024. № 5. С. 95–107 [Melkumyan E. S. Middle East Policy of the Arab States of the Gulf in the Light of the Aggravation of Regional Situation. *Vostok/Oriens.* 2024. № 5. Pp. 95–107 (in Russian)].

Абдель Азиз бен Усман бен Сакр. Аль-Джухуд аль-халиджийя ли аль-амн аль-иклимий (Усилия государств Залива по обеспечению региональной безопасности). *Аль-Ара'а*. 2024. № 196. С. 4 [Abdel Aziz bin Usman Al Sakr. Effords of the Gulf States on Maintaining Regional Security. *Al-Ara'a*. 2024. No. 196. P. 4] (in Arabic)].

Электронные ресурсы / Online Resources

Remarks of His Excellency Sheikh Mohammed bin Abdulrahman bin Jassim Al Thani Prime Minister and Minister of Foreign Affairs At the Leaders' videoconference regarding the military escalation in the region of the Middle East and the Gulf. State of Qatar. Ministry of Foreign Affairs/ URL: https://mofa.gov.qa/en/latest-articles/prime-minister-speeches/remarks-of-his-excellency (accessed: 27.05.2026).

All red lines have been crossed: Gulf states weigh response to Iranian strikes. BBC, 04. 03.2026. URL: https://www.bbc.com/news/articles/cjrqqd8lw2wo (accessed: 07.07.2026).

Мата юмкин ихрадж аль-кава'ид аль-амрикийя (When it will be possible to withdraw American military facilities? Al-Sharq Al-Awsat, 30.03.2026. URL: https://aawsat.com/%D8%A7%D9%84%D8%B1%D8%A3%D9%8A/5256676-%D9%85%D8%AA%D9%89-%D9%8A%D9%85%D9%83%D9%86-%D8%A5%D8%AE%D8%B1%D8%A7%D8%AC (accessed: 08.08.2026) (in Arabic).

Abdulghani Al-Kindi A Forward-Looking Vision for the Region and World After This War/ Al-Sharq Al-Awsat 01/04/2026. URL: https://english.aawsat.com/opinion/5257611-forward-looking-vision-region-and-world-after-war (accessed: 10.04.2026).

Guzansky Y. From Quiet Competition to Open Rivalry: Saudi-UAE Relations. The Institute for National Security Studies. Publications. INSS Insight. No. 2099. 11.02.2026. URL: https://www.inss.org.il/publication/saudi-arabia-uae-2026/ (accessed: 27.05.2026).

Vakulina S. What are Ukraine's new Gulf defense deals? Here is what Zelensky signed. Euro news. March 30, 2026. URL: https://www.euronews.com/2026/03/30/what-are-ukraines-new-gulf-defence-deals-here-is-what-Zelensky-sighed (accessed: 05.08.2026).

[7] Vakulina S. What are Ukraine's new Gulf defense deals? Here is what Zelensky signed. Euro news. March 30, 2026. URL: https://www.euronews.com/2026/03/30/what-are-ukraines-new-gulf-defence-deals-here-is-what-Zelensky-sighed (accessed: 05.08.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-346-353

ГАЛИНА ИВАНОВНА СЛЕСАРЧУК — МОНГОЛОВЕД, ИСТОРИК, АРХИВИСТ

© 2026

К. В. Орлова, Н. Г. Романова[1]

Статья посвящена научной деятельности Галины Ивановны Слесарчук (1926–2013). Она принадлежит к поколению ученых послевоенного времени, чей многогранный талант и широта научных интересов обогатили историческую науку и архивоведение. Не будучи монголоведом по первому образованию, она стала признанным авторитетом российского монголоведения. В марте 1957 г. она пришла на работу в сектор Монголии Отдела Кореи, Монголии и Вьетнама ИВ АН СССР (ныне Отдел Кореи и Монголии ИВ РАН) и органично влилась в архивную группу, целью которой была подготовка проекта по изданию сборников документов, посвященных русско-монгольским отношениям. В статье отражена лишь часть ее многогранной деятельности, но и она наглядно демонстрирует широту научных интересов Галины Ивановны и ее весомый вклад в развитие архивоведения и монголоведения.

Ключевые слова: Г. И. Слесарчук, монголоведение, архивы, история, память

Для цитирования: Орлова К. В., Романова Н. Г. Галина Ивановна Слесарчук — монголовед, историк, архивист. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 346–353. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-346-353

GALINA IVANOVNA SLESARCHUK — A MONGOLIA SCHOLAR, HISTORIAN, ARCHIVIST

Keemya V. Orlova, Natalya G. Romanova

The article presents to the academic activity of Galina Ivanovna Slesarchuk (1926–2013). She belongs to the generation of scholars of the postwar period, whose multifaceted talent and breadth of academic interests enriched historical science and archival studies. Not being a Mongolia scholar by first education, she became a recognized authority on Russian Mongolia studies. In March 1957 she took a job to the Institute of Oriental Studies of the USSR (now Institute of Oriental Studies of the RAS). Galina Ivanovna organically joined the archival group, whose purpose was to prepare for the publication of collections of documents on Russian-Mongolian relations.

The article reflects only a part of her multifaceted activities and clearly demonstrates the breadth of her scientific interests and significant contribution to the development of archival science and Mongolian studies.

[1] Орлова Кеемя Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; k.orlova@ivran.ru

Keemya V. Orlova, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; k.orlova@ivran.ru
ORCID: 0000-0003-4951-0063

Романова Наталья Геннадиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; n.romanova@ivran.ru

Natalja G. Romanova, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; n.romanova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-6154-1386

Keywords: G.I. Slesarchuk, Mongolia, Mongol studies, archives, history, memory
For citation: Orlova K.V., Romanova N.G. Galina Ivanovna Slesarchuk — Mongolian scholar, historian, archivist. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 346–353. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-346-353

Галина Ивановна Слесарчук (1926–2013) принадлежит к поколению ученых послевоенного времени, чей многогранный талант и широта научных интересов обогатили историческую науку и архивоведение. Не будучи монголоведом по первому образованию, она стала признанным авторитетом российского монголоведения.

Галина Ивановна родилась в г. Сумы Украинской ССР в семье военного, участника Великой Отечественной войны. Окончив семилетку в 1941 г., она вместе с семьей эвакуировалась из Севастополя в Омск, затем в Барнаул, там же окончила школу [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 6]. В 1944 г. открылась новая страница в жизни Галины Ивановны — поступление в Московский государственный историко-архивный институт (ныне Историко-архивный институт РГГУ), который она окончила с отличием в 1948 г. по специальности историк-архивист с присвоением квалификации «научный работник историк-архивист» [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 8]. Во время учебы была комсоргом и старостой группы, «бригадиром агитбригады во время выборной кампании» [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 6, 41]. В том же 1948 г. поступила в аспирантуру по кафедре истории СССР Историко-архивного института. В 1955 г. там же защитила кандидатскую диссертацию на тему «Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьего монастыря в первой четверти XVIII в.» [Слесарчук, 1955]. С сентября 1955 г. — сотрудник по договору Центрального государственного архива древних актов (ныне РГАДА), в составе группы архивистов была привлечена к подготовке первого тома сборника документов «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.», а также в качестве составителя указателей [Кабардино-русские отношения, 1957, с. XVI].

Этапной вехой в профессиональной деятельности стало поступление в марте 1957 г. на работу в сектор Монголии Отдела Кореи, Монголии и Вьетнама ИВ АН СССР (ныне Отдел Кореи и Монголии ИВ РАН) [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 28]. Опыт работы в ЦГАДА и защита кандидатской диссертации позволили Галине Ивановне органично влиться в сформированную по инициативе сотрудника ИВ АН СССР И. Я. Златкина (1898–1990) архивную группу, целью которой была подготовка масштабного проекта по изданию сборников документов, посвященных русско-монгольским отношениям. С 1959 по 2000 г. были опубликованы четыре тома под общим названием «Материалы по истории русско-монгольских отношений». Эти сборники документов, представляющие собой всесторонний обзор русско-монгольских связей с 1607 по 1691 г., по праву признаны фундаментальными трудами как в отечественном и зарубежном монголоведении, так и востоковедении в целом. Архивные документы, извлеченные из фондов Посольского и Сибирского приказов ЦГАДА (портфели Миллера), ЛО Архива АН СССР (ныне СПб. Ф АРАН), ЛО Института истории АН СССР (ныне СПб. ИИ РАН), а также копийных книг из Казанской, Томской, Тобольской, Тюменской, Тарской и других приказных изб раскрывают весь комплекс вопросов, имевших место в ходе посольских переговоров, а также их реальные результаты. Как свидетельствуют публикуемые архивные материалы, Русское государство старалось поддерживать добрососедские отношения, не вмешивалось во внутренние дела Монголии и Джунгарского ханства, устраняло проблемы дипломатическим путем, не давая втягивать себя в возникавшие неоднократно военные конфликты между монгольскими *тайджами*. В свою очередь монгольские князья, вступая в дипломатические и торговые отношения с Москвой, пытались использовать Россию для противодействия все возрастающей опасности со стороны Цинского государства. Все четыре тома снабжены подробными комментариями, именными и географическими указателями, а также словарем терминов.

Следующие крупные работы — сборник документов «Советско-монгольские отношения. 1921–1966» [Советско-монгольские отношения, 1966] и два тома документов за 1921–1974 гг. [Советско-монгольские отношения, 1975; 1979]. Архивные материалы из этих сборников характеризуют и раскрывают многогранность становления и развития равноправных и всесторонних межгосударственных связей (политических, экономических, культурных). Следует особо отметить, что двухтомник подготовлен и опубликован как совместное с монгольскими коллегами издание.

Научный авторитет Галины Ивановны высоко оценен монгольскими учеными. Ее как компетентного историка-архивиста привлекли к подготовке и публикации сборника документов «Коминтерн ба Монгол» («Коминтерн и Монголия») на монгольском языке [Коминтерн ба Монгол, 1996]. В сборник вошли 83 документа с 1920 по 1935 г. из монгольских и российских архивов, причем 66 из них опубликованы впервые [Коминтерн ба Монгол, 1996, с. 3]. Издание вносит существенный вклад в историографию, систематизируя ранее не публиковавшиеся материалы о непростой, противоречивой деятельности и роли Коминтерна и его представителей в политических процессах Монголии, многогранном сотрудничестве СССР и Монголии. В том же году в Улан-Баторе был опубликован совместный сборник документов о культурных и научно-технических связях двух государств на монгольском языке, где Г. И. Слесарчук значится в числе составителей [Монголзөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа, 1996].

В течение всей научной деятельности Галина Ивановна продолжала много и успешно работать в ведущих российских архивах. Одному из авторов данной статьи посчастливилось несколько лет работать рядом с ней в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Она готовила к публикации очередной фундаментальный труд по истории русско-монгольских отношений [Русско-монгольские отношения, 2000]. Уже тогда обращала на себя внимание та удивительная

тщательность и основательность, с которой Галина Ивановна работала. Профессиональный архивист, она одной из первых приходила в читальный зал архива, часами внимательно просматривала папку за папкой и, не пропуская ни одной страницы, делала подробные записи или полностью, быстро от руки, переписывала очередной документ. Это была чрезвычайно большая работа, так как тогда в архивах приветствовалась исключительно ручная обработка текста. Итогом этой архивной работы стало издание фундаментальных трудов — сборников документов, сыгравших важнейшую роль в изучении русско-монгольских отношений.

Наряду с научной деятельностью Галина Ивановна активно участвовала в «общественной и производственной жизни» Отдела, в течение ряда лет работала агитатором, что неоднократно отмечалось в характеристиках и ходатайствах, представлениях и отзывах Отдела, с 1964 г. она — ученый секретарь отдела [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 2, 6, 31, 33, 41, 43]. Будучи многолетним бессменным ученым секретарем отдела, Галина Ивановна вела большую научно-организационную работу. Несмотря на свою внешнюю строгость, она всегда с необычайной теплотой относилась к сотрудникам отдела, особенно к молодежи, иностранным стажерам и аспирантам. Планы, отчеты, протоколы заседаний, обсуждения научных трудов... все было на ее плечах. Галина Ивановна всегда была готова помочь, объяснить, прийти на помощь, даже и накормить иногда вечно голодную молодежь, о чем с теплотой вспоминают тогда начинающие, а сегодня уже известные ученые-монголоведы.

В 1985 г., согласно постановлению Президиума АН СССР, ей присвоено ученое звание «старший научный сотрудник» по специальности «всеобщая история» [Архив ИВ РАН. Личное дело Г. И. Слесарчук. Л. 11].

Она неоднократно выезжала в научные командировки в МНР и другие страны. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) сохранилось несколько писем в период ее командировки в МНР по линии Академии наук в 1971 г., адресованные Илье Яковлевичу Златкину. Письма очень содержательны, отражают как внутреннее ее состояние, так и восприятие страны и людей. Так, в письме от 21 января 1971 г. она ему пишет: «Лувсанбалдан[2] предлагает издать совместно с нашим институтом перевод биографии Зая-пандиты с предисловием и комментариями[3]. Мне кажется, это было бы интересно. Они просили прозондировать почву. Дылыкову я говорила, он за. Что Вы думаете по этому поводу? Можно ли осуществить это издание у нас, в смысле напечатать?» В этом же письме Галина Ивановна сообщает о том, что «устроилась на занятия монгольским языком в Монгольский университет», чем была очень «довольна... пока что хорошо, если так будет и потом, то буду считать, что мне повезло» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 1–1об.]. О своем «студенчестве» Галина Ивановна продолжила в письме от 17 февраля: «по возрасту уже отношусь к категории “вечных студентов”, предложения уже стала писать почти по-монгольски... получаю удовольствие от занятий в университете, главным образом зубрю, хотя и тяжеловато: “каждому овощу свое время”, попались очень удачные преподаватели» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 2]. В этом же письме Галина Ивановна сообщает о некоторых трудностях с проживанием: некоторое время она жила в гостинице, т. к. квартира, которую АН МНР снимала для командированных, была занята:

[2] Лувсанбалдан Х. (1925–1992) — монгольский филолог, источниковед. Х. Лувсанбалдан имеет в виду опубликованную в 1967 г. монгольским ученым Ж. Цолоо факсимиле и транскрипцию ойратской версии биографии Зая-пандиты по рукописи, обнаруженной в Кобдоском аймаке МНР и хранящейся в Институте языка и литературы АН МНР [*Biography of Caya Pandita in Oirat Character*. Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V, fasc. 2–3. Ulan-Bator, 1967].

[3] Зая-пандита Намкайджамцо (1599–1662) — ойратский религиозный и политический деятель, переводчик, просветитель, создатель ойратского «ясного» письма («тодо бичиг»). Его биография, о которой идет речь в письме, на русском языке опубликована: [Ратнабхадра. Лунный свет, 1999].

«...Вообще жизнь в Улан-Баторе довольно однообразна, была в гостях у Рощина[4], который принимал меня на высшем уровне» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 2б]. В письме от 16 июня Галина Ивановна сообщает Златкину: «занятия в университете были до 28 мая с очень большой нагрузкой, потом навалилось редактирование докладов[5], которые неизвестно, когда будут опубликованы». О научной жизни в Улан-Баторе Галина Ивановна с юмором пишет: «все здесь заняты бесконечными большими и малыми *хуралами* (конференциями), всем некогда, и радостная весть — приехал Марк (М. И. Гольман. — *Авторы*) и навел сразу порядок: стали менять постельное белье, прислали уборщицу помыть окна и т. д., чего я тщетно добивалась 6 месяцев. Завтра, т. е. 17 июня улетаем с Марком в Убсунурский аймак, затем в Кобдо до 5–6 июля, правда, если будет хорошая погода, иначе просидим на аэродроме» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 4]. Об этом увлекательном путешествии или «первом вояже» в западные аймаки МНР вспоминает Марк Исаакович в своей книге «Монголия глазами монголоведа» [Гольман, 2019, с. 146–155]. Поездка действительно получилась насыщенной и интересной: маршрут они начали с г. Улангом Убсунурского аймака, далее посетили экспортно-импортную базу Цагаан Нуур, г. Баян-Ульгий Баян-Ульгийского аймака и завершили путешествие в г. Кобдо Кобдоского аймака. Наибольшее впечатление и восторг у путешественников вызвал г. Кобдо «с крепостью времен маньчжурского владычества, где внутри нет ничего, кроме деревьев и травы ...город Кобдо — это то место, куда хочется возвращаться» (подробнее см.: [Гольман, 2019, с. 146–155]).

В письме от 17 сентября 1971 г. Г.И. сообщает: «кончились мои небольшие поездки по *худону* (сельская местность), и с 1 октября начинаются занятия в университете» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 5]. Уже 5 ноября она сообщает, что живет «без всяких потрясений, ...однообразно, утром до трех часов в университете, потом в архиве. Читаем со своим помощником (в письме имени нет. — *Авторы*), которого предоставила АН МНР, документы, главным образом на маньчжурском языке. Есть материалы интересные, но за более поздние годы, стараюсь по мере сил и возможностей брать, вернее переписывать документы» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 6]. В письме от 23 января 1973 г.[6]: «В институте истории (Институт истории АН МНР. — *Авторы*) обещали показать статьи Владимирцова о командировке — что это и как выглядят — не знаю[7]. Библиотекарь болеет, и никто ничего не может выдать. По сравнению с 1971 г. в Улан-Баторе стало хуже с книжной торговлей» [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 6].

Работу о научном наследии академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931) Галина Ивановна задумала первоначально в двух томах еще в 1974 г. [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 39], в итоге в серии «Классики отечественного востоковедения» были переизданы труды Бориса Яковлевича в четырех томах [Владимирцов, 2002; 2003; 2005; 2016]. Работы Владимирцова в области истории, литературы и языкознания ознаменовали собой формирование отечественного монголоведения как подлинно современной отрасли знания. К сожалению, до публикации последнего, четвертого тома «Письма. Неизданное» Галина Ивановна, бессменный составитель и редактор собрания сочинений Владимирцова, не дожила. Как написала составитель, профессор А. Д. Цендина, «этот том — дань памяти не только знаменитому монголисту, но также ее многолетним трудам» [Цендина,

[4] Рощин Сергей Константинович (1930–2019), доктор исторических наук, с 1956 г. — сотрудник ИВ АН СССР / ИВ РАН, крупнейший специалист по истории и экономике МНР/Монголии, истории советско/российско-монгольских отношений XX–XXI вв. Дважды (1959–1961, 1969–1973) работал в Посольстве СССР в МНР.

[5] Имеются в виду доклады участников второго Международного конгресса монголоведов, состоявшегося в сентябре 1970 г.

[6] С сентября 1973 г. Г. И. Слесарчук находилась в шестимесячной командировке в МНР [ГА РФ, ф. 7017, оп. 1, д. 167, л. 32–33].

[7] Имеются в виду статьи Б. Я. Владимирцова о его поездках к баитам и дербетам Кобдоского аймака.

2016, с. 22]. В этот том вошли письма Владимирцова, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, Государственном архиве Забайкальского края, архиве Музея Гимэ в Париже. Среди адресатов — известные востоковеды: В. М. Алексеев, А. В. Бурдуков, Ц. Ж. Жамцарано, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, В. Ф. Минорский, П. Пеллио, С. Ф. Ольденбург и многие другие. В книгу также включен ряд неизданных трудов ученого: «О монгольском святителе-хутухте», «Три для в Улясутае», «Предварительный отчет археологической экспедиции Ученого комитета МНР», «В Монголию» и другие.

Незадолго до ее кончины по инициативе директора Института истории Монгольской академии наук С. Чулууна (ныне генеральный директор Национального музея Чингисхана) в Улан-Баторе издан сборник из 27 статей Г. И. Слесарчук, которые отбирала она сама [Слесарчук, 2013]. В своем обращении «В память об ученом» он подчеркивает: «монголовед Г. И. Слесарчук была «знатоком и транслятором русских архивных документов по Монголии» [Чулуун, 2013, с. 4]. Опубликованные статьи — лишь часть ее трудов по проблемам средневековой истории, историографии, источниковедения Монголии, различным аспектам русско/советско-монгольских отношений за период с 1961 по 2006 г.

Нельзя не отметить личные качества Галины Ивановны: ее честность, прямоту и бескорыстие. Она неизменно проявляла глубокое уважение к коллегам, уделяя особое внимание поддержке молодых специалистов. К ней за профессиональной консультацией обращались исследователи из России и Монголии, ее критические замечания и ценные советы всегда были востребованы и высоко ценились в научном сообществе.

В этой статье отражена лишь малая часть ее многогранной деятельности, которая наглядно демонстрирует широту ее научных интересов и весомый вклад в развитие архивоведения и монголоведения.

Литература / References

Владимирцов Б. Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2002 [Vladimirtsov B. Ya. *Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples.* Compiled by G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian)].

Владимирцов Б. Я. *Работы по литературе монгольских народов*. Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М.: Вост. лит., 2003 [Vladimirtsov B. Ya. *Works on the Literature of the Mongolian Peoples*. Compiled by G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003 (in Russian)].

Владимирцов Б. Я. *Работы по монгольскому языкознанию.* Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2005 [Vladimirtsov B. Ya. *Works on Mongolian Linguistics*. Compiled by G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005 (in Russian)].

Владимирцов Б. Я. *Письма. Неизданное*. Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М.: Вост. лит., 2016 [Vladimirtsov B. Ya. *Letters. Unpublished*. Compiled by G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina, ed. by A. D. Tsendina. Moscow: Vostochnaya literatura, 2016 (in Russian)].

Гольман М. И. *Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века)*. Отв. ред. К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2010 [Golman M. I. *Mongolia through the eyes of a Mongolist (60–70-s of the XX century*). Ed. by K. V. Orlova. Moscow: IV RAN, 2010 (in Russian)].

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 1: XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957 [*Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII Centuries. Documents and Materials in 2 volumes.* Vol. 1. *XVI–XVII centuries*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957 (in Russian)].

Коминтерн ба Монгол. Бариmтын эмхэтгэл (Коминтерн и Монголия. Сборник документов). Улаанбаатар: Шинжлэж ухаан, технологийн мэдэллийн компаний хэвлэх, цехэд хэвлэв, 1996 [*The Comintern and Mongolia*. *Collection of documents*. Ulaanbaatar: Printed in the scientific and technical company, 1996 (in Mongolian)].

Монгол-зөвлөлтийн соёл, шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл (1921–1960). Сост.: Х. Энхтувшин, Д. Цэдэвсурэн, Н. Хишигт, Ж. Гэрэлбадрах. М. Байгалмаа, И. И. Кудрявцев, Т. П. Колторович, Г. И. Слесарчук, С. М. Розенталь, Э. Н. Шахназарова. В 2-х томах. 1 боть. Улаанбаатар: Үндэсний Архивын Газрын Сэргээн шинэтгэх микрофото лаборатори, 1996 [*Mongolian-Soviet Scientific, Technical and Cultural Communications. In 2 volumes.* Vol. I. *1921–1960*. Comp. by Kh. Enkhtuvshin, D. Tsedevsuren, N. Khishigt, J. Gerelbadrakh, M. Baigalmaa, I. I. Kudryavtsev, T. P. Koltorovich, G. I. Slesarchuk, S. M. Rosenthal, E. N. Shakhnazarova. Ulanbaatar: Ündėsniĭ Arkhivyn Gazryn Sėrgėėn shinėtgėkh mikrofoto laboratory, 1996 (in Mongolian)].

Раднабхадра. *Лунный свет: История рабджам Зая-пандиты.* Факсимиле рукописи; пер. с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслитерация текста, предисловие, комментарий, указатели и примечания А. Г. Сазыкина. Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VII. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999 [Radnabhadra. *Moonlight: The Story of Rabjam Zaya-Pandita*. Facsimile of the manuscript; translated from Oirat by G. N. Rumyantsev and A. G. Sazykin; transliteration of the text, preface, commentary, indexes and notes by A. G. Sazykin. Monuments of Oriental culture. St. Petersburg scientific series. Vol. VII. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1999 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1607–1636 г. Сборник документов. Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: ИВЛ, 1959 [*Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of documents*, Compiled by L. M. Gataullina, M. I. Golman, G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 1959 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1974 [*Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of Documents.* Compiled by M. I. Golman, G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 1974 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1996 [*Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Collection of Documents*. Compiled by G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996 (in Russian)].

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. Сост. Г. И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 2000 [*Russian-Mongolian Relations. 1685–1691. Collection of Documents*. Compiled by G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000 (in Russian)].

Слесарчук Г. И. *Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьего монастыря в первой четверти XVIII в*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Московский гос. ист.-архивный институт, кафедра истории СССР. М., 1955 [Slesarchuk G. I. *The Economy and Peasants of the Suzdal Spaso-Euphemia Monastery in the First Quarter of the XVIII Century*. Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow State Historical and Archival Institute, Department of History of the USSR. Moscow, 1955 (in Russian)].

Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1966 [*Soviet-Mongolian Relations. 1921–1966. Collection of Documents*. Compiled by M. I. Golman, G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura 1966 (in Russian)].

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1: 1921–1940. Т. 2: 1941–1974. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук и др. Москва — Улан-Батор: Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1975; 1979 [*Soviet-Mongolian Relations. 1921–1974. Documents and materials. Vol. 1: 1921–1940. Vol. 2: 1941–1974*. compiled by M. I. Golman, G. I. Slesarchuk and others. Moscow — Ulaanbaatar: International Relations, 1975; 1979 (in Russian)].

Слесарчук Г. И. *Статьи разных лет*. Ред., сост. С. Чулуун, А. Д. Цендина, К. В. Орлова. Улан-Батор: Институт истории АН Монголии, 2013 [Slesarchuk G. I. *Articles from different years*. Ed. comp. S. Chuluun, A. D. Tsendina, K. V. Orlova. Ulaanbaatar: Institute of History of the Academy of Sciences of Mongolia, 2013 (in Russian)].

Цендина А. Д. Б. Я. Владимирцов в кругу востоковедов. Введение. Владимирцов Б. Я. *Письма. Неизданное*. Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина, отв. ред. А. Д. Цендина. М.: Восточная литература, 2016. С. 3–22 [Tsendina A. D. B. Ya. Vladimirtsov among the Orientalists. Introduction. Vladimirtsov B. Ya. *Letters. Unpublished*. Compiled by G. I. Slesarchuk, A. D. Tsendina, ed. A. D. Tsendina. Moscow: Vostochnaya literatura, 2016. Pp. 3–22 (in Russian)].

Чулуун С. В память об ученом. Слесарчук Г. И. *Статьи разных лет*. Улан-Батор: Институт истории АН Монголии, 2013. С. 3–4 [Chuluun S. In memory of the scholar. Slesarchuk G. I. *Articles from different years*. Ulaanbaatar: Institute of History of the Academy of Sciences of Mongolia, 2013. Pp. 3–4 (in Russian)].

Biography of Caya Pandita in Oirat Character (*Rabjamba. Čay-a bandida-yin tuγuǰi saran-u gerel kemekü ene metü bolai*). Red. acad., prof. Dr. Rinchen. Preface, transliteration, ed. of the text by J. Tsoloo). Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V, fasc. 2–3. Ulan-Bator: Publishing House of the Academy of Sciences, 1967 (in Mongolian).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-354-361

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026»

© 2026

О. А. Королева, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин[1]

С 6 по 8 апреля 2026 г. в Институте востоковедения РАН прошла Третья Международная научная конференция «Бартольдовские чтения–2026». Мероприятие было организовано Отделом истории Востока. В настоящей статье представлен обзор данного мероприятия: конференция проходит на регулярной основе — каждые два года — и является площадкой для дискуссии разнопрофильных специалистов. По сложившейся традиции «Бартольдовских чтений» в 2026 г. в качестве главной темы было решено избрать торгово-экономические отношения на Востоке. В ходе трехдневной конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с особенностями формирования и эволюции торгово-экономических отношений на Востоке и в незападном мире в целом. Конференция прошла в очно-дистанционном формате и привлекла внимание учёных из разных городов и регионов Российской Федерации, Армении, Казахстана, КНР, Кыргызстана и Туркменистана. За три дня работы конференции было представлено свыше 60 докладов и презентаций. В рамках четырех секций, сформированных по тематическому принципу, участники рассмотрели политические аспекты торгово-экономических отношений, обсудили особенности сухопутных и морских торговых путей, проанализировали роль отдельных городов и регионов в торгово-коммерческой структуре государств и сообществ. Доклады участников продемонстрировали разносторонний диапазон исследуемых вопросов, связанных с торгово-экономическими отношениями на Востоке.

Ключевые слова: Бартольдовские чтения, торгово-экономические отношения, востоковедение, письменные памятники

Для цитирования: Королева О. А., Курникова О. М., Тимохин Д. М. Обзор международной научной конференции «Бартольдовские чтения — 2026». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 354–361. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-354-361

[1] Королева Ольга Александровна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ousoil33@yandex.ru

Olga A. Koroleva, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ousoil33@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2487-7910

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9593-8912

Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9093-5269

INTERNATIONAL CONFERENCE 'BARTHOLD READINGS — 2026'. AN OVERVIEW

Olga A. Koroleva, Oxana M. Kurnikova, Dmitry M. Timokhin

This article presents an overview of the International Conference 'Barthold Readings', which was held on April 6–8, 2026. The conference was organized by the Department of Oriental History. This conference has been held regularly every two years. The Forum serves as a platform for discussions of diverse specialists. According to established tradition, a common theme was chosen for the 'Barthold Readings' in 2024, namely, trade and economic relations in the East. The forum addressed a wide range of issues related to the formation and evolution of trade and economic relations in the East and in the non-Western world as a whole. The conference was held in a face-to-face and remote format and brought together experts from different regions of the Russian Federation, the People's Republic of China, Armenia, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Kazakhstan. Over 60 papers were presented during the three days of the forum.

In four thematic sections, the participants reviewed the political aspects of trade and economic relations, discussed the specifics of land and sea trade routes, and showed the role of individual cities and regions in the trade and commercial structure of states and communities. The participants' papers demonstrated a wide range of researched issues related to trade and economic relations in the East.

Keywords: Barthold Readings, trade and economic relations, oriental studies, written monuments

For citation: Koroleva O. A., Kurnikova O. M., Timokhin D. M. International Conference 'Barthold Readings — 2026. An Overview. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 354–361. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-354-361

06–08 апреля 2026 г. в стенах Института востоковедения РАН прошла Третья Международная научная конференция «Бартольдовские чтения — 2026». Организатором данного мероприятия выступил Отдел истории Востока. Он и предложил общую тему конференции: торгово-экономические отношения на Востоке и в незападном мире.

Отечественное востоковедение в советский период накопило большой опыт исследований в области торгово-экономических отношений на Востоке в рамках марксистско-ленинской парадигмы. Однако на современном этапе исследования в этом направлении сильно сократились, поскольку учёных в большей степени стали интересовать сюжеты политической истории, источниковедение и текстология, а также различные аспекты культуры Востока. Вместе с тем в мировой востоковедной науке сформировался богатый теоретико-методологический задел в отношении экономической истории, в том числе стран Востока. Появился целый ряд фундаментальных работ по значимым вопросам истории развития торгово-экономических отношений, которые были выстроены вне марксистско-ленинской парадигмы. Все это сподвигло организаторов конференции вновь обратить внимание на данную научную проблематику и предложить участникам обсудить свои наработки по истории торгово-экономических отношений в рамках Третьей Международной научной конференции «Бартольдовские чтения — 2026».

Это научное мероприятие затронуло широкий спектр проблем, связанных с торгово-экономическими отношениями в незападном мире в истории Древности, Средневековья и Нового времени. В качестве отдельных тематических подразделов были выделены:

- особенности денежного обращения и товарообмена;
- товары, диковинки и «чудеса» разных регионов Востока и незападного мира глазами путешественников и в сочинениях географов;

- сухопутные и морские торговые пути и коммуникации: особенности формирования, существования и причины угасания;
- роль городов в торговле и иных видах взаимодействия в оседлых и кочевых сообществах;
- торговые, экономические, финансовые ограничения и способы их обхода в истории незападного мира.

В работе конференции приняли участие более 60 ведущих специалистов и молодых учёных, представляющих научные учреждения Российской Федерации, Армении, Казахстана, КНР, Кыргызстана и Туркменистана. Россия на конференции была представлена исследователями из многочисленных регионов и городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Республики Башкортостан (Уфа), Республики Бурятия (Улан-Удэ), Республики Марий Эл, Тюмени, Читы и других.

На открытии конференции с приветственным словом выступили директор Института Востоковедения д. и. н. А. К. Аликберов, научный руководитель Института Востоковедения, академик РАН д. и. н. В. В. Наумкин и заместитель директора Института Востоковедения к. и. н. Н. Г. Романова.

Далее работа конференции продолжилась в четырёх тематических секциях: **«Геополитика торговли: политические аспекты торгово-экономических отношений на Востоке»**; **«Сухопутные и морские торговые пути и коммуникации: особенности формирования, существования и причины угасания»**; **«Товары, диковинки и "чудеса" разных регионов Востока и незападного мира глазами путешественников и в сочинениях географов»**; **«Роль городов и регионов в торговле и иных видах взаимодействия оседлых и кочевых сообществ».**

Секции на конференции были сформированы по принципу тематической, региональной и временной близости исследований в докладах участников.

Выступление **Ю. И. Дробышева** «Международная торговля и рождение монгольского «империализма»» открыло работу секции **«Геополитика торговли: политические аспекты торгово-экономических отношений на Востоке»**. Докладчик в ходе своего выступления рассказал о том, что в XIII в. Чингис-хан изначально стремился наладить торговые связи с хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом, которые не удались, что в конечном счёте привело к военным действиям и победе монгольских завоевателей. Доклад **А. В. Белякова** «Ясак как древняя форма фиксации земельной собственности в Северной Евразии» был посвящён рассмотрению такого явления, как ясак, т. е. плата за право хозяйственной деятельности на той или иной территории, его распространению по географическому и этноконфессиональному принципу, а также анализу других аспектов исследуемого явления. **И. М. Миргалеев** выступил с сообщением на тему «Торговля и война: к вопросу о противостоянии Золотой Орды с Тамерланом». Речь шла о том, насколько сильное влияние на положение дел в Золотой Орде оказывала активность трансконтинентальной торговли через Евразию, в том числе по северному маршруту Великого шёлкового пути. О политических и экономических взаимоотношениях конца XIV в. империи эмира Тимура и китайской империи Мин в своём выступлении сообщил **А. Ш. Кадырбаев**.

В докладе «Трансформация традиционных торговых маршрутов в Центральной Азии в XVI–XVII вв.», представленным **А. Д. Васильевым,** речь шла о том, как ряд внешних факторов (открытие морского пути в Индию, великие географические открытия и т. д.) кардинально изменил ситуацию в Центральной Азии, что, в свою очередь, привело к формированию новых торговых направлений *«Север–Юг»* взаимен утраченных *«Восток–Запад»*. В сообщении **Б. У. Китинова** «... приидоша в Тоболеск послы от Калматского Аблая тайши и просив государевых... пансырей и жалованье...» говорилось о том, что Аблай-тайша, будучи видным ойратским вождем, сыграл

важную роль в установлении торгово-экономических связей между ойратами и русскими. Кроме этого, речь шла о его успехах на военном поприще и в делах международного посредничества.

В. В. Прудников выступил с докладом «Торговые ограничения и механизмы их преодоления в Западном Средиземноморье XI в.: конфликты Пизанской морской республики с мусульманскими центрами Сицилии и Северной Африки» и проанализировал с точки зрения торгово-экономических отношений пизанско-мусульманские конфликты XI в. Автор пришёл к выводу, что религиозная риторика являлась способом достижения экономических преимуществ, а сами конфликты приводили к налаживанию новых торговых связей в регионе.

Следующий докладчик — **Г. Ж. Мхитарян** в своём выступлении «Сухопутные и морские пути в Прикаспии в контексте торгово-экономических интересов Российской империи второй половины XVIII в.» рассказала о роли мусульманских ханств прикаспийских областей в торгово-экономических отношениях России и Персии. В докладе **А. Ю. Быкова** «Изменение международных торговых маршрутов и внешнеторговая переориентация России в начале XIX в.» речь шла об изменениях во внешнеторговой деятельности России и смещении её приоритетов с Запада на Восток.

М. Р. Рыженков в своём сообщении «Торгово-экономические отношения в Малой Азии и на Ближнем Востоке в 30-х годах XIX века по описаниям российских путешественников, военно-дипломатических агентов», опираясь на отчёты офицеров Генерального штаба М. П. Вронченко и П. П. Львова, представил экономическую обстановку в Малой Азии, Восточной Анатолии, Египте и Сирии, что на сегодняшний день является важным историческим источником, в частности, по экономической истории региона.

И. А. Зайцев в докладе «Экономика и мораль в бирманской политико-философской мысли: интерпретация европейской экономической модели в трактате Rājadhammasaṅgaha» рассказал о том, как бирманский придворный министр У Бо Хлайн, используя категориальный аппарат буддийской философской традиции, описал европейскую экономическую модель конца XIX в. **К. Д. Фролов** в своём сообщении «Особенности финансирования улама в Саудовской Аравии, конец XIX — начало XX века» на основе исследования биографий богословов Саудовской Аравии в ходе изучения традиционных источников дохода улама на рубеже XIX–XX вв. приходит к выводу, что в основном ими были религиозные должности, оплачиваемые из государственной казны. Кроме этого, еще одним вспомогательным источником была караванная торговля.

Завершил работу секции **«Геополитика торговли: политические аспекты торгово-экономических отношений на Востоке»** доклад **Д. И. Ализаде** «Великий индийский путь как контрпроект линии Садидже-Ханекин», где на примере проекта «Великий индийский путь» были рассмотрены причины, по которым вначале Россия его поддержала, но затем, усмотрев в будущем возможные политические и экономические риски, была вынуждена от него отказаться.

Заседания секции **«Сухопутные и морские торговые пути и коммуникации: особенности формирования, существования и причины угасания»** открыл доклад **В. М. Немчинова**, посвященный «Вкладу востоковеда А. М. Петрова в изучение истории международного экономического общения и торговых отношений на Востоке». Докладчик рассказал об исследованиях учёного в области экономической истории стран Востока, а также о результатах международной научной экспедиции вдоль Шёлкового пути, где он выступил в качестве организатора. **А. В. Мрачковская** в своём сообщении «Причины и последствия смены торгово-паломнических путей в государстве Тюрк Шахи к VIII в.» рассмотрела изменение торговых маршрутов, приведшее к угасанию местных монастырей, которые выступали основным экономическим актором долины Сват, и как это впоследствии отразилось на государстве Тюрк Шахи.

А. О. Захаров в докладе «Международная торговля в Яванском море в IX–X веках по данным кораблекрушений Интан и Чиребон» на основе археологических данных реконструировал специфику морской международной торговли в акватории Юго-Восточной Азии в раннесредневековый период. Коллектив авторов (**Л. Ф. Абзалов, М. С. Гатин, И. А. Мустакимов, Р. Ю. Почекаев)** представил вниманию слушателей доклад «Иностранные торговцы и чиновники в монгольском Иране: ярлык Абу Саида 1320 г. и документы из "Дастур ал-катиб" (опыт сопоставительного анализа)», посвященный исследованиям торговой деятельности в монгольском Иране на примере права зарубежных торговцев, полномочий местных чиновников и их взаимоотношений.

А. В. Аксанов в своём сообщении «Торговля как фактор московско-казанских отношений (середина XV — первая половина XVI в.)», анализируя дипломатические документы, летописи и записки иностранцев, пришел к выводу, что торгово-экономические контакты Московской Руси и Казанского ханства играли одну из основных ролей в налаживании связей между государствами и определяли стратегию и динамику их развития. Доклад **В. В. Тишина** «Торговля в истории Тюркской империи в третьей четверти VI в.» был посвящён процессу формирования Тюркской империи с точки зрения дипломатической и экономической истории. Докладчик также высказал предположение относительно того, насколько важную роль в этом сыграл комплекс военных мероприятий, благодаря которым был получен контроль над торговыми путями и, как итог, организована поставка разнообразной продукции, недоступный в условиях быта кочевников.

Е. А. Гирченко представила сообщение «О торговых контактах империи Хань (по эпиграфическим материалам почтовых станций коридора Хэси)», рассказав о найденных в ходе археологических раскопок многочисленных бамбуковых и деревянных плашках *ханьцзянь* с информацией о маршрутах караванов, проходивших по Шёлковому пути от Дуньхуана до Чанъаня, и перевозимых ими товарах. Эти документы являются важным источником информации, касающейся особенностей функционирования международной торговли в эпоху Хань. **И. С. Колнин** в своём выступлении «Предположительное изменение в предпочтениях морских торговых путей в Китае в эпоху Юань», исходя из сведений, описанных в XIV в. китайским купцом Ван Даюанем в трактате *Дао и чжи люэ*, рассказал о том, что морской путь вдоль Индокитайского полуострова в сторону Южной Индии был предпочтительнее и прибыльнее, чем путь к Индонезийскому архипелагу.

Д. В. Возчиков в докладе «"Мы подружились с несколькими купцами-язычниками": купцы Южной Азии в представлении венецианских купцов второй половины XVI века» воссоздал образ хитроумного восточного купца-индийца на основе описаний, оставленных венецианскими купцами-путешественниками Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби. При этом они подчеркивали важность знания торговых реалий для прибывающих в Индию европейцев. В сообщении **Т. М. Калининой** «Торговые связи Хазарии и Хорезма» со ссылкой на ряд источников приводятся сведения, касающиеся, например, роли купцов-рахданийа в посреднической торговле, а также товаров, которые поставлялись в Хорезм (мех, рабы-хазары и др.), и подтверждающие факт торговых отношений между Хазарией и Хорезмом.

В докладе коллектива авторов **С. А. Котенькова, Д. С. Соловьева, А. В. Коваленко** «Дельта Волги на перекрёстке торговых магистралей (Север–Юг, Запад–Восток) в хазарское время» были представлены вниманию слушателей данные археологических изысканий Семибугоринского археологического комплекса в дельте реки Волги, где были обнаружены крупные поселения с крепостными стенами, следы производства глиняной посуды, могильники, арабские и тюркские монеты, сосуды, амфоры и другие предметы, сообщающие о том, что здесь проходили торговые пути. В докладе **Ф. Ш. Сибагатова** «Дороги и коммуникации в истории башкирского народа» речь шла о торговых контактах башкир с народами Центральной Азии и Ближнего Востока, а также

о том, какое влияние оказали арабская культура и персидский язык на формирование современного башкирского языка.

Об «Особенностях международной торговли на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях» слушатели узнали из выступления **И. Р. Прохорова**. Докладчик отметил, что, несмотря на сложную геополитическую обстановку на границах России, Хивинского и Кокандского ханств, торговые отношения продолжали функционировать благодаря развитой сети российских пограничных пунктов, поскольку государства Центральной Азии остро нуждались в российских промышленных товарах.

И. С. Игдавлетов посвятил свой доклад «Экономика среднеазиатских ханств во второй половине XIX в. в наблюдениях Мирсалиха Бекчурина» личности известного башкирского просветителя и переводчика М. М. Бекчурина, который, основываясь на своих многолетних путешествиях и наблюдениях, написал книгу «Туркестанская область: заметки статского советника Бекчурина», уделив большое внимание описанию экономического развития этого региона.

Заключительный доклад «Инструменты генИИ — в работе с рукописным наследием отечественных исследователей (XVIII — начала XX вв.) хозяйственного права империи Цин» секции **«Сухопутные и морские торговые пути и коммуникации: особенности формирования, существования и причины угасания»** представил коллектив авторов **П. Н. Дудин** и **С. В. Кобелев.** В нем докладчики рассказали о методологии использования генеративного ИИ (GenAI) для дешифровки рукописей Н. Я. Бичурина «Изложение китайского законодательства», в которых содержится информация о внешней торговле, товарообороте и имущественных отношениях империи Цин. Таким образом, новый подход к очистке текста рукописей позволит ввести в научный оборот ранее недоступные материалы по истории торговых отношений на Дальнем Востоке.

Работу секции **«Товары, диковинки и “чудеса” разных регионов Востока и незападного мира глазами путешественников и в сочинениях географов»** открыл доклад **А. А. Попова** «Коммеморативные эмиссии Греко-Бактрии и индогреческих правителей как источник по реконструкции исторических реалий», в котором автор на примере нумизматических памятников III в. до н. э. — I в. н. э. представил историю Греко-Бактрии и индо-греческих государств. Продолжило нумизматическую тематику сообщение **В. П. Орлова** «К вопросу о функциях монет в Ахеменидской империи», где докладчик представил большое разнообразие монет, имевших хождение в Ахеменидском государстве, и рассказал о той роли, которую они выполняли помимо прямого назначения.

Выступление **С. Е. Сидоровой** «Тающая роскошь: импорт льда в колониальную Индию» было сосредоточено на проблеме поставки льда из США в Индию в XIX в., который был необходим британцам, в частности, для поддержания здоровья и восстановления физических сил в жарком климате. При этом лед как привнесённый элемент комфорта был не только маркером достатка, но также и символом причастности к культуре модерна. **К. А. Демичев** в своём докладе «Сикхская торговля кашмирскими шалями глазами архитектора «открытия Инда» лейтенанта Александра Бернса» рассказал о том, как сикхи, фактически взяв под свой контроль Кашмир, смогли монополизировать торговлю шалями, и о том, как А. Бернс за счет прихода британцев на местный рынок и введения новой логистической схемы искал пути удешевления стоимости товара.

Сообщение **Д. С. Маджун** «Опиумный след: влияние глобального рынка на становление макосеяния в дореволюционном Семиречье» было посвящено процессу формирования отрасли макосеяния в XIX в. и превращения её в основную важную статью экономики региона. **В. О. Бобровников** свой доклад «Черкесы и казаки на «Völkerschauen (выставках народов)» в человеческих зоопарках России и зарубежья в 1870–1930-е гг.» посвятил теме научно-коммерческих

выставок диковинок колониального Востока, которые с конца XIX в. получили распространение в странах Европы, а также в России, вызвав большой интерес у аудитории.

Выступление **П. А. Куценкова** «Африканские архитектура и искусство глазами европейцев» строилось вокруг европоцентристского подхода в вопросе установления авторства и датировки памятников архитектуры и материальной культуры народов Африки. В сообщении **С. Н. Шаповаловой** «Загадочные мумии японского бестиария: Взгляд в мир мифов и суеверий» речь шла об одной из категорий ёкаи (сверхъестественных существ и монстров) — мумиях разных мифических существ (русалок, горных духов и др.). Также докладчик рассказала о сохранности этих исторических предметов, их экспонировании в музеях и монастырях, а также об интересе публики к подобным артефактам.

Коллега из КНР **Чэнь Юйцзе** в докладе «Функциональные ограничения кирпичного чая как региональных товарных денег» рассказал о плюсах и минусах такого товара как кирпичный чай, который в позднецинский и республиканский периоды играл роль денежной единицы в ходе торговых сделок в русско-китайском приграничье и на внутренних рынках Монголии. Коллектив авторов **М. М. Содномпилова** и **Б. З. Нанзатов** выступили с сообщением об «Элементах роскоши в жизни тюрко-монгольских народов Сибири: социальное, символическое, религиозное значение украшений». Докладчики рассказали о ювелирных изделиях кочевых народов Азии, заострив внимание на украшениях с полудрагоценными камнями, среди которых наиболее распространёнными были кораллы.

О «Работорговле на Великом шёлковом пути» речь шла в докладе **И. А. Фукалова**. Автор, говоря об основах экономического роста Великого шёлкового пути в VIII–XII вв., обрисовал масштабы торговли живым товаром, а также экономическую выгоду и военные способы для ее получения. Доклад **И. Ю. Демичевой** «"О торговцах и торговле": терракотовые статуэтки майя I тыс. н. э. как источник по изучению торговых отношений» был посвящен обнаруженным терракотовым статуэткам майя, благодаря которым стало возможным проследить и визуализировать процесс торговли, облик купцов, а также рассмотреть статуэтки как предмет торговли и обмена.

Е. Г. Шалахов в сообщении «К предыстории формирования Великого нефритового пути» рассказал слушателям о новых проектах в области изучения роли нефрита в древних сообществах Северо-Восточной Азии и о возможной связи формирования нефритового пути с погребальными памятниками сейминско-турбинского транскультурного феномена. **Д. Текаев** свой доклад «Трактат «Джавахер-наме-йе Низами» как источник по истории торговли редкими камнями в домонгольскую эпоху» посвятил тексту, написанному в XII в. Мухаммедом ибн Абу-л-Баракатом ал-Джаухари ан-Нишапури и являющемуся уникальным документом по экономической истории государства Сельджукидов и хорезмшахов-Ануштегинидов.

Коллектив авторов **Б. З. Нанзатов** и **В. В. Тишин** завершил работу секции **«Товары, диковинки и "чудеса" разных регионов Востока и незападного мира глазами путешественников и в сочинениях географов»,** представив доклад «Sartaγul: из Средней Азии в Сибирь», в котором рассмотрел распространение этнонима «*sartaγul*», восходящего к санскритскому *слову* «караван», с точки зрения его хронологического и географического распространения и тождественности у разных народов.

Четвертая секция конференции — **«Роль городов и регионов в торговле и иных видах взаимодействия оседлых и кочевых сообществ»** состоялась в заключительный, третий день форума и началась с выступления **Х. А. Мирзоева** «Портовые города Египта и Магриба в VIII–X вв.». Докладчик рассказал об особенностях инфраструктуры средневековых портовых городов Египта и Магриба, включая транспортную сеть, рыночные отношения, ремесленную

деятельность. В ходе исследовательской работы за основу были взяты арабские географические трактаты (ал-Мукаддаси, ибн Хордадбих, ибн Хаукаль, ал-Бакри) и исторические хроники (ат-Табари).

Продолжил работу секции **Д. М. Тимохин** с докладом «Города мусульманского мира в анонимном сочинении «Муджмал ат-тавāрīх̣ ва'л-ḳыṣаṣ» («Свод историй и повествований»)», в котором на основе ряда глав анонимного персидского источника рассказал о городах исламского Востока и их устройстве. Доклад **М. В. Моисеева** «Османские купцы в Москве XVI в. по данным Первой «турецкой» посольской книги (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 1)» был посвящен взаимоотношениям Московского государства и Османской империи, которые в основном носили экономический характер. Благодаря статейным спискам, грамотам, наказам и другим документам из Первой «турецкой» посольской книги докладчик постарался воссоздать характер этих отношений, где основными дипломатическими представителями Османской империи были купцы султанской казны.

Следующий докладчик — **О. М. Курникова** в своём выступлении «К вопросу о коммерческом значении городов эялета Кефе в XVI–XVIII вв.» рассказала о роли городов османской провинции Кефе, расположенной на территории Крыма, в общей торгово-экономической и коммерческой системе региона и Османской империи в целом. **М. М. Игнатова** в докладе «Экономический потенциал Цинхая XVII–XIX вв. по трактату "Цинхай цзи" (青海记)» на основе вышеуказанного китайского источника подробно изложила хозяйственно-статистические данные региона Цинхай, обладавшего богатой ресурсной базой.

А. В. Лузин в сообщении «Свидетельства ранних посетителей Средней Азии как источник сведений о торгово-ремесленном подъёме в узбекских ханствах второй половины XVIII в.» рассказал о торгово-промышленном расцвете среднеазиатских ханств, отдельно отметив динамику развития коммерческих отношений, товарооборот и систему налогообложения. **М. К. Алиев** и **В. О. Бобровников** представили вниманию слушателей доклад «Экономика и правовые ограничения общины-джамаата в "приговорах сельских сходов" горного Дагестана 1870–1910-х гг.» и рассказали о значении арабоязычных правовых документов и нормативных актов сельских обществ Дагестана для изучения правил землепользования, частной собственности, налогообложения и других внутренних вопросов общины. Завершилась работа секции **«Роль городов и регионов в торговле и иных видах взаимодействия оседлых и кочевых сообществ»** докладом **Е. В. Дроботушенко** «Особенности русско-китайской торговли в Гирине в 1916 г.: по отчёту Российского консульства», где автор с опорой на архивные документы рассказал о причинах увеличения или, наоборот, уменьшения товарооборота в Гирине между Россией и Китаем, а также привел статистические данные и перечислил названия русских компаний, занимавшихся торговой деятельностью с китайской стороной.

На заключительном заседании **Третьей Международной научной конференции «Бартольдовские чтения—2026»** организаторы и участники подвели итоги трёхдневной работы, обменялись впечатлениями и подчеркнули те направления исследований, которые им показались наиболее актуальными в свете прослушанных выступлений. Модераторами секций были отмечены новые перспективы исследований торгово-экономических отношений на Востоке и в незападном мире, а также выделенная ими проблематика, которая нуждается в дополнительном изучении. Участники конференции также отметили высокий уровень представленных докладов, вызвавших активные обсуждения среди выступающих и слушателей, и работу организаторов. Была принята общая резолюция Третьей Международной научной конференции «Бартольдовские чтения—2026», в которой были подведены итоги проведённого научного мероприятия, а также запланировано проведение Четвертой Международной научной конференции «Бартольдовские чтения», которая должна состояться в 2028 г. Организаторы и участники единогласно приняли резолюцию, после чего работа конференции была официально закрыта.

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-362-366

ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ — 2026. УСТНОЕ И ПИСЬМЕННОЕ В ЯЗЫКАХ АЗИИ И АФРИКИ

© 2026

А. И. Коган[1]

Обзор посвящен международной научной конференции «Востоковедные чтения — 2026. Устное и письменное в языках Азии и Африки», состоявшейся в мае 2026 г. в Институте востоковедения РАН. На мероприятии было сделано 27 докладов. Участники представляли научные центры и учебные заведения России, Германии, Японии и Южной Осетии. Заседания проходили в смешанном очно-заочном формате. В выступлениях были рассмотрены, в том числе в сравнительном аспекте, специфические явления письменной и/или устной речи, характерные для целого ряда языков Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, а также Кавказа, Ближнего Востока и Африки.

Ключевые слова: хроника конференции, языкознание, устная речь, письменная речь, языки Азии, языки Африки

Для цитирования: Коган А. И. Востоковедные чтения — 2026. Устное и письменное в языках Азии и Африки. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 4. С. 362–366. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-362-366

ORIENTAL READINGS 2026. THE ORAL AND THE WRITTEN IN ASIAN AND AFRICAN LANGUAGES

Anton I. Kogan

The review covers the proceedings of the international academic conference ‘Oriental Readings 2026. The Oral and the Written in Asian and African Languages’, held in May 2026 in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 27 papers were presented at this event. Its participants represented research centers and educational institutions of Russia, Germany, Japan and South Ossetia. Conference sessions were held both in person and online. In the talks, different phenomena specific to oral and/or written style in a number of languages of East, Southeast, South and Central Asia, as well as Caucasus, Middle East and Africa were analyzed and compared.

Keywords: conference chronicle, linguistics, oral style, written style, Asian languages, African languages

For citation: Kogan A. I. Oriental Readings 2026. The Oral and the Written in Asian and African Languages. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 4. Pp. 362–366. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-4-362-366

[1] Коган Антон Ильич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kogan_anton@yahoo.com

Anton I. Kogan, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kogan_anton@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9220-4665

20–21 мая 2026 г. в Институте востоковедения РАН прошла международная конференция «Востоковедные чтения — 2026. Устное и письменное в языках Азии и Африки». Организатором данного мероприятия являлся Отдел языков народов Азии и Африки ИВ РАН. Конференция была посвящена прежде всего изучению языковых явлений, специфичных для письменной и/или устной речи, а также сравнению этих двух форм коммуникации. Кроме того, затрагивались и некоторые вопросы прикладной лингвистики. Всего было сделано 27 докладов. Участники представляли научные центры и учебные заведения Российской Федерации, Германии, Японии и Южной Осетии. Заседания проходили в смешанном (очно-заочном) формате.

Доклады **первого** дня конференции (20 мая) были посвящены языкам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Утреннее заседание открыл заведующий Отделом языков народов Азии и Африки ИВ РАН *А. И. Коган*. Далее были заслушаны шесть выступлений участников.

В докладе *Н. Н. Воропаева* (Институт языкознания РАН, Москва) «Книжные идиомы *дяньгу* как источник разговорных идиом *чэньюй* китайского языка» рассмотрены некоторые аспекты формирования китайской фразеологии. Докладчик показал, что целый ряд широко употребительных в современном языке устойчивых выражений восходит к книжным фразеологизмам, встречающимся в классической литературе.

Н. В. Терехова (Иркутский государственный университет, Иркутск) в своём сообщении «Китайская грамматология в аспекте эпистемологического разнообразия теорий письма и знака» касается китайской теории толкования иероглифов и её эволюции от традиции, отражённой в древнекитайском словаре *«Шо вэнь цзе цзы»*, до современных подходов. Сопоставляются китайская и западная система взглядов на письменность.

Выступление *Е. А. Харламовой* (МГИМО МИД России, Москва) «Дж. М. Каллери и его особый взгляд на фонетическую природу китайских иероглифов» посвящено интересной странице истории европейской китаистики — труду католического миссионера Дж. М. Каллери «Systema Phoneticum Scripturae Sinicae». Автор труда полагает, что китайская письменность имеет не идеографическую, а фонетическую природу. Аргументы в пользу этой точки зрения были подробно разобраны в докладе.

Близким по тематике было выступление *Е. Ф. Розворы* (МГИМО МИД России, Москва) «История изучения фонетического компонента в знаках идеографической письменности китайского языка». Докладчик проанализировал и сопоставил подходы к изучению фонетических частей китайских иероглифов, распространённые в отечественной китаеведной лингвистике.

С. В. Кириленко (Институт языкознания РАН, Москва) в своём докладе «Смешанная речь и языковые идеологии китайских мигрантов в России» коснулась проблемы языковых контактов в условиях диаспоры. На основании результатов опросов и интервьюирования проживающих в России китайцев ею был собран материал, связанный с такими речевыми практиками, как, например, смешанная речь и переключение кодов. Было показано, что в степени распространения, а также в оценке этих практик отчётливо проявляются межпоколенческие различия.

Языковые контакты находились в центре внимания и в докладе *В. А. Андреевой* (Институт языкознания РАН, Москва) «Лексические заимствования во вьетнамской устной и письменной речи». Докладчик проанализировал распределение заимствований из трёх языков — китайского, французского и английского — между литературным и разговорным стилями современного вьетнамского языка. Китаизмы, усвоенные системно и преимущественно через тексты, характерны прежде всего для письменной речи, тогда как галлицизмы и англицизмы проникают в основном в устную.

На вечернем заседании первого дня было заслушано шесть докладов. В выступлении *С. А. Быковой* (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Представление о стиле *бунтай* в японском языкознании и классификация стилей японского языка» был рассмотрен ряд особенностей японской письменной речи. Докладчик показал, что некоторые из этих особенностей дают основание выделять внутри письменного языка несколько самостоятельных стилей, каждый из которых обладает своей лексической и грамматической спецификой.

А. С. Панина (Институт лингвистики РГГУ, Москва) в своём докладе «Субтитры в японских телепередачах» предложила классификацию японских телевизионных субтитров в соответствии с их функциями. У каждого из классов были выявлены характерные особенности графики, грамматики и лексики.

Происходящему на наших глазах изменению в японской грамматике был посвящён доклад *В. А. Журавлёвой* (Осакский университет, Япония) «Куда уходит японский эвиденциальный суффикс *-гэ*». Принято считать, что данный грамматический показатель, характерный для японского книжного языка, в настоящее время выходит из употребления. Однако материал, проанализированный докладчиком, показывает, что в действительности суффикс *-гэ* продолжает использоваться рядом авторов, причём его частотность зависит от индивидуальных особенностей пишущего. Есть основания полагать, что в будущем он может закрепиться в устойчивых сочетаниях.

Некоторые особенности языка художественной литературы были рассмотрены на японском и кхмерском материале в докладах *Д. Д. Платонова* (РГГУ, Москва) «Эллипсис подлежащих, выраженных местоимениями 1 лица, у Харуки Мураками» и *Т. Г. Погибенко* (ИВ РАН, Москва) «Вариативность кхмерских глагольных лексических комплексов в художественном тексте».

В выступлении *Д. С. Борисовой* (МГИМО МИД России, Москва) «Сокращения в тайском языке» рассмотрены особенности сокращений заимствованных слов в языке тайской интернет-коммуникации. Выделены два вида таких сокращений, проанализированы их графические особенности.

В докладах **второго** дня конференции (21 мая) рассматривался материал языков обширного региона, включающего Южную и Центральную Азию, Кавказ, Ближний Восток и Африку. На утреннем заседании состоялось в общей сложности семь выступлений. Заседание началось с сообщения *А. Г. Беловой* (ИВ РАН, Москва) «Звук и формообразование в арабском языке дописьменного периода». Докладчик проанализировала примеры использования звуковых эффектов в ранних арабских литературных памятниках и показала, что подобного рода приёмы нередко опираются на некоторые особенности грамматической системы арабского языка.

А. А. Блинов (ИВ РАН, Москва) в докладе «Арабские жестовые языки» обратил внимание на большое разнообразие систем невербальной коммуникации в арабском мире. Было показано, что попытки выработать единый для всех арабов язык жестов вызывали негативную реакцию в сообществе глухих и неизменно кончались неудачей. Также в докладе был продемонстрирован ряд сходств и различий между арабскими жестовыми языками и кратко описан один из них — иорданский.

В выступлении *Л. Р. Додыхудоевой* (Институт языкознания РАН, Москва) «Особенности передачи прямой речи в шугнанском языке: устное vs. письменное» был представлен анализ грамматических средств, применяемых носителями шугнанского языка (Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан) для передачи информации с чужих слов. В качестве источника материала использовались записанные в недавнее время рассказы, изначально бытовавшие в устной форме.

В докладе *З. А. Битарти* (Югоосетинский научно-исследовательский институт имени З. Н. Ванеева, Цхинвал, Республика Южная Осетия) «О письменной и устной форме осетинского

литературного языка» был рассмотрен ряд особенностей языка осетинских письменных памятников разных эпох в сопоставлении с современным устным и письменным осетинским языком.

С. П. Виноградова (Институт языкознания РАН, Москва) в своём выступлении «О бытовании сакрального текста в ситуации устной и/или письменной коммуникации (зороастрийская Авеста)» сопоставила фонетические, синтаксические и лексические особенности авестийских текстов разных эпох. Ей удалось продемонстрировать, что эти особенности характеризуют два периода передачи зороастрийской религиозной традиции: ранний, когда трансляция осуществлялась исключительно устным путём, и более поздний, когда стала использоваться и письменная коммуникация.

Лексическим особенностям языков ближневосточных клинописных текстов (аккадского и хеттского) были посвящены доклады *В. В. Дробышевой* (НИУ ВШЭ, Москва) «Термин *sa2-du11* и развитие практики регулярных храмовых приношений в древней Месопотамии: сравнительный анализ документов Саргоновского периода» и *В. А. Иванова* (Марбургский университет, Германия) «^{D}U.GUR — первая хурритограмма в клинописных текстах».

Вечернее заседание второго дня конференции было самым продолжительным и включало восемь докладов. Открылось оно сообщением *О. В. Столбовой* (ИВ РАН, Москва) «Данные письменных и бесписьменных языков в афразийской реконструкции (фонетика, морфология, лексика)». Докладчик убедительно показала важную роль материала ряда бесписьменных африканских языков в реконструкции афразийского праязыкового состояния. В некоторых случаях этот материал может дать не меньше ценной информации, чем, например, данные древних семитских языков.

Затем последовали четыре выступления, посвященные языкам Южной Азии. В докладе *Л. В. Хохловой* (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Проблемы передачи имен собственных при переводе с русского на хинди» на материале преимущественно художественных переводных текстов были продемонстрированы такие способы передачи русских имен собственных на языке хинди, как калькирование, фонетическая и фонематическая транскрипция и транслитерация. Оптимальным средством, по мнению докладчика, является практическая транскрипция, основанная на транслитерации русских имен.

А. С. Крылова (ИВ РАН, Москва) в своём сообщении «Графика языка куллуи: танкри, деванагари, латиница» рассказала об опыте разработки транскрипции для создаваемого ею онлайн-словаря индоарийского языка куллуи. Этот язык никогда не имел стандартизованной письменности, для записи текстов на нём использовалось письмо деванагари, латиница и характерное для региона Западных Гималаев письмо танкри. В словаре А. С. Крыловой создана возможность для поиска слов в деванагари и нескольких видах латинской транскрипции.

Выступление *С. С. Камаданової* (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «Письменный памятник как зеркало устной речи: интерференция пракритского узуса и санскритской нормы (на материале конструкций с инфинитивами в буддийском гибридном санскрите)» было посвящено анализу соотношения древне- и среднеиндийских элементов в санскритских буддийских текстах. Докладчик продемонстрировал трансформацию классического глагольного управления под влиянием среднеиндийского разговорного языка, а также гибридные структуры, возникшие вследствие искусственного наложения письменной нормы на разговорный субстрат.

Ряд семантических изменений в лексике дравидийских языков был разобран в докладе *А. А. Смирнитской* (ИВ РАН, Москва) «Пути развития семантического перехода: от устной креативности к словарной фиксации (на материале языков Индии)».

В выступлении *И. Б. Иткина* (ИВ РАН, Москва) «Устное и письменное в художественных текстах на тохарских языках» проанализированы особенности языка тохарских текстов, бытующих

как в письменной, так и в устной форме. Показано, что такое «двойное» бытование обусловило ряд отличительных черт структуры этих текстов.

Ю. А. Ландер (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Краткие обстоятельственные вопросы в абхазской и абазинской устной речи: префиксы без корня?» показал интересную особенность построения обстоятельственных вопросов в разговорном абхазском и части говоров абазинского языка. Если в литературном стиле такие вопросы образуются путем присоединения особых префиксов к форме сказуемого, то в устной речи префиксы могут, присоединяясь друг к другу образовывать отдельные самостоятельные слова.

Завершило заседание выступление *С. Б. Белецкого* (Институт языкознания РАН, Москва) «Пословицы и поговорки *гого* (банту, Танзания) о воровстве». Докладчик проанализировал 14 пословиц и поговорок о воровстве народности *гого* (проживает в центральной части Танзании). На основании полученных в ходе устных интервью толкований фразеологизмов была построена в первом приближении идеализированная модель концепта «воровство» в лингвокультуре *гого*.

По окончании заседания состоялась общая дискуссия с подведением итогов конференции. Было намечено издание в 2026 г. полных текстов докладов в виде сборника.

Подписано в печать 11.11.2026. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл.-печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 27,9 (а. л.)
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Вёрстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru